

ТЕАТРЪ МУЗЫКА ЖИВОПИСЬ
ЛИТЕРАТУРА

ПАНТЕОНЪ

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РАТКЕ. ДА

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЮБОВЬ И ПРЕДРАЗСУДОКЪ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, Соч. *Мелевиля*.

Переводъ *П. С. Оедорова*.

КУХМИСТЕРША. Очеркъ изъ петербургскаго быта. *М. Л. Михайлова*.

ДОКТОРЪ БЪДНЯКЪ. Разсказъ Элена Поэ.

СТАРОЕ ГОРЕ. Степная сказка. *Григорія Данилевскаго*.

ИМЕРЕТИНЪ. *Я. Полонскаго*.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЕГО ПАНЕГИРИСТЫ. (Статья вторая.) *А. Н. Спрова*.

III. МЕМУАРЫ,

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ. Изданныя *Диккенсомъ*.

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открытие лѣтняго сезона.

Дебюты. Г. г. Максимова и Ленскаго, гг-жъ Ленской, Шубертъ и Гольцъ.

Упрямство и настойчивость. Комедія въ 1 дѣйствіи. соч. *Бенедикса*, переводъ съ немѣцкаго г. *А. С.*

Фонка дурачекъ. Комическая опера въ 1 дѣйствіи, слова *М. Л. Михайлова*, музыка г. *А. Рубинштейна*.

V. СМѢСЬ.

1. **Бѣлоруссія**—въ характерическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ. *Паула Шилевскаго*.
2. **Калула.** Африканскія сцены. Сѣверо-американскій романъ. Часть первая.
3. **По очереди.** Разсказъ *Армана Барте*.
4. **Ватерло**—тридцать четыре года послѣ сраженія. Статья *Леона Гозлана*.
5. **Прогулка по Россіи.** Письмо изъ Астрахани.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Тениссонъ, современный англійскій поэтъ.— **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Пѣвица въ Калифорніи.— Погребенный виолончель.— **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Нѣсколько новыхъ наблюденій надъ пауками, воробьями и цаплями.— Новые опыты профессора Горини, объясняющіе происхожденіе вулкановъ.— **ИЗВѢСТІЯ:** Странные свадебные обычаи.— Нѣмой разговоръ.— Ревность попугаевъ.— Пренія о подкѣ на островѣ Танти.— Первый мостъ для желѣзной дороги въ Египтъ.— Статистика ружейныхъ выстрѣловъ.— Австріецъ и французъ на полѣ сраженія.— Ионійскіе острова.— Англо-саксонскіе партизаны.— Жизнь на островѣ Кубъ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Художественное: Нѣкоторыя общія размышленія — Мастерская художника. — Работы Н. А. Рамазанова и его учениковъ. — Два слова о г-жахъ Влардо-Гарси и Добре, г. Монтиньи и г-жѣ Ниссенъ. — Что такое были остальные концерты? — Манія воспѣвать концерты, въ-особенности, когда еще ихъ не было. — Зрѣлища: живыя картины, Карлъ Раппо и обезьяны. — Литература: Новыя книги. — Двѣ книжки «Москвитянина».

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

Журналъ, выходящій *перваго* числа каждаго мѣсяца. — Ученныя статьи. — Отреченіе Карла V въ переводѣ на русскій языкъ. — Какъ знакомъ переводчику не только испанскій, но даже русскій языкъ. — Паркъ въ Кіевской губерніи и красота описаній. — Новый поэтъ — Иногородный подписчикъ. — Поклоненіе Джонсу. — *Рыбаки* г. Григоровича. — Общая и частная истина въ произведеніяхъ. — Реализмъ и идеальное воспроизведеніе дѣйствительности. — Единство въ изображеніи. — Бюстъ одного великаго писателя, захваленный пріятелями. — Терпимость во вкусѣ. — Правило Талейрана. — Содержаніе *Рыбаковъ*. — Художественныя лица. — Изысканныя и неправильныя выраженія. — «Библіотека для Чтенія». — Музыкальная критика. — Поетическое путешествіе по Тульской губерніи. — *Три письма*, въ которыхъ еще болѣе поэзіи.

II. НОВЫЯ КНИГИ:

ИЗЪ РИМА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ. Сочиненіе графа *Николая Адлерберга*.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Чѣмъ занять Петербургъ. — Вертящіеся столы и столобѣсіе. — Нѣсколько анекдотовъ и случаевъ. — Адмиралтейская площадь и Екатерингофъ. — Благотворительныя лотереи. Первые признаки лѣта. — Устрицы и апельсины. — Сюрпризы. — Театральныя извѣстія. — Эмиграція актеровъ. — Слухи о Вольнисѣ, Гризи и Маріо. — Новыя пріобрѣтенія Публичной Библіотеки. — Географическое общество. — Некрологъ: отецъ Іоакимъ Бичуринъ.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 5.

МНОГО ШУМА ИЗЪ ПУСТЯКОВЪ, Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи.
Соч. А. А. Яблочкина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: — *ОТСУТСТВУЮТЪ*

I. Музыка: 1. «**НАДЪ ПОМОРЬЕМЪ ЗАЖГЛАСЯ ЛУНА**», — Романсъ, слова *Я. Щербини*, музыка *Г. И. Кузминскаго*.

2. **АЛЕХАНДРА-ПОЛКА-МАЗУРКА**, соч. *В. Пихарда*.

II. Портретъ **В. А. КАРАТЫГИНА**, съ дагеротипа, снятаго *С. Л. Левицкимъ*, не задолго до кончины артиста.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Федоромъ Хоми.

*№ 104397
18251.
7063.*

ТОМЪ IX.

МАЙ — КНИЖКА ПЯТАЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ИЗДАНИЕ

СВЯТЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ПЕЧАТЪ

ИЗДАНИЕ

1833
1833
1833

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 21-го 1833.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

ИЗДАНИЕ

СВЯТЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ПЕЧАТЪ

ИЗДАНИЕ

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ЛЮБОВЬ И ПРЕДРАЗСУДОКЪ,

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. МЕЛЕВИЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ

П. С. Оедорова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИКОЛЬСЪ ДЖЕНКИНСЪ, богатый негоціантъ.

ЛЕЛІЯ, его дочь.

СЮЛЛИВАНЪ, актеръ Дриурпленскаго театра.

СІРЪ ФРИДЕРИКЪ ДУМПЛЬ, родственникъ Дженкинса.

СОНДЕРСЪ, коммерческій маклеръ.

МИСТРИССЪ СОНДЕРСЪ, его жена.

ШЕРВИЗЪ, фабрикантъ шелковыхъ издѣлій.

МИССЪ ПЕНЕЛОПА, его сестра.

ПИКОЪ, адвокатъ.

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ, слуга Дженкинса.

ДИКСОНЪ, слуга Сюлливана.

АЛЬДЕРМАНЪ.

СЛУГИ.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ богатый залъ, меблированный въ англійскомъ вкусѣ; двери въ серединѣ и по сторонамъ; зеркала, японскія вазы, изящная мебель; нагъво отъ публики каминъ, съ бронзовыми часами и канделябрами; надъ нимъ большое зеркало. Въ глубинѣ галерея, уставленная дѣтями, съ люстрой и канделябрами. Нагъво круглый столъ, покрытый бархатною салфеткой. На окнахъ занавѣсы, на дверяхъ портьеры.

I.

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ входитъ первый въ дверь съ правой стороны; за нимъ слѣдуетъ **СЮЛЛИВАНЪ**.

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ. Пожалуйте сюда, сударь... потрудитесь подождать минуту... (*Придвигаетъ ему кресло*).

СЮЛЛИВАНЪ (*осматриваясь кругомъ*). Что все это значить?... Что тутъ за тайна?... Къ чему все эти предосторожности? (*Увидя, что Литль-Джонъ осторожно запираетъ дверь направо*). Объясни мнѣ, пожалуйста, любезный другъ...

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ. Извините!... Мнѣ неприказано отвѣчать на ваши вопросы!

СЮЛЛИВАНЪ. Но гдѣ я?

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ. Не могу сказать.

СЮЛЛИВАНЪ. Чего отъ меня хотятъ?

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (*улыбаясь*). Вы это сейчасъ узнаете... Позвольте только мнѣ узнать, точно-ли вы знаменитый Жоржъ Сюлливанъ, первый актеръ Дрюриленскаго театра?...

СЮЛЛИВАНЪ. Ну, да!.. вотъ ужъ десятый разъ ты меня объ этомъ спрашиваешь!

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ. Извините... я боюсь ошибиться!.. Извольте сами разсудить: когда дадутъ такое щекотливое порученіе...

СЮЛЛИВАНЪ. Какое порученіе?

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (показывая на кресло) Я сію минуту доложу, что вы изволили приѣхать... (Уходитъ въ среднюю дверь).

—
II.

СЮЛЛИВАНЪ, одинъ, послѣ минутнаго молчанія.

Вотъ необыкновенное происшествіе!... Рѣшительно, ничего не понимаю!... Вчера вечеромъ, подлѣ конецъ спектакля, подали мнѣ записку, въ которой просили меня быть сегодня, рано утромъ, у входа въ Гренъ-Паркъ!... Я явился... ко мнѣ подошелъ лакей и провелъ меня тысячью какихъ-то закоулковъ до этого великолѣпнаго дома... между-тѣмъ, я до-сихъ-поръ не знаю, чего я долженъ здѣсь ждать... (Садясь на-лѣво и улыбаясь) Повѣса Ловель, нашъ первый любовникъ, навѣрное, дѣлаетъ разныя предположенія по своимъ понятіямъ. (Смѣясь) Мѣра весьма рѣшительная... Но если это такъ... бѣдняжка ничего не выиграетъ у меня, будь она хоть такъ же обольстительна, какъ царица фей нашего старика Шекспира!... (Положа руку на сердце). О!... я не могу забыть моей чудной незнакомки! Воспоминаніе о ней не оставляетъ меня ни на минуту! (Вставъ) Быть-можетъ, я безумствую... но вотъ уже прошло два мѣсяца, и мнѣ все кажется, что я еще ее вижу!... Я игралъ Гамлета... Увлеченный какимъ-то вдохновеніемъ, я самъ чувствовалъ, какъ былъ высокъ въ этотъ вечеръ, и ожидалъ, что весь залъ разразится въ рукоплесканіяхъ!... Ничего не бывало!.. Толпа была холодна, неподвижна, безгласна!... Глупцы меня не поняли!.. Я былъ жестоко раздраженъ!... Какъ вдругъ, въ ложѣ... на аванъ-сценѣ... вижу женщину... такую чудную женщину, какую можно встрѣтить одинъ только разъ въ жизни!... Она была блѣдна, едва дышала... глаза ея наполнены были слезами!... Она одна поняла меня и, казалось, хотѣла выкупить собою безчувственность толпы!... (Страстно). О какъ она была прекрасна въ эту минуту!... По невольному чувству, я бросился къ ней!.. Но въ это мгновеніе рѣшетка въ ложѣ поднялась... все скрылось... и я больше ее не видѣлъ!.. (Послѣ минутнаго молчанія). Сумасшедшій Маклинъ общалъ мнѣ разузнать, кто была эта дама... и вмѣсто-того прислалъ преглупое письмо... (Садится направо, вынимаетъ изъ кармана

измятое письмо, и пробѣжавъ нѣсколько строкъ про себя, продолжаетъ въ слухъ). «Чтобъ чортъ побралъ и тебя и порученіе твое, любезнѣйшій другъ Жоржъ!... Я долженъ былъ съ страшными усилиями протолкаться, по-крайней-мѣрѣ, чрезъ половину партерной публики, для того, чтобъ достигнуть до твоей очаровательницы... но достигъ въ ту минуту, когда она садилась уже въ экипажъ... Къ довершенію несчастій, лошади такъ быстро помчались, что чуть не задавили меня!... Я справлялся о ней у всѣхъ окружавшихъ меня... одни называли ея маркизой Портландъ... другіе итальянской княжной... (Вставъ) Изъ всего этого выходитъ, что она имѣетъ знатное имя и надменныхъ родственниковъ!... Зачѣмъ онъ разспрашивалъ о ней?... Я лучше бы желалъ остаться въ неизвѣстности о ея имени!... Неизвѣстность эта позволяла-бы мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, любить ее!... а намъ артистамъ только этого и нужно!... любовь сердца... эта сладкая мечта души — воспламеняетъ нашъ талантъ... она заставляетъ съ жадностью желать славы... и чѣмъ больше мы приобретаемъ успѣховъ на сценѣ, тѣмъ пламеннѣе дѣлается эта любовь!... Я ее не видѣлъ съ-тѣхъ поръ, но каждый вечеръ воображаю, что она тамъ... въ этой закрытой ложѣ!... Теперь я играю для нея одной!... Услышу-ли шорохъ платья, или легкій вздохъ... я говорю про себя: она глядитъ на меня... она слушаетъ меня!... Каждую минуту мнѣ представляется, что я увижу ее... и даже сегодня... это таинственное приглашеніе... (Прислушиваясь). Идутъ!... наконецъ, я узнаю... Прощай моя мечта!...

III.

СЮЛЛИВАНЪ, ДЖЕНКИНСЪ, ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ.

ДЖЕНКИНСЪ (въ глубинѣ, Литль-Джону). Ты увѣренъ, что это онъ?

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (тихо). Совершенно увѣренъ!

ДЖЕНКИНСЪ (тихо). Никто не видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ домъ?

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (тихо). Я принялъ всѣ предосторожности.

ДЖЕНКИНСЪ. Хорошо... оставь насъ... скажи людямъ, что кто-бы ни пріѣхалъ — меня нѣтъ дома.

(Литль-Джонъ уходитъ).

IV.

СЮЛЛИВАНЪ, ДЖЕНКИНСЪ.

СЮЛЛИВАНЪ (*смотря издали на Дженкинса*). Это вѣрно управитель!...

ДЖЕНКИНСЪ (*смотря также на него, всторону*). Славный мужчина, право!... Забавно!.. я никогда не видѣлъ вблизи актеровъ!... (*Добродушно*). А поглядишь, такой же человекъ, какъ и другіе...

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Что онъ такъ меня разсматриваетъ?

ДЖЕНКИНСЪ (*подходя къ нему*). Если не ошибаюсь... кажется, я имѣю удовольствіе говорить съ нашимъ знаменитымъ актеромъ Жоржемъ Сюлливаномъ?...

СЮЛЛИВАНЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Опять!... Не пари-ли ужъ тутъ какое?... Кажется, вы сами можете увѣриться въ этомъ... посмотрите на меня хорошенько... лицо мое извѣстно всему Лондону.

ДЖЕНКИНСЪ (*наивно*). Извините... я никогда не бываю въ театрѣ.

СЮЛЛИВАНЪ (*съ досадою*). А!.. скажите, куда это я попалъ? у кого я въ домъ?

ДЖЕНКИНСЪ. У меня, милостивой государь!.. я Никольсъ Дженкинсъ... одинъ изъ первыхъ лондонскихъ негодіантовъ... синдикъ альдермановъ... директоръ индѣйской компаніи... мое имя очень извѣстно...

СЮЛЛИВАНЪ. Извините... я никогда не бываю на биржѣ.

ДЖЕНКИНСЪ. Bravo!.. плата тою-же монетою! Я за это не сержусь, молодой человекъ... напротивъ... дайте мнѣ вашу руку... и будемте друзьями!..

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Я отдыхаю!.. моя незнакомка не имѣетъ ничего общаго въ этомъ дѣлѣ!.. (*Вслухъ*). Признаюсь вамъ... я не понимаю до-сихъ поръ, къ чему можетъ повести свиданіе наше?... У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ съ индѣйской компаніей... (*Смотря на него*). Не предполагаю такъ-же, чтобъ и у васъ было желаніе дебютировать на театрѣ!..

ДЖЕНКИНСЪ. Дебютировать!.. показаться на сцену!.. Мнѣ, Никольсу Дженкинсу!.. Ха, ха, ха... это было бы забавно!

СЮЛЛИВАНЪ (*гордо*). Въ-такомъ случаѣ... чего же вы хотите отъ меня?

ДЖЕНКИНСЪ (*показывая на кресло*). Во-первыхъ, не угодно-ли вамъ сѣсть... а во-вторыхъ, выслушать меня спокойно... (*Увидя, что онъ колеблется*). Садитесь, пожалуйста! (*Садятся оба на львой сторонѣ*). Вы, вѣроятно, находите очень страннымъ мой поступокъ.

Но въ-продолженіе сорокалѣтней моей коммерческой жизни, я всегда дѣйствовалъ начисто въ моихъ дѣлахъ... я откровененъ какъ вексель... аккуратенъ какъ счетная книга: приходъ, расходъ, остатокъ... вотъ вся моя риторика...

СЮЛЛИВАНЪ (*улыбаясь*). Полезное правило для многихъ...

ДЖЕНКИНСЪ (*посль минутнаго молчанія*). Вы, любезнѣйшій другъ, актеръ... прекрасно!.. въ этомъ нѣтъ еще преступленія.. у всякаго свой вкусъ!.. Собственно самъ, я не ѣзжу въ театръ, потому что мнѣ тамъ скучно... да я ничего и не понимаю!.. но нѣсколько не осуждаю тѣхъ, которые находятъ въ немъ удовольствіе. Говорятъ все, что у васъ большой талантъ?...

СЮЛЛИВАНЪ. Милостивый государь... (*Всторону*). Къ чему это вѣдетъ?

ДЖЕНКИНСЪ. Говорятъ, что вы равно превосходны и въ трагедіи и въ комедіи... что весь лондонъ съ ума сходитъ отъ васъ и что Дрюриленскій театръ однимъ вамъ обязанъ тѣмъ, что обогатился отъ сборовъ...

СЮЛЛИВАНЪ. Да... все это говорить.

ДЖЕНКИНСЪ. А что вы сами отъ этого выигрываете?

СЮЛЛИВАНЪ (*оскорбясь*). Что такое?

ДЖЕНКИНСЪ. То-есть, сколько вы получаете въ годъ?

СЮЛЛИВАНЪ (*намъреваясь встать съ кресла*). Мнѣ кажется, подобный вопросъ...

ДЖЕНКИНСЪ (*удерживая его на креслахъ*). Позвольте... я не желаю васъ вовсе оскорбить... мнѣ было бы очень прискорбно сдѣлать вамъ какую-нибудь непріятность!.. Но мнѣ необходимо знать, что вамъ приноситъ театръ?

СЮЛЛИВАНЪ. Извѣстность, славу!..

ДЖЕНКИНСЪ. А кромѣ славы... которую, признаться, я не привыкъ вносить въ приходъ?

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Вотъ оригиналъ!.. (*Вслушъ*). Я никогда не считалъ своихъ доходовъ.

ДЖЕНКИНСЪ. Ну, хоть приблизительно?

СЮЛЛИВАНЪ (*равнодушно*). Отъ трехъ до четырехъ тысячъ ливровъ...

ДЖЕНКИНСЪ. Ну, положимъ для круглаго счета пять!.. Я вамъ дамъ вдвое, втрое больше, и обяжусь платить эту сумму во всю вашу жизнь, если вы согласитесь оставить театръ и Англію!.. поѣзжайте въ Америку, на твердую землю, въ Вѣну, въ Петербургъ... Поѣзжайте куда

хотите!.. Мнѣ только нужно, чтобъ вы никогда не показывались въ Лондонѣ и чтобъ здѣсь мы не слышали о васъ ни одного слова!

СЮЛЛИВАНЪ (*вставъ*). Что это, шутка, милостивый государь?..

ДЖЕНКИНСЪ (*поспѣшно*). Если вамъ мало того, что я предложилъ... извольте, я готовъ еще прибавить!

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Вотъ необыкновенное предложеніе!... (*Вслухъ*). Но какая причина заставляетъ васъ...

ДЖЕНКИНСЪ (*почесывая за ухомъ*). А! какая причина?.. Признаюсь, мнѣ не хотѣлось-бы вамъ объяснять!.. Развѣ вамъ такъ это нужно?

СЮЛЛИВАНЪ (*улыбаясь*). Очень нужно!.. Мнѣ странно, что вы, какъ сами сказали, человѣкъ откровенный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ...

ДЖЕНКИНСЪ. Правда... (*Смотря доверчиво на него*). Конечно, вы хоть и актеръ... но всѣ говорятъ, что вы человѣкъ честный!..

СЮЛЛИВАНЪ (*такъ-же*). Вы ужъ слишкомъ меня превозносите...

ДЖЕНКИНСЪ. Нѣтъ, нѣтъ... я и самъ не думаю, чтобъ званіе актера... о, напротивъ... я хочу только сказать, что у васъ есть чувства... возвышенные чувства... то-есть, что вы вполне достойны того, чтобъ... (*Всторону*). Я всегда путаюсь, когда дѣло дойдетъ до щекотливыхъ объясненій!.. (*Вслухъ*). Словомъ, такъ-какъ всѣ съ похвалою отзываются о васъ, г. Сюлливанъ... (*Съ чувствомъ*) то я и рѣшился прямо прибѣгнуть къ вашему добродушію... потому-что... я не скрываю отъ васъ... здѣсь дѣло идетъ о моемъ спокойствіи.

СЮЛЛИВАНЪ (*поспѣшно*). О! объясните же мнѣ все скорѣе... (*Снова садится*).

ДЖЕНКИНСЪ (*саясь возлѣ него*). Я не всегда былъ миллионеромъ, любезнѣйшій г. Сюлливанъ... простой, не значительный приказчикъ индѣйской компаніи, съ тремястами ливрами дохода, я женился въ Бомбей на дочери бѣднаго, но храбраго ирландца... поручика англійской арміи... въ приданое за моей женою я взялъ только согласіе и благословеніе честнаго ея отца... Хотя это согласіе не увеличило нисколько моего содержанія, но мы были очень счастливы... я любилъ мою Нанси всей душою... не менѣе любилъ я и мою индѣйскую компанію, для которой трудился съ жаромъ и уваженіемъ къ дѣлу!... Но недолго я былъ счастливъ съ моей подругой! Она скончалась, подаривъ меня дочерью... (*Утеревъ слезу*). Не буду вамъ описывать моей горести... потерять милую жену... ужасно!.. вы сами испытаете это когда-нибудь!.. Въ первыя минуты я самъ думалъ, что послѣдую за нею... и навѣрное бы умеръ, еслибъ не было на моихъ рукахъ моей крошки Мелли и спѣшной рабо-

ты, которая поручена мнѣ была тогда отъ компаніи... и положила основаніе теперешнему моему богатству...

СЮЛЛИВАНЪ. У васъ большое состояніе?

ДЖЕНКИНСЪ. Огромное, любезнѣйшій другъ!.. Какъ бы въ замѣнъ моеи потери, судьба послала мнѣ такое необыкновенное счастье... что я удвоилъ барыши компаніи... Это повело къ тому, что общество наше предложило мнѣ часть изъ своихъ выгодъ... и кончилось тѣмъ, что, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ постоянно счастливыхъ спекуляцій, я возвратился въ Лондонъ директоромъ компаніи и богатымъ, какъ Набобъ!

СЮЛЛИВАНЪ. До-сихъ-поръ, я еще не вижу изъ вашего разсказа, что-бы могло васъ беспокоить?..

ДЖЕНКИНСЪ. Погодите!.. Моя милая Лелія воспитана была въ религіи своей матери... По дѣламъ моимъ, я не могъ посвящать ей много времени, несмотря на то, что она составляла всю мою радость и гордость! Я долженъ былъ поручить ее доброй теткѣ, которая, проводя съ ней все время, обязана была доставлять ей всевозможныя разсѣянья и вывозить въ свѣтъ!.. И вотъ, въ одинъ день, пришла ей несчастная мысль отправиться съ моей Леліей въ спектакль...

СЮЛЛИВАНЪ. А! А!

ДЖЕНКИНСЪ. Эта новость, просто, очаровала мою дочь. Она стала ѣздить чаще въ театръ, и возвращалась всегда рѣшительно безъ головы, то отъ Отелло, то отъ Ромео, то отъ Просперо... словомъ, отъ всѣхъ этихъ господъ, которыхъ я вовсе не знаю!.. Въ разсказахъ своихъ она всегда упоминала ваше имя... хвалила васъ до невозможности... и кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро я съ ужасомъ замѣтилъ, что она васъ любитъ!

СЮЛЛИВАНЪ. Какъ дитя любитъ игрушку, которая его занимаетъ!

ДЖЕНКИНСЪ. Нѣтъ, нѣтъ!.. истинная страсть!.. но она не подозреваетъ, что я разгадалъ ея чувства!.. Еслибъ вы знали, что это за голова!.. восторженность и природный огонь родины — отличительныя черты ея характера, а воспитаніе, полученное ею въ Индіи, укоренило въ ней самыя странныя идеи!.. Повѣрите-ли, она забрала себѣ въ голову, что геній и талантъ въ тысячу разъ выше богатства! (*Пожимая плечами*). Нѣтъ ни малѣйшаго понятія о свѣтскихъ обычаяхъ!.. Наконецъ, она дошла уже до того, что стала положительно презирать нашу индійскую компанію, и уважать васъ также, какъ какого-нибудь знаменитаго вельможу!.. (*Съ смущеніемъ*). Сдѣлайте одолженіе, извините ее, г. Сюлливанъ!..

СЮЛЛИВАНЪ (*улыбаясь*). Я нисколько не оскорбляюсь этимъ!.. Но мнѣ кажется, вы преувеличиваете опасность!..

ДЖЕНКИНСЪ. Нѣтъ, вы ее не знаете!

СЮЛЛИВАНЪ. Повѣрьте, воображеніе молодыхъ дѣвушенъ вообще не постоянно... Какъ легко онѣ увлекаются какимъ-нибудь приключеніемъ, такъ легко и забываютъ о немъ!.. Я увѣренъ, что если вы представите ей достаточныя причины и объявите свою непремѣнную волю...

ДЖЕНКИНСЪ (*печально*). Нѣтъ, любезнѣйшій другъ, на это не станеть у меня силы!.. Вѣдь я люблю ее до безумія!.. Улыбнись она только, или поцѣлуй меня—и все кончено!.. Она дѣлаетъ изъ меня все, что захочеть!

СЮЛЛИВАНЪ (*качая головой*). Гм!..

ДЖЕНКИНСЪ. Видите ли что, г. Сюлливанъ... я того и гляжу, чтобъ она не захотѣла выйти за васъ замужъ и не принудила меня сдѣлать васъ моимъ зятемъ!.. Понимаете, какъ будетъ это для меня непріятно!.. (*Спохватясь*). То—есть... не подумайте, чтобъ вы... (*Горячо*). Но у меня ужъ есть другіе виды... другая для нея партія... одинъ изъ дальнихъ моихъ родственниковъ... который непременно будетъ, современемъ, перомъ трехъ королевствъ!.. Понимаете, тутъ есть семейный расчетъ... а между-тѣмъ эта несвоевременная любовь уничтожаетъ теперь всѣ мои надежды!.. Вотъ причины, по которымъ я прошу какъ милости, чтобъ вы уѣхали изъ Лондона!

СЮЛЛИВАНЪ (*вставъ и отходя направо*). Это не возможно, милостивый государь!

ДЖЕНКИНСЪ (*съ удивленіемъ, вставъ также*). Какъ! невозможно! послѣ того, что я вамъ предлагаю!

СЮЛЛИВАНЪ (*горячо*). Развѣ можетъ существовать такое богатство, которое могло бы вознаграждать артиста за его успѣхи на сценѣ... за это обольщеніе, эту славу, которыя составляютъ его жизнь?..

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Ну! тоже пустословіе, что я слышалъ и отъ дочери!.. (*Вслухъ, горячо*). Неужели же вы хотите употребить во зло мою довѣренность?

СЮЛЛИВАНЪ. Не безпокойтесь... сердце мое уже занято... я люблю одну особу, хотя безъ надежды... (*Со вздохомъ*). Потому—что положеніе ея въ свѣтѣ разлучаетъ насъ навсегда... Но нужды нѣтъ... всѣ сокровища вашихъ двухъ Индій не въ силахъ вырвать эту любовь изъ моего сердца!.. Еслибы даже это сердце было свободно, и тогда бы вы ничего не могли опасаться!.. Вамъ сказали, что я честный человѣкъ... и это я вамъ докажу! Во-первыхъ, чтобъ васъ успокоить, я клянусь вамъ моею честью, что никогда не буду зятемъ того человѣ-

ка... который не изъавить на то своего согласія... (Гордо). Мало того... я только тогда соглашусь жениться, когда самъ отецъ будетъ просить меня осчастливить его моимъ союзомъ съ его дочерью!

ДЖЕНКИНСЪ (съ удивленіемъ). Вотъ что!

СЮЛЛИВАНЪ. Извините, это, въ своемъ родѣ, моя личная гордость!..

ДЖЕНКИНСЪ (также). И вы готовы поклясться честью дворянина?..

СЮЛЛИВАНЪ (благородно). Честью артиста!.. Это одно и тоже!

ДЖЕНКИНСЪ (успокоясь). Слава Богу!

СЮЛЛИВАНЪ. Это еще не все!.. Хотя я нисколько не раздѣляю вашихъ мнѣній на счетъ артистовъ... но не смотря на то, вы возбудили во мнѣ участіе!.. Вы откровенно обратились ко мнѣ, и я оправдаю вашу довѣренность!.. Я хочу вылечить вашу дочь отъ романической ея любви!..

ДЖЕНКИНСЪ (съ радостью). Понимаю!.. Вы уѣдете на нѣкоторое время изъ Лондона?

СЮЛЛИВАНЪ. Нѣтъ!

ДЖЕНКИНСЪ. Такъ, стало, запретите ей входъ въ театръ?..

СЮЛЛИВАНЪ. Нѣтъ!

ДЖЕНКИНСЪ. То—есть, для того, чтобъ она не могла васъ видѣть?

СЮЛЛИВАНЪ. Напротивъ... она должна меня увидѣть!

ДЖЕНКИНСЪ (съ безпокойствомъ). Что?

СЮЛЛИВАНЪ. Пригласите меня сегодня обѣдать...

ДЖЕНКИНСЪ (съ изумленіемъ). Пригласить васъ...

СЮЛЛИВАНЪ. Да... я не шучу!

ДЖЕНКИНСЪ. Но...

СЮЛЛИВАНЪ. Пригласите еще нѣсколько человѣкъ... только немногихъ...

ДЖЕНКИНСЪ (колеблясь). У меня безъ того обѣдаютъ сегодня нѣкоторые пріатели... конечно, не изъ блестящаго круга... но старые пріатели... друзья того времени, когда я еще былъ бѣденъ... Я люблю прежнія мои связи... съ этими людьми я всегда въ своей тарелкѣ...

СЮЛЛИВАНЪ. Ну, вотъ и прекрасно!

ДЖЕНКИНСЪ. Да... но въ такомъ случаѣ я отправлю куда—нибудь мою дочь...

СЮЛЛИВАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ!

ДЖЕНКИНСЪ (съ удивленіемъ). Нѣтъ?..

СЮЛЛИВАНЪ. Вы посадите меня за столъ возлѣ нея...

ДЖЕНКИНСЪ. Возлѣ?.. А! стало вы имѣете способность убѣждать большихъ...

СЮЛЛИВАНЪ (подавая ему руку). Г. Дженкинсъ!.. вы сомнѣваетесь во мнѣ?

ДЖЕНКИНСЪ (пожимая ему руку, съ увлеченіемъ). Нѣтъ, клянусь!.. Не можетъ быть, чтобъ подъ этой наружностью скрывались обманъ и лукавство!.. Рѣшено... я васъ жду къ обѣду.

СЮЛЛИВАНЪ. А черезъ два часа послѣ, вы можете выдать вашу дочь за ея жениха... Она будетъ сама просить васъ объ этомъ!

ДЖЕНКИНСЪ. Неужели?

СЮЛЛИВАНЪ. Можете даже приготовиться къ этому!

ДЖЕНКИНСЪ (съ сильнымъ порывомъ). О! если вы это сдѣлаете...

СЮЛЛИВАНЪ (благородно). Я далъ вамъ слово.

ДЖЕНКИНСЪ (пожимая ему руку). Вы честнѣйшій человекъ!

СЮЛЛИВАНЪ. Прощайте. (Уходитъ въ среднюю дверь).

—

V.

ДЖЕНКИНСЪ, ПОТОМЪ ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ.

ДЖЕНКИНСЪ (одинъ). Мнѣ кажется, что его мысль... Но въ чемъ же заключается его мысль?.. Э! Да вотъ увидимъ... (Хладнокровно). Дѣло въ томъ, я что ничего не понимаю!.. Но если онъ ручается за успѣхъ, такъ и довольно!.. (Садясь направо къ столу, пишетъ). Напишемъ поскорѣе почтенному г. Мортону... священнику нашей приходской церкви... чтобъ онъ приготовилъ все... завтра... къ десяти часамъ утра... для бракосочетанія... (Запечатывая письмо и подписывая адресъ). Я ужъ испыталъ... когда дашь время на размышленіе... ужъ всегда встрѣтишь препятствіе... (Звонитъ. Литль-Джону, который входитъ въ среднюю дверь). Отправь это письмо... по адресу. (Литль-Джонъ уходитъ). Поспѣшность въ этомъ дѣлѣ необходима, потому-что нерасположеніе Леліи къ Фридеріку становится замѣтнѣе съ каждымъ днемъ!.. Если такъ продолжится, то она, просто, будетъ его, наконецъ, ненавидѣть... а какъ обвѣнчаются... (Налъво, въ комнату, слышенъ споръ между Леліей и сирь Фридерікомъ). Вонъ они!.. Всякій подумаетъ, что они ужъ давно обвѣнчаны!.. Опять спорять!..

—

VI.

ЛЕЛІА, СИРЪ ФРИДЕРИКЪ, ДЖЕНКИНСЪ.

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*выходя первымъ изъ комнаты съ лъвой стороны*). Но выслушайте, милая Лелія...

ЛЕЛІА. Вы говорите совершенную нелѣпость...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Вамъ кажется это потому, что я не согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ.

ЛЕЛІА. Неправда!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Да вотъ лучше всего, возьмете въ посредники дядюшку... (*Идетъ на лъво, въ глубину сцены, и ставитъ шляпу на диванъ*).

ЛЕЛІА. Хорошо, я согласна... (*Подбѣгая къ Дженкинсу и цѣлуя его*) Здравствуйте, папа!.. Я васъ сегодня еще не видѣла... Какъ здоровье ваше?

ДЖЕНКИНСЪ. Въ отличномъ состояніи, мой дружокъ!.. (*Любуясь ею и цѣлуя ее нѣсколько разъ*). А тебя и не спрашиваю... Такъ-же свѣжа и прекрасна!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*Дженкинсу*). Разсудите нашъ споръ, дядюшка...

ДЖЕНКИНСЪ (*держа въ объятіяхъ дочь, которая къ нему ласкается, сиръ Фридерикю*). Охотно!.. И скажу тебѣ прямо, что ты виновата...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Развѣ вы знаете причину нашего спора?

ДЖЕНКИНСЪ. Нѣтъ... Но я ужъ заранѣе перехожу на сторону Леліи!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*улыбался*). Странно!.. А еще вчера, при подобномъ разговорѣ, вы думали совершенно такъ же, какъ я!

ДЖЕНКИНСЪ. Развѣ у васъ шелъ разговоръ о свадьбѣ дюшессы Норфолькъ? А! Это дѣло другое.

ЛЕЛІА (*подходя къ столу на лъво*). Извините, судейскій приговоръ произнесенъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Ее не будутъ принимать нигдѣ въ хорошихъ домахъ!

ЛЕЛІА (*съ ироніей*). Скажите, какое несчастіе!.. Да она и сама не поѣдетъ... Повѣрьте, можно препріятно жить и безъ этого знакомства... Удивительные люди!.. Кажется, разъ она исполнила уже волю своихъ родныхъ... была, противъ желанія, за мужемъ за старикомъ... Такъ нѣтъ, свѣтъ не хотѣлъ дать ей свободы и тогда, какъ она осталась молодой вдовою... И зато, что бѣдняжка выбрала себѣ

второго мужа по сердцу, вся старая Англія присудила ее къ изгнанію!.. Воля ваша, тутъ нѣтъ и тѣни справедливости! (*Садится съ работой у стола нальво*).

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Не должно никогда оскорблять свѣтскія личія!

ЛЕЛІА. По моему, то сердце, которое повинуется однимъ только свѣтскимъ при личіямъ, нельзя назвать сердцемъ... Это какая-то машина!

ДЖЕНКИНСЪ (*съ удовольствіемъ, всторону*). Умна, какъ демонъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Но выдти замужъ за живописца!..

ЛЕЛІА (*съ восторгомъ*). А этотъ живописецъ своими произведеніями приноситъ честь Англіи, потому-что онъ ея гражданинъ.

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Я ужъ не говорю о томъ, что онъ не хорошъ собою...

ЛЕЛІА. Развѣ человѣкъ съ талантомъ можетъ быть дурень?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Конечно можетъ, если онъ дѣйствительно дурень!.. Вотъ увидите, на нее будутъ все указывать пальцемъ...

ЛЕЛІА (*горячо*). Кто? глушцы, болтуны и... (*Смотря на сирѣ Фридерика*) какіе-нибудь денди... Но она ихъ больше не увидитъ... Это тоже своего рода счастье!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*весело*). Ну! наша индѣйская головка воспламенилась!.. родное солнышко пригрѣло сердце!.. Миѣ кажется, милая Лелія, вы объявили войну... на смерть... нашимъ британскимъ обычаямъ!..

ЛЕЛІА. Да, признаюсь, они для меня непонятны!.. Чего же вы и хотите отъ меня?.. Вѣдь я почти дикарка!.. Однакожъ и вы... взгляните попристальнѣе на вашу Англію... Она такъ важна... Она гордится своимъ образованіемъ... а право, нельзя смотрѣть безъ смѣха, до какой степени у васъ люди презираютъ другъ-друга! Высшее купечество ничего не видитъ, кромѣ своей высшей коммерціи... Оно пренебрегаетъ нижними слоями своихъ собратій... А эти платятъ тою же монетою лавочникамъ... Круговая порука... рикшетный полетъ гордости!.. Все это клевететь другъ на друга... завидуетъ другъ-другу!.. А поразсмотрѣть внимательнѣе, такъ все эти люди ничто иное, какъ одни и тѣже торгошники имбиремъ, корицей, сахаромъ и индиго!

ДЖЕНКИНСЪ (*подходя къ Леліи*). Погоди, мой дружокъ... прошу не нападать на сахаръ и индиго!.. Эти вещи заслуживаютъ большое уваженіе!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*иронически*). Такъ, по вашему, мы все ничто иное, какъ варвары! И только въ одномъ Бомбей можно найти истинныхъ людей!

ЛЕЛИЯ (*вставъ*). Въ Бомбей презирають только того, кто достоинъ презрѣнiя... а уважають человѣка по достоинству... не разбирая богатъ ли онъ, или... (*Смотря на сиръ Фридерика съ иронiей*). Хорошо ли повязанъ его галстухъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*заботливо*). Что?.. (*Дженкинсу*). Посмотри-те, развѣ мой галстухъ не въ порядкѣ?

ДЖЕНКИНСЪ. О, нѣтъ!

ЛЕЛИЯ (*смѣясь*). Онъ безпороченъ!.. (*Всторону*). Вотъ его единственное достоинство!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. О, насмѣшница!..

ДЖЕНКИНСЪ (*желая прекратить ихъ споръ*). Ну, ну, довольно... Полно вамъ спорить!.. (*Сиръ Фридерикъ*). Ты объдаешь у насъ, Фридерикъ?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Невозможно, дядюшка!.. Я далъ слово объдаться у моего родственника, лордъ-мера...

ЛЕЛИЯ (*всторону*). Тѣмъ лучше!.. (*Садится снова нальво*).

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Обѣдъ будетъ убійственный, на славу!.. (*Подходя къ Лелии*). Но я посвящу вамъ весь вечеръ.

ЛЕЛИЯ. Боже мой! не стѣсняйте себя, если у васъ есть въ виду какое-нибудь удовольствiе.... Развѣ вы не будете сегодня въ спектакль?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Фи! Можно-ли ѣздить въ театръ, когда нѣтъ на сценѣ Сюлливана?

ЛЕЛИЯ (*чистосердечно*). А! онъ не играетъ сегодня?

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Притворяется!... Она это знаетъ лучше его!

ЛЕЛИЯ. Ужъ не болѣнъ-ли онъ?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. О, нѣтъ!

ЛЕЛИЯ. Вы съ нимъ знакомы?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Очень хорошо знакомъ!... Мы извѣстны всѣ артисты.... Я часто бываю въ театрѣ.... люблю говорить съ актрисами и дебютантками.... (*Спохватясь*) То-есть, я даю имъ совѣты.... очень полезные совѣты для ихъ искусства.... (*Утвердительно*) собственно для ихъ искусства....

ЛЕЛИЯ. А что за человѣкъ этотъ Сюлливанъ?... Мы очень хочется знать ваше мнѣнiе о немъ.... у васъ много вкуса!...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*ободренный*). О! помидуйте!... впрочемъ, приобрѣсть вкусъ человѣку образованному вовсе немудрено.... привычка къ сценѣ, вѣрный взглядъ.... и довольно.... вкусъ сейчасъ явится!..

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Какъ онъ простъ!... и не замѣчаетъ, чего она хочетъ.... ей только и нужно, чтобъ онъ разболталъ....

ЛЕЛИЯ. И такъ... какое же ваше мнѣніе?...
 ДЖЕНКИНСЪ (*перебивая ея, сирѣ Фредерику*). Послушай... вѣдь тебя будетъ ждать лордъ-меръ... онъ обѣдаетъ ровно въ три часа!...

ЛЕЛИЯ. О, нѣтъ.... еще успѣеть!... Я очень люблю разговоры о театрѣ....

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*еще болѣе ободренный*). Любите?... очень радъ... (*Тихо Дженкину*) Этотъ разговоръ можетъ насъ сблизить...

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Да! славно сблизить!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Видите что, кузина... по моему мнѣнію, нашъ великій Сюзливанъ... это такой талантъ... то-есть, я нахожу, что у него талантъ... талантъ...

ЛЕЛИЯ. Удивительный! чудный!...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Именно!... я это и хотѣлъ сказать!... Какую бы онъ роль ни игралъ, можно прямо, закрывши глаза, кричать: удивительно! чудно!... чудно!... удивительно!...

ЛЕЛИЯ. А характеръ его, умъ?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. О! характеръ отличный... умъ острый!... манеры самыя благородныя... Ну, знаете... принять въ лучшихъ обществахъ... любимъ дамами...

ЛЕЛИЯ (*съ смущеніемъ*). А!

ДЖЕНКИНСЪ. Какъ всѣ, эти господа!.. нечего сказать, предезкій наростъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*смѣясь*). Противъ этого не спорю!.. У насъ вообще искусства позволяютъ себѣ многое! (*Въ полголоса Дженкинсу*). Зато ужъ какъ его не любятъ почтенные мужья и отцы!... хе, хе, хе!...

ДЖЕНКИНСЪ (*съ безпокойствомъ*). Отцы?... ты увѣренъ?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*тихо Дженкинсу, смѣясь*). О! Сюзливанъ разыгрываетъ съ ними удивительныя штуки и надуваетъ мастерски!...

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Ахъ, Боже мой! а я позволяю его въ объѣду!...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*тихо Дженкинсу*). А намъ что за дѣло!... Пусть его дурачить глушцовъ!

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Чортъ-бы его побралъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*вслухъ*). Наконецъ, я долженъ сказать, что онъ самый откровенный и честный человѣкъ!... Настоящій джентельменъ... Я знаю навѣрное, что онъ во всю жизнь никогда ни разу не измѣнялъ своему обѣщанію!

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Это меня успокоиваетъ немного... (*Вслухъ, становясь между ними*). Кстати объ обѣщаніи... поговоримте, дѣти

мои, о вашей свадьбѣ!... (Лелія) Намъ надо назначить день!... (Лелія встаетъ).

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (весело). Ахъ, да!... надо!

ЛЕЛИЯ (перебивая его). Послушайте!... вѣдь васъ ждетъ лордъ-меръ!... онъ обѣдаетъ ровно въ три часа!...

ДЖЕНКИНСЪ. Еще поспѣеть.

ЛЕЛИЯ (взявъ шляпу Фредерика). Нѣтъ, нѣтъ!... Я не хочу, чтобъ на него сердились; ему надо ѣхать сію минуту!... (отдаетъ ему шляпу).

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (нѣжно). Для того, чтобъ возвратиться къ вамъ раньше? неправда ли?

ЛЕЛИЯ (любезно). Вы удивительно какъ угадываете мысли!... Прощайте же, Сирь Фредерикъ!... кланяйтесь тетускѣ и Арабеллѣ!...

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (восхищенный). Непремѣнно!... (Тихо Дженинсу). Рѣшительно, съ каждымъ днемъ я дѣлаю больше и больше успѣховъ!...

ДЖЕНКИНСЪ (всторону). Нечего сказать, страшные успѣхи!... (Тихо Сирь Фредерикъ). Пріѣзжай пораньше вечеромъ!... я тебя готовлю сюрпризъ!

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (тихо). Мнѣ, дядюшка?

ДЖЕНКИНСЪ (тихо, выпроваживая его). Тсъ!... ступай, ступай!... (Сирь Фредерикъ кланяется Леліи и уходитъ въ среднюю дверь).

—
VII.

ДЖЕНКИНСЪ, ЛЕЛИЯ.

ЛЕЛИЯ. Что вамъ говорилъ, папа, по секрету Сирь Фредерикъ?

ДЖЕНКИНСЪ (стараясь замаять разговоръ). Онъ!... онъ говорилъ о тебѣ!... о своемъ нетерпѣніи!... Дѣйствительно, мой дружокъ, надо кончить это дѣло!... Ты, кажется, не можешь пожаловаться, чтобъ я былъ строгъ съ тобою!... Я исполняю почти всѣ твои желанія!... даю въ волю денегъ на твой туалетъ!... мнѣ пріятно видѣть тебя въ блескѣ!... я хочу, чтобъ весь свѣтъ любовался тобою!... я горжусь этимъ!... Но будь же и ты снисходительна ко мнѣ!... Тебѣ извѣстно, какъ я желаю, чтобъ ты вышла за Фредерика!... Въ этомъ бракѣ заключаются всѣ мои надежды!... Такъ рѣши же, когда мы должны назначить день вашей свадьбы?

ЛЕЛИЯ (*обнявъ его и ласкалась къ нему*). Добрый папаша!...

ДЖЕНКИНСЪ (*улыбаясь противъ воли*). Добрый папаша!... Этимъ начинается всегда, когда ты захочешь чего-нибудь такого, чего я не хочу!

ЛЕЛИЯ (*также*). Охъ, ужъ этотъ несносный Фридерикъ!.. Онъ мнѣ вовсе не нравится!...

ДЖЕНКИНСЪ. Не нравится!... да, потому-что ты забрала себѣ въ голову, что онъ недолюбенъ тебѣ нравится!... Ну, разсуди сама, что въ немъ худаго?... Онъ вовсе недурень собой!... принять въ лучшихъ обществахъ, и съ протекціей своего дѣда, виконта Дюдлея, будетъ непременно перомъ Англіи.... это не бездѣлица!...

ЛЕЛИЯ. Э, Боже мой, папа... получить титулъ не мудрено.... мудрено носить его!... Для меня нѣтъ ничего непріятнаго положенія той женщины, которая не можетъ гордиться своимъ мужемъ!...

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Ну, опять за старую пѣсню!

ЛЕЛИЯ (*съ ироніей*). Нечего сказать, пріятно мнѣ будетъ слышать, когда начнутъ рассказывать, что платье на моемъ мужѣ сшито первымъ портнымъ въ Лондонѣ и по послѣдней модѣ.... что у него чудныя лошади и экипажи!... потомъ, что еще?... да почти ничего... Развѣ прибавятъ только.... и то самые любезные болтуны.... что онъ удивительно мѣтко стрѣляетъ дичь.... или что онъ никогда не выходитъ изъ-за стола безъ того.... (*Съ презрѣніемъ*) чтобъ голова его....

ДЖЕНКИНСЪ. Помилуй!... да это дѣлаютъ всѣ порядочные англичане!... конечно, они пьютъ.... но никогда не забываютъ своего положенія въ свѣтѣ.... и даже при лишней рюмкѣ ведутъ себя какъ умные и образованные люди!.. Ты забываешь, мой дружокъ, какъ искренно привязанъ къ намъ Фридерикъ!... А ужъ какъ онъ тебя страстно любитъ....

ЛЕЛИЯ (*качая головой*). Да.... три четверти этой страсти происходятъ оттого, что я единственная ваша дочь!... Посмотрите, какъ онъ любезенъ!... Напримѣръ, хоть сегодня, онъ оставилъ насъ однихъ почти на весь день!...

ДЖЕНКИНСЪ. Ты несправедлива!... вѣдь сама же ты прогнала его....

ЛЕЛИЯ. Потому-что я видѣла, какъ онъ этого хотѣлъ....

ДЖЕНКИНСЪ. Странно! ты теперь сожалѣешь, что онъ уѣхалъ!

ЛЕЛИЯ (*горячо*). Я? несколько!... но мнѣ досадно!... Я знаю, какъ вы любите вечеромъ играть въ трикъ-тракъ... и по милости его у васъ не будетъ сегодня партіи!... Ему и дѣла нѣтъ до этого!... Онъ будетъ тамъ веселиться.... а мы вотъ скучай здѣсь одни!... Да впро-

чемъ... (*Съ досадою*) По моему, ужъ лучше сидѣть одной и размышлять о чемъ-нибудь, чѣмъ видѣть предъ собой ненавистную фигуру!...

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*) Ой! ой!... (*Вслухъ, весело*) Ты ошибаешься, мой дружокъ... мы и сами сегодня будемъ веселиться!

ЛЕЛІЯ (*съ удивленіемъ*). Неужели?

ДЖЕНКИНСЪ. Да... мнѣ пришла мысль разсѣять тебя и устроить маленькій вечерокъ.

ЛЕЛІЯ (*весело*). Прекрасная мысль!

ДЖЕНКИНСЪ. Я пригласилъ къ обѣду нѣкоторыхъ пріятелей...

ЛЕЛІЯ (*съ маленькой гримасой*). А! вашихъ биржевыхъ друзей!

ДЖЕНКИНСЪ. Да... прелюбезные люди!

ЛЕЛІЯ (*всторону*). Удивительно любезны!... (*Вслухъ*) Скажите, нужно мнѣ переодѣться?...

ДЖЕНКИНСЪ. Нѣтъ, нѣтъ!... между нами недолжно быть никакой церемоніи!... (*Средняя дверь открывается*). А! вотъ!... кажется, я слышу...

VIII.

ТЪЖЕ, МЕРВИНЪ, МИСЪ ПЕНЕЛОПА, ПИКОКЪ, СОНДЕРСЪ, Г-ЖА СОНДЕРСЪ, ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ.

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (*докладывая у среднихъ дверей, въ галереи*). Г. Сондерсъ съ супругою!...

ДЖЕНКИНСЪ (*идя имъ на встрѣчу*). Чрезвычайно радъ!... любезнѣйшіе друзья...

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (*также*). Г. Пикокъ!... Г. Мервинъ и мисъ Пенелопа!...

ЛЕЛІЯ (*всторону*) Ну, правду сказать!.. Общество самое уморительное!... Бѣдный папа!... (*Дженкинсъ раскланивается съ дамами и пожимаетъ руки мужчинъ*).

ДЖЕНКИНСЪ. Чтó такъ поздно, господа?...

СОНДЕРСЪ (*громко хохоча*). Жена виновата... Ужъ эти женщины! Бѣда съ ними! Конца нѣтъ ихъ сборамъ.... Рѣшительно, нѣтъ конца ихъ сборамъ!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Молчите лучше, г. Сондерсъ!... (*Леліи*) У него необыкновенная страсть смѣяться надъ нами!... А вы сами посудите, душа моя.... какъ не потерять головы съ такимъ мужемъ, который

цѣлый день сидитъ въ своей конторѣ и знать ничего не хочетъ о своемъ семействѣ!... Въдъ у меня семеро дѣтей... надобно за ними присмотрѣть, покормить... а ему и горя мало... (*Увидя Пенелопу*). А! здравствуйте, мисъ Пенелопа!

МИСЪ ПЕНЕЛОПА (*жеманно*). Мистриссъ...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Какъ вы счастливы, что у васъ нѣтъ такихъ заботъ!... Вы, говорятъ, совсѣмъ отказались отъ замужства... (*Смотря на мужа*). И прекрасно дѣлаете!

МЕРВИНЪ (*насмѣшливо*). О!... сестра моя не хочетъ замужъ... потому-что...

МИСЪ ПЕНЕЛОПА (*перебивая его, сухо*). Потому-что не хочу!... Цвѣты и литература... вотъ моя страсть... она сродна моему нѣжному и чувствительному характеру!... (*Леліи*). Я увѣрена, что мисъ Лелія понимаетъ меня и вполнѣ согласна со мною...

ЛЕЛІЯ (*пожимая плечами*). Совершенно согласна!..

ДЖЕНКИНСЪ (*ударивъ по плечу Пикока*). За то ужъ какъ недоволенъ этимъ нашъ бѣдный Пикокъ!.. (*Въ-полголоса*). Легко-ли, вздыхаетъ лѣтъ десять!

МИСЪ ПЕНЕЛОПА (*жеманно*). Ахъ, мистръ Дженкинсъ!.. (*Отходитъ въ глубину сцены нальво*).

ПИКОКЪ (*со вздохомъ*). Ухъ!.. (*Отходитъ также въ глубину*)

ДЖЕНКИНСЪ. Нѣтъ-ли, господа, чего новаго?

СОНДЕРСЪ. Важныя новости!.. Упала цѣна на хлопчатую бумагу!

МЕРВИНЪ. А на лонскіе шелковые товары возвысилась!

ЛЕЛІЯ (*всторону*). Боже мой!.. Неужели весь день мнѣ придется слышать подобные разговоры! (*Вслухъ, отходя въ глубину*). Папа!.. я прикажу подавать къ столу!

ДЖЕНКИНСЪ (*съ безпокойствомъ, смотря въ глубину сцены*). Погоди... одну минуту... я жду еще одного гостя... (*Лелія подходитъ къ Дженкинсу съ правой стороны*). Онъ обѣщалъ быть непременно!

ЛЕЛІЯ. Кто-же это?

IX.

ТѢЖЕ, ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ.

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (*докладывая у среднихъ дверей, въ галерею*). Г. Жоржъ Сюзливанъ!

ВСЪ. Сюлливанъ!

ЛЕЛИЯ (какъ пораженная, всторону). Чтѣ я слышу!

СОНДЕРСЪ (*Дженкинсу*). Это актеръ Дрюлиленскаго театра?

ДЖЕНКИНСЪ. Да!.. (*Литль-Джонъ*). Проси его! (*Литль-Джонъ скрывается*).

ЛЕЛИЯ (*въ сильномъ удивленіи*). Боже мой!.. неужели... Сюлливанъ!..

ПИКОКЪ (*Дженкинсу*). Вы его при... приглашали?..

ДЖЕНКИНСЪ (*добродушно*). Да приглашалъ!.. О немъ такъ много говорить... просто, вкружилъ всѣмъ голову... Ну, а какъ я, знаете, никогда не бываю въ театрѣ, такъ и вздумалъ посмотрѣть на это чудо у себя дома, и потому пригласилъ его обѣдать...

ВСЪ (*кромя Пенелопы, аплодируя*). Прекрасно! безподобно!..

ЛЕЛИЯ (*всторону*). Я такъ дурно одѣта... я перепугаю его... Ско- рѣе!.. (*Уходитъ въ комнату нальво*).

СОНДЕРСЪ. Онъ, вѣрно, продекламируетъ намъ какіе-нибудь стихи...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Попросите его сыграть какую-нибудь роль...

ПИКОКЪ. Изъ тра... трагедіи...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Какъ жаль, правѣ, что я не привела съ собой дѣтей!..

СОНДЕРСЪ (*хохоча*). Всѣхъ семерыхъ?

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*съ досадой*). Ну, да! всѣхъ семерыхъ!..

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (*жеманно*). Миѣ кажется, что обѣдать съ акте- ромъ...

МЕРВИНЪ (*сестрѣ*). А что-же?.. компанія совершенно по тебѣ!..

Тоже, въ своемъ родѣ, сочинитель!

СОНДЕРСЪ (*громко хохоча*). Между артистами церемоніи въ сторону!

ДЖЕНКИНСЪ. Вотъ вы увидите, какъ онъ насъ позабавитъ!

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (*показываясь въ среднихъ дверяхъ*). Г. Сюлливанъ!..

ВСЪ (*съ любопытствомъ*). А!..

X.

ТѢЖЕ, СЮЛЛИВАНЪ. Онъ одѣтъ гораздо пысканнѣе, чѣмъ въ первыхъ сценахъ.

СЮЛЛИВАНЪ (*Литль-Джонъ въ дверяхъ*). Скажи, чтобъ моя ка- рета была здѣсь ровно въ одиннадцать часовъ. (*Литль-Джонъ скры- вается*).

СОНДЕРСЪ (*тихо прочимъ гостямъ*). Карета!.. Слышите у него есть карета!

ПИКОКЪ (*такъ же тихо окружающимъ*). А у меня нѣ... нѣтъ кареты... а есть...

ДЖЕНКИНСЪ (*про себя*). Смотрите, какъ разодѣлся!.. Для чего же это?.. Онъ на мои глаза еще лучше, чѣмъ былъ давеча!.. (*Идетъ къ нему навстрѣчу*).

СЮЛЛИВАНЪ (*ловко и свободно раскланиваясь направо и налево*). Господа!.. Любезнѣйшій мистръ Дженкинсъ!.. Вы видите, съ какою готовностью я принялъ ваше приглашеніе!.. Я отказалъ для васъ дюшесѣ Ньюкастль и двумъ лордамъ адмиралтейства!.. Но я не сожалею... важное общество не въ моей натурѣ... я лучше люблю дружескую бесѣду... (*Смотря на гостей съ дерзкой улыбкой*) Какъ на примѣръ, здѣсь... все добрые граждане!.. люди неперемонные!..

ДЖЕНКИНСЪ (*добродушно*). Дѣйствительно... вы угадали... (*Тихо*). Вы не забыли своего обѣщанія, мой добрѣйшій г. Сюлливанъ? (*Отходитъ съ нимъ въ глубину сцены, налево. Всѣ прочіе остаются въ сторону, направо.*

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*тихо, прочимъ*). Онъ не дурень!

СОНДЕРСЪ (*дѣлая гримасу*). Пфу!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*смотря на мужа*). Даже очень не дурень!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (*въ-полголоса*). Манеры не совсѣмъ приличныя...

МЕРВИНЪ (*такъ же*). Правда!.. слишкомъ щурить глаза!..

ПИКОКЪ (*такъ же, заикаясь*). Это знаете отъ ру... румянъ... Они очень ѣдки!.. Мнѣ говорилъ одинъ му... музыкантъ изъ оркестра, что эти го... господа тратятъ по десяти гор... горшечковъ въ вечеръ...

ВСЪ (*въ полголоса*). Неужели!..

СЮЛЛИВАНЪ (*подходя съ Дженкинсомъ на аванъ-сцену, налево, тихо*). Считайте меня самымъ ничтожнымъ человѣкомъ, г. Дженкинсъ, если къ концу вечера я не измѣню мыслей вашей дочери... я увѣренъ, что она не захочетъ никогда меня больше видѣть!.. (*Вслухъ*). Но представьте-же меня, пожалуйста, вашему семейству и друзьямъ...

ДЖЕНКИНСЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ... (*Представляя по порядку гостей*). Свѣтило королевскаго банка... мистръ Пикокъ, адвокат!.. г. Мервинъ, богатый негоціантъ, ведущій торговлю шелковыми издѣліями!.. сестрица его, миссъ Пенелопа... знаменитая писательница...

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Синій чулокъ!

МЕРВИНЪ (*насмѣшливо*). Только ничего еще не печатала!..

СЮЛЛИВАНЪ (*вслухъ любезно*). Очень жаль!.. а довольно взглянуть въ эти прекрасные глаза... они обличаютъ большой талант!..

МИСЬ ПЕНЕЛОПА (*въ удовольствіи, тихо дружимъ*). У него очень пріятный голосъ!

ДЖЕНКИНСЪ (*продолжая представлять гостей*). Мой искренній другъ Сондерсъ... коммерческій маклеръ... и супруга его... у которой, могу сказать, тьма достоинствъ...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*подходя къ Сюлливану и фамильярно присѣдая передъ нимъ*). И семеро дѣтей, г. Сюлливанъ!..

СЮЛЛИВАНЪ. Семеро дѣтей!... Это удивительно!..

Г-ЖА СОНДЕРСЪ Да-съ!.. Зато ужъ сколько мнѣ хлопотъ съ ними!.. одного одѣнь, другаго вымой, третьяго накорми, пятому дай игрушку... шестому... словомъ, цѣлый день въ хлопотахъ!.. цѣлый день!..

—

ХІ.

ТѢЖЕ, ЛЕЛІА.

ДЖЕНКИНСЪ (*отыскивая глазами Лелію*). Наконецъ, рекомендую Лелію... единственную дочь... но гдѣ-же она? (*Увидя Лелію, которая выходитъ изъ дверей съ лѣвой стороны, въ роскошномъ платьѣ и уборѣ, всторону*), Вотъ тебѣ разъ! и она тоже разодѣлась!.. Да этого и надо было ждать... а я... (*Бьетъ себя по лбу*).

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Нечего сказать, общество довольно забавное!.. если въ этомъ родѣ и дочка...

ДЖЕНКИНСЪ (*съ неудовольствіемъ, вслухъ, показывая на Лелію*... Вотъ дочь моя, г. Сюлливанъ...

СЮЛЛИВАНЪ (*подходя къ ней и кланяясь*). Миссъ...

ЛЕЛІА (*съ волненіемъ, опустя глаза*). Г. Сюлливанъ.

СЮЛЛИВАНЪ (*взглянувъ на нее, всторону*). Боже!.. Это она!.. моя незнакомка!..

ДЖЕНКИНСЪ. Чтѣ съ вами?

СЮЛЛИВАНЪ (*посль минутнаго молчанія, вслухъ, съ замѣшательствомъ*). Извините!.. я никакъ не ожидалъ... еслибъ я зналъ...

ДЖЕНКИНСЪ. Чтѣ?

СЮЛЛИВАНЪ. Еслибъ я могъ предвидѣть...

ДЖЕНКИНСЪ. Да чтѣ такое?

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Боже мой!.. чтѣ я сдѣлалъ!

ЛЕЛІА (*съ восторгомъ, всторону*). Онъ здѣсь... близъ меня!.. но я не смѣю поднять глазъ!

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону, смотря на нихъ*). Кажется, я съдѣлалъ непростительную глупость!.. Лелія себя не помнитъ отъ радости... этотъ... (*Подходя къ Сюлливану, тихо*), Скажите, скоро-ли вы начнете? (*Сюлливанъ какъ-бы не слышитъ*) Вспомните, что вы мнѣ обещали...

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону, оправясь*). Онъ правъ!.. я долженъ исполнить обещаніе!.. честь прежде всего!.. (*Тихо, Дженкинсу, задыхающимся голосомъ*). Будьте покойны!.. я сдержу мое слово!

ДЖЕНКИНСЪ (*тихо ему*). Я надѣюсь на васъ!..

Средняя дверь открывается. Показывается Литль-Джонъ и нѣсколько мисрейныхъ лакеевъ, съ салфетками въ рукахъ.

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (*докладывая*). Кушать подано!

МЕРВИНЪ. Да, ужъ и время!

ДЖЕНКИНСЪ. Милости просимъ, господа...

СОНДЕРСЪ (*предлагая руку мисъ Пенелопъ*). Миссъ Пенелопа!..

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). О, еслибъ я зналъ!.. Я готовъ отдать жизнь, чтобъ только не быть теперь въ этомъ домѣ!..

ДЖЕНКИНСЪ (*Сюлливану, показывая на дочь*). Пойдемте же, дорогой гость!.. Лелія въ восторгъ. Сюлливанъ беретъ ее подъ руку и всъ попарно уходятъ въ среднюю дверь.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Таже декорация.

Послѣ перваго дѣйствія занавѣсъ не опускается. Во-время антракта входятъ на сцену слуги. Они освѣщаютъ люстру и жирандоли; налѣво, на кругломъ столѣ, готовятъ все, что нужно для чая: ставятъ чайный приборъ, самоваръ и пр.; направо, раскидываютъ ломберный столъ для игры, кладутъ на него карты и ставятъ зажженные свѣчи.

I.

МИССЪ ПЕНЕЛОПА, Г-ЖА СОНДЕРСЪ, ЛЕЛІЯ.

Онъ входитъ въ среднюю дверь. Лелія садится въ задумчивости у стола направо. Миссъ Пенелопа и г-жа Сондерсъ располагаются у стола на налѣво и готовятъ чай.

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*входя*). Боже мой, какой шумъ!... Ничего не разберешь, о чемъ они говорятъ...

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Немудрено!... всякой говорить свое, въ одно и тоже время!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Я еще не могу опомниться отъ этого крика!

ЛЕЛІА, (всторону). О, какое мученье!... Этотъ обѣдъ показался мнѣ безконечнымъ!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (взявъ чашку чаю и обратясь къ Леліи).

Что это, вы никакъ нездоровы, миссъ Леліа?...

ЛЕЛІА. Я?... нѣтъ.... нисколько!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Ну, слава Богу!... я ужъ испугалась!... (*Перемѣнивъ тонъ*)... Эти господа должны радоваться, что мы здѣсь.... а то, кто-бы имъ приготовилъ чай.... (*Пьетъ*).

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (сидя у самовара). Крѣпокъ ли чай?...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Прекрасно приготовленъ... и отличный!... Это самый дорогой чай!... букетъ удивительный!... (*Подавая чашку Пенелопъ*). Потрудитесь налить еще чашку!... Отъ чего-же вы сами не пьете?

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (наливая ей чай). Нѣтъ... чай слишкомъ сильно дѣйствуетъ на нервы.... а они у меня такъ слабы!...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (взявъ бисквитъ). А вы попробуйте скушать съ нимъ бисквитъ... онъ очень помогаетъ пищеваренію.... (*Сзади, въ столовой, слышенъ громкій смѣхъ*). А! шампанское начинаетъ дѣйствовать!...

ЛЕЛІА, (съ досадою). Какъ это смѣшно и глупо, что, по англійскому обычаю, мы должны оставлять столъ прежде окончанія обѣда!...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. А мнѣ такъ это нравится!... Мы, по-крайней-мѣрѣ, можемъ свободно поговорить въ это время о хозяйствѣ и сдѣлать свои замѣчанія о столѣ.... (*Вставъ, Леліи, которая также встаетъ и подходитъ къ ней къ столу нальво*). Напримѣръ, мой дружочекъ, хоть взять сегодняшній вашъ обѣдъ.... надо сказать правду.... обѣдъ былъ отличный, на славу!... а все-таки я не могу не замѣтить, что вашъ поваръ не умѣетъ готовить соусъ къ пудингу изъ марципановъ!... Постойте, я пришлю вамъ рецептъ!...

ЛЕЛІА (разстѣянно). Очень буду вамъ благодарна!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (вставъ такъ же). Что до меня, такъ я была очень рада, что могла выйти изъ-за стола въ ту минуту, когда разговоръ сдѣлался шуменъ и неприличенъ.... подобные разговоры слишкомъ неприятны для меня....

ЛЕЛІА (съ смущеніемъ). Какіе разговоры?... Я не слышала....

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Какъ.... вы не слышали, что говорилъ этотъ прославленный Сюзливанъ?... что за тонъ! что за манеры!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Правда ваша!... Я не знаю, гдѣ были мои глаза.... Сначала я приняла его за человѣка, знаете.... мнѣ показалось, что у него въ лицѣ что-то такое.... И какъ же я ошиблась!... Теперь я увидѣла ясно, что у этого актера самый ограниченный умъ!... Ну, представьте только себѣ.... въ-продолженіе всего обѣда, онъ не обратился ко мнѣ ни разу съ вопросомъ!..

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (*жесманно*). Помилуйте, да вы очень счастливы!.. Со мной онъ завелъ такой странный разговоръ....

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*съ любопытствомъ*). Неужели!... Скажите, о чемъ же онъ съ вами говорилъ?...

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Не хочу и припоминать... я стараюсь забыть... но только этотъ разговоръ далъ мнѣ ясное понятіе, въ какихъ обществахъ онъ бываетъ!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Да чего же вы и хотите отъ этихъ актеровъ!... самый безнравственный народъ! (*Садится къ столу нальво*).

ЛЕЛИЯ (*съ замѣшательствомъ*). Однакожь, Сюлливанъ принять въ лучшихъ лондонскихъ домахъ....

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Да, это онъ самъ говоритъ!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (*сидясь такъ же къ столу нальво*). Я ему ни въ чемъ не вѣрю!

ЛЕЛИЯ (*нѣсколько вспылчиво*). Нѣтъ, не онъ это говорилъ!... одинъ нашъ родственникъ, который хорошо знаетъ Сюлливана, увѣрялъ меня еще сегодня утромъ....

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Ну, такъ стало, онъ находитъ насъ недостойными того, чтобъ говорить съ нами....

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Или ужъ вовсе не знаетъ приличій...

ЛЕЛИЯ (*съ нетерпѣніемъ*). Но изъ чего вы это заключаете?

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Да изъ всего!.. напимѣрь, взять хотя васъ... вѣдь вы хозяйка дома.... а обратилъ ли онъ на васъ хотя малѣйшее вниманіе, сказалъ ли хотя одно учтивое слово?... Помилуйте, да онъ даже ни разу не взглянулъ на васъ!...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Да... и я это замѣтила ...

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Впрочемъ нѣтъ... раза два или три, какъ бы нечаянно, глаза его обращались на васъ... но въ этихъ взглядахъ выражалось какое-то неудовольствіе, или, лучше сказать, какое-то сожалѣніе....

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*перебивая ея*). Да, да!... и еще одинъ разъ, послѣ этого, рѣшительно безъ всякой причины разразился такимъ хохотомъ, что я страхъ какъ перепугалась!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. А ужъ что говорилъ!.. просто, безъ всякаго

разбора, что ни попало!... А ужь сколько выпилъ вина!... кажется, перепробовалъ все бутылки!...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*наливая себѣ третью чашку чая*). И вѣдь никто его не подчивалъ... все самъ себѣ наливалъ...

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Нѣтъ!... Это человекъ безъ малѣйшаго воспитанія...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*пьетъ*). Деликатности и скромности нѣтъ ни на волосъ!

ЛЕЛІЯ (*второну*). О, какъ я страдаю! (*Переходитъ на правую сторону. Въ столовой раздается хохотъ*).

II.

МИССЪ ПЕНЕЛОПА, Г-ЖА СОНДЕРСЪ, СОНДЕРСЪ, ЛЕЛІЯ.

СОНДЕРСЪ (*раздосадованный и разгоряченный виномъ, вбѣгая въ среднюю дверь*). Нѣтъ, ужь этого невозможно вынести!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*встаетъ*). Что съ вами? Что съ вами, г. Сондерсъ?

СОНДЕРСЪ. Представьте, этотъ актеръ... нѣтъ, это не актеръ... это какой-то фигляръ!... Онъ позволяетъ себѣ самыя неприличныя шутки!... (*Дамамъ*). Я хотѣлъ еще ему подслужиться... надо вамъ сказать... я замѣтилъ, что онъ пилъ больше всего кларетъ... вотъ мнѣ и вздумалось предложить ему... не хочетъ ли онъ кушиться у меня этого вина по полъ-гинеи за бутылку... (*Г-жѣ Сондерсъ*). Ты вѣдь знаешь, мой дружокъ, у меня большая партія кларета... я его никакъ не могъ сбыть съ рукъ...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Ну, да... а тутъ былъ прекрасный случай!...

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (*встаетъ*). Что-жь далѣе?

СОНДЕРСЪ. Да-съ... какъ же вы думаете?... Вмѣсто того, чтобъ поблагодарить меня... онъ съ самой злой насмѣшкой началъ читать стихи на купцовъ... и сравнивать насъ, какъ бы вы думали, съ кѣмъ?... съ жидами и ростовщиками! А въ заключеніе, назвалъ меня какимъ-то Шейлокомъ!... (*Леліи*). Да-съ, сударыня, Шейлокомъ!... Конечно, я не знаю вовсе, кто такой этотъ Шейлокъ... Но, по его презрительной мнѣ, тотчасъ догадался, что это вовсе неприличное имя!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (*пожимая плечами*). О, нѣтъ!... Это его роль изъ венеціанскаго кувца!... Онъ, вѣрно, декламировалъ вамъ свою роль...

ЛЕЛІЯ (*съ сожалѣніемъ*). Какъ жаль, что я не была тамъ!...

СОНДЕРСЪ (*миссъ Пенелопъ*). Такъ это его роль?.. Но все-равно!... Я все-таки скажу, что это самый неблаговоспитанный чело-вѣкъ!... Если онъ тамъ и былъ обмануть какимъ-то венеціанскимъ купцомъ, такъ это еще не причина, чтобъ презирать все наше со-словіе!

III.

МИССЪ ПЕНЕЛОПА, Г-ЖА СОНДЕРСЪ, ПИКОКЪ, СОНДЕРСЪ, ЛЕЛІА.

ПИКОКЪ (*съ испуганнымъ лицомъ, вбѣгая въ среднюю дверь и отыскивая во всѣхъ углахъ свою шляпу*). Гдѣ моя шля... шля-па?... Не видали-ли вы, гдѣ моя шля... шляпа?

СОНДЕРСЪ. Что еще случилось?

ЛЕЛІА (*съ безпокойствомъ, подходя къ Пикоку*). Вы такъ встре-вожены, г. Пикокъ?...

ПИКОКЪ (*продолжая отыскивать шляпу*). Да-съ... я еще ни-когда не былъ такъ встре... встревоженъ!... Позвольте мнѣ уѣхать!... Не видали-ли вы, гдѣ моя шля... шляпа? ..

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Вы хотите уѣхать?

ЛЕЛІА. Но для чего?

ПИКОКЪ (*заикаясь еще больше отъ гнѣва*). Для того... что я... до... долженъ уѣхать!... Я... я... не останусь больше ни ми... ми-нуты... съ этимъ шуткомъ... да... онъ шу... шутъ!.. нѣтъ ему дру-гаго на... названія отъ меня!.. потому-что онъ осмѣлился смѣ... смѣяться надо мной?..

ВСѢ (*кромя Леліи*). Надъ вами?

ПИКОКЪ. Да-съ, надо мной! А... адвокатомъ королевскаго банка!.. Всякій изъ насъ очень хорошо знаетъ, что... по... послѣ обѣда... ни у кого не можетъ быть чистаго про... произношенія... а онъ... онъ вздумалъ утверждать, что я за... заикаюсь!..

СОНДЕРСЪ. Онъ это вамъ сказалъ?

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Онъ осмѣлился вамъ это сказзать?

ПИКОКЪ. Да!.. разумѣется... я съ досады... какъ нарочно тутъ за... заикнулся... а онъ, представьте, сталъ пе... передразнивать меня!..

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*хохоча*). О! да эта сцена, я думаю, была пре-уморительная!.. Надобно попросить его повторить... ..

ПИКОКЪ (*разсердясь*). Что-съ? по... повторить?..

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (невольна хохоча). Нѣтъ... вы не сердитесь... право, невозможно не смѣяться...

ПИКОКЪ (въ ильвѣ). И вы тоже, какъ другіе!... Они всё это... стоили того, чтобъ ихъ порядкомъ проучить... и... я... я тотчасъ же вышелъ изъ-са стола!... Гдѣ моя шляпа... шляпа?...

ЛЕЛІЯ (удерживая и успокаивая его) Нѣтъ, добрыйшій п. Пикокъ... вы, не огорчите папашу... не уѣдете отъ насъ... я увѣрена, что г. Сюлливанъ не имѣлъ никакого намѣренія оскорбить васъ... конечно, артистъ можетъ иногда увлечься... особенно послѣ обѣда... когда голова...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Такъ же тяжела, какъ произношеніе... (Пикокъ въ досадѣ отходитъ въ глубину сцены и ищетъ шляпу).

СОНДЕРСЪ (подбывая къ Пикоку и удерживая его, въ то время, какъ г-жа Сондерсъ переходитъ къ Леліи). Въ-самомъ-дѣлѣ... не будемте черезъ чуръ взыскательны... хоть для того, что мы въ домѣ нашего добраго Дженкинса!.. Къ тому-же мы не пили еще и пунша!... Для друзей надо жертвовать всѣмъ, чѣмъ только можно!

МИССЪ-ПЕНЕЛОПА (подходя къ Леліи). Разумѣется... г. Дженкинсъ хотѣлъ доставить намъ пріятный вечеръ... но онъ несколько не виновать, что ему пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ безъ воспитанія...

СОНДЕРСЪ (подходя на аванс-сцену, нальво, съ Пикоккомъ). Хуже! съ шарлатаномъ! съ какимъ-то канатнымъ плясуномъ!...

ЛЕЛІЯ (въ сильномъ смущеніи, въ сторону). О, Боже мой!

СОНДЕРСЪ. Вотъ, я думаю, позабавить насъ, какъ начнетъ читать свои трагедіи!... Есть же, право, такіе люди на свѣтѣ, которыхъ никакъ нельзя пустить въ порядочный домъ!... (Въ столовой слышенъ стукъ разбитой посуды; потомъ хохотъ).

ЖЕНЩИНЫ. Что еще тамъ случилось? (Лелія отходитъ въ глубину и остается на лѣвой сторонѣ при входѣ Дженкинса и Мервина).

ПИКОКЪ (съ неудовольствіемъ). Вѣрно, опять какая-нибудь дерзкая шу... шутка!... Нечего сказать, прелюбезный гость!...

IV.

ПИКОКЪ, СОНДЕРСЪ, ЛЕЛІЯ, ДЖЕНКИНСЪ, МЕРВИНЪ, Г-ЖА СОНДЕРСЪ, МИССЪ ПЕНЕЛОПА, ДЖЕНКИНСЪ и МЕРВИНЪ, входятъ, хохоча, въ среднюю дверь.

ДЖЕНКИНСЪ (хохоча). Ха, ха, ха!... Ну ужъ штука!...

МЕРВИНЪ (такъ же). Все графины, рюмки и стаканы разбились въ дребезги!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Неужели?

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Какимъ образомъ?

ДЖЕНКИНСЪ (продолжая смѣяться). Видите, онъ хотѣлъ намъ показать какой-то фокусъ съ графинами... который состоялъ въ томъ... признаться, я хорошенько не понялъ... онъ увѣряетъ, что претрудная штука...

ЛЕЛИЯ (про себя). Такой великій талантъ... и такъ унижаетъ себя!...

ДЖЕНКИНСЪ (такъ же). Словомъ... онъ составилъ что-то въ родѣ пирамиды... только она не могла устоять и минуты... все это бухнуло...

МЕРВИНЪ. И разлетѣлось въ мелкіе кусочки!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (съ ироніей). Славный фокусъ!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (также). Съ большимъ вкусомъ!

(Пикокъ и Сондерсъ садятся нальво къ столу; Пикокъ спиною къ стѣнѣ, Сондерсъ противъ него).

ДЖЕНКИНСЪ (смѣясь и поглядывая украдкою на дочь). Между нами, мнѣ кажется, онъ немножко пьянъ!...

ЛЕЛИЯ (въ сторону). Сюлливанъ!... О, Боже! (Идетъ къ столу нальво и приготовляетъ чай Пикоку и Сондерсу),

ДЖЕНКИНСЪ. Да я радъ этому!... Онъ будетъ забавнѣе! (Сюлливанъ является въ среднихъ дверяхъ, хохоча во все горло, волоса и галстухъ его нѣсколько въ беспорядкѣ).

V.

ПИКОКЪ сидитъ у стола; **ЛЕЛИЯ** стоитъ около него; **СОНДЕРСЪ** сидитъ противъ Пикокъ; **СЮЛЛИВАНЪ**, **ДЖЕНКИНСЪ**, **МЕРВИНЪ**, **МИССЪ ПЕНЕЛОПА**, **Г-ЖА СОНДЕРСЪ**.

СЮЛЛИВАНЪ (смѣясь и прислонясь къ стѣнѣ въ дверяхъ). Я теперь знаю... отъ чего не удался фокусъ... это со мной случилось въ первый разъ... (Показывая на столъ нальво). Пойдите, я сей часъ сдѣлаю эту штуку съ чайниками и чашками... (Идетъ не совсѣмъ твердо на аван-сцену).

ВСЪ (кромя Леліи и Дженкинса). Нѣтъ, нѣтъ, не нужно!...

СОНДЕРСЪ (вставъ со стула). Я не допущу...

ДЖЕНКИНСЪ (смѣясь). Пустите его... пусть сдѣлаетъ!

СОНДЕРСЪ (стоя съ чашкой въ рукѣ и нампреваясь уже пить). Да... когда мы нашьемся чаю... пожалуй, пусть забавляется...

СЮЛЛИВАНЪ (какъ будто предполагая, что Сондерсъ предлагаетъ ему чашку съ чаемъ, беретъ ее у него изъ рукъ). Хорошо, согласенъ!... Благодарствуйте, любезнѣйшій другъ!... Сахаръ, вѣрно, положенъ?..

СОНДЕРСЪ (съ удивленіемъ). Чтѣ?... (Всторону). Да онъ ужъ вовсе безъ церемоній!...

СЮЛЛИВАНЪ (выпивая чай). Отличный чай!

СОНДЕРСЪ (всторону, съ неудовольствіемъ). По моему, этотъ господинъ вовсе незабавенъ!

ЛЕЛІЯ (у чайнаго стола, замѣтивъ чтѣ произошло). Позвольте, я вамъ налью другую чашку, г. Сондерсъ?...

СЮЛЛИВАНЪ (отдавъ чашку Сондерсу). Благодарю!

СОНДЕРСЪ (какъ одуренный). Первую, Мисъ Лелія, первую... если потрудитесь... потому-что другая испарилась!...

(Лелія разливаетъ чай и раздаетъ чашки гостямъ, бросая по временамъ безпокойные и грустные взгляды на Сюлливана).

СЮЛЛИВАНЪ (всторону, натуральнымъ голосомъ). Я не смѣю взглянуть на нее!... Если я встрѣчу ея взоръ, — мнѣ кажется, все мое мужество исчезнетъ въ одну минуту!... (Съ глубокимъ чувствомъ). А я далъ слово!... о!... (Кладетъ руку на лобъ, какъ-бы желая прогнать ужасную мысль).

ДЖЕНКИНСЪ. Ну, чтѣ жъ вы?...

СЮЛЛИВАНЪ (принимая веселый видъ). Ха, ха, ха!... Право, славный вы человекъ, Дженкинсъ!... и вотъ ужъ, чтѣ называется, счастливый смертный!... все у васъ есть... и богатство... и самое избранное общество... и хорошій столъ!... только жаль, что мы рано вышли изъ-за-стола!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Ну, мы съ этимъ несогласны!...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. И то просидѣли четыре часа!

ДЖЕНКИНСЪ. Чтѣ жъ, это немного!

(Мервинъ, напившись чаю, отходитъ въ глубину сцены, нальво, и усѣвшись на диванъ, засыпаетъ).

СЮЛЛИВАНЪ. Разумѣется, мало!... (Болтая какъ пьяный). По моему, самое счастливое время въ жизни—за обѣдомъ!... Еслибъ можно было, я, право, просидѣлъ бы весь вѣкъ за хорошимъ столомъ!... Чтѣ можетъ быть пріятнѣе тѣхъ минутъ, когда, забывъ все эти глупыя серьезныя дѣла, заседаешь въ круговую съ добрыми пріятелями!...

Локти на столъ... и пошла потѣха!.. Споръ, шумъ, крикъ, хохоть!.. остроты, веселые анекдоты, каламбуры такъ и летятъ изъ головы!.. А между-тѣмъ бутылочки съ ароматнымъ нектаромъ такъ и обходятъ кругомъ!.. Пьешь себѣ упоительную влагу... оживляешь кровь... теряешь разсудокъ... и забываешь, наконецъ, все... славу, богатство, честолюбіе... (Смѣясь). И даже свою возлюбленную, если, по несчастью, она тутъ же, за столомъ!...

ЛЕЛІА (всторону, съ возрастающимъ удивленіемъ). Боже мой! онъ-ли это говорить!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (г-жа Сондерсъ). Это ужасъ что такое!

ДЖЕНКИНСЪ (всторону, замѣтя разстроенный видъ Леліи и потирая руки). Bravo!.. Мастерски работаетъ!.. (Лелія переходитъ нальво).

ПИКОКЪ (Сондерсу). Какъ все эти великіе та... таланты ничтожны вблизи!...

СОНДЕРСЪ (возвысивъ голосъ). Позвольте... онъ отчасти справедливо судить!.. Я не оправдываю вполнѣ его мнѣній... (Вставъ и подходя къ Сюлливану) но не могу не сознаться, что поданная, напирмѣрь, во время бутылка кларета... не хотите-ли, у меня есть это вино...

СЮЛЛИВАНЪ (ударивъ его фамиллярно по плечу). Вы петинный Шейлокъ!...

СОНДЕРСЪ (обидясь). Сондерсъ, милостивый государь!.. (Про себя). Скажите, пожалуйста, къ чему онъ все называетъ меня Шейлокомъ?

СЮЛЛИВАНЪ. Я готовъ сослаться на моего честнѣйшаго и умнѣйшаго друга Мервина... (Оборотясь нальво и увидя, что Мервинъ заснулъ на диванѣ). Онъ уснулъ!... вотъ вамъ доказательство, какъ хороша моя снестема... онъ спитъ!... онъ счастливъ!...

ДЖЕНКИНСЪ. Пуншь его разбудить!... Я сей часъ прикажу подать... (Идетъ на льво къ камину, чтобы позвонить).

ЛЕЛІА (удерживая его). Папа!...

СЮЛЛИВАНЪ. Пуншь!... bravo!... Еще фундаментъ людскаго веселія... (Смотря на Пенелопу). У меня удивительный характеръ... мнѣ стоить только выпить рюмки двѣ вина... такъ тотчасъ же все женщины дѣлаются въ моихъ глазахъ прекрасными! (Схвативъ Пенелопу за подбородокъ). Хе, хе, хе!... Миссъ Артемиза!

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (оттолкнувъ его и поспѣшно проходя передъ нимъ). Пенелопа, милостивый государь!

СЮЛЛИВАНЪ (схвативъ точно такъ же за подбородокъ г-жу Сондерсъ) Не правда-ли, мама Сондерсъ?...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (оскорбясь). Чтò я за мама Сондерсъ!...

СЮЛЛИВАНЪ (*смѣясь*). А кто-же вы?... У кого семеро дѣтей, такъ мнѣ кажется...

СОНДЕРСЪ (*разсердясь и возвыся голосъ*). Милостивый государь!...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*обращаясь къ прочимъ*). Нѣтъ, ужъ это верхъ невѣжества!...

(*Сюлливанъ бѣгаетъ по сценѣ за Пенелопой и г-жой Сондерсъ, тѣ кричатъ; прочіе гости также кричатъ и защищаютъ дамъ. Дженкинсъ успокаиваетъ ихъ и усаживаетъ нальво, за чайный столъ. Лелія, въ продолженіе этой суматохи, переходитъ на правую сторону сцены*).

ДЖЕНКИНСЪ (*продолжая смѣяться*). Не тревожьтесь... сдѣлайте одолженіе, не тревожьтесь... маленькій припадокъ веселости... больше ничего!... Сей часъ пуншъ исправить все дѣло!

СЮЛЛИВАНЪ Но отъ чего же такъ долго неидетъ къ намъ этотъ пуншъ?

ДЖЕНКИНСЪ. Сію минуту прикажу подать... (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

СЮЛЛИВАНЪ. Скорѣй, скорѣй, подавайте намъ его!... (*Въ эту минуту онъ нечаянно приближается къ Леліи и увидя, по ея лицу, какъ огорчена она, останавливается въ смущеніи и противъ воли принимаетъ почтительное положеніе*).

ЛЕЛІЯ (*кротко и съ упрекомъ*). Г. Сюлливанъ!...

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону съ трепетомъ*). Ахъ! этого только я боялся! ..

(*Въ продолженіе слѣдующаго разговора, Лелія съ Сюлливаномъ находятся на правой сторонѣ, въ отдаленіи отъ прочихъ дѣйствующихъ, которые въ это время, сидя за столомъ, разговариваютъ между собою и пьютъ чай*).

ЛЕЛІЯ (*въ полголоса, съ чувствомъ*). Г. Сюлливанъ... я не вѣрю вамъ... вы клевете на себя!... Я никогда не осмѣлюсь думать, чтобъ человѣкъ, котораго такъ много уважаетъ вся Англія... котораго самъ великій Шекспиръ назвалъ бы съ гордостью своимъ сыномъ... могъ находить наслажденіе... (*колеблясь*) въ какихъ-нибудь низкихъ удовольствіяхъ!... Нѣтъ, эти удовольствія не сродны ни таланту вашему, ни душѣ... они отвратительны даже въ человѣкѣ, у котораго нѣтъ ни ума, ни сердца!...

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону, съ отчаяніемъ*). О, какое мученье!...

Вслухъ, запитаясь). Э, Боже мой, миссь... вы, конечно... очень снисходительны... но я клянусь...

ЛЕЛІЯ (*горячо*). Мнѣ не нужно вашихъ оправданій... кто васъ видѣлъ хоть однажды, тотъ вамъ не повѣритъ!... Въ послѣдній разъ, когда вы играли роль Гамлета...

СЮЛЛИВАНЪ (*едва обуздывая себя*). Гамлета!...

ЛЕЛІЯ. О! какія у васъ были чудныя минуты!... Только въ одной благородной, возвышенной душѣ могли родиться такія чувства!...

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону, съ радостью*). Она помнитъ!...

ЛЕЛІЯ (*съ увлеченіемъ*). Какъ я была счастлива въ этотъ вечеръ!... Невольныя слезы лились изъ моихъ глазъ при каждой вашей сценѣ!... Когда я увидѣла, съ какимъ тайнымъ ужасомъ вы отступили отъ привидѣній... когда увидѣла эту сыновнюю любовь, которая влекла васъ къ отцу...

СЮЛЛИВАНЪ (*съ невольнымъ увлеченіемъ*). Да... да... я исполнилъ вѣрно, не правда-ли?

ЛЕЛІЯ. Тогда только я поняла Гамлета!... О, какъ онъ любилъ своего отца, говорила я себѣ!... Любовь эта выражалась въ вашемъ взглядѣ... въ каждомъ словѣ вашемъ...

СЮЛЛИВАНЪ (*еще болѣе одушевляясь*). Да... да, не правда-ли?...

ЛЕЛІЯ. Слушая васъ, мнѣ казалось, что я перерождалась сама, что я дѣлалась лучше... что эти чувства, столь нѣжныя, столь благородныя, столь чудно выраженные...

СЮЛЛИВАНЪ (*совершенно забывшись*). Принадлежали собственно мнѣ? (*Съ жаромъ*). О! въ эти минуты душа невольно очищается!... Но какой же артистъ можетъ остаться холоднымъ, предавая слова и мысли нашихъ безсмертныхъ поэтовъ?... Чье сердце не возвысится вмѣстѣ съ ними?... (*Съ энтузіазмомъ*). Стыдь и горе таланту, если онъ ложно играетъ чувствами и прикрываетъ лицо свое маской лицемерія! Горе ему, если эти чувства нейдутъ изъ пылающаго горнила души, если не сливаются они насъ, и голосомъ и лицомъ, съ героемъ поэта!.. Нѣтъ, тогда это не герой!.. это обыкновенный человѣкъ... такой же, какъ все люди... какъ я теперь... (*Дженкинсъ входитъ*).

ЛЕЛІЯ. Ахъ! я не ошиблась въ немъ!

СЮЛЛИВАНЪ (*продолжая*). Тогда самые даже неожиданные порывы, столь часто воспламеняющіе толпу, ничто иное... какъ выраженіе...

ДЖЕНКИНСЪ (*подходя къ нему съ правой стороны, тихо*). Гмъ! гмъ!... остерегитесь!

СЮЛЛИВАНЪ (*придя въ себя*). О, Боже!

ЛЕЛІЯ (*ожидая окончанія его фразы*). Выраженіе...

СЮЛЛИВАНЪ (*принимая веселый и шутливый тонъ*). Ничто иное... какъ выраженіе ложныхъ чувствъ!.. Все вздоръ!.. Не вѣрьте намъ... не вѣрьте ничему... всѣ эти страданія... просто, случайные эффекты... порожденные бутылкою портвейна!... безъ него, я не могу играть... онъ у меня всегда подъ рукою...

ЛЕЛІЯ (*съ удивленіемъ*). Что вы говорите?

—

VI.

ТЪЖЕ, ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ И НѢСКОЛЬКО ЛАКЕЕВЪ являются въ среднюю дверь съ подносами, на которыхъ поставлены стаканчики съ пуншемъ.

ДЖЕНКИНСЪ (*наблюдая за Сюлливаномъ*). Не прикажете ли стаканчикъ пунша, г. Сюлливанъ?...

СЮЛЛИВАНЪ (*взявъ стаканчикъ*). Пунша? охотно!... (*Пьетъ*).

ЛЕЛІЯ (*стараясь его отвлечь*). Нѣтъ... я не вслушалась... не можетъ-быть!... Какъ! эта страстная борьба добродѣтели и долга...

СЮЛЛИВАНЪ (*выпивъ другой стаканъ*). Пуфъ!.. мишура!.. фальшивая мечта!.. (*Какъ-бы про себя*). Чудный пуншъ!.. (*Леліи*). Я очень хорошо знаю, что добродѣтель... (*Про себя*). Только кажется, мало рому!.. (*Леліи*). Добродѣтель, конечно, вещь прекрасная... но для меня несносна!..

ЛЕЛІЯ (*съ смущеніемъ*). Какъ? вы не испытывали никогда этихъ высокихъ порывовъ души, которые такъ восторгали насъ?..

СЮЛЛИВАНЪ (*съ горестью, которая невольно проглядываетъ сквозь его веселость*). Все вздоръ! все притворство!.. Я очень часто смѣюсь изъ-подъ-тишка, вида какъ заливаются слезами несчастные, глупцы... въ эти минуты мнѣ такъ и хочется закричать имъ: «Перестаньте, друзья мои, не плачте... я не думаю ни объ одномъ словѣ... все это вздоръ!..»

ЛЕЛІЯ (*пораженная всторону*). О, Боже мой!

ДЖЕНКИНСЪ (*тихо Сюлливану*). Превосходно!.. вы честнѣйшій человекъ, г. Сюлливанъ!.. Продолжайте, продолжайте!..

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Честный человекъ!.. И для этого я долженъ унижать себя въ глазахъ ея!.. (*Съ скрытымъ бѣшенствомъ*). О! зачѣмъ я далъ слово!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*вставъ со всеми прочими гостями изъ-за стола*). Однакожъ, г. Сюлливанъ, пора-бы ужъ и занять насъ чѣмъ-*

нибудь!.. г. Дженкинсъ увѣрилъ насъ, что вы прочтете стихи и сыграете намъ трагедію...

СЮЛЛИВАНЪ (*безпрерывно подходя къ подносамъ и показывая видъ, что пьетъ пуншъ*). Я?..

ВСЪ. Да, да.

ДЖЕНКИНСЪ (*Сюлливану*). Да, позабавте нашихъ дамъ!.. (*Тихо*). Откажитесь!..

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Нельзя ли сцену изъ Гамлета?

ЛЕЛІЯ (*поспѣшно*). Нѣтъ, нѣтъ!.. (*Всторону*). Я не въ силахъ болѣе его слышать!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Ну, такъ что-нибудь другое?

МИССЪ ПЕНЕЛОПА. Хоть изъ Короля Лира?

ПИКОКЪ. Нѣтъ, изъ Фаль... Фальстафа?

СОНДЕРСЪ. А лучше-бы, изъ какой-нибудь оперы!

СЮЛЛИВАНЪ (*съ шумной веселостью*). Фи!.. забудьте этотъ глупый театр!.. отправимте къ чорту его маски и мишуру!.. Я не знаю никакихъ стиховъ!.. Я ничего не помню... и не скажу вамъ ничего!.. (*Какъ-бы дразня ихъ*). У! У!.. (*Оборачивается и останавливается передъ лакеемъ, у котораго въ рукахъ подносъ съ пуншемъ*).

ПИКОКЪ (*дамамъ*). Нечего сказать, хо... хорошъ! (*Переходитъ съ Сондерсомъ направо. Лелія подходитъ нальво, къ чайному столу*).

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (*съ догадкой*). Прелюбезный кавалеръ!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*также*). Я васъ спрашиваю, для чего же онъ пріѣхалъ сюда?

СЮЛЛИВАНЪ (*продолжая пить и какъ будто дѣлаясь постепенно пьянѣе и пьянѣе*). Жизнь наша сонъ... такъ будемте же веселиться до пробужденія!..

СОНДЕСЪ (*на правой сторонѣ*). Онъ пьетъ какъ матросъ!.. Какъ десять матросовъ вмѣстѣ!

ПИКОКЪ (*тоже*). Этакъ придется отнести его на ру... рукахъ въ карету!..

ЛЕЛІЯ (*со страхомъ, желая отвлечь Сюлливана отъ пунша*). Г. Сюлливанъ!.. ради Бога!..

СЮЛЛИВАНЪ. Не бойтесь за меня, мисъ... голова моя крѣпка, какъ скала... я ужъ привыкъ... я постоянно провожу время въ подобныхъ удовольствіяхъ... надобно же между дѣломъ и повеселиться... (*Облокачиваясь фамиллярно на плечо Сондерса*). Не правда-ли, мой почтенный Шейлокъ?..

СОНДЕРСЪ (*внѣ себя*). Опять Шейлокъ!.. Онъ съ ума меня сведеть!..

СЮЛЛИВАНЪ (*начиная запинаясь какъ пьяный*). Я думаю... не прочь повеселиться... и ты... мой другъ Пикокъ!

ПИКОКЪ (*съ досадой*). Скажите пожалуйста, онъ ужъ го... го-ворить мнѣ ты!

ВСЪ (*кромя Дженкинса и Леліи*). Ужъ это ни на что непохоже!

ДЖЕНКИНСЪ (*находившійся въ глубинѣ направо, переходитъ въ средину, уговаривая гостей*). Полноте, господа!.. помиритесь!.. Я пригласилъ къ себѣ г. Сюлливана, и даю ему полную свободу...

СЮЛЛИВАНЪ (*желая подать ему руку, спотыкается и почти падаетъ на Дженкинса*)... Отлично, Дженкинсъ!.. Умѣе сказать нельзя!—самъ покойный Сократъ. (*Оборотясь направо, видитъ, что Сондерсъ и Пикокъ съѣли за ломберный столъ и машинально тасуютъ карты. Пикокъ сидитъ спиною къ стѣнѣ, Сондерсъ противъ него*). Bravo!.. Карты!:: Еще удовольствіе!:: Господа! и я буду играть... (*Идетъ, качаясь, къ ломберному столу и становится между Сондерсомъ и Пикокомъ, лицомъ къ публикѣ*).

ЛЕЛІЯ (*всторону, съ огорченіемъ*). Онъ и въ карты играетъ!.. о! это ужасно!.. Человѣкъ, которому я удивлялась... (*Скрывъ лицо въ рукахъ, задушающимъ голосомъ*)... котораго любила!..

СЮЛЛИВАНЪ (*бросивъ на столъ золото*). Двадцать гиней на перваго туза!.. или на тридцать и сорокъ... какъ тамъ хотите, мнѣ все равно!:: (*Отходя отъ стола, возвращается на средину сцены*).

МИССЪ ПЕНЕЛОПА (*въ полголоса, Леліи*). У него всѣ пороки!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (*такъ-же*). Не понимаю, какъ принимаютъ такихъ людей!..

СЮЛЛИВАНЪ. Тасуйте! тасуйте!..

ДЖЕНКИНСЪ (*бросая золото на сторону Пикока*). Десять гиней!

СЮЛЛИВАНЪ. Bravo, Сондерсъ!.. или Дженкинсъ!.. хорошенько не знаю, кто тамъ изъ васъ... Странно!.. Я ничего больше не вижу... точно какъ-будто наступила ночь...

СОНДЕРСЪ (*Пикоку*). Онъ теперь не въ состояніи отличить пиковой масти отъ бубенъ!

ПИКОКЪ. Гвѣтъ хуже для не... него!

СЮЛЛИВАНЪ. Тасуйте!.. тасуйте!.. (*Облокотясь на спинку кресель Сондерса и смѣясь въ лицо Пикоку*). Ахъ, мой бѣдный Пикокъ... какъ у тебя смѣшно лицо, когда ты пьянъ!..

ПИКОКЪ (стоя, съ досадою кладетъ нѣсколько картъ). Девятнадцать... два... двадцать восемь... тридцать пя... пять!..

СЮЛЛИВАНЪ. Это у васъ?

СОНДЕРСЪ. Нѣтъ, у васъ!

ДЖЕНКИНСЪ. Тридцать пять!..

СЮЛЛИВАНЪ (выпивъ стаканчикъ пунша). А со стаканомъ пунша... составитъ тридцать шесть!..

ПИКОКЪ (кладя еще нѣсколько картъ). Во... восемнадцать... двадцать шесть... три... тридцать три!..

СЮЛЛИВАНЪ. У меня?

СОНДЕРСЪ. Нѣтъ, у насъ!..

СЮЛЛИВАНЪ. Ну, такъ я выигралъ!

ПИКОКЪ. Нѣтъ... про... проиграли!..

СЮЛЛИВАНЪ. А!.. такъ надо отыграться, мой красавецъ!.. квить или вдвое!.. Ахъ, бѣдный Пикокъ!.. какъ у тебя смѣшио лицо, когда ты пьянъ!.. (Бросаетъ еще нѣсколько золотыхъ монетъ на столъ). Тасуй!.. тасуй!.. (Въ то время, какъ Пикокъ тасуетъ карты). Спой намъ что-нибудь, Пикокъ!.. у тебя долженъ быть чудный голосъ!..

ПИКОКЪ. Я ни... никогда не пою!..

СЮЛЛИВАНЪ. Вздоръ!.. Пой... пой пѣсню стараго джентельмена!.. (Откашливаясь). Гюмъ, гюмъ!.. Какъ-бишь она поется?.. тра, ла, ла, ла!.. А вотъ вспомнилъ!.. (Поетъ осиплымъ голосомъ).

Когда я съ Мери засѣдаю
И вмѣстѣ чудный хересъ пью,
Тогда любовь я прославляю
А съ ней и Англию мою!
Что-жь лучше: поцѣлуй-ли Мери,
Иль добрый хересъ въ должной мѣрѣ?
Довольно мудрено рѣшить!..
Такъ вотъ какъ дѣло сформируемъ:
По рюмкѣ хересъ будемъ пить!..

ЖЕНЩИНЫ (затыкая уши). О, ужасъ!..

СЮЛЛИВАНЪ, продолжая пѣть.

За каждымъ сладкимъ поцѣлуемъ...

(*Становясь посрединѣ стола*). Стойте!.. одну минуту!.. валеть трэфъ мой!..

ПИКОКЪ. Неправда!.. онъ намъ сдѣ... сдѣлалъ тридцать одинъ!..

СЮЛЛИВАНЪ (*крича*). Вздоръ! пустяки!.. я хочу, чтобъ онъ былъ мой!..

СОНДЕРСЪ. Позвольте!..

СЮЛЛИВАНЪ (*ударивъ кулакомъ по столу*). А!.. теперь я вижу ясно!..

ДАМЫ (*вскочивъ со страхомъ съ креселъ*). Что случилось?..

МЕРВИНЪ (*невольно пробудясь*). Кто-то стучитъ въ магазинъ!.. отворите!

СЮЛЛИВАНЪ (*крича во все горло*). Молчать!.. я никому не позволю плутовать!..

СОНДЕРСЪ (*разгорячась*). Позвольте спросить: о комъ вы это говорите?

СЮЛЛИВАНЪ (*запинаясь и возвратясь на средину сцены*). Да!.. да!.. не позволю!.. я видѣлъ ясно!.. карта была моя... а онъ ее взялъ себѣ!..

ПИКОКЪ (*въ гнѣвъ*). Какъ! вы осмѣливаетесь ду... думать... о... о... скорблять...

ДЖЕНКИНСЪ (*вмѣшиваясь въ споръ*). Послушайте!..

ДАМЫ. Господа!..

ЛЕЛІЯ (*со страхомъ*). Папа!.. ради Бога...

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Я страдаю, какъ страшный преступникъ!.. (*Тихо Дженкинсу*). Велите меня вывести... велите вывести скорѣе!..

ДЖЕНКИНСЪ (*возвысивъ голосъ*). Любезнѣйшій другъ... еслибъ вы были въ здоровомъ разсудкѣ... такъ увидѣли-бы...

СЮЛЛИВАНЪ (*крича сильнѣе*). Какъ въ здоровомъ разсудкѣ!.. такъ вы хотите... увѣрить меня... что я пьянъ!.. о, я за это раздѣляюсь... съ вами... съ нимъ... съ нимъ... (*Показывая на спящаго Мервина*). И съ нимъ... когда онъ проснется!..

ЛЕЛІЯ. Это ужъ слишкомъ!.. (*Подходитъ къ камину*).

СЮЛЛИВАНЪ. Да.. раздѣляюсь... со всеми разомъ... или съ каждымъ отдѣльно!.. мнѣ все равно. (*Лелія звонитъ*).

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Что она хочетъ дѣлать?

VII.

ТЪЖЕ, ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ и нѣсколько лакеевъ показываются въ глубинѣ, въ дверяхъ.

ЛЕЛІЯ (въ сильномъ волненіи, но голосомъ твердымъ, указывая на Сюлливана). Литль-Джонъ!.. проводите этого господина.. въ его карету!.. скорѣе!.. Слышите!.. (Всѣ стоятъ молча и неподвижно).

СЮЛЛИВАНЪ (по срединѣ сцены, смотря на окружающихъ). Что?.. что вы сказали, миссъ?..

ЛЕЛІЯ (трепеща отъ душевнаго волненія и указывая повелительно на дверь). Извольте выйти, милостивый государь!..

СЮЛЛИВАНЪ (стараясь собрать мысли). А!.. вы меня выгоняете!.. Развѣ я сказалъ что-нибудь?.. ничего не помню!.. но во всякомъ случаѣ... имѣю честь кланяться... я никогда не противорѣчу дамамъ!..

ДЖЕНКИНСЪ (тихо пожимая ему украдкой руку). Благодарю!.. тысячу разъ благодарю!..

СЮЛЛИВАНЪ (всторону, выдернувъ руку и задыхаясь отъ слезъ). Благодарю!.. когда въ душѣ моей смерть!.. (Вслухъ, съ судорожнымъ смѣхомъ). Прощай, Шейлокъ!.. Прощай Пикокъ... а я все-таки скажу, что у тебя пресмѣшное лицо... (Встрѣчаетъ новый взглядъ Леліи, кладетъ руку на лобъ и испускаетъ глухой, болзненный крикъ). О!.. мой талантъ, которымъ я такъ гордился... гдѣ онъ?.. Ахъ!.. (Уходитъ поспѣшно въ среднюю дверь, окруженный и сопровождаемый лакеями).

VIII.

ЛЕЛІЯ, МИСЪ ПЕНЕЛОПА, МЕРВИНЪ, спящій, **Г-ЖА СОНДЕРСЪ, ДЖЕНКИНСЪ, СОНДЕРСЪ, ПИКОКЪ**. Лелія, падаетъ назло на стулъ и не принимаетъ никакого участія въ томъ, что происходитъ вокругъ нея.

ПИКОКЪ (въ гипвъ). Не... невѣжа!..

СОНДЕРСЪ (такъ-же). Осмѣлится подозрѣвать насъ!..

МИСЪ ПЕНЕЛОПА (такъ-же). Ужасный человѣкъ!

Г-ЖА СОНДЕРСЪ (такъ-же). Какой онъ человѣкъ... это, просто, звѣрь!..

ДЖЕНКИНСЪ (*стараясь ихъ успокоить*). Полноте, господа... вы принимаете слишкомъ серьезно...

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Слишкомъ серьезно! покорнѣйше благодарю!.. (*Подходя къ Сондерсу*). Этотъ звѣрь чуть не убилъ моего мужа... развѣ это не серьезное дѣло!.. а во всемъ виноваты вы, г. Дженкинсъ!

ДЖЕНКИНСЪ. Я виноватъ?

МИСЪ ПЕНЕЛОПА (*въ глубинѣ нальво, собираясь къ отъѣзду*). Разумѣется!.. Кто же, какъ не вы, заставилъ насъ слушать такія неприличныя вещи?.. къ счастью, что я ничего не поняла...

СОНДЕРСЪ. Нѣтъ, къ какой стати принимать въ дружескій кругъ какого-нибудь комедіанта!

ПИКОКЪ. Хуже!.. какого-то цы... цыгана!

ДЖЕНКИНСЪ. Помилуйте!.. да я хотѣлъ доставить вамъ удовольствіе...

СОНДЕРСЪ (*взявъ шляпу*). Даю вамъ честное слово, г. Дженкинсъ... никогда нога моя не будетъ въ вашемъ домѣ, если этотъ актеръ явится еще къ вамъ!

ПИКОКЪ (*также*). И мо... моя также!..

МИСЪ ПЕНЕЛОПА (*разбудивъ Мервина и давъ ему шляпу*). Поѣдте, братецъ...

МЕРВИНЪ (*проснувшись и вставъ съ дивана*). А?... что?... собираются домой!.. (*Дженкинсу, любезно*). Благодарю васъ, добрѣйшій г. Дженкинсъ, за пріятный вечеръ...

СОНДЕРСЪ (*съ ироніей*). Нашелся!..

ПИКОКЪ (*также*). Дѣйствительно прі... пріятный!..

Г-ЖА СОНДЕРСЪ. Ахъ, какъ я хорошо сдѣлала, что не привезла съ собою моихъ семерыхъ дѣтей!

ДЖЕНКИНСЪ. Друзья мои...

ВСЪ (*уходя*). Не беспокойтесь!.. до свиданія... Миссъ... прощайте!.. (*Всѣ, раздосадованные, уходятъ въ среднюю дверь*).

IX.

ЛЕЛІЯ, все на томъ-же мѣстѣ, **ДЖЕНКИНСЪ**. Дженкинсъ, проводя гостей, смотритъ издали на Лелю, которая безмолвно, въ грустной задумчивости, сидитъ нальво на стулѣ.

ЛЕЛІЯ (*всторону, утервъ слезу*). О! какъ онъ обманулъ меня!.. Я считала его совершенствомъ...

ДЖЕНКИНСЪ (*добродушно, близъ дверей*). Странные люди!.. за что они разсердились?.. Хотятъ, чтобъ актеръ не былъ актеромъ!.. Ну, скажите пожалуйста, возможное-ли это дѣло?..

ЛЕЛІЯ (*всторону*). Боже мой! какое униженіе!

ДЖЕНКИНСЪ (*подходя на авансцену*). Я позвалъ его не для того, чтобъ онъ читалъ намъ поученія, или курсъ нравственности... мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ насъ позабавилъ.. и я позабавился... вдоволь позабавился!..

ЛЕЛІЯ. Какъ, папа?.. вы для того только...

ДЖЕНКИНСЪ (*продолжая*). Разумѣется, только для забавы!.. Да чего ты и хочешь отъ этихъ людей?.. возмуть съ тебя деньги... насмѣшать... и дѣлу конецъ!

ЛЕЛІЯ (*поднявъ голову*). Развѣ имъ платять?

ДЖЕНКИНСЪ. А ты думала, нѣтъ!.. Имъ платять по часамъ... вотъ точно также, какъ-бы я нанялъ карету... (*Всторону*) Я немножко пригаль... но эта невинная ложъ не сдѣлаетъ никакого вреда!

ЛЕЛІЯ (*вставъ и простирая къ нему руки*). Папа! папа!.. (*Плачетъ*).

ДЖЕНКИНСЪ (*подбѣгая къ ней*). Лелія! что съ тобой?.. ты плачешь?

ЛЕЛІЯ (*задыхаясь отъ слезъ*). Ради Бога, не спрашивайте меня!.. Сжальтесь надо мною! О, какъ я виновата была предъ вами?.. теперь приказывайте, я готова вамъ повиноваться!

ДЖЕНКИНСЪ (*какъ-бы не понимая ея*). Неужели!.. но какая причина?..

ЛЕЛІЯ (*также*). Послѣ... когда я буду спокойнѣе... вы узнаете все!.. Вы узнаете, какъ много была я виновата!.. Когда я подумаю только, что ослушалась вашихъ приказаній!..

ДЖЕНКИНСЪ (*съ чувствомъ*). Что говоришь ты?..

ЛЕЛІЯ (*бросаясь въ его объятія*). Простите меня, добрый папа!.. примите мое раскаяніе... и въ доказательство того, какъ я готова теперь повиноваться вамъ... располагайте моей судьбой!.. Вы хотите, чтобъ я вышла замужъ за Фредерика... я согласна!.. я покоряюсь вашему желанію!.. Назначайте день свадьбы... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. (*Переходитъ на правую сторону*).

ДЖЕНКИНСЪ (*съ радостью*). И ты согласишься?..

ЛЕЛІЯ (*сядась и закрывъ лицо руками*). Я сказала... и готова дать клятву!

ДЖЕНКИНСЪ (*пожимая ея руку*). Прекрасно, Лелія!.. благодарю тебя, мое дитя!.. (*Лелія безмолвна и старается скрыть слезы*).

Смотря на нее, всторону). Теперь я удостоверился самъ... Этот Сюлливанъ дѣйствительно честный человѣкъ!.. онъ сдержалъ свое слово... вылечилъ ее совершенно!.. Надо признаться, для этого нуженъ былъ большой талантъ!.. но ты!.. (*Вслухъ, взявъ ее за руку*). Ну, полно же, мой дружочекъ... успокойся... и какъ ты теперь расположена къ Фредерику... (*Смотря въ глубину сцены*) А! вотъ онъ и самъ! Кстати!

ЛЕЛІА (*всторону*). Да... я съумѣю наказать себя... за мое непростительное заблужденіе!..

—

X.

ДЖЕНКИНСЪ, СИРЪ-ФРИДЕРИКЪ, ЛЕЛІА, сидятъ.

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*входя въ среднюю дверь, немного на весель*). Вотъ и я, любезный дядюшка!.. вотъ и я, милая Лелія... Извините... опоздалъ немножко!..

ДЖЕНКИНСЪ. Ничего. . мы тебя и не ожидали раньше!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*весело*). Я очень весель, дядюшка!.. Хе, хе, хе!.. Вотъ ужъ можно сказать, что весель!..

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону, замѣтя сіяющее его лицо*). Что съ нимъ дѣлается?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Я обѣдалъ у лордъ-мера!..

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). А!.. понимаю... онъ тоже... но все не то, что давшій .. большая разница!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*смѣясь*). Представьте себѣ... самое уморительное... самое оригинальное происшествіе...

ДЖЕНКИНСЪ (*смотря на дочь, которая не слушаетъ ихъ*). Какое происшествіе?... расскажи намъ! (*Всторону*). Если въ немъ есть хоть на волосъ ума... такъ онъ воспользуется теперешнимъ случаемъ... лучшаго случая не найдетъ!.. (*Вслухъ, весело*). Ну, рассказывай!.. намъ, кстати, надо немножко развеселиться... нашъ обѣдъ не былъ такъ пріятенъ, какъ твой!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. О! и нашъ обѣдъ, по обыкновенію, былъ скученъ!.. Важные алдерманы... рыжіе и черные парики... сухіе разговоры... все это было очень скучно!.. Забавное-то было послѣ обѣда!

ДЖЕНКИНСЪ (*съ любопытствомъ*). Послѣ обѣда?

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ. Да... когда мы вышли из-за стола, такъ вздумали немного освѣжиться, то-есть, выпить еще рюмки по три вина... и потому отправились въ маленькій клубъ, гдѣ собираются обыкновенно артисты и посѣтители Дрюриленскаго театра... Когда мы вошли, тамъ была порядочная толпа народу... все это пило, шумѣло и хохотало... мы расположились у стола... спросили вина... какъ вдругъ, глядимъ... входитъ Сюлливанъ...

ДЖЕНКИНСЪ (съ любопытствомъ). Сюлливанъ!

ЛЕЛІА (поднявъ голову и слушая): Сюлливанъ!

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ. Онъ былъ блѣднѣнъ, мраченъ!.. просто, не походилъ самъ на себя!..

ДЖЕНКИНСЪ (также). Вѣрно, былъ пьянъ?

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (съ крикомъ). Сюлливанъ?.. Да онъ никогда ничего не пьетъ!..

ЛЕЛІА. Какъ?..

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ. Когда онъ обѣдаетъ гдѣ-нибудь, такъ всемъ кажется, что онъ пьетъ, какъ и другіе... онъ это такъ искусно дѣлаетъ, что никто не сомнѣвается, чтобъ онъ фальшивилъ!.. а между-тѣмъ, я это очень хорошо знаю, Сюлливанъ ничего не пьетъ, кромѣ воды!

ДЖЕНКИНСЪ (съ большимъ любопытствомъ). Постой... рассказывай свое происшествіе безъ отступленій... какое намъ дѣло, были ли пьянъ онъ, или нѣтъ...

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ. Не былъ!.. честное слово!.. я бы замѣтилъ!.. Но зато ужъ, какъ онъ былъ разстроенъ!.. Мы тотчасъ догадались, что съ нимъ случилось что-нибудь необыкновенное!.. Неподвижный взоръ... какое-то лихорадочное состояніе!.. Войдя въ залъ, онъ, не сказавъ никому ни слова, сѣлъ въ уголь и закрылъ лицо руками... Друзья окружили его и забросали вопросами... Но какъ ни просили, какъ ни убѣждали, не могли добиться, ни одного слова!.. Тутъ вдругъ какой-то господинъ... одинъ изъ его жаркихъ поклонниковъ... сказалъ «Не мѣшайте ему господа... я знаю, что онъ дѣлаетъ... онъ обдумываетъ и проходитъ новую роль!..» Роль! закричалъ Жоржъ глухимъ голосомъ и со слезами на глазахъ... да! и это будетъ послѣдняя роль, которую я сыгрую!..» При этихъ словахъ, мы приступили къ нему все... и пользуясь его отчаяннымъ положеніемъ и бѣшенствомъ, вынудили отъ него отрывками... или лучше сказать схватили на лету самую забавную и вмѣстѣ съ тѣмъ грустную исторію!.. Представь себѣ... какой-то отецъ...

ДЖЕНКИНСЪ (всторону). Ахъ, Боже мой!

ЛЕЛІА (подходя къ сирь Фредерику). Отецъ?..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Сюлливанъ никакъ не хотѣлъ сказать его имени... очень жаль!.. исторія была-бы забавнѣе!..

ЛЕЛІЯ. Ну, что же?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Какой-то отецъ... у котораго дочь влюбилась страстно въ Сюлливана...

ДЖЕНКИНСЪ (съ смущеніемъ). Въ Сюлливана?

ЛЕЛІЯ. И отецъ, вѣрно, замѣтил?.. (Дженкинсъ дѣлаетъ знаки сирь Фридерiku; но тотъ не замѣчаетъ).

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Да!.. Ужъ эти только отцы!.. Они или все замѣчаютъ, или не замѣчаютъ ничего!.. Но этотъ отецъ, о которомъ я рассказываю, принадлежалъ къ первому разряду... и прямо обратился къ самому Сюлливану, какъ къ честному человѣку.

ЛЕЛІЯ (всторону, съ удивленіемъ). Что я слышу!

ДЖЕНКИНСЪ (усиливая знаки и кашляя). Гмъ! гмъ! гмъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Что это?.. вы кашляете, дядюшка?

ДЖЕНКИНСЪ. Да... вдругъ съдѣлался кашель... вѣрно утромъ я простудился на биржѣ... (Всторону) Ничего не понимаетъ!..

ЛЕЛІЯ (съ смущеніемъ). Продолжайте же, сирь Фредерикъ... вашъ рассказъ дѣйствительно очень интересенъ!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Очень радъ!.. Такъ вотъ... несчастный отецъ обратился прямо къ Сюлливану... Жоржъ, разумѣется, какъ добрый человѣкъ... тотчасъ же согласился на его просьбу... и началъ разыгрывать страшную комедію!.. выставилъ себя невѣжей, пьяницей, игрокомъ, негодяемъ!.. словомъ самымъ ужаснымъ и низкимъ человѣкомъ!.. (Смѣясь) И все для того... понимаете... чтобъ вылечить влюбленную мисъ!..

ЛЕЛІЯ (невольнo, подходя поспѣшно къ отцу). Неужели!.. Такъ это была одна комедія!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (съ удивленіемъ). Что такое?.. развѣ вы...

ЛЕЛІЯ (опомясь). Ну, да... я полагаю... говорю о томъ... что вы сейчасъ рассказывали... Эта сцена гнѣва, ужаса... которая такъ поразила васъ и пріятелей ваших!.. Я воображаю, какъ это было хорошо сыграно!.. большой талантъ!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Талантъ!.. Этого мало сказать!.. Геній! чистая натура!.. (Дженкинсъ дѣлаетъ знаки сирь Фредерiku, чтобъ онъ не продолжалъ). Для чего это, дядюшка, вы дѣлаете мнѣ какія-то пантомимы?..

ДЖЕНКИНСЪ (отходя отъ него). Я?.. и не думалъ!.. (Всторону) О, глупецъ!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Но самое лучшее въ этой исторіи... отчего

Сюлливанъ рѣшительно приходилъ въ бѣшенство.... это то, что онъ самъ любилъ молодую дѣвушку.

ДЖЕНКИНСЪ (*съ смущеніемъ*). Любилъ?..

ЛЕЛІЯ (*въ сильноиъ волненіи*). Онъ ее любилъ?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*смѣясь еще больше*). Да, любилъ.. не бывъ съ нею знакомымъ.... не зная даже ея имени!... Это чистый романъ!... Она удивительно хороша собой.... просто, дивная красота.... Сюлливанъ замѣтилъ ее со сцены въ ложѣ.... взаимная симпатія.... Электрическая струя мгновенно поразила два сердца... ну, и... такъ далѣе...

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Боже мой! что онъ говорить!.. (*Тихо переходитъ сзади на другую сторону, къ сиръ Фредерику*).

ЛЕЛІЯ (*всторону, въ восторгъ*). Онъ меня любилъ!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*весело*). Послѣ этого можете себѣ представить, въ какомъ ужасномъ положеніи былъ нашъ бѣдный Сюлливанъ, когда въ этой паціенткѣ узналъ свою возлюбленную... и сверхъ-того долженъ еще былъ довести ее до того, чтобъ она его возненавидѣла... и радъ бы былъ отступиться, да нельзя.... далъ честное слово отцу!.. а потомъ послѣдствія... горестъ и разочарованіе дѣвушки... (*Почувствовавъ, что Дженкинсъ его толкаетъ, и смотря на него*). Безпокойство отца.... О! отецъ, я думаю, хлопоталъ тутъ больше всѣхъ... (*Хохоча*) Я, какъ-будто, вижу его предъ собой... широкое, круглое лицо... какія часто встрѣчаются на биржѣ... фізіономія вовсе незначительная!.. Вы, вѣрно, знаете, дядюшка, этого человѣка!.. Постарайтесь, пожалуйста, разузнать его имя...

ДЖЕНКИНСЪ (*наступивъ ему на ногу, всторону*). Чортъ-бы тебя побралъ!.. (*Отходитъ отъ него*).

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*сдѣлавъ гримасу*). Что это? вы ужъ начинаете ходить по моимъ ногамъ!.. (*Всторону*) Сейчасъ видно, что мой дядюшка хорошо пообѣдалъ!..

ЛЕЛІЯ (*всторону*). О! я не ошиблась въ немъ!.. Пожертвовать собой для честнаго слова... Ахъ, мало любить его.... ему надо удивляться!..

ДЖЕНКИНСЪ (*становясь между ними, съ неудовольствіемъ*). Я думаю, вашъ нескромный болтунъ.... этотъ дрюиленскій герой.... больше всего смѣялся надъ своими несчастными жертвами!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Сюлливанъ?.. О, нѣтъ.... мы не слышали отъ него ни одной насмѣшки.... напротивъ, тутъ еще произошла новая песторія... Одинъ изъ его друзей.... нашъ огромный шестъ Маклинъ.... вздумалъ назвать дочь глупой дѣвушкой, а отца дуракомъ.. (*Тихо Дженкинсу*) Между нами, я самъ того же мѣнія!.. (*Вслухъ*) По-

смотрѣли-бы все, что сдѣлалось въ эту минуту съ Сюзливаномъ!.. Онъ вскочилъ какъ безумный... схватилъ Маклина за горло... и чуть его не задушил!.. Мы едва ихъ розняли... но, кажется, у нихъ безъ дуэли не обойдется!

ЛЕЛІЯ. Дуэль!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Да... жаль мнѣ будетъ Сюзливана!.. У этого Маклина претяжелая рука!

ЛЕЛІЯ. Вы боитесь...

ДЖЕНКИНСЪ (*перебивая и разлучая ихъ*). Доволько... довольно!.. Оставимте эту глупую исторію!..

ХІ.

ЛЕЛІЯ, ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ, ДЖЕНКИНСЪ, СИРЪ ФРЕДЕРИКЪ.

ЛИТЛЬ-ДЖОНЪ (*войдя въ среднюю дверь и вручивъ Дженкинсу письмо*). Отъ г. Мартона!

ЛЕЛІЯ (*съ любопытствомъ*). Отъ г. Мартона?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. А! отъ священника вашего прихода?

ЛЕЛІЯ. Чтѣ онъ вамъ пишетъ, папа?

ДЖЕНКИНСЪ (*пробѣжавъ письмо и сдѣлавъ знакъ Литль-Джону, который уходитъ*). Я отъ него ждалъ этого отвѣта... все готово... завтра, въ десять часовъ утра, вы будете обвиняемы!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Завтра!

ЛЕЛІЯ (*всторону*). О, несчастіе!

ДЖЕНКИНСЪ (*весело, сиръ Фредерику*). Лелія сама просила меня объ этомъ!.. Вотъ сюрпризъ, который мы тебѣ готовили!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*Дженкинсу*). Признаюсь вамъ, я и несомнѣвался въ этомъ... я былъ увѣренъ, что она меня любитъ!.. Правда, у меня были нѣкоторыя подозрѣнія, но я не могъ имъ повѣрить!.. (*Дженкинсъ отдаетъ ему письмо. Сиръ Фредерикъ читаетъ про себя*).

ЛЕЛІЯ (*всторону, съ отчаяніемъ*). Нѣтъ, никогда, никогда!.. Теперь я знаю, что онъ меня любитъ!.. (*Подходя къ Дженкинсу*) Папа!.. выслушайте меня...

ДЖЕНКИНСЪ (*переводя ее на лъвую сторону*). Хорошо... послѣ... поди лучше отдохни въ своей комнатѣ....

ЛЕЛІЯ (*вполголоса*). Одно слово!

ДЖЕНКИНСЪ (*вслухъ*). Завтра... ровно въ десять часовъ... будь готова!..

ЛЕЛІЯ (*также*). Сжальтесь надо мной!..

ДЖЕНКИНСЪ. А вечеромъ мы всё отправимся въ Италію.... не на долго.... года на три не больше!..

ЛЕЛІЯ (*настаивая*). Папа!..

ДЖЕНКИНСЪ (*тихо, сжавъ ей руку*). Лелія!.. ты дала мнѣ слово... и я въ первый разъ тебѣ... приказываю!.. Изволь повиноваться!..

ЛЕЛІЯ (*вся въ слезахъ, всторону*). Нѣтъ! я лучше убѣгу на край свѣта!... (*Уходитъ нальво*).

XII.

ДЖЕНКИНСЪ, СИРЪ ФРИДЕРИКЪ.

ДЖЕНКИНСЪ (*отдыхая*). Уфъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Что, дядюшка?... Я вѣдь говорилъ вамъ давеча, что дѣлаю успѣхи!

ДЖЕНКИНСЪ. Да... вотъ ужъ въ-продолженіе полчаса, ты дѣлаешь одни глупости!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Что-съ?

ДЖЕНКИНСЪ. Да то, что если ты не женишься завтра, такъ послѣ завтра у тебя ее увезутъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*съ изумленіемъ*). Увезутъ!.. Но кто же? кто?

ДЖЕНКИНСЪ (*отталкивая его*). Тебѣ этого не нужно знать!... Лучше поѣдемъ скорѣе... не надо терять ни минуты... Вели заложить карету...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*въ хлопотахъ*). Хорошо... но...

ДЖЕНКИНСЪ. Намъ нужно пригласить друзей... свидѣтелей.

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Да... но...

ДЖЕНКИНСЪ (*толкая его*). Ступай же проворнѣе!... или я ни за что не отвѣчаю!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*бѣгая по сценѣ*). Ахъ, Боже мой!... я съ ума сойду!... (*Сиръ Фридерикъ уходитъ поспѣшно въ среднюю дверь, Дженкинсъ нальво. Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ кабинетъ Сюлливана въ готическомъ вкусѣ; въ шкафахъ книги, на стѣнахъ оружіе и картины. Надъво, у стѣны, на двухъ низкихъ шкафахъ, мраморные, въ натуральную величину, бюсты Шекспира и Мольера; между ними большіе часы; надъво же, близъ этихъ шкафовъ, впереди кресло; нѣсколько сзади, другое кресло съ высокой спинкой, на которомъ повѣшанъ плащъ Сюлливана; направо дверь съ портьерой, ведущая въ другія его комнаты; въ глубинѣ, по срединѣ, входная дверь; направо же, въ углу, дверь, обтянутая такими же обоями какъ комната и сдѣланная въ видѣ шкафа; впереди столъ и стулья.

I.

СЮЛЛИВАНЪ, одинъ, сидитъ въ задумчивости у стола направо.

Актеръ!.. что такое актеръ въ Англіи?... Участъ его презрѣніе!.. На него все глядятъ.. его ищутъ и отталкиваютъ отъ себя!.. ему аплодируютъ, дѣлаютъ изъ него какого-то идеала... и для чего же... для того, чтобъ послѣ разбить... или покрыть его безчестіемъ!.. (*Съ ироніей*) Все это очень справедливо... тутъ есть и логика и здравый смыслъ!... (*Смотря на бюсты Шекспира и Мольера*) И васъ, гениіи искусства... благородный Шекспиръ и чудный Мольеръ!... и васъ такъ же презирали люди!... (*Проходящаяся, въ волненіи, по комнатѣ*). О! я готовъ возненавидѣть мою славу и успѣхи!... До-сихъ-поръ я спокойно пренебрегалъ мнѣніями глупцовъ!... но подумать, что она... моя Лелія... о! ужасно!... Судьба послала мнѣ гения въ образѣ этой дѣвушки... она меня любитъ!... она могла быть моею подругой... и утѣшеніемъ всей моей жизни!... и что же?... Потому только, что предрасудки людей и мнѣнія свѣта не допускаютъ этой любви... непреодолима преграда разлучаетъ насъ на вѣкъ!... И я... я самъ довершилъ свое пораженіе!.. мое искусство, которое я такъ страстно любилъ... мой талантъ, которымъ я такъ гордился... погубили меня въ ея глазахъ!.. Все кон-

чено!... Теперь театр для меня ненавистен!... Съ этой минуты я никогда не покажусь болѣе на его досках!... (*Посль минутнаго молчанія*). Какъ-бы я былъ счастливъ, еслибъ эта дуэль разлучила — меня съ жизнью!... (*Горько улыбаясь*) Бѣдный Маклинъ!... лучшей мой товарищъ... и я его вызвалъ... я дерусь съ нимъ сегодня!... (*Диксонъ входитъ въ среднюю дверь и кладетъ на столъ, направо, журналы*) Вчера въ клубъ, я самъ не помню, что говорилъ... я былъ очень взволнованъ... очень разгоряченъ... но будь я даже хладнокровенъ... и тогда-бы не могъ оставить безъ наказанія гнусной его клеветы!...

II.

СЮЛЛИВАНЪ, ДИКСОНЪ.

СЮЛЛИВАНЪ. Что тебѣ нужно, Диксонъ?

ДИКСОНЪ. Я принесъ журналы.

СЮЛЛИВАНЪ. Готова ли карета?

ДИКСОНЪ. Готова.

СЮЛЛИВАНЪ. Который часъ?

ДИКСОНЪ (*смотря на лѣво на часы*). Четверть десятаго.

СЮЛЛИВАНЪ (*напрѣваясь идти направо*). Доложи мнѣ тотчасъ же, какъ прїѣдетъ мой прїятель... котораго я жду!

ДИКСОНЪ. Вамъ-бы, сударь, надо отдохнуть немножко... вѣдь вы не изволили спать всю ночь...

СЮЛЛИВАНЪ (*съ нетерпѣнїемъ*). Хорошо!... (*Всторону*) Мнѣ отдохнуть!... Ахъ! теперь я могу сказать очень кетати: «Макбетъ убилъ сонъ!...» (*Уходитъ на лѣво въ комнату*).

III.

ДИКСОНЪ, одинъ приводитъ въ порядокъ на столѣ бумаги.

Пришла же мнѣ глупая мысль въ голову, идти въ услуженіе къ модному актеру!... Я думалъ, что буду здѣсь жить самымъ прїятнѣй

шимъ образомъ... съ утра до вечера только и дѣлать, что смотрѣть какъ другіе хохочутъ и самому хохотать... а вышло что?... тоска и больше ничего!... Но главное, на что я рассчитывалъ... это на подарки... Нѣтъ, баста!.. попрошу его разсчитаться со мною, — да и уйду отсюда!.. Помилуйте, я привыкъ жить честно...

IV.

ЛЕЛІА, ДИКСОНЪ. Лелія, подъ вуалью, показывается въ средней двери.

ЛЕЛІА (*въ волненіи осматривая комнату*). Если меня не обманули... должно быть здѣсь...

ДИКСОНЪ (*всторону замѣтя Лелію*). Дама подъ вуалью!.. Осторожность... робкая поступь... О, о!.. Ужъ не начинаются ли приключенія!..

ЛЕЛІА (*всторону*). Со вчерашняго вечера я совершенно какъ безумная!.. Но чего бы это не стоило... Я рѣшилась... Онъ не долженъ драться и подвергать свою жизнь опасности!

ДИКСОНЪ (*подходя къ ней, учтиво и любезно*). Сударыня... Миледи!.. вамъ, вѣрно, угодно видѣть кого-нибудь...

ЛЕЛІА (*запинаясь*). Да... я пришла... я хотѣла...

ДИКСОНЪ (*всторону*). Понимаемъ!

ЛЕЛІА (*такъ же*). Г. Сюлливанъ... еще не уѣхалъ?..

ДИКСОНЪ. Нѣтъ еще, миледи!

ЛЕЛІА (*всторону*). Я отдыхаю!..

ДИКСОНЪ. Прикажете, миледи, доложить о^у васъ?

ЛЕЛІА. Да... (*Замѣтя, что онъ хочетъ идти и услыша за сценой шумъ, останавливаетъ его жестомъ. Нѣтъ, постойте...*)

СРЪ ФРИДЕРИКЪ (*за сценой*). Хорошо!.. Не нужно никакихъ докладовъ обо мнѣ!..

ЛЕЛІА (*со страхомъ*). Сръ Фредерикъ!.. Неужели онъ меня видѣлъ?.. Неужели слѣдовалъ за мною!..

ДИКСОНЪ (*всторону*). Вѣрно, какой-нибудь дуэлистъ!..

ЛЕЛІА (*внп себя*). Куда мнѣ спрятаться?..

ДИКСОНЪ (*подходя къ ней*). Миледи...

ЛЕЛІА (*поспѣшно давъ ему кошелекъ*). Ни слова!.. Ради Бога,

ни слова!.. Или я погибла!.. (Бросается пальво, за большое кресло, которое ее совершенно закрываетъ).

ДИКСОНЪ (взвѣсивая кошелекъ). Кошелекъ съ золотомъ!.. А! отлично!

V.

ЛЕЛІА, за креслами, **СИРЪ ФРИДЕРИКЪ**, **ДИКСОНЪ**, **СЮЛЛИВАНЪ**.

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (показываясь въ средней двери и обращаясь за сцену). Положите шпаги въ карету!.. У насъ еще есть полчаса впереди!

СЮЛЛИВАНЪ (выходя изъ комнаты съ лѣвой стороны). А! Сиръ Фредерикъ!.. Я узналъ васъ по голосу!.. (Показывая Диксону жестомъ, чтобы онъ вышелъ. Диксонъ!.. (Отходитъ пальво).

ДИКСОНЪ (всторону поглядывая на кресло, за которымъ Лелія). Мнѣ бы надо было его предупредить... Да боюсь... (Показывая на Сиръ Фредерика, который сплзъ впереди направо). Какъ это, неравно, мужъ... такъ вѣдь я надѣлаю такихъ глупостей!.. Нѣтъ, ужъ лучше промолчу!.. (Уходитъ въ среднюю дверь).

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Я прѣхалъ къ вамъ, любезнѣйшій другъ, по случаю вчерашней исторіи съ Маклинномъ...

СЮЛЛИВАНЪ. Благодарю васъ!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Я не забылъ вашего приглашенія... Оно же очень кетати для меня!.. Я теперь самъ нахожусь въ самомъ непріятномъ положеніи... (Встаетъ).

СЮЛЛИВАНЪ. Что вы хотите сказать?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. У меня просто, голова идетъ кругомъ!.. Вотъ ужъ именно превосходный сюжетъ для комедіи, или драмы!.. Есть отъ чего и похотать и поплакать... а ужъ въ особенности взбѣситься!.. и я взбѣшенъ!.. что называется, неистово взбѣшенъ!..

СЮЛЛИВАНЪ. Объясните, пожалуйста, что случилось?..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Поспѣшимте лучше окончить ваше дѣло, любезнѣйшій другъ... потому—что я самъ нуждаюсь въ вашей помощи!.. Мнѣ надо рѣзаться самому...

СЮЛЛИВАНЪ. Съ кѣмъ?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Не знаю еще!.. Я ищу этого негодяя!

ЛЕЛИЯ (у которой упала вуаль, скрываясь за кресломъ, всторону). Слава Богу!.. Онъ не знаетъ!..

СЮЛЛИВАНЪ. Вы ищите?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Представьте себѣ... Я долженъ былъ жениться... Вотъ ужъ вы и улыбаетесь!.. Но я долженъ, однакоже, сказать вамъ... что если званіе мужа, какъ говорится у васъ на театрѣ, не совѣмъ идетъ ко мнѣ... Зато невѣста мнѣ очень нравится!.. (Цѣлуетъ пальцы). Прелесть!.. Красавица!.. Богатство баснословное!.. Колоссальное!.. Словомъ, это дочь моего дальняго родственника, Никольса Дженкинса!..

СЮЛЛИВАНЪ (какъ пораженный). Дженкинса... (Всторону). Что я слышу!..

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Да... онъ, по моей теткѣ приходится шуриномъ лордъ-меру!.. Директоръ индѣйской компаніи... Вы его не знаете?.. Да гдѣ жъ вамъ и знать! Жизнь его такъ далека отъ вашей... Онъ даже никогда не бываетъ въ театрѣ!

СЮЛЛИВАНЪ (съ смущеніемъ). А!... Такъ невѣста ваша его дочь?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Да, любезнѣйшій другъ!... Все ужъ было рѣшено... День свадьбы назначенъ... Я пріѣхалъ къ нимъ утромъ... Какъ видите... въ пріятномъ неглиже... (Осматривая себя). Думалъ еще произвести имъ впечатлѣніе на мою невѣсту!.. Что жъ бы вы думали?... Пропала! Пѣхищена!...

СЮЛЛИВАНЪ (съ любопытствомъ). Кто?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Невѣста!... И свадьба моя кажется не состоится.

СЮЛЛИВАНЪ. Невѣста!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Да... просто убѣжала изъ родительскаго дома!

СЮЛЛИВАНЪ. Но какимъ образомъ?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Такимъ, какъ обыкновенно бѣгаютъ!... А вмѣсто себя оставила вотъ это письмо. (Ищетъ въ карманъ). Изъ котораго признаться, я ничего не понимаю!...

СЮЛЛИВАНЪ (съ любопытствомъ). Дайте... Вдвоемъ, быть-можетъ, мы разберемъ лучше!... Вы возбудили во мнѣ такое участіе...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (пожимая ему руку). Отъ души благодарю васъ, любезнѣйшій другъ!

ЛЕЛИЯ (всторону). Боже мой!... Онъ ему хочетъ прочесть...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. (вынувъ изъ кармана нѣсколько бумагъ и отыскивая между ними письмо). Нѣтъ, это не то!... Это отъ Памелы!.. (Разсматривая другую записку). Опять не та!.. Это старая исторія!... Но куда же я запряталъ это письмо?... А! Вотъ!...

СЮЛЛИВАНЪ (*взявъ письмо*). Покажите!...

(*Сиръ Фредерикъ, кладя прочія бумаги въ карманъ, роняетъ наполь записку Памелы и не замѣчаетъ вовсе своей потери*).

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Вы будете очень счастливы, если поймете что-нибудь!...

СЮЛЛИВАНЪ (*читая съ волненіемъ*). «Простите, простите меня, добрыйшій папа!... Пишу вамъ это письмо на колышкахъ... Я не въ силахъ побѣдить свои чувства!... Тотъ, котораго по вашему желанію, я должна была возненавидѣть... тотъ любимъ мною!» (*Лелія скрывается*).

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Ну, разберите, что это такое?...

СЮЛЛИВАНЪ (*продолжая*). «Тотъ, за котораго вы хотѣли выдать меня замужъ, ненавистенъ для меня!»

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Это я понимаю!

СЮЛЛИВАНЪ (*оканчивая письмо, съ большимъ волненіемъ*). «Одно слово, безцѣнный папа! Скажите одно только слово, которое могло бы удостовѣрить, что вы не желаете несчастья вашей дочери... И она упадетъ къ вашимъ ногамъ!» (*Минута молчанія*).

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*взявъ у Сюлливана письмо и кладя его въ карманъ*). Ну, что вы скажете?

СЮЛЛИВАНЪ (*всторону*). Я едва могу скрыть мой восторгъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Ну, не чистая ли галиматья?.. Все, что только могу я понять, это одно, что у меня есть соперникъ, котораго я еще не знаю, но непременно убью!

СЮЛЛИВАНЪ. А отецъ ея ничего вамъ не сказалъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Помилуйте! Отъ него теперь не добьешься ни одного путнаго слова!.. (*Передразнивая*). «Ахъ, я несчастный!» Я это предвидѣлъ!..» Бѣгаетъ какъ сумасшедшій, тревожитъ констеблей, и больше ничего!.. По моему, было бы гораздо проще, узнать похитителя... и отправить его на тотъ свѣтъ!.. И я это сдѣлаю... непременно сдѣлаю... Только бы намъ кончить расчеты съ Маклинномъ!.. Отправимтесь же скорѣе... Берите вашъ плащъ!

СЮЛЛИВАНЪ (*идя медленно къ креслу, на которомъ повѣшенъ плащъ*). Ахъ! Теперь... было бы ужасно умереть!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*принимая его слова на свой счетъ*). Сохрани васъ Боже!.. Вы мнѣ очень нужны!.. Я твердо увѣренъ, что Лелія въ эту минуту отыскиваетъ своего Ловеласа!

СЮЛЛИВАНЪ (*держась уже рукою за плащъ*). Вы увѣрены?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Какъ въ самомъ себѣ!... И это еще больше усиливаетъ мое бѣшенство!

СЮЛЛИВАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ!... Этого не можетъ быть! (*Взавъ плащъ и обнаружива тѣмъ Лелію, невольно вскрикиваетъ при видѣ ея*). О, Боже!

ЛЕЛІЯ (*спрятавъ голову за кресла, едва слышнымъ голосомъ*).
Ахъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*не замѣтивъ ничего*). Чтѣ съ вами?

СЮЛЛИВАНЪ (*въ сильномъ смущеніи*). Ничего... ничего!... Я... Миѣ показалось... (*Показывая на часы*), что назначенный часъ прошелъ... Я испугался... думалъ, что мы ужъ опоздали...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Ничего не бывало!... Ъдемте же!

СЮЛЛИВАНЪ. Да... да... Ъдемте!... (*Всторону*). Боже мой! Оставить ее здѣсь... Одну!...

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (*у средней двери*). Ну, чтѣжь вы?

СЮЛЛИВАНЪ. А возвращусь ли я еще?... (*Съ силой, смотря въ ту сторону гдѣ Лелія*). О! возвращусь! возвращусь непременно!... (*Уходитъ съ сирѣ Фредерикомъ въ среднюю дверь*).

VI

ЛЕЛІЯ. одна. Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ средней двери, какъ бы для того, чтобы удержать ихъ.

Онъ ѣдетъ, быть-можетъ, на смерть!... И я не смѣла остано-
вить его!... Присутствіе Сирѣ Фредерика и угрозы его привели меня
въ ужасъ!... (*Подходя еще ближе къ средней двери и прислу-
шивая*). Карета удаляется!... Теперь ужъ поздно!... Сюлливанъ ме-
ня видѣлъ... Здѣсь... У себя въ комнатѣ... Онъ не знаетъ причины,
которая привела меня къ нему... Боже мой! Чтѣ онъ подумаетъ обо
мнѣ!... (*Съ замѣшательствомъ*). О! какое неблагоразуміе... Чтѣ
скажетъ папа... когда узнаетъ... (*Поспѣшно*). Скорѣй, скорѣй изъ
этого дома... пока еще не подозреваютъ... (*За сценой шумъ; слы-
шны голоса Дженкинса и Диксона*).

ДЖЕНКИНСЪ (*за сценой*). Неужели она здѣсь?

ЛЕЛІЯ (*съ ужасомъ*). Это онъ!

ДЖЕНКИНСЪ (*за сценой*). Я хочу ее видѣть!

ДИКСОНЪ (такъ же). Милостивый государь...

ДЖЕНКИНСЪ (такъ же). Какъ мошенникъ! Ты смѣешь меня не пускать!... (Слышенъ звукъ пощечины).

ЛЕЛІА (со страхомъ). Я погибла! (Средняя дверь открывается).

—

VII.

ДЖЕНКИНСЪ, ДИКСОНЪ, въ глубинѣ направо; **ЛЕЛІА** налѣво, близъ стола.

ДЖЕНКИНСЪ (входя и увидя *Лелію*). Ну, что я говорилъ?

ДИКСОНЪ (всторону). Прекрасная незнакомка еще здѣсь!...

ДЖЕНКИНСЪ (*Диксону*). Оставь насъ!...

ДИКСОНЪ. Но... милордъ... мнѣ дано приказаніе... и моя совѣсть...

ДЖЕНКИНСЪ (давъ ему горсть золота). Вотъ тебѣ... для успокоенія совѣсти!...

ДИКСОНЪ (намъреваясь идти). О!...

ДЖЕНКИНСЪ (остановивъ его, вполмогоса). Распорядись, чтобъ карета ждала меня въ концѣ улицы... Будь скромень, и я устрою твою судьбу!..

ДИКСОНЪ (поспѣшно). Будьте покойны!.. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

—

VIII.

ДЖЕНКИНСЪ, ЛЕЛІА. Минута молчанія.

ДЖЕНКИНСЪ (медленно подходя къ ней). Ты не смѣешь поднять глазъ!..

ЛЕЛІА (всторону). Я едва стою!

ДЖЕНКИНСЪ (въ сильномъ волненіи). Ты... здѣсь... у него!...

ЛЕЛІА (слабымъ голосомъ). Папа!...

ДЖЕНКИНСЪ. Несчастная!... (*Остановившая жестомъ Лелію, которая хотѣла приблизиться къ нему*). Но я одинъ во всемъ

виновенъ!.. Я былъ слишкомъ слабъ!.. Мнѣ должно было держать тебя въ строгомъ повиновеніи... а не быть твоимъ рабомъ!... Да! да!... Я былъ твой рабъ... а ты моя полная повелительница!... Мнѣ это нравилось... я былъ такъ счастливъ!... (*Горячо*). И вотъ что изъ этого произошло!... Но ты тутъ мѣше виновата, чѣмъ этотъ ужасный Сюлливанъ!... Онъ, подъ видомъ исполненія моихъ желаній, сыгралъ со мною самую жестокою шутку!...

ЛЕЛІА. Сюлливанъ?

ДЖЕНКИНСЪ (*спохватясь*). Конечно... быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ и поступаетъ какъ честный человѣкъ... Онъ и со мной началъ прекрасно... но теперь я вижу, что это была одна западня... онъ надѣвалъ на себя гнусную личину для того только, чтобъ послѣ похитить тебя изъ родительскаго дома!..

ЛЕЛІА (*поспѣшно*). О, нѣтъ, нѣтъ!.. онъ ничего не зналъ...

ДЖЕНКИНСЪ, Молчи, молчи!.. не защищай его!.. Я слышалъ много объ этихъ актерахъ... они все на одну стать... у нихъ нѣтъ никакихъ правилъ... нѣтъ ни вѣры, ни совѣсти!.. Сознайся... вѣдь онъ тебя увезъ къ себѣ?..

ЛЕЛІА. Нѣтъ!.. я пришла къ нему сама!

ДЖЕНКИНСЪ. Положимъ такъ... но вѣдь онъ убѣдилъ тебя своими обольстительными рѣчами и клятвами?..

ЛЕЛІА. Нѣтъ!.. клянусь, онъ ничего мнѣ не говорилъ!.. Я убѣждала изъ дома для того, чтобъ испросить себѣ убѣжища у тетушки и сестрицы Арабеллы... но прежде я хотѣла отговорить Сюлливана отъ дуэли, которая могла разнести невыгодную обо мнѣ молву!.. Вотъ для чего я пришла сюда... но слишкомъ уже поздно!

ДЖЕНКИНСЪ (*добродушно*). Ты обманываешь меня!.. (*Взявъ ее за руку*). Или, лучше сказать, ты хочешь, бѣдняжка, обмануть себя!.. Ты пришла сюда для того, чтобъ его видѣть и найти въ немъ противъ меня помощь и защиту!

ЛЕЛІА. Противъ васъ?.. о!..

ДЖЕНКИНСЪ. Пу, хорошо!.. если это не такъ... мы можемъ еще все поправить... Будь же, добра и послушна, Лелія... общай повиноваться мнѣ...

ЛЕЛІА (*съ трепетомъ*). Вамъ повиноваться?

ДЖЕНКИНСЪ. П повѣрь, никто не усомнится въ тебѣ... даже самъ Фредерикъ никогда ничего не узнастъ!..

ЛЕЛІА. Фредерикъ!.. (*Нѣжно*). Ахъ, папа! вы меня такъ всегда любили...

ДЖЕНКИНСЪ. А! я понимаю, чего ты хочешь... (*Ободрясь*). Но на

этотъ разъ ты ошиблась... у меня станетъ довольно характера для того... словомъ, я хочу, чтобъ ты покорилась моей волѣ!..

ЛЕЛИЯ. Папа! вы не хотите понять меня... вы не видите ужасныхъ послѣдствій отъ этаго брака!.. Вѣдь вы хотите принести меня въ жертву и на всю жизнь заковать въ цѣпи!.. Васъ оскорбляетъ мой выборъ?.. Хорошо... я готова отъ него отказаться!.. но взамѣнъ, умоляю васъ именемъ Бога... чувствами вашей любви ко мнѣ... не требуйте отъ меня ничего болѣе... не принуждайте меня видѣть безпрестанно подлѣ себя челоуѣка, который будетъ имѣть всегда право потребовать отъ меня отчета... за одно слово, за улыбку... даже за мысль... тогда, какъ сердце мое будетъ постоянно хранить образъ другаго!.. (*Со слезами*). Вотъ что для меня ужасно... и, быть-можетъ, доведетъ меня до могилы!..

ДЖЕНКИНСЪ. Та, та, та!.. обыкновенная ваша пѣсня!.. Всѣ дѣвушки таковы!.. не исполни ихъ каприза... такъ ужъ тотчасъ должны и умереть!.. (*Колѣблясь*). Но это все вздоръ... неправда-ли... вѣдь чистый вздоръ... (*Спохватясь*). И можетъ-ли быть иначе... отъ этаго никогда не умираютъ! (*Защищаясь противъ ласкъ Лелии*). Да, я и не видывалъ примѣровъ... чтобъ кто-нибудь... нѣтъ, нѣтъ!.. я не позволю водить себя за носъ!.. У меня станетъ на это характера!.. Хоть одинъ разъ въ жизни... да ужъ поставлю на своемъ!.. Помилуйте! на что это похоже?.. я забочусь о ея счастіи... нашель ей прекраснѣйшаго мужа... потому-что Сиръ Фредерикъ...

ЛЕЛИЯ (*перебивая его*). Самый вѣтренный и безхарактерный челоуѣкъ!.. Какая разница съ тѣмъ... котораго даже имени я не смѣю прозвѣстовать предъ вами!.. это...

ДЖЕНКИНСЪ. Не говори мнѣ о немъ!.. не говори никогда ни одного слова!.. Да это... просто, надо съума сойти!.. Этотъ скверный Сюливанъ околдовалъ ее!.. (*Придя въ себя*). И ты ему вѣришь!.. а онъ тебя, какъ дурочку, надуваетъ! (*Подходя къ столу и показывая на бумаги*). Посмотри... вотъ эти всѣ бумажки... все записки отъ разныхъ женщинъ! а онъ ихъ ни во что не ставитъ... (*Показывая наполю, на записку, которую потерялъ Сиръ Фредерикъ*). Вонъ... даже у него на полу валяются записки!.. возьмемъ для примѣра хоть эту... (*Поднявъ записку*). Я тебѣ прочту...

ЛЕЛИЯ (*отвратясь отъ него, стыдливо*). Папа... умоляю васъ.

ДЖЕНКИНСЪ. Нѣтъ, нѣтъ... я хочу убѣдить тебя... (*Про себя, прочитавъ адресъ*). Что такое?.. Сиръ Фредерику!.. Какимъ образомъ попала сюда эта записка?.. (*Смотря подпись*). Памела!.. что это за Памела? (*Положивъ записку въ карманъ*). Гмъ!.. мы должны съ нимъ объясниться!.. (*Вслухъ перемѣнивъ тонъ*). Ну, такъ

и быть... если ты не хочешь... изволь, я не буду читать!.. а ужъ ты удостовѣрилась-бы непременно, какія чудовища всѣ эти господа!.. (*Смячаясь*). Ну, полно же, успокойся, Лелія... скажи, ты меня любишь?

ЛЕЛІА (*съ порывомъ*). Неужели вы сомнѣваетесь?..

ДЖЕНКИНСЪ. Имѣю причину сомнѣваться!.. Но если ты меня любишь... такъ будь же умницей... поѣдемъ со мной!

ЛЕЛІА (*поспѣшно*). О, я готова ѣхать... съ тѣмъ только, чтобъ никогда васъ не оставлять... чтобъ окружить васъ моими ласками и заботами... я готова... готова отъ души!..

ДЖЕНКИНСЪ. Этого мало!.. Я хочу, чтобъ ты повиновалась моимъ желаніямъ... потому-что всякая дочь должна повиноваться волѣ отца!.. И такъ слушай же меня: недалѣе, какъ сегодня, ты выйдешь за мужъ за Фредерика!..

ЛЕЛІА (*съ отчаяніемъ*). Никогда!.. лучше я удаюсь на всегда!

ДЖЕНКИНСЪ (*съ изумленіемъ*). И ты въ состояніи меня покинуть?..

ЛЕЛІА (*простирая къ нему руки*). Простите... простите меня!

ДЖЕНКИНСЪ (*отталкивая ее*). Неблагодарная!.. и ты могла сказать!.. Нѣтъ ты никогда меня не любила!..

ЛЕЛІА. О, не говорите этого!

ДЖЕНКИНСЪ (*печально*). Теперь... теперь я самъ болѣе не люблю тебя... ты не дочь моя...

ЛЕЛІА (*умоляя его*). Нѣтъ, нѣтъ...

ДЖЕНКИНСЪ. Ты думаешь, у меня неостанетъ силъ отказаться отъ тебя... но ты увидишь... я тебѣ докажу... (*Съ невольными слезами*). Докажу, что здѣсь... (*Показывая на сердце*) не осталось даже воспоминанія о тебѣ!.. Прощай!..

ЛЕЛІА. Ахъ! сжальтесь...

ДЖЕНКИНСЪ (*съ волненіемъ и слезами*). Быть-можетъ, ты еще и образумишься!.. когда по всей Англіи разнесется молва о твоёмъ дурномъ поступкѣ... когда ты увидишь презрѣніе своихъ родныхъ и знакомыхъ... тогда ты вспомнишь о своемъ отцѣ... ты придеши ко мнѣ... но я не пущу тебя на свои глаза!.. (*Задыхающимся голосомъ*). Нѣтъ, нѣтъ... лучше не приходи... я не ручаюсь за себя... прощай!..

ЛЕЛІА (*бросаясь предъ нимъ на колѣна*). Папа!.. простите!..

ДЖЕНКИНСЪ (*съ силой отталкивая ее*). Прочь!

ЛЕЛІА (*съ крикомъ*). Ахъ!.. (*Закрывъ лицо руками, падаетъ почти безъ чувствъ. Дженкинсъ невольно оглядывается и видя ея положеніе, готовъ уже подойти къ ней, но внезапно останавливается.*

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Неужели я долженъ ее оставить!.. Нѣтъ,

нѣтъ... я не въ силахъ!.. (Какъ-бы пораженный какою-то мыслию). Ахъ!.. одно только средство можетъ спасти ее!.. скорѣй! скорѣй!.. (Поспѣшно уходитъ въ среднюю дверь).

IX.

ЛЕЛІЯ (одна, приходя, мало-по-малу, въ себя). Онъ ушелъ!.. не хотѣлъ ничего слышать!.. неужели я это заслужила?.. О, да... конечно... такой добрый... такой снисходительный отецъ не можетъ быть несправедливымъ!.. (Осматриваясь и повторяя слова отца). «Не осталось даже воспоминаніи о тебѣ!..» Но Сюлливана нѣтъ здѣсь... я пришла къ нему, какъ къ благороднѣйшему изъ людей!.. какъ къ человѣку, который, любя меня, имѣлъ силу пожертвовать своимъ счастьемъ... который даже въ эту минуту... жертвуетъ своею жизнію! (Съ грустнымъ воплемъ, положивъ руку на сердце). Ахъ! папа разгадалъ мои чувства!.. Я хочу обмануть себя... (Страстно). Я страшусь за Сюлливана!.. быть-можетъ его ужъ нѣтъ на свѣтѣ,.. я его больше не увижу!.. (Въ средней двери показывается Сюлливанъ. Съ радостнымъ крикомъ). Ахъ!..

X.

ЛЕЛІЯ, СЮЛЛИВАНЪ.

СЮЛЛИВАНЪ. Лелія!

ЛЕЛІЯ. Это онъ! (Въ волненіи, облакачивается на спинку кресла, впереди нальво).

СЮЛЛИВАНЪ (подбѣгая къ ней). Я васъ вижу!.. наконецъ, я васъ вижу!

ЛЕЛІЯ (съ трепетомъ). Ради Бога... скажите... Эта дуэль?..

СЮЛЛИВАНЪ. Успокойтесь... все кончилось благополучно... я обезоружилъ моего противника... и онъ мнѣ поклялся сохранить въ величайшей тайнѣ наше происшествіе!..

ЛЕЛІЯ (подходя на аванъ-сцену). О, Боже! благодарю Тебя!..

кровь не была пролита за меня!.. (*Робко и съ муцениемъ*). Теперь... я должна объяснить вамъ причину, которая привела меня сюда...

СЮЛЛИВАНЪ (*поспѣшно*). О, миссъ... я тотчасъ—же ее разгадалъ!.. Вамъ неприятна была эта дуэль, которая дѣйствительно могла стоить жизни одному изъ насъ!.. вы желали, чтобъ она не состоялась!

ЛЕЛІЯ (*всторону*). Онъ самъ хочетъ оправдать меня въ собственныхъ моихъ глазахъ!

СЮЛЛИВАНЪ. Во всякомъ случаѣ, вамъ безпокоиться нечего... я принялъ все предосторожности... и передъ отъѣздомъ строго запретилъ пускать кого-бы ни было сюда!

ЛЕЛІЯ (*печально*). Однакожъ, мой отецъ былъ здѣсь!

СЮЛЛИВАНЪ (*съ удивлениемъ*). Вашъ отецъ!

ЛЕЛІЯ. Онъ сію минуту вышелъ изъ этой комнаты!

СЮЛЛИВАНЪ. Онъ васъ видѣлъ!..

ЛЕЛІЯ. Можете судить, въ какомъ онъ былъ негодованіи!.. (*Печально опустивъ голову*). Онъ лишилъ меня всякой надежды на счастье... приобрѣсть его любовь могу я только одной цѣною... (*Опустивъ глаза*). Но... признаюсь вамъ. Я не могу повиноваться его волѣ... (*Грустно*). И за это... онъ отвергаетъ меня... онъ не хочетъ меня больше видѣть!..

СЮЛЛИВАНЪ (*поспѣшно*). Нѣтъ, это невѣроятно!.. Г. Дженкинсъ!..

ЛЕЛІЯ (*горестно*). Все кончено, говорю я вамъ!.. (*Съ возрастающей печалью*). У меня теперь нѣтъ ни защитника... ни покровителя!..

СЮЛЛИВАНЪ (*съ чувствомъ*). О, не тревожьтесь, Лелія... (*Увидя, что ей дѣлается дурно, поддерживаетъ ее*). Лелія! Лелія!.. (*Про себя, со страхомъ*). Боже мой!.. Эта внезапная блѣдность... я страшусь за ея жизнь!.. (*Подведя ее осторожно къ креслу пальво и сажая въ него, ищетъ глазами флакона со спиртомъ*). Чѣмъ ей помочь?... ахъ! у меня тамъ въ комнатѣ... (*Убѣгаетъ въ комнату на право*).

Въ это время открывается шпалерная дверь, въ углу направо, и въ комнату входятъ украдкою Дженкинсъ и сиръ Фредерикъ.

XI.

ТѢЖЕ. ДЖЕНКИНСЪ, СИРЪ ФРЕДЕРИКЪ, въ глубинѣ сцены.

ДЖЕНКИНСЪ (*тихо сиръ Фредерику*). Сюлливанъ никого не прика-

заль впускать сюда... но я подбунтилъ его лакея... онъ проведеть насъ секретнымъ ходомъ... и теперь ждетъ тамъ внизу... (*Увидя Лелію и показывая на нее*). Смотри!.. Правду-ли я тебѣ сказалъ?

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (*въ полголоса*). Лелія!.. у Сюлливана!.. (*Съ мнѣ-вомъ и намъреваясь подойти къ ней*). О! я...

ДЖЕНКИНСЪ (*удерживая его, тихо*). Молчи и слушай меня... Бѣги скорѣе за Альдерманомъ!.. Я подалъ жалобу... мнѣ хочется, чтобъ этого похитителя предали суду и отправили въ Ботани-Бей!

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (*тихо*). Но, позвольте, дядюшка... я долженъ прежде сдержать свое слово... и убить его!

ДЖЕНКИНСЪ (*тихо*). Молчи... и повинуйся мнѣ!.. (*Выталкивая его насильно въ шпалерную дверь*). Будь покоенъ! Я не оставлю ее одну съ этимъ негодяемъ!.. (*Сирь Фредерикъ скрывается за дверью въ ту минуту какъ Сюлливанъ, съ флакономъ въ рукѣ, появляется изъ комнаты съ правой стороны и подбѣгаетъ къ Леліи. Дженкинсъ, осторожно заперевъ шпалерную дверь, входитъ нацыпочкахъ въ комнату на право и прячется за портьеру. Между-тѣмъ, Сюлливанъ, стоя на колынахъ предъ Леліей, старается привести ее въ чувство и даетъ ей нюхать спиртъ.*

ХІІ.

ЛЕЛІЯ, СЮЛЛИВАНЪ, ДЖЕНКИНСЪ, за портьерой.

СЮЛЛИВАНЪ (*нѣжно*). Успокойтесь!.. придите въ себя, милая Лелія!..

ЛЕЛІЯ (*мало-по-малу, приходя въ себя, слабымъ голосомъ*). О, Боже мой! зачѣмъ я не умерла!..

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону со страхомъ*). Вотъ еще выдумка!.. сохрани тебя Боже!

СЮЛЛИВАНЪ. Полноте!.. къ чему эти ужасныя мысли?.. Еслибъ услышалъ вашъ батюшка...

ЛЕЛІЯ. Быть-можетъ, онъ пожалѣлъ-бы и поплакалъ тогда обо мнѣ!.. а теперь... онъ уже не любитъ меня больше!.. онъ мнѣ самъ сказалъ!

СЮЛЛИВАНЪ (*кратко*). Но вѣрьте ему, Лелія!.. привязанность его къ вамъ заглушена только временнымъ гнѣвомъ... Любовь отца не гаснетъ произвольно... какъ-бы онъ не усиливался уничтожить эту любовь, но она всею остается, хотя скрытно, въ глубинѣ его сердца!

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Совершенно такъ!.. злодѣй знаетъ меня лучше, чѣмъ я самъ себя знаю!..

ЛЕЛІЯ. Нѣтъ, его оскорбленная гордость никогда не проститъ меня!.. (*Съ безпокойствомъ*). И увѣрена, что вы сами г. Сюлливанъ, обвиняете меня за мое неблагоразуміе!

СЮЛЛИВАНЪ (*съ жаромъ*). Ахъ!.. мисъ!.. что вы говорите?.. Выше уважать васъ не возможно, какъ уважаю я васъ!.. Я готовъ отдать мою жизнь, чтобы очистить васъ отъ малѣйшаго подозрѣнія!.. Еще незная вашего имени... я уже вѣрилъ въ чистоту и непорочность вашего сердца!.. О, Лелія!.. еслибъ вы могли заглянуть въ глубину моей души... еслибъ видѣли въ ней всѣ страданія и мученія, какія я долженъ былъ перенести вчера въ вашемъ домѣ... тогда-бы удостовѣрились, что нѣтъ жертвы, которую-бы, какъ дань моего счастья, не рѣшился я принести для вашего спокойствія.

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Это, просто, сообщникъ сатаны!.. Вотъ они чѣмъ сводятъ съ ума несчастныхъ дѣвушекъ!

ЛЕЛІЯ. Благодарю васъ, г. Сюлливанъ... благодарю, что вы не отняли у меня единственнаго утѣшенія въ жизни!.. я знаю... я ужъ потеряна въ глазахъ моихъ родныхъ и въ мнѣніи свѣта... теперь, кромѣ васъ, у меня нѣтъ другой поддержки... (*Съ увлеченіемъ*). Теперь вы властелинъ моей судьбы!..

СЮЛЛИВАНЪ. Вашей судьбы!

ДЖЕНКИНСЪ (*всторону*). Что, злодѣй! Добился таки того, чего хотѣлъ!

ЛЕЛІЯ (*вставъ, рѣшительно*). Говорите... приказывайте... Я готова слѣдовать за вами повсюду!.. Я съ гордостью буду носить ваше имя!..

СЮЛЛИВАНЪ (*едва воздерживаясь отъ восторга*). Возможно-ли!.. Вы... (*Минута молчанія*). Нѣтъ, Лелія!.. нѣтъ!.. Я не долженъ... не могу рѣшиться на поступокъ, недостойный ни васъ, ни меня!.. (*Съ чувствомъ*). Я васъ люблю... люблю какъ нельзя уже больше любить!.. Какъ никто не будетъ васъ любить! Въ первую минуту... когда я увидѣлъ васъ здѣсь... мною овладѣлъ какой-то безумный восторгъ... я не могъ обуздать своихъ чувствъ!.. говорю вамъ чистосердечно.. въ глазахъ вашихъ, я не хочу быть лучше того, чѣмъ наградилъ меня Богъ!.. Еслибъ я повиновался только силѣ моей любви... повѣрьте, не медля ни минуты, посвятилъ бы вамъ всю мою жизнь... и какъ небесную милость принялъ бы то счастье, которымъ вы хотите надѣлать меня!.. (*Медленно съ глубокимъ чувствомъ*). Но надъ моей любовью, Лелія... преобладаютъ другія чувства... Это честь моя... честь ваша... и вся ваша будущность!

ДЖЕНКИНСЪ (*съ удивленіемъ всторону*). Онь ли это говорить?..
СЮЛЛИВАНЪ (*продолжая*). Я не говорю уже о томъ, какую страшную молву произведеть подобный бракъ!.. не говорю, какое бы осужденіе встрѣтилъ я въ свѣтъ за то, что осмѣлился вырвать васъ изъ общества, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, для меня недоступнаго!... Я хочу говорить только о васъ... о томъ несчастіи, которое можетъ постигнуть васъ въ—послѣдствіи!

ДЖЕНКИНСЪ (*еще съ большимъ удивленіемъ, всторону*). Я, просто, не вѣрю своимъ ушамъ!

СЮЛЛИВАНЪ. Въ жизни нашей, Лелія, не возможно быть счастливымъ однимъ своимъ блаженствомъ!.. счастье наше заключается въ счастіи другихъ и въ безропотномъ исполненіи нашихъ обязанностей!.. (*Съ волненіемъ*). Я испыталъ это, Лелія!.. У меня была мать... которая любила меня безпредѣльно... для которой я самъ отдалъ бы мою жизнь!.. а между—тѣмъ я избралъ, противъ ея воли, сценическое поприще... и этимъ невыразимо огорчилъ и опечалилъ ее!.. Бѣдная матушка! она предвидѣла и предсказала мою мучительную будущность!.. Она меня простила... но я никогда не могъ себя простить... и когда она скончалась... ея слезы тяжелымъ камнемъ цали на мою совѣсть!.. воспоминаніе это до—сихъ—поръ еще терзаетъ меня!.. (*Отверевъ слезу*). Никакая слава... никакіе успѣхи не въ состояніи выкупить моихъ мученій!

ЛЕЛІЯ (*съ волненіемъ*). Что я слышу!..

СЮЛЛИВАНЪ. Всякій день укоряю я себя за мой ужасный поступокъ... который, быть—можетъ, ускорилъ ея кончину!

ЛЕЛІЯ (*примѣняя его слова къ себѣ*). О, Боже!

СЮЛЛИВАНЪ. Подумайте—же, Лелія... если и вашъ отецъ не перенесетъ вашего ослушанія...

ЛЕЛІЯ (*съ крикомъ*). Не договаривайте!..

СЮЛЛИВАНЪ (*поспѣшно*). О! тогда вы сами будете презирать меня!.. и поступите справедливо!

ЛЕЛІЯ (*пораженная*). Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно!.. а между—тѣмъ, одна мысль... о, Боже мой!.. Божо мой!.. Что мнѣ дѣлать?..

СЮЛЛИВАНЪ (*взявъ ее за руку*). Дѣлайте то, что говоритъ въ эту минуту ваше сердце!.. Но прежде, чѣмъ мы разстанемся навсегда... (*Движеніе Леліи*) выслушайте, что скажетъ вамъ сердце честнаго человѣка: оно желаетъ, чтобъ моя Лелія снова заняла свое почетное мѣсто въ свѣтъ... чтобъ она могла показаться въ немъ безъ смущенія, съ яснымъ челомъ!.. чтобъ она могла гордиться любовью своего

отца... и безропотно покоряться его волѣ... Наконецъ, чего желаю я больше всего... чтобъ въ будущемъ дѣти ея гордились своей матерью, не увлекались пагубными примѣрами, и никогда не терзали ея душу!

ЛЕЛІА (*со страхомъ*). Г. Сюлливанъ!

СЮЛЛИВАНЪ. Не оставляйте своего отца, Лелія!.. Ваша покорность... ваша вѣжливость успокоятъ и осчастливятъ закатъ его жизни!.. Въ этихъ попеченіяхъ заключается первая и отрадная обязанность дочери!.. Если мужъ, котораго вамъ назначить отецъ, не оправдаетъ въ послѣдствіи его надеждъ... если онъ увидитъ ваши страданія... повѣрьте, Лелія... онъ будетъ болѣе васъ несчастенъ... потому-что вы покорились его волѣ!.. Не ропщите на него и въ то время, Лелія... но твердо перенося свою судьбу, утѣшайте и тогда своего отца!

ЛЕЛІА (*съ увлеченіемъ*). Я покорюсь вамъ во всемъ... вы слышали... я уже вамъ сказала, что вы властелинъ моей судьбы!.. Приказывайте!.. даю вамъ клятву, я исполню все!

СЮЛЛИВАНЪ (*скрывая волненіе и стараясь казаться спокойнымъ*). И такъ... слушайте же меня, Лелія... я отведу васъ къ г. Дженкинсу!.. Я скажу ему: вотъ ваша дочь... она все такъ же чиста... и достойна васъ, какъ прежде!.. Возьмите ее... я вамъ ее возвращаю!..

ДЖЕНКИНСЪ (*въ слезахъ выбѣгая изъ комнаты нальво и становясь между ними, схватываетъ за руку Лелію*). А я принимаю... (*Сюлливану*). Но для того только, чтобъ отдать ее... тебѣ... тебѣ, честнѣйшій человекъ въ мірѣ!

СЮЛЛИВАНЪ (*внѣ себя*). Что я слышу!..

ЛЕЛІА (*въ объятіяхъ Дженкинса*). Пана!.. пана!..

ДЖЕНКИНСЪ (*цѣлуя ея нѣсколько разъ*). Лелія!.. дитя мое!..

ЛЕЛІА (*обнимая отца*). Вы не обманываете меня, папа?

ДЖЕНКИНСЪ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Онъ только одинъ достоинъ тебя!.. Моя индѣйская компанія можетъ говорить что ей угодно... (*Сюлливану*). А ты все-таки будешь моимъ зятемъ!

СЮЛЛИВАНЪ. Я... вашимъ зятемъ?..

ДЖЕНКИНСЪ. Ну, да, разумѣется!.. Мало того, стану ѣздить въ театръ... буду тебѣ аплодировать!.. и даже буду предъ всѣми гордиться тобою!..

СЮЛЛИВАНЪ. (*съ изумленіемъ*). Я не смѣю вѣрить... (*Недовѣрчиво*). Г. Дженкинсъ... вы теперь увлечены... но, быть-можетъ, скоро раскаяетесь... я боюсь согласиться...

ДЖЕНКИНСЪ (съ удивленіемъ). Что это! Да онъ еще раздумываетъ!.. (Какъ бы что припоминая) А!.. теперь я припоминаю... Это все твоя гордость... (Церемоніально, но съ видомъ добродушія). Г. Жоржъ Сюлливанъ!.. позвольте мнѣ просить васъ осчастливить меня союзомъ съ моею дочерью!..

СЮЛЛИВАНЪ (бросаясь къ нему и намыриваясь поцѣловать его руку). Ахъ!..

ДЖЕНКИНСЪ (съ отверстыми объятіями). Сюда, мой сынъ!.. въ мои объятія!.. Мнѣ ужъ давно хочется тебя разцѣловать!.. (Дочери). Ну, что... счастлива-ли ты теперь? довольна-ли мною?..

ЛЕЛІЯ (съ восторгомъ). Ахъ! какъ бы я желала любить васъ во сто разъ больше, чѣмъ люблю теперь!

XIV.

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ, ДЖЕНКИНСЪ, ЛЕЛІЯ, СЮЛЛИВАНЪ; въ глубинѣ альдерманъ и нѣсколько полпейскихъ.

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (войдя въ среднюю дверь и обращаясь къ альдерману). Прикажете поставить людей ко всеѣмъ выходамъ... чтобъ никто не могъ отсюда выйти!..

СЮЛЛИВАНЪ (съ удивленіемъ). Что это значитъ?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (съ негодованіемъ). Вы сію минуту узнаете это, милостивый государь!.. (Дженкинсу). Вотъ дядюшка... я привелъ альдермана!..

ДЖЕНКИНСЪ (забывъ свое порученіе). Альдермана!.. Для чего это?

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ. Какъ для чего? (Показывая на Сюлливана). Чтобъ отвезти его въ Ботани-Бей.

ЛЕЛІЯ и СЮЛЛИВАНЪ. Что?..

ДЖЕНКИНСЪ (улыбаясь). Ахъ, да!.. я и забылъ!.. (Сиръ Фредерику). Нѣтъ, ужъ не нужно!.. я передумалъ!

СИРЪ ФРИДЕРИКЪ (простодушно). А! такъ стало, вы хотите уехать его куда-нибудь подальше?..

ДЖЕНКИНСЪ. Напротивъ... удержать при себѣ!.. А что касается до нашего любезнаго альдермана... такъ присутствіе его очень кстати... онъ будетъ свидѣтелемъ при брачномъ уговорѣ...

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ. При брачномъ уговорѣ... при какомъ же это?

ДЖЕНКИНСЪ. При брачномъ уговорѣ моей дочери съ Сюзливаномъ...

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (*какъ въ безуміи*).. Съ Сюзливаномъ!.. И вы говорите серьезно!.. Нѣтъ, дядюшка! я этого не позволю!

ДЖЕНКИНСЪ (*тихо*) . Теть!.. прошу не шумѣть, любезный племянникъ!.. или берегись! Я тотчасъ извѣщу Памелу!

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (*съ смущеніемъ, тихо*). Памелу?.. Чтó это такое?.. Какую Памелу?..

ДЖЕНКИНСЪ. Ты это лучше меня знаешь!.. (*Обернувшись къ нему спиною, держитъ за нею, предъ его глазами, письмо, поднятое на полу въ VII сценѣ*).

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (*взглянувъ на письмо, всторону*). Какимъ образомъ попала къ нему эта записка?.. Ужъ не продаетъ ли Памела свои автографы!

ДЖЕНКИНСЪ (*тихо*). Я считалъ тебя всегда человѣкомъ разсудительнымъ... и увѣренъ, что ты подпишешь свадебный контрактъ Леліи!

СЮЛЛИВАНЪ (*сирь Фредерику*). Сирь Фредерикъ!.. Надѣюсь, мнѣ не нужно увѣрять васъ, что еще сегодня утромъ я ничего не зналъ...

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (*важно*). А я, милостивый государь, не вѣрю вамъ и имѣю право требовать... (*Дженкинсъ по прежнему показываетъ ему письмо*) Но я... такъ уважаю дядюшку... что... (*Смотря на записку, всторону*). По милости этой проклятой записки... я долженъ, волей —неволей, молчать!..

ДЖЕНКИНСЪ (*довольный*). Ну, давно-бы такъ!

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ (*всторону*). Это значить, что я теперь въ чистой отставкѣ!.. (*Съ ироніей Дженкинсу, который жметъ ему руку*). Однакожъ странно, дядюшка... вы, кажется, вовсе не любите театра!..

ДЖЕНКИНСЪ. За то теперь буду ѣздить всякій день!.. Почему знаешь?.. Быть-можетъ, я и найду тамъ что-нибудь интересное...

СИРЬ ФРИДЕРИКЪ. Увидимъ!.. (*Въ полголоса*). Но во всякомъ случаѣ, дядюшка... мнѣ кажется, что быть тестемъ актера...

ДЖЕНКИНСЪ. Нисколько неунизительно!.. Я вовсе не желаю, чтобъ мой поступокъ послужилъ примѣромъ другимъ отцамъ... не думаю такъ, чтобъ и всѣ артисты были Сюзливаны... но все-таки... могу теперь сказать положительно, что между ними, какъ и во всякомъ сословіи, есть отличные люди. (*Взявъ подъ-руку сирь Фредерика*). Видишь-ли чтó, любезнѣйшій другъ, я предполагалъ найти въ Сюзли-

ванъ большіе пороки... но не нашелъ ни одного, а напротивъ, увидѣлъ, что всё они заключаются въ тебѣ... ты только умѣлъ ихъ мастерски скрывать!.. Это обстоятельство измѣнило и дѣло и мои мысли... (Весело). Мы всё актеры... но признаю тебѣ, я предпочитаю теперь гораздо больше того актера, который только по обязанности играетъ на сценѣ!..

II.

КУХМИСТЕРША.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО БЫТА.

М. Л. МИХАЙЛОВА.

Лизвета Максимовна овдовѣла. Кондратій Степановичъ, одинъ изъ близкихъ знакомыхъ ея покойнаго супруга, человекъ очень солидный, назвалъ это обстоятельство трогательнымъ анекдотомъ». Мужъ Лизветы Максимовны, котораго звали Касьяномъ Ивановичемъ, окончилъ свое должное существованіе совершенно—неожиданно, по случаю (говоря слогомъ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ официальныхъ писемъ) приключившагося ему апоплексическаго удара; Лизвета Максимовна вдругъ осталась на Божьемъ свѣтѣ одна одинѣшенька, безъ защитника и покровителя, и даже увы! — безъ дѣтей; имущество, доставшееся Лизветѣ Максимовнѣ въ наслѣдство отъ мужа, состояло все изъ обиходныхъ предметовъ домашняго хозяйства и изъ пятидесяти рублей на серебро, хотя Касьянъ Ивановичъ, казалось, могъ бы скопить капиталецъ и позначительнѣе: жилъ онъ очень — скромно, тише, какъ говорится, воды, ниже травы, даже не всегда приглашалъ къ себѣ гостей на пироги въ свои именины, приходившіяся черезъ три года въ четвертый. Особенно послѣдній пунктъ, то-есть пятьдесятъ цѣл-

ковыхъ наличности, заключалъ въ себѣ мало утѣшительнаго для сердца и мыслей вдовы. Не утѣшась этою наличностью, Лизавета Максимовна не нашла утѣшенія и въ томъ, что вдовство постигло ее въ цвѣтъ лѣтъ (ей было тридцать-два года), въ цвѣтъ силъ и красоты, слѣдовательно, не могло никакъ лишить ее надежды выйти за мужъ.

Безутѣшная Лизавета Максимовна горько плакала и горько жаловалась на свою несчастную судьбу. Кондратій Степановичъ, не даромъ считавшійся другомъ покойника, старался всеми мѣрами внести миръ въ разстроенное сердце прекрасной вдовицы.

— Полноте, полноте терзать-то себя понапрасну, Лизавета Максимовна, говорилъ онъ съ искреннимъ участіемъ. Слезами горю не можете, — себя-то только разстроите.

— Что мнѣ дѣлать теперь, Кондратій Степанычъ, восклицала рыдая Лизавета Максимовна: — что мнѣ дѣлать-то? вы скажите, — куда только дѣнусь я теперь?

— Эхъ, Лизавета Максимовна! мягко и вкрадчиво лепеталъ сердобольный Кондратій Степановичъ. Какъ это можно предаваться такому отчаянію?... Вы, кажется, дама умная... могли бы разсудить. Время ваше еще не ушло: вы теперь въ самой, что называется, лучшей порѣ. Все перемелется, Лизавета Максимовна, мука будетъ; не сокрушайтесь только.

— Чѣмъ я жить-то стану, Кондратій Степанычъ? вошла Лизавета Максимовна, продолжая струить обильные потоки слезъ. — Хоть бы онъ три-то года еще пожилъ да послужилъ... пенсія-то, по-крайней-мѣрѣ...

Голосъ Лизаветы Максимовны прервался; а Касяня Ивановичъ, съденькій, желтенькій, въ бѣломъ галстухѣ, въ черномъ фракѣ, лежитъ себѣ на столѣ, сложивъ руки, не слышитъ стenanій своей овдовѣвшей подруги, и такъ спокойно его остывшее лицо, что даже досадно становится.

— Погодите, Лизавета Максимовна, погодите! уговаривалъ вдовицу Кондратій Степановичъ: — теперь и въ голову ничего не придетъ; покуда покойникъ на столѣ... Схоронимъ его, такъ общими силами придумаемъ что-нибудь. Плакать-то вотъ не надо, Лизавета Максимовна: Богъ милостивъ.

Но Лизавета Максимовна не унималась — голосила и вошла на весь домъ, пока Касяня Ивановича не перевезли изъ Большой Коломны на Волково.

На другой день послѣ похоронъ Лизавета Максимовна плакала уже потихоньку; тутъ начало ее тревожить раздумье о своей судьбѣ: она потеряла ащетить и не могла приняться ни за какое дѣло.

— Господи Боже мой, какая это тоска! говорила сама съ собой огорченная женщина. Мнѣ кажется, голова у меня совѣмъ съ плечъ свалится. Думаю, думаю—ничего не придумаю; только хуже станетъ: на свѣтъ-бы бѣлый глаза мои не глядѣли... Всякое соображеніе потеряла. Хоть бы Кондратій Степанычъ зашелъ что-ли: обѣщался онъ вчера съ... Только и надежды мнѣ, что на него. О—охъ!

Ждала Лизавета Максимовна поутру — Кондратій Степановичъ не пришелъ; ждала къ обѣду (думала: отъ должности зайдетъ) и къ обѣду не бывалъ; послѣ обѣда до самыхъ сумерекъ дождалась — все нѣтъ... Горько-горько заплакала Лизавета Максимовна и велѣла съ горя кухаркѣ — самоваръ согрѣть. Къ чаю Кондратій Степановичъ пришелъ.

— Ахъ, кабы вы знали только, Кондратій Степанычъ, какъ я нынче васъ цѣлый день дождалась!

Такими словами встрѣтила его прекрасная вдова.

— Виновать, Лизавета Максимовна. Никакъ не могъ раньше отъ дѣлъ урваться, отвѣчалъ гость. Что, какъ вы?.. Плачете все... ну, какъ это вамъ не грѣхъ? Только здоровье свое разстраиваете.

— Какъ мнѣ не плакать-то, Кондратій Степанычъ? Одна я теперь, сирота-сиротой, на Божьемъ свѣтѣ... Рукъ не могу ни къ чему положить.

— Э—эхъ, какія вы право... Вотъ ужъ и опять въ слезы.

Лизавета Максимовна рыдала.

— Полноте же плакать, продолжалъ успокоительнымъ тономъ Кондратій Степановичъ: — вотъ послушайте-ка лучше, что я вамъ скажу.

— Что, Кондратій Степанычъ? что? спросила, понемногу утихая, Лизавета Максимовна. Только и есть моя надежда, что на васъ однихъ... передъ Богомъ вамъ говорю.

— Вотъ вы мнѣ что скажите, Лизавета Максимовна: много-ли теперь у васъ денегъ осталось?

— Двадцать семь цѣлковыхъ, Кондратій Степанычъ.

— Всего на все?

— Да-съ... мѣдными еще есть немного.

— Гм... маловато. Впрочемъ все не бѣда. Знаете что: вотъ вы квартиру нанимали въ двадцать рублей... въ двадцать вѣдь?

— Двадцать два, Кондратій Степанычъ.

— Все равно... Такъ вы наймите теперь квартиру въ сорокъ рублей.

— Что вы, что вы, Кондратій Степанычъ?.. Мнѣ и эта квартира теперь дорогá.

— Вы погодите — дайте мнѣ сначала досказать... Наймите квартиру въ сорокъ рублей — и пускайте къ себѣ жильцов... Понимаете?

— Понимать-то понимаю, Кондратій Степанычъ; да какъ мнѣ взяться за это дѣло?.. Все же вѣдь на это деньги нужны.

— Объ деньгахъ не хлопочите: деньгами я васъ могу сеудить... Да и немного ихъ тутъ понадобится.

— Ахъ, Кондратій Степанычъ! я, право, не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить... Чтѣ бы я, дура, безъ васъ придумала?

— То-то, Лизавета Максимовна, сказалъ гость (лукавая улыбка озаряла его полныя, лоснящіяся щоки). А еще, бывало, все косились на меня...

Лизавета Максимовна молчала, потупивъ очи.

— Небось Кинаревичъ вызвался вамъ помочь? спросилъ послѣ краткой паузы Кондратій Степановичъ: — а? Кинаревичъ?

— Чтѣ Кинаревичъ, Кондратій Степанычъ? сказала, немного покраснѣвъ, вдовица. Кинаревича я всегда знала за вѣтренника — и больше ничего. Онъ къ намъ ужъ съ полгода, кажется, и носу не показывалъ.

Кондратій Степановичъ крякнулъ, вынулъ изъ кармана сигарку и закурилъ.

— И мнѣ дадите двѣ комнатки въ своей новой квартирѣ, сказалъ онъ, пуская струйку дыма. Такимъ-образомъ-можетъ, быть, и долгъ въ скоромъ времени мнѣ заплатите.

Красивое лицо Лизаветы Максимовны, дотолъ орошавшееся частымъ дождемъ слезъ, просвѣтлѣло; большіе темно-сѣрые глаза ея взглянули съ выраженіемъ глубокой благодарности на Кондратія Степановича, — и въ нихъ почти незамѣтно было слѣда слезъ; на пышныхъ алыхъ устахъ свѣжей вдовы появилась тихая улыбка... Лизавета Максимовна подала свою мягкую руку утѣшителю, и крѣпкимъ пожатіемъ выразила ему свои чувства.

Кондратій Степановичъ былъ, какъ вы знаете, человекъ солидный, обстоятельный: онъ не на вѣтеръ бросалъ слова, обѣщая помочь вдовѣ своего добраго знакомаго... Скоро Лизавета Максимовна совсѣмъ перестала плакать и сокрушаться о своей горестной долѣ.

Вмѣсто квартиры въ три не очень-то просторныя комнаты, прекрасная вдова наняла квартиру вдвое помѣстительнѣе, хотя и вдвое дороже. Изъ Коломны передвинулась она поближе къ Вознесенскому проспекту. Правда, въ новой квартирѣ своей, Лизавета Максимовна заняла только одну тѣсную комнатку, о бокъ съ кухней, но комнатка эта

гармонировала какъ нельзя болѣе съ скромнымъ вдовьимъ положеніемъ супруги покойнаго Касьяна Ивановича. Зато, устроивъ приличное помещеніе для троихъ, а въ случаѣ надобности и для четверыхъ безсемейныхъ жильцовъ, Лизавета Максимовна вполне обезпечила свою участь. Жильцовъ пришлось ей ждать недолго. Первый переѣхалъ, разумѣется, Кондратій Степановичъ. Онъ занялъ двѣ лучшія комнаты—и по праву: не онъ ли далъ своей теперешней хозяйкѣ возможность нанять эту квартиру? не ему ли, наконецъ, была она обязана тѣмъ, что уже не проливаетъ больше горькихъ слезъ о безвременной кончинѣ Касьяна Ивановича? Надо, впрочемъ, замѣтить, что Кондратій Степановичъ вообще привыкъ жить хорошо: онъ былъ человѣкъ съ нѣкоторымъ достаткомъ, и притомъ въ такой порѣ, когда жизнь, такъ—сказать, улыбается человѣку. Со своей стороны Кондратій Степановичъ тоже считалъ обязанностью улыбаться жизни своимъ полнымъ и свѣжимъ лицомъ, опушеннымъ приличными темнорусыми бакебартами. Улыбка Кондратія Степановича была тѣмъ пріятнѣе, что тридцати—пяти—лѣтній подбородокъ его былъ всегда выбритъ самымъ тщательнымъ образомъ и огражденъ съ обѣихъ сторонъ жесткими и бѣлыми, какъ велевея бумага, пеллисонами. Кондратій Степановичъ одѣвался вообще очень не дурно, хотя о другихъ статьяхъ своего туалета заботился и не столько, сколько о манишкахъ и воротничкахъ. Онъ былъ также не прочь и покушать хорошенько — и любимымъ кушаньемъ его были польскіе зразы съ лукомъ и кашей, которые кухарка Дарья приготавливала мастерски, подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ прекрасной Лизаветы Максимовны.

О другихъ жильцахъ, вскорѣ привлеченныхъ въ сосѣдство Кондратія Степановича объявленіемъ, напечатаннымъ въ газетахъ и прибитымъ у воротъ дома, я не намѣренъ распространяться, какъ о предметѣ постороннемъ для моего разсказа. Я скажу только, что они были люди очень смирные и скромные; утро проводили обыкновенно на службѣ, а вечеръ болѣею частію дома. Лизавета Максимовна принялась съ похвальнымъ рвеніемъ за свои новыя обязанности. Она содержала квартиру въ примѣрномъ порядкѣ, доставляла всевозможныя удобства своимъ жильцамъ, и кормила ихъ превосходнымъ обѣдомъ за самую умѣренную плату.

Ушительная за тридцать копѣекъ борщемъ, почками съ кисло-сладкимъ соусомъ, говядиной подъ хрѣномъ, жареными тетерьками и тому подобными прелестями, жильцы не могли нахвалиться обѣдомъ Лизаветы Максимовны, хотя она и не баловала ихъ зразами и свиными котлетами, которые изготовлялись на кухнѣ часто исключительно для одного Кондратія Степановича — конечно въ знакъ того глубокаго ува-

женія и совершенной преданности, съ которыми пребывала Лизавета Максимовна его всепокорѣйшею хозяйкой. Скоро слава кулинарнаго искусства милой вдовицы распространилась между знакомыми, товарищами и сослуживцами ея жильцовъ. Почти каждый день оказывалось нужнымъ готовить къ обѣду двойныя порціи, потому-что либо къ Куликову, либо къ Потапову придутъ двое, трое знакомыхъ полакомиться за тридцать копѣекъ пресловутымъ обѣдомъ.

Эти посѣщенія очень радовали Лизавету Максимовну, потому-что увеличивали ея доходы; но въ тоже время заставляли ее часто задумываться надъ говядиной подъ хрѣномъ, или жареными тетерьками, посылаемыми съ Дарьей, въ числѣ четырехъ порцій, Куликову, Потапову, или надъ кофеиникомъ, поставленнымъ передъ нею на столъ послѣ обѣда... О чемъ же задумывалась Лизавета Максимовна? Это сейчасъ объяснится изъ разговора, происходившаго въ одинъ, можетъ-быть, прекрасный, а можетъ-быть и не прекрасный день, между милой вдовой и почтеннымъ Кондратьемъ Степановичемъ, за чашкой послѣобѣденнаго кофе.

— Знаете ли, что мнѣ часто въ голову приходитъ, Кондратій Степановичъ?

— Что?

— Сколько вотъ ходитъ знакомыхъ обѣдать къ Куликову и къ Потапову... всѣ хвалятъ мой обѣдъ.

— И прекрасно; пусть ихъ ходятъ и хвалятъ.

— То-то и есть, Кондратій Степановичъ: пусть ихъ ходятъ... Теперь придутъ два—три, и то не каждый день... а вотъ—думаю я—еслибъ у насъ была комната лишняя, можно-бы общій столъ устроить,—и больше бы стало ходить. Тутъ же по близости и кухмистеровъ нѣтъ.

— Такъ что же? заводите общій столъ.

— Въ томъ-то и бѣда, что негдѣ.

— По моему ужъ, если заводите, такъ заводите на славу; надо и квартиру другую нанять. Кстати тутъ, подъ нами, и квартира очищается; сходите-ка посмотреть.

— Я точно знала, что вы мнѣ посоветуете этимъ дѣломъ заняться... давеча, какъ пріѣхала я съ рынка домой, такъ заходила туда... Квартира прелесть—и всего десятью рублями дороже.

— Ну, вотъ, чего же лучше? Не упустить бы только изъ рукъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ же къ дворнику пошлю, чтобы замелъ сюда.

И Лизавета Максимовна поспѣшно поднялась со стула.

— Только ужъ какъ вы хотите, сказалъ Кондратій Степановичъ:—а чтобъ у меня на новосельѣ были красныя гардины.

— Будутъ, будутъ.

Не прошло и недѣли, какъ Лизавета Максимовна и ея жильцы были уже на новосельѣ.

Вотъ краткій разсказъ о событіяхъ, предшествовавшихъ появленію на этомъ изсѣра-желтомъ трехъ-этажномъ домѣ, къ которому мы приближаемся, синей вывѣски съ надписью: «Кухмистерскій столъ.» Эта вывѣска была прибита ровно черезъ годъ послѣ смерти Касьяна Ивановича. Когда дворникъ вколотилъ въ нее послѣдній гвоздь и отнялъ отъ стѣны лѣстницу, на которую долженъ былъ взобраться, для помѣщенія вывѣски, Лизавета Максимовна вышла изъ воротъ дома, въ сопровожденіи Кондратія Степановича, перешла вмѣстѣ съ нимъ на противоположный троттуаръ, и съ приятнымъ сердечнымъ трепетомъ прочитала разъ пять крупную надпись: «Кух-ми-стер-скій столъ.»

Въ самыхъ воротахъ изсѣра-желтаго дома, направо, можно увидѣть маленькую черную дощечку, на которой изображено четкими буквами то же самое, что и на уличной вывѣскѣ; только къ надписи при малевана тутъ рука съ указывающимъ перстомъ. Переть указываетъ направо. Войдемъ въ эту дверь и поднимемся по лѣстницѣ... Какъ ни еражается ежедневно съ водоносомъ хлопотливая Лизавета Максимовна, тотъ нерадивый человекъ вѣчно расплещетъ воду на лѣстницѣ. Возьмите немного лѣвѣе, а то поскользнетесь и, чего добраго, упадете! Вотъ и эта маленькая дверка опять не притворена... А кажется недалеко, какъ вчера Дарья, которую остроумный Потаповъ наименовалъ почему-то Даріемъ Гистаспомъ, — получила за это строгій выговоръ отъ Лизаветы Максимовны. Впрочемъ, мы уже у дѣли. На обитой кожей двери опять надпись; «Кухмистерскій столъ». Ручки у двери нѣтъ; надо взяться просто за кожу и потянуть къ себѣ... Вотъ такъ. Ба! заперто. Значить, мы забрались сюда прежде всѣхъ, потому-что какъ скоро кто-нибудь изъ обѣдающихъ явился, дверь уже не запирается. Велѣдъ за нашимъ звонкомъ слышимъ мы топанье послѣшно-бѣгущихъ къ двери ногъ; вотъ снятый крюкъ съ громомъ ударился въ дверь, — и одна половинка ея распахивается предъ нами. Кто-то въ голубомъ ситцевомъ платьѣ встрѣчаетъ насъ; но тамъ, куда мы вступаемъ, такъ темно, что нельзя распознать, кто именно отворилъ намъ дверь: сама ли хозяйка, или просто прислуживающая посѣтителемъ за обѣдомъ Маша. Намъ бы не различить и голубаго ситцеваго платья, еслибъ въ дверь не ворвался на минуту слабый свѣтъ съ лѣстницы. Дверь за нами притворена, и мы находимся въ совершенномъ мракѣ; но вонъ тамъ полоска свѣта пробивается сквозь полуотворенную дверь. Туда-то и слѣдуетъ идти по корридолу, въ которомъ мы теперь. Здѣсь налѣво,

помѣщаются Куликовъ и Потаповъ: Не снимайте своей шубы, не снимайте; идите такъ!

Мы тихо подвигаемся по корридору. Голубое платье перегоняетъ насъ и растворяетъ передъ нами дверь... Теперь видно, что это Маша, а не Лизавета Максимовна

— Здравствуйте, сударь.

— Здравствуй, Маша. Что готовъ обѣдъ?

— Готовъ-съ; пожалуйста!

Маша — дѣвушка лѣтъ двадцати, такая свѣжая, что любо дорого смотрѣть. Она ужасно любитъ улыбаться, потому—что у нея прекрасные, ровные и ослѣпительно-бѣлые зубы. Она и лицомъ не дурна: щеки румяныя, носъ глядитъ немножко кверху, глаза веселые, бойкіе и открытые. Бѣлокурые волосы ея обстрижены: должно-быть, недавно была въ горячкѣ. Голубое платье подпоясано чернымъ фартукомъ: на шеѣ янтарный борокъ.

Не успѣла она сказать: «пожалуйте!» какъ въ комнату уже ея вѣтъ. Не удивляйтесь, что она не сняла съ насъ шубъ. Это здѣсь не принято; снимите шубу сами, — положите ее на мѣсто и садитесь за столъ.

Первая комната изъ корридора довольно-обширна. Два окна, драпированные полосатымъ тикомъ, даютъ ей достаточно свѣта. Почти всю длину комнаты тянется столъ, накрытый приборомъ на пятнадцать. Если вы не хотите обѣдать здѣсь, то можете пройти вотъ въ эту комнату рядомъ, и обѣдать тутъ у небольшого стола, стоящаго передъ диваномъ и накрытаго всего на четыре прибора.

Маша является опять; и на этотъ разъ съ двумя ложками, которыя кладетъ передъ нашими приборами.

— Что это у васъ до-сихъ-поръ никого нѣтъ?

— Не знаю, что-то сегодня долго нейдутъ.

Раздается звонокъ.

— А вонъ и пришолъ кто-то, говоритъ Маша, идя къ къ двери. — Чего звонить? Дверь не заперта.

Въ комнату входятъ два старичка въ шлепающихъ калошахъ. Бережно снявъ и положивъ на стулъ свои теплыя одежды, оба потираютъ руки и подходятъ къ столу.

— Мари! восклицаетъ слабымъ голоскомъ старичокъ пониже, съ совершенно-лысой круглой головкой, съ розовыми круглыми щеками, съ круглымъ же брюшкомъ, о которое колотятся ключикъ отъ часовъ и

печатка, болтающіяся на чорненькомъ шнурочкѣ, выглянувшемъ изъ его жилетнаго кармана.

Но Маша успѣла уже опять исчезнуть.

— Nehmen Sie doch Platz, Herr Warmbier, продолжаетъ кругленькій старичекъ, обращаясь къ своему высокому, худощавому и сутуловатому спутнику.

Оба садятся.

— Sehen Sie mal, wie es hier Alles rein ist, говоритъ тотъ же старичокъ.

— Ja, ziemlich rein, сурово отвѣчаетъ герръ Вармбиръ, насупливая сѣрыя брови и щупая свою салфетку.

Разговоръ продолжается по нѣмецки.

— Стоить вамъ только разъ пообѣдать здѣсь, лепечетъ розовый старичокъ: — и вы ни за что не пойдете обѣдать къ вашему кухмистеру.

— Посмотримъ, посмотримъ.

— Я прежде — вы знаете — самъ туда ходилъ; но тамъ вовсе не такъ хорошо кормятъ... И гораздо чище здѣсь. А между-тѣмъ цѣнаодна.

— Хозяйка нѣмка?

— Кажется, а впрочемъ не знаю.

Между-тѣмъ Маша выпорхнула съ подносомъ, на которомъ стоятъ двѣ тарелки супа для насъ.

— Марі! обращается къ ней съ сладостной улыбкой розовый старичокъ: — а намъ ви не хотите дать зуппе?

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчаетъ Маша, показывая ему свои зубы.

— Ein ganz pikantes Ding! говоритъ старичокъ герру Вармбиру, продолжая такъ же сладостно ухмыляться.

— Geht an, хладнокровно произноситъ герръ Вармбиръ.

Наконецъ и передъ нимъ и передъ его собесѣдникомъ Маша помѣстила по тарелкѣ супу.

— А пирожокъ зеводня нѣтъ, Марі?

— Нѣтъ-съ.

— Но ви зеводня, Мари, лучше все пирожки.

— Чего-съ? очень серьезно спрашиваетъ Маша.

— Я говорю, продолжаетъ улыбаясь, розовый старичокъ: ви зеводня лучше все пирожки.

— Я этого не понимаю-съ, также серьезно отвѣчаетъ Маша; но тотчасъ же оборачивается къ намъ и уже намъ показывается свои зубы.

— Ein pfliffiges Ding! говоритъ розовый старичокъ, вооружаясь ложкой.

Герръ Вармбиръ давно уже уписываетъ супъ, болѣе похожій на кашницу изъ смоленскихъ крупъ, чѣмъ на супъ; его нисколько не огорчаютъ корни петрушки, которыми супъ такъ изобилуетъ, что нельзя почерпнуть ни одной ложки его, не зачерпнувъ въ тоже время—покрайней—мѣрѣ, полдюжины корешковъ.

— Вотъ это супъ! замѣчаетъ розовый Нѣмецъ, хлѣбая кашницу:— дасть ли вамъ вашъ кухмистеръ такого супу?

— Все—равно, отвѣчаетъ безстрастный Вармбиръ.

— О, нѣтъ, тамъ не такой супъ... Это супъ питательный — eine kräftige Suppe.

— Все—равно, такъ же холодно произносить Вармбиръ.

Тутъ являются еще поѣстители, или обѣдальщики, какъ называется ихъ Маша, а именно: бѣлокурый господинъ лѣтъ двадцати пяти—шести съ отложенными на галстухъ большими воротничками и физиономіей, весьма похожей на полный мѣсяцъ, — въ черномъ сюртукѣ и пестрыхъ панталонахъ, и еще юноша, чорненькій и маленькій, весьма гордаго и сумрачнаго вида, одѣтый довольно—щеголевато.

— Вася! а Вася! говоритъ бѣлокурый, вытянувъ шею и нюхая воздухъ: — хочешь, скажу—какое нынче пирожное будетъ?

— А мнѣ—то какое дѣло, отвѣчаетъ чорненькій, глядясь въ зеркало, вѣроятно въ пріятномъ заблужденіи относительно своей красоты.

— Какъ, какое дѣло? Развѣ не ты будешь ѣсть?... Я ужъ слышу, что будутъ блины.

И онъ опять вытягиваетъ шею и принимается нюхать воздухъ.

— Ну, да; такъ и есть — блины. — Блины? спрашиваетъ онъ у Маши, принесшей Нѣмцамъ говядину съ гарниромъ.

— Да—съ, отвѣчаетъ Маша, не забывъ улыбнуться:—блины.

— Съ паточнымъ вареньемъ, прибавляетъ презрительнымъ тономъ чорненькій юноша, съ громомъ отодвигая отъ стола стулъ и садясь рядомъ съ розовымъ старичкомъ.

Розовый старичокъ, полный тревоги, бросаетъ на него робкій и бѣглый взглядъ.

Похвала говядинѣ съ гарниромъ, которую хотѣлъ онъ обратить къ суровому Вармбиру, замерла на его устахъ. Онъ невольно отодвинулся отъ своего дерзновеннаго сосѣда, и съ любовью обратился къ своей порціи.

— Hab'heute einen ganz besondern App'tit, говоритъ онъ почти шо-

потомъ Вармбиру, доѣвъ говядину, и принимается истреблять подливку изъ-подъ нея, напityвая ею хлѣбный мякишъ, водруженный на вилку.

Розовый старичокъ рѣшительно каждый день повторяетъ эту фразу, изъ чего и должно заключить, что у него каждый день какой-то особенный аппетитъ.

— Ну, что это за сунь? посмотри, Пьеръ, говоритъ чорненькій юноша:—на что это похоже, не знаю, но ужъ конечно не сунь. Щепки тутъ какія-то плавають.

Между-тѣмъ онъ съѣлъ уже половину тарелки.

Сердце розоваго старичка содрогается.

— Ъсть-то ты не хочешь, отвѣчаетъ бѣлокурый:—посмотри, какъ я его истребляю.

— Возьми пожалуста свой сунь! говоритъ чорненькій Машъ.

— Не понравился-съ? съ улыбкой спрашиваетъ дѣвушка, взявъ тарелку.

— Можетъ ли этакая гадость понравиться?... Какъ это ты ѡшь, Пьеръ?

— Щи есть; прикажете щей подать?

— Не надо.

Сосѣдъ молодаго человѣка совершенно пораженъ; онъ наклоняется къ Вармбиру, и чуть не на ухо говоритъ ему:

— Вотъ вкусъ.

— Einelei, равнодушно произноситъ Вармбиръ, принимая отъ Маши порцію жаренаго зайца.—Что это? спрашиваетъ онъ.

— Заяць-съ.

— Маша! восклицаетъ бѣлокурый Пьеръ, обращая къ дѣвушкѣ свое смѣющееся лицо:—а гдѣ твой зайчикъ?

Въ корридорѣ слышны шаги; Маша заглядываетъ туда.

— Тише-съ, говоритъ она, проходя мимо Пьера:— онъ и есть.

Въ комнату входитъ господинъ среднихъ лѣтъ и скромнаго вида. Онъ медленно раздѣвается, медленно подходитъ къ столу, садится на кончикъ стула и ласково поглаживаетъ тонкими ладонями свои тощія бакенбарты. Маша безпрестанно переглядывается съ улыбающимся Пьеромъ и всячески старается не смотрѣть на скромнаго гостя, чтобы не захохотать. Гость пугливо обводитъ глазами всѣхъ присутствующихъ, потомъ отламываетъ кусочекъ хлѣба и принимается катать изъ него шарикъ, глядя въ тарелку.

подавая Пьеру второе блюдо, Маша не утерпѣла, чтобы не мигнуть ему и не сказать шопотомъ:

— Зайчикъ-то мой! Зайчикъ-то!

Знаете-ли вы, въ-слѣдствіе какого обстоятельства господинъ съ тощими бакенбартами получилъ отъ Маши наименованіе зайчика, наименованіе, которое было извѣстно всѣмъ обычнымъ посѣтителямъ обѣдовъ Лизаветы Максимовны.

Никто изъ этихъ посѣтителей, видя скромнаго господина ежедневно въ продолженіе, по-крайней-мѣрѣ, двухъ мѣсяцевъ, не слыхалъ отъ него ни одного словечка. Приходя, онъ тихо садился за столъ и молча ждалъ, пока подадутъ ему супу; во-время обѣда онъ также никогда не раскрывалъ рта: воды ли ему надо, а графинъ далеко стоитъ, солонки-ли нѣтъ подъ рукой, онъ непремѣнно самъ встанетъ съ мѣста и достанетъ что ему нужно, но ужъ никакъ не попроситъ сосѣда услужить ему. Что ни подавалось за столомъ, онъ все кушалъ, по-видимому не обращающаго никакого вниманія на вкусъ подаваемыхъ блюдъ. Но однажды (о! какъ памятенъ этотъ день всѣмъ обѣдавшимъ тогда у Лизаветы Максимовны!) скромный господинъ раскрылъ свои уста и сказалъ нѣсколько словъ.

Вотъ какъ-было дѣло.

Подали жаркое. Скромный господинъ отрѣзалъ небольшой кусокъ и съѣлъ; потомъ положилъ на тарелку вилку и ножикъ, а руки опустил къ себѣ на колѣни.

— Послушай! сказалъ онъ, обращаясь къ вошедшей служанкѣ.

— Что вамъ угодно-съ? спросила удивленная Маша.

Такое необыкновенное происшествіе, какъ разговоръ скромнаго господина, заставило всѣхъ обратить на него вниманіе. Въ комнатѣ водворилось совершенное безмолвіе, и всѣ съ ожиданіемъ устремили очи на скромнаго господина.

— Нельзя ли, сказалъ онъ тихимъ голосомъ: — дать мнѣ вмѣсто зайца чего-нибудь другаго?

— Это совсѣмъ не заяцъ-съ, отвѣчала Маша:—это индѣйка.

Никто не могъ удержаться отъ смѣха, и громкій хохотъ разомъ вырвался изъ всѣхъ устъ. Скромный господинъ недовѣрчиво обратился къ своей тарелкѣ.

— Индѣйка! пролепеталъ онъ, — и принялся рѣзать ее и кушать.

Съ-тѣхъ-поръ разъ двадцать подавали скромному господину настоящаго зайца, и онъ его преспокойно ѣлъ, принимая, вѣроятно, за индѣйку.

Въ то время, какъ онъ со свойственной ему скромностью занимается теперь супомъ, чорненькій юноша критикуетъ поданную ему

говядину съ гарниромъ, крѣпко смущая розоваго старичка своими порицаніями.

— Посмотри, Пьеръ! Посмотри! И это называется блюдомъ! говорить онъ своему товарищу. — Ну есть-ли возможность ѣсть эту дрянъ? Ну, скажи на милость! (Онъ впрочемъ съѣлъ-таки половину.) Это не говядина, а тряпка какая-то вываренная.

— Полно ужъ ты пожалуста! отвѣчаетъ ему бѣлокурый сосѣдъ, очень усердно кушая.

— Ну спроси ты говядины у Доминика, или у этого—какъ бишь? тутъ въ Большой-Морской... я еще тамъ часто обѣдалъ... какъ его?... Спроси ты тамъ говядины,—такъ тебѣ подадутъ... это будетъ говядина; трюфели тутъ, черносливъ и прочее...

— Ну, черносливъ-то съ трюфелями, я думаю, ни къ чорту негоденъ.

— Нѣтъ, не говори этого... ты попробуй сначала!

— Полно, братецъ, врать-то; гдѣ это черносливъ съ трюфелями подаютъ?

— Вездѣ, гдѣ хочешь... разумѣется — не здѣсь... Говядина съ трюфелями, съ черносливомъ, съ изюмомъ:...

— Ну! и съ изюмомъ ужъ?

— Да, съ изюмомъ... Изюмъ — это отлично съ говядиной. Ты, братецъ, не знаешь: ты и не бывалъ никогда у Доминика, и у этого... какъ онъ?... ну, вотъ, что на Большой-то Морской?

— А очень мнѣ нужно!.. Я и здѣсь сытъ наѣдаюсь.

— Сытъ!.. Это надо — право, не понимаю тебя — надо совсѣмъ безъ вкуса быть, чтобы ѣсть здѣсь что-нибудь.

Въ этомъ родѣ чорненькій господинъ говоритъ во все продолженіе обѣда, и говоритъ каждый день, потому-что каждый день обѣдаетъ у Лизаветы Максимовны.

Еще гости.

Будь на мѣстѣ Маши другая дѣвушка, она, навѣрное, совсѣмъ бы сбилась съ ногъ; но Маша до такой степени привыкла къ своей обязанности, что ни одинъ изъ обѣдающихъ не могъ никогда пожаловаться на нее, что она его забыла, долго не несетъ кушанье, или подала не то блюдо, которое слѣдовало подать,—а послѣднее очень-легко было сдѣлать, потому-что никогда посѣтители не приходили въ одно время и не садились за столъ разомъ: всегда случалось такъ, что одному нужно было подавать сушь, другому холодное—и такъ далѣе до пирожнаго, въ одно время.

И такъ — еще гости: полный и румяный баринъ лѣтъ сорока, который ходитъ переваливаясь съ ноги на ногу; веселый молодой человекъ съ длинными завитыми кудрями; черноволосый и смуглый усачъ, чрезвычайно-высокаго роста, съ широчайшими плечами и воинственной осанкой. Все они знакомы между собой, и все кланяются съ Пьеромъ и его чорненькимъ товарищемъ, какъ съ людьми, съ которыми имъ приходится каждый день обѣдать за однимъ столомъ.

— Я еще въ корридорѣ чувствовалъ, что сегодня блины... восклицаетъ съ веселымъ хохотомъ длинноволосый юноша: — такъ и есть, вонь!

Маша подаетъ розовому старичку и Вармбиру блины съ вареньемъ.

— Я тоже, какъ пришолъ, угадалъ, говоритъ Пьеръ.

— Отчего же ты чувствовалъ, Кусинъ, что блины будутъ? спрашиваетъ усачъ.

— Да ты понюхай! говоритъ Кусинъ.

— Что понюхать?

— Да чѣмъ здѣсь пахнетъ?

— Чадомъ какимъ-то пахнетъ.

— А! вотъ то-то и есть... Такъ и знай! если чадомъ припахиваетъ, значитъ будутъ блины...

— Ну, возможно ли это быть? говоритъ чорненькій, отодвигая отъ себя тарелку съ однимъ блиномъ (подано было два блина). — Эта хозяйка просто на-смѣхъ кормитъ насъ чортъ знаетъ чѣмъ.

— А вы не охотникъ до блиновъ? спрашиваетъ румяный господинъ, усаживаясь за столъ.

— Да можно ли быть охотникомъ до такихъ блиновъ? отвѣчаетъ чорненькій: — это не блины, а подошва какая-то, и вдобавокъ еще съ паточнымъ вареньемъ. За кого жъ она принимаетъ насъ послѣ этого?

— А по моему, говоритъ румяный господинъ: — за сорокъ копѣекъ лучше обѣда нельзя имѣть; разумѣется, хочешь хорошенько поѣсть — плати по рублю, по два.

— Ужъ конечно лучше два рубля заплатить за хорошей обѣдъ, чѣмъ сорокъ копѣекъ за гадость.

— Зачѣмъ же вы обѣдаете здѣсь, если вамъ не нравится?

Чорненькій юноша вспыхнулъ, но не нашелся ничего отвѣчать; онъ вышелъ изъ-за стола и закурилъ папироску.

— Ну-съ, Марья Емельяновна, что же мнѣ то-съ? говоритъ румяный господинъ служанкѣ.

— Сію минуту, сію минуту, отвѣчаетъ Маша съ особенно любезной улыбкой, кивая ему головою.

Румяный господинъ, котораго зовутъ Павломъ Семеновичемъ, болѣе всѣхъ обычныхъ «обѣдальщиковъ» пользуется расположеніемъ Маши, вѣроятно потому, что обыкновенно во все продолженіе обѣда отпускаетъ ей разныя шуточки, называя ее при этомъ по имени и по отчеству, которое впрочемъ безпрестанно перемѣняетъ: то назоветъ ее Марьей Емельяновной, то Евдокимовной...

— Когда же, наконецъ, Марья Евдокимовна, выростетъ у васъ коса? спрашиваетъ онъ, взявъ изъ рукъ Маши свою порцію супа.

— Когда вы мнѣ купите банку хорошей помады-съ, отвѣчаетъ, показывая зубы, веселая Маша.

— Извольте-съ, Марья Лукинична, извольте—купимъ-съ. А какую, напимѣрь, вы любите?

— Жесминную съ.

— И прекрасно-съ, жесминной и купимъ-съ. Только выростетъ ли коса-то, Марья Петровна?

— Ужь выростетъ-съ.

— А мнѣ кажется, у Кусина скорѣе выростетъ. Эй Кусинь!

— Что?

— Я говорю, что у тебя коса скорѣе выростетъ, чѣмъ вотъ у Марьи Ивановны.

— Ха, ха, ха! заливается Кусинъ.

Какую глупость ни отпусти, онъ вѣчно хохочетъ чуть не до истерики.

— Послушай, братецъ, обращается къ нему усачь:—прими ты мой отеческій совѣтъ: остригись... Ну, на какую потребу отпустилъ ты себѣ такіе локоны?

Кусинъ принимаетъ хохотать еще болѣе.

Скромный господинъ, сидѣвшій ни живъ ни мертвъ посреди разговорчивой и веселой компаніи, поднимается съ мѣста и спѣшитъ уйти; но онъ забылъ заплатить за обѣдъ, и Маша, отъ которой ничто не ускользаетъ, останавливаетъ его въ ту минуту, какъ онъ только-что занесъ ногу, чтобы шагнуть въ корридоръ.

— Билетикъ забыли отдать-съ, говоритъ она.

Скромфуженный зайчикъ робко взглядываетъ на обѣдающихъ, обратившихъ уже на него свое вниманіе, и торопливо вынимаетъ изъ кармана грязный лоскутокъ желтой бумаги—контрмарку въ полученіи денегъ за обѣдъ впередъ, съ печатью Лизаветы Максимовны и съ ея

автографомъ, контрамарку, которая перебивалась навѣрное во ста карманахъ, прежде чѣмъ попала въ карманъ зайчика.

Розовый старичекъ, почмокавъ губами и похваливъ обѣдъ, вручаетъ Машѣ двѣ такія же грязныя контрамарки — за себя и за герра Вармбира; затѣмъ оба удаляются, шлепая калошами.

— Nicht wahr, 's war gut servirt? восторженно восклицаетъ розовый старичекъ, проходя корридоръ.

— Geht an, угрюмо отвѣчаетъ суровый Вармбиръ.

— Зайчикъ-то мой! Зайчикъ-то! говоритъ Маша, подавая бѣлокурному Пьеру стаканъ мутнаго кофе:— видѣли? хотѣлъ улизнуть не заплативши...

— Видѣлъ, видѣлъ, отвѣчаетъ, смѣясь Пьеръ.

— Ха, ха, ха! разсыпается Кусинъ.

— А что, Марья Андревна, спрашиваетъ Павелъ Семеновичъ:— зайца онъ ѣлъ?

— Ыль-съ.

— Ха, ха, ха! повторяетъ Кусинъ, держась за бока.

Однако мы кончили обѣдъ, выпили по стакану кофе (чашками здѣсь не подаютъ), выкурили по папироскѣ... пора намъ отправляться домой. Но вамъ хочется взглянуть на самую Лизавету Максимовну, которая почти никогда не показывается въ тѣ комнаты, гдѣ обѣдаютъ ея гости... Для этого стѣитъ отправиться въ кухню, которая слѣдуетъ непосредственно за той комнатой, гдѣ передъ диваномъ накрытъ столъ на четыре прибора. Пойдемте, заплатимте ей сами за нашъ обѣдъ.

Въ чаду, поднимающемся отъ сковороды, на которой, щолкая и треща, жарятся блины, мы различаемъ величественную и прекрасную фигуру Лизаветы Максимовны. Что это за женщина! что это за восхитительная женщина! Она значительно пополнила со времени кончины Касьяна Ивановича; по это ни на волосъ не уменьшило ея прелестей. Милая вдова была полна обаятельной прелести и въ кухнѣ, наполненной чадомъ, когда ея свѣтлорусые волосы, нѣсколько разбившись, падали двумя тремя волнистыми прядями на увлажненный лобъ, разгорѣвшіяся яркимъ румянцемъ круглыя и гладкія щоки, когда простое ситцевое платье было на ней, когда по локоть были обнажены ея свѣжія розовыя руки. Но вдвое, вчетверо, вдесятеро очаровательнѣй была Лизавета Максимовна въ минуты, свободныя отъ кухонныхъ занятій. Вида ея въ черномъ шелковомъ платьѣ съ вырѣзнымъ лифомъ, который украшается бѣлѣйшею modestie, только слишкомъ черствый сердцемъ человекъ можетъ остаться холоднымъ. Черное шелковое платье придаетъ какую-то

особенную плавность самой походки Лизаветы Максимовны: она какъ будто не просто ходить, а какъ-то граціозно колеблется. Какой тонкій вкусъ проглядываетъ въ каждой подробности наряда прелестной вдовицы: и въ черныхъ бархатныхъ браслетахъ, которые, подобно страстнымъ устамъ, впадаютъ въ мягкую руку Лизаветы Максимовны, и въ черныхъ же бархатныхъ бантикахъ, украшающихъ ея свѣтлые волосы, и въ бирюзовой брошкѣ, имѣющей видъ сердца, или червоннаго туза...

— Здравствуйте, Лизавета Максимовна.

— Здравствуйте; извините пожалуйста! отвѣчаетъ она, отцѣпляя по-доль своего платья отъ пояса и отходя отъ горячей плиты.

— Не угодно ли вамъ получить деньги?

— О! отъ денегъ я никогда не отказываюсь.

И Лизавета Максимовна подходитъ къ намъ съ ласковой улыбкой на пышныхъ губахъ.

— За два обѣда-съ?

— Да.

— Не знаю, найдется ли у меня сдачи на пять цѣлковыхъ.

Прелестная вдовица опускаетъ руку въ карманъ своего платья, гдѣ постоянно гремятъ деньги, и вынимаетъ оттуда цѣлую горсть мелкаго серебра.

— Извольте-съ... Рубль, два, три, четыре, гривенникъ и два пятакъ. Покорно васъ благодарю-съ.

Если вамъ кажется дорого платить сорокъ копѣекъ за обѣдъ, то вы можете получить его отъ Лизаветы Максимовны и по болѣе умѣренной цѣнѣ. Вы вручаете ей десять рублей—и она выдаетъ вамъ тридцать билетовъ, по которымъ вы пообѣдаете у нея тридцать разъ.

Не думайте, что ежедневно будутъ вамъ подавать тоже самое, что вы кушали сегодня. Конечно, никогда не дадутъ вамъ болѣе четырехъ блюдъ; зато эти блюда будутъ часто разнообразиться. Сегодня, напри-мѣръ, вы кушали супъ съ петрушкой и смоленскими крупами, завтра будете кушать борщъ, послѣзавтра супъ съ солеными огурцами, который, если не ошибаюсь, именуется на языкѣ поваровъ разсолъникомъ; случись праздникъ, и вы получите съ тарелкой чистаго бульона маленькій пирожокъ съ говядиной. Также происходитъ и съ другими блюдами: сегодняшняя говядина съ гарниромъ замѣняется или языкомъ, или ветчиной, или солониной, или сосисками, или говядиной же, но не съ гарниромъ, а съ тертымъ картофелемъ, также по-временамъ и макаронами съ чѣмъ-то въ родѣ сыра и масла, или почками въ кисломолочномъ

соусъ, или вареной рѣпой съ хлѣбными ломтиками, обжаренными въ маслѣ, и тому подобнымъ; сегодншній заяцъ уступаетъ мѣсто или тетеркѣ, или телятинѣ; или гусю, или—въ торжественныхъ случаяхъ—рябчику и индѣйкѣ. Въ пирожныхъ обыкновенно менѣе разнообразія: рисовая каша съ корицей, блинцы съ паточнымъ вареньемъ, компотъ (половинка варенаго яблока съ сиропомъ, болѣе похожимъ на воду, чѣмъ на сиропъ), клюквенный кисель—вотъ и все. Если вы желаете послѣ обѣда кофе, то стаканъ его—стоитъ у Лизаветы Максимовны гривенникъ.

Назвавъ, въ численіи пирожныхъ, клюквенный кисель, я припомнилъ одинъ очень любопытный эпизодъ изъ исторіи «кухмистерскаго стола» Лизаветы Максимовны.

Вы уже слышали, что не всеми признавался безусловно неоспоримыя достоинства обѣдовъ прекрасной вдовицы. Въ то время, какъ розовый старичокъ считалъ его за геркулесовы столбы кухоннаго искусства, чорненькій молодой человекъ проявлялъ во всѣхъ рѣчахъ и поступкахъ своихъ самый странный и обидный пессимизмъ. Онъ конечно считалъ себя въ-правѣ на это, часто кушая у Доминика говядину съ изюмомъ и трюфлями, или обѣдая въ Большой Морской—у этого извѣстнаго... какъ бишь его?—Впрочемъ все обычные посѣтители «кухмистерскаго стола» приглядѣлись нѣ выражающимъ недовольство, а подчасъ и презрѣніе гримасамъ чорненькаго юноши, все прислушались къ его неблагоприятнымъ отзывамъ о вещахъ, которыя приходилось жевать и глотать... Никто, кромѣ тихаго розоваго нѣмца, не смущался этими гримасами и отзывами; а нѣкоторые, какъ мы уже видѣли, даже противорѣчили пессимисту и подтрунивали надъ нимъ.

Зато первое появленіе его за общимъ столомъ произвело весьма неприятное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Чорненькій молодой человекъ былъ приведенъ въ столовую Лизаветы Максимовны блонкурамъ Пьеромъ.

— Здѣсь? спросилъ онъ у своего товарища, входя въ залу и морщась. Ну, нечего сказать—хорошъ ресторанъ! Одна вонь чего стоитъ!.. Да что это, въ кухню мы пришли, что-ли?.. Чадъ какой!

— Полно ужъ ты, полно, садись знай! увѣщевалъ его Пьеръ. Увидишь, какъ накормятъ.

Чорненькій съль.

— Хороши салфетки! сказалъ онъ, отталкивая отъ себя приборъ: хороша посуда! Помилуй! куда ты меня завелъ?

Присутствовавшіе перегнулись съ изумленіемъ:

— Не говори, по-крайней-мѣрѣ, такъ громко! пролетѣлъ блокурый Пьеръ.

— Да ты подшутить надо мной вздумалъ? а? Подшутить? привелъ меня невѣсть куда... и увѣряетъ, что это ресторана... Ха, ха, ха! Чорненькій ѣдко засмѣялся.

— Это супъ? а? это супъ? повторялъ онъ, вода ложкой по поданной ему тарелкѣ: — ха, ха, ха!

И опять тотъ же язвительный смѣхъ.

— Ну, что это? и ложка вдобавокъ оловянная!

— Ужъ этого-то, по-крайней-мѣрѣ, не ври.... видишь? вотъ проба.

— Какъ это она попала сюда... Ха, ха, ха! продолжалъ чорненькій.

Что досталось отъ него въ этотъ день супу, то досталось еще въ бо́льшей степени зрзамъ, появленіе которыхъ на «кухмистерскомъ столѣ» почиталось праздникомъ для бо́льшей части гостей Лизаветы Макеевны. Даже рябчикъ не подѣйствовалъ миротворно на желчное расположеніе духа чорненькаго юноши. Юноша нашель рябчика испорченнымъ, и такъ громко и убѣдительно доказывалъ, что мясо рябчика должно быть бѣлѣ снѣга, что многіе не доѣли своей порціи. По всю злобу свою излилъ раздражительный гость на клюквенный кисель, поданный вмѣсто пирожнаго.

— Это что? это что? спросилъ онъ у Маши, которой бѣлые зубы были въ этотъ день безпрестанно наружѣ, отъ постоянной улыбки.

— Кисель-съ, отвѣчала Маша, не переставая улыбаться.

— Что?

— Кисель-съ.

— Что это такое — кисель?

— Кушанье-съ.

— Какое же это кушанье?

— Пирожное-съ.

— Ха, ха, ха!.. Это пирожное, по твоему?

— Да-съ.

— Можешь лакомиться имъ сама!

— Да вы попробуйте-съ! можетъ-быть вамъ и понравится, замѣтила съ веселымъ смѣхомъ бойкая Маша.

Чорненькій сердито взялъ ложку, сердито зачерпнулъ ею киселя съ жидкимъ молокомъ и попробовалъ.

— Тьфу, дрянь какая! воскликнулъ онъ, морщась. Да это крах-малъ какой-то... это просто все въ желудкѣ скленть. Возьми пожа-луста — и дай мнѣ чашку чаю!

— Кофею-съ?

— Чаю — чаю.

— Чаю нѣтъ-съ.

— Какъ нѣтъ?

— Не подаемъ-съ. Кофею, если прикажете...

— Ну, ужъ это изъ рукъ вонъ... чаю нѣтъ...

Чорненькій господинъ сердито двинулъ стуломъ и всталъ.

— А вино есть?

— Нѣтъ-съ.

— И вина нѣтъ?

— Нѣтъ-съ.

— Да что-же у васъ есть послѣ этого?

— Если прикажете, можно сбѣгать-съ — принести вина... У насъ въ домѣ погребокъ.

— Не нужно. Хорошъ обѣдъ — нечего сказать, хорошъ!

— Еслибы зналъ я, говорилъ бѣлокурый Пьеръ, уходя со своимъ раздражительнымъ пріателемъ: — еслибъ зналъ, что ты этакой сума-шедшій, ни за что бы тебя сюда не привелъ.

— Да вѣдь это — это... сознайся наконецъ самъ... это просто курамъ на смѣхъ... Ха, ха, ха! Кисель — пирожное!.. Какой это кисель? Изъ чего онъ дѣлается?

— Очень просто — изъ клюквы.

— Изъ клюквы?.. Ну, согласись ты самъ, что это ужасная га-дость, что это должно все въ желудкѣ скленть!

— Онъ, точно, мнѣ надоѣлъ-таки порядкомъ... Каждый день кисель.

— Отъ этого заболѣть можно.

— Заболѣть не заболѣть, положимъ; а надоѣлъ онъ очень. Изрѣдка еще ничего бы...

— Какъ нельзя заболѣть? какъ нельзя?.. И заболѣть очень легко.. Вѣдь согласенъ же ты, что онъ все въ желудкѣ склеиваетъ?

— Ну, склеиваетъ...

— Такъ это, по твоему, не вредно для желудка?

— А кто его знает!

— То-то и есть, братецъ, что вредно, ужасно вредно...

Несмотря, однакожь, на такія вредоносныя свойства обѣда прелестной Лизаветы Максимовны, чорненькій господинъ вручилъ ей, черезъ Машу, десять цѣлковыхъ, взявъ которыхъ поручилъ тридцать потертыхъ и испачканныхъ контрмарокъ, и сталъ ежедневно посѣщать «кухмистерскій столъ», къ великому огорченію розоваго старичка.

На другой день, вмѣсто пирожнаго подали — опять клюквенный кисель, на третій — опять клюквенный кисель, на четвертый, на пятый — тоже; это продолжалось цѣлую недѣлю.

Каждый разъ обильной и бурливой рѣкою лились изъ устъ чорненькаго господина самыя энергическія выраженія ненависти его къ клюквенному киселю; наконецъ, въ седьмой или восьмой день послѣ перваго визита его къ Лизаветѣ Максимовнѣ, эта странная ненависть выразилась уже не словами, а поступкомъ, безиримѣрнымъ въ кухмистерскихъ лѣтописяхъ.

— Что это? особенно-угрюмо спросилъ чорненькій у Маши, когда она поставила передъ нимъ тарелку съ киселемъ.

Вопросъ этотъ повторялся ежедневно, и Маша никакъ не могла удержаться отъ улыбки.

— Кисель-съ.

— Что? спросилъ чорненькій, глядя гнѣвными глазами въ смѣющееся лицо дѣвушки.

— Кисель-съ, повторила она съ новой улыбкой, считая конечно за шутку сердитое выраженіе лица гостя.

— Какой кисель? спросилъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

Маша немного оробѣла и перестала улыбаться.

— Какой кисель? говори!

И чорненькій стукнулъ кулакомъ объ столъ.

— Клюквенный-съ.

— А! вскричалъ онъ, отодвигаясь отъ стола: — клюквенный! Опять клюквенный? а?

Машу началъ снова разбирать смѣхъ.

— Опять клюквенный?.. говори! опять?

— Да-съ, отвѣчала Маша, и захохотала, какъ сумашедшая.

Этотъ дерзкій смѣхъ раздражилъ еще болѣе чорненькаго господина. Сверкая глазами, схватился онъ правою рукою за передникъ Маши, а

лѣвою за тарелку съ киселемъ. Въ одно мгновеніе кисель очутился въ передникѣ, а концы передника въ рукѣ Маши.

— Поди, отнеси своей хозяйкѣ этотъ кисель! пусть сама ѣсть!

У розоваго старичка душа ушла въ пяті.

Веселая улыбка спорхнула съ лица дѣвушки, и Маша быстро побѣжала къ Лизаветѣ Максимовнѣ, процѣживая сквозь фартукъ на платье свое и на полъ жидкое молоко, которымъ былъ облитъ роковой кисель.

— Вотъ, сударыня, сказала она серьезнымъ тономъ, раскрывая свой передникъ предъ изумленными очами хозяйки, хлопотавшей въ кухнѣ: — сколько разъ говорила я вамъ, что всѣ сердятся, что каждый день все кисель, да кисель. Вотъ и выложили мнѣ его въ передникъ.

Маша говорила правду: «обѣдальщики» не разъ уже жаловались на слишкомъ частое появленіе на столѣ клюквеннаго киселя. Только розовый пріятель Вармбира никогда не изъявлялъ своего неудовольствія.

— Кто это сдѣлалъ? кто? спросила прерывающимся голосомъ Лизавета Максимовна, щеки которой, и безъ того розовыя, вспыхнули багровымъ румянцемъ досады.

— А вотъ этотъ чорненькій, что недавно сталъ ходить.

— Ахъ онъ, дрянъ этакая! Вотъ Кондратя Степаныча дома нѣтъ — ужъ онъ далъ бы ему знать... этакъ безчинствовать!

— Все платье мнѣ изгадилъ, — и передникъ теперь не будетъ никуда годиться, повторяла Маша, сбросивъ кисель съ фартука и вытирая его. Совсѣмъ новый передникъ, а теперь хоть брось!

Полное лицо Лизаветы Максимовны разгаралось все ярче и ярче.

— Пстой же! пстой!

Эти слова съ трудомъ вылетѣли изъ ея взволнованной груди. Грудь прелестной вдовицы волновалась такъ бурно, что легкая кисейная модести вѣрно улетѣла бы на воздухъ, елибъ не была крѣико пришпиlena къ платью: она вздувалась, какъ парусъ.

— Пстой! повторила Лизавета Максимовна, оправляя юбку платья и опуская засученные рукава. И она тяжелыми шагами вышла изъ кухни. Когда, вся облеченная въ неопшанный гнѣвъ, вступила она въ столовую, тамъ не слышалось стука ножей, вилокъ и ложекъ: никто не ѣлъ; всѣ говорили. Только розовый старичокъ торопливо уписывалъ опозоренный кисель, стараясь не касаться ложкой до тарелки, чтобы не шумѣть. Громче другихъ раздавался голосъ чорненькаго господина, который то-и-дѣло повторялъ:

— За кого-жъ она насъ принимаетъ?.. За кого?.. Сегодня —

кисель, завтра — кисель, каждый день — кисель... Скажи на милость — за кого она насъ принимаетъ?

— Господа! гордо произнесла Лизавета Максимовна, подступая къ столу:—кто это изъ васъ сдѣлалъ такую невѣжливость?

— Я-съ, отвѣчалъ чорненькій, вставая изъ-за стола и подходя къ прекрасной вдовѣ: — и всѣ (онъ указалъ на собесѣдниковъ) всѣ мнѣ очень благодарны, потому-что это, наконецъ, изъ рукъ вонъ...

— Да, вмѣшался усачъ:—это, просто, ни на что не похоже...

— Каждый день, сказалъ бѣлокурый Пьеръ:—каждый день кисель.

Лизавета Максимовна открыла было пышныя губы, чтобы отвѣчать, но принуждена была снова закрыть ихъ, не произнеся ни слова, потому-что чорненькій господинъ громко воскликнулъ:

— И добро бы что-нибудь порядочное, кремъ тамъ какой-нибудь, или желѣ, а то кисель—гадкій клюквенный кисель... это, просто, на смѣхъ!.. Крахмалъ какой-то, который все въ желудкѣ склеиваетъ... Да знаете ли вы, что можетъ быть отъ этого?

Лизавета Максимовна проговорила съ съ сердцемъ:

— Ничего не можетъ быть.

— Ничего? ничего? повторилъ съ жаромъ чорненькій: — скажите пожалуйста! ничего... А всѣ кишки можетъ свести въ желудкѣ?.. Это вы знаете? кишки сведеть... Это, по вашему, ничего? а?.. Ничего?

— Да чѣмъ же дѣвушка-то виновата? спросила Лизавета Максимовна.—Вы должны бы мнѣ сказать, какъ хозяйкѣ.

— Должны бы... должны бы... Скажите пожалуйста! по вашему, можетъ-быть, мы должны бы ѣсть вашъ клюквенный кисель, да молчать... Да вы потѣмъ, вы потѣмъ—я ужъ и не знаю что бы вы потѣмъ подавать стали... Вы бы клейстеромъ начали насъ кормить.

— Хорошо-съ, хорошо; не горячитесь только, пожалуйста!

— Что? какъ? Вы еще смѣете мнѣ наставленія читать?.. Вотъ это мило и ново. Не горячитесь!.. А я хочу горячиться, хочу... Поняли вы это?

— Не изъ чего горячиться-то.

— Не изъ чего... слышите, господа?.. Не изъ чего... Да вы бы еще вздумали пироги изъ войлока шить, опилками ихъ начинивать, да намъ подавать... И послѣ этого не горячиться?

— Ну, не нравится вамъ кисель—и прекрасно: не кушайте,—другимъ нравится.

— Господа! кому изъ васъ нравится эта прелесть?

— Никому! отвѣчалъ усачь.

— Никому! сказалъ бѣлокурый Пьеръ.

— Никому! повторили и всѣ остальные, за исключеніемъ розоваго старичка.

— Schkandalös, пролепеталъ онъ, натягивая себѣ на ноги стоптанцыя резиныя калоши, завернулся въ шубу—и былъ таковъ.

Лизавета Максимовна сконфузилась, и отвѣчала очень умѣреннымъ тономъ:

— Ну, это дѣло другое. Я не знала, что кисель всѣмъ не нравится. Больше не буду его подавать.

И она поспѣшила удалиться, потому—что чорненькій господинъ принялся опять ораторствовать и доказывать вредъ клюквеннаго киселя.

— Кишки сведеть—это, по ея мнѣнію, пустяки! повторялъ онъ ежеминутно:—кишки сведеть—ничего... какъ вамъ это нравится?

На слѣдующій день кисель былъ замѣненъ какими-то аладьями, потомъ компотомъ изъ половинки яблока, и такимъ—образомъ не являлся на «кухмистерскомъ столѣ» больше полугода.

Первой попыткѣ возобновить его предшествовала сильная внутренняя борьба въ сердцѣ прелестной вдовицы.

«Подать—не подавать—подать—не подавать». Эти два два слова то и дѣло чередовались въ колеблящихся мысляхъ Лизаветы Максимовны.

Дарья, которую остроумный Потаповъ называлъ Даріемъ-Гистасномъ, выразила свое мнѣніе такъ:

— По мнѣ, чего имъ ни подай—все будутъ ѣсть!

— То-то нѣтъ, Дарья... Черномазый этотъ опять поднимется. Я бы рада ему денегъ дать, чтобы только сюда не ходилъ; пропадай собака и съ лыкомъ... этакой нахаль!

— Ротъ бы ему киселемъ-то залѣпить.

Въ этихъ рѣзкихъ словахъ выразился вполне мужественный характеръ Дарія-Гистаспа; но ими Лизавета Максимовна не удовлетворилась. Желая основать свое рѣшеніе на болѣе твердыхъ принципахъ, она обратилась за совѣтомъ къ разсудительному и солидному Кондратію Степановичу.

— Какъ вы думаете, Кондратій Степанычъ—можно будетъ завтра подать на пирожное кисель?

— Разумѣется, можно.

— А какъ опять изъ—за него исторія выйдетъ?

— Не выйдетъ.

— Какъ не выйти то? Вѣдь никто его не любитъ... только вотъ

нѣмецъ этотъ съ лысинкой, да развѣ, что недавно-то начало ходить,— два-три человѣка...

— Подайте—и дѣло съ концомъ!

— Непріятно, какъ опять неудовольствіе выйдетъ. Вамъ ничего... Васъ и дома еще не будетъ. А мнѣ—то какво?.. Вотъ и тогда...

— Да вѣдь вы ужъ давно не давали имъ киселя?

— Больше полгода.

— Ну, и можно подать... Надѣюсь—никто не скажетъ, что часто подаютъ.

— Я ужъ хочу этому черномазому задирѣ чего-нибудь другаго подать, вмѣсто киселя... вотъ, вчерашній компотъ есть...

— Напрасно. По моему мнѣнію, и ему киселя... Охота баловать!

— Право, не знаю какъ быть.

И совѣтомъ Кондратя Степановича не удовлетворилась Лизавета Максимовна.

— Что скажешь ты, Маша?—спросила она у горничной.

— А попробовать—вотъ что.

Это слово только и было нужно милой вдовицѣ. «Попробовать»—кажется, просто, а до-сихъ-поръ, въ голову не приходило. Попробовать! да... И Лизавета Максимовна рѣшилась попробовать.

Стараясь избѣгнуть шумной компаніи, розовый гастрономъ сталъ съ нѣкотораго времени ходить обѣдать раньше всѣхъ, и въ этотъ день пришелъ къ Лизаветѣ Максимовнѣ когда еще никого не было. Онъ съ пріятностью вытеръ себѣ губы послѣ клейкаго киселя, и даже чмокнулъ ими, выражая тѣмъ свое крайнее удовольствіе.

— Ну, что? что?

Этотъ вопросъ былъ повторяемъ Лизаветой Максимовной по-крайней-мѣрѣ по пяти разъ послѣ каждой порціи клюквеннаго киселя, вынесенной изъ кухни расторопною Машей.

— Что?

— Ничего—съ, отвѣчала Маша:—ѣдятъ.

— Этотъ успокоительный отвѣтъ былъ принесенъ ею даже и послѣ того, какъ она, не безъ труда сдерживая смѣхъ, поставила тарелку съ киселемъ передъ чорненькимъ ненавистникомъ этого невиннаго кушанья.

— Ну, и ладно! проговорила Лизавета Максимовна, отирая крупныя капли пота на своемъ челѣ.—Видно забылъ; а ужъ ай-ай забіяка.

— Этакой жиденькій, да маленькій, замѣтила Маша:—а ужъ буянь, какого свѣтъ не производилъ.

— — Маль сверчокъ, вернулъ свое словечко Дарій-Гистаспъ: — да громко поеть.

— Ну его совѣмъ! сказала Лизавета Максимовна, оставляя кухню.

Внѣ круга кухонныхъ заботъ, жизнь Лизаветы Максимовны протекаетъ довольно однообразно: она сидитъ болѣею частью дома и занимается шитьемъ чего-нибудь для собственнаго употребленія. Жильцы часто раздѣляютъ съ ней досужее время. Ихъ такъ же немного, какъ было и въ первую пору ея вдовства. Ковдратій Степановичъ, у котораго теперь довольно большое помѣщеніе, съ алыми занавѣсками у оконъ и съ особымъ ходомъ, руководитъ опытными совѣтами жену своего пріятели. Онъ нидогда не обѣдаетъ въ общей залѣ; другіе жильцы выходятъ иногда туда, потому-что съ нѣкоторыми изъ «обѣдальщиковъ» успѣли познакомиться.

Но не пора ли намъ оставить эту довольно душную атмосферу и выйти на чистый воздухъ?

Надѣюсь, что вы еще не разъ зайдете пообѣдать къ Лизаветѣ Максимовнѣ; впрочемъ я считаю долгомъ прибавить, что она начала нынче что-то часто подавать клюквенный кисель. Клюквеннаго киселя я рѣшительно не одобряю... Впрочемъ, это мой личный вкусъ.

III.

ДОКТОРЪ БѢДНЯКЪ.

Разсказъ Эленъ Поэ.

Сквозь пожелтѣлыя занавѣсы бѣдно убранной гостиной проникалъ яркій лучъ июнскаго солнца, лучъ прозрачно золотой и до того очаровательный, что химіи слѣдовало бы научить насъ, какъ укрѣпить его, чтобъ онъ не исчезалъ! Такъ думалъ, по-крайней-мѣрѣ, докторъ Джонъ Фой, сидя передъ толстою тетрадью, въ которой однако не было рѣчи объ химіи; наверху страницы, въ заглавіи стояло: *Изысканія о сумасшествіи*... грустная специальность науки, которую докторъ изучилъ и освѣтилъ своими трудами.

Но въ эту минуту другой вопросъ, еще важнѣе и еще неотвязчивѣе, занималъ все существо его. Что станетъ онъ отвѣчать женѣ своей, когда она спроситъ денегъ на хозяйство. Съ-тѣхъ-поръ какъ продали бібліотеку его и всѣ книги, которыя онъ собиралъ по одиночкѣ, съ такою любовью, въ домѣ его не было ни одной гиней...

Никогда докторъ Джонъ Фой не поклонялся маммону, никогда онъ не былъ корыстолюбивъ, никогда не хотѣлъ бы говорить, или слышать о деньгахъ; но къ несчастію, въ домѣ его не было другаго разговора. Если у доктора было много бѣдныхъ пациентовъ, за то не было ни одного такого, который платилъ бы ему; по возвращеніи домой послѣ своихъ бесплодныхъ визитовъ, онъ бросался въ старыя, развалившіяся кресла.

Джонъ Фой былъ очень высокъ ростомъ, съ широкимъ, выдавшимся лбомъ; во всѣхъ чертахъ лица его дышало благородство и грустное достоинство. Видно было, что онъ много думалъ, много страдалъ и что сила души его боролась еще съ несчастьемъ, хотя и начиналъ уже привыкать къ своему положенію. Въ сотый разъ онъ осматрѣлъ нищету свою, и безъ того слишкомъ ему извѣстную: вмѣсто ковра оставалась одна канва, столъ хромалъ, библіотека была пуста, стулья разломаны, обои запачканы, занавѣсы разорваны; мистрисъ Фой должна была отказаться чинить ихъ, какъ отказываются отъ неизлечимо-больнаго.

Докторъ устремилъ потомъ глаза на длинные, худые свои пальцы, лежавшіе на его колѣнахъ, и худоба ихъ не такъ испугала его, какъ пробѣлы на рукавахъ единственного его платья, платья, котораго невозможно было замѣнить другимъ и безъ котораго не могло быть доктора. Въ добавокъ къ горю, въ памяти его пробудились воспоминанія прошлаго.

Онъ вспомнилъ молодость свою, свои блестящіе дебюты въ университетѣ, торжество своей рѣчи и первыя начальныя свои излеченія. Онъ вспомнилъ, какъ съ самаго начала онъ затмилъ всѣхъ своихъ товарищей... Но это была только вспышка соломѣ! Скоро онъ впалъ въ совершенную неизвѣстность. Почему? Потому—что не сообразивъ свои средства съ потребностями семейной жизни, онъ женился по любви, которая удержала его въ тѣсной сферѣ какого-то неизвѣстнаго мѣстечка Ирландіи. Другая причина скорого паденія его представилась ему въ эту самую минуту въ лицѣ молодого, моднаго доктора, покровительствуемаго дворянствомъ и богачами околотка. Этотъ счастливый соперникъ, который, проѣзжая мимо оконъ доктора Фойя, и можетъ-быть съ намѣреніемъ сдерживая быстроту ретиваго своего коня, торжественно повернулъ въ ту сторону цвѣтущее здоровьемъ лицо свое: надутыя его щеки, бѣлокурый парикъ и приличная полнота, дѣлали его достойнымъ представителемъ здравія. Казалось, онъ приносилъ здоровье больнымъ своимъ; и если они не пользовались его совѣтами, подтверждаемыми такимъ хорошимъ примѣромъ, то сами были тому виною. Такое сравненіе уничтожало доктора Фойя, котораго какой-то проказникъ, любитель Вальтеръ-Скотта, прозвалъ Old Mortality... И въ-самомъ-дѣлѣ докторъ Фой походилъ на похороннаго факельщика.

Грустныя размышленія доктора были прерваны голосомъ жены его. Мистрисъ Фой ворчала на сыновей своихъ, зачѣмъ они шалили на улицѣ, возвращаясь изъ школы домой.

Ихъ было у нея трое. Трудно вообразить себѣ болѣе трюга-

тельную фizioномію, какъ фizioномія этой бѣдной матери семейства. Овалъ лица ея страшно вытянулся; въ глазахъ, окруженныхъ черной полосой, было что-то смутное, помѣшанное; преждевременныя морщины сѣуживали оконечности рта, глазъ и самый лобъ; но необыкновенная тонкость чертъ доказывала еще красоту ея, такъ рано поблекшую. Слабая ея организація не могла противустоять столькимъ испытаніямъ. Одежда ея высказывала ту же нищету; платье было неопрятно, надѣто неряшливо; все опротивѣло ей отъ долговременнаго горя. Глядя на несчастную жену, докторъ не могъ удержаться отъ вздоха. Что случилось съ тоненькою, гибкою дѣвушкою, которая была свѣжѣе майской розы, и хотя просто, но всегда изящно одѣта? Бѣдная женщина! Такую ли судьбу сулила ей любовь?

— Мнѣ бы надо было немножко денегъ, сказала она доктору. Привезъ ты хоть сколько-нибудь, Джонъ?

Губы доктора зашевелились: но онъ ничего не отвѣчалъ.

— Хоть сколько-нибудь... продолжала она: я знаю, что времена теперь очень плохи; но нельзя же быть совсѣмъ безъ денегъ.

— Помоги намъ Господи, Маргарита!

И глаза доктора, поднятые къ небу, устремились на старый коверъ, какъ будто боялись встрѣтиться съ глазами Маргариты.

— Насъ восьмеро, Джонъ, продолжала она: большимъ легче лишить себя чего-нибудь; но бѣдныя дѣти... Они вернулись изъ школы совершенно голодные; а въ домѣ нѣтъ ничего... рѣшительно ничего... Какъ ты хочешь, мнѣ надо денегъ.

— У меня сегодня тоже нѣтъ ничего; но завтра, я надѣюсь, можетъ-быть... Развѣ булочникъ не даетъ больше въ долгъ? Вѣдь онъ обѣщалъ подождать... Развѣ можно отказывать въ хлѣбѣ? Развѣ докторъ Джонъ Фой какой-нибудь бродяга?.. Кажется, до-сихъ-поръ я былъ честнымъ человѣкомъ, и репутація моя... Ну, Маргарита, ободрись немного, и постарайся, чтобъ намъ дали еще въ долгъ.

— Въ долгъ! въ долгъ! это очень легко говорить, вскричала мистрисъ Фой, лицо которой приняло почти страшное выраженіе. Развѣ ты не знаешь, какъ велики и до чего дошли счета наши у всѣхъ поставщиковъ? Кто же дастъ намъ еще въ долгъ? Развѣ ты думаешь, что можешь расплатиться съ долгами? А двадцать-пять гиней, которые мы должны сосѣду нашему, кожевнику Брауну?.. Кто заплатитъ ихъ? Билетъ его возобновляли уже два раза, и сегодня ему послѣдній срокъ! Я видѣла во снѣ всѣхъ должниковъ нашихъ; комната была полна ими, такъ-что остальнымъ не было мѣста; они толпились на лѣстницѣ и въ корридорѣ. Наложили запрещенье на домъ нашъ, продали

съ аукциона мебель нашу, лошадь твою и кабриолетъ, и денегъ, вырученныхъ за продажу вещей этихъ, не достало даже на уплату судебныхъ издержекъ.

Джонъ Фой стоялъ молча, неподвижно; каждое слово Маргариты какъ остріе кинжала воцалось въ его разтерзанное сердце; вдругъ лучъ надежды освѣтилъ блѣдное лицо его.

— Сосѣдка наша, мистрисъ Симпсонъ, сказалъ онъ, предобрая и пренабожная... правда она не очень богата; но живетъ такъ скромно, что не проживаетъ своихъ доходовъ, которыми дѣлится съ бѣдными...

— Такъ тебѣ хочется, перебила мистрисъ Фой, чтобъ жена твоя собирала милостыню?

— Нѣтъ; но со всякимъ можетъ случиться нужда... Попрося у нея хоть нѣсколько шиллинговъ; я отдамъ ей если не завтра, такъ послѣ завтра. Маргарита, мы не можемъ оставаться всегда въ такомъ положеніи. У меня есть планы, предпріятія...

Оба замолчали. Мистрисъ Фой посмотрѣла пристально на доктора и сказала:

— Ты умный и ученый человекъ, Джонъ, а я больше ничего, какъ бѣдная, слабая женщина, но лучше твоего понимаю наше положеніе, и не принимаю, какъ ты, мечтаній за существенность. Я дѣлала все, что могла... чтобъ оставить больше дѣтямъ, я часто ложилась спать голодною, и готова еще дѣлать тоже самое; но не стану занимать безъ надежды отдать. Эта бездна долговъ тяготитъ мою совѣсть. Ужъ и безъ того всѣ называютъ насъ обманщиками, и показываютъ на насъ пальцами. Джонъ Фой, я дорожу твоею честью, больше чѣмъ своею жизнью... и хочу лучше умереть...

— И я тоже, Маргарита! Но дѣти наши?

Сердце матери сжалось; она опустила голову на грудь и замолчала.

— Отчаяваться въ Провидѣніи, сказалъ Джонъ Фой, значить оскорблять Бога, Маргарита!

— Бога? вскричала несчастная женщина. Человекъ долженъ умѣть удовлетворять своимъ нуждамъ, или погибнуть. Если ты хочешь, Джонъ, чтобъ я и дѣти твои жили, надо работать, чтобъ жить, хотя для этого понадобилось бы ворочать камни на мостовой. У тебя есть богатый родственникъ, который уже однажды помогъ тебѣ. Обратись къ нему; потому-что мнѣ надо, непременно надо денегъ!.. прибавила она такимъ голосомъ, что докторъ еще больше прежняго испугался.

— Милая Маргарита, сказалъ онъ, еслибъ я могъ накормить васъ цѣною собственной своей крови, я бы не думая пустилъ ее изъ всѣхъ жилъ своихъ. Неужели ты въ этомъ сомнѣваешься?

Онъ всталъ съ кресель, къ которымъ до-тѣхъ-поръ какъ-будто былъ прикованъ, подошелъ къ женѣ своей, и схвативъ обѣ ея руки, сталъ ласкать ее и напоминать все успія свои и покушенія выйти изъ такого тягостнаго положенія.

На этотъ разъ докторъ рѣшился ѣхать въ Дублинъ, даже въ случаѣ нужды въ Лондонъ, гдѣ надѣялся найти покровителей въ представителяхъ Ирландіи. Докторъ Фой былъ уже извѣстенъ своими учеными статьями; онъ станетъ еще писать въ Медицинскихъ—обозрѣніяхъ и журналахъ.

Между-тѣмъ мистрисъ Фой смотрѣла на мужа въ молчаніи, страшномъ для человѣка, изучившаго все признаки сумасшествія.

— Маргарита! вскричалъ онъ съ испугомъ, думая не лишило ли отчаяніе ее разсудка: Маргарита, неужели ты сомнѣваешься во мнѣ! Не будемъ говорить больше о деньгахъ; поговоримъ лучше о возлюбленной нашей дочери, о нашей милой Мери. Лучше-ли ей сего-дня? Пила она что-нибудь? Какъ правится ей тотъ чай, который я привезъ вчера?

Съ нѣкотораго времени старшая дочь ихъ страдала изнурительною болѣзнію, которая происходила отъ двухъ причинъ: моральныхъ страданій и матеріальныхъ лишеній.

— Бѣдное дитя! вскричала мистрисъ Фой, вызванная изъ остолебенія именемъ дочери: ее мучила лихорадка и жажда; она попросила лимонаду, но у насъ не было ни сахару, ни лимону. Во всемъ домѣ нѣтъ ни одного пенни, рѣшительно ни одного!... Ты самъ видишь, Джонъ, что это не можетъ продолжаться.

Докторомъ овладѣла нервная дрожь; онъ сталъ ломать руки, потомъ сталъ тереть ими лобъ, потомъ схватилъ себя за голову и вшилъ пальцами въ свои густые волосы. Еслибъ не присутствіе жены, онъ самъ бы предался всему бѣшенству отчаянія. Онъ ходилъ по комнатѣ скорыми шагами, и въ двадцатый разъ обшаривалъ свои карманы, все было напрасно.

Вдругъ онъ бросился изъ комнаты; мистрисъ Фой побѣжала за нимъ; блѣдность мужа испугала ее въ свою очередь.

Придя въ комнату, находившуюся въ первомъ этажѣ, онъ бросился на старый сюртукъ, который съ боязнію сталъ ощупывать по всемъ направлениямъ, въ надеждѣ найти въ немъ монету, потерянную нѣсколько дней тому назадъ, и которая могла завалиться за подкладку.

Борьба между страхомъ и надеждой была такъ ужасна, что онъ чуть не упалъ въ обморокъ отъ радости, когда поиски его увѣчались

успѣхомъ. Онъ схватилъ монету, и держа ее между двумя пальцами, провелъ ею мимо глазъ жены своей, отъ чего лицо ея прояснилось.

— Ободришь, Маргарита, сказалъ докторъ. У Мери будетъ лимонадъ и мы не умремъ сегодня съ голоду; а завтра... Кто знаетъ?... судьба наша можетъ измѣниться. Я тоже видѣлъ сонъ въ прошлую ночь; но мой сонъ былъ утѣшительнѣе твоего сна, Маргарита. Я сдѣлался богачемъ, передо мной лежали груды золота; я считалъ новыя блестящія монеты!

— Сны не утѣшаютъ, когда они не сбываются, отвѣчала грустно мистрисъ Фой! Можно ли человѣку съ твоимъ умомъ и познаніями увлекаться такимъ ребячествомъ? Ахъ, Боже мой! Маркусъ Браунъ идетъ сюда. Я спрячусь; а ты постарайся съ нимъ раздѣлаться, какъ умѣешь. Гадкій человѣкъ! одинъ видъ его наводитъ на меня ужасъ.

Еслибъ мистръ Маркусъ Браунъ былъ хорошъ собой, какъ Адонисъ, и тогда, вѣроятно, онъ не произвелъ бы другаго дѣйствія на должниковъ своихъ; но не менѣе того наружность его была довольно пріятная. Въ околоткѣ его считали добрымъ, веселымъ человѣкомъ; это былъ подложный добрякъ, какихъ много встрѣчаешь въ свѣтѣ. Широкій и вздернутый къ-верху носъ его, красное лицо, большіе выпуклые глаза и свѣсивый видъ, напоминали фізіономію бульдога. При ударѣ его молоткомъ, весь домъ вздрогнулъ до основанія, всѣ окна зазрбезжали.

У доктора былъ грумъ, который ходилъ за его лошадыю, грумъ микроскопическій, и который, еслибъ жилъ въ столицѣ, въ услуженіи у какого-нибудь денди, могъ-бы разбогатѣть и сдѣлаться чѣмъ-нибудь больше грама. Грумъ этотъ, какъ легко можно догадаться, былъ фактотумъ всего дома. Онъ побѣжалъ отворить кожевнику, и ввелъ его въ гостиную, гдѣ неумолимый заимодавецъ остановился молча, неподвижно передъ должникомъ своимъ, хотя докторъ Фой хотѣлъ даже уступить ему свои старыя кресла.

Мистръ Маркусъ Браунъ, какъ уже знаетъ читатель, одолжилъ сосѣду своему двадцать гиней, въ то время, когда не зналъ еще его крайней бѣдности; къ тому жъ онъ питалъ тайную надежду, что докторъ будетъ его лечить даромъ, если съ нимъ сдѣлается апоплексическій ударъ, чего онъ ожидалъ тогда со дня на день; но срокъ росписки уже давно кончился, а паралича все еще не было; слѣдовательно, кожевникъ думалъ, что можетъ презирать и унижать доктора.

— Садитесь-же, мистръ Браунъ, повторялъ докторъ голосомъ, исполненнымъ покорности.

— Я не сажусь у должниковъ своихъ, отвѣчалъ толстякъ: я пришелъ за деньгами. Готовы онѣ?

Докторъ пробормоталъ нѣсколько извиненій.

— Мнѣ надо знать да, или нѣтъ, перебилъ Браунъ. Для всѣхъ я глухъ на одно ухо, а для должниковъ на оба. Еще еслибъ вы должны были мнѣ за кожу, еслибъ я взялъ съ васъ какой-нибудь барышъ... а то я далъ вамъ настоящими, неподложными гинейми; я хотѣлъ сдѣлать вамъ одолженіе, я, который, какъ говорятъ, никого никогда не одождаетъ. Вотъ что значить поступать не по своимъ правиламъ; это проучить меня въ другой разъ. Вы, вѣроятно, намѣрены тогда заплатитъ, когда возвратятся древнія греческія времена; но мнѣ жаль васъ, потому-что чиселъ этихъ не существуетъ въ моей книгѣ долговъ; и потому я попрошу васъ заплатитъ мнѣ немедленно; мнѣ надоѣло ждать. Черезъ мѣсяць вы будете еще бѣднѣе, чѣмъ теперь; это уже всѣмъ извѣстно. Дѣла ваши плохи, докторъ; вы больнѣе всѣхъ больныхъ своихъ, и потому я рѣшился захватить все достояніе ваше и продать его, если даже на долю мою ничего не останется, кромѣ кожи вашей лошади; все же это лучше, чѣмъ ничего.

Докторъ, давъ время мистру Брауну излить желчь свою, отвѣчалъ умоляющимъ голосомъ:

— Потерпите еще немного, любезный сосѣдь. Богу извѣстно, что доля вашъ не выходитъ у меня изъ головы.

— Хорошо-бъ было, еслибъ деньги мои не выходили изъ моего кармана! Вамъ хорошо говорить: «Потерпите, я не могу заплатитъ вамъ:» такой отвѣтъ слишкомъ спокоенъ. Но кто не въ состояніи отдавать; тотъ не занимается; въ противномъ случаѣ подвергается непріятности слышать въ глаза...

— Что слышать?..

— Вы сами это знаете.

— Нѣтъ, не знаю; но развѣ человѣкъ занимающій унижается въ общемъ мнѣніи; совѣсть моя по-крайней-мѣрѣ, можетъ быть покойна. Я видѣлъ въ рукахъ вашихъ, мистеръ Браунъ, альманахъ Добряка Ричарда; вѣроятно вы читали тамъ, что пустому мѣшку трудно стоять прямо.

— Пословицы! Вы почитаете меня, вѣроятно, за дурака, и думаете что меня можно удовлетворитъ пословицами? А другіе должники ваши, булочникъ, напимѣръ, мясникъ, зеленщикъ, будутъ-ли довольны такою платою? Въ такомъ случаѣ намъ остается только умереть въ больницѣ, куда, какъ мнѣ, такъ и имъ вовсе не хочется отправляться, и потому я рѣшился преслѣдовать васъ.

Сказавъ это, мистеръ Браунъ повернулся, какъ кубарь на каблучкахъ своихъ, и окинувъ пронизательнымъ взглядомъ комнату, сосчиталъ въ умѣ;

что можно будет выручить, если продать съ публичнаго торга все эти вещи. Повидимому, расчетъ этотъ не удовлетворилъ его, и вѣроятно поселилъ сомнѣнiе на счетъ пользы преслѣдованья доктора, потому-что онъ почесалъ подбородокъ и сдѣлалъ прегадкую гримасу.

Докторъ воспользовался этой минутой колебанья, чтобъ уговорить его.

— Любезный мистеръ Браунъ, сказалъ докторъ, вы пользуетесь репутацией честнаго человѣка. Вы богаты, и безъ сомнѣнiя не ждете такой бездѣльной суммы.

— Не жду? а что жъ я дѣлаю, позвольте васъ спросить, вотъ ужъ болѣе полугода?

— У васъ нѣтъ ни жены, ни дѣтей...

— Ну конечно нѣтъ!

— Изъ-за такой бездѣлицы вы не захотите погубить насъ...

— Бездѣлицы!? а! вы считаете это бездѣлицей?! Такъ заплатите же мнѣ эту бездѣлицу, докторъ Джонъ Фой! Хитеръ будетъ тотъ, кто поймаетъ меня въ другой разъ. Нѣтъ, больше я никому не дамъ въ займы, даже родному брату!

— Брату?.. еслибъ дѣло шло о его спасенiи! По этому вы никогда не страдали, мистеръ Браунъ.

— Какъ же! страдалъ, отъ избытка здоровья. Вы даже предсказали, чтобъ напугать меня и заставить развязать кошелекъ, что со мною можетъ случиться ударъ. Теперь я не боюсь вашего удара, потому-что вѣшу двадцать фунтами меньше, чѣмъ въ прошломъ году. Еще одно, послѣднее слово, докторъ Фой; вы преученный человѣкъ, но это не даетъ вамъ права...

— Остановитесь, сказалъ докторъ: я вижу, что съ языка вашего готово сорваться какое-нибудь грубое выраженiе; а я предупреждаю васъ, что вовсе не расположенъ слушать грубости. Деньги ваши будутъ возвращены клянусь вамъ, еслибъ даже мнѣ пришлось заранѣе продать трупъ мой.

Мало-по-малу Браунъ успокоился и согласился на послѣднюю капитуляцію, которая состояла изъ отерочки еще на недѣлю, по истеченiи которой кожевникъ представлялъ себѣ полное и неотъемлемое право все дѣлать и говорить, что захочетъ.

— Черезъ недѣлю! прошепталъ печально докторъ.

Чтобъ подышать свободнѣе, докторъ подошелъ къ окну, и увидѣлъ кожевника, который готовился грабить садъ его, чтобъ составить букетъ для своей ключницы.

Почти въ ту же минуту кто-то постучалъ въ двери, и на порогѣ показался человѣкъ въ ливреѣ полковника Монкстона, богатаго род-

ственника, къ которому докторъ уже обращался однажды. Человѣкъ подалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

«Любезный докторъ.

«Дядя мой, самый угрюмый изъ всѣхъ дядей міра, не говорилъ вамъ, можетъ-быть никогда, что у него есть еще племянникъ, который воевалъ въ Азіи, въ пользу нашихъ купцовъ Индійской-компаніи. Я тотъ самый племянникъ; слѣдовательно, мы съ вами двоюродные братья. Послѣ меня, вы самый ближайшій родственникъ вышеозначеннаго дяди, по-крайней-мѣрѣ въ Ирландіи. Нелѣзная сторона, гдѣ я очень скучаю, милостивый государь, и тѣмъ болѣе, что мною овладѣлъ индѣйскій сплинъ, гораздо мучительнѣе англійскаго. Къ излеченію болѣзни этой, не вижу другихъ средствъ, какъ возвратиться въ Лондонъ и присоединиться къ нѣкоторымъ кутиламъ, моимъ пріятелямъ, которые сожигаютъ тамъ жизнь свою, какъ ромъ за веселой чашей. Не думаю однако, чтобъ пламя это было такого же чуднаго голубаго цвѣта... но это все равно. Драгоценный кузенъ, спѣшу въ нашъ шумный Вавилонъ, и скажу вамъ по секрету, что дядюшка мой тоже не замедлитъ отправленіемъ, только въ гораздо дальнѣйшій путь. Вамъ извѣстно отвращеніе его къ медикамъ, но я не раздѣляю его мнѣнія, и потому прошу васъ поспѣшить къ намъ на помощь.

Мы потолкуемъ, посоветуемся.

Дружески пожимаю вамъ руку.

Артуръ Монкстонъ.

«Замокъ Ермитажъ».

— Слава Богу, подумалъ докторъ: можетъ-быть, это послужитъ поводомъ къ моему примиренію съ дядей. Еслибъ я могъ заставить его принять мои услуги, еслибъ я спасъ его! Можетъ-быть, и онъ, въ свою очередь, спасетъ насъ. Нѣсколько банковыхъ билетовъ для него ровно ничего не значать. Это для него легче, чѣмъ бросить комокъ соломы погибающему муравью. Джакъ! Джакъ! закладывай скорѣй!

Группъ вывелъ изъ конюшни черную лошадь Фойя, живую анатомію, жалостно влачившую свои исхудалыя ноги и державшую голову ниже хвоста. Съ помощію веревокъ привязали сбрую и укрѣпили рессоры ветхаго кабриолета.

— Еще горе, думалъ докторъ, глядя на бѣдное животное: какъ она измучилась, похудѣла... Куда ушло то время, когда бѣдная эта кляча ржала и поднималась на дыбы отъ одного прикосновенія шпоры, и

какъ вѣтеръ уносила меня къ цвѣтущему коттеджу, гдѣ у окна ожидала меня Маргарита, и издали улыбалась мнѣ!..

Ермитажъ, огромное помѣстье полковника Монкстона, находилось въ шести милахъ отъ городка, гдѣ жилъ докторъ Фой. Для лошади, которую держали бы не на такой строгой діетѣ, поѣздка эта показалась бы только прогулкою, особенно въ эти чудные, вечерніе часы, когда легкій вѣтерокъ дуновеніемъ своимъ освѣжаетъ воздухъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца зажигали пурпуромъ верхи горъ и осыпали золотыми блестками поверхность рѣки, текущей между подошвою горъ и дорогой. Покоряясь бальзамическому вліянію природы, докторъ съ жадностью впивалъ въ себя этотъ воздухъ, и сердце его снова подавалось надеждѣ. Посреди прекраснаго міра, гдѣ все такъ хорошо устроено, такъ хорошо соображено для общаго счастья, могло ли найтись существо, предназначенное несчастью.

— Нѣтъ, думалъ докторъ самъ про себя: еще не все для меня кончено; сегодня я чувствую себя перерожденнымъ; бѣдность не будетъ же вѣчно преслѣдовать меня и отравлять даже тѣ наслажденія, которыя даются всею даромъ, и которыя Господь разбросалъ всюду и для всѣхъ.

Между-тѣмъ докторъ подъѣзжалъ къ замку, построенному въ старинномъ стилѣ англо-нормандской архитектуры и окруженному почти со всѣхъ сторонъ сосновыми деревьями. Первые обладатели замка, казалось, воздвигнули эту зеленую стѣну между собою и остальнымъ міромъ, изъ преувеличенія хорошаго чувства—желанія укрыться отъ глазъ лобовитныхъ и равнодушныхъ. Кабриолетъ, дребезжавшій по мусору и валейнику, нарушалъ скрипомъ своимъ тишину этихъ пустынныхъ мѣстъ.

По возвращеніи на родину, полковникъ Монкстонъ жилъ въ совершенномъ уединеніи; при немъ былъ только одинъ человекъ англичанинъ; остальные люди, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Индіи, не говорили по-англійски, и потому были все равно, что нѣмы для соотечественниковъ полковника.

Мрачная таинственность парила надъ замкомъ; рассказывали самыя странныя исторіи о какой-то индианкѣ, которую, какъ говорили, полковникъ привезъ изъ Калькуты. Иные увѣряли, будто она была сусумасшедшая; видѣли, какъ она въ бѣлой одеждѣ, съ распущенными волосами, при лунномъ свѣтѣ, бѣгала по лугу; но вѣдь это рассказывалъ охотникъ, стрѣляющій безъ позволенія владѣльца въ лѣсахъ его!..

Когда кабриолетъ останоился передъ крыльцомъ замка, съ лѣтницы, навстрѣчу доктору, сбѣжалъ молодой человекъ и дружески пожалъ ему руку.

Артуръ, племянникъ полковника, былъ средняго роста и хорошо сложенъ; черты его были правильны; цвѣтъ лица блѣдный, болѣзненный; глаза большіе, каріе, усы черныя, маленькіе.

Поговоривъ съ докторомъ, онъ предложилъ ему идти въ комнату больнаго, и самъ пошелъ впередъ.

Проходимыя ими залы были убраны съ азіатскою роскошью. Тысячи любопытныхъ предметовъ привлекли бы вниманье доктора, еслибъ онъ не былъ такъ взволнованъ близкимъ свиданьемъ своимъ съ богатымъ родственникомъ.

Артуръ признался доктору, что послалъ за нимъ безъ спросу больнаго.

— Какъ-то приметъ онъ родственника и врача своего? думалъ Джонъ Фой, подходя къ дверямъ спальни; и вопросъ этотъ страшно волновалъ его.

— Я не хотѣлъ пугать васъ, докторъ, сказалъ Артуръ: но дядюшка умираетъ, и вы сами увидите, что все искусство науки вашей не можетъ спасти его.

Простота убранства спальни составляла рѣзкую противоположность съ великолѣпьемъ остальныхъ комнатъ; комнату эту почти можно было назвать палаткой, увѣщанной дорогимъ оружіемъ.

Больной лежалъ на настоящей лагерной кровати, подлѣ которой натянута была широкая койка.

Полковникъ былъ худъ, какъ человѣческой остова, и желтѣе восковой фигуры. Еслибъ не лихорадочный блескъ его черныхъ глазъ, его можно было бы принять за трущъ.

Настала минута истинно торжественнаго молчанія.

Никогда у Джона Фоя не достало бы духу прервать его; но вдругъ послышался хохотъ: женщина, въ живописномъ индѣйскомъ нарядѣ, приподняла занавѣсъ, который до-тѣхъ-поръ скрывалъ ее, и усѣвшись у ногъ больнаго, заплѣла, на неизвѣстномъ языкѣ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Заунывный напѣвъ романа проникъ въ душу доктора, и повидимому такъ же сильно подѣйствовалъ на полковника, потому-что въ глазахъ его не было больше неподвижнаго и яростнаго выраженія; даже слезы заблестали на густыхъ его рѣсницахъ. Досадуя, можетъ-быть, на такую слабость, онъ сдѣлалъ быстрое движеніе головой и плечамъ, и обратясь къ племяннику, сказалъ:

— Чего ты хочешь, Артуръ? Чтò надо этому черному человѣку? Надѣюсь, это не докторъ, и полагаю, что ты не сдѣлалъ глупости послать за нимъ, несмотря на непремѣнную мою волю. Ты знаешь мнѣ мое на счетъ этихъ людей. Мнѣ надо еще пожить нѣсколько часовъ;

ты знаешь, зачѣмъ. Если господинъ этотъ докторъ, попроси его выйти; онъ слишкомъ поздно явился; а если это гробовщикъ, вышли его тоже; онъ пришелъ слишкомъ рано.

— Я двоюродный братъ вашъ, Джонъ Фой, сказалъ докторъ: за мной посылали и я пріѣхалъ исполнить долгъ свой.

— Джонъ Фой, мой братъ двоюродный! Ахъ! да; я помню эту фамилію. Не вы ли, нѣсколько времени тому назадъ, воспользовались этимъ родствомъ, чтобъ... Я не вѣрю ни въ медицину, ни въ медиковъ, докторъ Джонъ Фой; а между-тѣмъ видѣлъ удивительное дѣйствіе растений; даже помню, что знавалъ въ Калькутѣ одного старика индѣйца, который хвалился, что умѣетъ составлять напитки съ удивительнымъ свойствомъ. Ужъ не составляете ли и вы его, любезный братецъ? Нѣтъ ли у васъ рецепта.

— Къ несчастью, нѣтъ, отвѣчалъ докторъ.

— Ну, такъ вы не можете спасти меня. Я старая, заржавленная шпага; ей не возможно больше блестятъ на солнцѣ... Нѣтъ, вы не можете мнѣ быть полезны, слѣдовательно и я вамъ. Только вамъ заплатить за визитъ. Естественно, что медики живутъ больными. Много у васъ больныхъ, докторъ? Да вы и сами, кажется, не пользуетесь цвѣтущимъ здоровьемъ? Что вы смотрите на меня такими глазами? Васъ удивляетъ умирающій, который то и дѣло, что болтаетъ; я въ ударѣ краснорѣчія лихорадки, пока не явится краснорѣчіе бреда и безпамятства. Да, вы почти такъ же худы и желты, какъ я, а между-тѣмъ вы не дали индѣйскому солнцу сдѣлать изъ себя мумію, и всегда жили въ нашемъ цвѣтущемъ и плодородномъ отечествѣ, въ благословенной Ирландіи, которая надѣляетъ Англію лучшими солдатами: вы никогда не испытывали страданій...

— На мою долю ихъ было довольно, сказалъ Джонъ Фой. Если кровь текла иногда изъ ранъ вашихъ, то сердце мое часто обливалась ею... Вамъ извѣстно, что у меня большое семейство и что я не совѣмъ счастливъ.

— Да кто жъ счастливъ, позвольте васъ спросить, въ этомъ мірѣ? вскричалъ полковникъ, продолжавшій говорить съ лихорадочною поспѣшностью. Любопытно было бы посмотрѣть на такую курьозную вещь: счастливаго человѣка! Сдѣлайте милость, покажите мнѣ его прежде, чѣмъ я умру! Вамъ бы хотѣлось родиться богатымъ, не правда-ли? или по-крайней-мѣрѣ сдѣлаться богачемъ? Чтобъ набить себѣ карманы, вамъ-бы хотѣлось, чтобъ язва періодически опустошила все три королевства, какъ опустошаетъ теперь Востокъ. Странное ремесло ваше!

— Помилуйте....

— Вѣдь больше просить помилованья у доктора, а не на оборотъ. Мнѣ нечего больше бояться. Въ мое время, это было другое дѣло.... меня прозвали бенгальскимъ тигромъ. Сомнѣваюсь однако, чтобъ изъ моей кожи можно было сдѣлать такой коверъ, какъ этотъ.... на которомъ сидитъ эта несчастная.... Послѣ смерти моей я ничѣмъ не могу ей быть полезенъ.... бѣдная женщина!... Еслибъ я вѣрилъ въ медицину....

— Постарайтесь вѣрить.

— И я тогда буду здоровъ, не такъ-ли?

— Можетъ-быть.

— Можетъ-быть! вотъ въ чемъ состоитъ вся ваша наука: въ предположеніяхъ!... Не будучи въ состояніи облегчать тѣлесныя немощи, чѣмъ можете вы возстановлять духъ? А между-тѣмъ говорятъ, что вы спеціально изучили сумасшествіе, и что вы были очень ученый человѣкъ: почемужъ вы не уснѣли ни въ чемъ?

Докторъ не отвѣчалъ.

— Годъ тому назадъ, вы писали мнѣ и просили денегъ, продолжалъ полковникъ хриплымъ и задыхающимся голосомъ: вы говорили, что у васъ нѣтъ хлѣба для дѣтей. Развѣ это моя вина? Развѣ вы совѣтолись со мной, когда задумали жениться? Впрочемъ вы слишкомъ счастливы, что имѣете дѣтей; у меня, несмотря на то, что я могъ бы оставить имъ состояніе, нѣтъ ихъ.

— Полковникъ, отвѣчалъ Джонъ Фой, глубоко оскорбленный такими сарказмами: я не по собственной волѣ пріѣхалъ къ вамъ и подвергся всѣмъ этимъ неприятностямъ. Простите, что однажды въ жизни я обратился къ вашей щедрости.

— Зачѣмъ разчитывать на щедрость другихъ, докторъ Фой? Надо самому работать. Общество даетъ работу каждому, но его нельзя принудить лежать больнымъ для пользы медиковъ. Хотите, я выскажу вамъ всю мою мысль, любезный братецъ? Изъ гордости ли, или изъ неумѣстнаго стыда, только вы хорошо сдѣлали, что не обратились ко мнѣ вторично.

При этомъ второмъ оскорбленіи докторъ Фой схватилъ свою шляпу и хотѣлъ выйти; Артуръ остановилъ его.

— Не понимаю, продолжалъ полковникъ съ тѣмъ же жаромъ: какъ можно извлекать пользу изъ малѣйшаго родства! Я знаю, что вы разчитываете на мое наслѣдство; но какое имѣете на это право, докторъ Фой? Мы вовсе не были знакомы, когда пришло письмо ваше, которымъ вы просили у меня денегъ; тутъ только я узналъ, что мы родня съ вами, не знаю въ какомъ колѣнѣ... Собственный мой племянникъ Артуръ тоже не наслѣдуетъ послѣ меня; онъ служить офицеромъ въ Индѣйской ком-

паніи; пусть самъ онъ, такъ какъ я, наживетъ себѣ, шпагой, чины и состояніе. Совѣтую ему только не быть очень алчнымъ, какъ я былъ въ молодости. Эта жажда богатства ведетъ васъ ко всему, даже... впрочемъ, почему не высказать мнѣ всего, что лежитъ на у меня сердцѣ... да, жажда эта ведетъ ко всему, даже къ преступленію! Знаете, стѣ чего я разбогатѣлъ? Я, человѣкъ честный, или который долженъ быть такимъ, взявъ приступомъ и разгромилъ дворець одного индѣйскаго князя, а чтобъ завладѣть его богатствомъ, я убилъ его, вмѣсто того чтобъ взять въ плѣнъ... одна изъ дочерей его, стараясь спасти отца, бросилась между нами и была опасно ранена... Ахъ, еслибъ она умерла тогда!.. но она сошла съ ума. Угрызенія совѣсти возникли въ душѣ моей, но слишкомъ поздно... этимъ я былъ вполнину только наказанъ, потому—что вскорѣ влюбился въ свою плѣнницу, влюбился въ безумную!... Съ-тѣхъ—поръ, ни днемъ, ни ночью она не покидаетъ меня; иногда она бываетъ весела, иногда погружена въ мрачную задумчивость. Иногда она улыбается мнѣ и ласкаетъ меня, какъ ребенокъ ласкаетъ отца; а иногда боится меня и дрожитъ при одномъ звукѣ моего голоса. Да будетъ проклято золото, жажда котораго отравила жизнь мою! Но какъ доктора не слѣдуетъ тревожить даромъ... я попрошу васъ, для рѣдкости, пощупать мнѣ пульсъ.

Джонъ Фой, взявъ съ достоинствомъ руку больного, увидѣлъ, что полковнику въ-самомъ-дѣлѣ оставалось не долго жить: искусство врача не могло спасти этой обезсиленной натуры.

— Ни слова, сдѣлайте одолженіе, продолжалъ полковникъ. Напрасно станете вы обнадеживать меня... Мнѣ остается жить много, что сутки, но этого времени мнѣ слишкомъ достаточно, чтобъ привести въ порядокъ дѣла мои. Вы можете сказать племяннику, если это беспокоитъ его, часъ и минуту, когда онъ наследуетъ оружіе и лошадей моихъ; вотъ все, что я отдѣляю отъ общаго наследства; оно нераздѣльно и вполнѣ должно принадлежать этой несчастной, которую повѣренный мой свезетъ въ Индію; это только вознагражденіе: я возвращаю ей то, что взялъ у нея, слѣдовательно, вы не можете осуждать меня.

— Вы исполните священный долгъ, полковникъ, отвѣчалъ докторъ.

— Разумѣется; мнѣ пріятно, что вы раздѣляете мое мнѣніе. Артуръ, дай пятьдесятъ гиней мистеру Фой за эту двойную консультацію; за тѣмъ прощайте, до свиданья.

Проходя снова по великолѣпнымъ комнатамъ Ермитажа, сердце доктора сжалось болѣзненно. Онъ думалъ о крайности своего семейства, о послѣдней исчезнувшей надеждѣ, и о невозможности принять даже

пятьдесятъ гиней, которыя ему предлагали: принимая ихъ, онъ унизилъ бы достоинство человѣка.

Дошедши до площадки лѣстницы, докторъ намѣревался уже спуститься внизъ, какъ Артуръ, остановивъ его за руку, сказалъ:

— Я не заплатилъ вамъ еще за визитъ; зайдите ко мнѣ на минуту.... Вы знаете, что и мнѣ надо съ вами посоветоваться.

— Я не могу ничего принять, потому-что за мной послали противъ воли больного. Оскорбленія, которыми было угодно полковнику осыпать меня, не могутъ быть вознаграждены деньгами.

— Къ чему такая неумѣстная гордость, докторъ? Стало-быть вы не знаете этого стараго оригинала? Черепъ его, видно, такъ же треснулъ, какъ и у его индѣйской питомицы. Я увѣренъ, что онъ для того только выдумалъ всю эту исторію объ индѣйскомъ князѣ, чтобъ имѣть предлогъ ограбить собственное семейство. Ясно, что это ложь. На вашемъ мѣстѣ, я сталъ бы ненавидѣть его всей душой, но принимая бы пятьдесятъ гиней.

Неприличность словъ этихъ крайне удивила Джона Фойя; онъ посмотрѣлъ на двоюроднаго своего брата и нашелъ что-то странное во взглядѣ его.

— Войдите ко мнѣ, продолжалъ Артуръ, и отдохните. Посмотрите, отсюда видны кабріолетъ вашъ и лошадь. Не велѣтъ-ли ей дать немножко овса?

— Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, братецъ, хотя самъ и не могъ выполнить здѣсь своей обязанности; однако бѣдное животное это, притаща меня сюда, исполнило долгъ свой.

— Сію-минуту, сказалъ Артуръ и вышелъ изъ комнаты.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, онъ возвратился и тщательно заперъ всѣ двери и окна.

— Кажется, мы одни, сказалъ онъ: никто насъ не подслушиваетъ; поговоримъ теперь серьезно и откровенно. Что вы думаете о полковникѣ? Какъ показался вамъ поступокъ его? Вѣроятно вы надѣялись на него?

— Нѣтъ, не надѣялся.

— Ну, такъ я не похожъ на васъ; я надѣялся, и имѣлъ право на его наслѣдство, а онъ оставляетъ мнѣ только одно оружіе и лошадей; согласитесь, что это пресмѣшное наслѣдство. Я рассчитывалъ однако на его состояніе, и намѣренъ былъ оставить неблагодарную службу, чтобъ насладиться немного лондонскою жизнью. Если мнѣ придется теперь возвратиться въ Индію, я умру тамъ, потому-что здоровье мое страшно разстроено. Но поговоримъ о васъ; мнѣ кажется, что полковнику

слѣдовало бы вамъ оставить, по-крайней-мѣрѣ, три или четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ. Что бы это ему стоило? это ничтожная былинка въ его богатствѣ; а съ васъ этого было бы довольно, чтобъ выйти изъ крайности и жить безъ нужды.

— Да будетъ воля Божія, прошепталъ докторъ.

— Да, воля Божія, вскричалъ Артуръ, но не слабаго человѣка, который не умѣетъ даже имѣть своей воли. То, что я вамъ представилъ какъ гипотезу было вчера, и сегодня существуетъ еще. У дядюшки хранится духовная, основанная на правѣ и здоровомъ смыслѣ, гдѣ онъ довольствуется оставить помѣшанной этой годовую пенсію. Въ замѣнъ этого, онъ дѣлаетъ меня полнымъ наслѣдникомъ всего своего состоянія, и оставляетъ вамъ двѣ тысячи гиней, которыя я бы удвоилъ.

— Это составило бы счастье всего моего семейства! пробормоталъ докторъ, и вы говорите... что духовная эта существуетъ еще?

— Да, существуетъ; но онъ разорветъ ее. Повѣренный въ его дѣлахъ, который пользуется всею довѣренностью полковника и употребляетъ ее во зло, уговорилъ дядю оставить все состояніе Индіанкѣ и дать ему въ управленіе это состояніе. Повѣренный этотъ будетъ здѣсь въ двѣнадцать часовъ ночи и напишетъ духовную такимъ образомъ, чтобъ она была неприкосновенна. Если полковникъ доживетъ до двѣнадцати часовъ, мы съ вами погибли. Какъ вы думаете, доживетъ онъ до утра?

— Вѣроятно.

— Съ какимъ хладнокровіемъ вы говорите объ этомъ, кузень! Удивляюсь вашему безкорыстію. Но жена ваша и дѣти, еслибы участвовали въ нашемъ совѣтѣ, вѣрно бы не раздѣляли вашего безкорыстія. А между-тѣмъ тутъ дѣло идетъ только о нѣсколькихъ часахъ.

— Часы эти въ рукахъ Божіихъ! отвѣчалъ Джонъ Фой.

— Неужели вы хотите, чтобъ дядя сдѣлалъ новую духовную... когда успокоительное, или усыпительное питье?... Право, братецъ, вы туги на ухо! прибавилъ Артуръ съ досадой.

— Дай Богъ, чтобъ это было такъ; но къ несчастью, я васъ слишкомъ хорошо понялъ, милостивый государь. Я бѣдный, но честный человѣкъ.

— Развѣ больнымъ не каждый день даютъ, продолжалъ Артуръ, лауданумъ, опиумъ и другія разныя разности!.. чтобъ облегчить ихъ страданія? Можетъ ли быть что-нибудь пріятнѣе такой смерти, которая походитъ на глубокой сонъ!

При этихъ словахъ докторъ всталъ поспѣшно и хотѣлъ отворить дверь; но вернулся.

— Сирь Артуръ Монкстонъ, сказалъ онъ, не смѣю вѣрить тому, что слышу; неужели изъ устъ христіанина и дворянина могли вырваться такія слова? Мало того, что я не могу быть вашимъ сообщникомъ, но считаю даже долгомъ объявить полковнику объ опасности, которой онъ подвергается.

— Да какой же опасности можетъ подвергаться человекъ, часы котораго сосчитаны, умирающій?.. вскричалъ занальчиво Артуръ. Ну идите, донесите на меня дядѣ. Это, можетъ-быть, средство войти къ нему въ милость. Сколько, думаете вы, заплатитъ онъ вамъ за это предательство?

— Я не предатель, молодой человекъ. Поклянитесь мнѣ, что не исполните этого отвратительнаго намѣренія, и я удовольствуюсь вашимъ словомъ.

— Даю вамъ его, отвѣчалъ Артуръ, пожимая плечами: только сожалѣю, что открылся вамъ. Но могъ ли я ожидать найти такое презрѣніе къ деньгамъ въ такомъ бѣдномъ человекѣ? Впрочемъ вы сами же будете расказываться въ такомъ неумѣстномъ безкорыстіи. Двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, которыя я удвоивалъ! Это былъ вѣчный хлѣбъ для вашего семейства... вѣчный овесъ для вашей лошади, прибавилъ онъ насмѣшливымъ тономъ: Такъ до свиданія, любезный братецъ. Я ѣду и не стану даже ждать вскрытія духовной; и вамъ также не совѣтую при этомъ присутствовать.

— До свиданія, сирь Артуръ Монкстонъ, я надѣюсь на ваше честное слово.

Было очень поздно и очень темно, когда Джонъ Фой возвратился домой, бѣднѣе и грустнѣе прежняго.

Мертвая тишина царствовала во всемъ домѣ; но свѣтъ лампы, горящей въ гостиной, доказывалъ, что мистрисъ Фой ожидаетъ возвращенья мужа. Какъ только послышался стукъ кабриолета, она бросилась къ дверямъ.

— Слава Богу, Джонъ! насилу-то ты пріѣхалъ, вскричала она. Какъ ты поздно, другъ мой! Тѣмъ лучше, это значить, что родственникъ твой былъ радъ тебѣ, что онъ хорошо тебя принялъ. Не томи меня; расскажи скорѣй свою радость. Я очень хорошо знала, что онъ вовсе не такъ жестокъ... Еслибъ ты обращался къ нему почаще, то избавилъ бы насъ отъ многихъ бѣдъ! Но что объ этомъ говорить, когда всѣхъ насъ ожидаетъ счастье... Я приготовила тебѣ поужинать. Да говори же. По лицу вижу, что и ты приготовилъ мнѣ сюрпризъ. Улыбка твоя...

Но улыбка эта была не что иное, как горькое выражение страшнаго замиранья сердца. Докторъ молчалъ.

— Улыбка твоя что-нибудь да значить... продолжала мистрисъ Фой. Да ну, говори же, Джонъ; не мучь меня. Сколько далъ онъ тебѣ? Можемъ-ли мы, наконецъ, удовлетворить самыхъ неотвязныхъ должниковъ, а главное, этого ужаснаго Маркуса Брауна, который такъ жестоко оскорбилъ тебя. Вѣдь я была тутъ, въ кабинетѣ, и все слышала.

Не получая отвѣта на свои безчисленные вопросы, мистрисъ Фой поняла наконецъ правду, и глаза ея приняли обыкновенное свое выраженіе помѣшательства. Она упала въ кресла.

— Намъ нѣтъ счастья, Маргарита, сказалъ докторъ.

— Правда, что нѣтъ. Ужинай однако, пока есть еще ужинъ. Завтра надо ожидать милости Божіей, если...

— Остановись, остановись, Маргарита!.. не досказывай... вскричалъ докторъ.

И схвативъ жену въ объятія, отъ разсказала ей все, что случилось съ нимъ у полковника, умолчавъ однако о преступномъ предложеніи Артура Монкстона.

— Завтра, или послѣ завтра мы уѣдемъ въ Дублинъ, а можетъ-быть и въ Лондонъ.

Очень понятно, что Джонъ Фой всю ночь не могъ сомкнуть глазъ; онъ бродилъ какъ тѣнь отъ постели дочери своей Мери до постели жены; онъ былъ страшно взволнованъ, но всего болѣе пугала его мысль, — надо сказать это къ его чести, — чтобъ Артуръ Монкстонъ не исполнилъ своего намѣренія.

— Бѣдное, хворое дитя, думалъ онъ, глядя на дочь свою: бѣдный увядающій цвѣтокъ, которому не достаетъ, чтобъ снова разцвѣсть и выпрямиться на вѣткѣ, только одного луча счастья; вѣдь счастье также необходимо этимъ слабымъ созданьямъ, какъ солнце, роса и воздухъ растениямъ! Зачѣмъ предался я наукѣ! Еслибъ я былъ хлѣбопашцемъ, или лѣсничимъ, я бы могъ, по-крайней-мѣрѣ, въ пѣть лица своего прокормить мое несчастное семейство... а теперъ... Но вотъ ужъ свѣтаетъ; опять день нищеты и плача!

Размышленія эти и бездна другихъ, столь же грустныхъ, были прерваны сильнымъ ударомъ молотка. Это былъ тотъ же человекъ, въ ливрѣ, верхомъ. Онъ подалъ письмо съ черною печатью, которое Джонъ Фой, дрожа всѣмъ тѣломъ, началъ читать при свѣтѣ лампы. Артуръ Монкстонъ, подъ диктовку дяди, писалъ слѣдующее:

«Любезный братецъ, -

«Прошу васъ простить меня за всѣ оскорбленія, перенесенныя вами, и за всѣ мои дурныя поступки; но я мизантропъ, это вамъ извѣстно. Въ жизни, я любилъ только одну женщину, на которой сосредоточилась вся любовь моя. Осужденная, потеряю разсудка, на вѣчное дѣтство, что станется съ нею, если я оставлю ее, послѣ смерти, въ рукахъ бездушныхъ интригантовъ. И потому я давно уже ищу честнаго человѣка, и не нахожу его. Артуръ слишкомъ молодъ; а въ васъ я не былъ увѣренъ, сомнѣвался въ вашей честности, потому—что бѣдность если и очищаетъ истинно возвышенныя души, за то развращаетъ слабыя. Вотъ почему я подвергъ васъ испытанію, изъ котораго вы вышли торжествующимъ. Простите, что я сомнѣвался въ васъ; простите Артуру, который дѣйствовалъ только по моему приказанію и съ большимъ отвращеніемъ. Теперь примемся за дѣло. Я раздѣлил состояніе свое на двѣ части. Одна часть назначается возлюбленной моей Фатимѣ, послѣ смерти которой перейдетъ къ дѣтямъ Артура, если несчастная не избавится отъ своего недуга, и къ вашимъ тоже, если ученость ваша не можетъ сдѣлать такое чудо и излечить ее. Другая часть немедленно раздѣлится между вами и моимъ племянникомъ Артуромъ. Въ замѣнъ этого дара, я требую отъ васъ только одного, Джонъ Фой: никогда не отказывать въ помощи бѣднымъ земледѣльцамъ нашего округа. Вы ни чѣмъ не обязаны свѣтскимъ людямъ, которые не вѣрили въ ученость доктора бѣдняка. Продолжайте полезныя труды ваши, ученыя изысканія о сумасшествіи. Мнѣ хотѣлось-бы унести въ могилу надежду, что вы излечите ту, которую я вѣрю вашему сердцу, вашей наукѣ. Въ настоящую минуту, когда племянникъ мой готовится запечатать письмо это, смерть кладетъ печать на уста мои. Прощайте, любезный братъ; жалѣю, что не могу пожалть вамъ руки, но мои уже костенѣютъ и холодѣютъ. Изъ духовной вы узнаете особенныя мои распоряженія. Прощайте еще разъ; не оставляйте ее своими попеченіями; любите ее какъ мать любить слѣпаго ребенка, и забудьте грубость стараго солдата.»

Въ концѣ письма, Артуръ приписывалъ, что полковникъ умеръ въ четыре часа утра, и въ свою очередь просилъ доктора простить его за роль, которую онъ игралъ изъ повиновенія къ дядѣ. Нужно ли прибавлять, что Джонъ Фой свято выполнилъ свое призваніе! Если онъ и не могъ возратить разсудка бѣдной индианкѣ, зато попеченія его превратили наконецъ сумасшествіе ея въ тихую и неясную грусть, которую, послѣ большаго горя слѣдовало бы считать за счастье, еслибъ разсудокъ не составлялъ всего человѣка; въ ней забываешь самаго себя и видишь наяву самыя чудныя, самыя несбыточныя мечты. Тѣло Фатимы покоится

теперь подлѣ тѣла полковника Монкетона, подѣ изящнымъ, но простымъ памятникомъ, въ паркѣ Эрмитажа, подѣ тѣнью густыхъ, восточныхъ деревьевъ.

Артуръ Монкетонъ, разстроенное здоровье котораго поправилось въ дружескомъ кружку семейства доктора, полюбилъ Мери, сперва какъ сестру, а потомъ сильнѣе. Румянецъ юности снова появился на блѣдномъ лицѣ дѣвушки. Двойное это выздоровленіе кончилось счастливымъ бракомъ. Что же касается до мистрисъ Фой, взоръ ея принялъ прежде спокойствіе, и преждевременныя морщины исчезли съ лица ея.

— Есть на свѣтѣ врачъ, лучше насъ всѣхъ, говорилъ Джонъ Фой одному изъ своихъ собратьевъ:—это Провидѣніе!

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТАРОЕ ГОРЕ.

(*Стенная сказка*).

Жилъ себѣ человѣкъ не богатый,
Съ молодою женою и съ сыномъ.

Разъ, случилось ранней зарею,
Онъ ходилъ по широкому полю
И пахалъ свою бѣдную ниву.
Вотъ и видитъ онъ, сзади по глыбамъ,
Ходитъ старецъ, съ сѣдой бородою,
Опирается тихо на посохъ.

Вотъ и сталъ человѣкъ небогатый
 Говорить за работою старцу:
 Ты скажи мнѣ, скажи, человѣче,
 Для чего за волами ты ходишь
 И какая тебѣ въ томъ охота?
 Обернуль къ нему голову старецъ
 И въ отвѣтъ ему тихо промолвилъ:
 Для того я хожу за волами,
 Что хочу у тебя допытаться —
 Ты скажи мнѣ по правдѣ, по чистой,
 Легче ль юношѣ тяжкое горе,
 Или дряхлому, старому старцу?
 Отвѣчалъ человѣкъ небогатый;
 Легче юношѣ тяжкое горе,
 А не дряхлому, старому старцу!

Тутъ, едва онъ слова тѣ промолвилъ,
 Совершилося дивное диво:
 Вдругъ прехожаго старца не стало,
 Будто тѣнь по травѣ пробѣжала.
 Видитъ пахарь — волы повалились,
 Обломались колеса у плуга,
 Онъ домой безъ оглядки вернулся —
 Подъ заборомъ жена молодая,
 Пораженная смертью, лежала;
 И отъ старенькой, маленькой хатки
 Только печка дымилась, чернѣла —
 Все огнемъ у него погорѣло!
 Вотъ, взглянувъ на свое пепелище,
 Сталъ онъ кликать родимаго сына,
 Но и сына, родимаго сына,
 Не нашель на своемъ пепелищѣ.
 Покачалъ головой горемыка,
 И пошелъ наниматься по людямъ,
 Горе лютое мыкать по свѣту.
 Не сгорѣлъ его сынъ, не погибнулъ,
 Приключилось съ нимъ дивное диво.
 Онъ сидѣлъ въ тростникѣ надъ водою,

Въ тростникѣ удилъ удочкой рыбу
И поймалъ онъ рѣчную плотичку.
Изъ воды потянулъ онъ плотичку,
Только вдругъ красноперая быстро
Встрепенулась, сверкнула, плеснулась,
Въ золотистую зыбь окунулась
И на дно за собой утащила
Вмѣстѣ съ удочкой въ волны малютку....

Ненагляднаго гостя плотичка
Посадила на чистый песочекъ,
На песочекъ, межъ камушковъ пестрыхъ;
Волосѣнки ему расчесала,
Расчесала зубчатой чешушкой;
Изъ жемчужинокъ бѣлыхъ серѣжки
Ему въ алыя ушки продѣла;
Нацѣпила на шейку монисто
Изъ коралловъ, цвѣточковъ и травокъ,
И на бѣлыя ножки сапожки,
Золотые сапожки надѣла.

Сталъ играть день и ночь у плотички,
По рѣкѣ, по широкой малютка;
Съ красноперыми дѣтками рыбки
Сталъ изъ раковинъ домики строить,
Изъ коралловъ мостить огороды,
И такіе жъ, какъ самъ онъ, малютки
Отовсюду къ нему собралися,
И они, между игръ, въ полководцы
Надъ собою избрали малютку —
И забылъ подъ водою онъ землю,
Темный садикъ, зеленое поле,
И отца и родимую хатку....
Такъ промчались многіе годы.

А отецъ его, съ лютаго горя,
Одряхлѣлъ, посѣдѣлъ, обеззубѣлъ
И горбатый, съ сумой за плечами,

Изящная словесность.

Захотѣлъ поглядѣть на бывшее,
 На родное свое пепелище.
 Онъ пошелъ, сирота безталанный,
 Городами, лѣсами, полями,
 Дотащился до нивы родимой,
 Поглядѣлъ, опустился на травку,
 На зеленую травку надъ рѣчкой —
 И склонился на грудь головою....

Той порой, съ своимъ войскомъ веселымъ,
 Въ тростникахъ потѣшался малюжка.
 Изъ воды золотую головку,
 Всю облитую пѣной жемчужной,
 Тихо высунулъ, глянулъ на берегъ —
 И отъ жалости чуть не заплакалъ...
 Видитъ онъ, надъ широкой рѣкою,
 Пригорюнился старецъ прохожій,
 Пригорюнился, очи потупилъ,
 И тихонько надъ рѣчкою плачетъ,
 Плачетъ, словно забытый ребенокъ.

И въ тростникъ опустился малюжка,
 Сталъ скликать свое вѣрное войско,
 Сталъ скликать, и при всемъ при народѣ,
 Разсказалъ, что онъ видѣлъ на свѣтѣ.
 Разшумѣлося рѣзное войско,
 Разшумѣлось, и такъ межъ собою
 Повели разговоры малютки:
 Это, вѣрно, рѣчная плотичка
 Разобидѣла бѣднаго старца —
 Отометимъ мы за это плотичкѣ,
 Наградимъ неутѣшнаго старца!

И покинули волны малютки,
 Отряхая холодную влагу,
 Другъ за дружкой вышли на берегъ,
 Подглядѣли межъ листьевъ и травокъ,
 Какъ заснулъ разобиженный старецъ,

И усыпали соннаго старца
Потихоньку лѣнными цвѣтами,
Темнолистый вѣнокъ изъ осѣки
Положили на голову старцу,
Наносили въ суму его всякихъ
Спѣлыхъ ягодъ, плодовъ и кореньевъ,
И еще вокругъ него изъ жемчужинъ
Серебристыхъ настроили горокъ....

Надъ поляной заря занялася,
Какъ старикъ ото сна пробудился,
Пробудился, и видять малютки,
Поднялся онъ въ вѣнкѣ изъ осѣки,
На цвѣты, на жемчужины глянулъ,
На широкую глянулъ поляну
И съ печальной усмѣшкой примолвилъ:
Нѣтъ, старикъ, я ошибся въ расчетѣ,
Мыкать горе не юношѣ легче;
Легче старцу; — его никакая
Веселить уже радость не можетъ,
И заснуть, изнуренный, онъ жаждетъ
На распутьи страдальческой жизни!
И когда онъ слова тѣ промолвилъ,
Прежній старецъ предъ нимъ появился,
И склоняясь головою на посохъ,
Посмотрѣли они другъ на друга....

Изумились кудрявыя крошки,
Изумились, и дружка за дружкой
Поднялись надъ зеленой дубравой,
Поднялись, какъ крылатыя мошки!
Той порѣй надъ зеленой дубравой,
Паутинное лѣто стояло —
По горамъ, по доламъ паутинки
Надъ землей, до небесъ, протянулись,
Надъ землей, колыхаясь, летѣли —
И по тѣмъ золотымъ паутинкамъ,
Какъ по нитямъ развѣшенныхъ лѣстницъ,
Поднялися на воздухъ малютки,

Поднялись, и зарею пурпурной
 Освѣщенные въ небѣ, какъ свѣчки,
 Въ облакахъ голубыхъ утонули....

ГРИГОРІЙ ДАНИЛЕВСКІЙ.

Примѣчаніе. Сказка, предлагаемая читателямъ, не принадлежитъ народу. Народу принадлежать только рѣчныя крошки, которыя въ ней упоминаются. По словамъ *Н. Ф. Щербини*, въ примѣчаніи къ одному изъ его стихотвореній, напечатанныхъ въ харьковскомъ сборникѣ «Молодикъ» — ихъ называютъ степные жители *мавками*. По догадкѣ одного ученаго, это слово происходитъ отъ глагола помавать, манить кого-нибудь головою. Малороссіяне не рисуютъ ихъ въ своихъ повѣрьяхъ; они только говорятъ, что мавки «такіе малюсенькіе, что трое ихъ могутъ уѣсться на крылѣ одной мухи».

ИМЕРЕТИНЪ.

О, было время!... трудъ полезный
Имеретинъ позабывалъ,
Мѣняя плугъ и серпъ желѣзный
На ружья, шашку и кинжалъ.

Вражда стучалась въ наши двери: —
Мы прятались, куда кто могъ,
Иль кровожадные, какъ звѣри,
Шли на врага, взведя курокъ —

Костры сигналъ намъ подавали:
По высотамъ сторожевымъ,
Мы ночью, зарева искали,
А днемъ разглядывали дымъ.

Насъ, ночью, глушь лѣсовъ пугала, —
На стражѣ сидя у дверей,
Мы принимали плачь шакала,
За плачь украденныхъ дѣтей.

Свистъ, или вѣтра гулъ привольный,
Трескъ сучьевъ, лошадиный топъ,
Меня бросалъ то въ жаръ невольный,
То въ лихорадочный ознобъ.

Въ ножи играли дѣти наши,
И бѣгали обнажены, —
И дна не видя горькой чаши,
Не ждали мы конца войны!

И равнодушно выносили
Нашъ плѣнъ и нашъ позоръ, когда
Красавицъ нашихъ уводили
На трапезонтскія суда.

Мы знали: дома ждалъ ихъ голодъ
 Мы знали: — брачную постель
 Ихъ замела бы въ зимній холодъ
 Неугомонная мятель....

Жплища наши были бѣдны,
 И пусты были олтари,
 Гдѣ передъ битвами молебны
 Служили нѣкогда цари....

Но закаленные бѣдами,
 Не закалили мы сердцеъ.
 Какъ надъ младенцами, надъ нами
 Небесный сжалился Отець.

Потухло зарево пожаровъ —
 Угомонилася вражда,
 Пльнно-продавцевъ янычаровъ
 Исчезли грозныя суда.

Единоувѣрному владыкѣ,
 Вручили мы свою судьбу,
 И далъ намъ волю Царь великій
 Начать безкровную борьбу.

Борьбу съ сохой, борьбу съ лопатой,
 Съ шелкомотальнымъ колесомъ —
 И сталъ богатъ нашъ домъ досчатый
 Мотками шелку и виномъ.

Рубли въ карманахъ завелися,
 Замки висять на сундукахъ, —
 И съ пѣснями до Кутаиса
 Мы русскихъ возимъ въ каюкахъ.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЕГО ПАНЕГИРИСТЫ.

Статья вторая.

Les poètes, les romanciers et les artistes se sont emparés depuis une trentaine d'années du sujet de Don-Juan et ont élevé autour du chef d'oeuvre de Mozart une sorte de légende mystérieuse, à travers laquelle il est assez difficile d'apercevoir la vérité. *Scudo.*

....А ларчикъ просто открывался. *Крыловъ.*

Цѣль этихъ статей — война противъ ложныхъ взглядовъ Моцартовыхъ *хвалителей*, противъ призматической радужности черезъ-чуръ сильного увлеченія въ комментаріяхъ и панегирикахъ по-случаю «Донъ-Жуана» будто бы вышаго чуда изъ всѣхъ чудесъ искусства «*supra et in secula*».

Сообразно этой цѣли мнѣ надо было взять почти за исходную точку *слабыя стороны* безсмертной оперы, чтобы показать и доказать всю странность непомѣрно-преувеличеннаго хваленія, которое вредитъ вѣрному взгляду на самую вещь.

Тѣмъ немногимъ читателямъ, которые, изъ особенной любви къ музыкѣ и ея литературѣ, рѣшились на подвигъ: прочитавъ предъидущую мою статью до конца, я, вѣроятно, достаточно досадилъ нескончаемыми анатомическими подробностями своей придирчивой, педантской критики. Но, повторяю — что-жъ дѣлать? Я слишкомъ горячо люблю искус-

ство, Моцарта и его «Донъ-Жуана», чтобы говорить объ этомъ предметѣ слегка, вскользь, если уже отважился начать о немъ рѣчь передъ публикой. Безъ анатомированья, иногда нѣсколько сухаго, утомительнаго (для непривычныхъ) нѣтъ, по моему мнѣнью, никакой возможности доказывать свои убѣжденія, подтверждать ихъ самымъ дѣломъ.

Критика неразлучна съ точностью, а сколько мнѣ помнится, еще Делиль сказалъ:

L'art d'être exact est l'art d'être ennuyeux.

Песмотря на этотъ весьма неутѣшительный для меня рискъ, я считаю, что въ прошедшей статьѣ еще далеко не все указалъ въ «Донъ-Жуанѣ», что составляетъ пятна въ этомъ солнцѣ опернаго дѣла, — и теперь примусь снова за «разъятіе» оперы по составамъ.

Въ современной музыкальной критикѣ Моцарта понимаютъ такъ: что онъ былъ по всей натурѣ своей художникъ, *музыкантъ* по преимуществу, — воплощенная музыка. Изъ этого довольно ясно, почему собственно-музыкальный интересъ, чисто-музыкальныя цѣли были для него въ каждомъ произведеніи важнѣе прочихъ цѣлей, общихъ всемъ искусствамъ, поэзіи вообще, — то-есть ясно, почему опера — *какъ музыка*, въ дѣятельности его была на первомъ планѣ, опера — какъ драма — далеко не на первомъ. Такъ объясняется фактъ, нѣсколько странный для тѣхъ, кто привыкъ судить о гениальныхъ художникахъ только «а ргіогі», — тотъ фактъ, что въ операхъ Моцарта, во всемъ, что касается *музыкальныхъ* подробностей, вездѣ видна глубочайшая обдуманность, на каждомъ шагу поразителенъ глубочайшій расчетъ (замѣчу мимоходомъ, что гениамъ обыкновенно любятъ приписывать черезчуръ сильную долю инстинктивности въ творчествѣ; а на дѣлѣ это иногда очень рѣзко опровергается); между-тѣмъ, наряду съ этою гениальностью музыки, во всемъ, что относится до обдуманности цѣлаго состава оперы, со стороны ея текста, до умнаго распорядка въ сплетеніи сценъ между-собою, до логической послѣдовательности (консеквентности) въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, однимъ-словомъ, до основы и подробностей оперы — *какъ пьесы*, промаховъ у Моцарта довольно много, и иногда весьма грубо-неэстетическихъ.

Мнѣ могутъ возразить, что это промахи въ текстѣ, значить виною въ нихъ не Моцартъ, а *поэтъ, либреттистъ*, — но гениальный музыкантъ, особенно какъ мы *теперь* понимаемъ «музыканта» (въ эпоху послѣ-Бетховенскую), не долженъ нисколько отдѣлять *свою* дѣятельность въ оперѣ отъ ея поэтической задачи, какъ въ главной мысли, такъ и въ подробностяхъ. Промахи въ операхъ Моцарта такого рода, что онъ

не могъ не замѣтить ихъ — не только какъ гений, но просто какъ умный, мыслящій человекъ; но онъ оставилъ ихъ безъ вниманія, какъ-будто исправленіе ихъ до него и не касалось.

Идеаль драматическаго произведенія (будь это драма, комедія или опера) непременно требуетъ, чтобы сцены пьесы были расположены въ порядкѣ нарастанія занимательности, и чтобы онѣ были такъ органически связаны между-собою, что ни одну изъ нихъ нельзя не только выпустить, но даже перемѣстить, не нарушивъ смысла цѣлой пьесы, не сказавъ всего ея внутренняго скелета, всей ея экономіи и цѣлости вѣшняго впечатлѣнія. Надо сознаться, конечно, что очень немного оперъ на свѣтѣ, которыя бы довольно близко подходили къ такому идеалу; — оперы вообще именно съ этой стороны очень хромаютъ, очень отстали отъ немзыкальныхъ сценическихъ произведеній (въ какой, именно, мѣрѣ, какъ и почему? объ этомъ мнѣ, быть-можетъ, скоро придется говорить при другомъ случаѣ); но все же, хотя въ довольно тѣспой сферѣ — оперѣ комической у французовъ — есть кое-какія умненькія произведенія (особенно Скриба и Обера), которыя *своей* идеѣ (не слишкомъ возвышенной, иногда даже довольно прозаической) отвѣчаютъ *вполнѣ*, то-есть ни въ чемъ, ни со стороны текста, ни со стороны музыки, не остались *ниже своей задачи*. Такое равновѣсіе должно быть однимъ изъ первѣйшихъ условій совершенства оперы, — но именно этого равновѣсія нѣтъ въ Моцартовомъ *Донъ-Жуанъ*.

Въ прошедшей статьѣ я говорилъ уже, что превосходная поэтическая мысль этой оперы могла быть несравненно лучше обработана въ сценическомъ отношеніи чѣмъ это сдѣлалъ да-Понте. По-случаю характеровъ Эльвиры и Церлины, и по-случаю послѣдней, заключительной сцены, я указывалъ нѣкоторую несвязность, нетолковость, прозаичность въ либретто, недостатки, нисколько неисправленные Моцартовою музыкою, а только иногда сглаженные, *вознагражденные* ея красотами. И въ теченіе всей оперы довольно часто встрѣчаются недомолвки, безтолковость, несвязность, неэстетическая прозаичность въ намѣренія текста (не говоря уже о самыхъ словахъ, гдѣ есть порядочная доза «италіанской» реторики). Для того, чтобъ удостовѣрить читателей, что мое убѣжденіе въ этомъ случаѣ основано на фактахъ, я долженъ привести самые факты, просмотрѣвъ всю оперу сцена за сценой. Этотъ бѣглый обзоръ всей оперы неизбѣженъ и для повѣрки общаго впечатлѣнія отъ «Донъ-Жуана» при исполненіи его на сценѣ, повѣрки, которою можно подготовитъ окончательный *выводъ*, въ чемъ именно недостатки этой оперы, отъ чего они зависятъ, и какъ должно понимать Моцартовы слабыя стороны. По-случаю каждой отдѣльной сцены мнѣ удобно будетъ также выставить еще нѣкоторыя

*

заблужденія и фантазій комментаторовъ, заблужденія, еще незатронутыя мною, когда шла рѣчь о характерахъ дѣйствующихъ лицъ и объ развязкѣ пьесы. Говоря о характерахъ, я долженъ былъ касаться разныхъ сценъ оперы — въ разбивку; — теперь буду говорить о каждой по порядку, — разумѣется, избѣгая повтореній того, что уже сказано въ прошедшей статьѣ. Но во всякомъ случаѣ, я напередъ прошу читателей припомнить, что въ предстоящемъ обзорѣ чудеснаго Моцартова произведенія, они никакъ не должны искать полнаго разбора красотъ оперы, въ родѣ тѣхъ комментаріевъ, какъ въ книгѣ г. Улыбышева, или въ статьѣ Скудо—«Mozart et son Don-Juan». Быть-можетъ, нисколько не меньше этихъ панегиристовъ, я горячо сочувствую всѣмъ безсмертнымъ красотамъ Моцартова генія въ одномъ изъ лучшихъ, изъ великолѣпнѣйшихъ его созданий, но, сообразно своей цѣли, я не долженъ позволить себѣ вдаваться въ панегирики, которыхъ и безъ меня уже довольно на бѣломъ свѣтѣ, и потому (съ стѣсненнымъ сердцемъ) долженъ буду слегка упомянуть о многихъ сценахъ, гдѣ красота музыки въ полномъ согласіи съ поэтической задачей сіяетъ безъ малѣйшаго пятна, но остановлюсь именно только на «пятнахъ» оперы, именно тамъ, гдѣ, по моему мнѣнію, Моцартъ не безъ упрека, и кромѣ-того еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ гг. комментаторы такъ замаскировали истинный Моцартовъ смыслъ, что до него трудно добраться (какъ еще и Скудо замѣтилъ). Пора наконецъ скинуть съ Моцарта досадное маскарадное платье, въ которомъ его иногда и не узнать!

Даже самыя *первыя* ноты партитуры «Донъ-Жуана» вызвали невѣрность въ комментаріи г. Улыбышева, невѣрность, которую я не могу оставить безъ вниманія, потому-что она на слишкомъ замѣтномъ мѣстѣ.

Что-бы казалось проще — въ цѣломъ *andante* увертюры видѣть картину развязки всей оперы въ далекомъ поэтическомъ *предвидѣніи*? Превосходная поэтически-музыкальная мысль, употребленная съ легкой руки Моцарта и Веберомъ въ увертюру Оберона, и очень многими другими. Грозные звуки, которыми открывается увертюра—съ нѣкоторымъ упрощеніемъ гармоніи — *тѣ же самыя аккорды*, какъ при явленіи статуи командора на ужинѣ, что бы казалось проще? — Но нѣтъ! г. Улыбышевъ увѣряетъ (Т. III, стр. 105), что аккорды въ началѣ увертюры призываютъ къ слушанію оперы!! будто-бы кричатъ: «слушайте! слушайте! вотъ какая страшная исторія начинается!» (!) Не говоря уже объ антипоэтичности такого толкованія, я замѣчу только, что оно невѣрно фактически. Музыкальная мысль *та же*, что и въ сценѣ явленія статуи. Значитъ и въ самой сценѣ грозные аккорды всего оркестра ff, тоже

кричатъ: слушайте! слушайте!? Въ старинныхъ логикахъ это называлось, кажется, «*deductio ad absurdum*.»

Allegro увертюры разобрано г. Улыбышевымъ довольно-просто, и потому вѣрно; а у меня, какъ я сказалъ уже, и въ мысляхъ нѣтъ писать разборъ красоты этой партитуры.

Въ началѣ оперы (№№ 1 и 2) такія сцены, гдѣ—что не тактъ, то изумительная красота и правда драматическая, притомъ же и въ отношеніи сценическаго эффекта здѣсь все вполне превосходно; значить, критика тутъ поневолѣ превратится въ восторженный хвалебный дифирамбъ. И арія Лепорелло (*Noite e giorno faticar*), и терцетъ «Донъ-Жуана» Доны-Анны и Лепорелло, и сцена сраженія, и терцетъ басовъ (Донъ-Жуанъ, Лепорелло и умирающій Командоръ), и трагическій речитативъ Доны-Анны надъ тѣломъ отца, и не менѣ трагическій, печальный дуэтъ Доны-Анны и Донъ-Оттавіо, — все это ни съ чѣмъ несравнимые образцы совершенства оперной музыки, воплощеніе опернаго идеала; значить, мнѣ здѣсь обо всемъ этомъ не для чего распространяться. Притомъ же всѣ эти сцены очень хорошо разсказаны и въ книгѣ г. Улыбышева (Т. III, стр. 109—116), потому-что здѣсь онъ не вдавался въ толкованія таинственнаго, скрытаго смысла Моцартовыхъ намѣреній, а представилъ очень живо и вѣрно полную картину чудесной интродукціи «Донъ-Жуана» Еслибъ *всѣ* комментаріи г. Улыбышева были похожи на эти шесть страницъ, вся его книга много бы выиграла въ достоинствѣ.

О выходной аріи Донъ-Эльвиры (№ 3 — *терцетъ*, по небольшому участию Донъ-Жуана и Лепорелло *in dioparte*), о нѣкоторой холодноватости впечатлѣнія этой сцены, тотчасъ вслѣдъ за удивительной интродукціей и трагическимъ дуэтомъ, о невыгодности впечатлѣнія, несмотря на неподражаемую красоту музыки, — я уже говорилъ по-случаю характера Эльвиры. Надо еще замѣтить, что съ перемѣной декораціи (тотчасъ послѣ трагическаго дуэта) — на сценѣ теперь улица какая-то, и днемъ. Зритель не знаетъ, куда онъ перенесенъ, и сколько времени прошло послѣ той ночи, когда убить Командоръ. Разговоръ между Донъ-Жуаномъ и его слугою (очень равнодушный и въ формѣ *recitativo secco*, для нынѣшнихъ слушателей весьма неприятный, особенно *тотчасъ вслѣдъ* за восхитительнымъ дуэтомъ) выказываетъ только новыя покушенія Донъ-Жуана на подвиги волокитства, — не объясняя связи сценъ и мѣста дѣйствія. Предметъ волокитства на этотъ разъ — Эльвира, которая тутъ явилась совсѣмъ неожиданно для Донъ-Жуана, и онъ ее, на первыхъ порахъ, не узналъ. Я замѣчалъ уже, что характеръ Эльвиры много теряетъ вообще отъ того, что въ цѣломъ либретто, въ *складѣ* оперы, ему не придано довольно серьезности, — что, напимѣръ, послѣ вы-

холодной ея аріи зритель ждетъ горячей сцены между нею и Донъ-Жуаномъ, но эта сцена повернута въ форму речитатива (!) и проходитъ незамѣтно. Даже впечатлѣніе слѣдующаго нумера чудесной аріи *Ленорелло* о каталогѣ побѣлъ Донъ-Жуановыхъ (№ 4) нѣсколько ослабляется неловкостью положенія Эльвиры, которая тутъ, какъ и вездѣ, совершенно обижена авторомъ. И ее жаль, что она, бѣдная, должна *молча* выслушивать все, нисколько для нея неутѣшительное, что Ленорелло ей такъ соп амоге рассказываетъ, жаль и актрисы, исполняющей Эльвиру, потому-что на ея долю достается здѣсь добрыхъ пять минутъ нѣмой игры — истиннаго наказанія для всѣхъ на свѣтѣ актеровъ (кроме перво-степенныхъ талантовъ), а тѣмъ больше для оперныхъ. По-случаю самой *аріи каталога*, «несравненнаго образца комическаго стиля», какъ справедливо ее называетъ г. Улыбышевъ, не могу оставить безъ вниманія, во-первыхъ, маленькой неточности въ самомъ комментарий г. Улыбышева, и во-вторыхъ, искаженія, которому смыслъ этой аріи подвергся въ неловкихъ рукахъ нѣмецкихъ тяжеловѣсныхъ переводчиковъ.

Г. Улыбышевъ, говоря о нѣкоторыхъ подробностяхъ этой аріи во второй ея половинѣ, къ концу *andante*, очень хорошо сказалъ, еще во второмъ томѣ своей книги, о непереводимости италіянскаго «*raglando*» въ комическихкихъ операхъ (Т. II, ст. 130 и 131). Въ третьемъ томѣ, при самомъ разборѣ «Донъ-Жуана» по порядку, мастерски рассказавъ объ этой аріи, въ заключеніе онъ говоритъ такъ: (стр. 122). «Послѣ портретовъ «*la grande maestosa*» и «*la piccina*» (въ исчисленіи разнаго рода красавицъ, въ которыхъ влюбляется Донъ-Жуанъ), «слѣдуетъ портретъ старухи (*la vecchia*). Вотъ что значитъ молодиться въ шестьдесятъ лѣтъ! У старухи нога скользнуть, — вотъ она падаетъ, парикъ съ нея валится на *cadenza d'inganno* (*cadence trompue*, *Trugschluss*) изъ D-dur въ B-dur. Фаготъ сжался надъ бѣдной (!); онъ подаетъ ей руку и уводитъ, не безъ надлежащаго увѣщанія, что пора ей писать свою духовную.» (!) Не знаю, многіе ли признаютъ эту выходку г. Улыбышева придуманною очень забавно, очень остроумно, но знаю, что это остроуміе здѣсь очень *некстати*, то-есть нисколько не подходитъ подъ Моцартову музыку въ томъ мѣстѣ аріи, о которомъ идетъ рѣчь.

Cadenza d'inganno и рельефныя ноты фагота (такъ 41 съ конца аріи и слѣдующіе такты) относятся *не къ предыдущимъ* строчкамъ текста (*delle vecchie fa conquista pel piacer di porle in lista*), а къ *последующимъ*, именно: «*sua passion predominante, è la giovin principiante*». Припомните, что Моцартъ, какъ величайшій объективистъ изъ музыкальныхъ художниковъ, никогда не забывалъ музыкую, особенно *оркестромъ* — живописать не столько слова текста, какъ движенія, же-

сты, взгляды дѣйствующихъ лицъ, произносящихъ эти слова, иногда даже нѣмую игру другихъ участвующихъ, однимъ—словомъ все сценическое дѣйствіе. Доказательства этому на каждомъ шагѣ во всѣхъ операхъ Моцарта, иначе бы онъ не былъ такъ великъ въ своемъ дѣлѣ. Вообразите теперь Лепорелло на сценѣ, какъ онъ пресерьозно, будто съ кафедры, рассказываетъ Эльвирѣ всю исторію знаменитаго каталога, чего-лѣяетъ числомъ побѣдъ своего барина въ Италіи, Испаніи, и такъ далѣе; потомъ, окончивъ исчисленіе, гдѣ всего больше, всего рельефнѣе отъѣнена цифра «mille e tre», переходитъ къ общимъ замѣчаніямъ о вкусахъ Донъ-Жуана (*nella bionda egli ha l'usanza*, и такъ далѣе въ цѣломъ *andante*), наконецъ, не забывъ даже старухъ, которыя красуются въ каталогѣ, чтобъ увеличить «число» жертвъ, Лепорелло готовится сказать Эльвирѣ опять *что-то поважнѣе* прочаго (какъ и передъ *mille e tre*), дѣлаетъ шагъ впередъ, чтобъ быть къ ней поближе, чтобъ она его лучше разлушала, и говоритъ въ полголоса, съ особеннымъ отъѣнкомъ, «*sua passion predominante é la giovin principiante*». Вотъ отъ чего тутъ внезапная перемѣна гармоніи—*cadenza d'inganno* (В въ басу) *eine Stockung* въ ритмѣ, вотъ отчего здѣсь соло фагота на самыхъ юмористическихъ его нотахъ (*registre du grotesque*), отъѣняющихъ юморъ самого Лепорелло, его комическую важность (*gravité*) и довольно-злую усмѣшку, однимъ словомъ—игру его физиономіи и жестовъ; вотъ отъ чего тутъ маленькая пауза и потомъ мелкія нотки говоркомъ (*parlando*), послѣ сплошнаго пѣнія на предъидущія строчки,—вотъ настоящий музыкальный комизмъ *въ дѣйствіи, въ игрѣ*, какъ его всегда понималъ и выражалъ Моцартъ.

Кромѣ этого «эстетическаго» опроверженія, произвольное толкованіе г. Улыбышева опровергается и тѣмъ фактомъ, что еслибъ *solo* фагота и эпизодическая гармонія относились къ портрету *старухъ*, какъ полагаютъ г. Улыбышевъ, то Моцартъ это музыкальное поясненіе *предшествующихъ* строкъ (что весьма невыгодно въ музыкѣ и рѣдко встрѣчается) не протянулъ бы подъ *слѣдующія* строчки о предметѣ прямо противоположномъ (*la giovin principiante*), и кромѣ-того, *не повторилъ бы* той же самой музыкальной мысли гораздо далѣе (такъ двадцать-третьей съ конца) на слова «*voi sapete quel che fa*».—Какую-же старуху провожаетъ фаготъ *въ этихъ* тактахъ, гдѣ часто комическая выходка фагота повторяется въ той же фигурѣ и почти на тѣхъ же самыхъ нотахъ? Между-тѣмъ, не отклоняясь ни на шагъ въ сторону отъ *самаго дѣла*, то-есть отъ личности Лепорелло, «*сop amoge*» рассказывающаго Эльвирѣ подвиги своего барина, отъ музыкальнаго выраженія отъѣнковъ его

игры, — нельзя не видѣть ближайшаго отношенія къ тексту и въ постановленіи соло фагота.

Очень трудно пояснять такого рода музыкальныя подробности безъ нотныхъ примѣровъ, одними словами, больше или меньше неточными; но всё такого рода замѣчанія (какъ и большую часть всего, что пишу) я адресую къ читателямъ, достаточно знакомымъ съ технической стороною музыки вообще, а также съ партитурою «Донъ-Жуана». Только такіе читатели поймутъ всю горячность моего стремленія очистить взглядъ на эту оперу отъ всего лишняго, отъ разныхъ наростовъ, хотя бы и въ микроскопическихъ мелочахъ, и не упрекнуть меня въ слишкомъ придирчивой критикѣ комментарій г. Улыбышева. Именно потому, что эти комментаріи иногда вполне хороши, хотѣлось-бы освободить ихъ все отъ неумѣстныхъ вычурныхъ выходовъ остроумія, которыя искажаютъ, затемняютъ *простой*, вѣрный взглядъ на самое дѣло, то-есть на чудеса Моцартовой музыки.

Коснуться оперныхъ переводовъ вообще, вопіять противъ жестокихъ искаженій, которымъ самыя лучшія въ свѣтѣ оперы подверглись, перейдя съ итальянской сцены, напимѣръ, на нѣмецкую, или съ нѣмецкой на французскую и на русскую, значило бы завести длинную рѣчь о такомъ дѣлѣ, которое почти не относится къ главному моему предмету. Замѣчу только, что подстрочный, буквальный переводъ опернаго текста подъ готовую музыку—совершенная невозможность въ тысячѣ случаевъ, что здѣсь вообще необходимъ особенный талантъ, навыкъ, въ соединеніи съ самымъ глубокимъ пониманіемъ всѣхъ тончайшихъ художественныхъ намѣреній композитора (такого, какъ Моцартъ), неразлучныхъ со смысломъ, а иногда съ самою буквою текста. Послѣ этого понятно, какъ рѣдко можетъ встрѣтиться сколько-нибудь хорошій переводъ опернаго текста подъ такую музыку какъ Моцартова. И дѣйствительно, его оперы больше всѣхъ другихъ въ свѣтѣ потерпѣли отъ неуклюжести безталантныхъ, анти-художественныхъ, ремесленныхъ переводовъ. Стоитъ заглянуть въ любой изъ подстрочныхъ текстовъ «Донъ-Жуана» (а я замѣчалъ уже, что ихъ очень много и всё плохи), чтобъ убѣдиться, что трудно придумать что-нибудь *болѣе непохожее* на текстъ подлинника. Уже и г. Улыбышевъ (въ приведенныхъ мною страницахъ II тома) сожалѣетъ, что многія подробности Моцартовыхъ намѣреній въ аріи каталога, переведенной по-нѣмецки, исчезли безвозвратно,—но г. Улыбышевъ приписываетъ это больше непереводимости стиля *parlando*, свойственнаго одному итальянскому языку, слѣдовательно какъ-будто извиняетъ переводчиковъ. По моему мнѣнію, извинить ихъ можно въ одномъ: въ недостаткѣ благозвучія (*euphonie*) въ переводномъ текстѣ. Въ этомъ

отношеніи перевѣсъ всегда будетъ на сторонѣ итальянскаго подлинника. Но непростительна вина переводчиковъ, когда они въ своемъ текстѣ навязываютъ дѣйствующимъ лицамъ совсѣмъ другія мысли, ощущенія, которыхъ и въ поминѣ нѣтъ въ подлинникѣ, на мѣсто тѣхъ, которыя выражены въ оригинальномъ текстѣ и художественно переданы музыкою, такою, какъ Моцартова. * Положимъ, что вамъ не случилось никогда слышать «Донъ-Жуана» *по-итальянски* (т. е. какъ онъ написанъ), положимъ, что вы знаете эту оперу только по исполненію ея на нѣмецкихъ сценахъ, и вдругъ вамъ привелось бы заглянуть въ комментарий г. Улыбышева, или въ мои замѣчанія о той или другой сценѣ, вы тогда рѣшительно въ толкъ не возьмете, о чемъ рѣчь идетъ. И очень ясно: въ нѣмецкомъ текстѣ, напримѣръ, въ аріи каталога нѣтъ ни *la puccina*, ни *la grande maestosa*, ни *la giovin principiante* съ тонкими моцартовскими оттѣнками *каждаго слова*, каждой новой фразы, а вмѣсто всего этого найдете какія-то сентенціи (!) *tant bien que mal*, приспособленныя къ озлобленію Лепорелло на образъ жизни его барина, сожалѣнія (!) о судьбѣ несчастныхъ жертвъ Донъ-Жуанова волокитства, наконецъ совѣтъ Эльвирѣ, чтобъ она бросила негодяя, Донъ-Жуана!! (*Drum, o Schöne, lass ihn laufen, er ist deines Zorns nicht werth*). Все это въ глазахъ моралистовъ, быть-можетъ, и гораздо лучше, гораздо дѣльнѣе итальянскаго текста, отъявленно «циничскаго». Но гг. переводчики, *поправляя* да-Понте, совсѣмъ забыли, что имѣютъ дѣло уже не съ да-Понте, а съ *Моцартомъ*, что они подкладываютъ свой текстъ подъ готовую музыку, подъ музыку, при созданіи которой всѣ ихъ моральныя сентенціи вовсе не входили въ расчетъ, потому-что и тѣни ихъ не было въ итальянскомъ текстѣ. Гг. переводчики забыли, что музыка *вся*—въ выраженіи! Что же стало съ Моцартовскими намѣреніями? *ни одно* изъ нихъ даже издали не подходитъ подъ смыслъ переводнаго текста; слова остаются совершенно сами-по-себѣ, музыка сама-по-себѣ!—Музыка не выражаетъ словъ, слова не объясняютъ музыкальныхъ намѣреній. И такъ варварски поступаютъ съ музыкой *Моцарта!* Какъ-

* Въ другомъ мѣстѣ книги, по-случаю французскаго искаженія «Моцартовой оперы *Entführung*» — г. Улыбышевъ выражается такъ: «*Passe pour l'extrême platitude, passe pour l'extrême betise; messieurs les traducteurs d'opéras nous y ont habitués; mais ce qu'on ne leur pardonne point, c'est d'assassiner le compositeur, en clouant sur son texte leurs misérables rimes, à contresens de la mélodie, de sorte que le blanc se traduit par le noir et le noir par le blanc. C'est une chose infame, abominable; n'en parlons plus*». Нѣтъ! надо, тысячу разъ *надо* говорить именно по-случаю *Моцартовыхъ* оперъ, которыя *большинству* музыкальной публики извѣстны не въ *настоящемъ* своемъ видѣ.

будто подъ его звуки, какъ подъ итальянскія общія мѣста, можно пѣть, что угодно! И этотъ вандализмъ существуетъ еще въ наше время—и гдѣ же? въ музыкальной Германіи!! На возраженіе, что слова въ оперѣ не такъ важны, потому-что при исполненіи ихъ почти не слышно, я отвѣчу, что это справедливо только въ отношеніи многоголоснаго пѣнія (ensembles); въ соло отдѣльныхъ лицъ, при хорошемъ произношеніи, должно быть слышно почти каждое слово — иначе для чего же всѣ тонкія намѣренія композиторовъ, когда до публики можетъ доходить только одинъ общій колоритъ и самыя грубыя эффекты?

И послѣ аріи Лепорелло Эльвирѣ не дано ничего, кромѣ самого лаконическаго монолога (recitativo secco, всего двѣ строчки). Быть-можетъ, почувствовавъ этотъ недостатокъ, Моцартъ для вѣнской сцены прибавилъ арію Эльвиры съ большимъ речитативомъ (recit: In quali eccessi, o Numi,—aria: Mi tradi quell'alma ingrata. Es-dur. $\frac{3}{4}$. № 1 изъ прибавочныхъ), по-крайней-мѣрѣ; при исполненіи эту арію очень часто помѣщаютъ вездѣ за аріей каталога.

Опять переменна декораций, потому-что вдали долженъ быть видѣнъ замокъ Донъ-Жуана. Вотъ уже третья декорация, а мы еще и не въ половинѣ 1-го акта. Это немножко à la Shakspeare; разнообразіе сценъ тутъ, конечно, кетати, но какъ-то странно видѣть перемену декораций для двухъ арій (№ 3 и № 4). Слѣдуетъ № 5, названный въ партитурѣ хоромъ, хотя собственно это дуэттино Церлины и Мазетто съ участіемъ хора только въ принѣвѣ (retrain).

Мнѣ уже случилось говорить о прелести и объ эффектности этой сцены поселянъ, а слѣдующая (№ 6, duettino «la ci darem») слишкомъ знакома всѣмъ сколько-нибудь любящимъ музыку, чтобы повторять въ тысячный разъ, что и здѣсь мѣсто однимъ восторженнымъ хваленіямъ. Замѣчу только, что г. Улыбышевъ, неизвѣстно почему, почти ничего не сказалъ о знаменитомъ andante сцены Донъ-Жуана съ Церлиной, а allegro очень диктаторски признаетъ самою слабою вещь (!) во всей оперѣ (Т. III, стр. 124—125), тогда-какъ весь этотъ дуэтъ съ первой ноты до послѣдней одинъ изъ богатѣйшихъ перловъ Моцартовской музыки, и кромѣ г. Улыбышева, сколько я знаю, никто никогда не находилъ allegro «andiam, andiam mio bene» сколько-нибудь слабымъ въ музыкальномъ отношеніи. Тутъ можно нѣсколько упрекнуть авторовъ касательно характера Церлины, о чемъ я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, но музыка такъ же гениальна, какъ и въ andante. Кромѣ того, по случаю одного оборота гармоніи въ allegro, г. Улыбышевъ находитъ оправданіе «фривольности» этой музыки въ «моральномъ» намѣреніи Моцарта, который будто бы этими скользящи-

ми диссонансиками (въ партіи секунды и алта, allegro $\frac{6}{8}$, такты 7 и 8) хотѣлъ «указать слушателямъ» (le musicien a voulu nous avertir—?!), сколько опасности предстоитъ Церлини на этомъ пути, усянномъ розами—! Вотъ что я называю — Моцартъ въ маскарадномъ переодеваньи. Кромѣ эстетической «невозможности» неправильно приписываемаго Моцарту намѣренія въ этихъ скользящихъ диссонансахъ, вотъ и фактическое опроверженіе ихъ истолкованія, которое уходитъ совсѣмъ «въ сторону» отъ партитуры. Музыка въ allegro «La ci darem» и ритмомъ, и гармоніей въ «пасторальномъ» родѣ (en musette) очень близко напоминаетъ предъидущую сцену, гдѣ Церлина въ первый разъ является передъ зрителями (*M^o 4*, хоръ поселянъ). И тамъ эти же $\frac{6}{8}$, и *это же* «гудочное» движеніе въ секундахъ и алтахъ. Вотъ Моцартовское «единство»! Надо же что-нибудь оставить на долю самой музыки, на долю красивой игры красивыми звуками. Къ счастью искусства, глубочайшія философскія ухищренія и моральныя цѣли будто бы въ каждомъ отдѣльномъ тактѣ, въ каждой отдѣльной нотѣ, никогда не зародятся въ головѣ истиннаго художника.

Какъ въ комментаріи г. Улыбышева неудаченъ разборъ «la ci darem», такъ удачно рассказанъ этотъ номеръ оперы въ статьѣ Скудо (Mozart et son Don-Juan, Critique et litterature musicale, p. 217). Онъ тамъ, правда, помѣстилъ цѣлую романическую исторію, безъ которой разборъ красотъ оперы очень легко могъ бы обойтись, но разборъ дуэттино самъ по себѣ очень хорошъ и вѣренъ. Вотъ замѣчаніе Скудо о впечатлѣніи этого дуэта въ исполненіи на сценѣ: «Никогда этотъ дуэтъ не производитъ въ театрѣ желаемого и ожидаемого эффекта. Эти короткія, деликатныя фразы, зампрающія съ такою нѣгою чувства и заставляющія подразумевать еще гораздо больше того, что выражаютъ; эта скромность въ языкѣ страсти и эта экономія въ оркестрѣ требуютъ отъ исполнителей такихъ уселозій пѣнія, которыхъ тайна навсегда потеряна для цинѣшнихъ виртуозовъ». Съ этимъ нельзя не согласиться вполне, но слѣдуетъ добавить, что это справедливо не въ отношеніи одного «la ci darem», а въ отношеніи *всей* Моцартовой оперной музыки (за немногими исключеніями арій въ стилѣ концертномъ, которыя, какъ увидимъ, составляютъ слабыя мѣста въ его операхъ). Вся его музыка, по утонченности драматическихъ намѣреній и по отсутствію внѣшнихъ, грубыхъ эффектовъ, рѣшительно *виль* театральныхъ привычекъ современныхъ итальянскихъ пѣвцовъ (кромѣ геніальныхъ исключеній, какъ Виардо, Лаблашъ). Отъ этого многіе номера Донъ-Жуана, въ томъ числѣ и la ci darem, исполняемые почти всегда вовсе не въ томъ духѣ, въ какомъ создана эта музыка, испол-

няются въ характерѣ пѣнія виртуознаго, концертнаго, которое тутъ до нельзя нестати, и намѣренье Моцарта для публики остается въ глубокой тѣни. Только въ *партитурѣ* оно сіяетъ ярко, какъ солнечный день.

По моему мнѣнію, гг. режиссёры очень хорошо бы сдѣлали, еслибъ по совѣту знаменитаго теоретика и критика Готфрида Вебера, передъ разговоромъ Донъ Жуана съ Церлиной (*recit. secco* передъ «*la ci darem*»), вставили добавленную Моцартомъ арію Мазетто: «*ho carito signor, si*» (№ 2 изъ добавочныхъ, о которой я говорилъ по-случаю характера Мазетто). Контрастъ комизма и грубоватости этой аріи выставилъ бы еще рельефнѣе граціозность дуэта.

О двухъ сценахъ, слѣдующихъ за *la ci darem* (№ 7 арія Эльвиры «*ah fuggi*» и № 8 знаменитый квартетъ «*non ti fidar*»), мнѣ случилось говорить при разборѣ характера Доны-Эльвиры. Здѣсь добавлю только, что нѣкоторая холодноватость въ расположеніи сценъ обыкновенно еще усиливается на театрѣ отъ того свойства Моцартовой музыки, о которомъ сейчасъ шла рѣчь. Несравненный квартетъ «*non ti fidar*» отличается тою же деликатностью оттѣнковъ въ голосахъ и въ оркестрѣ, какъ и «*la ci darem*», слѣдовательно, «исполненіе» и въ этомъ случаѣ остается опять за миллионъ верстъ отъ идеала, осуществленнаго въ партитурѣ. Очень вѣрно замѣчаетъ Скудо (въ другомъ мѣстѣ той же статьи): «Геній Моцарта презираетъ грубый вкусъ толпы; онъ никогда не унижается до употребленія въ дѣло «хлопальныхъ» окончаній и всѣхъ обычныхъ формулъ для привлеченія благосклонности публики. Онъ высказываетъ то, что ему надобно высказать, *ни мало не заботясь о слушателяхъ* (это какъ-будто нарочно противъ г. Улыбышева въ тысячи мѣстахъ его книги). Моцартъ вообще художникъ оттѣнковъ (*le musicien des nuances*). Его музыка не для большинства публики». Вотъ почему ни Фигаро, ни Донъ-Жуанъ, ни Волшебная-Флейта никогда не привлекутъ къ себѣ симпатіи тѣхъ меломановъ, которые неумѣренно восхищаются по-случаю Ломбардцевъ, или Эрнани.

Холодноватость театральнаго впечатлѣнія сценъ, на которыхъ я остановился, совершенно исчезнетъ при первыхъ звукахъ слѣдующаго № (№ 9, большой речитативъ и вслѣдъ за нимъ № 10—арія Доны-Анны *or sai chi l'onore*). Эта знаменитая арія, вмѣстѣ съ речитативомъ (*à grand orchestre*), «несмотря» на свою серьезную, Глюковскую красоту, нравится даже всѣмъ на свѣтѣ публикамъ. Однако не нравится она, сколько мнѣ извѣстно, двумъ знатокамъ—г. Скудо, который находитъ, что речитативъ лучше аріи, и г. Берліозу, который при нѣкоторомъ удобномъ случаѣ даже подсмѣивался надъ *тономъ* аріи (*D-dur*) и надъ

инструментовкою (употребленіе гобоевъ, по его мнѣнію, некстати въ героическомъ характерѣ аріи). Я, съ своей стороны, не нахожу необходимымъ ни опровергать этихъ мнѣній, ни распространяться о поразительныхъ красотахъ этой патетической сцены; замѣчу только еще разъ, что именно эти ея красоты, криво понятыя, заставили комментаторовъ такъ сопъ агоге росписать и такъ жестоко исказить характеръ Моцартовой Доны-Анны (какъ я подробно говорилъ по-случаю этого характера). Замѣчу еще, что г. Улыбышевъ несправедливъ къ большому речитативу Доны-Анны (разказъ ея о поступкѣ съ нею Донъ-Жуана). Г. Улыбышевъ находитъ (стр. 129 III. тома), что этотъ речитативъ будто-бы *меньше богато оркестрованъ*, нежели первый речитативъ — надъ тѣломъ отца. Совершенно другое говоритъ сама партитура. Разказъ Доны-Анны одно изъ чудесъ Моцартовой музыки, и со стороны оркестра исполненъ изумительной энергіи. — Даже внѣшняго богатства оркестра въ этомъ речитативѣ больше, чѣмъ въ первомъ. (Въ разказѣ употреблены кромѣ роговъ (corni) трубы, (clarini in C), которыхъ нѣтъ въ сценѣ дуэта надъ тѣломъ командора).

Можно бы сдѣлать упрекъ либреттисту, что онъ заставилъ въ этомъ мѣстѣ три *аріи* слѣдовать одну за другою къ ряду (or sai chi l'onore, — fin ch'han dal vino, — batti, batti); но все эти сцены такъ поразительны красотой и правдою и такъ счастливо разнообразны, что упреку этому нѣтъ мѣста. О разгульной аріи Донъ-Жуана (№ 11, fin ch'han dal vino) уже столько написано дирижировать, что каждая строчка хваленія тутъ будетъ лишнею. Но не могу пропустить одного замѣчанія: эта арія на *нѣмецкихъ* сценахъ извѣстна подъ названіемъ «Schampagner-Lied» и нѣмецкими Донъ-Жуанами исполнялась и, вѣроятно, исполняется и до-сихъ-поръ, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ. — Многие дилеттанты любятъ при этомъ случаѣ, какъ чудесно выражена въ Моцартовей музыкѣ «игра» искрометнаго сока. Но всего этого въ намѣренія Да Понте и Моцарта рѣшительно *не было*. Объ «винѣ» тутъ упоминается только вскользь (то-есть, чтобъ Лепорелло хорошенько наполнилъ поселянъ въ замкѣ Донъ-Жуана), а смыслъ всей аріи — надежда Донъ-Жуана на новые, подвиги (prouesses amoureuses) *.

* Вотъ итальянскій подлинникъ.

Агіа: 1) Fin ch'han dal vino

Calda la testa
Una gran festa
Fa preparar.

2) Se trovi in piazza
Qualche ragazza
Teco ancor quella
Cerca menar.

3) Senza alcun ordine

La dansa sia
Chi'l menuetto
Chi la follia
Chi l'allemana
Farai ballar

4) Ed io fra tranto

Dall'altro canto
Con questa e quella
Vo'amoreggiar.

5) Ah, la mia lista
Doman mattina
D'una decina
Devi aumentar!

Объ очаровательной арии Церлины («batti, batti») и не менѣе неподобномъ началѣ финала 1-го акта, (сцена ссоры Церлины съ Мазетто, потомъ сцена ихъ съ Донъ-Жуаномъ) мнѣ приходилось уже говорить по случаю характеровъ Церлины и Мазетто и не совсѣмъ правительнаго пониманія ихъ г. Улыбышевымъ.

Во-время приготовленій къ *сельскому* балу, устроиваемому Донъ-Жуаномъ въ своемъ замкѣ, приходятъ Д. Оттавіо, Д. Анна и Д. Эльвира, замаскированныя, —опять контрастъ превосходный, но нѣкоторая безтолковость текста (о чемъ уже было мною замѣчено) вредитъ (или *должна* вредитъ) впечатлѣнію. Маски, черезъ Лепорелло, получаютъ приглашеніе на бадъ къ Донъ-Жуану, —очень кстати для ихъ намѣренія преслѣдовать злодѣя мшеніемъ. Тріо масокъ (молитва) принадлежитъ къ самымъ любимымъ публикою сценамъ Донъ-Жуана, быть-можетъ, больше всего за доступную итальянскую красоту стиля, довольно близко подходящую къ обыкновенному концертному, виртуозному пѣнію. Красота этой музыки, впрочемъ, чисто Моцартовская, также какъ и удивительная деликатность и бережливость въ оркестрѣ — изъ однихъ духовыхъ инструментовъ, гдѣ особенно рельефны арпеджіи кларнета, въ низкомъ регистрѣ. Перемѣна декораціи: праздникъ у Донъ-Жуана. Эта часть оперы составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ опернаго дѣла — въ отношеніи сценической обстановки. Г. Улыбышевъ (на стр. 140—142 III тома) очень правъ, что не довольствуется тѣмъ, что обыкновенно мы видимъ въ этомъ финалѣ 1-го акта при исполненіи его на театрѣ. Г. Улыбышевъ хорошо размѣщаетъ на сценѣ три назначенные Моцартомъ балетные оркестра, хорошо говоритъ и о группированіи статистовъ, но забываетъ иногда, что тутъ, *кромя трехъ масокъ*, всѣ прочіе гости Донъ-Жуана — поселяне и поселянки, приглашенные Донъ-Жуаномъ прямо со свадьбы Церлины. Аристократическихъ дамъ и кавалеровъ съ перьями на береткахъ (Улыб.—стр. 141) здѣсь *не должно быть вовсе*; —тѣмъ менѣе балетныхъ фигурантовъ и фигурантокъ, когда начнется менуэтъ, и проч.—Вотъ и *трудность* сцены, о которой я намекнулъ. Во всѣхъ возможныхъ операхъ балетъ, дивертисментъ, — однимъ-словомъ, *танцы*, исполняются балетными артистами. Весьма часто (какъ, напримѣръ, хоть въ оперѣ М. И. Глинки «Жизнь за Царя», въ сценѣ польскаго бала) смыслъ сцены требуетъ, чтобы одни и тѣже лица, одна и таже *толпа, масса* гостей и *пляла и танцовала* (choeur dansé по принятому техническому названію), но хористы и фигуранты балетные никакъ не смѣшиваются: точь въ точь масло и вода. Всѣ покушенія слить ихъ въ одну толпу, въ одну массу людей—остаются совершенно неудачными попытками. Балетъ остается самъ по себѣ; —

опера—сама по себѣ: когда балетъ, вставленный въ оперу начинается, опера на это время отдыхаетъ (припомните: «Роберта», «Гугенотовъ», «Фенеллу» и всѣ такъ называемыя «большія» т. е. пяти-актныя оперы съ великолѣпнымъ спектаклемъ). Притомъ же всѣ балетныя группы на свѣтѣ въ состояніи исполнять только танцы, *социенные* балетмейстерами, въ особенныхъ, сильно-условныхъ формахъ хореграфическаго искусства, а никакъ не полумпровизированныя (вовсе не балетныя) пляски поселянь, собравшихся пошировать въ замкѣ знатнаго барина. Въ настоящемъ случаѣ *балета не должно быть вовсе*. И менуэтъ, и контрдансъ, и вальсъ (всѣ три танца *въ одно время* въ разныхъ углахъ залы, какъ того желалъ самъ Донъ-Жуанъ въ аріи «fin ch'han dal vino, и какъ показываетъ музыка) —должны быть исполнены никакъ не фигурантами балетными—но и *не хористами*, потому-что, замѣчу,—къ великому вашему удивленію,—во всей сценѣ бала въ замкѣ Донъ-Жуана (начиная съ Allegro Es dur $\frac{6}{8}$, тотчасъ послѣ тріо мзсокъ, *вплоть до конца акта*)—хора въ партитурѣ не оказывается! Нынче, вѣроятно, на всѣхъ европейскихъ театрахъ, такъ же какъ на сценѣ итальянской оперы у насъ въ Петербургѣ, прибавляютъ хоръ для *усиленія* финала, усиленія, необходимаго для нашихъ нынѣшнихъ ушей но, у Моцарта не было этого намѣренія, иначе бы опъ не забылъ удѣлить для хора вѣсколькихъ строчекъ партитуры *.

И такъ андалузскіе поселяне на Донъ-Жуановомъ праздникѣ будутъ представлены не балетными фигурантами и не хористами—къмъ же?—«статистами безъ рѣчей!» Ожидайте при такихъ условіяхъ правды, жизни и живописности въ группахъ гостей.

Одно спасеніе для режиссёровъ: отодвинуть всѣхъ вирующихъ подалѣе, въ самую глубину сцены, чтобы зрителямъ было видно общее, а никакъ не подробности картины. Авансцену будутъ занимать только главныя дѣйствующія лица.—Судя по отсутствію хора, быть-можетъ, въ такомъ родѣ было и намѣреніе самого Моцарта. Только во всякомъ случаѣ это отсутствіе хора въ такой сценѣ, гдѣ пируетъ толпа, гдѣ Донъ-Жуанъ и Лепорелло безирестанно обращаются къ своимъ много-

* Надо замѣтить, что вообще въ «Донъ-Жуанъ» хоровъ почти нѣтъ. Я говорилъ уже, что въ № 5, въ сценѣ поселянь, участіе хора ограничивается самымъ короткимъ припѣвомъ (refrain)—въ первый разъ одиѣ женщины, потомъ одиѣ мужчины, въ концѣ всѣ вмѣстѣ (и всѣ это, болѣею частію—unisono). Въ финалѣ 1-го акта есть еще *два* строчки хора поселянь (мужчинъ) послѣ сцены ссоры Церлины съ Мазетто: «su coraggio, o buona gente»—и только.

Во 2-мъ актѣ, только въ финалѣ—мужской хоръ невидимыхъ демоновъ (coro di spettri) очень короткій и опять въ unisono.—Вотъ и все.

люднымъ гостямъ—должно отнести къ странностямъ и слабымъ сторонамъ этой оперы.

Что касается самой музыки, конечно и Allegro Es dur $\frac{6}{8}$ и Maestoso C dur $\frac{4}{4}$ принадлежать къ чудесамъ Моцартовымъ. Припомните хоть только фразы Церлины въ квартетъ съ Мазетто, Донъ-Жуаномъ и Лепорелло (Es dur $\frac{6}{8}$ —«quel Masetto mi par stralunato») и эффектъ аккорда голосовъ въ квинтетъ входа масокъ (siam giali a tanti segni etc).

Къ такимъ же чудесамъ обыкновенно причисляютъ и сцену танцевъ, знаменитую по мелодіи *менуэта* и по сочетанію трехъ разныхъ ритмовъ ($\frac{3}{4}$, $\frac{2}{4}$ и $\frac{3}{8}$) и трехъ разныхъ оркестровъ въ одинъ *.

Я не могу согласиться здѣсь съ общимъ мнѣніемъ, потому-что не могу признать музыку этихъ танцевъ *безъукоризненною* съ эстетической стороны. Постараюсь это объяснить.

Представьте себѣ, что кто-нибудь изъ современныхъ намъ композиторовъ пишетъ оперу, гдѣ случилась такая сцена: праздникъ, заданный знатнымъ испанскимъ баринѣмъ цѣлой толпѣ андалузскихъ поселянъ и поселянокъ. Навѣрное этотъ композиторъ, образованный по нынѣшнему, учившійся всему, что сдѣлано въ искусствѣ до него, — употребилъ бы все силы, чтобы въ этой сценѣ уловить музыкальный характеръ испанскихъ народныхъ плясокъ во всей оригинальной красотѣ ихъ напѣвовъ. А конечно, если гдѣ мѣстный колоритъ могъ бы чрезвычайно пособить красотѣ самой музыки, то именно въ этомъ случаѣ, потому-что *испанскія* пляски отличаются необычайною красотой, граціозностью и страстною нѣгой напѣва **.

Но что же бы вы сказали, еслибы такой современный композиторъ, совершенно забывъ, что дѣйствіе его оперы въ Испаніи, въ окрестностяхъ Севильи, что у него на сценѣ андалузскіе мужики, — помѣстилъ бы тутъ французскій кадрилъ, польку-мазурку и галопадъ, точь въ точь какъ ихъ играютъ на балахъ нашихъ дворянскихъ собраній?

Точно такъ провинился—Моцартъ, исполнивъ *буквально* задачу Да Понте, который въ аріи *fin ch'han dal vino* заставляеть Донъ-Жуана упоминать *il menuetto, la follia, l'allemana*, т. е: общіе европейскіе тан-

* Г. Скудо, въ своемъ скользящемъ комментарий сдѣлалъ грубую ошибку противъ партитуры, сказавъ, что менуэтъ поручень большому, драматическому оркестру. — Все танцы должны быть играемы 3-мя особыми оркестрами *на сценѣ*; «*sopra il teatro*» означено въ партитурѣ. Драматическій оркестръ вступаетъ только съ перерыва танцевъ крикомъ Церлины.

** Для петербургскихъ читателей я напомнимъ увертюры М. И. Глинки на испанскіе мотивы, особенно очаровательную «хоту» (*la jota aragonesa*).

цы, бывшіе въ модѣ въ 1787 году, танцы «время очаковскихъ и покоренія Крыма», неразлучные въ пудроу и французскими кафтанами.

Никто, сколько мнѣ помнится, не обращалъ вниманія на эту ошибку Моцарта вмѣстѣ съ Да Понте,—но я считаю ее столько же грубою, какъ нѣкоторые «знаменитые» анахронизмы и географическія ошибки Шекспира,—какъ европейскіе средневѣковые костюмы въ библейскихъ сценахъ на картинахъ старинныхъ итальянскихъ и фламандскихъ художниковъ;—значитъ, считаю ошибкою сколько грубою, столько же и *извинительною, сообразно эпохѣ, когда жили художники*. Шестьдесятъ шесть лѣтъ назадъ (когда писался «Донъ-Жуанъ») вопросъ о «мѣстномъ колоритѣ» въ музыкѣ былъ едва-едва затронутъ (хотя получилъ уже полное гражданство въ литературѣ; вспомните — Гёте) — иначе такой всеобъемлющій, такой гибкій гений, какъ Моцартъ, этотъ Гёте музыки, непременно придалъ бы своимъ испанцамъ, по-крайней-мѣрѣ, столько же «мѣстныхъ» красокъ, сколько, напримѣръ, допустилъ восточнаго, турецкаго элемента въ музыку своей же оперы «Похищеніе», написанной раньше «Донъ-Жуана». Замѣчательно, что именно испанская національность нѣсколько пострадала въ Моцартовыхъ операхъ. И въ «Фигаро», въ томъ мѣстѣ оперы, когда, послѣ свадебной процессіи, Моцарту надо было написать настоящее «фанданго» онъ создалъ прелестную инструментальную вещь (A moll) въ родѣ меланхолическихъ «пассакалій» Себастьяна Баха,—но пимало не похожую на дикій, полу-африканскій напѣвъ настоящаго фанданго *.

Мелодія менуэта въ «Донъ-Жуанъ», безъ сомнѣнія, очень красивая по своей простотѣ, легко выгибается подъ всѣ требованія того, что на ней выстроилъ Моцартъ (г. Улыбышевъ очень кетати напомнилъ тутъ известное: *que de choses dans un menuet!*); но умъ, гениальность обдѣлки подъ перомъ Моцарта могли бы имѣть еще обширѣйшее поле при красивой, испанской мелодіи, а между-тѣмъ существующая мелодія, чисто-нѣмецкая, какъ и оба другіе танца, (*contredanse* $\frac{2}{4}$, *allemana* или *вальсъ* $\frac{3}{8}$) пемножко чопорная, нисколько неидетъкъ пляскѣ испанскихъ мужиковъ, и своимъ чиннымъ, довольно-холоднымъ движеніемъ никакъ не переноситъ зрителя подъ роскошное небо Андалузіи.

Остальная, драматическая часть финала (послѣ катастрофы съ Церлиной), разумѣется, опять одно изъ чудесъ этой оперы и всей музыки вообще. Только нельзя не сожалѣть объ отсутствіи *хоровъ*, которыхъ

* Моцартово мнимое фанданго, при исполненіи «Фигаро» на петербургской итальянской сценѣ всегда выпускалось,—впрочемъ нисколько не за недостатокъ мѣстнаго колорита, а потому-что это—танецъ, и между-тѣмъ его музыка *онъ* принятыхъ формъ балетной музыки—и слишкомъ *коротка* для помѣщенія балета.

требуютъ не только наши оперныя привычки, но-быть-можетъ, и самый смыслъ сцены. Въ исполненіи на театрѣ, этотъ знаменитый финалъ (который въ комментаріи Скудо сравненъ съ «Страшнымъ-судомъ» Микель-Анджело! вѣроятно со стороны энергіи) много теряетъ отъ слишкомъ быстрого темпа, который г.г. дирижеры берутъ съ самаго начала Allegro-*C dur* $\frac{4}{4}$. Отъ этого «почти—*presto*, нисколько неозначеннаго въ партитурѣ, многія превосходныя подробности совершенно ступовываютея, проходятъ незамѣтно, вмѣсто рельефности, которой тутъ желалъ Моцартъ. Я напомию, напримѣръ, блистательную фразу Донъ-Жуана (передъ концомъ и *отдѣльно* отъ другихъ лицъ) «*ma non manca in me coraggio — non mi perdo, mi confondo*». Въ партитурѣ она изумляетъ силой и красотой, — на сценѣ, отъ невѣрнаго темпа, ее едва разслышишь, она какъ будто исчезаетъ совсѣмъ. Только *посль* этого рельефнаго *solo* Донъ-Жуана, у Моцарта написано: *piu-stretto*. Неподражаемую красоту этого энергическаго финала г. Улыбышевъ описалъ очень жарко (стр. 146 — 148 III тома); жаль только, что (какъ г. Скудо) слишкомъ увлекся своимъ восторгомъ и впалъ въ странныя преувеличенія и въ разнорѣчія съ партитурой (какъ я уже замѣчалъ въ первой статьѣ). Какое же тутъ «проклятіе всего рода человѣческаго» обрушивается на Донъ-Жуана (*l'exécration du genre humain*, стр. 147) когда у Моцарта въ этой сценѣ даже *xora* нѣтъ, и передъ зрителемъ всего семь лицъ? — Мнѣ кажется, простое указаніе красотъ этого финала, безъ малѣйшихъ собственныхъ прикрасъ и не отступая отъ буквы партитуры, — уже самый сильный панегирикъ Моцарту.

Великолѣбіе музыки въ этомъ достойномъ заключеніи первой половины оперы заставляетъ рѣшительно забывать о нѣкоторыхъ несообразностяхъ въ складѣ сцены, — о чемъ я уже довольно говорилъ при случаѣ.

Для сценическаго эффекта было бы очень выгодно, какъ я уже замѣчалъ, начинать *второй актъ* большою арією Эльвиры (изъ прибавочныхъ № 1, *mi tradi quell'alma ingrata*). Теперь актъ обыкновенно начинается, какъ и въ партитурѣ, маленькимъ дуэтомъ Донъ-Жуана и Лепорелло; сеора слуги съ баринномъ — комическая сцена въ стилѣ *buffo*, чисто-итальянскомъ.

О терцетѣ (*A dur*) также мнѣ уже случилось говорить. Несмотря на несовѣмъ эстетически-грубую мистификацію, эта сцена одна изъ лучшихъ въ оперѣ, отъ очаровательной музыки. Здѣсь какъ-будто и мѣстный колоритъ схваченъ гениемъ Моцарта. И слѣдующій номеръ одно изъ его чудесъ — серенада Донъ-Жуана передъ окномъ горничной Дошцы Эльвиры. И здѣсь колоритъ музыки какъ-будто ис-

панскій, такъ нѣжно-жарокъ. По моему мнѣнію, г. Улыбышевъ несо-
всѣмъ ловко похвалилъ эту знаменитую вещицу, сказавъ (на стр. 157
III тома): «На первый разъ покажется, что *всякій* въ состояніи съим-
провизировать такую серенаду, — покажется, что съ полдюжины такихъ
мелодій можно сочинить каждый день». Г. Улыбышевъ хотѣлъ выра-
зить этимъ чрезвычайную простоту, непринужденность этой музыки,
свободу вдохновенія — но не знаю, кому придется въ голову хоть
на минуту подумать, что это будто бы «такъ легко»! Съ первыхъ зву-
ковъ этой серенады, для всѣхъ, даже непосвященныхъ въ тайны компо-
зиторства, ясно, что такая гениальная *простота* музыки доступна
только первѣйшимъ въ свѣтѣ художникамъ. Замѣчу еще, что въ этой
серенадѣ главная фигура аккомпанимента (она же и ритурнель) пору-
чена Моцартомъ—особому инструменту: *мандолинъ*. Такъ какъ этотъ
инструментъ вышелъ изъ употребленія, то при исполненіи партію его
играетъ первая скрипка — *pizzicato*. Но это *pizzicato* *вовсе не близко*
подходить къ тому звуку, котораго тутъ желалъ Моцартъ; слѣдовало бы
непремѣнно отыскать настоящую манголину, а не переименовать мо-
цартовской инструментовки, въ пьесѣ, гдѣ мельчайшіе оттѣнки колорита
играютъ важную роль. Слѣдующій номеръ (№ 4 втораго акта) — арія
Донъ-Жуана подъ видомъ Лепорелло (они помѣнялись костюмами еще
во-время терцета съ Эльвирой). Эта арія — наставленіе, которое мни-
мый Лепорелло даетъ Мазетто и другимъ поселянамъ, какъ и гдѣ найти
злодѣя Донъ-Жуана, на котораго они такъ злы — арія почти вся «го-
воркомъ» на итальянскій ладъ, превосходно расказана г. Улыбышевымъ
(стр. 158, 159 III тома). Ее рѣдко исполняютъ на сценѣ, и если
исполняютъ, то *безъ особеннаго эффекта*, несмотря на изумительную
красоту музыкальныхъ подробностей. Причина холодности впечатлѣнія,
какъ мнѣ кажется, въ отсутствіи репликъ Мазетто и хора мужи-
ковъ. Нѣмой игры ихъ (въ томъ случаѣ, еслибъ статисты безъ
рѣчей задумали *играть!*) недостаточно для такой одушевленной сцены,
вызывающей, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, не *арію*, а цѣ-
лый *motseu d'ensemble*. Опять одна изъ странностей этой оперы!
Для того, чтобъ показать, что и самъ Моцартъ при концѣ своей дѣя-
тельности сознавалъ, что когда на сценѣ горсть, или толпа людей,
волнующихся однимъ и тѣмъ же чувствомъ, музыка *непремѣнно* тре-
буетъ хора (*хоть самаго лаконическаго*);—я напому его же оперу
«Волшебную Флейту»: тамъ вездѣ, гдѣ участвуетъ народъ, толпа, всег-
да есть реплики для *хора* (иногда одна, двѣ фразы, какъ напримѣръ,
въ первомъ финалѣ, въ сценѣ съ негромъ).

Оставшись глупо съ Мазетто, мнимый Лепорелло его обезбружи-

васть, опрокидываетъ, осыпаетъ ударами и оставляетъ на землѣ чуть не за-мертво. Но Мазетто живъ, онъ реветъ отъ боли, зоветъ кого-нибудь на помощь. Приходитъ Церлина, и осмотрѣвъ его ушибы, обѣщаетъ исцѣлить его своею любовью. Обѣщаніе это уже само по себѣ бальзамъ—и вотъ смыслъ аріи Церлины: *vedrai carino* — (Andante $\frac{3}{8}$ въ типическомъ тонѣ наивности и простодушія C dur). Я говорилъ уже о значеніи этой аріи для характера Церлины. Здѣсь прибавлю, что очаровательно-граціозная мелодія, безконечная красота и правда всѣхъ подробностей, однимъ-словомъ моцартовская гениальность, которая дышетъ здѣсь въ каждой нотѣ, увлекла восторженнаго комментатора въ области «собственнаго» лиризма, — за тридцать земель отъ партитуры. Г. Улыбышевъ видитъ въ этой чудесной аріи образецъ музыки *свыше-драматической* (*musique superdramatique*?) «Слушая эту арію», говоритъ онъ «забываешь текстъ, забываешь сцену, (хорошъ былъ бы Моцартъ, еслибъ *такой* результатъ былъ его поэзіи!) пѣтъ больше передъ вами ни Церлины, ни Мазетто. Душѣ говоритъ здѣсь что-то всеобщее, безконечное, абсолютное, истинно-божественное. Это брачная пѣнь (*chant nuptial*) *для всего, что любитъ въ мірѣ*, пѣнь, созданная въ томъ же духѣ всеобщности (*universalité*) какъ Шиллерова ода «къ радости» (?)....» Все это и много еще другихъ диковинокъ, на цѣлыхъ двухъ страницахъ (160 и 161 III тома), быть-можетъ, для иныхъ и не лишено поэзіи, но — къ дѣлу ни мало не относится. Въ объективномъ художникѣ Моцартѣ, во всей натурѣ его не было ничего сходнаго съ лиризмомъ Шиллера, которому самая родственная параллель въ музыкѣ — лиризмъ Бетховена. Моцартъ живописалъ *данныя текстомъ* лирическія положенія, переселяясь совершенно, погружаясь глубоко въ созданный имъ характеръ, и *никогда не выводилъ* этихъ индивидуальностей въ сферу *всеобщаго лиризма*. Приписывать ему цѣли, болѣе или менѣе абстрактныя, проникнутыя рефлексією нашего времени, или романтизмомъ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, значить рѣшительно исказить весь характеръ Моцартовской поэзіи. Это опять Моцартъ въ маскарадномъ платьѣ. Только *цветныя очки* г.г. комментаторовъ позволяютъ видѣть «супердраматизмъ» тамъ, гдѣ все проникнуто живою, животрепещущею правдою самаго натурального чувства; только эти радужныя стеклышки видятъ *въ Церлинѣ не Церлину*, въ ея аріи — *не ея арію*, въ Моцартѣ *не Моцарта!* Можно, пожалуй, по случаю каждаго благозвучнаго, или диссонирующаго аккорда, подъ чарующимъ вліяніемъ самихъ звуковъ—исписать цѣлыя тетради нескончаемыми диорамами, выражая цвѣтущимъ слогомъ все, что придетъ въ голову по случаю этихъ звуковъ,—но будетъ ли этотъ собственный нашъ

лиризмъ изъясненіемъ, *истолкованіемъ* гениальной музыки, будетъ ли это хоть сколько-нибудь согласно съ тѣмъ, чего хотѣлъ ея авторъ? Именно такого рода «лирическія изліянія», какъ въ приведенныхъ страницахъ г. Улыбышева, даютъ совершенно ложное понятіе о предметѣ, и ихъ нелегко согласить съ строгостью серьезнаго критическаго труда.

Послѣ аріи Церлины переменна декорация для знаменитаго секстета и двухъ аріи, а нисколько не по внутренней необходимости сюжета. Я намекалъ уже на безтолковость текста въ этомъ случаѣ. Еще разъ теперь остановлюсь на этой безтолковости, которая очень вредитъ не музыкальному, конечно, а «драматическому» впечатлѣнію цѣлаго знаменитѣйшаго нумера—секстета. *Гдѣ, въ какое время и для чего* собрались вмѣстѣ всѣ три пары дѣйствующихъ лицъ? Если Дона-Анна, въ отсутствіи жениха и факельщиковъ, была на гробницѣ Командора (какъ предполагаетъ г. Улыбышевъ, т. III, стр. 165) то почему жъ не пояснить этого зрителямъ хоть однимъ словечкомъ, а заставлять ихъ придумывать разныя гипотезы для объясненія связи сценъ? Притомъ же рѣшительно не видно *времени* дѣйствія — сутки одни, или цѣлый годъ прошелъ со дня убійства отца Доны-Анны? — Въдѣ успѣли же ему поставить мраморную статую.

Взглянемъ на самую драматическую задачу секстета. Лепорелло, переодѣтый въ Донъ-Жуана, по приказанію барина, успѣлъ костюмомъ своимъ обмануть слишкомъ довѣрчивую Дону-Эльвиру, и теперь собирается улизнуть отъ нея; между тѣмъ приходятъ Дона-Анна съ своимъ женихомъ (откуда? куда? для чего?); несмотря на *свѣтъ факеловъ* (*di molte faci il lume s'avvicina*, — речитативъ Лепорелло передъ началомъ секстета) несмотря на длинныя реплики Дона Оттавіа и Доны-Анны, Лепорелло все еще не нашелъ двери (?), при самомъ сильномъ желаніи избавиться отъ Доны-Эльвиры и убѣжать отъ объясненія всей мистификаціи; онъ медлитъ какъ-будто нарочно для того, чтобъ попасть навстрѣчу Мазетто и Церлинѣ, вездѣ отыскивающимъ того дьявола, который прибилъ Мазетто. Всѣ вмѣстѣ, по случаю полу-темноты, если предположить, что слуги Доны-Анны съ факелами удалились, принимаютъ Лепорелло за Донъ-Жуана по платью; всѣ четверо грозятъ мнимому Донъ-Жуану смертію; Эльвира хочетъ его защитить просьба-

ик о помилованіи, и только одна низость Лепорелло, съ которою самъ онъ, на колѣняхъ ползая передъ всѣми, молитъ о пощадѣ — изобличаетъ наконецъ осла подъ львиною кожею. Общее изумленіе! Всѣ:

Mille torbidi pensieri
Mi s'aggiran per la testa

Всѣ кромѣ Лепорелло.

Лепорелло.

Che giornata, o Dei è questa
Che impensata novità (?)

Se mi salvo in tal tempesta
E un prodigio in verita.

Трудно найти во всемъ этомъ необходимую органическую связь съ цѣлымъ оперы и логическую толковость, уже не говоря о мелкихъ несообразностяхъ и ненатуральностяхъ. Невольно подумаешь, что вся эта сцена придумана либреттистомъ въ угожденіе Моцарту, желавшему гдѣ-нибудь въ срединѣ оперы помѣстить большой секстетъ, въ которомъ бы волновались чувства печали, любви, страха, испуга, — въ которомъ бы угрозы, просьбы о помилованіи перемежались съ недоумѣніемъ, удивленіемъ, однимъ-словомъ искавшему богатой канвы для широкой вокальной симфоніи въ шесть голосовъ, въ родѣ заключительнаго септета въ первомъ фивалѣ «Фигаро», но съ бѣльшимъ разнообразіемъ душевныхъ движеній. Либреттистъ «Донъ-Жуана» состряпалъ все это, кажется, слишкомъ на сборную руку; Моцартъ остался доволенъ богатѣйшимъ полемъ для музыки, не вникая въ дальнѣйшія соображенія. Забудьте теперь, что на этотъ несовсѣмъ-толковый текстъ создана такая удивительная музыка, отвлекитесь отъ знаменитаго *Моцартовскаго* секстета, прочитайте эту сцену только въ текстѣ, и вы убѣдитесь, что ее *всю* отъ начала до конца *можно выбросить*, безъ малѣйшаго вреда для хода пьесы, которая здѣсь въ дѣйствіи не подвигается ни шагъ. Въ оперѣ было бы только однимъ большимъ *orgseau d'ensemble* меньше. Тогда какъ, напримѣръ, невозможно выпустить ни терцета 2-го акта, ни квартета (*non ti fidar*) въ 1 актѣ, не разрушивъ всего зданія оперы. Секстетъ въ *Nozze di Figaro* (въ III актѣ партитуры, сцена контракта Марчелины), признаваемый г. Улыбышевымъ за весьма невыгодный текстъ для музыки, — безъ сомнѣнія, не такое раздолье для композитора, какъ эта сцена *en quiproquo* въ «Донъ-Жуанѣ», зато имѣетъ передъ нею очень важное достоинство: она составляетъ необходимое звено въ цѣломъ пьесы, ее *нельзя* выпустить, не исказивъ смысла; въ ней несравненно больше логики и сценическаго ума.

Г. Улыбышевъ, нимало не затрудняясь безтолковостью секстета въ «Донъ-Жуанѣ», со стороны текста, приписываетъ даже этой сценѣ ка-

кой-то важный, таинственный смысл (какъ увидимъ дальше) и разбираетъ этотъ знаменитый нумеръ съ особенною любовью (*con amore*) потому-что вмѣстѣ съ Кастиль-Блазомъ (весьма неудачнымъ французскимъ музыкантомъ и критикомъ) признаетъ этотъ секстетъ за «*высшее созданіе человеческого интеллекта въ дѣлѣ музыкальной, лирико-драматической поэзіи*» (!) Въ опроверженіе такого безмѣрнаго панегирика можно бы сказать очень много, безъ малѣйшей несправедливости къ чудесамъ музыки Моцарта въ этомъ секстетѣ, можно бы привести бездну примѣровъ музыкальныхъ созданій самого же Моцарта—въ томъ же «*Донъ-Жуанѣ*» и въ другихъ операхъ, которыя по красотѣ и правдѣ, по геніальности музыки нисколько не уступятъ секстету, а въ *толковости*, въ *смыслѣ* сцены, безъ сомнѣнія, его перетянутъ. Но мнѣ кажется, и безъ подобныхъ опроверженій видно, что такая оцѣнка секстета принадлежитъ къ гиперболамъ панегириста. Притомъ же я считаю необходимымъ указать здѣсь еще *два* заблужденія г. Улыбышева, касательно этого же секстета. Еще не видавъ партитуры, не слыхавъ музыки, только прочитавъ текстъ, всякій найдетъ, что въ цѣломъ нумерѣ этомъ главную, т. е. самую *рельефную* роль играетъ Лепорелло. Въ партитурѣ это очевидно. Лепорелло тутъ чуть ли не въ апогеѣ своей огромной роли,—п этимъ можно бы даже оправдать необходимость этой сцены для пьесы, еслибъ не было многихъ другихъ моментовъ въ оперѣ, гдѣ характеръ Лепорелло выказывается со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Здѣсь, въ секстетѣ, на немъ постоянно сосредоточивается и музыкальный и драматическій интересъ. Кризисъ *Andante* составляютъ *его* мольбы о пощадѣ (*perdon, perdono, signori miei*); въ *Allegro onz' odinez* постоянная *contrepartie* пятиголоснаго хора остальныхъ лицъ, и такъ до самыхъ заключительныхъ тактовъ («*заключительными*» я здѣсь называю послѣднее большее сплетеніе голосовъ въ одну группу, начинающееся еще за 49 тактовъ отъ послѣдняго аккорда секстета). Что бы казалось яснѣе этого для всѣхъ на свѣтѣ глазъ и ушей? Но *цветныя* очки опять помѣшали видѣть, что происходитъ на самомъ дѣлѣ. Г. Улыбышевъ, всѣми силами стараясь сдѣлать изъ *Доны-Анны* постоянную ось и драматизма и музыки въ цѣлой оперѣ, стараясь выставить одну Дону-Анну *вездѣ* главнымъ дѣйствующимъ лицомъ изъ всего персонала оперы, однимъ-словомъ «героиней» пьесы (какъ напримѣръ Альцеста въ «*Альцестѣ*» Глюка или Армида въ его же «*Армидѣ*»),—г. Улыбышевъ говоритъ прямо (стр. 167 III тома), что музыка въ *Allegro* секстета принимаетъ патетическій оборотъ именно оттого, что здѣсь парцей всего драматическаго положенія — патетическая личность *Доны-Анны*. Гдѣ это

въ самой партитурѣ? Въ неподражаемомъ Andante секстета — печаль, «трауръ» Доны-Анны выражены очень рельефно, но Дона-Анна здѣсь не болѣе на первомъ планѣ, какъ и Донъ-Оттавіо, ее утѣшающій, не болѣе чѣмъ Эльвира и Лепорелло, которые «открываютъ» весь нумеръ, и гораздо важнѣе Доны-Анны для «перелома» сцены. Въ Allegro—съ одной стороны трусость Лепорелло, съ другой — общее чувство негодованія всѣхъ пятерыхъ противъ Донъ-Жуана и чувство изумленія отъ помысловъ его проказъ. Всѣ индивидуальности характеровъ, кромѣ Лепорелло, сливаются тутъ въ одну сплошную, чудесную вокальную массу, въ которой красота музыки нѣсколько важнѣе даже драматизма. Музыкальный интересъ въ этомъ случаѣ выдвинулся у Моцарта, быть-можетъ, *слишкомъ* на первый планъ. Про общее впечатлѣніе отъ Allegro секстета можно сказать, что оно ни комическое, ни серьезно-лирическое, *а и то и другое вмѣстѣ*, и — восхитительно, какъ случается очень часто въ музыкѣ, и именно въ музыкѣ Моцартовой. Припомните, напримѣръ, 1-й финаль въ Nozze di Figaro: онъ тоже не заставитъ васъ ни хохотать, ни плакать, но прольетъ въ душу цѣлый потокъ наслажденія.

Другое замѣчаніе касательно *произвола* въ толкованіи г. Улыбышева и невѣрности его комментарія съ партитурой секстета, я могу сдѣлать понятнымъ только для тѣхъ читателей, которымъ хорошо знакомы техническіе приемы *фактуры* музыкальной, для тѣхъ, кто вникалъ въ внутренній скелетъ большихъ полифоническихъ музыкальных пьесъ (особенно-вокальных).

Еще Керубини сказалъ, что каждое многоголосное сочиненіе должно имѣть внутреннюю основу «фуги», должно быть «фугою въ скелетѣ». Одинъ изъ законовъ фуги большее и большее контрапунктное сжиманіе, стѣсненіе голосовъ, особенно *около конца* пьесы (*stretto finale*). Этотъ законъ какъ нельзя болѣе примѣнимъ къ такимъ *morceaux d'ensemble* мастерской оперной фактуры, которые всѣ выстроены контрапунктически, въ которыхъ, какъ именно въ Allegro секстета, даже самая начальная мысль очень похожа на тѣму (сюжетъ) фуги, или фугато. Далѣе: общій веѣмъ искусствамъ законъ контрастовъ и столько же общій законъ нарастанія интереса (въ искусствахъ «времени») требуютъ, чтобы въ музыкѣ, передъ громкимъ шумнымъ, блѣстящимъ tutti (*le coup de fouet*, какъ называетъ Рейхъ) гармоническая полнота на минуту сдѣлалась нѣсколько кротче (*plus douce*), прозрачнѣе, какъ-будто отдыхъ передъ послѣднимъ напоромъ всѣхъ силъ. На основаніи всѣхъ этихъ законныхъ, органическихъ требованій музыкальной фактуры, требованій, отъ которыхъ образцово — *правильный* Моцартъ, при всей свободѣ

вдохновенія, не отступалъ почти никогда,—на основаніи всего этого, въ секстетѣ «Донъ-Жуана», послѣ большаго контрапунктнаго сплетенія голосовъ (сперва на тоникѣ въ скрипкахъ и рогахъ, съ конца № такты 49—44, потомъ на доминантѣ въ басахъ, такты 43—40) послѣ этого большаго стретто и еще одного развитія главной мысли, (слѣдующіе 12 тактовъ, отрывистые аккорды голосовъ на стаккато скрипокъ) Моцартъ еще разъ, передъ заключеніемъ, сплелъ все голоса въ одинъ контрапунктическій клубокъ, и для контраста (передъ *coup de fouet ff*) вокальную массу освободилъ отъ оркестра вовсе (кромѣ легкой поддержки въ духовыхъ). Эффектъ этихъ 8 тактовъ *piano* очаровательно-воздушень и чрезвычайно рельефенъ передъ «массивнымъ» заключительнымъ *tutti* *.

Послушайте теперь г. Улыбышева: «Но чья невидимая «рука приостановила оркестръ? Ритмъ какъ будто исчезъ», (ритмъ совершенно тотъ же какъ и 16 тактовъ раньше, при *первомъ stretto*; Моцартъ всегда симметриченъ) «вокальныя партіи развертываются и сплетаются въ одно и тоже время, какъ-будто рождаются одна изъ другой, и сочетаются въ воздухѣ случайно, какъ звуки эоловой арфы» (довольно вѣрная картина воздушности этого эффекта, чисто-музыкальнаго). Все это въ 8 тактахъ *Allegro* мелькнетъ въ нѣсколько секундъ. Небеса разверзнутся и тотчасъ же опять закрываются (?!). Гораздо раньше того возраста, когда начинается развиваться критическое пониманіе искусства, мнѣ всегда казалось, что въ этомъ мѣстѣ секстета происходитъ что-то чрезвычайное, сверх-естественное, въ области невидимаго (?) Теперь, я убѣжденъ (*j'ai la conviction*), что музыкальный инстинктъ моего дѣтства отгадалъ обдуманное или, быть-можетъ, столько же инстинктивное намѣреніе Моцарта. Да! (слушайте, слушайте!) *это душа Командора (!?) коснулась насъ своимъ дыханіемъ. Отецъ Дона-Анны покинулъ звѣздныя пространства, устремилъ полетъ свой къ гробницѣ, гдѣ покоится его прахъ, и пролетая, ниспослалъ благословеніе своей дочери. (!?)* Вся (?) самая глубокія, самая ускользающія отъ анализа тонкости гармонія, контрапункта и канона (т. е. просто-на-просто «задержанія и имитациа») очень незамысловатыя въ теорети-

* Въ 1-мъ финалѣ *Nozze di Figaro*, въ послѣдней его части, секстетъ—тоже *Es dur*, тоже $\frac{4}{4}$ и съ точно тою же оркестровкой, какъ *Allegro* секстета въ «Донъ-Жуанъ» — при самомъ концѣ финала, передъ *prestissimo*, есть много вокальныхъ выходовъ, точно такихъ же воздушныхъ по эффекту, хотя, конечно, сама музыка, при всей *родственности*, совершенно другая, какъ ея поэтическое намѣреніе. Повторю, что эти замѣчанія я пишу для «знающихъ дѣло», слѣдовательно, не боюсь входить въ подробности, для не-музыкантовъ непонятныя.

тескомъ отношеніи) собраны въ эти восемь тактовъ, для того, чтобъ выразить, воплотить это соприкосновеніе съ міромъ невидимымъ. Скорѣй — послѣ этого къ концу; заключеніе шумное, блистательное, которое напомнило бы и намъ нѣсколько, что мы въ итальянской оперѣ (?!). Надо, чтобъ вся публика захлопала; маэстро хочетъ быть награжденъ за все труды свои. (?!?)»

И такъ по случаю воздушнаго эффекта голосовъ—опять маскарадъ! Подъ перомъ г. Улыбышева Моцартъ является здѣсь въ костюмѣ сентиментальнаго романтика Карла-Маріи Вебера. Эти выраженія въ воздушныхъ звукахъ, какъ ихъ поясняетъ г. Улыбышевъ, чрезвычайно напоминаютъ «Largo» въ увертюрѣ и въ одной сценѣ «Эврипиды», гдѣ композиторъ стремился выразить сверхъ-естественныя вліянія тѣни Эммы и всю безтолковую, таинственную исторію съ ея кольцомъ. Но Моцартъ?—Какъ неизмѣримо далекъ онъ отъ всехъ этихъ туманныхъ «фантастико-романическихъ» ухищреній, изобрѣтенныхъ и бывшихъ въ большой модѣ лѣтъ тридцать послѣ его смерти, — въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка. Нѣтъ! «музыкальный инстинктъ дѣтства» г. Улыбышева, подъ вліяніемъ моднаго тогда романтизма, на этотъ разъ рѣшительно обмануль г. комментатора. Еслибъ Моцартъ желалъ въ сценѣ секстета «напомнить» тѣнь Командора, онъ сдѣлалъ бы это *непрерывно* звуками, «похожими» на тѣ сцены, гдѣ участвуетъ Командоръ, — и тогда вся музыка секстета приняла бы совсѣмъ другой оборотъ. Только *такими* средствами музыка можетъ связывать идеи, говорить уму черезъ воображеніе. Въ партитурѣ «Донъ-Жуана» бездна примѣровъ такихъ поэтическихъ «напоминаній» (Andante увертюры и сцена статуи за ужиномъ, — борьба Донъ-Жуана съ тѣнью Командора и сцена поединка въ интродукціи, почти постоянный D moll—тонъ траура, и особый характеръ музыки въ рельефныхъ репликахъ Доны-Аниы во все теченіе пьесы — и такъ далѣе); но все это всегда въ самой близкой, непосредственной связи съ сценическимъ дѣйствіемъ, тѣми лицами, которыя на ту минуту передъ зрителемъ. Слишкомъ забавно было бы, имѣя въ виду «единство намѣренія», «единство мысли», искать таинственныхъ указаній на тѣнь Командора, напримѣръ, въ аріи каталога, или въ сценахъ Церлины съ Мазетто. Участіе тѣни Командора, ни съ того, ни съ сего, *въ концѣ секстета* — немногимъ болѣе *кстати*. Вотъ эстетическое опроверженіе произвольнаго фантастическаго толкованія, для гѣхъ, кого не убѣдятъ подробности фактуры и ихъ симметричность, о чемъ я уже сказалъ. А не замѣчать, что вдохновеніе Моцарта всегда воплотило *оригинально*, приписывать ему, напримѣръ, желаніе вызвать аплодисменты (будтобы) окончаніемъ секстета, — не догадываться, что тутъ

не ви́шній произволь художника, а внутренняя, органическая потребность *самой сочиняемой вещи*, — значить превратно понимать и Моцарта и всю художественную дѣятельность вообще. Все дѣло въ томъ, что г. Улыбышевъ старается видѣть во всей оперѣ гораздо *больше того*, что въ ней есть — «une action occulte et idéale, infiniment supérieure à l'action matérielle qu'on a devant les yeux (стр. 89, III тома)». «Нѣтъ ни одного слушателя въ публикѣ», говоритъ г. Улыбышевъ тамъ же — «слушателя съ кое-какимъ поэтическимъ толкомъ (doué de quelque intelligence du beau et du vrai poétique) «который бы не увидѣлъ во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ этой оперы *совсѣмъ другихъ людей, противъ того, чѣмъ они кажутся* (tout autres que ce qu'ils paraissent être) (?)».

Авторъ этой статьи скорѣе согласенъ, по рѣзкому приговору г. Улыбышева, («нѣтъ ни одного слушателя», и такъ далѣе) отказать себѣ въ малѣйшей способности понимать правду и красоту въ поэзии, чѣмъ видѣть «невидимое» и слышать «неслышимое», рискуя навязать Моцарту такія диковинки, которыя ему и не снились. Публикѣ долженъ быть дорогъ Моцартъ, должна быть дорогá его безсмертная опера «Донъ-Жуанъ», а не наши собственные фантазіи.

Обратимся опять къ партитурѣ. Продолженіемъ секетета (этой безподобной музыки на несовсѣмъ толковую сцену) служить арія Лепорелло (№ 7 втораго акта, Allegro assai, G-dur $\frac{4}{4}$), гдѣ онъ оправдывается передъ всѣми обвинителями по очереди.

Я не пишу полнаго разбора красотъ «Донъ-Жуана», потому не оставлю вашего вниманія на подробностяхъ этой мастерской аріи (ah pietá, signori miei. Пожалѣю только, что никогда не слышалъ ея въ исполненіи, такъ какъ на театрѣ ее всегда выпускають. Быть-можетъ, на основаніи того, что одно и то же драматическое положеніе тянется въ-самомъ-дѣлѣ черезчуръ долго. Лепорелло, переодѣтый въ платье барина, вынужденъ своею особою отвѣчать за его проказы. Дѣйствіе драмы ни отъ секетета, ни отъ аріи не подвигается ни на шагъ. Мнѣ кажется, что трудно видѣть въ этомъ — достоинство въ планѣ оперы и сплетеніи ея сценъ.

Еще больше выказываются эти недостатки въ слѣдующемъ нумерѣ знаменитой аріи тенора: «il mio tesoro». Безъ всякаго сомнѣнія, арія эта достойна всѣхъ возможныхъ панегириковъ, что касается до *красоты* самой музыки, — но строгая критика, какъ я ее понимаю, въ оперной аріи должна некать многого другаго, кромѣ красоты звука и согласности съ текстомъ, въ *общемъ* характерѣ, въ общемъ колоритѣ музыки. Постараюсь объяснить все дѣло по порядку. Лепорелло, послѣ своей аріи

(G-dur), о которой я сейчас говорил, убѣждалъ такъ быстро, что Мазетто сказалъ про него: «у разбойника точно крылья на ногахъ» (i birbo ha l'ali ai piedi).

Въ числѣ добавочныхъ нумеровъ (написанныхъ Моцартомъ для вѣнской сцены) есть дуэтъ Церлины съ Лепорелло, непосредственно связанный со сценою, о которой идетъ рѣчь (№ 4 C-dur, $\frac{4}{4}$ съ предшествующимъ довольно большимъ *recitativo secco*). — Церлину удалось какъ-то снова поймать Лепорелло и она (въ отсутствіи другихъ лицъ) привязываетъ его къ стулу (?) Онъ хочетъ вырваться, потомъ, послѣ неудачныхъ попытокъ, проситъ Церлину о помилованіи, — она и слушать не хочетъ о пощадѣ, и торжествуетъ, что ей удалось такъ ловко его наказать. (?) (Въ этомъ *vese* дуэтъ, довольно большой). Потомъ Церлина уходитъ, а Лепорелло между-тѣмъ, съ помощію какого-то крестьянина (*contadino*), какъ сказано въ речитативѣ, слѣдующемъ за дуэтомъ, — освобождается отъ своихъ оковъ (веревокъ?) и опять убѣгаетъ, на этотъ разъ уже окончательно.

Когда Церлина привела Дону-Эльвиру, чтобъ похвастать своимъ плѣнникомъ, плѣнника и слѣдъ простылъ, и они обѣ, въ досадѣ собираются идти къ Дону-Оттавіо (?) рассказать ему все, въ той надеждѣ, что онъ расправится какъ слѣдуетъ съ Лепорелло и съ его злодѣемъ, бариномъ.

Очевидно, что большаго толка во всей этой прибавочной, вставной сценѣ и искать не слѣдуетъ. Это какъ-будто смѣтано «на живую нитку». Но почти также несвязно, также расшито (*décousu*) дѣйствіе оперы въ этомъ мѣстѣ и *безъ* этой прибавочной сцены (которая, еслибы исполнялась, еще болѣе бы растягивала ходъ пьесы, и всегда казалась бы совершенно лишнею). Безтолковость, о которой я говорилъ по случаю секстета, продолжается и послѣ него въ двухъ сценахъ. Послѣ реплики Мазетто (о крыльяхъ на ногахъ Лепорелло) говоритъ Оттавіо: «Теперь, друзья, (обращаясь, вѣроятно къ Церлинѣ и Мазетто) послѣ «всѣхъ этихъ преступленій (*dopo eccessi sì enormi*) мы не можемъ болѣе сомнѣваться что Донъ-Жуанъ—убійца отца Дону-Анны: останьтесь на нѣсколько времени *здѣсь* (*in questa casa* — гдѣ? у кого?)... я прибѣгну къ содѣйствію кого слѣдуетъ (алгвазиловъ что-ли?) и чрезъ нѣсколько мгновений всѣ вы будете отмщены; того требуютъ долгъ, состраданье, любовь (*dover, pietade, affetto*)». Начинается арія. «Между-тѣмъ, вы (обращаясь, какъ должно догадываться, къ Эльвирѣ) «идите «утѣшать Дону-Анну, осушите ея слезы, скажите ей, что я иду отмстить ея обиду». — На этой, весьма небогатой, какъ видите, канвѣ, и весьма неопредѣленно, неловко набросанной, Моцартъ выстроилъ

блестительно-виртуозную арію, во вкусѣ чисто итальянской бравуры. Такимъ оборотомъ музыки объясняется, по моему мнѣнію, расшитость, натянутость сцены. *Вопросъ*: «Къ чему вся эта сцена?» *Отвѣтъ*: «къ тому, чтобъ дать тенору большую арію, гдѣ бы онъ могъ блеснуть своимъ голосомъ и умилить пѣть». Вотъ почему Моцартъ никакого вниманія не обратилъ на то, что Допа-Анна сію минуту была сама на сценѣ (въ секететѣ). И для чего-жъ она ушла? для чего Оттавіо, всегда съ нею неразлучный, не провожаетъ ее, тогда какъ дѣло идетъ ночью? — Для чего онъ остался съ Эльвирою, Церлиною и Мазетто? И эти лица для чего тутъ мелькаютъ передъ зрителемъ? Что ходъ всей пьесы выигрываетъ отъ этой сцены? — Либретто не отвѣтитъ на эти вопросы, — музыка — тѣмъ менѣе, а между тѣмъ занимаемость, планъ пьесы крѣпко страдаютъ. Забудьте на время о Моцартовой музыкѣ этой аріи, и вы должны будете согласиться, что текстъ всего этого вмѣстѣ точно такая же плоская риторическая пошлость, какъ во многомъ множествѣ дюжинныхъ либретто «серьезныхъ» итальянскихъ оперъ (*opera seria*), очень похожихъ на концерты въ костюмахъ. Гдѣ тутъ смыслъ, гдѣ тутъ характеры, гдѣ натура, которыхъ каждый «въ наше время» въ правѣ требовать отъ «лучшаго» произведенія Моцарта, отъ «первѣйшей оперы въ свѣтѣ» (какъ увѣряютъ панегиристы)

Въ глазахъ безпристрастной, строго-логической критики, въ наше время, угожденіе вкусамъ той части публики, которая въ оперѣ не ищетъ ничего другаго, кромѣ наслажденій «орекіантизма», это «поблаженіе меломанамъ» — недостойно вышнихъ цѣлей искусства, и художникъ, допустившій такое поблаженіе въ свою оперную музыку, въ «ущербъ» драматической правдѣ, *никакъ не свободенъ отъ упрека*, хотя бы музыка бравурная, виртуозная была даже такъ очаровательно-красива, какъ арія «*il mio tesoro*»; — хотя бы художникъ провинившійся былъ — Моцартъ.

Я знаю, что не только «большинству» читателей, — въ томъ случаѣ, если мои статьи могутъ разсчитывать на какое-нибудь «большинство!» — но даже многимъ записнымъ музыкальнымъ знатокамъ и критикамъ такая «смѣлая» сентенція съ моей стороны покажется черезчуръ педантски-исключительною. Это потому, что вопросъ о степени допущенія «виртуозности» въ музыку, написанную для театра (и въ «истинную» музыку вообще) еще и въ наше время далеко не рѣшенъ окончательно, даже между иными критиками.

Вотъ, напримѣръ, какъ г. Улыбышевъ говоритъ объ этомъ самомъ предметѣ, рассказавъ о знаменитой въ дѣтонисахъ музыки войнѣ глу-

кистовъ съ пиччинистами. (Т. II, стр. 126 и слѣдующія) «Тогдашніе меломаны (то-есть въ 1774 и слѣд.) предпочитали Пиччини Глуку, въ-слѣдствіе убѣжденій, которыя всегда рѣшаютъ дѣло въ такихъ случаяхъ, въ-слѣдствіе резонновъ, которыя давно уже убили музыку итальянскаго маэстро и сохранили до нашего времени — оперы Глука. Пиччини давалъ исполнителямъ гораздо больше свободы, больше случаевъ выказаться, употреблялъ мелодическія формы и обороты, согласныя съ *моднымъ* европейскимъ вкусомъ того времени. Глукъ, съ особенною ревностью, нарочно отбросилъ въ своей музыкѣ все эти условныя формулы, потому-что онѣ не могли согласоваться съ психологическими намѣреніями, или съ драматическою «правдою», къ которой одной онъ постоянно стремился во всѣхъ трудахъ своихъ. Отъ этого, для дилеттантовъ онъ казался не столько *приятель*, не столько *современенъ*, какъ Пиччини.

«Таковъ всегда бываетъ перевѣсъ художниковъ, принадлежащихъ одному времени, одной эпохѣ, представителей современнаго вкуса, — передъ художниками *для всѣхъ временъ*».

«Но и теперь расиря глукистовъ и пиччинистовъ еще продолжается: обѣ партіи, какъ и убѣжденія, которыхъ онѣ представители, живутъ еще, хотя подъ другими именами. Въ самомъ-дѣлѣ обѣ стороны отвѣчаютъ такимъ интеллектуальнымъ потребностямъ, которыя ни исключить, ни побѣдить другъ-друга не могутъ. (?) Кто любитъ вмѣстѣ сцену и музыку, кто желаетъ забыть пѣвца въ представляемомъ имъ дѣйствующемъ лицѣ оперы, тотъ идетъ слушать Глука и его законныхъ преемниковъ: Мегюля, Керубини, Спонтини, Вебера, даже Мейербера» (прошу не забыть, что это слова г. Улыбышева)... «въ такихъ операхъ постоянно занята и душа, и умъ,—и воображеніе слушателей, это наслажденіе параллельно наслажденію отъ драматическихъ представлений вообще. Но не ищите ничего подобнаго въ итальянской *opera seria*—написанной на либретто, заплаченное «*dieci scudi*», да и тѣхъ не стоющее. Въ замѣну (*en revanche*) вы тутъ найдете пѣвцовъ, которымъ платятъ по восьмидесяти тысячъ франковъ въ годъ, и которые не получили бы и четверти этой суммы, еслибъ выказывали *свою виртуозность только въ такой мѣрѣ, какъ этого требуетъ характеръ или драматическое положеніе лица, или исполняемаго*. Такіе виртуозы, надо сознаться, дѣйствительно такъ высоко стоятъ въ своемъ дѣлѣ, что для пѣвца, для пѣвицы, мы готовы совершенно забыть и пьесу, и ея дѣйствующихъ, и что даже досадно бы видѣть театральную иллюзію, еслибъ она слишкомъ рѣзко стала между виртуозомъ и публикой. Слушать пѣвцовъ, которые дошли до высшаго

предѣла въ механизмѣ и въ эстетической (?) сторонѣ своего искусства; это опять — своего рода наслажденіе сильное, такое сильное, что его охотно покупаютъ самую дорогою платою. Изъ двухъ весьма несходныхъ между-собою родовъ наслажденія можно *ad libitum* предпочитать любой, согласно вкусу или убѣжденію (*par gout ou par principe*); но мнѣ кажется, что можно *помириться на томъ*, чтобы любить и то, и другое, и тѣмъ и другимъ наслаждаться попеременно (*alternativement*).

Нельзя не согласиться, что приведенныя строчки г. Улыбышева выражаютъ очень вѣрно «сущность» спора о перевѣсѣ итальянской музыки надъ такъ-называемою «нѣмецкою» (куда и Моцартъ съ Глюкомъ относятся). Нельзя не согласиться также, что предлагаемое г. Улыбышевымъ «примиреніе» партій (чего по собственному его признанію онъ и самъ держится по личному своему вкусу) въ «настоящемъ» положеніи дѣла принято большинствомъ даже самыхъ просвѣщенныхъ любителей (*les francs melomanes*, какъ ихъ называетъ г. Улыбышевъ, въ отличіе отъ исключительныхъ приверженцевъ той или другой партіи — *les exclusifs*). Но эту умѣренную «терпимость» въ такомъ дѣлѣ, противъ котораго критика должна вооружаться всѣми силами, слѣдуетъ отнести къ доказательствамъ «*ad hominem*». Это «уступка» (*concession*) существующему порядку вещей, а вѣдь есть огромная разница между-тѣмъ, «что и какъ бываетъ», и тѣмъ, *что и какъ должно быть*. Изъ словъ г. Улыбышева и изъ согласной съ ними «терпимости» просвѣщенныхъ меломановъ-эклетиковъ логическій выводъ только тотъ, что и въ наше время, то-есть *посль* Глука и Моцарта, драматическая правда и служеніе ей существуютъ *сами-по-себѣ*, а виртуозы и служеніе *ихъ* цѣлямъ — также *сами-по-себѣ*. Но развѣ такъ *должно* быть? Если же принять эту разрозненность *не за* необходимое почти (такъ глубоко вкоренившееся) зло, а за нѣчто имѣющее право гражданства въ искусствѣ, то мы придемъ къ такому результату, что и сами *оперы вообще* (въ наше время) должны, въ угожденіе меломанамъ-эклетикамъ, стремиться къ «примиренію» обѣихъ противоположныхъ школъ (итальянской виртуозности и сладкозвучности, и нѣмецкаго (?) серьезно-правдиваго драматизма). На такомъ основаніи, слѣдовательно, *первый* въ свѣтѣ герой опернаго дѣла будетъ — никакъ не Глукъ, который открыто воевалъ противъ малѣйшихъ уступокъ виртуозамъ, и не Моцартъ, который допускалъ эти уступки довольно рѣдко, только въ видѣ исключенія (для первыхъ *emploi*), а кто бы вы думали? — великій эклетикъ нашего времени: *Мейерберъ!* въ прекрасныхъ операхъ котораго, что называется «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ», «всего понемножку» всего «поровну»: — наряду съ разными глубокими нѣмецкими ухищреніями

ми — французская декламация и фривольно-комическія выходы, наряду съ какимъ-нибудь хоромъ, имѣющимъ притязаніе на серьезный драматизмъ-моднѣйшая бравурная арія съ цѣлымъ потокомъ фіоритуръ во вкусѣ Россини и его подражателей, и такъ далѣе. То-есть такъ, чтобъ были «и волки сыты, и овцы цѣлы». Есть люди, которые любятъ музыку только въ этихъ произведеніяхъ, гдѣ есть все на свѣтѣ; есть люди, которые еще вѣрятъ, что только «такія» оперы чрезвычайно близки къ оперному идеалу. Истинный приуриитель всего, что слѣдовало примирить въ музыкѣ оперной, остается, по нашему мнѣнію — Моцартъ, какъ и г. Улыбышевъ это хорошо развилъ въ цѣломъ своемъ сочиненіи. Но сквозъ исключительный энтузіазмъ къ своему герою ошъ не рѣшился увидѣть прямо, что уступки виртуозамъ—всегда болѣе или менѣе вредятъ цѣлomu оперы, удаляютъ ее отъ «правды драматической», и что Моцарта, можно, пожалуй, нѣсколько *извинить* въ этомъ случаѣ, если принять во вниманіе, что ему, въ его слишкомъ-короткой жизни, и безъ того много надо было воевать съ разными предразсудками и дурными привычками въ искусствѣ,—но—*извинить* не значить сдѣлать *правымъ*, не значить признать его непогрѣшительнымъ вполне; даже *и съ этой стороны*,—нельзя не видѣть, что онъ къ *цѣлomu* каждой своей оперы былъ несравненно менѣе строгъ, чѣмъ слѣдовало, меньше, чѣмъ, напримѣръ, Глукъ. — Подъ самый конецъ своей дѣятельности, Моцартъ во многомъ пришелъ къ «новымъ» противъ прежняго убѣжденіямъ. Плодомъ ихъ была прекрасная опера «Волшебная-Флейта», которую мнѣ придется сдѣлать въ-послѣдствіи предметомъ особой статьи, чтобъ выставить невѣроятную несправедливость къ ней г. Улыбышева. Теперь же, чтобы еще нѣсколько пояснить читателямъ, почему именно я считаю арію Донъ-Оттавіо «il mio tesoro» пятномъ въ Донъ-Жуанѣ, и въ отношеніи оперы *какъ пьесы*, и въ отношеніи даже самаго «стиля» музыки, — я сравню эту арію съ арією тенора же въ первомъ актѣ «Волшебной-Флейты». Мы видѣли, что *по тексту* арія «il mio tesoro»—рѣшительно hors-d'oeuvre, *ровно ничего* не прибавляетъ ни къ смыслу пьесы, ни къ *характеру* Донъ-Оттавіо, который уже вполне знакомъ намъ по первому дуэту съ Долой-Анной. Та же *безконечная* любовь къ царицѣ его сердца, та же готовность идти за нее въ огонь и въ воду. Мы видѣли, что арія эта точно такъ же могла быть помѣщена послѣ любой сцены перваго или втораго акта, какъ и послѣ сцены секстета. Музыка аріи очень красива, очень мелодична,—это роскошная, кристальная струя изъ того родника прозрачныхъ оперныхъ мелодій, изъ котораго черпали только Моцартъ, Чимароза и Россини. Красота здѣсь, конечно, моцартовская, но—общая ему съ лучшими изъ италіянцевъ, а не индивидуально моцартовская, нераз-

лучная съ глубочайшею правдою характера, какъ-напримѣръ, въ *batti, batti* — въ *vedrai carino*, въ квартетѣ *non ti fidar* и въ любомъ номерѣ «Волшебной-флейты». Г. Улыбышевъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, свой личный вкусъ, когда рѣшаетъ исключительно, что «*il mio tesoro*» самая изящная (?), самая блестящая, самая мелодичная и самая выразительная (?) *изъ всѣхъ на свѣтѣ*, ему извѣстныхъ теноровыхъ арій. (Г. II, стр. 240) Въ такомъ приговорѣ, по моему мнѣнiю, справедливо только одно: «*il mio tesoro*» изъ всѣхъ Моцартовскихъ теноровыхъ арій, быть-можетъ, самая «блистательная» для пѣвца, но въ глазахъ серьезной и безпристрастной критики, именно это намѣренiе сдѣлать ее *очень благодарною* для пѣвца, — сдѣлать ее виртуозною, *концертною* (какъ и многія другія аріи теноровъ и примадоннъ въ операхъ Моцарта, написанныхъ раньше «Волшебной-флейты»), сильно повредило всему «складу» аріи. Передъ вами постоянно *не* Донъ-Оттавіо, а «первый теноръ», щеголяющій руладами и долго протянутыми нотами верхняго регистра. Эта арія именно *для* тѣхъ пѣвцовъ, которымъ платять по сту тысячъ франковъ за одинъ оперный сезонъ, нисколько не заботясь объ ихъ игрѣ и вѣрности драматической; — тутъ имъ есть гдѣ выказаться, — оттого и арія эта раг ехсеріонъ противъ всей музыки Моцарта пользуется особенною благо-склонностью знаменитыхъ теноровъ. Они частенько удѣляютъ ей мѣстечко даже въ своихъ концертахъ (уже это одно признакъ ея плохой драматичности), а при исполненіи оперы «Донъ-Жуанъ» считаютъ себя *въ правѣ* пѣть едва слышно, даже просто молчать, почти во всѣхъ *могсеаих d'ensemble*, сберегая всѣ сокровища своего драгоценнаго горлышка для вождельной аріи въ второмъ актѣ, для своего «*cheval de bataille*». Такъ дѣлалъ Рубини, и подобная «логика» встрѣчается постоянно во всѣхъ оперныхъ виртуозахъ, — это результатъ ихъ взгляда на всю музыку, какъ на «подмостки» для ихъ великаго дѣла: голоса и умѣнья имъ владѣть.

Для контраста заглянемъ совсѣмъ въ особый міръ, въ который Моцартъ заставитъ васъ переселиться съ перваго звука своей оперы «Волшебная-флейта».

Юноша Тамино видитъ портретъ дѣвушки чудесной красоты, Памины, — видитъ, вглядывается, не можетъ отвести глазъ отъ чарующаго облика и влюбляется... Задача чрезвычайно проста, но столько же и полна поэзіи. Эта сцена (№ 4, въ первомъ актѣ: *Larghetto Es dur*) одна изъ главныхъ во всей пьесѣ — основа всей послѣдующей любви Тамино и Памины. Выпустите эту арію, и вся пьеса невозможна — это сцена *для сцены, для пьесы*, — а не для концертной теноровой аріи. Такъ и въ самой музыкѣ. И въ музыкѣ Тамино влюбляется. Вся оч-

рвательная постепенность этого чувства передана Моцартомъ съ безконечною «правдою». Оркестръ, самый скромный, самый деликатный, — волнуется вмѣстѣ съ Тамино, рисуетъ все переливы его души. Ни въ одномъ звукѣ тенора ни малѣйшаго притязанія на блистательную виртуозность, на *щеголянье* голосомъ; — передъ вами *нѣтъ пѣвца*, передъ вами — влюбленный Тамино. Этой ариі изъ «Волшебной-флейты» вы, конечно, *никогда* не услышите въ концертахъ, также какъ и многихъ другихъ безподобнѣйшихъ Моцартовскихъ ариі для тенора, наприм. въ *Entführung*, A dur $\frac{2}{4}$), не услышите по самой простой причинѣ: для концертовъ эти ариі *слишкомъ* драматичны, слишкомъ неразрывны со сценою, съ игрою. Кому надобно доказывать, что именно *въ этомъ* высшее совершенство оперной музыки, тотъ лучше бы и не тратилъ время на чтеніе музыкальныхъ критикъ. Кто, вмѣстѣ съ «знаменитыми тенорами», признаетъ, что арию Тамино и сравнивать нельзя съ несравнимымъ «*il mio tesoro*», потому-что въ ариі изъ «Волшебной-флейты», какъ во всей партіи Тамино, будто бы «нечего пѣть» (*historique*), — «такимъ» меломанамъ надобно напомнить, что для нихъ есть синьоръ Верди съ братією, у которыхъ случаются ариі еще гораздо «блистательнѣе и благодарнѣе» на общій вкусъ, чѣмъ «*il mio tesoro*», а Моцарта имъ бы лучше оставить въ покоѣ. Какъ окончательный выводъ изъ долгой рѣчи объ ариі «*il mio tesoro*», повторю, что она вовсе не существенная часть оперы, — потому-что очень легко можетъ-быть замѣнена другою ариєю Донъ-Оттавіо (№ 3 изъ добавочныхъ, G-dur $\frac{2}{4}$), и можетъ-быть переставлена, перемѣнена послѣ какой угодно сцены перваго, или втораго акта, вплоть до сцены ужина; что концертность стиля въ «*il mio tesoro*» вредитъ драматической правдѣ, такъ что характеръ Донъ-Оттавіо *несравненно глубже* переданъ въ превосходной добавочной ариі, гдѣ нѣтъ ни одной рулады, — въ первомъ трагическомъ дуэтѣ и въ рельефномъ соло тенора въ Andante секстета, — и что, наконецъ, несмотря на все великолѣпіе ариі даже и со стороны красоты музыкальной, она принадлежитъ *вовсе не къ лучшимъ* нумерамъ оперы, опять таки въ слѣдствіе принятыхъ формъ итальянскихъ бравурныхъ ариі, отъ которыхъ Моцартъ вполне освободился только въ «Волшебной-флейтѣ». Мнѣ скажутъ, что и тамъ есть бравурные пассажи въ двухъ арияхъ Царицы ночи, знаменитые даже по необычайной высотѣ діапазона, — но эти рулады очень оправдываются фантастически-неистовымъ характеромъ дѣйствующаго лица.

Какъ-будто въ вознагражденіе за недостатокъ связи и занимательности сценической, о чемъ я только что говорилъ, — слѣдуетъ сцена, приготовляющая развязку пьесы, такая сцена, безъ которой разрушит-

ея цѣлое зданіе оперы. Таковы, собственно говоря, должны быть всѣ сцены каждой оперы въ ихъ органической связи, — а мы видѣли, что это соблюдено далеко не во всѣхъ частяхъ «Донъ-Жуана».

Въ-слѣдъ за аріей Донъ-Оттавіо переменна декорации: кладбище съ «бонною» статуею Командора *. Сюда являются одинъ за другимъ, съ разныхъ сторонъ, сперва Донъ-Жуанъ, потомъ Лепорелло. Я говорилъ уже въ первой статьѣ о чрезвычайно-умномъ и эффектномъ расположеніи всей этой сцены, начиная даже съ разговора между баринномъ и слугою (*gesit. sesso*). Проричаніе статуи которое такъ грозно, такъ страшно-неожиданно падаетъ на громкій хохотъ Донъ-Жуана, приглашеніе имъ статуи на ужинъ, отчаянная трусость Лепорелло — все это знакомо какъ нельзя лучше, кто сколько-нибудь любитъ музыку и слыхалъ о Моцартовомъ «Донъ-Жуанѣ». Даже въ либретто сцена такъ счастливо задумана, что нашъ Пушкинъ въ «Каменномъ гостѣ» повторилъ ее почти слово въ слово изъ опернаго текста, — тогда какъ, кромѣ этой сцены, создалъ совсѣмъ другую вещь. Музыка тутъ, разумѣется, чисто Моцартовская, пластическая «до невѣроятія», красивая, какъ одно изъ лучшихъ его вдохновеній, и такъ какъ весь этотъ дуэтъ одинъ изъ самыхъ важныхъ въ цѣлой оперѣ нумеровъ, да еще, на счастье, и съ колоритомъ фантастическимъ, то, натурально, что такому панегиристу, какъ г. Улыбышевъ, была здѣсь обильная пища. Разборъ этой сцены занимаетъ въ его книгѣ цѣлыхъ восемь страницъ (Т. III, стр. 174—182). Но какъ по случаю всѣхъ сценъ, разбираемыхъ г. комментаторомъ съ «особеннымъ» пристрастіемъ, *con amore*, онъ вдался въ область собственнаго «творчества, собственнаго лиризма, то вы напередъ догадаетесь, что и здѣсь «легкая производительность воображенія» увлекла г. Улыбышева опять за тридцать земель отъ партитуры, тѣмъ болѣе, что «фантастическій» характеръ сцены представлялъ самый удобный случай для разныхъ «фантазмагорій», до которыхъ г. Улыбышевъ большой охотникъ, какъ мы видѣли и по случаю финала оперы (въ первой статьѣ), и по случаю секстета. Я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого «замѣчательнаго» комментарія.

* Почему именно «бонною»? — никому не извѣстно; въ либретто нѣтъ ни малѣйшаго намека, какая именно должна быть статуя. Придумано-ли это гг. декораторами, для болѣе красоты и важности? — или это согласно съ волею авторовъ, дошедшею по преданію, съ первыхъ представленій оперы, еще при жизни Моцарта? или это въ угожденіе гг. переводчикамъ, которыми извѣстные стихи либретто: *o statua gentilissima del gran Comendatore* переданы такимъ образомъ: *Herrn Gouverner zu Pferde* → (!) (полюйте!) *ich beuge mich zur Erde* (!)

«Арія Донъ—Оттавіо помѣщена какъ-будто на рубежѣ *двухъ мировъ* (?), въ которыхъ происходитъ дѣйствіе драмы. Грозный мракъ болѣе и болѣе сгущается надъ сценой (?), мракъ, въ которомъ, наконецъ, все будетъ поглощено (?); мы приближаемся къ началу конца».

Для читателей, хорошо познакомившихся съ манерою г. Улыбышева и съ *его* взглядомъ на цѣлое оперы (что я подробно разбираю въ первой статьѣ)—«понятенъ тайный смыслъ рѣчей». Этими мистическими туманами г. Улыбышевъ хочетъ «приготовить» къ сценѣ кладбища, гдѣ въ первый еще разъ, въ—теченіе оперы, входитъ элементъ сверхъестественнаго, фантастическаго. На самомъ дѣлѣ, — въ оперѣ то—есть, нѣтъ рѣшительно никакихъ «мраковъ», которые будто бы собираются поглотить *все*, тогда какъ мы видѣли, что смерть Донъ—Жуана даже во-все не конецъ оперы. Нѣтъ ничего подобнаго «нарастаію» ужасовъ, приготовленію ихъ мало—по—малу. Напротивъ: сцена кладбища слѣдуетъ за арією Оттавіо вдругъ, *ex abrupto*, какъ чередуются почти и *всѣ* прочія сцены оперы (частенько даже несовсѣмъ безукоризненно со стороны ясности и органической связи). И послѣ этой сцены помѣщена арія Доны—Анны, нисколько не мрачная и даже, какъ увидимъ, весьма холодная въ отношеніи драматизма.

«Собственно говоря, смерть есть настоящая цѣль жизни», писалъ Моцартъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ отцу. Цѣль должна была явиться въ концѣ поприща и *мораль* (?) въ концѣ пьесы, въ оперѣ, которая вмѣщаетъ въ себѣ вполнѣ всю человѣческую жизнь (??). И дѣйствительно смерть въ этой оперѣ разобрана съ разныхъ сторонъ, какъ—будто любимая тѣма. Ею опера начинается, ею же и заключается (?). Въ увертюрѣ смерть помѣщена въ фронтисписѣ всего сюжета; въ интродукціи смерть со внѣшней стороны, картина тѣлеснаго умиранья; въ секстетѣ — ослабѣванье сердца, смертельно—раненаго и стремящагося къ могилѣ (!): Но есть еще фазисъ смерти: смерть олицетворенная, смерть, которая приходитъ какъ отдѣльная личность кака-то, которая схватываетъ васъ въ темнотѣ, во—время безсонницы, или когда вы проснетесь въ ужасѣ, послѣ какого—нибудь тяжелаго сновидѣнія, которое обливаетъ васъ холоднымъ потомъ и давитъ васъ грузомъ могильной земли (?). Этотъ кошмаръ въ тысячу разъ страшнѣе обыкновеннаго, и никогда никого не посѣщаетъ днемъ, при солнечномъ свѣтѣ. Моцартъ, которому это привидѣніе являлось часто (?) воплотилъ его въ музыкѣ; изъ этого явленія онъ сдѣлаетъ кризисъ, моральное оправданіе (?), сверхъестественную развязку драмы, которой безъ этого условія не слѣдовало и начинать». Трудно переводить, еще труднѣе читать, еще и того труднѣе — понимать подобныя психологическія вычуры. По всей вѣроятности, если Моцарту и дѣйствительно часто при-

ходилось думать о смерти (быть-можетъ въ-слѣдствіе его организаціи, до крайности нѣжной и нервно-раздражительной), то это врядъ ли могло имѣть прямое вліяніе на такое пластическое произведеніе, какъ «Донъ-Жуанъ», въ которомъ, *безъ всякаго сомнѣнія*, Моцартовымъ индивидуальнымъ чувствамъ, чувствамъ человѣка, а не художника, и мѣста не было. Да и вообще къ чему все эти философскія разглагольствованія о смерти, которыя по неволѣ увлекутъ совсѣмъ въ сторону отъ предмета?

Затѣмъ слѣдуетъ у г. Улыбышева довольно простой и вѣрный разсказъ начала сцены (разговоръ Донъ-Жуана съ Лепорелло). Потомъ рѣчь о прорицаніи статуи: «*Di rider finirai pria dell'aurora*». «Къ какимъ выдумкамъ горячечнаго бреда»,—говоритъ г. Улыбышевъ далѣе,—«къ какимъ чудовищнымъ фантазіямъ воображенія надобно прибѣгнуть, чтобы *словами* вызвать нѣчто похожее на впечатлѣніе этихъ четырехъ тактовъ *Adagio*, отъ этого контраста, который служитъ въ оперѣ переходомъ отъ реального міра къ сверхъестественному». Можно бы на этомъ остановиться,—но г. комментаторъ призналъ нужнымъ, на цѣлой печатной страницѣ (176), представить читателямъ образчикъ «горячечнаго бреда и чудовищныхъ фантазій», о которыхъ онъ только-что сказалъ. Я не переведу этой страницы, потому-что самъ авторъ (на слѣдующей) уполномочиваетъ читателя «посмѣяться надъ всею этою галиматьею», которая, по собственному его признанію, несколько не передаетъ впечатлѣнія отъ Моцартова чуда. Къ чему жъ было вступать въ состязанье съ Моцартовою музыкою!

Говоря много о музыкальныхъ подробностяхъ обѣихъ репликъ статуи (*di rider finirai...* и далѣе: *gibaldo, audace, lascia a' moiti la pace*) г. комментаторъ находитъ, что вторая фраза (*gibaldo etc*) въ ритмѣ $\frac{3}{4}$, потому-что прежній ритмъ $\frac{4}{4}$ какъ-будто «сократился *отдаленіемъ*». Толкованіе не вѣрное, потому-что еслибъ въ Моцартовой мысли было *удаленіе*, то оно выразилось бы, какъ *всегда выражается въ музыкѣ*, не сокращеніемъ, а «расширеніемъ» ритма. Во-вторыхъ, «удаленіе» голоса статуи было бы не очень кетати, когда вторая реплика Командора требуетъ бѣльшей силы, бѣльшаго вѣса въ каждомъ словѣ,—значитъ здѣсь, нужно не удаленіе а *приближеніе*. Оно въ-самомъ-дѣлѣ и есть въ звукахъ Моцарта, и по ритму и по гармоніи.

Далѣе г. комментаторъ замѣчаетъ, что гармонія, сопутствующая этому загробному цѣнію, кромѣ самаго характера аккордовъ, отдѣляется отъ прочей музыки очень рельефно и потому еще, что этотъ акомпаниментъ помѣщенъ *на сценѣ, сзади статуи*. Я вполне согласенъ, что *такъ слѣдуетъ*,—кажется, таково было и намѣренье Моцартова,—тѣмъ

не менѣ въ *партитурѣ* не означено «*orgia il teatro*» (какъ напримѣръ означено по случаю оркестровъ танцевальной музыки въ финалѣ 4-го акта)*. Это какой-то странный недосмотръ, котораго виною вѣроятно, издатели партитуры. О могучей силѣ *впечатльнiя, эффекта* этого хора г. Улыбышевъ очень хорошо говоритъ на слѣдующей 178 страницѣ. «Переберите, пересчитайте всѣ привидѣнія, тѣни, страшилища, всю бѣсовщину, которая являлась на лирическихъ сценахъ *послѣ* Моцарта; припомните наборъ всѣхъ возможныхъ внѣшнихъ средствъ (*l'immense appareil des moyens*), употребленныхъ для сильнѣйшаго воплощенiя «ужасовъ». Ни въ декорацияхъ и машинахъ, ни въ фантазмагорiи, ни въ диссонирующихъ аккордахъ (особенно *septième diminuée* прибавлю я) ни въ мѣди и жести, ни въ рупорахъ морскихъ (*porteloix*), ни въ шумѣ, доведенномъ до *pes plus ultra* чрезъ изобрѣтенiе и чрезъ «счастливыя» заимствованiя изъ китайской музыки, — конечно во всемъ этомъ для нашихъ новѣйшихъ композиторовъ не было недостатка. И что жъ? можно поручиться, что «Командоръ» переживетъ *всѣхъ* своихъ соперниковъ, потому-что онъ одинъ «настоящiй» пришлецъ съ того свѣта. Это совершенная правда. Но остановившись такъ долго на этомъ поразительномъ хоралѣ, г. комментаторъ забылъ, или не хотѣлъ сказать о столько же поразительномъ *сходствѣ этой музыки* съ прорицанiемъ оракула въ Альцестѣ Глука. Моцартъ, безъ всякаго сомнѣнiя, имѣлъ передъ собою этотъ генiальный образецъ, когда подошелъ къ нему такъ близко. Заимствованiя у Глука основныхъ идей, цѣлаго оборота въ характерѣ какой-нибудь сцены изъ области серьезнаго драматизма, не рѣдки въ операхъ Моцарта.

Приступая къ разсказу о дуэтѣ «*o statua gentilissima*, комментаторъ счелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторые общiя психологическiя замѣчанiя о характерѣ Донъ-Жуана. Какъ я объяснилъ уже въ первой статьѣ, взглядъ г. Улыбышева на весь характеръ самого Донъ-Жуана очень несогласенъ съ партитурой; понятно, что и здѣсь г. комментаторъ дѣлаетъ выводы не изъ музыки Моцартовой, а изъ своего «идеальнаго» Донъ-Жуана, который ему представляется какимъ-то «титаномъ», о чемъ у Моцарта и помину нѣтъ. Выслушайте однако г. Улыбышева, потому-что такiя толкованiя довольно любопытны въ своемъ родѣ. «Изъ всѣхъ данностей сюжета, приглашенiе статуи на ужинъ,

* При томъ же въ этомъ аккомпаниментѣ есть особая строчка для басовъ (*bassi*), т. е. контрбасовъ и виолончелей, аккомпанирующихъ всѣ речитативы. Должны ли и они играть на сценѣ, или при исполненiи достаточно для басовой партii одного низкаго тромбона? (*trombone basso*).

конечно, самая нелѣпая»; (почему это?) — «но эта сцена была непремѣннымъ условіемъ пьесы». — «Да Понте принялъ это сумасбродство на чистоту, просто, (какъ и слѣдовало, скажу я; слѣдовало «просто» принимать не только авторамъ, но и гг. комментаторамъ) — оставивъ на попечение своего сотрудника поправить дѣло, смягчить, по возможности (зачѣмъ это?). — Моцартъ позаботился объ этомъ съ самаго начала оперы (т. е. онъ вовсе и не думалъ о такой заботѣ, совершенно лишней). Донъ-Жуанъ, какимъ онъ является намъ въ музыкѣ, что-то больше и что-то меньше *человѣка* (— просто *человѣкъ*, какъ и очень многіе, о чемъ уже было говорено). — Цѣлый характеръ, цѣлая роль Донъ-Жуана съ удивительною логикою подготавливаетъ сцену приглашенія статуи на ужинъ (да, конечно, przygotowляетъ но совѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ г. Улыбышевъ). Донъ-Жуанъ не могъ не содрогнуться при первыхъ словахъ статуи, и это внутреннее движеніе, замѣтное въ речитативѣ (несколько незамѣтное) для такого характера въ тысячу разъ тревожиѣе, мучительнѣе, нежели само чудо, котораго онъ былъ свидѣтелемъ (это все относится къ мнимому титанизму Донъ-Жуана). Ему испугаться чего-нибудь! Ему, который съ такой силою убѣжденія говорилъ въ финалѣ 1-го акта: *Se cadesse ancora il mondo, nulla mai temer mi fa!*» Гордость поддерживаетъ колеблющагося исполина. (?) Иди, — говоритъ онъ своему слугѣ, дрожащему отъ страха, — прочитай, что тамъ за надписи на гробницѣ — и вотъ угроза мщенія появляется въ *огненныхъ* букввахъ (отчего въ *огненныхъ*? этого нѣтъ ни въ пьесѣ, ни партитурѣ). О нѣтъ, нѣтъ! говоритъ Донъ-Жуанъ самъ себѣ, эти пуганья хороши только на одинъ разъ. Я буду снова твоимъ побѣдителемъ, жалкій старичишка! Я не отступлю передъ твоею злопамятною тѣнью, какъ не отступилъ передъ твоей шпагой. Лепорелло! ступай, скажи ему, что я приглашаю его къ намъ на ужинъ. — Не видно ли тутъ высшей степени гордаго озлобленія, (?) неистовства преступной силы, которая себя старается преувеличить, потому-что чуть было не ослабла? (что все это такое?!) Слепое бѣшенство проникло въ сердце Донъ-Жуана; кровь, на минуту пріостановившаяся въ жилахъ, (когда это? — у Моцарта не видно) зажглась, закипѣла; онъ въ горячкѣ, но — смѣется, шутитъ, и въ видѣ шутки собирается заколотъ своего слугу, не слишкомъ скоро исполняющаго его сумасбродныя приказанія.»

Г. Улыбышевъ считалъ все эти психологическія тонкости очень необходимыми для поясненія предстоящаго дуэта, пьесы, которую онъ называетъ «шутовскою и страшною», «блестящею и мистическою», «исполненною привычныхъ звуковъ (*pleine d'agaceries pour l'oreille*) и какихъ-то указаній ясновидѣнія (*avertissemens de seconde vue* — (я отказываюся

понять точный смысл этого «лирическаго» выраженія). Дѣло въ томъ, что смыслъ сцены, безъ сомнѣнія, фантастическій, но фантастическое въ своей музыкѣ Моцартъ выражалъ *рѣшительно не такъ*, какъ понимаетъ фантастическій элементъ г. Улыбышевъ (сквозь сентиментальный романтизмъ 20-хъ годовъ); оттого во *всѣмъ* толкованіи этой сцены *постоянное* разнорѣчіе съ партитурой, — какъ увидимъ и дальше. — Отъ невѣрнаго взгляда на весь характеръ Донъ-Жуана, г. комментаторъ видитъ титаническую, прометеевскую гордость тамъ, гдѣ—въ текстѣ и въ музыкѣ—нѣтъ рѣшительно ничего, кромѣ капризной, легкомысленной *шалости*, которая очень легко могла придти на мысль и не такому герою повѣсничества, какъ Донъ-Жуанъ. —Продолжая развивать свою мысль, г. Улыбышевъ находитъ въ цѣломъ дуэтѣ нѣкоторую тревогу, нѣкоторый страхъ, будто-бы худо скрываемый Донъ-Жуаномъ;—но въ музыкѣ страхъ только на сторонѣ *Лепорелло*—въ самой гениально-пластической правдѣ; на сторонѣ Донъ-Жуана только *постоянная* презрительная усмѣшка и всегдашняя его бѣшеная нетерпѣливость при малѣйшемъ противорѣчій отъ Лепорелло, а въ концѣ дуэта—изумленіе.

Но послушайте далѣе. Разсказавъ о фразѣ въ два голоса: *colla marginea testa ei fa cosi, cosi*—которою оканчивается первая половина дуэта, г. Улыбышевъ продолжаетъ:

«До-сихъ-поръ (это касается голосовъ) весь дуэтъ очень просто, понятенъ и театраленъ до нельзя, — одна *инструментовка* придаетъ ему фантастическій характеръ, ускользающій отъ всякаго опредѣленія. Въ дуэтѣ есть одно мгновеніе, *одинъ тактъ*, въ которомъ «да» статуи превращаетъ всю пьесу въ какое-то сверхъестественное тріо. Естественно, что отвѣтъ Командора имѣлъ вліяніе на инструментовку;—но и *раньше* и *послѣ* этого отвѣта мы слышимъ какую-то «игривость» въ оркестрѣ, *которая рѣшительно не относится ни къ общему характеру сцены, ни къ которому нибудь изъ трехъ дѣйствующихъ*. (Я опять скажу: хорошъ былъ бы Моцартъ, еслибъ это было *такъ* въ партитурѣ!!) Фигурки, то живыя и блестящія, то порхающія, капризныя (*legerement fantasques*), аккорды духовыхъ инструментовъ, переходящіе съ какою-то таинственною сладостью (!) изъ тона *H dur* въ *C*; альты гудятъ на баскѣ, какъ-будто какой-то призракъ баса—все это пропитано характеромъ мертваго спокойствія и вмѣстѣ шаловливости, отъ которой дрожь пробираетъ; (*le tout empreint d'une certaine quiétude enjouée, qui fais venir le frisson*) — ясно, что здѣсь оркестру поручены поэтическія идеи, *нисколько не намѣченныя въ текстѣ, которыя даже не могли быть въ немъ и подразумеваемы*. Могъ ли Моцартъ создать что-нибудь до такой сте-

пени удивительное безъ особеннаго поэтическаго намѣренія? (sans y attacher une pensée quelconque). Не значить ли эта музыка (въ оркестрѣ), что голосъ статуи нашель отголоски въ сосѣднихъ гробницахъ. (!?)—При звукахъ тѣни Командора, грозящей мщеніемъ, проснулись другіе, болѣе кроткіе призраки: тѣни дѣвъ, угасшихъ прежде поры любви, (!?) тѣни младенцевъ, умершихъ на груди кормилицъ (!?)—толпа блѣдная и равнодушная, но счастливая своимъ несуществованіемъ, порхаетъ около мраморнаго Командора и смотритъ съ безцвѣтною радостью (un terne enjouement?!) на сцены изъ дѣйствительной жизни, въ которыхъ ничего не понимаетъ».

Въ отношеніи фантазій г. Улыбышева я ровно въ такомъ же положеніи, какъ его тѣни младенцевъ къ реальной жизни: — читаю всѣ эти фантазмагоріи, смотрю на нихъ avec un terne enjouement, — и рѣшительно ничего не понимаю. Я признавался уже не разъ, въ своей крайней тупости во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о avertissements de seconde vue, по выраженію г. Улыбышева). Я разсматривалъ партитуру дуэта съ особенно-пристальнымъ вниманіемъ, чтобы отыскать что-нибудь *похожее* на необыкновенныя «видѣнія» г. Улыбышева, искалъ, искалъ, и—не нашель рѣшительно ни одной ноты, согласной съ *такимъ* поясненіемъ, но по этому случаю еще сильнѣе убѣдился, что Моцартова музыка чрезвычайно далека отъ всякой *вычурности* въ поэтическихъ цѣляхъ, что Моцартъ всегда весьма близко держится текста, даннаго положенія лицъ, и воплощаетъ въ звукахъ ихъ сценическую игру, такъ что если у него на сценѣ—Донъ-Жуанъ и Лепорелло, то и въ музыкѣ (въ оркестрѣ) тѣже Донъ-Жуанъ и Лепорелло. Присоединился къ нимъ голосъ Командора,—въ это мгновеніе онъ отразился и въ оркестрѣ;—прошло это мгновеніе, опять одни Донъ-Жуанъ и слуга его передъ зрителемъ: — опять *они же одни* и въ оркестрныхъ фигурахъ, безъ всякаго «витанія тѣней надъ гробницами», въ родѣ блудящихъ оговьковъ въ могильной сценѣ Роберта.—Чтобъ читатели могли судить, правъ ли я въ своемъ убѣжденіи, что

Ларчикъ просто открывался, —

я позволю себѣ себѣ сдѣлать небольшой *технический* разборъ дуэта, о которомъ идетъ рѣчь (повторяю, что все это пишется для читателей—музыкантовъ?

Дуэтъ «о statua» написанъ въ тонѣ E dur — Allegro $\frac{4}{4}$. Въ оркестрѣ, кромѣ смычковыхъ, двѣ *флейты*, два *фагота* и два *рога* (сог-

nì in E). Дуэтъ начинается тремя сильными, отрывистыми аккордами всего оркестра (такты 1 и 2), потомъ реплика Лепорелло:

O statua gentilissima del gran comendatore....
Padron, mi trema il core; non posso terminar.

при словахъ «padron mi trema il core», въ мелодіи (съ унисономъ фаготовъ и смычковаго оркестра) весьма рельефный *интервалъ септимы* (cis — dis), который во всемъ дуэтѣ играетъ самую важную роль для выраженія *трусости* Лепорелло. При словахъ Донъ-Жуана

Finisci la, o nel petto
ti metto
questo acciar.

во всемъ оркестрѣ горячая нетерпѣливость, какъ въ цѣломъ «музыкальномъ» характерѣ Донъ-Жуана. На репликахъ Лепорелло:

Che impiccio, che capriccio
(про себя) Io sento mi gelar

и Донъ-Жуана:

Che gusto! che spaseto!
(про себя) La voglio far tremar.

скрипки въ большомъ движеніи (шутка, насмѣшка Донъ-Жуана), альты секстами на каждую четверть (трусость и страхъ Лепорелло), фономъ служатъ педали басовъ и роговъ (доминанта). Въ тонѣ доминанты Лепорелло повторяетъ приглашеніе: o statua gentilissima, но на другую мелодію, потому-что и слова тотчасъ другія: — ben che di marmoro state... (трели скрипокъ въ низкомъ регистрѣ) Ah padron! padron mio! mirate! mirate! (прежняя септима только въ тонѣ доминанты) che seguita a guardar — въ оркестрѣ crescendo для возрастающаго нетерпѣнія Донъ-Жуана; онъ грозитъ Лепорелло кинжаломъ — Mori, mori! — Реплика Лепорелло No, no, no—attendete, at—tendete! (съ одними смычковыми), Теперь на паузу въ голосахъ — педали (доминанта доминанты — fis) у альты, (на средней октавѣ), на этой педали фигурка скрипокъ терцами (два такта): Лепорелло съ разными трусливыми ужимками снова подходитъ къ статуѣ, кланяется и говоритъ: (очень боязливо) Signor il padron mio—на эту реплику въ оркестрѣ, все время на той же педали альтовъ (fis только на нижней октавѣ, усиленной тинутой нотой роговъ) бѣгающія фигурки во флейтахъ, секстами, въ отвѣтъ прежней фигуркѣ скрипокъ; въ фаготахъ тоже сексты четвертями только, и (NB) чтобъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, (для всѣхъ зрячихъ)

что все это относится къ Лепорелло, фигура фаготовъ въ этихъ двухъ тактахъ *повтореніе нота въ ноту* начала его арии послѣ секстета (Ah, pieta, signori miei, только здѣсь in H, что тамъ in G, потомъ для продолженія реплики Лепорелло: badate ben, non io... *симметрическое* повтореніе паузы въ голосѣ, фигуры скрипокъ на педали альтовъ, той же самой мелодической фразы голоса съ аккомпаниментомъ опять флейтъ секстами, и фаготовъ секстами все на той же педали альтовъ, усиленной тянутою нотой роговъ (при каждой второй половинѣ фразы); но для разнообразія музыкальнаго и для новыхъ ужимокъ Лепорелло, при симметрическомъ повтореніи, пугливыя фигурки скрипокъ и флейтъ нѣсколько измѣнены; «voglia con voi senag» вызываетъ *третье* симметрическое повтореніе тѣхъ же самыхъ фразъ, но здѣсь также гармонія, въ сущности, варіирована опять новыми, пугливыми фигурками флейтъ и мелькающими диссонансами въ фаготахъ (progression de secondes retardant des tierces), потому-что цѣлый рой страховъ закопшился въ груди бѣднаго труса, когда онъ видитъ, что статуя смотритъ прямо на него и на слово «senag» киваетъ головою!... неожиданный переломъ въ гармоніи (Trugschluss in G) Ah, ah, ah che scena e questa! — o ciel! chino la testa — теперь Лепорелло совсѣмъ голову потерялъ! Пѣніе его тутъ похоже на что-то въ родѣ мычанія, стоны, или рева — въ скрипкахъ аккорды tremolos, альты дублируютъ голосъ, духовые тянутъ переливы гармоніи широкими бѣлыми нотами, — все это вплоть до реплики Донъ-Жуана: va là, che se'un buffone — опять тоже самое нетерпѣнье, досада, нѣсколько накидная на трусость Лепорелло, которая въ самомъ-то дѣлѣ больше забавляетъ, чѣмъ сердитъ его капризнаго барина. (H dur, 3 такта). Реплика Лепорелло: guardate, guardate, ancor padrone опять на *прежнюю* септиму унисономъ (cis—dis) приводитъ въ главный тонъ E-dur.

Реплика Донъ-Жуана «E che deggio guardar», на симметрическомъ повтореніи той же фразы, какъ въ началѣ дуэта, подъ слова Лепорелло «che seguita a guardar, (здѣсь въ тоникѣ, что тамъ было въ доминантѣ). Лепорелло рассказываетъ барину, что статуя кивнула головой «col-la marmorea testa ei fa co—si, co—si». Новая мелодическая фраза въ тоникѣ, (съ аккомпаниментомъ однихъ смычковыхъ) въ которой ритмъ и паденіе гармоническихъ фразъ выражаютъ движенія головы статуи; — духовые повторяютъ: «co—si». Потомъ Донъ-Жуанъ вмѣстѣ съ Лепорелло повторяетъ его слова съ презрительною усмѣшкою невѣрія; — въ скрипкахъ контрапунктическая фигура аккомпанируетъ *всю* прочія. Донъ-Жуанъ подходит *самъ* къ статуѣ (онъ все время былъ на авансценѣ) — новое движеніе вызываетъ *новую* гармонію Trugschluss и въ

С dur (вмѣсто въ Е)—новая, эпизодическая фигура съ аккорда во флейтахъ альтахъ и фаготахъ, новая же въ первыхъ скрипкахъ (насмѣшливая, въ родѣ той, что въ первомъ финалѣ, въ сценѣ Донъ-Жуана съ Перлиной и Мазетто)—«parlate, se potete»;—вторыя скрипки аккомпанируютъ (16 ми) на педали басовъ (с) два отрывистые аккорда, какъ передъ речитативомъ: verrete a cena? декламация (tutti) безъ оркестра; опять два аккорда (sixte augmentée, для перехода въ Н, какъ доминанту главнаго тона) аккордъ — Н, еще разъ одна нота «Н» unissono (всѣхъ) и отвѣтъ статуи «Si!» — тоника на тянутой нотѣ роговъ (въ октаву). Эта педаль роговъ тянется дальше, и на ней построены реплики Лепорелло: Mover mi posso appena, mi manca, o Dei, l'alena и Донъ-Жуана: bizzarra é in ver la scena, verra il buon vecchio a cena. Здѣсь на *обѣ* реплики вмѣстѣ опять тотъ же Trugschluss, тѣже аккорды, тѣже бѣлыя ноты въ духовыхъ на тремоло скрипокъ, что все было уже раньше, подъ слова одного Лепорелло «ah, ah, ah, che scena e questa, (только здѣсь на другихъ нотахъ, потому-что вся гармонія *квартой ниже*, по основному органическому закону музыкальныхъ сочиненій; arsis et thesis, и во второй разъ вся музыка «страшище», потому-что статуя уже не головой кивнула, а *отвѣтила голосомъ!* Лепорелло, въ смертельномъ испугѣ, гудитъ на низкихъ нотахъ своего баса; голосъ Донъ-Жуана рисуется въ смѣлыхъ интервалахъ, на той же нѣсколько дикой гармоніи, потомъ, большимъ скачкомъ голоса (съ низкаго «h» на высокій «cis») Лепорелло приходитъ къ главной своей фразѣ (септима cis — dis) «per carità partiamo, andiamo via di qua; этотъ— рельефный оборотъ является *въ тоникѣ* третьимъ разомъ, но *отъ участія Донъ-Жуана* реплика его a rragarà (la cena) andiamo, partiamo sì di quà) къ прежнему унисону смычковъ (дублирующихъ голосъ Лепорелло) здѣсь прибавлены терцы флейтъ и фаготовъ, аккомпанирующихъ Донъ-Жуану «motu contrario» противъ основной фигуры. Слѣдующее за тѣмъ crescendo—опять повторенье *нота въ ноту* того, что было подъ слова Донъ-Жуана «e che deggio guardar.» За тѣмъ: заключенье (coda ou le coup de fouet), бѣгающія гаммы въ первыхъ и вторыхъ скрипкахъ (по очереди, контрапунктически, перемежаясь съ другой фигурой, дублирующей голосъ Донъ-Жуана)—Лепорелло, въ смертельной тревогѣ, бормочетъ свое: per carità partiamo, Донъ-Жуанъ повторяетъ послѣднюю свою реплику (bizzarra é in ver la scena, etc), бѣгающія фигурки въ скрипкахъ (non legato) продолжаютъ на «перекачиванье» всего оркестра (вмѣстѣ съ голосами) съ аккорда доминанты на аккордъ тоники; потомъ diminuendo въ оркестрѣ: «andiamo via di qua» — и Донъ-Жуанъ и слуга его поспѣшно уходятъ; слышенъ еще голосъ Лепорелло: di

qua, di qua—di qua (въ *расширенномъ* ритмѣ, потому-что уже вдали)—музыка «уходитъ» вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами; послѣдніе такты исчезаютъ въ едва-слышномъ *pianissimo*.

Напередъ знаю, что слишкомъ долго испытывалъ терпѣніе даже самыхъ снисходительныхъ читателей. *L'art d'être exact est l'art d'être ennuyeux!* По-крайней-мѣрѣ, у меня и въ мысли не было «словами» состязаться съ эффектомъ музыки Моцартовой. Технической разборъ этого дуэта мнѣ былъ необходимъ только для того, чтобъ указаніемъ анатомическихъ подробностей самого сочиненія и оркестровки побудить читателей-музыкантовъ *провернуть мои замѣчанія съ каждымъ тактомъ самой партитуры*. Такая повѣрка должна будетъ убѣдить читателей, что

1) Отвѣтъ Командора не произвелъ ровно никакого *переворота* въ музыкѣ дуэта, со стороны оркестра. Г. Улыбышевъ, какъ видно, пытался найти такой переворотъ, найти въ этомъ мѣстѣ какой-нибудь «новый» поразительный эффектъ во вкусѣ фантастическомъ, но Моцартъ думалъ иначе, и даже тромбонъ, звучащихъ въ прорицаніи статуи, тутъ не употребилъ въ дѣло! Мы видѣли, что и послѣ отвѣта статуи онъ симметрически повторилъ прежнюю гармонію (*en cadence trompe*) и прежнюю оркестровку, т. е. параллельно той фразѣ, гдѣ статуя на зовъ Лепорелло кивнула головой. Только при повтореніи «октава роговъ» гораздо рельефнѣе, чѣмъ въ прежней фразѣ, потому-что отъ измѣненія тона приходится къ большому числу аккордовъ и ихъ скрѣпляетъ тѣнѣе. Но зримое ея значеніе—продолжить ноту Командора какъ будто въ котлооскѣ.

2) Прямо въ опроверженіе страннаго взгляда г. Улыбышева, что будто бы въ оркестрѣ этого дуэта *есть фразы, фигурки, которыя не относятся* ни къ общему характеру сцены, ни къ которому-нибудь изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ (стр. 181), у Моцарта въ этомъ дуэтѣ, одномъ изъ самыхъ «сильныхъ» его созданій, *нѣтъ ни одной ноты*, которая не относилась бы къ тѣмъ, кто на сценѣ, въ соединеніи съ «общимъ колоритомъ» даннаго положенія. И такъ какъ въ каждомъ тактѣ отражается то—*Лепорелло*, то—*Донъ-Жуанъ* (припомните указанья мною сходства характерныхъ фигуръ оркестра съ другими мѣстами оперы)—и это отъ самого начала до самого конца дуэта,—значить «фактически невозможно», чтобъ тутъ же «въ этихъ же самыхъ тактахъ», этими самыми пугливыми фигурками въ скрипкахъ и флейтахъ Моцартъ рисовалъ музыкою *не* трусость Лепорелло, а такую совершенно постороннюю фантазію, какъ «витаніе тѣней дѣвъ и младенцевъ надъ гробницами», и т. д. Этому всему рѣшительно «мѣста нѣтъ» въ партитурѣ дуэта. Создавая эту удивительную музыку, Моцартъ, безъ всякаго

сомнѣнія, былъ полонъ мысли (у attachait une «pensée quelconque», какъ весьма неудачно выразился г. Улыбышевъ), — но эта мысль была не посторонняя, не «чуждая» сюжету (и, слѣдовательно, праздная, лишняя)— а руководила Моцартова вдохновеніе, навѣрное, та мысль, чтобъ какъ можно ближе, какъ можно живѣе передать музыкаю то, что происходитъ между Донъ-Жуаномъ и Лепорелло. Если же, *сверхъ* глубочайшей правды характеровъ, въ общемъ колоритѣ музыки мелькаетъ здѣсь что-то дѣйствительно пугающее, страшное, поодамъ съ пронию (etwas unheimlich schauerndes, какъ сказалъ бы нѣмецкій критикъ)—если на мгновенье и въ зрителяхъ пробудится чувство, похожее на то, которое здѣсь замучило бѣднаго Лепорелло, то вѣдь Моцартъ *не забылъ же*, что все это происходитъ на кладбищѣ, при лунномъ свѣтѣ, что статуя въ-самомъ-дѣлѣ отвѣтила, и потомъ явилась на зовъ, — «не забылъ Моцартъ» что *l'azagga è in ver la scena*, и передалъ все это *такъ*, какъ одинъ его гений былъ въ состояніи передать. Но прониически-сверхъестественный характеръ музыки не даетъ гг. комментаторамъ ни малѣйшаго права уклоняться за тридевять земель въ сторону отъ партитуры, и искажать смыслъ Моцартовыхъ намѣреній.

Меня могутъ упрекнуть, пожалуй, въ слишкомъ долгихъ, въ слишкомъ горячихъ нападкахъ на «нѣсколько фразъ г. Улыбышева, довольно-мимолѣтныхъ», но я старался выставить «произвольность» въ его комментаріи, и въ глазахъ строгой критики всякая произвольность подобного рода, хотя бы въ одной строчкѣ — должна быть возмутительна, когда дѣло идетъ о такой вещи, какъ дуэтъ «o statua gentilissima».

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

А. СТРОВЪ.

МЕМОАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ,

изданныя Диккенсомъ.

ГЛАВА XI.

1805 — 1806.

Театральныя дѣла и раздоры. — Мистръ Грезъ, мирный судья и театральный директоръ. — Мистръ Пикъ. — Представленіе Гримальди Гаррису. — Ангажементъ въ Ковентгарденъ. — Досада дрюриленскихъ начальствъ. — Потъдка въ Дублинъ. — Навожденный театръ. — Опыты надъ крѣпостью ирландскаго и англійскаго пуншу.

Директоръ Дрюриленскаго театра объявилъ на второй вечеръ сезона большую пантомиму Тобина «Медовый мѣсяць», не подумавъ, что за отбытіемъ балетмейстера Берна некому было аранжировать танцы. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, мистръ Роутонъ послалъ за Гримальди, который постоянно аранжировалъ танцы для Садлервельскаго театра, и объяснивъ ему обстоятельства дѣла, предложилъ два фунта въ недѣлю добавочнаго содержанія, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя аранжировку танцевъ не только въ «Медовомъ мѣсяцѣ», но и въ другихъ подобныхъ пьесахъ. Гримальди охотно согласился, но съ тѣмъ, чтобы добавочное содержаніе было дано ему на весь сезонъ, а

не только до поступленія новаго балетмейстера. Мистръ Роугонъ отвѣчалъ, что онъ съ тѣмъ и сдѣлалъ предложеніе, и разрѣшилъ Гримальди ангажировать столько танцоровъ, сколько найдетъ нужнымъ. Гримальди тотчасъ приступилъ къ дѣлу; ангажировалъ танцоровъ, аранжировалъ танцы, дѣлалъ прѣбы, приготовилъ все къ назначенному времени, и танцы его имѣли огромный успѣхъ. Въ концѣ первой недѣли, казначей мистръ Пикъ выдалъ ему добавочное жалованье, и на вопросъ Гримальди подтвердилъ, что эта прибавка назначена ему на весь сезонъ, и показалъ даже предписаніе, которое онъ получилъ по этому предмету отъ мистра Гремма. Этотъ мистръ Гремъ былъ тогда мирнымъ судьей Боустритскаго квартала, и вмѣстѣ съ тѣмъ акціонеромъ и директоромъ Дрюриленскаго театра.

Нѣкоторое время все шло хорошо. Приѣхалъ вновь ангажированный балетмейстеръ, мосье д'Эгвиль, но приѣздъ его нисколько не измѣнилъ занятій Гримальди; онъ продолжалъ аранжировать небольшіе танцы и балетныя сцены, подъ надзоромъ мосье д'Эгвиля, который былъ имъ очень доволенъ.

Новый балетмейстеръ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, поставилъ большой балетъ «Терпенхору», въ которомъ Гримальди исполнялъ роль Пана, бывшую, по собственному его мнѣнію, одною изъ лучшихъ его ролей. Въ этомъ же балетѣ должна была дебютировать знаменитая танцовщица Паризо, ангажированная за тысячу гиней * на одинъ сезонъ. Послѣ пятнадцати пробъ, балетъ былъ представленъ, и имѣлъ громадный успѣхъ.

Когда, послѣ этого, Гримальди явился за жалованьемъ, онъ очень удивился, не получивъ положенной ему прибавки. Мистръ Пикъ сказалъ, что его самого очень удивляло это обстоятельство, и что онъ не понималъ, какъ дирекція рѣшалась нарушить контрактъ изъ-за такой ничтожной экономіи. Гримальди отправился къ мистру Роугону, который былъ также въ негодованіи на эту мѣру, но ничего не могъ сдѣлать для него. Хотя Гримальди могъ легко обойтись безъ лишнихъ двухъ фунтовъ въ недѣлю, тѣмъ не менѣе это нарушеніе даннаго слова было ему очень обидно, и отправившись въ тотъ же вечеръ въ Ковентгарденскій театръ и встрѣтивъ тамъ мистра Дибдина, онъ не могъ удержаться, чтобы не рассказать ему о поступкѣ дрюриленской дирекціи. Мистръ Дибдинъ очень строго осуждалъ ее, и посоветовалъ Гримальди ангажироваться на Ковентгардскій театръ, вызываясь самъ уладить это дѣло съ главнымъ директоромъ, Гаррисомъ. Послѣ нѣсколь-

* Около 6600 руб. сер.

кихъ дней размышленія и переговоровъ, Гримальди согласился. Вскорѣ послѣ того, онъ получилъ приглашеніе явиться къ директору, и придя въ назначенное время, засталъ мистра Гарриеса съ Джономъ Кемблемъ. Послѣдній встрѣтилъ его какъ стараго друга, и послѣ первыхъ привѣтствій представилъ Гаррису, какъ превосходнѣйшаго артиста по своей части, и достойнаго преемника своего отца, съ которымъ Кембль былъ очень коротко знакомъ.

Мистръ Гарриесъ принялъ Гримальди очень любезно, наговорилъ ему бездну лестныхъ вещей, потомъ отвелъ его въ другую комнату, и черезъ четверть часа былъ готовъ контрактъ, на пять сезоновъ, по которому онъ долженъ былъ получать въ первый сезонъ по шести, въ слѣдующіе два по семи, а потомъ по восьми фунтовъ въ недѣлю; кромѣ того предоставлялись ему еще другія выгоды, изъ которыхъ самую важною было позволеніе играть по прежнему на Садлервельскомъ театрѣ. Гримальди возвратился домой въ восторгѣ; на Дрюриленскомъ театрѣ онъ получалъ всего четыре фунта въ недѣлю.

Въ этотъ же вечеръ онъ долженъ былъ играть на Дрюриленскомъ театрѣ Пана. Одѣвшись, онъ вышелъ за кулисы, гдѣ были собраны всѣ артисты и множество другихъ лицъ, въ томъ числѣ акціонеръ-директоръ, мистръ Грезмъ. Директоръ дошелъ къ нему и спросилъ, справедливъ ли слухъ, будто онъ намѣренъ ангажироваться на Ковентгарденскій театръ? Гримальди отвѣчалъ, что слухъ вполнѣ справедливъ, потому-что онъ уже подписалъ контрактъ на пять сезоновъ.

Грезмъ ужасно разсердился, и разразился предлинною рѣчью, которой главное содержаніе составляли жалобы на неблагодарность артистовъ вообще и Гримальди въ особенности. Гримальди спокойно выждалъ конца, и потомъ объяснилъ дѣло и причины, побуждавшія его перейти на другой театръ. Когда онъ упомянулъ о письменномъ обѣщаніи, Грезмъ перебилъ его вопросомъ, о какомъ письменномъ обѣщаніи онъ говоритъ?

— «О вашемъ предписаніи мистру Пикку, въ которомъ вы приказывали ему выдавать мнѣ добавочное жалованье во все продолженіе сезона», отвѣчалъ Гримальди.

— «Если мистръ Пикъ показалъ вамъ это предписаніе, гнѣвно вскричалъ Грезмъ, то онъ набитый дуракъ!»..

— «Мистръ Пикъ честный и благородный челоѣкъ, возразилъ Гримальди, и я увѣренъ, что онъ не будетъ благодарить васъ за то, что вы избрали его въ участники вашего безчестнаго поступка со мною».

Тутъ последовала буря, которую Гримальди выдержалъ съ честью. Барриморъ и многіе другіе артисты вступились за него, и такъ силь-

но, что мистръ Грэмъ, видя себя разбитымъ впухъ, счелъ нужнымъ отступить, и удалился. Изъ этой встрѣчи Гримальди могъ видѣть, что на Дрюриленскомъ театрѣ ему готовились однѣ неприятности, и на слѣдующій же день написалъ мистру Грэму, что онъ черезъ недѣлю оставляетъ его театръ. Грэмъ взбѣсился еще больше прежняго, объявилъ, что онъ не можетъ давать балета безъ Гримальди, и грозился подать на него жалобу въ судъ; но Гримальди, ободряемый совѣтами мистра Гарриса, не испугался угрозъ и настоялъ на своемъ.

Послѣ того онъ могъ считать себя совершенно свободнымъ до Пасхи, и потому ангажировался на Астлеевъ театръ въ Дублинѣ, который незадолго передъ тѣмъ поступилъ въ содержаніе Чарльза и Томаса Дибдиновъ. Новые директоры предложили Гримальди очень выгодныя условія, именно четырнадцать гиней въ недѣлю для него и двѣ для его жены, полбенефиса, и вознагражденіе издержекъ на проѣздъ.

Пятаго ноября Гримальди игралъ въ послѣдній разъ на Дрюриленскомъ театрѣ, и на другой же день отправился въ Дублинъ. Проѣздъ до Голигеда былъ очень скученъ, а на морѣ наши путешественники много пострадали отъ бури. Наконецъ они пріѣхали въ Дублинъ, гдѣ директоры приняли своихъ артистовъ очень дружелюбно, и 18 ноября начались представленія. Дѣла шли отлично, и театръ былъ постоянно полонъ, пока стояла хорошая погода; но когда пошли дожди, директоръ съ ужасомъ и изумленіемъ замѣтилъ, что кровля театра обветшала и пропускала воду. Однажды, въ концѣ декабря, сильный дождь рѣшительно выгналъ зрителей изъ залы; онъ лилъ ливнемъ въ партеръ и въ ложи. Нѣкоторые отчаянные охотники рѣшились выждать конца спектакля подъ зонтиками, или закутавшись въ шинели и въ платки; но скоро дождь сталъ заливать и сцену, такъ что сами актеры принуждены были удалиться.

Съ этого времени театръ былъ совершенно покинутъ; никакія средства не могли остановить вторженія воды и бѣгства публики; о такомъ исправленіи крыши, какое было нужно, нечего было и думать, потому что на это потребовалось бы до двухъ сотъ фунтовъ, а театръ былъ нанятъ только до марта мѣсяца. Мистръ Чарльзъ Дибдинъ принужденъ былъ писать въ Лондонъ о высылкѣ ему денегъ, для разчета съ трупною.

Въ половинѣ января мистръ Джонъ, директоръ Кроустритскаго театра, вызвался принять труппу мистра Дибдина на остальное время ея ангажемента, и заплатитъ самому Дибдину нѣкоторую сумму за его отступление, потому что онъ, при всѣхъ понесенныхъ имъ несчастіяхъ, все еще могъ вредить Кроустритскому театру своимъ соперничествомъ.

Мистръ Дибдинъ собралъ труппу, послѣ представленія, даннаго передъ пустыми скамейками, и сообщилъ ей это предложеніе. Гримальди первый изъявилъ согласіе и употребилъ все свое вліяніе, чтобы уговорить товарищей къ сдѣлкѣ, столь выгодной для ихъ несчастнаго директора; изъ всѣхъ только двое не согласились. Затѣмъ мистръ Дибдинъ объявилъ, что съ слѣдующей субботы, то есть съ перваго января закрывается театръ. Гримальди спросилъ, что же будетъ съ его бенефисомъ, Директоръ отвѣчалъ съ грустною улыбкою, что пусть Гримальди самъ устроитъ бенефисъ, а что онъ готовъ отступить отъ своей половины за двадцать фунтовъ. Гримальди тотчасъ отсчиталъ эту сумму, и на другой же день принялся за распоряженія, потому что ему оставалось всего четыре дня на объявленіе и продажу билетовъ. Бенефисъ былъ самый удачный: послѣ перваго объявленія, квартирный хозяинъ Гримальди, мистръ Дэвисъ, и капитанъ Тренчъ, къ которому онъ имѣлъ рекомендательное письмо изъ Лондона, взяли по сту билетовъ, для раздачи. Въ день представленія погода внезапно прояснилась, и къ полудню въ кассѣ не было уже ни одного билета, такъ что пришлось очень многимъ отказывать. Гримальди собралъ около двухъ сотъ фунтовъ, кромѣ множества дорогихъ подарковъ, между прочимъ золотой табакерки, которой одинъ матеріалъ стоилъ не менѣе тридцати фунтовъ. Гримальди могъ даже сеудить деньгами своего пріятеля, мистра Дибдина, который былъ въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

На слѣдующей недѣлѣ лондонская труппа начала свои представленія на Кроустритскомъ театрѣ, и продолжала ихъ до конца марта. Гримальди игралъ только въ двухъ пьесахъ «Арлекинъ Эзонъ» и «Коя и Зоя», но съ такимъ успѣхомъ, что онѣ почти не сходили съ афиши во все это время. Тридцатаго марта труппа отправилась обратно въ Лондонъ, очень довольная гостепріимствомъ Дублинцевъ. Всѣхъ болѣе былъ обласканъ Гримальди; приглашенія не было конца, тутъ звали его на обѣдъ, тамъ на ужинъ, въ третьемъ мѣстѣ на сельскій праздникъ и охоту. Много слышалъ и читалъ онъ объ ирландскомъ гостепріимствѣ; но дѣйствительность превзошла все его ожиданія.

Подобно всѣмъ англичанамъ, посѣщающимъ Ирландію, онъ не могъ надивиться непомѣрному потребленію пунша, дѣлаемаго изъ ирландской водки, *уиски*, и способности добрыхъ дублинцевъ тянуть этотъ напитокъ стаганъ за стаканомъ, безъ малѣйшаго признака пьянства. Какъ человекъ любознательный, онъ сталъ размышлять о крѣпости различныхъ напитковъ, и пришелъ къ тому заключенію, что она зависѣла преимущественно отъ привычки, и что другой напитокъ былъ бы для ирландцевъ, съ непривычки, такъ же крѣпокъ, какъ былъ уиски-пуншъ

для его соотечественниковъ. Онъ пытался даже подтвердить эту теорію опытомъ, и для того созвалъ небольшой кругъ знакомыхъ и поставилъ передъ нимъ хорошій англійскій пуншъ, приготовленный изъ рому. Гости едва успѣли влить въ себя четверть того количества, которое составляло ихъ обычную порцію, какъ были уже совершенно готовы. Мистръ Дэвисъ, вышивавшій ежедневно по семи стакановъ уиски-пунша, и послѣ того ложившійся спать съ ропотомъ на недостаточность угощенія, отъ одного стакана новаго напитка пришелъ въ такое состояніе, что пришлось вынести его на рукахъ. Гримальди съ торжествомъ рассказываетъ этотъ опытъ, какъ неоспоримое доказательство справедливости его теоріи; мы однако подозреваемъ, не подготовилъ ли себя мистръ Дэвисъ нѣсколькими стаканчиками уиски-пуншу, чтобы достойно явиться на праздникъ.

ГЛАВА XII.

1806 — 1807.

Возвращеніе въ Лондонъ. — Мошенничество квартирнаго хозяина. — Чарльзъ Фарлей. — Дебютъ Гримальди въ Ковентгарденъ. — Новая пьеса. — Тайственные кавалеры и замъ.

Погода въ обратный путь была еще хуже, чѣмъ въ первый конецъ, и принужденный часть дороги проѣхать въ наружныхъ мѣстахъ дилижанса, Гримальди такъ прозябъ, что въ Редъ-Ландфордѣ не могъ самъ выйти изъ экипажа. Однако, переночевавъ тутъ, онъ на слѣдующее утро могъ ѣхать далѣе, и благополучно прибылъ въ столицу.

Вскорѣ по возвращеніи Гримальди въ Лондонъ, случилось происшествіе, которое утвердило его въ убѣжденіи, что онъ никакъ не могъ скопить сколько-нибудь денегъ, чтобы не лишиться ихъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Однажды утромъ, возвращаясь домой съ прогулки, онъ не мало удивился, найдя у себя въ квартирѣ двухъ полицейскихъ служителей, описывавшихъ его имущество, за неплатежъ будто-бы денегъ за квартиру. Онъ показалъ росписку хозяина; но полицейскіе отвѣчали, что эта росписка не имѣла никакой силы, потому-что квартирный хозяинъ самъ нанималъ квартиру и передавалъ ее; что онъ не платилъ домохозяину, который и предъявилъ на него искъ. Гримальди побѣждалъ къ мистру Гьюзу, который совѣтовалъ ему заплатить, если не желаетъ лишиться своего добра. Нечего было дѣлать; Гримальди заплатилъ около

восьмидесяти фунтовъ, а на другой день явился къ нему домохозяинъ, съ предложеніемъ мировой сдѣлки, которая еще стоила ему довольно значительной суммы.

Въ этомъ году кончался срокъ его контракта съ Садлервельскимъ театромъ; онъ возобновилъ его еще на три года, выговоривъ себѣ по двѣнадцати фунтовъ въ недѣлю и два бенефиса. Затѣмъ онъ имѣлъ огромный успѣхъ въ новой пантомимѣ, данной къ Пасхѣ, подъ названіемъ «Арлекинъ и сорокъ дѣвъ». Куплеты, пѣтые имъ въ этой пьесѣ, такъ понравились публикѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ по улицамъ и въ гостинныхъ только и было слышно, что «J and my Neddy»; на часовыхъ циферблатахъ, на табакеркахъ, на всемъ рисовали его портретъ въ этой сценѣ.

Въ октябрѣ, при открытіи представленій въ Ковентгарденѣ, Гримальди познакомился съ Фарлеемъ **, который съ-тѣхъ-поръ остался однимъ изъ самыхъ преданныхъ ему друзей. Фарлей спрашивалъ его, въ какой роли онъ намѣренъ дебютировать въ Ковентгарденѣ; Гримальди указалъ на Скарамучіо въ «Донъ-Жуанѣ», одну изъ болѣе любимыхъ публикою ролей его. Фарлей совѣтовалъ ему однако взять роль Орсона въ «Валентинѣ и Орсонѣ», пьесѣ, имѣвшей въ прежнія времена огромный успѣхъ, но нѣсколько уже лѣтъ не игравшейся. Гримальди согласился, съ тѣмъ чтобы Фарлей помогъ ему разучить эту роль, ему еще не знакомую.

Нѣкоторые утверждали, будто Гримальди былъ ученикъ Дюбуа, и копировалъ его. Это совершенно несправедливо. Если можно кого назвать его учителемъ, то развѣ только Фарлея, который помогалъ ему своими совѣтами въ разученіи нѣсколькихъ большихъ ролей, начиная съ Орсона. Пьеса была представлена въ началѣ октября 1806, и вполне оправдала ожиданія Фарлея. Онъ самъ, въ роли Валентина, а Гримальди въ роли Орсона, приводили публику каждый разъ въ такой восторгъ, что пьеса игралась почти непрерывно до святочной пантомимы. По мнѣнію Гримальди, это была самая трудная изъ ролей, играемыхъ имъ до того времени. Сильныя чувства, которыя онъ долженъ былъ въ ней выражать, и быстрые ихъ переходы требовали отъ актера необыкновеннаго физическаго и нравственнаго напряженія. Въ-послѣдствіи онъ

* Я съ моимъ Недди. Недди, уменьшительное Эдварда, служить также кличкою осламъ.
Прим. пер.

** Фарлей аранжировалъ и сочинялъ пантомимы и самъ игралъ въ нихъ первыя серьезныя роли. Онъ славился необыкновенною мимикой; случалось, что онъ долго стоялъ безмолвно и неподвижно, а публика не могла отвести отъ него глазъ, потому-что въ лицѣ его въ эти минуты разыгрывалась цѣлая драма.
Прим. пер.

часто игралъ ее и въ Лондонѣ и въ провинціи, и каждый разъ, по окончаніи перваго дѣйствія, насилу тащился за кулисы и падалъ въ изнеможеніи въ кресла; онъ плакалъ, рыдалъ, съ нимъ дѣлались такія судороги, что товарищи, привыкшіе уже видѣть его въ такомъ состояніи, сомнѣвались иногда, чтобы онъ могъ выйти на сцену во второмъ дѣйствіи. Однако, когда нужно было выходить, онъ пересиливалъ себя, и зрители даже не подозрѣвали, чего стоили ему ихъ рукоплесканія. Такова сила привычки: на сценѣ актеръ живетъ не своею жизнью, а какою-то жизнью заимствованною, искусственною, и только когда занавѣсъ опустился, природа беретъ свое и строго взыскиваетъ съ артиста за данную ему способность отрѣшаться на время отъ дѣйствительной жизни.

Роль Орсона показала публикѣ новую сторону таланта Гримальди, и значительно возвысила его славу. Похваламъ и поздравленіямъ конца не было; знаменитѣйшіе артисты, литераторы и знатоки не могли надивиться его глубоко-обдуманной, превосходной игрѣ.

Въ это время ставилась новая пантомима «Mother Goose» («Матушка гусыня»), которой готовилась такая слава, какой до того времени не достигала ни одна пантомима. Дрюриленская дирекція, узнавъ, что на Ковентгарденскомъ театрѣ къ 26 декабря была приготовлена новая арлекинада, и боясь преимуществъ, которыя должно было доставить этому театру участіе Гримальди, рѣшилась дать свою пантомиму 23 числа и поставить ее съ неслыханнымъ великолѣпіемъ; на роль клоуна она ангажировала Монтомери, пользовавшагося громкою славою въ циркѣ. Несмотря однако на богатство обстановки, содержаніе пьесы было такъ ничтожно, что зрители скоро начали зѣвать, потомъ шикать, свистать, и наконецъ поднялся такой шумъ, что занавѣсъ опустился до окончанія пьесы. Гримальди и Болонья, присутствовавшіе при представленіи, вышли изъ театра очень довольные; Дрюриленскій театръ издавна былъ счастливѣе Ковентгарденскаго на пантомимы, и дирекція очевидно намѣревалась убить не только состязавшійся съ нею театръ, но и его артистовъ, а именно Гримальди и Болонью.

Между-тѣмъ, въ Ковентгарденѣ и дирекція и актеры очень безпокоились насчетъ участи «Матушки гусыни». Великолѣпный спектакль считался до того времени необходимою принадлежностью пантомимы; дирекція обыкновенно не щадила издержекъ на машины, декорации, костюмы и проч., особенно въ послѣдней сценѣ; потому-что цѣлую зиму весь городъ толковалъ о томъ, который изъ театровъ великолѣпнѣе заключилъ свою пантомиму. Въ «Матушкѣ гусыни» ничего этого не было; не было въ ней даже великолѣпнаго финала; самъ арлекинъ дол-

жень былъ явиться безъ мишуры, но Гримальди этого не допустилъ. Однимъ—словомъ, всѣ ожидали блистательнаго паденія, но судъ публики рѣшилъ иначе. Пьеса была принята съ восторгомъ, и повторялась безпрерывно до конца сезона, двадцать девять вечеровъ сряду, и каждый разъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Это новое доказательство ненадежности суда актеровъ въ такихъ предметахъ. Прелестная комедія Гольдсмита до самаго представленія обрекалась паденію и актерами, и даже опытными литераторами и критиками; тоже было съ пантомимой «Медовый мѣсяцъ», которая нѣсколько лѣтъ пролежала въ конторкѣ директора, потому—что всѣ единогласно рѣшили, что она вовсе не годилась для сцены **.

Впрочемъ Гримальди не перемѣнилъ своего мнѣнія о новой пантомимѣ, несмотря на ея успѣхъ. Онъ не находилъ въ ней рѣшительно ничего хорошаго. Сказать правду, онъ и Болонья много содѣйствовали своимъ талантомъ успѣху пьесы, и публика была къ ней весьма равнодушна въ—последствіи, когда роль арлекина была передана другимъ артистамъ. Девятаго іюня она была играна въ восемьдесятъ—второй разъ, въ пользу Гримальди и Болоньи, и дала сбору 680 фунтовъ.

Къ этому времени принадлежитъ новое и весьма странное знакомство Гримальди. Вотъ какъ оно завелось.

Однажды утромъ, въ январѣ 1807 года, явился къ Гримальди гость, въ которомъ, онъ, къ немалому удивленію, узналъ своего прежняго пріятеля Макинтоша. Гость очень ловко и вкрадчиво извинился въ шуткѣ, которую онъ сыгралъ нѣкогда безъ всякаго дурнаго умысла, изъ одного легкомыслія, и потомъ, когда Гримальди попросилъ его забыть этотъ случай, рассказалъ, что мать его продала свой постоянный дворъ и живетъ въ деревнѣ, а онъ открылъ заведеніе въ Лондонѣ, и поселился въ Сити, въ Трогмартонской улицѣ. Онъ былъ одѣтъ очень опрятно, даже въ пріемахъ своихъ видимо обтесался противъ прежняго. Гримальди, помня его гостепрѣимство, пригласилъ его къ обѣду на слѣдующее воскресенье. Макинтошъ принялъ приглашеніе, говорилъ дѣльно и занимательно, очень понравился всему обществу, и Гримальди отдалъ ему визитъ; жилъ онъ просто, но хорошо, и дѣла его, повидимому, шли очень успѣшно.

* «She stoops to conquer», одна изъ немногихъ старыхъ комедій, удержавшихся до нынѣ на англійской сценѣ.

Прим. пер.

** Когда она явилась на сценѣ, авторъ уже не могъ радоваться ея успѣху; онъ умеръ въ горя, а можетъ—быть и съ голоду.

Прим. пер.

Нѣсколько недѣль спустя, онъ опять пришелъ къ Гримальди, и сказалъ, что нѣкоторые добрые друзья его очень желали познакомиться съ мистромъ Гримальди, и просили его пожаловать къ нимъ когда-нибудь вечеркомъ, послѣ представленія. Гримальди сначала хотѣлъ уклониться, потому-что у него и безъ того было много приглашеній; но Макинтошъ просилъ его такъ убѣдительно, представляя своихъ друзей какъ людей очень богатыхъ и которыхъ знакомство могло современемъ принести большую пользу Гримальди, что онъ наконецъ согласился, условился о днѣ, и въ назначенный вечеръ, выходя изъ театра, нанялъ извозчика и поѣхалъ въ Фидрой-скверъ, гдѣ жили его новые знакомые. Извозчикъ остановился передъ такимъ большимъ и такъ ярко освѣщеннымъ домомъ, что Гримальди сначала подумалъ, что ошибся, и хотѣлъ ѣхать дальше; но въ это время явился Макинтошъ, одѣтый по послѣдней модѣ, увѣрилъ его, что онъ не ошибся, и ввелъ его въ роскошно-убранную залу, изъ которой былъ виднѣнъ цѣлый рядъ покоевъ, одинъ другаго великолѣпнѣе. Куда Гримальди ни смотрѣлъ, вездѣ видѣлъ онъ множество драгоценныхъ вещей, а столъ въ столовой былъ уставленъ самыми рѣдкими и дорогими лакомствами и винами.

Кромѣ Гримальди и Макинтоша было въ залѣ двѣнадцать человекъ, шесть дамъ и шесть мужчинъ, мужа и жены, какъ объяснилъ Макинтошъ. Хозяева, мистръ и мистрисъ Фармеръ, приняли гостя очень вѣжливо и благосклонно. Всѣ были одѣты очень богато; на дамахъ горѣли золото и драгоценные камни; прислуга въ богатыхъ ливреяхъ, однимъ-словомъ вездѣ и во всемъ была такая роскошь, что Гримальди, непривыкшій къ такимъ зрѣлищамъ, глазамъ не вѣрилъ. Однако кавалеры были такъ вѣжливы, дамы такъ милы и любезны, что онъ мало-по-малу освоился съ ними, а обворожительный аромать кушанья и винъ убѣдилъ, что эта часть видѣнія, по-крайней-мѣрѣ, была не сонъ, а дѣйствительность.

Гости ѣли, пили, болтали, пѣли, смѣялись, шутили, и время прошло незамѣтно, до пяти часовъ утра. Разказы Гримальди о всѣхъ видѣнныхъ имъ чудесахъ возбудили въ его женѣ живѣйшее желаніе видѣть ихъ также. Черезъ нѣсколько дней Макинтошъ явился опять съ приглашеніемъ. Гримальди хотѣлъ было уклониться, но Макинтошъ очень ловко устранилъ всѣ отговорки. Онъ объяснилъ, что говорилъ мистрисъ Фармеръ, какъ неохотно Гримальди ѣздитъ въ гости безъ жены; на что и изъявили сильное желаніе познакомиться съ мистрисъ Гримальди и поручили Макинтошу, убѣдительнѣе просить ее пожаловать, извиняясь въ томъ, что мистрисъ Фармеръ не могла сама пріѣхать съ визитомъ и приглашеніемъ.

Противиться не было никакой возможности. Гримальди поѣхалъ вечеромъ съ женою къ новымъ знакомымъ; во всемъ была та же роскошь, какъ и въ первый разъ, и гости были тѣ же. Затѣмъ послѣдовало еще много приглашеній, и даже все общество само назвалось провести вечеръ у Гримальди. Это было не совсѣмъ пріятно ему и его женѣ, потому что они не могли отвѣчать ничѣмъ похожимъ на гостепріимство своихъ важныхъ знакомыхъ. Однако они угостили ихъ какъ умѣли и какъ могли, а гости были очень любезны и объявили, что имъ рѣдко случалось проводить вечеръ такъ пріятно. Беседа была жива и весела, и новые знакомые разстались друзьями.

Отъ вниманія Гримальди и его жены не скрылось однако, что въ ихъ знатныхъ друзьяхъ и покровителяхъ было что-то странное, таинственное, что-то такое, чего они никакъ не могли разгадать. Они между собою были не родня, но всегда вмѣстѣ, и не допускали въ свой кругъ никого посторонняго, кромѣ Гримальди и его жены. За исключеніемъ перемѣны одежды, всегда равно богатой, они постоянно были совершенно одинаковы и имѣли даже разительное сходство другъ съ другомъ. Мужчины, повидимому, не имѣли никакого занятія, и въ вѣжливости ихъ, также какъ и въ любезности и развязности дамъ, было что-то особенное; но въ чемъ именно заключалась эта особенность, ни Гримальди, ни жена его не могли сказать, какъ ни ломали себѣ головы. Гримальди видѣлъ, что приемы кавалеровъ были совсѣмъ не тѣ, что у другихъ знатныхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ въ театральномъ фойе; но чѣмъ они отличились, онъ не умѣлъ опредѣлить. Часто рассуждалъ онъ объ этомъ съ женою, и загадка казалась все болѣе непроницаемою; между-тѣмъ приглашенія слѣдовали за приглашеніями всю зиму.

Тринадцатаго марта Гримальди обѣщалъ ѣхать въ Вульвичъ чтобы участвовать въ бенефисѣ мистра Лоа. Объ этомъ зашла передъ тѣмъ рѣчь у мистра Фармера, который тотчасъ предложилъ своимъ пріятелямъ ѣхать въ Вульвичъ съ ихъ общимъ другомъ, обѣщая послѣ представленія угостить ихъ ужиномъ, и на другой день возвратиться вмѣстѣ въ Лондонъ. Всѣ охотно согласились, кромѣ одного, который отговорился тѣмъ, что пригласилъ къ себѣ на этотъ вечеръ очень знатнаго друга. Отказавшійся назывался именованъ, довольно необыкновеннымъ для знатнаго человѣка, а именно мистръ Джонсъ.

Спутники собрались въ назначенный часъ и отправились съ Макинтошемъ и Гримальди. Они пообѣдали вмѣстѣ въ Вульвичѣ, и пошли въ театръ. Таинственные господа говорили очень громко въ своей ложѣ,

много аплодировали, и произвели сильное впечатлѣніе на публику, и особенно на артистовъ. Поужинавъ у мистра Фармера и переночевавъ въ Вульвичѣ, спутники отправились въ Лондонъ; мистръ Фармеръ и его друзья въ каретахъ, а Макинтошъ, Гримальди и нѣсколько артистовъ пѣшкомъ. Гримальди воспользовался этимъ случаемъ, чтобы разспросить Макинтоша насчетъ его знакомыхъ; но тотъ отвѣчалъ очень уклончиво. Нѣсколько дней спустя, когда онъ зашелъ вечеромъ къ Гримальди, оба супруга пристали къ нему, чтобы общими силами вывѣдать что-нибудь отъ него; но такъ же безуспѣшно. Между-тѣмъ загадка скоро раскрылась сама-собою, какъ читатели увидятъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XIII.

1807.

Раскрытіе загадки шести кавалеровъ и шести дамъ.

Прошло недѣли три; о таинственныхъ знакомыхъ не было ни какого слуху. Однажды утромъ къ Гримальди явился незнакомый человѣкъ. Это его не удивило, потому-что онъ привыкъ къ такимъ посѣщеніямъ. Онъ попросилъ незнакомца сѣсть, и послѣ первыхъ привѣтствій, спросилъ чему обязанъ посѣщеніемъ. — «Гмъ! отвѣчалъ незнакомецъ, ставя шляпу, какъ-будто готовясь просидѣть довольно долго: дѣло, которое привело меня къ вамъ, довольно необыкновенно. Я думаю, прежде всего должно я сказать вамъ, кто я такой: мое имя Гармеръ».

— Гармеръ? повторилъ Гримальди, стараясь припомнить, не слыхалъ ли онъ о какомъ актерѣ, носившемъ это имя.

— Джемсъ Гармеръ, изъ Гаттонгардена. Миѣ весьма прискорбно, что я принужденъ обезпокоить васъ по очень непріятному дѣлу.

Гримальди перенугался, потому-что эти слова были произнесены какъ то торжественно, хотя очень вѣжливо и спокойно. Онъ попросилъ мистра Гармера объясниться безъ обиняковъ.

— Сейчасъ объясню вамъ все дѣло, сказалъ мистръ Гармеръ. Не знаете ли вы одного человѣка, по имени Макинтоша?

— Какъ же, знаю, отвѣчалъ Гримальди, и мысли его мгновенно перенеслись отъ Макинтоша къ загадочнымъ дамамъ и кавалерамъ.

— Такъ объ этомъ то Макинтошѣ пришелъ я поговорить съ вами; его жизнь въ большой опасности, продолжалъ мистръ Гармеръ съ торжественностью.

Гримальди тотчасъ заключилъ, что мистръ Гармеръ былъ врачъ, сказалъ, что ему весьма прискорбно слышать объ опасности мистра Макинтоша, и спросилъ, давно ли онъ захворалъ и чѣмъ?

— Тѣломъ онъ совершенно здоровъ, возразилъ Гармеръ съ таинственною улыбкою. Мистръ Гримальди, съ-тѣхъ-поръ, какъ я посвящалъ себя практикѣ, много видѣлъ я примѣровъ, что жизнь людей подвергалась опасности при отличнѣйшемъ здоровьи.

Гримальди подхватилъ, что мистръ Гармеръ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, случаи скоростижной смерти своихъ пациентовъ. Гармеръ подтвердилъ его догадку, сказавъ, что Макинтошъ, вѣроятно, скоростижно простится съ жизнью.

— Я искренно сожалею о немъ, сказалъ Гримальди: однако, сдѣлайте одолженіе скажите мнѣ прямо, чѣмъ онъ страдаетъ, какую болѣзнь?

— Болѣзнь эта называется воровствомъ со взломомъ, отвѣчалъ Гармеръ.

— Воровство со взломомъ! вскричалъ Гримальди, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Дѣло очень просто, сэръ. Макинтошъ обвиняется въ учиненіи воровства со взломомъ въ Конгльтонѣ, въ Чешайрѣ. Я его адвокатъ*; улики противъ него очень сильны, и если присяжные признаютъ его виновнымъ, что мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, то ему не увернуться отъ висѣлицы.

Гримальди былъ такъ пораженъ, что нѣкоторое время не могъ продолжать разговора. Когда онъ немножко оправился, онъ поспѣшилъ сказать, что всегда считалъ Макинтоша честнымъ и благороднымъ человекомъ; иначе избѣгалъ бы всѣми средствами его знакомства.

— Ну, если онъ былъ честнымъ и благороднымъ человекомъ, то развѣ очень давно! возразилъ Гармеръ. Впрочемъ онъ, кажется, искренно желаетъ исправиться, и во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что онъ не участвовалъ въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняется.

* Мистръ Гармеръ постоянно бралъ ходеніе по такимъ дѣламъ. *Прим. пер.*

— Боже милостивый! а между-тѣмъ вы думаете, что ему не избѣжать висѣлицы?

— Не избѣжать, если не будетъ доказано его отсутствіе съ мѣста преступленія; доказать же это можетъ одинъ только человѣкъ, и этотъ человѣкъ—вы.

— Въ такомъ случаѣ приказывайте! что мнѣ должно дѣлать?

Тутъ Гармеръ объяснилъ Гримальди, что преступленіе было совершено въ тотъ самый вечеръ, когда онъ игралъ въ Вульвичѣ, и ужиналъ съ Макинтошемъ. Это обстоятельство, конечно, было очень важно для послѣдняго, и Гримальди обѣщала подтвердить его показаніе своимъ свидѣтельствомъ. Затѣмъ Гармеръ удалился.

Нѣсколько дней спустя, Макинтошъ, бывъ освобожденъ на поруки, поспѣшилъ къ Гримальди, чтобы поблагодарить его. Очень понятно, что Гримальди желала прекратить всякія сношенія съ нимъ; но была слишкомъ добра, чтобы обидѣть стараго знакомаго крутымъ словомъ, а съ другой стороны слишкомъ любопытна, чтобы отпустить его, не разспросивъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Итакъ онъ пригласилъ Макинтоша сѣсть, и сказалъ:—«Мистръ Макинтошъ, мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы вы могли участвовать въ такомъ низкомъ преступленіи; слишкомъ многое говорить въ вашу пользу. Я увѣренъ также, что кромѣ меня, бѣднаго актера, добывающаго пропитаніе своимъ искусствомъ, вы можете сослаться на свидѣтельство другихъ лицъ для вашего оправданія, напримѣръ на свидѣтельство вашихъ почтенныхъ друзей; одно слово мистра Фармера, конечно, будетъ имѣть большой вѣсъ въ судѣ.

Макинтошъ мгновенно покраснѣлъ, печально покачалъ головою, и, повидимому, готовъ былъ захохотать сквозь слезы. Гримальди, который не могъ похвалиться опытностью и знаніемъ свѣта, ждалъ отвѣта Макинтоша, и нѣсколько помолчавъ, прибавилъ:—«А супруги этихъ господъ! да имъ стоить только явиться въ судъ, и васъ тотчасъ освободятъ!»

— Мистръ Гримальди, сказалъ наконецъ Макинтошъ дрожащимъ голосомъ,—потому-что онъ не могъ уже удерживаться отъ смѣха, не смотря на то, что положеніе его было вовсе не забавно:—мистръ Гримальди, ни одна изъ этихъ дамъ не замужемъ.

Гримальди недовѣрчиво посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Ни одна изъ нихъ не замужемъ, повторилъ Макинтошъ: онѣ выдавали себя за замужнихъ, но это ложь!

— Какъ же вы, сэръ, гнѣвно вскричала Гримальди, осмѣлились

приглашать къ нимъ мою жену, и убѣждать меня представить ее ложной мистрисъ Фармеръ?

— Я очень сожалью о своемъ легкомысленномъ поступкѣ, сэръ! смиренно отвѣчалъ Макинтошъ.

— Послѣ этого я требую, чтобы вы открыли мнѣ всю истину. Я хочу знать, что такое эти дамы и эти господа, и почему вы покачали головою, когда я сказалъ, что вы можете сослаться на ихъ свидѣтельство.

— Мистръ Грималди, отвѣчалъ Макинтошъ, потупивъ глаза: они не явятся, хотя бы и были призваны въ свидѣтели; а еслибъ явились, то мнѣ было бы отъ того больше вреда, чѣмъ пользы потому-что они все коротко знакомы полиціи!

— Полиціи?

— Да, сэръ, полиціи; все они отъявленные негодяи, одинъ другаго хуже!

— Какъ, и Фармеръ?

— Фармеръ былъ приговоренъ къ смерти въ Ольдъ-Бэйли, и помилованъ подъ висѣлицею.

— А Вильямсъ?

— Промышляетъ подлогами.

— А Джессонъ?

— Джессонъ съ Барберомъ занимаются воровствомъ со взломомъ.

— Ну, а тотъ, что смахиваетъ на жида,—какъ бишь его? — что поетъ пѣсни Нелли?

— Онъ спускаетъ фальшивые банковые билеты, и уже три раза стоялъ у позорнаго столба.

— Что жъ такое наконецъ Джонсъ?—убійца?

— Нѣтъ, только воръ. Припомните хорошенько,—онъ отказался отъ поѣздки съ нами въ Вульвичъ. Въ тотъ самый день онъ отправился въ Чешайръ, для той именно кражи, которую теперь взводятъ на меня. Я это сегодня только открылъ; но къ сожалѣнію, не могу доказать, а бывшіе мои друзья употребляютъ все средства, чтобы свалить вину на меня, и довести меня до висѣлицы; они хотятъ этимъ спасти Джонса, который имъ дороже меня.

Грималди былъ приведенъ въ ужасъ открытіемъ, что онъ водилъ знакомство съ такою воровскою шайкою, и мыслью, что на него могло пасть подозрѣніе въ сообщничествѣ съ нею. Въ первую минуту онъ не могъ сказать слова; потомъ вскочилъ въ ярости, схватилъ Макин-

тоша за горло, и закричалъ, какъ онъ смѣлъ, подъ видомъ дружбы, затащить его въ такой разбойничій притонъ. Макинтошъ въ страхѣ бросился къ его ногамъ, моля о пощадѣ и клянясь, что онъ искренно кается въ своемъ проступкѣ.

— Отвѣчайте еще на одинъ вопросъ, сказала Гримальди, освобождая его. Говорите откровенно, не утаивая ничего; только совершенное чистосердечіе съ вашей стороны дастъ вамъ право надѣяться на мою снисходительность. Чтò побудило васъ вовлечь меня въ общество этихъ презрѣнныхъ людей? чего хотѣли вы отъ меня?

— Клянусь, что скажу вамъ правду, безъ малѣйшей утайки, отвѣчалъ Макинтошъ. — Эти господа, видѣвъ васъ на сценѣ, заключили, что вы должны быть очень пріятнымъ собесѣдникомъ; узнавъ, что я былъ знакомъ съ вами, они не давали мнѣ покоя, пока я не согласился свести ихъ съ вами; но клянусь вамъ Богомъ, я согласился только, когда они дали мнѣ слово, что не сдѣлаю вамъ никакого вреда, и что званіе ихъ останется для васъ навсегда тайною. Мистръ Гримальди, вы превзошли всѣ ихъ ожиданія; они были такъ восхищены вашими куплетами, анекдотами и разговоромъ, что я долженъ былъ обѣщать привести васъ въ другой разъ. Вотъ вамъ вся истина.

Хотя это объясненіе сняло съ души Гримальди страшную заботу, относительно причинъ, побудившихъ шайку воровъ втянуть его въ свое общество, однако ему очень больно и обидно было вспомнить, что онъ служилъ забавой ворами и мошенникамъ. Онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва и досады, а чѣмъ рѣже онъ предавался гнѣву, тѣмъ труднѣе было ему совладѣть съ этимъ чувствомъ. Макинтошъ рѣшился на самое благоразумное дѣло, и окончивъ свое признаніе, поспѣшно удалился.

Съ недѣлю спустя послѣ этого пріятнаго свиданія, Гримальди сидѣлъ за завтракомъ, когда ему доложили, что его спрашиваетъ какая-то дама, и вслѣдъ за тѣмъ онъ, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ передъ собою мистрисъ Фармеръ. Она очень спокойно и безцеремонно усѣлась, и начала разговоръ восклицаніемъ: — «Ну чтò вы скажете, Гримальди? вѣдъ нашъ Джакъ Макинтошъ попалъ въ славные тиски?»

— Вы совершенно правы, и мнѣ очень жаль его, бѣдняка! сказала Гримальди, не успѣвъ еще оправиться отъ изумленія.

— Вамъ жаль его? право? А я такъ о немъ почти вовсе не сожалѣю. Такъ ужъ свѣтъ созданъ, сегодня одинъ, завтра другой; никому не миновать своей очереди. И ему грѣшно бы жаловаться, долго все съ рукъ сходило!

Очевидно было, что шайка отказалась отъ всякой надежды скрыть долге свой промыселъ, и потому рѣшилась обращаться съ Гримальди какъ со своимъ, дать дѣлу такой видъ, какъ-будто онъ давно зналъ, съ кѣмъ водилъ знакомство. Гримальди, съ своей стороны, рѣшился дѣйствовать твердо, и какъ скоро гостыя кончила свою рѣчь, онъ сказалъ: — «До сихъ-поръ я былъ довольно слѣпъ, или простъ, чтобы позволить завлечь себя въ знакомство съ вашими пріятелями и подругами. Я очень сожалѣю о своей глупости, по многимъ причинамъ, а болѣе всего потому, что она ставитъ меня теперь въ необходимость отложить въ сторону вѣжливость и снисхожденіе, обыкновенно оказываемыя женщи́нѣ. Но я не могу поступить иначе, и потому покорнѣйше прошу васъ сказать вашимъ друзьямъ и пріятельницамъ, чтобы они не изволили беспокоить меня своими визитами, что я не желаю болѣе видѣть ихъ, и ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ говорить съ ними.

Затѣмъ Гримальди позвонилъ, и приказалъ вошедшей служанкѣ выпустить гостыю, какъ скоро ей угодно будетъ удалиться, и впредь никогда не впускать ни ее, и никого изъ тѣхъ, которые бывали съ нею. Гостыя тотчасъ ушла, а онъ былъ очень радъ, что такъ скоро отъ нея отдѣлался. Послѣ того онъ нѣсколько мѣсяцевъ не видалъ ни ея, ни ея сообщниковъ.

Все время и вся дѣятельность Гримальди были посвящены его занятіямъ по двумъ театрамъ, Садлервельзскому и Ковентгарденскому. Въ іюль 1807 года случилось происшествіе, о которомъ Гримальди рассказываетъ съ справедливою гордостью. Экипажъ корабля, недавно вернувшагося изъ далекаго путешествія, собрался въ Садлервельскомъ театрѣ, и въ числѣ его былъ одинъ матросъ, нѣсколько лѣтъ уже лишившійся слуха и языка. Игра Гримальди возбуждала во всемъ театрѣ непрерывный хохотъ, и никто, повидимому, такъ не восхищался, какъ глухонѣмой. Товарищи спрашивали его, знаками, доволенъ ли онъ, и онъ знаками же отвѣчалъ, что отъ роду не видалъ ничего смѣшнѣе и лучше. Между-тѣмъ восторгъ публики все возрасталъ, и послѣ одного особенно сильнаго и продолжительнаго взрыва общей веселости, нѣмой, видѣ себя отъ восхищенія, закричалъ на весь театръ: — «Ну ужъ, какой забавникъ!» — «Джакъ, вскричали изумленные товарищи, ты говоришь? — Говорю? Да, я кажется, могу говорить, и слышу!» отвѣчалъ нѣмой, самъ не постигая, что съ нимъ дѣлалось. Матросы провозгласили три оглушительные ура, а по окончаніи представленія вынесли своего товарища на плечахъ; вокругъ нихъ собралась толпа народа, въ которой переходило изъ устъ въ уста, какимъ-обра

зомъ Гримальди возвратилъ слухъ и языкъ глухонѣмому. Въ тавернѣ подь вывѣской сэра Гью Мидльтона, у Садлервельскаго театра, куда товарищи отнесли исцѣленнаго и гдѣ Гримальди самъ видѣлъ его на другой день, онъ разсказалъ, что лишился слуха и языка отъ дѣйствія тропическаго солнца; что приведенный въ восторгъ уморительною мимикою Гримальди, онъ сталъ силиться высказать свое восхищеніе товарищамъ, и самъ не понималъ, какъ вдругъ сталъ слышать и говорить.

Въ августѣ Гримальди былъ позванъ въ стаффордскій судъ, для спроса по дѣлу его знакома Макинтоша. Онъ поѣхалъ съ мистромъ Гармеромъ, а на слѣдующій день началось самое дѣло. Адвокатъ обвинителя силится напередъ ослабить свидѣтельство Гримальди, наведя на него подозрѣніе, и его самого сбить съ толку и напугать. Лицо обвиненнаго выражало величайшій страхъ и безпокойство; онъ боялся, чтобы свидѣтель не поддался лукавымъ доводамъ адвоката противной стороны, или не обратился противъ него изъ мести. Но Гримальди поставилъ себѣ долгомъ забыть всякое личное неудовольствіе, и остаться вѣрнымъ истинѣ и данному слову. Девять свидѣтелей показали противъ подсудимаго, и къ немалому удивленію Гримальди, подь присягою признали Макинтоша за то самое лицо, которое они видѣли на мѣстѣ преступленія. Гримальди, а потомъ его жена, показали, также подь присягою, что Макинтошъ былъ въ то время съ ними, совершенно въ другой сторонѣ; при этомъ, не отступая отъ истины, они ловко избѣжали всего, что могло бы клониться ко вреду подсудимаго. Судья объяснилъ присяжнымъ, что показаніе обвиняющихъ свидѣтелей должно быть ошибочно, и пригласилъ ихъ выйти для совѣщанія: заключеніе ихъ было «не виновенъ.»

Передъ возвращеніемъ въ Лондонъ, Гримальди видѣлся еще разъ съ Макинтошемъ, и сдѣлалъ ему строгое увѣщаніе. Макинтошъ благодарилъ его и обѣщавалъ исправиться. Гримальди, конечно, не желалъ болѣе водить съ нимъ знакомства, однако позволилъ ему писать къ нему въ случаѣ нужды, потому-что не хотѣлъ, чтобы недостатокъ помощи и отчаяніе вторично завлекли его въ преступленія. Впрочемъ онъ съ тѣхъ-поръ уже не видалъ Макинтоша, и даже не слышалъ ни о немъ, ни о почтенномъ обществѣ, въ которое легкомысленный молодой человекъ вовлекъ его съ женою.

ГЛАВА XIV.

1807—1808.

Клоувъ въ домѣ сумасшедшихъ. — Брэдбери; его похождения, жизнь и смерть. — Несчастный случай въ Садлервельскомъ театрѣ. — Ночная поѣздка въ Финчлей. — Поѣздка въ Бирмингемъ. — Директоръ Макреди. — Возвращеніе въ Лондонъ.

Возвратившись въ Лондонъ, Гримальди, разумѣется, тотчасъ явился въ Садлервельскій театръ, гдѣ, къ великому его удивленію, Дибдинъ сказалъ ему, что онъ въ настоящее время ненуженъ, потому-что Брэдбери ангажированъ на двѣ недѣли, и далъ уже нѣсколько представлений съ огромнымъ успѣхомъ. Это извѣстіе было очень непріятно для Гримальди; онъ боялся, что публика, пожалуй, для новаго своего любимца забудетъ стараго. Еще досаднѣе стало ему, когда директоръ изъявилъ желаніе, чтобы въ бенефисѣ Брэдбери оба они участвовали въ одной и той же пантомимѣ. Гримальди согласился, но противъ своего желанія и съ твердымъ убѣжденіемъ, что соперникъ совершенно вытѣснить его изъ милости публики. Брэдбери былъ этимъ также недоволенъ, сколько ни толковали ему, что участіе Гримальди значительно увеличиваетъ сборъ, а это обстоятельство было для него тѣмъ важнѣе, что онъ долженъ былъ подѣлиться выручкою съ дирекцію.

Наступилъ роковой день. Брэдбери долженъ былъ играть клоуна въ первыхъ сценахъ; на слѣдующія три сцены сдать роль Гримальди, и явиться опять въ концѣ пьесы. Гримальди былъ въ отчаяніи, и говорилъ друзьямъ, что онъ погибъ. Послѣдствія показали, однако, что его опасенія были неосновательны. Какъ только онъ вышелъ, его встрѣтили оглушительныя рукоплесканія, которыя возобновлялись въ началѣ и въ концѣ каждой сцены. Брэдбери былъ очень не доволенъ, и сталъ сильно опасаться за себя; онъ хотѣлъ перещеголять соперника, но несмотря на свои старанія и на усилія его приверженцевъ, наполнившихъ театръ, былъ освистанъ и передалъ роль Гримальди, который окончилъ за него пантомиму, и вполне убѣдился въ неосновательности своихъ опасеній. Самъ Брэдбери сознался, что никогда не видалъ такого отличнаго клоуна, и что никогда не рѣшился бы играть съ нимъ, еслибъ зналъ его прежде.

Брэдбери былъ впрочемъ порядочный актеръ и очень хорошій клоувъ, но совершенно въ другомъ родѣ, такъ-что его нельзя было и

сравнивать съ Гримальди. Мимика его была не изъ самыхъ отборныхъ, а отличался онъ преимущественно необыкновенными прыжками и гимнастическими штуками. Напримѣръ онъ прыгалъ съ верху кулисъ на сцену. Чтобы безопасно выдѣлывать подобныя штуки, онъ употреблялъ много времени на свой туалетъ, надѣвая подушки на голову, на плечи, локти, бока, колѣни и пятки. Кто не зналъ этого, могъ подумать, что онъ нарочно искалъ случая сломить себѣ шею. Гримальди напротивъ, никогда не прибѣгалъ къ подушкамъ, и не тянулся за Бладберри въ гимнастическомъ искусствѣ; какъ клоунъ, онъ былъ гораздо умѣреннѣе и спокойнѣе, но зато несравненно забавнѣе и занимательнѣе. Бладберри тѣмъ не менѣе былъ совершенно самостоятеленъ, не копировалъ никого; онъ создалъ себѣ свою манеру, и не уклонялся отъ нея.

Гримальди долго ничего не слыхалъ о бывшемъ своемъ соперникѣ. Онъ не водилъ съ нимъ знакомства, и чрезвычайно удивился, получивъ однажды письмо, въ которомъ Бладберри убѣдительно просилъ его посѣтить его, и гдѣ же? — въ гокстонскомъ домѣ сумасшедшихъ. Гримальди въ нерѣшимости показалъ письмо своему пріятелю Лоренсу, прося у него совѣта. Лоренсъ совѣтовалъ ѣхать, и вызвался сопровождать его.

И такъ Гримальди поѣхалъ съ Лоренсомъ въ Гокстонъ. Ихъ привели къ Бладберри, съ которымъ въ заведеніи обращались точно такъ же, какъ и съ другими пациентами: голова у него была обрита, и сидѣлъ онъ въ клѣткѣ. Когда Гримальди заговорилъ съ нимъ, какъ съ сумасшедшимъ, онъ расхохотался. — «Любезнѣйшій другъ, сказалъ онъ, говорите со мною просто: я точно такой же сумасшедшій, какъ вы сами.»

Гримальди этимъ не убѣдился; онъ зналъ, что люди довольно часто сходятъ съ ума на той мысли, что они не сумасшедшіе; онъ держался по прежнему на почтительномъ разстояніи, но скоро убѣдился, что Бладберри говорилъ правду. Вотъ обстоятельство, въ-слѣдствіе, которыхъ онъ попалъ въ домъ умалишенныхъ.

Бладберри жилъ на довольно богатую ногу, держалъ экипажъ и водился съ знатными людьми. Однажды, когда онъ давалъ представленіи въ Плимутѣ, пришелъ туда изъ Портсмута корабль, на которомъ были у него знакомые офицеры. Онъ бывалъ у нихъ на кораблѣ, они приходили провать съ нимъ въ городъ. Однажды, просидѣвъ цѣлую ночь въ трактирѣ, за виномъ и веселой бесѣдой, Бладберри собираясь домой, сталъ искать золотой табакерки, которую онъ положилъ на столъ. Послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, пріятели заключили, что, вѣроятно,

одинъ изъ ихъ товарищей, молодой человекъ, удалившійся тотчасъ послѣ ужина, унесъ табакерку ради шутки, чтобъ напугать хозяина. Они отправились къ молодому человекъ, который принялъ ихъ очень грубо, говоря что онъ не видалъ табакерки, и не понимаетъ, какъ можно было подозрѣвать его въ такой глупой шалости. Онъ до того обидѣлся предположеніемъ, что на слѣдующее утро не хотѣлъ завтракать съ пріятелями, и объявилъ, что немедленно отправляется въ Лондонъ. Эта странная обидчивость только усилила подозрѣніе Брадбери; онъ тотчасъ выхлопоталъ позволеніе арестовать молодого человекъ, и явился къ нему съ полиціею въ ту самую минуту, какъ онъ садился въ карету, чтобъ ѣхать въ Лондонъ. При обыскѣ нашли въ его чемоданѣ разныя вещи, принадлежавшія его пріятелямъ, и въ томъ числѣ пропавшая накануне табакерка. Брадбери подалъ жалобу въ судъ. Когда родственники послѣдняго узнали объ этомъ, они стали предлагать Брадбери значительную денежную сумму, съ тѣмъ чтобы онъ отступился отъ иска, и наконецъ обѣщали ему пожизненную пенсію. Брадбери не устоялъ противъ такихъ искушеній. Оставалось придумать средство, чтобы взять деньги, не подвергаясь наказанію за отступленіе отъ иска* и не осрамивъ еще болѣе виновнаго. Онъ рѣшился на странную хитрость: распустилъ слухъ о своемъ сумасшествіи и сталъ вести себя такъ, что его пришлось посадить въ домъ умалишенныхъ; а между тѣмъ виновный былъ освобожденъ отъ суда за неявку обвинителя. Затѣмъ Брадбери сталъ хлопотать о своемъ освобожденіи, и былъ выпущенъ на другой день послѣ свиданія съ Грималди. Ему не позволялось ни писать, ни читать; онъ съ трудомъ упроеилъ кого-то написать къ Грималди, котораго онъ хотѣлъ просить играть за него въ его бенефисъ, на Суррейскомъ театрѣ. Грималди охотно согласился, игралъ за него, собиралъ даже за него деньги въ галереѣ. Бенефисъ шелъ какъ нельзя лучше, пока не явился самъ бенефициантъ. Онъ отпустилъ какую-то очень дерзкую штуку; публика обидѣлась и освистала его на повалъ.

Это происшествіе испортило всю будущность Брадбери. Онъ нѣсколько лѣтъ не смѣлъ являться на лондонскихъ театрахъ, игралъ въ провинціи, но никогда уже не достигъ прежней своей славы. Онъ могъ бы жить независимо своею пенсіею; но была ли она прекращена, или

* По англійскимъ законамъ, истецъ, который безъ разрѣшенія суда заключаетъ съ отвѣтчикомъ мировую, изъ корыстныхъ видовъ, и отступаетъ отъ иска, подвергается значительному денежному штрафу.

онъ слишкомъ сорилъ деньгами, только онъ умеръ въ 1828 году въ очень жалкомъ положеніи, если не просто съ голоду.

Въ октябрѣ ужасное происшествіе горестно ознаменовало конецъ представленій Садлервельскаго театра. Пятнадцатаго октября, Гримальди рано кончилъ свою роль и отправился домой. Около полуночи, когда онъ давно уже легъ спать, раздался ужасный стукъ на подъѣздѣ. Сначала онъ подумалъ, что эта была ватага запоздалыхъ гулякъ, для забавы тревожившая сонъ мирныхъ гражданъ; такіе случаи въ то время водились за частую, даже между знатными людьми; но стукъ все продолжался и усиливался, такъ-что онъ рѣшился надѣть халатъ и сойти внизъ. Стучавшіе были все короткіе друзья его. Они сказали, что пришли только узнать, живъ ли онъ, и очень обрадовались, увидавъ его невредимаго. Потомъ они рассказали, что во-время послѣдней пьесы нѣсколько негодяевъ, въ партерѣ, вздумали кричать «пожаръ!», что зрители перепугались, и пошла давка, въ которой нѣсколько человѣкъ погибло. Гримальди поспѣшилъ въ театръ, но тамъ была еще такая давка, что невозможно было пройти; онъ бросился въ Новый-каналъ, переплылъ его и вскочилъ по арлекиновски въ первое отворенное окно. Кто опишетъ его ужасъ, когда онъ очутился между девяти труповъ. Это были останки людей, которые за полчаса передъ тѣмъ смѣялись и веселились, не думая о смерти, которая была у нихъ за плечами! Гримальди простоялъ нѣсколько минутъ передъ этою картиною, и пошелъ въ двери. Она была заперта снаружи; онъ сталъ стучаться; служители сначала сами перепугались, но узнавъ голосъ Гримальди, успокоились и выпустили его.

Только на слѣдующій день открылось число жертвъ этого несчастнаго случая; убитыхъ было двадцать-три человѣка, но множество опасно раненныхъ. Несчастіе приписывали главнымъ образомъ безразсудству тѣхъ, которые первые поспѣли къ выходамъ, и узнавъ ложность слуха о пожарѣ, вернулись, чтобы занять свои мѣста. Другіе, воображая что выходы были заперты, стали тѣмъ болѣе рваться къ нимъ. Многіе бросались изъ галерей въ партеръ; другіе, въ отчаяніи, хотѣли прорваться сквозь толпу, и были задавлены, или затоптаны ногами.

Такъ какъ это случилось за три дня до закрытія театра, то дирекція заблагоразсудила уже не открывать его въ этомъ году. Тѣ изъ артистовъ, которымъ слѣдовало еще бенефисы, получили ихъ въ Циркѣ, и сезонъ 1807 года кончился такъ печально, какъ не бывало еще примѣра на Садлервельскомъ театрѣ.

Двадцать шестаго декабря была представлена въ первый разъ новая пантомима «Арлекинъ въ своей стихіи, или огонь, вода, земля и воздухъ.» Болонья игралъ арлекина, а Гримальди клоуна. Пьеса имѣла большой успѣхъ, вполнѣ заслуженный, по мнѣнію Гримальди, который имѣлъ въ ней одну изъ лучшихъ своихъ ролей. Въ-продолженіе этого сезона онъ часто игралъ также въ мелодрамѣ «Бонифачіо и Бриджеттино», и особенно роль Батиста въ «Раймундѣ и Агнесѣ», балетѣ Фарлея, заимствованномъ изъ Люисова «Монаха».

Въ это время Гримальди жилъ за городомъ, въ Финчлеѣ, куда и отправлялся по вечерамъ, послѣ театра, въ маленькомъ кабріолетѣ. Если не было назначено репетиціи, онъ оставался тамъ до слѣдующаго вечера; въ противномъ случаѣ уѣзжалъ въ городъ тотчасъ послѣ завтрака. Первоначально онъ нанялъ этотъ домикъ на короткое время, для своего ребенка, которому врачи совѣтовали подышать сельскимъ воздухомъ; но жизнь за городомъ такъ понравилась самимъ родителямъ, что они поселились тутъ совершенно, несмотря на неудобство. Ночныя поѣздки изъ города домой были сопряжены съ различными приключеніями, болѣею частью только забавными, иногда же и опасными. Часто случалось ему засыпать въ кабріолетѣ по выѣздѣ за заставу, и просыпаться только, когда лошадь сама останавливалась у подъѣзда. Однажды, уставъ отъ представленія, онъ уснулъ такъ крѣпко, что даже не слышалъ, какъ пріѣхалъ къ воротамъ; всего же лучше было то, что слуга, ожидавшій его у воротъ, также вздумалъ соснуть, и они, можетъ-быть, провели бы такъ всю ночь, еслибъ лошадь не соскучилась стоять у воротъ, запряженною, и не выразила своего нетерпѣнія дерганіемъ возжей, ржаніемъ и топотомъ. Другое приключеніе, опасное, мы расскажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ мартѣ 1808 года Кембль отпустилъ Гримальди въ Бирмингемъ, участвовать въ бенефисѣ своей невѣстки. Директоромъ бирмингемскаго театра былъ тогда Макреди, отецъ знаменитаго трагика. Онъ принялъ его очень радушно, и предложилъ ему сыграть, послѣ бенефиса, еще нѣсколько ролей, на очень выгодныхъ условіяхъ. Гримальди предвидѣлъ такое предложеніе, и уѣзжая изъ Лондона, удостовѣрился, что могъ пробыть нѣсколько лишнихъ вечеровъ, и что на Ковентгарденскомъ театрѣ не было назначено ему занятія. По этому онъ охотно согласился на желаніе Макреди, и позавтракавъ, отправился съ нимъ на репетицію; тутъ онъ замѣтилъ, что театръ былъ очень бѣденъ различными театральными принадлежностями, на которыхъ основаны главные эффекты въ пантомимахъ. Пантомимы почти невозможно было давать. Онъ

долго думалъ, какъ-бы добыть нужные предметы, и наконецъ сообщилъ свое недоумѣніе директору.

— Принадлежности, гмъ! сказалъ Макреди. Вы, столичные артисты, ужасно избалованы; вамъ нужны сотни вещей, тогда какъ мы, въ провинціи, обходимся съ одною. Впрочемъ будьте спокойны, вамъ будетъ доставлено все, что нужно. Эй, Циль, сбѣгай-ка на рынокъ и купи поросенка, гуся и двухъ утокъ. Мистръ Гримальди требуетъ принадлежностей, надо угодить ему.

Гримальди подумалъ, что у директора была, безъ сомнѣнія, своя особенная терминологія, которую слуги ужъ понимали, и принялся сочинять пантомимныя сцены для заключенія спектакля. Минуть черезъ пять, громкій хохотъ возвѣстилъ возвращеніе слуги, который исполнилъ приказаніе въ буквальномъ смыслѣ, и принесъ поросенка, гуся и двухъ утокъ, съ извиненіемъ отъ мистра Макреди, въ томъ, что ничего другаго при театрѣ не имѣется.

Гримальди довольствовался этимъ отвѣтомъ, и рѣшился употребить въ дѣло то, что имѣлось. Это было не трудно; стоило только старика, безъ котораго не обходится ни одна пантомима, представить возвращающимся съ рынка, съ дочерью, которая дорогою перемигивается и переговаривается съ влюбленнымъ арлекиномъ; клоунъ, какъ слуга, идетъ за своимъ господиномъ, надѣвъ сверхъ костюма ливрею съ огромными карманами и треуголку; за спиной огромная корзина зелени и овощей; изъ каждаго кармана торчатъ голова живой утки, подъ правой рукой поросенокъ подъ лѣвой гусь, также живые. Большаго расхода на воображеніе не было, а все-таки сцена имѣла огромный успѣхъ, и Гримальди долженъ былъ повторять по два и по три раза каждый куплетъ. Тоже было на другой день, на третій и на четвертый.

Въ послѣдній вечеръ, передъ самымъ представленіемъ, онъ получилъ письмо отъ одного изъ своихъ лондонскихъ друзей, который извѣщалъ его, что на слѣдующій день было ему назначено играть, и что нѣкоторые благопріятели рассчитывали на то, что онъ не успеетъ воротиться изъ Бирмингема, и только ждали этого, чтобы сослужить ему службу.

Гримальди показалъ письмо Макреди, объясняя, что онъ, къ крайнему своему сожалѣнію, долженъ обмануть ожиданія бирмингемской публики и немедленно ѣхать въ Лондонъ.—«Помилуйте! вскричалъ Макреди, всплеснувъ руками: да вы не знаете, что-такое обмануть здѣшнюю публику; театръ ломаютъ, черезъ полчаса шепки не останется. Вы должны играть непременно; но вотъ что мы сдѣлаемъ: я распоря-

жусь, чтобы у театра ждала васъ карета съ четверкою почтовыхъ лошадей!»

Гримальди остался, и игралъ съ такимъ-же успѣхомъ, какъ въ предыдущія представленія; по окончаніи же спектакля получилъ отъ Макреди двѣсти девяносто четыре фунта, сѣлъ въ ожидавшую его карету, и въ полночь скакалъ уже по большой дорогѣ въ Лондонъ. Погода была скверная, дорога еще сквернѣе; но Гримальди не щадилъ денегъ на водку, и ямщикъ гналъ сломя голову. Большаго проку отъ этого не было, потому-что ямщики ставили себѣ въ обязанность употреблять деньги по назначенію, угощались въ каждомъ кабакѣ, и съ пьяна безпрестанно сбивались съ дороги. Несмотря на то, Гримальди поспѣлъ въ Лондонъ, къ театральному подъѣзду, къ самой увертюрѣ, побѣжалъ въ уборную, гдѣ Фарлей уже одѣвался, чтобы замѣнить его, и явился на сценѣ къ великому изумленію своихъ друзей и нѣкоторыхъ членовъ дирекціи, которые строили уже планы на его отсутствіи.

XV.

1808 — 1809.

Пожаръ Ковентгарденскаго театра. — Поѣздка въ Манчестеръ и Ливерпуль. — Таверна сэра Гью Мидльтона, въ Садлервельзѣ, и нѣкоторые изъ ея посѣтелей.

Въ сезонъ 1808 года Гримальди создалъ свою знаменитѣйшую роль въ опереткѣ *«Брюзга и ворчунъ, или мистрисъ Скэйтъ въ сераль»*. Пьеса была пошла до крайности, но имѣла успѣхъ, благодаря его игрѣ. Оба бенефиса его были также очень блистательны, и въ концѣ сентября театръ закрылся съ огромными барышами.

Между-тѣмъ, въ половинѣ сентября начались представленія на Ковентгарденскомъ театрѣ. Но на седьмой день театръ сгорѣлъ до тла. Труппа переселилась въ театръ Итальянской Оперы, а потомъ въ Геймаркетскій. Гримальди же, будучи свободенъ на нѣкоторое время, поѣхалъ въ Манчестеръ, гдѣ открылся въ то время новый театръ, подъ управленіемъ Уарда, Люиса и Найта. Поѣздка эта была во многихъ от-

ношеніяхъ несовѣмъ удачна. Во-первыхъ, подъѣзжая къ Меклезфильду, дилижансъ столкнулся съ другимъ такъ сильно, что оба унали; это бы еще ничего, еслибъ Гримальди удалось отдѣлаться такъ же счастливо, какъ нѣкоторымъ другимъ пассажирамъ; но онъ имѣлъ несчастье попасть подъ пятерыхъ толстяковъ, которые его едва не раздавили; онъ съ величайшимъ трудомъ выкарабкался изъ-подъ нихъ. Другая бѣда готовилась ему на театрѣ, гдѣ онъ также могъ поплатиться жизнью. Въ пантомимѣ «*Воздушные замки*», ему слѣдовало явиться изъ огромной чаши, стоявшей посреди сцены, съ надписью «Смородинный морсъ». За чашею былъ открытъ люкъ, изъ котораго онъ долженъ былъ выйти; едва онъ поравнялся съ поломъ, какъ веревка оборвалась, и онъ грохнулся подъ полъ. Сначала онъ былъ оглушенъ паденіемъ; но скоро оправился, вышелъ на сцену, и несмотря на боль, продолжалъ играть какъ ни въ чемъ не бывалъ. Только послѣ представленія онъ слѣлалъ строгій выговоръ машинисту, и просилъ его тщательно устранивать свои машины въ Ливерпуль; ибо ливерпульскій театръ содержался тѣмъ же директоромъ, какъ Манчестерскій, и таже труппа играла на обоихъ. Машинистъ обѣщаль быть исправнѣе, но довольствовался однимъ обѣщаніемъ. Веревка опять оборвалась, «Гримальди повисъ въ люкъ, потомъ сорвался, упалъ; и сильно разшибъ плечи. Первую сцену превозмогъ онъ съ трудомъ; но потомъ, одушевляемый восторгомъ публики, совѣмъ забылъ о своемъ несчастіи, За то онъ вспомнилъ его, когда возвратился изъ театра домой; разбитыя плечи такъ разболѣлись, что несмотря на дѣйствіе благодѣтельнаго отцовскаго втиранія, онъ утромъ едва могъ встать съ постели, и его пришлось почти на рукахъ отнести въ карету, чтобы ѣхать въ Лондонъ.

Онъ только изрѣдка игралъ на Геймаркетскомъ театрѣ до Рождества; въ это время была возобновлена пантомима «*Mother Goose*», съ новымъ окончаніемъ, въ которомъ изъ развалинъ сгорѣвшаго Ковентгарденскаго театра, подъ мановеніемъ арлекинова жезла, возникало новое, великолѣпное зданіе. Въ мартѣ онъ игралъ въ первый разъ Канко въ пьесѣ «*Данерузъ*», и съ такимъ же успѣхомъ, какъ всегда, несмотря на то, что роль эта собственно не принадлежала къ амплуа клоуна. Этимъ заключился сезонъ, и вмѣстѣ съ нимъ кончилось драматическое поприще знаменитаго Люиса; онъ отказался отъ театра.

На Садлервельскомъ театрѣ въ 1809 году не было никакихъ замѣчательныхъ новостей, кромѣ развѣ пьесы «*Дженни Армстронгъ*», въ которой Гримальди игралъ шута Кирети. Несмотря однако на это отсутствіе новостей, сезонъ оказался очень выгоднымъ; впрочемъ и это

было не новость для Садлервельскаго театра, для котораго наступилъ тогда самый блестящій періодъ его существованія.

Представленіе всегда начиналось пантомимой, такъ что Гримальди былъ свободенъ въ половинѣ девятаго, и обыкновенно отправлялся въ таверну подъ вывѣскою «Сэра Гью Мидльтона»*, побесѣдовать съ пріятелями и выпить стаканъ воды съ виномъ, и оттуда уже отправлялся въ Финчлей. Въ этой тавернѣ онъ часто встрѣчалъ одного молодаго человѣка, кларкенвельскаго ювелира, Джорджа Гамильтона; онъ былъ очень пріятный собесѣдникъ, любилъ выпить лишній стаканъ, охотно бросалъ деньги, презиралъ свое ремесло, малѣйшій намекъ на свое званіе считалъ личною обидою, и разыгрывалъ барина. Знавшіе его отзывались о немъ какъ объ отличномъ мастерѣ, который могъ бы отлично вести свои дѣла, еслибъ не моталъ больше, чѣмъ зарабатывалъ. Гримальди, по добротѣ своей, очень желалъ-бы вступить съ нимъ въ разговоръ, и представить ему все безразсудство его дѣйствій; но заносчивый нравъ Гамильтона останавливалъ его. Самая наружность молодаго человѣка поражала каждаго, кто хоть разъ его видѣлъ: онъ былъ недуренъ собою, но на лѣвой рукѣ недоставало у него средняго пальца; онъ всегда старался прятать руку, а если случайно долженъ былъ показать ее, то складывалъ другіе два пальца, такъ что можно было подумать, что у него было всего два пальца на рукѣ.

Гримальди познакомился съ нимъ еще въ 1808 году, но сталъ чаще встрѣчать его уже дѣтомъ 1809. Между-тѣмъ Гамильтонъ женился, и отъ времени до времени приводилъ свою жену въ таверну, по тогдашнему обычаю ремесленниковъ. Гримальди сначала не обращалъ на нихъ вниманія, пока не замѣтилъ разительной перемены въ Гамильтонѣ. Молодой ремесленникъ сталъ мраченъ и раздражителенъ, говорилъ иногда несвязныя рѣчи, и все въ его взглядахъ и движеніяхъ изобличало сильную душевную борьбу; одѣвался онъ также не съ прежнею простотою,

* Этотъ сэръ Гью Мидльтонъ, котораго имя красовалось на вывѣскѣ таверны противъ Садлервельскаго театра, былъ человѣкъ очень замѣчательный. Онъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и наживъ трудомъ большое состояніе, предпринялъ весьма благотельное дѣло, — снабдить столицу свѣжею водою. Для этого онъ соединилъ два ручья въ Мидльсексѣ и въ Гертфордшайрѣ, и провелъ ихъ въ Лондонъ, за шестьдесятъ миль, посредствомъ канала, построеннаго въ 1613 году, и донынѣ называющагося Новою рѣкою (the New River). «На это громадное предпріятіе, говоритъ Лихтенбергъ (Beschreibung Hogartischer Kupferstiche, ч. I, стр. 205), онъ употребилъ все свое состояніе, и въ награду получилъ — дворянское достоинство. Мы неизвѣстно, чтобы ему былъ воздвигнутъ другой памятникъ, кромѣ портрета въ цѣховой залѣ лондонскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и — вывѣски на тавернѣ, изображенной въ одной изъ гогартовыхъ гравюръ (Ночь). Сэръ Гью Мидльтонъ умеръ въ 1631 году.

а называлъ на пальцы множество перстней и обвѣшивалъ себя дешевыми побрякушками. Своими безразсудными выходками противъ ремесленного класса, онъ часто оскорблялъ почтенныхъ посѣтителей таверны, и доводилъ ихъ до крупныхъ словъ. Жена его очевидно страдала отъ его безразсудства; онъ при ней нѣсколько воздерживался отъ вина, но достаточно огорчалъ ее словами и дѣйствіями, и когда онъ отъ нея отворачивался, на глазахъ ея часто выступали слезы.

Однажды привелъ онъ съ собою новаго пріятеля, на котораго довольно было взглянуть, чтобы не полюбить его. Оба очевидно успѣли уже опорожнить не одинъ стаканъ. Гамильтонъ подошелъ къ Гримальди, и представилъ ему своего друга Арчера, который хотѣлъ тотчасъ вступить въ разговоръ; но Гримальди уклонился отъ этой чести и скоро вышелъ изъ таверны. Послѣ того ювелиръ былъ почти неразлученъ съ своимъ пріятелемъ, котораго никто въ тавернѣ терпѣть не могъ. Старинные посѣтители заведенія замѣчали, что Гамильтонъ преимущественно приводилъ Арчера когда бывалъ пьянъ болѣе обыкновеннаго, и печально покачивали головою. Однажды Гримальди сидѣлъ одинъ въ общей залѣ и читалъ газеты, когда Гамильтонъ пришелъ съ женою и съ пріятелемъ. Мужъ едва стоялъ на ногахъ отъ пьянства; у жены глаза были заплаканы, а въ лицѣ Арчера было что-то торжествующее и злобное. Гримальди заслонилъ лицо газетою и сталъ наблюдать. Вошедшіе не замѣтили его и усѣлись; Гамильтонъ велѣлъ подать водки, и на убѣдительныя просьбы жены отвѣчалъ, что выпьетъ только одинъ стаканъ и пойдетъ домой; но онъ уснулъ, прежде чѣмъ слуга успѣлъ исполнить его приказаніе. Арчеръ нѣсколько минутъ смотрѣлъ молча на уснувшего товарища; потомъ наклонился къ его женѣ, сидѣвшей по другую сторону мужа, и слегка толкнулъ ее. Она подняла взоръ, а онъ презрительно указалъ на соннаго пьяницу, схватилъ ея руку и сжалъ ее. Молодая женщина вскочила со стула, и бросила на Арчера взоръ, передъ которымъ наглость его мгновенно смирилась; сложивъ руки и потупивъ глаза, онъ съ часъ еще просидѣлъ въ этомъ положеніи; потомъ всталъ и помогъ бѣдной женщинѣ разбудить пьяницу. Гамильтонъ опорожнилъ стаканъ, и всѣ трое вышли изъ таверны.

Это происшествіе возбудило живое участіе въ Гримальди; долго еще просидѣлъ онъ въ раздумьи, и воротился домой цѣлымъ часомъ позже обыкновеннаго. Ему хотѣлось бы поговорить съ Гамильтономъ, открыть ему глаза; но обдумавъ все хорошенько, онъ разсудилъ, что лучше представить развязку благоразумію молодой женщины и ея чувству долга.

На слѣдующій разъ онъ засталъ Гамильтона одного въ тавернѣ,

ювелиръ поклонился ему и спросилъ, собирается ли онъ въ этотъ вечеръ въ Финчлей.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гримальди; я хотѣлъ ѣхать, да не могу; у меня есть еще занятіе въ городѣ.

— А я полагалъ, что что вы ѣздите въ Финчлей каждый вечеръ, замѣтилъ Гамильтонъ, съ видомъ совершеннаго равнодушія.

— Оно почти такъ, отвѣчалъ Гримальди: одинъ вечеръ въ недѣлю приходится мнѣ оставаться въ городѣ.

— Стало быть завтра вы поѣдете?

— Непремѣнно, и всю эту недѣлю буду ѣздить кромѣ сегодняшнего вечера.

Этимъ ограничился разговоръ; они пожелали другъ-другу добраго вечера и разошлись. Гримальди, противъ своего ожиданія, долженъ былъ пробыть въ городѣ еще два слѣдующіе вечера. На третій онъ зашелъ въ таверну Сэра Гю, вспомнилъ о несчастной молодой женщинѣ и ея мужѣ, и спросилъ, тутъ ли Гамильтонъ? Ему отвѣчали, что Гамильтона не видали съ того вечера, какъ онъ съ нимъ разговаривалъ. Рассчитываясь за выпитый стаканъ вина, Гримальди замѣтилъ, что забылъ дома бумажникъ, и что имѣлъ при себѣ только два пятифунтовые билета. Одинъ онъ отдалъ служителю, а другой положилъ въ карманъ. Получивъ сдачу, онъ сѣлъ въ кабриолетъ, и поѣхалъ домой. Дорогою ему нужно было еще заѣхать въ разныя мѣста, такъ что было уже около полуночи, когда онъ сталъ приближаться къ своему дому.

ГЛАВА XVI.

1809.

Приключеніе съ разбойниками, и послѣдствія его.

Ночь была свѣтлая и тихая; свѣжесть воздуха производила самое пріятное ощущеніе послѣ дневнаго зноя. Гримальди ѣхалъ довольно скоро, боясь, что дома у него безпокоились долгимъ его отсутствіемъ. Вдругъ лошадь его остановилась передъ лужею, у которой онъ всегда удерживалъ се, чтобы не быть спрыснута грязной водою. Онъ накло-

нился, чтобы удостовѣриться, что это было знакомое мѣсто; ему слышался тихій свистъ, и въ то же время три человѣка выскочили изъ-за низкаго забора; одинъ схватилъ лошадь подъ узды, а остальные двое стали по обѣ стороны кабриолета и взвели на Гримальди пистолеты, требуя отъ него денегъ.

Въ первое мгновеніе онъ подумалъ о сопротивленіи; но услышавъ шелкъ взводимыхъ курковъ, разсудилъ, что ему не по силамъ будетъ бороться съ тремя вооруженными разбойниками, и сталъ просить о пощадѣ.

— Отдайте немедленно деньги, и мы отпустимъ васъ безъ всякаго вреда! сказали разомъ два голоса.

— Берите! отвѣчалъ Гримальди, хватаясь за карманъ, и въ то же время быстро и пристально взглянулъ на воровъ; но лица ихъ были обтянуты черною дымкою и на нихъ были длинные плащи, такъ что онъ не могъ видѣть ни лицъ ихъ, ни складу.

— Живѣе! вскричалъ одинъ: давайте деньги, намъ некогда долго съ вами возиться!

Гримальди подаль кошелекъ. Человѣкъ, державшій лошадь, взглянулъ подозрительно, и спросилъ товарища:

— Все ли отдано, Томъ?—Кошелекъ! отвѣчалъ воръ, стоявшій по лѣвую сторону кабриолета. — Этого мало, подхватилъ первый: у васъ есть еще деньги, я знаю; подавайте скорѣе.

— Повѣрьте, больше у меня нѣтъ; обыкновенно имѣю я при себѣ нѣсколько денегъ въ бумажникъ, но сегодня я забылъ бумажникъ на городской квартирѣ.

— Я знаю, что при васъ есть деньги; билетъ въ лѣвомъ карманѣ жилета. Подавайте его.

Гримальди тотчасъ отдалъ пятифунтовой билетъ, о которомъ онъ въ испугѣ совсѣмъ забылъ.—Все теперь, Томъ! сказалъ третій воръ, стоявшій по правую руку Гримальди, и отошелъ, какъ бы готовясь удалиться. Это были первые его слова, и Гримальди показалось, будто голосъ былъ ему знакомъ, хотя онъ не могъ припомнить, гдѣ его слышалъ. И некогда было ему припомнить, потому—что воръ, державшій лошадь, спросилъ перваго товарища, отобралъ ли онъ часы. Тотъ опять оставилъ на Гримальди пистолеть и потребовалъ часовъ. Гримальди отдалъ ихъ, какъ ни больно было ему разставаться съ ними; это были даренные часы, и на циферблатѣ былъ его портретъ въ одной изъ его лучшихъ ролей. Еслибъ вы знали, кто я такой, вы бы не обижали меня такъ! сказалъ онъ, подавая драгоценный подарокъ.

— О, мы васъ очень хорошо знаемъ, мистръ Гримальди, подхватилъ воръ, державшій лошадь. Третій вечеръ поджидаемъ мы васъ, и уже боялись, что вы насъ опять надуете.

Оба негодяя засмѣялись; а знакомый голосъ сталъ увѣщевать товарищей отдать часы, и какъ тѣ не соглашались, то онъ вырвалъ часы изъ рукъ принявшаго и отдалъ ихъ Гримальди, который при этомъ не только вспомнилъ голосъ, но и замѣтилъ, что на рукѣ вора, казалось, были только два пальца.

Затѣмъ воры поспѣшно удалились, а на Гримальди нашелъ панической страхъ. Ему показалось, что одно немедленное бѣгство могло спасти его жизнь; онъ выскочилъ изъ кабриолета, упалъ и расшибъ себѣ високъ; однако тотчасъ всталъ и пустился со всѣхъ ногъ, пока не набѣжалъ на сторожа, дѣлавшаго обходъ. Сторожъ былъ былъ ему знакомъ, и онъ, дрожа отъ страха и лихорадки, рассказалъ ему свое приключеніе.

— Я ожидалъ чего-нибудь подобнаго, сказалъ сторожъ: еще вчера подмѣтилъ я трехъ молодцовъ, и сказалъ имъ, что они непременно затѣвуютъ шалость, и что случись только что-нибудь, я прямо на нихъ укажу. Будьте спокойны, сэръ, я знаю гдѣ некать ихъ, и ручаюсь головою, что часа черезъ два пташки будутъ въ клѣткѣ.

— А мнѣ что же дѣлать? спросилъ Гримальди.

— Покамѣсть ничего, сэръ; поѣзжайте себѣ съ Богомъ домой, а завтра около полудня заверните въ Боу-стритъ, и если я не представляю вамъ молодцовъ, значить нечистая сила подшутила надъ мною.

Въ эту минуту лошадь Гримальди нагнала своего господина; онъ сѣлъ въ кабриолетъ и поѣхалъ домой. Жена, какъ онъ предвидѣлъ, была очень встревожена его долгимъ отсутствіемъ, а его разстроенное лицо и подбитый високъ еще усилили ея безпокойство. Онъ сказалъ только, что упалъ изъ кабриолета и больно ушибся. Онъ и послѣ употреблялъ всѣ средства, чтобы скрыть отъ нея истину, тщательно пересматривая всѣ газеты, и принимая другія мѣры предосторожности; такъ что жена его узнала объ этомъ происшествіи только два года спустя, при съѣздѣ ея съ финчлейской квартиры.— Джозефъ, вскричала она, еслибъ я знала это прежде, я ни одной ночи не могла бы провести спокойно! Этого-то Гримальди и боялся. Домикъ въ Финчлеѣ былъ ему милъ, потому-что напоминалъ много счастливыхъ часовъ его жизни, и потому онъ желалъ, чтобы ничто не нарушало ихъ спокойствія.

Всю ночь послѣ своего приключенія Гримальди провелъ почти безъ сна; его преслѣдовали печальныя мысли, которыя онъ тщетно старался

удалить. Въ томъ, что Гамильтонъ участвовалъ въ нападеніи, нельзя было сомнѣваться. Если онъ будетъ схваченъ и приговоренъ къ смерти, думалъ Гримальди, чтоъ станется съ его несчастною женою. Его нѣсколько успокоивала только надежда, что воры успеютъ уйти отъ преслѣдованія, и что такимъ-образомъ онъ не будетъ виновникомъ смерти ближнихъ. На слѣдующее утро, несмотря на сильную лихорадку, онъ тотчасъ послѣ завтрака поѣхалъ въ городъ, подъ предлогомъ репетиціи, и завернулъ въ Боустритъ, гдѣ сторожъ уже поджидалъ его и разрушилъ всѣ его надежды, радостно возвѣстивъ, что молодцы схвачены. Гримальди робко спросилъ, не найдено ли на нихъ какихъ-либо краденыхъ вещей. Сторожъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, ничего на нихъ не оказалось, но что тѣмъ не менѣе они непремѣнно будутъ осуждены, если Гримальди признаетъ подъ присягою тождество ихъ съ напавшими на него ворами, и что тогда, безъ сомнѣнія, отыщется и банковый билетъ. Затѣмъ онъ повелъ Гримальди къ мирному судѣ. Гримальди объявилъ о своемъ приключеніи, прибавивъ, что воры не сдѣлали никакого покушенія на его жизнь и что онъ не желалъ вести иска, если только это можно. Сторожъ былъ очевидно весьма недоволенъ этимъ объявленіемъ, а судья сказалъ, что всѣ смягчающія обстоятельство будутъ имѣться въ виду при произнесеніи приговора, но что при настоящемъ положеніи дѣла, суда миновать нельзя.

Затѣмъ сторожъ далъ свое показаніе, что онъ арестовалъ троихъ подозрительныхъ людей, но что на нихъ не оказалось ни украденыхъ денегъ, ни пистолетовъ, ни слѣдовъ описаннаго наряда. Судья велѣлъ дать арестантамъ очную ставку съ Гримальди, который на вопросъ его, узнаетъ ли онъ преступниковъ, отвѣчалъ, что одного изъ нихъ узнаетъ непремѣнно.

Его повели въ другую комнату, гдѣ онъ, какъ ожидалъ, увидѣлъ молодого ювелира; другіе два арестанта были ему совершенно неизвѣстны. Гамильтонъ велъ себя съ большимъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа. Онъ спокойно подошелъ къ Гримальди и сказалъ: — Какъ поживаете, мистръ Гримальди? Представьте себѣ, что меня обвиняютъ въ томъ, что я будто бы обокралъ васъ, моего стариннаго друга! Бываютъ же чудеса на свѣтѣ!

Какъ арестантъ ни казался спокоенъ, а эти слова и его наружность разрушили въ Гримальди послѣднее сомнѣніе въ его невинности. Опытный взглядъ стараго актера тотчасъ замѣтилъ напряженіе, отчаянное усиліе принять спокойный видъ, отъ котораго зависѣли жизнь и смерть и молодого человѣка.

— Вы знаете его, мистръ Гримальди? спросилъ судья.

— И очень хорошо?

— Въ такомъ случаѣ вамъ, безъ сомнѣнія, не трудно будетъ сказать, былъ ли онъ въ числѣ напавшихъ на васъ воровъ.

Гамильтонъ принялъ такой видъ, какъ будто онъ ждалъ отвѣта безъ всякаго страха. Констебль и сторожъ отошли всторону, перешептываясь между собою. Гримальди между-тѣмъ поднялъ лѣвую руку, сложивъ три пальца, и печально покачалъ головою. Гамильтонъ тотчасъ убѣдился, что былъ узнавъ; его притворное хладнокровіе и твердость исчезли; онъ поблѣднѣлъ какъ полотно и задрожалъ. Казалось, онъ упадетъ на мѣстѣ; однако онъ сдѣлалъ еще послѣднее усиліе, бросилъ на Гримальди умоляющій взоръ, приложилъ палецъ къ губамъ и потушилъ глаза.

— Ну, сэръ, вотъ они, молодцы! сказалъ сторожъ: можете ли присягнуть, что что это тѣ же самые?

Тысячи мыслей перекрещались въ умѣ Гримальди, но надъ всѣми преобладала одна,—желаніе спасти молодаго человѣка, въ которомъ онъ ясно видѣлъ новичка въ воровскомъ ремеслѣ. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ отвѣчалъ, что не беретъ на душу присяги.

— Видно ты напалъ на пустой слѣдъ, сказалъ констебль сторожу, значительно подмигнувъ,—или нечистая сила стоитъ за нихъ.

Гримальди объявилъ судѣ, что не можетъ признать арестантовъ, и поспѣшно удалился. Арестанты были освобождены въ тотъ же день.

Нѣсколько дней спустя, Гамильтонъ явился къ Гримальди на квартирѣ, смиренно повинился, и сказалъ, что соблазнился желаніемъ скорѣе и легче добывать деньги, чѣмъ работою, а болѣе всего совѣтами Арчера; но что это было первое и послѣднее его преступленіе. Онъ называлъ Гримальди отцомъ и благодѣтелемъ, благодарилъ его и давалъ слово исправиться. Гримальди сообщилъ ему свои догадки на счетъ видовъ Арчера на его жену, и представилъ ему въ сильныхъ краскахъ неминуемыя послѣдствія его беспорядочной жизни; Гамильтонъ повторилъ свое обѣщаніе и удалился послѣ продолжительной бесѣды.

Гримальди не имѣлъ причины раскаяться въ своемъ поступкѣ; Гамильтонъ прожилъ еще лѣтъ двадцать въ Кларкенвелѣ, хорошо велъ дѣла, считался искуснымъ и трудолюбивымъ ремесленникомъ и честнѣйшимъ человѣкомъ.

Гримальди въ это время имѣлъ постоянно три бенефиса въ годъ, два на Садлервельскомъ театрѣ, и одинъ на Ковентгарденскомъ. Въ-продолженіе многихъ лѣтъ, передъ каждымъ его бенефисомъ, утромъ,

являлся неизвѣстный человѣкъ, бралъ десять мѣсть въ ложахъ, отдавалъ деньги и поспѣшно уходилъ, будто боясь разспросовъ. Гримальди не обратилъ бы на это вниманія, потому—что къ нему приходило не мало незнакомыхъ людей за билетами; но его поражало то, что этотъ неизвѣстный бралъ билеты на всѣ его бенефисы, между—тѣмъ, какъ обыкновенно посѣтители его садлервельскихъ бенефисовъ не ходили на коventгарденскій театръ, и на оборотъ. Наконецъ и онъ и всѣ его домашніе такъ привыкли къ этому незнакомцу, что наканунѣ бенефиса, при сортировкѣ билетовъ, жена всегда говорила ему:—Не забудь отложить десять билетовъ на каминь, для того, кто придетъ завтра утромъ.

Лѣтъ двѣнадцать, даже болѣе, приходилъ неизвѣстный за билетами, когда Гримальди вздумалось однажды спросить служанку, какой онъ наружности.

— Да такъ себѣ, ничего особеннаго, отвѣчала служанка только одно...

— Что же?

— На лѣвой рукѣ у него всего два пальца.

Загадка объяснилась.

Плачевный конецъ постигъ этого человѣка, въ которомъ дѣйствительно было много прекрасныхъ началъ. Въ сосѣднемъ домѣ случился пожаръ, и онъ, съ нѣкоторыми другими безстрашными людьми, бросился въ огонь, спасать дѣтей, находившихся въ большой опасности. Онъ успѣлъ уже взобраться во второй этажъ, какъ вдругъ полъ обрушился подъ нимъ. Нижній этажъ былъ весь объятъ пламенемъ, и черезъ нѣсколько дней на пепелищѣ отрыли обгорѣлый трупъ Гамильтона.

ГЛАВА XVII.

1809 — 1812.

Открытіе новаго Ковентгарденскаго театра. — Война старыхъ и новыхъ цѣнь — Гримальди является клоуномъ на улицѣ. — Представленія въ Чельтенгемъ и Глосестрѣ. — Беркли-Кастль и знакомство съ лордомъ Байрономъ. — Шутка милорда.

Восемнадцатаго сентября 1809 года открылся новый Ковентгарденскій театръ, Шекспировымъ «Макбетомъ» и опереткою «Квакеръ». Представленіе было очень блистательное, потому—что Макбета и леди Макбетъ играли Джонъ-Кембль и мистрисъ Сиддонсъ.

Къ этому времени принадлежит достопамятная война за старыя цѣны, о которой было такъ много говорено, писано и цѣто, что мы считаемъ излишнимъ входить въ подробности. Всѣмъ извѣстно, что безпорядки возникли въ—слѣдствіе возвышенія цѣнъ мѣстамъ, въ ложахъ на одинъ шиллингъ, а въ партерѣ на шесть пенсовъ; съ этою мѣрою была соединена другая, значительное увеличеніе числа особенныхъ ложъ. Эти нововведенія возбудили въ публикѣ величайшее неудовольствіе, которое она выражала каждый вечеръ безпорядками, безпримѣрными даже въ лѣтописяхъ лондонскихъ театровъ, весьма богатыхъ происшествіями этого рода. Едва занавѣсъ поднимался, въ залѣ начинался такой шумъ, что несмотря на всѣ усилія актеровъ, даже въ первыхъ рядахъ партера не слышать было ни слова. Поборники старыхъ цѣнъ, не довольствуясь своими глотками, руками, ногами, пальцами и зонтиками, запасались самыми разнообразными и раздражительными орудіями для произведенія шума: рожками, валторнами, трубами, свистками, трещотками, колокольчиками; нѣкоторые негодяи приносили съ собою живыхъ поросятъ, и отъ времени до времени щипали имъ хвосты, чтобы присоединить ихъ визгъ къ этому нестройному концерту. Это сопровождалось безпрестанными вызовами Кембля, который былъ тогда директоромъ; онъ выходилъ, раскланивался, и долженъ былъ удаляться, не имѣя возможности сказать слово, за ужаснымъ шумомъ. Во все продолженіе представленія не умолкали рѣчи, изъ партера, изъ ложъ, изъ галерей, иногда по нѣскольку вдругъ, которыхъ, разумѣется, никто не слушалъ, да и не могъ бы слышать, еслибъ захотѣлъ. Мирныя судьи были завалены дѣлами о безпорядкахъ, происходившихъ въ театрѣ. И это продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Какъ только начиналось представленіе, вся публика, словно по приказанію, обращалась спиною къ сценѣ; когда же занавѣсъ опускался, чего не долго было ждать, ибо шумъ не позволялъ продолжать представленіе, зала оглашалась народіею гимна во славу Джона Буля и его способности шумѣть и кричать; потомъ начинались рѣчи, сыпались остроты, и наконецъ зрители спокойно расходились по домамъ.

Журналы, всегда такъ жадно схватывающіе всякій предлогъ къ переправкѣ, не могли остаться безмолвными свидѣтелями этой войны; они раздѣлились на двѣ партіи. Одни, подъ предводительствомъ «Morning Post» и «Times», вступились за нововведенія; другіе, и во главѣ ихъ «Morning Chronicle», усердно поддерживали старыя цѣны; въ столбцахъ послѣднихъ ежедневно помѣщались самыя уморительныя пародіи. Въ этой перепалкѣ порядкомъ досталось бѣдной Каталани, которая въ одномъ изъ безчисленныхъ карикатурныхъ стихотвореній того времени

называлась «кошкою, ангажированною для того, чтобы мяукать передъ «тѣми, которые берутъ ложи въ новомъ театрѣ, построенномъ Джакомъ» (Кембль). Синьора Каталани, конечно, ни душой ни тѣломъ не была виновата въ распоряженіяхъ Кембля; но она была иностранка, а этого было достаточно, чтобы имѣть враговъ и возбудить негодованіе Джона Буля.

Безпорядки повторялись уже нѣсколько вечеровъ, когда Кембль послалъ за Гримальди и сказалъ ему, что такъ какъ публика не хочетъ слушать ни драмы, ни оперы, то онъ желаетъ испытать, не лучше-ли повезетъ пантомимѣ. На слѣдующій день былъ объявленъ «Донъ-Жуанъ», и Гримальди взялъ въ немъ свою прежнюю роль Скарамучьо. Его встрѣтили громкими рукоплесканіями; представленіе прошло очень благополучно. Гримальди приписывалъ эту заслугу въ нѣкоторой степени себѣ, и очень гордился этимъ. Кембль радовался не менѣе его, по окончаніи спектакля поздравлялъ и обнималъ его, и объявилъ на слѣдующій вечеръ опять пантомиму. На этотъ разъ однако она не оправдала ожиданій, и все актеры утверждали, что никогда еще не бывало такого шума, какъ въ этотъ вечеръ.

Эта исторія кончилась только къ концу декабря, совершеннымъ пораженіемъ дирекціи; она принуждена была возвратиться къ прежнимъ цѣнамъ, уничтожить прибавочныя ложи, уничтожить контрактъ съ синьорою Каталани, и отказать кассиру, который сталъ предметомъ особенной ненависти поборниковъ старыхъ цѣнъ, взять обратно поданныя въ судъ жалобы на зачинщиковъ безпорядковъ, и наконецъ торжественно просить прощенія у публики. Послѣдняя задача пала на Кембля, который исполнилъ ее очень спокойно и прилично. Публика изъявила свое удовольствіе громкими рукоплесканіями, по всему театру явились огромныя афиши съ надписью «Мы довольны»; и война кончилась.

Къ святкамъ была поставлена новая пантомима, «Арлекинъ водоносъ, или заколдованный ручей», и повторялась безъ перерыву пятьдесятъ два вечера. Затѣмъ послѣдовали, въ мартѣ 1810, «Неаполитанскій дезертеръ», въ которомъ Гримальди игралъ Скарамучьо, а къ святкамъ «Арлекинъ Асмодей, или Купидонъ на костыляхъ»; обѣ имѣли такой же блистательный успѣхъ. На Садлервельскомъ театрѣ во все это время не было особенно замѣчательныхъ новостей.

Въ маѣ 1810 года пришлось Гримальди играть на обоихъ театрахъ одну и ту же роль, клоуна; на Садлервельскомъ театрѣ представленіе начиналось пантомимой, на Ковентгарденскомъ кончалось. Чтобы не терять время на раздѣваніе и одѣваніе опять въ тотъ же костюмъ, онъ распорядился, чтобы извозчицья карета ждала его у подъѣзда; по окон-

чаніи пантомимы, онъ садился прямо въ карету и ѣхалъ въ Ковентгарденъ. Однажды, извозчикъ не пріѣхалъ; Гримальди послалъ за другимъ, но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что не нашелъ кареты, какъ обыкновенно бываетъ въ дождь. Гримальди оставалось только отправиться пѣшкомъ, по грязи, и въ сильный дождь, отъ котораго его не могъ защитить никакой зонтикъ.

Сначала, пока онъ шелъ по темнымъ улицамъ, этотъ способъ перемѣщенія не представлялъ другихъ неудобствъ, кромѣ порчи костюма. Но когда онъ достигъ Кларкенвеля, и свѣтъ изъ оконъ ярко-освѣщенныхъ лавокъ и магазиновъ озарилъ его нарядъ, нѣсколько прохожихъ узнали любимца публики, и назвали его по имени. Этого было достаточно. Гримальди прибавилъ шагу, но безъ пользы; толпа все увеличивалась, и слѣдовала за нимъ по пятамъ, съ громкими восклицаніями; одни провозглашали его имя, другіе бросали на воздухъ шапки и шляпы. Въ Гольбарнѣ нашелъ онъ наконецъ извозчика и вскочилъ въ карету. Но толпа и тутъ не хотѣла оставить его. Кто-то предложилъ проводить его, составивъ ему почетны конвой. Сказано, сдѣлано. Этотъ конвой проводилъ его до самаго театра, съ радостными восклицаніями; часть его разсыпалась по галереямъ, и когда Гримальди вышелъ на сцену, его встрѣтилъ восторженный крикъ сотни голосовъ: «Вотъ онъ опять, нашъ Джо Гримальди!»

Вторая половина 1811 года и весь 1812 представляютъ весьма мало замѣчательнаго въ артистической жизни Гримальди, кромѣ того, что въ бенефисъ свой, въ іюнѣ 1812, онъ рѣшился попытать счастья въ новомъ для него родѣ, въ комедіи, взявъ роль Экреза въ Шеридановыхъ «Соперникахъ». Опытъ удался какъ нельзя лучше. Впрочемъ, ни въ Садлервельсѣ, ни въ Ковентгарденѣ не являлось важныхъ новостей; оба театра довольствовались возобновленіемъ нѣкоторыхъ старыхъ пантомимъ, которыя, при участіи въ нихъ Гримальди, имѣли такой же успѣхъ, какъ въ первую пору его поприща. Бенефисы его были также блистательны, и въ артистическомъ отношеніи и въ денежномъ, какъ всегда. Но къ этому времени принадлежитъ одинъ довольно непріятный эпизодъ его частной жизни. Постоянный ангажементъ на двухъ театрахъ, три бенефиса и прибыльныя поѣздки въ провинцію доставляли ему хорошія деньги, съ которыми онъ не могъ знать нужды. Тѣмъ не менѣе, въ одинъ прекрасный день кредиторы напомнили, что онъ былъ кругомъ въ долгахъ, и что ему надлежало принять сильныя мѣры, чтобы выйти изъ этого положенія. Причиною тому были частью двѣ квартиры, которыя онъ держалъ долгое время, одну въ городѣ, другую въ Финчлеѣ, частью безразсудная

готовность ссужать деньгами нѣкоторыхъ друзей, на честность которыхъ нельзя было полагаться, и которые оставались друзьями только до перваго разчета; частью же, наконецъ, расточительность жены, которая была превосходною женщиною, но имѣла одинъ недостатокъ, довольно свойственный ей полу, — непомерную страсть къ нарядамъ. Какъ бы то ни было, но Гримальди видѣлъ необходимость ограничить расходы; онъ сдалъ дачу, отпустилъ лишнихъ слугъ, продалъ экипажи и лошадей, поручилъ мистру Гармеру войти въ сдѣлки съ его кредиторами, и мѣсяцевъ черезъ семь, или восемь, всѣ его долги были заплачены до послѣдней копѣйки.

Въ октябрѣ 1812 года онъ получилъ приглашеніе дать два представленія въ Чельтенгемъ; мистръ Ватсонъ, директоръ, отдавалъ ему половину сбора. Онъ обратился за совѣтомъ къ мистру Гьюзу, который сказалъ, что Чельтенгемъ плохой городъ для театра, по множеству другихъ развлеченій. Однако онъ разсчиталъ, что у него, за вычетомъ издержекъ останется еще отъ сорока до пятидесяти фунтовъ чистаго барыша, и рѣшился ѣхать. Въ первый вечеръ онъ сыгралъ Скарамуччо, а во второй клоуна, въ небольшой пантомимѣ собственнаго сочиненія; въ оба вечера театръ былъ полонъ, и директоръ пригласилъ его остаться еще на два вечера и ѣхать въ Глосестръ, за девять миль, гдѣ Ватсонъ также содержалъ театръ. Тамъ Гримальди имѣлъ такой же блестящій успѣхъ.

По окончаніи перваго представленія въ Глосестръ, мистръ Ватсонъ, поужинавъ съ своимъ гостемъ, сказалъ ему: — «Мистръ Гримальди, время дорого, и я не могу позволить вамъ болѣе одного стакана пуншу.

— «Не понимаю, что это значитъ», возразилъ Гримальди.

— «Это значитъ, что уже первый часъ, и что пора ложиться спать.»

— «Совершенно справедливо, мистръ Ватсонъ; только я думалъ, что у васъ не водится рано ложиться спать; вчера вы продержали меня до трехъ часовъ, а третьяго дня еще долѣе.»

— Правда; но завтра вамъ надо встать пораньше, чтобы ѣхать со мною.»

— «А что называете вы пораньше.»

— «Намъ надо выѣхать въ три часа.»

— «Въ такомъ случаѣ, прощайте, я сейчасъ же иду спать.»

Въ три часа утра они поѣхали въ Беркли-Кастль, котораго владѣлецъ, полковникъ Беркли (въ послѣдствіи лордъ Сигревъ) прислалъ имъ

приглашеніе. Гримальди былъ знакомъ съ полковникомъ, не разъ обѣдывалъ у него въ Лондонѣ, и былъ принятъ имъ въ помѣстьѣ чрезвычайно радушно и любезно. Онъ засталъ въ Беркли-Кастлѣ множество гостей, и въ томъ числѣ лорда Байрона, съ которымъ не былъ знакомъ лично, но котораго постоянно видѣлъ въ свои бенефисы въ Ковентгарденскомъ театрѣ. Когда хозяинъ представилъ его прочимъ гостямъ, и особенно лорду-поэту, послѣдній подошелъ къ нему, поклонился очень низко и важно, и сказалъ въ самыхъ вычурныхъ выраженіяхъ, что ему безконечно лестно и пріятно познакомиться съ артистомъ, одареннымъ такимъ рѣдкимъ и великимъ талантомъ, и такъ даѣе.

Гримальди тотчасъ смекнулъ, что благородный поэтъ собирался подтрунить надъ нимъ, и хотѣлъ отплатить ему тѣмъ же, но побоялся его раздражительнаго нрава, и довольствовался очень невинною местию. Отвѣчая на поклоны лорда поклонами еще болѣе почтительными и смиренными, онъ въ то же время украдкою взглянулъ на полковника, и на лицѣ его заиграла такая смиренная и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавая и насмѣшливая улыбка, что все гости громко захохотали, между-тѣмъ какъ Байронъ, ничего не видѣвшій, тщетно ломалъ себѣ голову, чтобы угадать причину этого внезапнаго смѣха.

— «Гримальди, сказалъ полковникъ Беркли, послѣ завтрака отправитесь вы съ нами поохотиться, а потомъ пообѣдаете. Мы будемъ обѣдать пораньше, такъ что вы еще посѣдете во-время въ Глосестръ, къ представленію.»

По возвращеніи съ охоты, гости сѣли къ столу. Гримальди пришлось сидѣть между лордомъ Байрономъ и другимъ молодымъ вельможею, котораго имени онъ не зналъ, хотя помнилъ, что часто видѣлъ его за кулисами Ковентгарденскаго театра. «Гримальди, шепнулъ сосѣдъ, случалось-ли вамъ обѣдать съ лордомъ Байрономъ?»

— «Нѣтъ», отвѣчала Гримальди.

— «Я спрашиваю васъ затѣмъ только, продолжалъ молодой человекъ, чтобы предупредить васъ насчетъ нѣкоторыхъ причудъ вашего сосѣда. Это, если хотите, мелкая слабость; но не зная ея, вы можете неволью подпасть его гнѣву, а артисту доброе расположеніе такихъ людей никогда не мѣшаетъ.»

Гримальди кивнулъ въ знакъ благодарности и готовности слушать.

— «Слабость эта заключается въ томъ, что Байронъ чрезвычайно вѣжливъ и любитъ угощать за столомъ, но терпѣть не можетъ, чтобы вѣжливости его пропадали по пустому; поэтому, если онъ будетъ уго-

щать васъ, виномъ, или кушаньемъ, — а этого вамъ не миновать, — совѣтую вамъ не отказываться, если не хотите обидѣть его.»

— «Очень благодаренъ вамъ, милордъ, за ваше участіе, и постараюсь воспользоваться вашимъ совѣтомъ, отвѣчалъ Гримальди, совершенно чистосердечно; всякій другой, вѣроятно, догадался бы, какъ и многіе за столомъ догадывались, что два сосѣда его сговорились, чтобы подшутить надъ нимъ; но Гримальди былъ слишкомъ простодушенъ, чтобы предполагать въ комъ-либо такое недоброе намѣреніе. Лордъ Байронъ дѣйствительно не давалъ ему отдыха своими угощеніями; то подливалъ ему вина, то подчивалъ тѣмъ, или другимъ кушаньемъ, такъ что Гримальди, хотя вообще ѣлъ много, какъ всѣ пантомимные артисты, воздерживающіеся отъ вина, начиналъ уже бояться, что не будетъ въ состояніи играть въ Глосестрѣ. Подъ конецъ обѣда, Байронъ поднесъ ему еще небольшой яблочный пирогъ. Подумавъ немного, Гримальди разсудилъ, что яблочному пирогу еще мѣсто найдется, тѣмъ болѣе, что это было его любимое блюдо. Онъ взялъ пирогъ, и принялся ѣсть. Байронъ посмотрѣлъ на него съ минуту, и потомъ спросилъ, съ видомъ удивленія, неужели онъ кушаетъ яблочный пирогъ безъ сои?»

— Конечно, сказалъ Гримальди: соя подается къ рыбѣ.

— Потому то и слѣдуетъ ее ѣсть съ яблочнымъ пирогомъ, подхватила Байронъ.

Бѣдному Гримальди этотъ выводъ казался не совѣтъ правильнымъ и убѣдительнымъ; но правый сосѣдъ толкнулъ его подъ локоть, онъ вѣжливо поклонился лорду Байрону и полилъ сладкій пирогъ соленымъ соусомъ. Первый кусокъ онъ кое-какъ проглотилъ, но втораго, при всей своей доброй волѣ, не могъ взять въ ротъ. Онъ обратился къ лорду Байрону, и просилъ извиненія, сказавъ, что онъ не сомнѣвался въ гастрономическихъ свѣдѣніяхъ милорда, но готовъ былъ прослыть дикаремъ, а пирога съ соей ѣсть не могъ. И ему стало легче на душѣ, когда онъ увидѣлъ, что Байронъ нисколько этимъ не обидѣлся, а очень смѣялся, какъ и всѣ присутствующіе. Чему они смѣялись, — Гримальди чистосердечно сознается, что не могъ понять этого.

Послѣ обѣда Гримальди и Ватсонъ возвратились въ Глосестрѣ. Представленіе было также удачно, какъ предъидущія, и на слѣдующій день Гримальди поѣхалъ въ Лондонъ съ 195 фунтами въ карманѣ, которые онъ тотчасъ показалъ мистру Гьюзу, въ опроверженіе его невыгоднаго отзыва о Челтенгемѣ.

Въ тотъ же вечеръ мистръ Гаррисъ сообщилъ Гримальди, что Даямондъ, директоръ батскаго и бристоляскаго театровъ, желалъ ангажи-

ровать его на пять недѣль, давая ему двадцать пять фунтовъ въ недѣлю и по полбенефису въ томъ и другомъ городѣ. Со стороны Ковентгарденской дирекціи не было никакихъ препятствій къ этой поѣздкѣ, и она соглашалась даже платить ему жалованье за это время. Гримальди поблагодарилъ мистра Гарриса, написалъ къ Даямонду, и черезъ нѣсколько дней отправился въ Батъ.

ГЛАВА XVIII.

1812—1816.

Обѣдъ у батскаго помѣщика. — Первый дебютъ сына Гримальди, и смерть Гюза. — Гримальди играетъ на трехъ театрахъ въ одинъ вечеръ, за что у него вычитаютъ жалованье. — Болѣзнь. — Вторая поѣздка въ Батъ. — Дэвиджъ и Билли Кумбсъ. — Шутка за шутку. — Длинные рукава.

На другой день по прїѣздѣ въ Батъ, Гримальди дебютировалъ при многочисленной публикѣ и съ большимъ успѣхомъ, который повторился и въ Бристолѣ. Въ-продолженіе пяти недѣль онъ игралъ постоянно пять разъ въ недѣлю въ Батѣ и два раза въ Бристолѣ. Онъ выручилъ жалованьемъ и бенефисами, 287 фунтовъ, но эти деньги достались ему не легко; погода была скверная, а ему приходилось, по окончаніи спектакля въ одномъ городѣ, тотчасъ садиться въ карету и ѣхать въ другой. Онъ много страдалъ отъ холоду, и былъ чрезвычайно радъ, когда наступилъ конецъ его ангажементу.

Въ Батѣ познакомился онъ съ бассейномъ Гигманомъ, который пользовался уже большою извѣстностью, а въ-послѣдствіи послужилъ образцомъ для Габріеля, въ Вальтеръ-Скоттовомъ романѣ «Гэй-Мэннерингъ». Гримальди встрѣтился съ нимъ у одного помѣщика, жившаго около Бата, который однажды пригласилъ ихъ обоихъ на обѣдъ. На обѣдѣ было множество гостей. Когда было собрано со стола, и гости принялись за вино, хозяинъ обратился къ Гигману, и тономъ, болѣе похожимъ на приказаніе, чѣмъ на просьбу, пригласилъ его пѣть. Пѣвецъ, который не любилъ заставлять себя просить, исполнилъ требованіе, къ удовольствію присутствующихъ; затѣмъ хозяинъ обратился съ тою же просьбою и тѣмъ же тономъ къ Гримальди; но тотъ возразилъ, что онъ не можетъ пѣть тотчасъ послѣ обѣда. — «Какъ, вы не будете

пѣть, мистръ Гримальди, наивно вскричалъ хозяинъ: да я за тѣмъ только и пригласилъ васъ, чтобы вы пѣли!»

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Гримальди, вы напрасно трудились меня приглашать; уволивъ меня отъ приглашенія, вы уволили бы меня отъ непріятности быть у васъ, и проститься съ вами такъ нецеремонно.

Съ этими словами онъ вышелъ, а съ нимъ и Гигманъ, которому такое приглашеніе также показалось весьма обиднымъ. Впрочемъ если вѣрить анекдотамъ, такіе случаи бывали со многими другими артистами.

Къ святкамъ на Ковентгарденскомъ театрѣ была поставлена пантомима «*Арлекинъ и красный карло, или алмазная скала*», а къ пасхѣ 1813 года мелодрама Фарлея «*Аладинъ или волшебный фонарь*». Обѣ имѣли большой успѣхъ, особенно же послѣдняя, въ которой Гримальди игралъ Казрака, нѣмага невольника. Онѣ почти не сходили съ афиши до слѣдующей зимы, когда были замѣнены двумя новыми пьесами «*Арлекинъ и лебеди, или купальня красавицы*», и «*Садакъ и Каларада*».

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Гримальди бросилъ собраніе насѣкомыхъ, продалъ голубей и сдалъ свой домъ съ садомъ въ Финчлеѣ, онъ посвящалъ все свободное время воспитанію сына. Онъ не могъ рѣшиться разстаться съ нимъ и отдать его въ учебное заведеніе, а только посылалъ его въ школу, и для дополненія школьныхъ уроковъ бралъ для него учителей. Мальчикъ имѣлъ хорошія способности и охотно учился; въ двѣнадцать лѣтъ онъ уже свободно и хорошо говорилъ по французски. Съ дѣтства стала проявляться въ немъ любовь къ музыкѣ, и отецъ пригласилъ одного изъ лучшихъ скрипачей, который не могъ нахвалиться успѣхами своего ученика. Онъ также очень хорошо танцевалъ, и отецъ, видя въ немъ способности и склонность въ сценѣ, рѣшился самъ образовать его для мелодрамы и пантомимы. Онъ надѣялся, что въ-послѣдствіи, когда лѣта не будутъ уже позволять ему самому думать о новыхъ успѣхахъ и зарабатывать деньги, успѣхи сына будутъ утѣшать его; что онъ будетъ съ радостью и гордостью припоминать прошедшее, видя сына въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ самъ столько лѣтъ былъ кумиромъ публики, и которыя, по утратѣ его состоянія, доставили ему независимое и почетное положеніе въ обществѣ. Эти надежды и желанія были очень понятны, и нѣжный отецъ много лѣтъ лелѣялъ ихъ. Но судьбѣ угодно было опредѣлить иначе; многимъ мечтамъ его суждено было разрушиться, въ-послѣдствіи, но онъ всегда старался переносить эти испытанія съ твердостью и смиреніемъ.

1814 годъ былъ достопамятенъ для родительскаго сердца Гримальди; сынъ его дебютировалъ ролею Пятницы въ «*Робинсонъ Крузоэ*». Самъ Гримальди игралъ Робинсона, и представилъ публикѣ своего сына въ той же пьесѣ, въ которой, за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, отецъ представилъ его самого. Шестъ недѣль разучивалъ онъ роль съ дебютантомъ, но болѣе изъ любви къ искусству, чѣмъ изъ необходимости, потому-что ребенокъ не только понималъ очень быстро его наставленія, но даже предупреждалъ ихъ. Между-тѣмъ дебютъ его оставался тайною для публики; о немъ было объявлено только за недѣлю до представленія, и билеты были расхвачены мигомъ. Этотъ бенефисъ былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ въ жизни Гримальди; и публика, и журналы наперерывъ прославляли отца и сына. Отецъ говорилъ, что онъ никогда не видѣлъ роли Пятницы въ такомъ превосходномъ исполненіи. Можно бы, конечно, приписать этотъ отзывъ желанію расположить публику въ пользу дебютанта; но Гримальди говорилъ тоже самое и въ-послѣдствіи, когда сына его уже не было въ-живыхъ, и ни похвалы ни порицанія не могли имѣть для него никакой важности. Гримальди былъ вполне убѣжденъ, что въ нѣсколько лѣтъ сынъ не только сталъ бы наравнѣ съ нимъ самимъ, но даже превзошелъ бы его.

20 декабря того же года Гримальди понесъ горестную потерю; смерть похитила у него вѣрнаго и преданнаго друга, Гюзю. Какъ примѣръ душевныхъ страданій, которымъ подвержены драматическіе артисты, скажемъ, что въ это самое время Гримальди долженъ былъ каждый день посвящать по нѣскольку часовъ пробамъ новыхъ пантомимныхъ сценъ; прямо съ похоронъ долженъ онъ былъ явиться на послѣднюю пробу, а вечеромъ тѣшить публику своими комическими выходками.

Въ этотъ сезонъ на Садлервельскомъ театрѣ была поставлена новая арлекинада, «*Говорящая птица*», въ которой Гримальди являлся сначала птицею, потомъ клоуномъ. Въ первое ея представленіе ему пришлось играть въ одинъ вечеръ на трехъ театрахъ, и на всѣхъ трудныя роли. Онъ былъ хорошо знакомъ съ мистромъ Гейвардомъ, мужемъ одной талантливой актрисы Суррейскаго театра. Гейвардъ просилъ его участвовать въ бенефисѣ его жены. Гримальди безъ труда получилъ на то позволеніе Садлервельской дирекціи; Ковентгарденскій же директоръ, мистръ Гаррисъ, былъ въ отлучкѣ, такъ что не къ кому было обратиться за позволеніемъ; впрочемъ, какъ на этотъ вечеръ въ Ковентгарденѣ не было назначено пантомимы, онъ разсудилъ, что можно обойтись безъ разрѣшенія. Между-тѣмъ на бѣду его, въ самый день бенефиса мистрисъ Гейвардъ, въ Ковентгарденскомъ театрѣ былъ объявленъ «*Лаперузъ*». Онъ бросился въ Суррейскій театръ, чтобы извѣ-

ниться и отказаться отъ участія; но тамъ объ этомъ и слышать не хотѣли; увѣряли, что можно перемѣтить пьесу, въ которой онъ долженъ былъ играть, въ начало спектакля, такъ что онъ могъ изъ Суррейскаго театра посѣть въ Садлервельскій, а оттуда въ Ковентгарденскій; а чтобы ему не опоздать, обѣщали приготовить для него экипажъ съ отличяйшими лошадьми.

Онъ согласился, зная, что его отказъ и перемѣна программы могли имѣть очень непріятныя послѣдствія для бенефициантки, въ денежномъ отношеніи. Сыгравъ съ Болоньей свою пантомиму на Суррейскомъ театрѣ, онъ сѣлъ въ приготовленный экипажъ и пріѣхалъ въ Садлервельсъ въ то время, какъ началась увертюра, такъ что успѣлъ къ своему выходу и парумяниться вновь и влѣзть въ свой птичій костюмъ. Къ концу пьесы онъ сталъ беспокоиться, и безпрестанно поглядывать въ актерскую ложу, тутъ ли еще Болонья, который долженъ былъ начать свою роль въ «*Лаперузь*» получасомъ раньше его. Однако Болонья не торопился; они поѣхали вмѣстѣ въ Ковентгарденъ и уже успѣли одѣться, отдохнуть и подкрѣпиться стаканомъ теплаго элю съ сухаремъ, когда началась увертюра. Гримальди въ-послѣдствіи очень гордился этимъ подвигомъ; много разъ уже случалось ему въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль играть клоуна каждый вечеръ на двухъ театрахъ, но никогда еще не приходилось играть на трехъ. Къ тому же Суррей и Садлервельсъ на совершенно противоположныхъ концахъ города.

На слѣдующій день Гримальди имѣлъ случай видѣть образчикъ непріятностей, которымъ онъ подвергался бы, еслибъ мистръ Гаррисъ не былъ къ нему такъ хорошо расположенъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Фосетъ просилъ Гримальди участвовать въ его бенефисѣ; Гримальди согласился, но потомъ, узнавъ, что Фосетъ хотѣлъ дать ему роль драматическую, а не клоуна, отказался, объяснивъ Фосету, что въ его лѣта артистъ долженъ держаться того амплуа, съ которымъ уже сроднился, а не браться необдуманно за чужое дѣло, которое можетъ оказаться не по силамъ, и уронить славу, добытую многолѣтнимъ трудомъ. Фосетъ очень разсердился за этотъ отказъ, и сдѣлавшись режиссеромъ, искалъ случая отплатить Гримальди. Въ отсутствіе Гарриса, онъ воспользовался предлогомъ самовольнаго участія его на чужомъ театрѣ, и когда Гримальди врѣшелъ въ кассу за своимъ недѣльнымъ жалованіемъ, кассиръ отвѣчалъ ему, что оно удерживается по распоряженію Фосета. Гримальди отправился къ Фосету; но тотъ объявилъ ему на отръзъ, что онъ долженъ быть оштрафованъ за то, что игралъ на другомъ театрѣ, не испросивъ позволенія своей дирекціи и не предупре-

дивъ ее даже о томъ. Гримальди счелъ долгомъ не показывать своей досады, пробормоталъ Шекспировы стихи:

«Для насъ и нашего мы представленья
У васъ покорно просимъ снисхожденья!»

и вышелъ, насвистывая какую-то пѣсенку. У театральнаго подъѣзда встрѣтилъ онъ Гарриса, только-что возвратившагося въ Лондонъ. Гаррисъ дружески подаль ему руку, и спросилъ его о здоровьи. — «Однимъ только нездоровится, отвѣчалъ Гримальди, что удерживаютъ у меня жалованье».

— Какъ такъ! чѣмъ это вы провинились?

— Игралъ на Суррейскомъ театрѣ въ бенефисъ мистрисъ Гейвардъ, сэръ.

— А, понимаю! вѣрно, безъ разрѣшенія.

— Никого не было въ городѣ, кто, по моему мнѣнiю, имѣлъ бы право мнѣ разрѣшить, или запретить. Вы были въ отлучкѣ, а Фосетъ не по моей части; я съ нимъ не имѣю и не желаю имѣть дѣла. Къ мистру Фарлею одному считалъ я обязанностью обратиться, а онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я дѣлалъ какъ знаю, и что въ Ковентгарденѣ распорядятся такъ, чтобы не стѣснять меня.

— Ну, мы это сейчасъ поправимъ, сказала Гаррисъ; ступайте къ Брандону, и скажите ему отъ меня, чтобы онъ выдалъ вамъ жалованье. Да, вотъ еще что: я видѣлся съ Даямондомъ, и мы условились, что вы поѣдете къ нему въ октябрѣ; я самъ похлопочу, чтобы вамъ дали отпускъ безъ вычета жалованья.

Гримальди отъ души поблагодарилъ добраго директора, и пошелъ въ кассу за деньгами.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того былъ его бенефисъ въ Садлервельскомъ театрѣ. Онъ выбралъ роль Донъ-Жуана, а сыну далъ роль Скарамуччо. Молодой человекъ исполнилъ свое дѣло превосходно, и возбудилъ всеобщій восторгъ; это еще болѣе утвердило отца въ мысли, что онъ не только достойно поддержитъ, но еще увеличитъ славу отца. Три мѣсяца спустя, въ началѣ октября былъ его второй бенефисъ, въ которомъ онъ не могъ участвовать, внезапно заболѣвъ наканунѣ назначеннаго дня. Болѣзнь началась одышкою; ему тотчасъ пустили кровь, и онъ почувствовалъ облегченiе; но потомъ болѣзнь возобновилась съ болѣею силою, и онъ пролежалъ четыре недѣли. Съ этого времени произошла большая перемѣна въ его здоровьи; прежде онъ ни разу не

былъ боленъ; съ этого же времени не было дня, чтобы онъ былъ совершенно здоровъ. Хотя онъ пригласилъ на свой бенефисъ вмѣсто себя другаго артиста, и несмотря на участіе его сына, который дѣлалъ быстрые успѣхи въ искусствѣ и въ любви публики, тѣмъ не менѣе отсутствіе его имѣло чувствительное вліяніе на выручку.

Оправившись отъ болѣзни, Гримальди, согласно уговору своему съ Даямондомъ, поѣхалъ опять въ Батъ; онъ игралъ тамъ и въ Бристолѣ до половины декабря, и выручилъ около трехъ сотъ фунтовъ.

Къ этому времени принадлежитъ его знакомство съ содержателемъ Суррейскаго театра, Девиджемъ, который вмѣстѣ съ нимъ игралъ въ Батъ и въ Бристолѣ; въ-послѣдствіи онъ сталъ извѣстенъ своею дородностью и неповоротливостью, но тогда былъ очень худъ и превосходный мимикъ. Онъ игралъ Арлекина, а Гримальди клоуна. Они обыкновенно вдвоемъ дурачили Панталона, весьма посредственнаго актера, котораго настоящаго имени мы не припомнимъ, и котораго они звали, — неизвѣстно почему, — Билли Кумбзомъ. Онъ часто бѣсилъ ихъ своею плохою игрою, а еще болѣе тѣмъ, что выходилъ на сцену въ пьяномъ видѣ, и Девиджъ не разъ грозился, что отплатитъ ему когда-нибудь порядкомъ. Однажды, будучи въ особенно веселомъ духѣ, онъ указалъ своему другу Гримальди на сундукъ, приготовленный для пантомимы, и шепнулъ, что отлично будетъ запереть въ немъ Билли; къ сундуку кстати былъ привѣшенъ замокъ съ ключемъ. Сказано, сдѣлано. Публика хохотала до упаду. Оставались еще двѣ сцены. Гримальди спросилъ Девиджа, выпустилъ ли онъ Панталона — «Нѣтъ еще, отвѣчалъ Девиджъ; я продержу его до конца спектакля, и тогда выпущу». Съ этими словами онъ выскочилъ съ своими арлекинскими штуками на сцену, а Гримальди за нимъ. Минуть черезъ пять пантомима кончилась, и Гримальди, чувствуя нѣкоторую усталость, поспѣшилъ домой, чтобы лечь спать.

На слѣдующее утро Гримальди явился въ театръ, сдѣлать пробу нѣкоторымъ вновь имъ придуманнымъ пантомимнымъ сценамъ, и ему ужасно стало досадно, когда онъ прождалъ часа два, а Билли Кумбзъ не являлся; безъ него приступить къ пробѣ было невозможно. Въ это время пришелъ Девиджъ. — «Билли видно очень разсердился за вчерашнюю шутку, сказалъ Гримальди, и не намѣренъ придти сегодня на пробу! Неприятно будетъ, если и къ представленію его не отыщутъ».

— Куда же онъ дѣвался? спросилъ Девиджъ, съ удивленіемъ.

— Не знаю; здѣсь его нѣтъ, посылали къ нему на квартиру, — и тамъ нѣтъ!

— Боже мой! вскричалъ Девиджъ; да онъ еще сидитъ въ сундукѣ!

Гдѣ сундукъ? сундука нѣтъ. Наконецъ отыскали его въ подвалѣ подъ сценою, открыли,—Билли былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, но еще живъ, благодаря тому, что въ сундукѣ, отъ старости, было множество щелей. Несчастнѣй узникъ очень скоро оправился и заключеніе въ сундукѣ не имѣло для него другихъ послѣдствій. Онъ разсказалъ, что кричалъ и стучалъ изо всѣхъ силъ, но вѣроятно его не слышали по причинѣ шума за сценою. Потомъ, послѣ представленія, стали убирать сцену, и онъ чувствовалъ, какъ его съ сундукомъ опустили въ люкъ. Сначала ему было страшно; но потомъ онъ успокоился, разсудивъ, что на пробѣ хватятся его и освободятъ, и съ этою мыслью онъ преспокойно уснулъ.

Такъ разсказываетъ этотъ случай Гримальди. Мы однакоже имѣемъ причины подозрѣвать, что Билли Кумбозъ былъ себѣ на умѣ, и въ дуракахъ не остался; что онъ былъ освобожденъ еще съ вечера, а утромъ, передъ пробойю, самъ велѣлъ запереть себя въ сундукъ, зная что Девиджъ постарается умилостивить его подарками, отъ которыхъ онъ былъ не прочь.

Этотъ же Билли Кумбозъ былъ большой шутникъ, и публика часто хохотала до упаду отъ его выходокъ. Однажды, напримѣръ, давали «Ромео и Юлію», и Билли игралъ Самсона, слугу Капулетовъ. Театры въ провинціи не богаты костюмами, и на бѣднаго Билли нахлобучили какой-то пестрый нарядъ, вовсе не похожій на ливрею знатнаго дома; всего же хуже, что платье было шито не на его ростъ; рукава были нѣсколькими вершками длиннѣе его рукъ, и мотались такъ смѣшно, что публика расхохоталась при первомъ его выходѣ. Ему стало досадно, и онъ рѣшился отплатить директору. Извѣстно, что трагедія открывается встрѣчею слугъ двухъ враждебныхъ домовъ, между которыми происходитъ разговоръ такого рода:

АВРААМЪ. На насъ, что-ли, кусаете вы кулакъ?

САМСОНЪ (всторону). Будетъ ли законность на нашей сторонѣ, если я скажу: да?

ГРЕГОРИУ. Нѣтъ, не будетъ.

САМСОНЪ. Нѣтъ, не на васъ кусаю кулакъ; а кусаю кулакъ!

Билли вовсе не кусалъ кулака; но актеръ, игравшій, Авраама счелъ нужнымъ предполагать, что онъ кусалъ кулакъ, и обращаясь къ нему съ гнѣвнымъ видомъ, сдѣлалъ вопросъ, написанный въ роли.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Билли Кумбозъ, громко и внятно: нѣтъ, я не кусаю кулака; мнѣ было бы весьма пріятно кусать на васъ кулакъ, но хозяинъ нарядилъ меня въ такой проклятый балахонъ, — (тутъ онъ

сталъ мотать своими длинными рукавами), — что я самъ не доищусь своихъ кулаковъ.

Зрители, актеры, весь театръ покатились со смѣху, и минутъ пять нельзя было продолжать представленія.

По возвращеніи Гримальди въ Лондонъ, на Ковентгарденскомъ театрѣ начались репетиціи новой пантомимы «*Арлекинъ и Сильфида, или Беткальгринскій нищій*». Она игралась всю зиму, а въ апрѣлѣ 1816 года была поставлена мелодрама Покока «*Робинсонъ Крузо, или отчаянный буканьеръ*». Гримальди игралъ въ ней Пятницу, а Фарлей Робинсона. Эро была самая удачная передѣлка для сцены знаменитаго разсказа Фоз, и донныѣ она съ успѣхомъ является отъ времени до времени на театрѣ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открытие лѣтняго сезона.

Девюты гг. Максимова и Ленскаго, г-жъ Ленской, Шубертъ и Гольцъ.

Упрямство и настойчивость, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Бенедикса*, переводъ съ нѣмецкаго г. *А. С.*

Оомка дурачекъ, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, слова *М. Л. Михайлова*, музыка г. *А. Рубинштейна*.

Послѣ тяжелыхъ утратъ, понесенныхъ нашею сценою нынѣшней зимою, мы, признаемся, нѣсколько опасались за открытіе лѣтняго сезона, тѣмъ болѣе, что лѣтнее время само по себѣ уже невыгодно для театровъ; но опасенія наши далеко не оправдались. Сезонъ открылся рядомъ интересныхъ спектаклей, привлечшихъ, если и не очень многочисленную публику, то все-же болѣе значительную, нежели можно было ожидать.

Имѣли-ли мы, впрочемъ, право отчаяваться и считать потери, понесенныя нашимъ театромъ, невознаградимыми? Конечно, потеря такихъ артистовъ какъ В. А. Каратыгинъ, Я. Г. Брянскій и В. В. Самойлова вознаграждаются не скоро и не легко, но вѣдь и они замѣнили собой другихъ предшествовавшихъ имъ артистовъ, утрата которыхъ считалась также, въ свое время, невознаградиною. Будемъ же надѣяться, что и теперь явятся новые таланты. Оплакавъ умершихъ и выбывшихъ изъ строя, отдавъ должную дань похвалъ и удивленія ихъ заслугамъ предъ искусствомъ, будемъ надѣяться за оставшихся.

Обширно наше отечество и смысленъ русскій человѣкъ; много еще у насъ неизвѣданныхъ умовъ и непризнанныхъ дарованій. Театры множатся въ нашихъ губерніяхъ съ каждымъ годомъ, и начинаютъ уже служить, практическою школою и разсадникомъ родныхъ талантовъ. Щепкинъ и Садовскій начали свое поприще на губернскихъ театрахъ, Соленикъ жилъ и умеръ въ провинціи, Шумскій и Полтавцевъ образовались на провинціальныхъ сценахъ, Г. М. Максимовъ и г-жа Шубертъ, дебютировавшіе недавно на Александринской сценѣ, приѣхали къ намъ также изъ провинціи.

Г. М. Максимовъ дебютировалъ въ водевиляхъ: «Харьковскій женихъ», «Чего на свѣтѣ не бываетъ» и «Коломенскій нахлѣбникъ»; игралъ потомъ въ комедіяхъ: «Покойникъ мужъ и вдова его», «Въ людяхъ ангель, не жена», въ «Водевилѣ съ переодѣваніемъ» и въ драмѣ «Окно во второмъ этажѣ».

Для дарованія не изобрѣтено еще пока никакой мѣры, кромѣ сравненія съ другимъ, извѣстнымъ дарованіемъ, принятымъ за единицу; но мы не любимъ сравненій, придерживаясь извѣстной французской половицы — *comparaison n'est pas raison*, и потому не станемъ сравнивать таланта Г. М. Максимова съ другими артистами, а ограничимся знаніемъ въ немъ истиннаго дарованія. Да, оно въ немъ есть, и даже значительно развитое, хотя развитіе его совершилось при не совсѣмъ выгодныхъ обстоятельствахъ. Г. М. Максимовъ занимаетъ *амплуа* молодыхъ людей, или, выражаясь технически, *первыхъ любовниковъ*, то есть, по нашему мнѣнію, самое неблагоприятное, изъ всѣхъ *амплуа*, потому-что оно болѣе, нежели какое-либо другое, основано на внѣшнихъ, болѣею частію неизбѣжныхъ условіяхъ. Будь актеръ хоть семи пядей во лбу, но если у него нѣтъ ловкости на сценѣ, умѣнья одѣваться и приличія въ манерахъ, то онъ не будетъ хорошимъ актеромъ въ этомъ *амплуа*. В. А. Каратыгинъ былъ

неуклюжъ во фракѣ и не разъ навлекалъ на себя упреки самыхъ жаркихъ своихъ поклонниковъ, что брался играть роли во фракѣ, что являлся на балъ въ шарфѣ, концы котораго были завязаны большими узлами и запрятаны подъ жилетъ и тому подобное, о Мочаловѣ мы и не говоримъ. Но и при болѣе выгодныхъ физическихъ условіяхъ, актеру очень трудно образовать свой вкусъ и манеры: въ провинціи — по причинѣ недостатка въ образцахъ; въ столицѣ — въ слѣдствіе разнообразія элементовъ, составляющихъ публику, элементовъ, часто противоположныхъ по вкусу и требованіямъ. Оттого-то у насъ мало хорошихъ актеровъ на роли молодыхъ людей, оттого-то актеры, образовавшіе себя на эти роли по образцамъ общества, въ которое они допущены, пріобрѣтаютъ много вредящихъ имъ привычекъ и странностей.

Но г. М. Максимовъ имѣетъ много достоинствъ, хотя не лишень и нѣкоторыхъ недостатковъ, которые скоро должны изгладиться на нашей сценѣ. Во-первыхъ, г. М. Максимовъ развязенъ, даже боекъ на сценѣ; видно, что онъ много и часто игралъ, и вполне владѣетъ всеми мелкими уловками, которыя придаютъ актеру развязность, свободу и ловкость, необходимыя для того, чтобъ быть на сценѣ какъ дома, то-есть, играть натурально и непринужденно. Это, если хотите, достоинство не самое существенное, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важное. Очень часто случается видѣть актеровъ съ правильной дикціей, съ чувствомъ, съ несомнѣннымъ дарованіемъ, которымъ недостатокъ развязности и свободы на сценѣ вредитъ до того, что зрители не замѣчаютъ и не признаютъ ихъ достоинствъ.

Г. М. Максимовъ умно и правильно игралъ тѣ роли, въ которыхъ мы его видѣли, роли, правда, не особенно важныя, но позволяющія предполагать въ немъ умѣнье сыграть и болѣе серьезныя роли. Въ игрѣ его видѣнъ умъ, видно желаніе создавать характеры самобытно, но главное, въ немъ есть два рѣдкія достоинства: проникаться ролью, быть какъ можно болѣе простымъ, не изысканнымъ, не театральнымъ, и веселость, одушевленіе — даръ, очень немногимъ достающійся на долю.

Вообще, г. М. Максимовъ актеръ весьма хорошій для своего труднаго амплуа, и способенъ еще усовершенствоваться, но для этого ему должно отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ мелкихъ недостатковъ, отъ привычекъ и странностей, въ которыхъ виновенъ не столько онъ самъ, какъ мѣстное на него вліяніе. Онъ развязенъ и боекъ, но иногда эта развязность и бойкость доходятъ до излишества въ движеніяхъ и жестахъ; онъ читаетъ умно и правильно, но въ слѣдствіе не-

соразмѣрнаго увлеченія, говорить иногда слишкомъ скоро. Впрочемъ, г. М. Максимовъ отличается возможно-внятнѣмъ и отчетливымъ чтеніемъ, потому-что голосъ его очень хорошо выработавъ и вездѣ слышенъ, притомъ онъ прекрасно декламируетъ куплеты. Что касается до характера его дарованія, то онъ скорѣе комическій, нежели патетическій. Мы не думаемъ, чтобъ г. М. Максимовъ могъ съ особеннымъ успѣхомъ исполнять роли, въ которыхъ необходимо глубокое чувство, но не сомнѣваемся, что онъ всегда будетъ прекрасенъ въ роляхъ шадуновъ, разгульныхъ, беззаботныхъ молодыхъ людей, добрыхъ малыхъ и тому подобнаго характера. Совѣтуемъ г. М. Максиму, если онъ даже и не остается у насъ въ Петербургѣ, позаботиться объ исправленіи нѣкоторыхъ незначительныхъ недостатковъ; здѣсь это сдѣлать ему легче нежели въ другомъ мѣстѣ, потому-что здѣсь у него много образцовъ передъ глазами. Не худо также обратить вниманіе на туалетъ—статью важную для артиста въ этомъ амплуа; мы не говоримъ, что гардеробъ г. М. Максимова бѣденъ; напротивъ, сколько мы могли замѣтить, онъ богатъ, но онъ не соответствуетъ столичному вкусу.

Все это бездѣлицы, на которыя мы обратили вниманіе только потому, что видя въ г. Максимовѣ неподдѣльное дарованіе, желали бы, чтобъ ничто не вредило пріятному впечатлѣнію, которое онъ производитъ и долженъ производить на образованную публику. Всѣ дебюты г. Максимова увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и мы предвидимъ, что намъ не разъ придется бесѣдовать о г. Максимовѣ, потому-что это артистъ, о которомъ говорить можно и стоить.

Игралъ также на Александринскомъ театрѣ г. Ленскій, одинъ изъ старшихъ, по времени службы, артистовъ московскаго театра, и безъ сомнѣнія, старшій изъ всѣхъ своихъ товарищей по амплуа. Мы видѣли его въ роли Хлестакова и въ водевилѣ «Отецъ какихъ мало». Роль Хлестакова онъ сыгралъ не дурно и не хорошо, какъ играла и большая часть видѣнныхъ нами артистовъ; но нельзя не замѣтить, что роль не совсѣмъ идетъ къ нему, что онъ не похожъ на *элистратишку простаго* и что сравненіе Хлестакова со *спичкой* не можетъ быть примѣнено къ его довольно полному стану. Въ водевилѣ «Мужъ какихъ мало» онъ былъ болѣе на своемъ мѣстѣ. Что касается до дарованія этого артиста, то говорить о немъ считаемъ излишнимъ, потому-что о немъ не разъ было писано на страницахъ «Паштеона». Г. Ленскій пріѣхалъ въ Петербургъ для своей дочери, о первомъ дебютѣ которой мы уже рассказывали нашимъ читателямъ; съ-тѣхъ-поръ она

появлялась въ нѣсколькихъ водевильныхъ роляхъ и подтвердила наши мнѣнія о ней. Очень можетъ-быть, что современемъ госпожа Ленская будетъ хорошей актрисой, потому-что у нея много бойкости и развязности на сценѣ, но теперь она еще слишкомъ молода, и сказать о ней что-либо рѣшительное чрезвычайно трудно. Даже физическія ея средства, въ особенности голосъ, далеко не достигли полнаго развитія.

Кромѣ госпожи Ленской, были еще двѣ дебютантки: г-жа Гольцъ, появившаяся, на этотъ разъ, въ роли графини, въ комедіи г. Жемчужникова «Странная ночь», и г-жа Шубертъ, урожденная Куликова, сестра умной нашей артистки г-жи Орловой, дебютировавшая на нашей сценѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ дѣвичьей своей фамиліей, но съ-тѣхъ-поръ игравшая въ Одессѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ сряду была любимицей публики. Вотъ, что писали о ней изъ Одессы, два года тому назадъ:

«Встрѣчаются иногда таланты, о которыхъ говорить серьезнымъ тономъ строгаго критика нѣтъ никакой возможности: чувствуешь, что эта серьезность неумѣстна, смѣшна и даже несправедлива. Такъ точно есть женщины, въ которыхъ, разсуждая хладнокровно, не находишь ничего особеннаго: и черты лица неправильны, и глаза незамѣчательны, и — словомъ — нѣтъ ничего бесспорно прекраснаго; а между-тѣмъ, встрѣтишься съ этой женщиной — и весь холодный анализъ рушится, даже становится совѣтно за него... Къ талантамъ такого рода принадлежитъ г-жа Шубертъ. Она вовсе не обладаетъ тайнами сценическаго искусства, органъ ея очень слабъ, наружность, хотя и прекрасная, но на сценѣ не эффектная, — и при всемъ томъ г-жа Шубертъ — любимица здѣшней публики; при появленіи ея на сценѣ самое суровое лицо невольно разглаживается, яснѣетъ. Въ г-жѣ Шубертъ вы не видите актрисы — отсюда истекаютъ все ея недостатки и все ея достоинства. Если, напримѣръ, она играетъ дурно, вы не сердитесь на нее, а досадуете, зачѣмъ она взяла роль, которая совершенно къ ней нейдетъ. Зато, если она явится передъ вами граціозной, шаловливой дѣвочкой, которая вся создана изъ странной смѣси лукавства и наивности, вы невольно воскликните: да это сама натура! Ну, скажите, какъ судить такой талантъ, въ которомъ не найдешь переходной черты между натурой и искусствомъ? Мнѣ кажется, если госпожа Шубертъ будетъ стараться *быть актрисой*, она только испортитъ свой, такъ-сказать, *непосредственный талантъ*. Не знаю, правъ-ли я, но сознаюсь, я такой закладой врагъ рутинны и заученныхъ эффектовъ, что за двѣ —

три черты, исполненные чувства и натуральности, готовы простить десяток ошибокъ противъ сценическаго классицизма.»

Мы не безъ цѣли привели здѣсь эту выписку, и сейчасъ объяснимъ нашу цѣль. Мы видѣли г-жу Шубертъ только въ двухъ водевиляхъ «Пансіонерка» (La petite Cousine) и «Нѣтъ дѣйствія безъ причины»; по двумъ ролямъ почти невозможно судить объ актрисѣ, а мы обязаны высказать наше мнѣніе о г-жѣ Шубертъ; мнѣніе наше должно быть безпристрастно, а мы до-сихъ-поръ еще находимся подъ обаяніемъ ея игры. Теперь понятно, для чего мы привели выписку: если мнѣніе наше будетъ ошибочно, то пусть отвѣчаетъ за него одесская публика, которая нѣсколько лѣтъ сряду восхищалась г-жею Шубертъ.

Въ роли «Пансіонерки» она была мила, граціозна и наивна. И при этомъ ни одного лишняго мѣста, ни одной ложной интонаціи, ничего неестественнаго. Вы знаете, въ чемъ состоитъ эта роль. Молоденькая дѣвушка, только что вышедшая изъ пансіона, прїѣзжаетъ къ своей кузинѣ, и узнаетъ, что мужъ ея худо ведетъ себя съ ней: ухаживаетъ за другими женщинами и по цѣлымъ днямъ пропадаетъ изъ дому. Пансіонерка рѣшается исправить этого неблаговоспитаннаго мужа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наказать его, потому-что онъ осмѣлился называть ее ребенкомъ, подарилъ ей конфектъ, и спрашивалъ, чему учить грамматика и географія. Вы понимаете, что такія оскорбленія не легко прощаются шестнадцатилѣтней дѣвушкой и требуютъ мщенія. Пансіонерка отицаетъ за себя и за кузину. Она приводитъ насмѣшника къ ногамъ своимъ, а потомъ къ ногамъ кузины. Чтобы это сдѣлать въ четверть часа, на сценѣ, такъ, чтобы зрителю были вполне понятны и объяснимы переходы мужа сначала къ ногамъ кузины, а потомъ къ ногамъ жены, надо, чтобъ кузина была очень мила, а мы увѣрены, что зрители, подобно намъ, не только нашли все это какъ нельзя болѣе естественнымъ, но и невольно позавидовали, можетъ-быть, актеру, игравшему роль обращаемаго на путь истинный мужа.

Съ такой-же граціей, безыскусственностію и неотразимымъ обаяніемъ сыграла г-жа Шубертъ и другую роль, въ водевилѣ «Нѣтъ дѣйствія безъ причины.»

Судить о томъ, можетъ-ли г-жа Шубертъ играть роли болѣе серьезныя, не беремся, потому-что, хотя мы видѣли ее и прежде, еще до отъѣзда ея въ провинцію, подъ ея дѣвичьей фамиліей, но она была въ то время еще такъ молода, что трудно было составить себѣ понятіе о ея дарованіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ провинціи она играла и

драматическія роли, по недостатку въ артисткахъ, что видно, между прочимъ, и изъ приведенной нами выписки; но какъ она исполняла ихъ, мы не знаемъ. Провинціальные труппы бываютъ обыкновенно немногочисленны, и потому случается, что первый трагикъ принужденъ иногда играть комическую роль въ водевилѣ, или танцовать польку въ дивертисманѣ; неудивительно, слѣдовательно, что и г-жѣ Шубертъ приходилось играть въ драмахъ; но мы думаемъ, что настоящее ея назначеніе—роли очень молоденькихъ дѣвушекъ, то, что французы называютъ *les ingénuités*. Ея молодость, наивность ея игры и граціозность дѣлаютъ ее драгоценной актрисой для этого амплуа. Мы видѣли въ роли «Пансіонерки» Луизу Мейеръ, актрису, какихъ очень немного, и готовы отдать преимущество госпожѣ Шубертъ. Можетъ-быть, насъ ослѣпляетъ чувство патріотизма, но человѣку, привыкшему отдавать отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ читателямъ, обязанному повѣрять каждое слово, каждую мысль свою, прежде нежели отошлетъ ихъ въ типографію, ошибиться не легко. На сторонѣ г-жи Шубертъ молодость, имѣющая несомнѣнное преимущество надъ молодавостью, которою отличается Луиза Мейеръ; притомъ-же, отдавая русской артисткѣ преимущество передъ французскою, мы говоримъ объ одной только роли. Во всякомъ случаѣ, мы признаемъ г-жу Шубертъ вполне способною сравниться съ Луизой Мейеръ, и повторяемъ, что желаемъ отъ всего сердца видѣть ее въ числѣ артистовъ Александринской труппы.

О третьемъ дебютѣ г-жи Гольцъ мы рѣшительно не знаемъ, что сказать. Играла она роль графини, въ комедіи г. Жемчужникова «Странная ночь», роль, которую хорошо играть нельзя, а можно только хорошо читать; читала же г-жа Гольцъ такъ тихо, что ее едва было слышно.

Новыхъ пьесъ, до заключенія этой статьи, поставлено только двѣ, обѣ одноактные: комедія «Упрямство и настойчивость» и комическая опера «Фомка дурчечъ».

«Упрямство и настойчивость» есть ничто-иное какъ «*Dieu merci, le couvert est mis!*» очень миленькая пьеска, играемая на нашей Михайловской сценѣ; она переведена съ нѣмецкаго, хотя Леонъ Гозланъ выдалъ ее, во Франціи, за свою, и принадлежитъ, въ литературномъ отношеніи, къ разряду драматическихъ пословицъ.

Лакей накрываетъ столъ; кончивъ это важное занятіе, онъ говоритъ: *Слава Богу, столъ накрытъ!* Что, кажется, можетъ-быть проще и естественнѣе этого восклицанія, а между-тѣмъ оно послужило

основаніемъ цѣлой комедіи. Произнося упомянутыя нами слова, лакей проситъ горничную, къ которой, замѣтимъ мимоходомъ, пылаетъ страстью, повторить ихъ, но горничная отказывается. Онъ настаиваетъ, она упрямится, и дѣло доходитъ, сперва—до ссоры, потомъ—до драки. Господинъ этихъ слугъ случайно подслушиваетъ всю сцену и пересказываетъ ее своей молоденькой и хорошенькой женѣ; они оба смѣются надъ смѣшною настойчивостью лакея и неменѣе смѣшнымъ упрямствомъ горничной, порицаютъ, разумѣется, обоихъ, съ тою только разницею, что жена принимаетъ сторону горничной, а мужъ сторону лакея; незамѣтно переходятъ они потомъ къ довольно серьезному спору, который кончается тѣмъ, что мужъ требуетъ отъ жены своей того-же, что требовалъ лакей отъ горничной, то—есть, чтобъ она сказала: *Слава Богу, столъ накрытъ!* Жена не соглашается, и сцена, разыгранная слугами, повторяется у господъ, съ тою, разумѣется, разницею, что до драки дѣло не доходитъ. Въ этомъ положеніи застаютъ супруговъ дядя и тетка, пріѣхавшіе къ нимъ обѣдать. Дядя замѣчаетъ первый, что между племянниками пробѣжала кошка. Что такое случилось? спрашиваетъ онъ: вѣдь не важное-же что—нибудь, потому—что важныхъ причинъ къ размовкѣ между супругами, женатыми не болѣе мѣсяца и страстно другъ въ друга влюбленными, кажется, быть не можетъ. Племянникъ и племянница объясняютъ въ чемъ дѣло. Дядя и тетка стараются примирить ихъ, но незамѣтно принимаютъ, онъ—сторону племянника, она—сторону племянницы, и дѣло кончается опять таки тѣмъ-же, т. е., что дядя приказываетъ женѣ своей сказать: *слава Богу, столъ накрытъ!* а жена отказывается. Женщины заключаютъ союзъ противъ мужчинъ, мужчины противъ женщинъ, и сраженіе дѣлается общимъ, но продолжается недолго, потому—что мужчины, видя невозможность бороться, кладутъ оружіе и просятъ мира. Дядя начинаетъ переговоры, а племянникъ, желая смягчить гнѣвъ жены своей, подноситъ ей, въ видѣ выкупа, кашемировую шаль, которая производитъ желанное дѣйствіе, и такъ трогаетъ побѣдительницу, что она добровольно произноситъ роковыя слова: *слава Богу, столъ накрытъ!* Тетка, которой не подарили шали, продолжаетъ упрямиться, но стараясь помирить горничную съ лакеемъ и уговаривая ее произнести роковыя слова, сама печально произноситъ ихъ. Наконецъ, сдается и горничная.

Эта забавная пьеска очень хорошо разыгрывается г.г. Максимовымъ 1, Марковецкимъ, Вороновымъ и г-жами Жулевой, Сосницкой и Левкѣвой.

Комическая опера «Омка дурачекъ», слова которой написаны М. Л. Михайловымъ, доказала намъ въ тысячу первый разъ, что между театромъ и книгой огромная разница, и что талантливый беллетристъ, приобрѣтшій справедливую извѣстность своими повѣстями, можетъ написать не совѣмъ удачную пьесу, особенно если не изучилъ сцены и ея условій. Еслибъ на афишѣ не была выставлена фамилія М. Л. Михайлова, то мы никакъ бы не повѣрили, что либретто «Омка дурачекъ» написано авторомъ «Адамъ-Адамыча» и «Кухмистерши».

Что касается до музыки г. А. Рубинштейна, то мы не можемъ удержаться, чтобъ не сказать о ней нѣсколько словъ. Мнѣніе наше есть мнѣніе дилеттанта, *одного изъ публики*, а не мнѣніе музыканта *ex professó*; тѣмъ не менѣе смѣемъ надѣяться, что оно заслуживаетъ вниманіе, потому-что раздѣляется большинствомъ.

Намъ говорили, что музыка г. Рубинштейна прекрасно оркестрована, что онъ показалъ въ ней большое знаніе контрапункта и законовъ гармоніи; охотно вѣримъ этому, потому-что знаемъ г. Рубинштейна за человѣка весьма талантливаго и трудолюбиваго, но, признаемся откровенно, желали-бы отъ глубокихъ познаній г. Рубинштейна въ музыкѣ болѣе ясныхъ и общедоступныхъ результатовъ. Мы, вмѣстѣ съ большинствомъ публики, не знаемъ ни контрапункта, ни правилъ гармоніи, и не очень заботимся о томъ, что такой-то хоръ написанъ фугой или канонъ; намъ надо, чтобъ этотъ хоръ намъ понравился, тронулъ насъ, нашель-бы отголосокъ въ нашемъ сердцѣ, — а музыка г. Рубинштейна не произвела на насъ никакого впечатлѣнія. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы теоретическія познанія не имѣли для пишущаго музыканта большой важности; Боже насъ сохрани отъ такой цельности! нѣтъ, мы это вовсе не думаемъ, но желали-бы только намекнуть г. Рубинштейну, чтобъ онъ побольше обращалъ вниманія на публику и старался бы извлекать изъ своихъ теоретическихъ познаній результаты, для нея доступные. Музыканты, можетъ-быть, и не согласятся съ нами, можетъ-быть, намъ придется прочесть не одну статью въ похвалу г. Рубинштейну, но это не заставитъ насъ отказаться отъ нашего мнѣнія, на которое просимъ г. Рубинштейна обратить вниманіе. Какъ-бы ни хвалили его музыкальную ученость специалисты по этой части, публика останется хладнокровою къ его произведеніямъ, если они не затронутъ ее за живое; а это для композитора бѣда.

Вотъ все, что мы хотѣли сказать; предоставляемъ болѣе подробный разборъ новаго произведенія г. Рубинштейна людямъ болѣе свѣдущимъ, то есть, нотоѣдамъ.

СМЪСЬ.

БЪЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ЕЯ СКАЗНАХЪ.

4. СВАДЕБНЫЕ ОБЯДЫ У ПОСЕЛЯНЪ МОГИЛЕВСКОЙ И МИНСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

Свадьбы у бѣлорусскихъ поселянъ обыкновенно устраиваютъ осенью, по совершенной уборкѣ хлѣба съ полей. Женихъ и невѣста болѣею частью бываютъ изъ одной деревни и одного помѣщика, рѣдко изъ разныхъ селъ и разныхъ владѣтелей, а потому и родные жениха и невѣсты находятся въ одной съ ними деревнѣ. Обыкновенно, невѣста поступаетъ въ домъ родителей жениха, но въ случаѣ престарѣлости родителей невѣсты, нуждающихся въ помощникѣ для поддержанія большаго и хорошо подготовленнаго хозяйства, и женихъ поступаетъ въ семью невѣсты (поступаетъ въ *примы*), отчего и называется *примакѣмъ* (то-есть принятымъ въ чужой домъ, на готовое хозяйство).

Свадьбѣ всегда предшествуетъ сватовство; причемъ, само-собою разумѣется, неизбѣжны *сватки* и *свахи*, между которыми занимаетъ пер-

воемѣсто и въ-продолженіе всѣхъ свадебныхъ обрядовъ, играетъ важную роль *сватъ*: ему подчинены сватки и свахи, которыхъ обязанности неопредѣлены. Что-же касается до свата, то его должность очень многосложная и даже трудная, какъ увидимъ дальше. Для этой должности родные жениха, или невѣсты избираютъ семьянина среднихъ лѣтъ, но не молодого и не старика, потому-что молодой не можетъ пользоваться такимъ довѣріемъ и уваженіемъ, какимъ пользуется человекъ, напри- мѣръ, лѣтъ сорока, а старикъ не въ силахъ нести трудныя обязанности свата, которыя требуютъ постоянныхъ движеній, ходьбы, живости и раз- вязности. Избранный въ сваты долженъ быть человекъ зажиточный, чест- ный, не пьющій, кромѣ-того—остроумный, весельчакъ и краснорѣчивъ. Такъ- какъ съ подобными качествами не очень-много людей найдется въ деревнѣ, то болѣею частью одинъ и тотъ-же сватъ избирается для каждой свадьбы, и ужъ такъ и извѣстенъ на всю деревню подъ именемъ свата, а дѣти его подъ названіемъ *свацуконъ*.

Для сватовства, неизвѣстно почему, назначаются *четверги* и *суб- боты*. А потому, въ эти дни, дѣвицы, ожидающія прихода свата, ста- раются какъ можно въ болѣе чистой и опрятности содержать отцов- скій домъ и самихъ себя. Надѣваются потоньше бѣлье и получаютъ верх- нее платье; головы повязываютъ бѣлыми платочками; косы заплетаютъ розовыми лентами; ноги обуваютъ въ цвѣтныя чулки и козловые съ под- ковками башмаки.

Свадебные обряды состоятъ изъ *малыхъ и большихъ запойнъ*, *змовинъ*, *печенія короваевъ*, *пріема жениха*, *выкупа* и *одъванія невѣсты*, *поѣзда*, *вяселья* и *переносинъ*.

МАЛЫЯ ЗАПОЙНЫ.

Вечеромъ, когда ожидаютъ *свата* (а ожидаютъ потому, что заблаго- временно узнаютъ о приходѣ его), вся семья и собравшіяся родственницы старухи сидятъ вокругъ стола и дружески разговариваютъ, кромѣ *дѣ- вицы-невѣсты*, которая постоянно ходитъ изъ угла въ уголъ и — то убираетъ лежащее на мѣстѣ платье, то разставляетъ на *палитцѣ* (до- ска при стѣнѣ) посуду, то поправляетъ дурно-горящую лучину и тому подобное. Вотъ является *сватъ*, останавливается посреди комнаты, раз- кланивается на всѣ стороны; но никто не обращаетъ на него вниманія, и особенно дочь хозяина, которая на ту пору еще болѣе суетится и почти бѣгаетъ изъ угла въ уголъ. Хозяинъ первый, сидѣвшій до того задумчивымъ, нѣсколько приподнимается съ своего мѣста и довольно- хладнобровно привѣтствуетъ свата: «Садись, сосѣдушка! будешь гостемъ

у насъ!» «Спасибо», отвѣчаетъ свать; сидѣли дома... не затѣмъ я пришелъ, чтобъ сидѣть только... Дѣло вотъ въ чемъ:

Нашему молодцу полюбилась ваша дочка — невѣста:

Даль-бы Богъ, чтобъ и вашей дочкѣ понравился нашъ молодецъ.

Тогда хозяинъ подходитъ къ свату, беретъ его подъ руку, и указывая на *пѣкуцъ* (первое, почетное мѣсто въ углу комнаты подъ образами), умильно проситъ посидѣть. Свать безотговорочно садится на указанномъ мѣстѣ. Между-тѣмъ, *дѣвица-невѣста* незамѣтно выбѣгаетъ изъ комнаты и отправляется къ ближайшимъ родственницамъ-дѣвицамъ, а если ихъ нѣтъ, къ коротко-знакомымъ подругамъ и съ ними приходитъ домой; но онѣ не входятъ въ комнату, а забираются въ *истобку* (комнатка и вмѣстѣ съ тѣмъ кладовая, раздѣленная отъ главной комнаты сѣнями), и тамъ шепчуть межъ собой. Въ отсутствіе невѣсты, хозяинъ спрашиваетъ свата о цѣли его посѣщенія. Свать исчисляетъ качества и богатства юноши, котораго прочитъ его дочери въ мужья, и по-своему описываетъ счастье, какимъ будетъ наслаждаться его дочь, вышедши за такого парня, которымъ не нахвалятся родные и вся домашняя *челядь* (прислуга) его. Но лишь только возвратившаяся дѣвица скрипнетъ дверьми въ истобкѣ, свать прерываетъ начатый разговоръ, и поглядывая на двери комнаты, спрашиваетъ хозяина: «Что жъ это, кажется, не всѣ дома?.. Гдѣ ваша *кράля?*» Хозяинъ отвѣчаетъ: «Извѣстно — молодежь... ей бы всё бѣгать!» Въ эту минуту старухи начинаютъ шептаться между собою, и потомъ, одна за другою выходятъ въ сѣни, съ намѣреніемъ вывести изъ истобки дѣвицу-невѣсту: это дѣлаютъ онѣ нѣсколько разъ. Наконецъ, входитъ въ комнату дочь хозяина въ сопровожденіи подругъ. Всеобщее молчаніе... Всѣ смотрятъ на нее; а она, потупивъ въ землю глаза, становится въ *качерѣжникъ* (уголъ возлѣ печки, гдѣ хранятся: помело, нѣсколько ухватовъ, чепела и кочерга) и начинаетъ ковырять пальцами въ стѣнѣ... Старухи шепчуть между собою; отецъ не сводитъ глазъ со свата... Свать обращается къ невѣстѣ съ слѣдующими словами: «а что-жъ NN (такая-то), вѣдь я не даромъ (не безъ причины) забрелъ къ вамъ!»—Дѣвица молчитъ и продолжаетъ ковырять... Тогда отецъ ея говоритъ: «Нечего брезгать: дѣтина—молодецъ, безъ всякой *разрухи* (недостатка); не пьяница, не *гайдамакъ* (волокита), не воръ, — хорошей семьи дитя. Ну что-жъ ты скажешь на это, *дачушка* (доченька)? Отвѣчай: вѣдь ты ужъ не ребенекъ.» Молчаніе... Мать повторяетъ тоже. И вотъ, дѣвица, вполголоса, почти шопотомъ отвѣчаетъ, глядя на стѣну: какъ вамъ угодно, мои милые родители.—Нѣтъ, моя родная! возражаетъ отецъ, — скажи

на прямикъ, нравился-ли тебѣ предлагаемый женихъ NN (такой-то)? Мы тебя не неволпимъ, ты намъ не въ тягость; мы тебя не выгоняемъ изъ дому; не для того мы тебя *годовами* (ростили), чтобъ насильно отдавать замужъ, а ты бы послѣ пѣняла на насъ за это Скажи же намъ, что ты думаешь.» Дѣвица несмѣло поворачивается лицомъ къ народу и сквозь зубы говоритъ: «Что жъ дѣлать? если ужъ такъ непремѣнно нужно праздновать этотъ праздникъ, такъ будемъ праздновать.» и затѣмъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ. Тогда свать встаетъ изъ-за стола, подходитъ къ невѣстѣ, пожимаетъ ей руку и подводитъ къ столу, на который кладетъ пироги, сыръ, масло и разное печиво мясное; потомъ наливаетъ въ миску водки, и бросаетъ туда серебряную монету. Между-тѣмъ хозяйка наскоро жаритъ яичницу и потчуетъ свата.

Въ это время подруги невѣсты поютъ:

Сягодня заручники
 Богъ намъ давъ;
 Працівъ надзельки
 Богъ намъ давъ,
 Ишли дары на три сталы:
 Таму-сяму на падаарачку,
 Нашему NN (такому-то)
 Три падаарачки
 Богъ яму давъ:

Азинь падааракъ — залаты перьсень,
 Другй падааракъ — шавковая хустка,
 Треци падааракъ — красная NN (такая-то)
 Залаты перьсень — на мѣнянья,
 Шавковая хустка — на уциранья,
 А красная NN (такая-то) на кахѣнья.

А дѣвица-невѣста приносить рюмку, или деревянный кубочекъ, и подаетъ съ поклономъ свату. Свать черпаетъ изъ миски водку и пьетъ за здоровье нареченной невѣсты, та — за здоровье отца, отецъ — за здоровье жены своей, жена — за здоровье родственницъ, родственницы — за здоровье подругъ невѣсты, а тѣ — за здоровье челяди; — потомъ закусываютъ. Опорожненную миску, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ монетъ, хозяйка заворачиваетъ въ полотенце и отдаетъ свату, который, раскланявшись на всѣ стороны, отправляется домой.

Тѣмъ оканчиваются малыя запоины, послѣ которыхъ свадьба можетъ и не состояться. Но въ случаѣ, еслибы невѣста, или ея родные вздумали разстроить свадьбу послѣ *большихъ запоинъ*, то обязываются непременно уплатить свату издержки. Слѣдствіемъ нарушенія данного слова послѣ большихъ запоинъ бываетъ вѣчная ненависть и вражда родныхъ жениха къ роднымъ невѣсты.

Но если нѣтъ повода нарушать данное слово послѣ малыхъ запоинъ, то все время отъ малыхъ до большихъ запоинъ проводятъ въ пирушкахъ. Невѣста пользуется особенными ласками и уваженіемъ родныхъ. Родители приглашаютъ къ дочери двухъ подругъ ея, которыя неотлучно находятся при ней и поютъ пѣсни до самыхъ переносинъ; эти подруги называются *бальшанками*.

БОЛЬШІЯ-ЗАПОИНЫ.

Спустя недѣлю послѣ малыхъ запоинъ слѣдуютъ *большія*, или такъ называемая *великая-гарелка* (много водки). Тутъ уже сватъ прѣзжаетъ съ нареченнымъ женихомъ, который привозитъ *биклагу* (деревянный сосудъ, въ родѣ малаго боченка) водки. На эту церемонію, кромѣ родныхъ, собирается нѣсколько постороннихъ лицъ, по преимуществу стариковъ и старухъ, для *смотря и оцѣнки жениха*. Вечеромъ, подаютъ ужинъ изъ горячихъ кушаньевъ: всѣ садятся за столъ, кромѣ жениха, который, стоя, угощаетъ гостей своею водкою. Послѣ ужина, мать невѣсты завертываетъ пустую биклагу, съ нѣсколькими серебряными монетами, въ полотенце и возвращаетъ жениху. За тѣмъ, всѣ расходятся *.

Въ слѣдующее послѣ большихъ запоинъ воскресенье, отецъ невѣсты отправляется въ ближайшее мѣстечко, для закупки свадебныхъ нарядовъ для дочери. По возвращеніи его, когда онъ входитъ съ покупками въ комнату, бальшанки встрѣчаютъ его разными пѣснями, въ которыхъ говорится или о состояніи сердца влюбленной дѣвицы, или о достоинствахъ жениха, или же — о томъ и другомъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Мѣжи новыхъ клѣтачакъ
 Сцѣжачки памяцѣны;
 Хтожъ ихъ тамъ памятавъ?

* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссін этотъ обрядъ совершается иначе. См. Журн. Мин. Нар. Пров. 1846 г. Кн. 4. Прибавл.; мою статью: *Бѣлорус. Народ. Пѣсньры*. XXII. Слово — *Дзъвол*, подъ псевдонимомъ *Древлянскаго*.

NN (такая-то) памята́ла;
 Яна́ къ сабѣ́ гасьцей ждала:
 Да ждала не даждала,
 Да у татульки пытала:
 «Да татулька роднивьки!
 Ты учора на таргу бывъ,
 Ци ня видзивъ NN (такого-то)?»
 — Да дзѣцятка рѳдная!
 Хоць, видзивъ—не знаю.
 «Якжа ягѳ нипазнаци?
 Самъ-сѳмъ паяжджя́я,
 Падъ имъ коникъ брѳя,
 Капытомъ землю крѳя;
 Вушками веѳ чу́я,
 Бо́чками звѳзды лича.»
 — Правда, учора на таргу я бывавъ,
 Я табѣ́ вянѳчакъ старгававъ,
 Да зъ руты, да зъ мяты,
 Да зъ бѣлай лялѳен,
 Да зъ чирвѳнай шапѳры,
 Што ни дожджикъ ягѳ не замѳча,
 Да ни сонца ягѳ на зу́ша,
 Да ни вѣтрикъ ягѳ не звѣ́я;
 Вѣтрикъ павѣ́я—лялѳя;
 Сонца пригрѣ́я—юнь спѣ́я;
 Дожджикъ пакрѳпе—пазлѳце.

Въ промежуткѣ между большими запѳннами и змѳвинами, невѣста занимается легкими работами: вышиваетъ красными нитками узоры на рукавахъ и воротникахъ своихъ рубахъ, тчетъ свадебный обрусь и приготавлиетъ пояски; ей помогаютъ большанки, и тутъ же поютъ пѣсни.

ЗМѳВИНЫ (сговоръ).

На пятый день послѣ большихъ-запѳннъ, утромъ, бываютъ змѳвины, на которыя, по личной просьбѣ невѣсты съ большанками, собирается чуть-ли не вся деревня, не говорю уже о томъ, что приходять и приѣзжаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ селъ все родные невѣсты съ малыми дѣтьми... Такъ-какъ отецъ и мать невѣсты заняты разными совѣщаніями со сватомъ и свахами, то на родныхъ лежитъ обязанность забо-

тятся о размѣщеніи и подчиваніи гостей и поддержаніи разговора между ними. Предметъ этихъ совѣщаній тотъ, что уговариваются: — сколько пригласить на свадьбу гостей, какъ ихъ угощать, какую набрать дружину къ свадьбѣ для жениха, сколько печь *короваевъ* и сколько кому раздать подарковъ.

На змѣины прежде всѣхъ приходятъ, или пріѣзжаютъ родные невесты, затѣмъ посторонніе. Наконецъ, являются свать и женихъ съ своею *дружиною*, которую составляютъ: три свахи, одна — крестная мать, а прочія двѣ—сестры или близкія родственницы его; два *дружка* (шафера), изъ которыхъ *старшій*—братъ его, а *младшій* — *музыка* (т. е. скрипачъ или вообще музыкантъ); четыре *поддружка* или *нампстника*, и, наконецъ, крестный отецъ, который вводитъ жениха въ комнату подъ-руку и садится съ нимъ за столъ, не ожидая приглашенія хозяевъ. Свать несетъ водку и разныя холодныя закуски для всего общества, а *жѣтникъ* (ржаной пирогъ) для *бабки* невесты (если бабки нѣтъ въ живыхъ, то ея мѣсто занимаетъ дочь, или ближайшая родственница).

При входѣ жениха, большанки, держа невесту за руки, поютъ:

Пріѣхали заручники
Чаму яны безъ дудачки?
NN (такая-то) ня удѣвачка
Захочецъ пагуляць,
Таткавъ дворъ равнаваць
Ножками, астрѣжками,
Чорнымі чабатамі
Зъ маладымі дзѣцюкамі.

Тутъ музыка начинаетъ играть, а большанки поютъ снова:

Ать-жé-жъ табѣ галубдкѣ
Уведзѣна галубка
Кали еé любишь, дай пирогъ!
(Женихъ подаетъ невестѣ пирогъ)
Кали ня любишь, то вонъ за парогъ!
Не хвалися, што у насъ бывъ,
Што нашай NN (такой-то) ня злюбивъ.

Невеста кланяется всѣмъ въ ноги, большанки поднимаютъ ее; потомъ, подходятъ къ одной изъ *молодицъ* (молодая замужняя женщина) и просятъ принять ее подъ свое покровительство.

Послѣ этого всѣ садятся. На первомъ мѣстѣ—женихъ; рядомъ съ нимъ—сватъ и дружки; дальше—отецъ и мать невесты; еще дальше—крестные отецъ и мать жениха и наконецъ свахи. На противоположной сторонѣ стола, противъ жениха—невеста; противъ свата—старшая бальшанка; противъ старшаго дружки—младшая бальшанка; противъ музыки или младшаго дружки—молодица, и т. д. Начинаются угощенія. Сватъ наливаетъ водку и пьетъ за здоровье матери невесты; мать, выпивши, накрываетъ рюмку бѣлымъ платкомъ и передаетъ свату, который, спрятавъ платокъ, пьетъ за здоровье невесты. Потомъ, невеста подаетъ рюмку съ краснымъ платкомъ старшему дружкѣ, который, спрятавъ платокъ, пьетъ за здоровье невесты; съ такимъ же платкомъ подаетъ невеста рюмку и младшему дружкѣ, который пьетъ за здоровье молодицы, а та—за здоровье жениха; женихъ—за здоровье старшей бальшанки, та—за здоровье музыки и подаетъ ему *поясъ* невестинной работы; музыка передаетъ рюмку невестѣ, которая пьетъ за здоровье свата, тотъ—за здоровье ея отца; отецъ—за здоровье жениха; женихъ—за здоровье крестнаго отца своего, тотъ за здоровье матери невесты; мать невесты—за здоровье крестной матери жениха; та—за здоровье бабки, а бабка—за здоровье свахъ.

Затѣмъ, молодица разстилаетъ на столѣ бѣлый платокъ: жеппхъ и невеста кладутъ на немъ кольца. Бальшанки и дружки поднимаютъ платокъ съ кольцами и опускаютъ его прежде надъ головою жениха, а потомъ надъ головою невесты; всѣ встаютъ. Отецъ и мать, поднявъ вверхъ руки, произносятъ: «Боже благослови! Дай, Господи, имъ счастье и добрую долю!» Молодица надѣваетъ кольцо невесты на палецъ жениха, а сватъ—кольцо жениха на палецъ невесты. Вслѣдъ за этимъ, молодица даритъ невесту башмаками; невеста не принимаетъ сначала, но когда сватъ скажетъ: «Я бы не совѣтоваль пренебрегать этимъ добромъ; пригодятся башмачки для бѣленькихъ твоихъ ножекъ.» какъ-бы нехотя беретъ и передаетъ старшей бальшанкѣ, при чемъ, отворотившись къ стѣнѣ, и закрывъ глаза руками, плачетъ. Бальшанки поютъ:

Не сядзи, красачка, бокамъ;
Гета табѣ ни знарокамъ;
Сядзь сабѣ прасцьюсенька,
Будзе табѣ милосенька!..

Послѣ трехкратнаго повторенія этой пѣсни, женихъ беретъ за руку невесту, и въ сопровожденіи бальшанокъ, крестной матери, музыки

коровайницъ и коровайниковъ (т. е. назначенныхъ для заквашиванія и печенія короваевъ), вмѣстѣ съ нею переходить въ *свѣтлицу*.^{*} Въ свѣтлицѣ все приготовлено для закваски короваевъ: на деревянномъ крестѣ стоитъ дежа (квашня); возлѣ дежи, на скамьѣ, лежитъ крышка, а на ней — коробка съ мукой и ведро съ водой... Крестная мать невѣсты (а если ее нѣтъ, то какая-нибудь пожилая женщина) беретъ въ одну руку ковшъ воды, въ другую горсть муки, и три раза произносить слѣдующія слова: «Съ нами Богъ! Отецъ, мать, родные и близкіе сосѣди, старики и бабки, дѣтки и все добрые люди! благословите коровай красной дѣвицы.» Затѣмъ растворяетъ тѣсто. Коровайники и коровайницы ставятъ дежу съ тѣстомъ въ теплое мѣсто, близъ печки. При этомъ дѣвицы поютъ пѣсни и все возвращаются въ главную комнату, гдѣ ихъ поздравляютъ съ удачнымъ растворомъ короваевъ, и потчуютъ медомъ. Потомъ гости расходятся по домамъ.

ПЕЧЕНІЕ КОРОВАЕВЪ.

Вечеромъ того же дня приходятъ къ невѣстѣ дѣвицы, свать, коровайницы и коровайники. Коровайники берутъ дежу, и обнесши ее три раза вокругъ стола, ставятъ, на крестообразной подкладкѣ, у самой печки. Тутъ свать потчуетъ гостей водкой, а хозяева — закусками. Старшая коровайница поетъ:

Благославице людзи

Близкіе сусѣдзи

Гэтаму дзицаци

Каравай замясиць

Ручкамі белёнькімі,

Персецёнямі залацёнькімі,

Пѣсньнямі вяселёнькімі!..

..... Маладыя маладзицы!

Пѣсьни пѣць.

Удалыя малайцы!

Каравай печь...

Пять коровайницъ поочередно мѣсятъ тѣсто; послѣ чего закрываютъ дежу крышкой и кладутъ на ней разные подарки для невѣсты. Не-

^{*}). Домъ бѣлорускаго поселенца (конечно не самаго бѣднаго, у котораго не бываетъ такого свадебнаго торжества) состоитъ изъ главной, большой комнаты, *дымника*, *свѣтлицы* (чистой, не дымной комнаты), *истопки* (кладовой) и *кльци* (лѣтней спальни).

вѣста поклонами благодарить за подарки, а бальшанки и прочія дѣвицы, приплясывая, поютъ:

Каравай у дзяжй играецъ,
 Да вѣка паднимаецъ,
 Каравайницъ жидаецъ.
 Гаспадынячка нѣтка!
 Варочайся хѣтка...
 Уже на дварѣ вечаръ,
 Каравай нашъ на пѣчахъ.

Пляски и разныя пѣсни продолжаются до-тѣхъ-поръ, пока тѣсто совершенно поднимется. Тогда старшая изъ коровайницъ, пропѣвъ:

Заступъ, Божа, зъ неба.
 Якъ намъ цяпѣръ треба;
 Памагавъ замясиць,
 Памажи и усадзиць —
 Ручками бялѣнькими,
 Перьсцеными залацѣнькими,
 Пѣсьнями вяселѣнькими...

начинаетъ дѣлать короваи.

Короваевъ дѣлается нѣсколько. Одинъ, самый большой, въ видѣ полумѣсяца, — для жениха и невѣсты; другой, въ родѣ *перанѣчи* (плоскаго пирога), для гостей; третій, небольшой, круглый, предназначается исключительно для бабки; четвертый, треугольный, для невѣсты, — съ нимъ она отправляется первый разъ стирать въ рѣкѣ свое бѣлье. На каждомъ изъ этихъ короваевъ дѣлаются изъ тѣста же разныя фигурки. Кромѣ-того, дѣлаются маленькіе короваи, называемые *кросками*, для коровайницъ и коровайниковъ, для дѣтей и челяди. Коваи сажаютъ въ печь коровайники лопатой, а вынимаютъ ухватомъ коровайницы. Невѣста не участвуетъ въ печеніи короваевъ.

Покамѣсть короваи пекутся, дѣвицы пляшутъ и поютъ.

Хвалажъ Богу, што мы дзѣла зрабили,
 Каравай усадзили,
 Ручками бѣлѣнькими,
 Перьсцеными залацѣнькими,
 Пѣсьнями вяселѣнькими...

На дварѣ яварѣ сякуць,
 А у хатачку тресачки лятуць;
 Кала явару тресачки,
 Кала караваю маладзички.
 Першая квятка
 Наша N N... (такая-то).
 Да багатъ яе татка, багатъ;
 Добра пшаница, што у навинѣ,
 Да вялікіе стырты у гумнѣ,
 Повныя засѣкы у клѣццѣ.
 Падышовѣ каравай у дзяжы,
 Зашумѣвѣ каравай у дзяжы.
 Да чаму яму не пачыся:
 Харошая учиняла,
 Румяная мясила
 Госпада Бога прасила,
 Кабъ нашѣ каравай удавѣся,
 Кабъ нашѣ каравай красенѣ спѣкѣся,
 Кабъ наша N N (такая-то) весела была.
 А ніхто не угадае
 Што у нашымъ караваѣ:
 Дзевяці пудоў мукы,
 Васьмі кароў масла,
 А яецъ павтараста.
 Зѣ суботы на нядзелю
 Сабралася N N (такой-то) радзіна (родныя),
 Зняслижъ яны семѣ ситѣ мукы на каравай.
 Хвалажъ Богу! вялікіе будзе каравай.
 Зняслижъ яны семѣ дзежакѣ масла на каравай.
 Хвалажъ Богу! пушанѣ будзе каравай.
 Зняслижъ яны семѣ ситѣ яецъ на каравай. —
 Хвалажъ Богу! румянѣ будзе каравай,
 Хвалажъ Богу! добра спячетца нашѣ каравай!

(Кромѣ этой, поюць и другія пѣсни).

Когда коровой испекутся, вынимаютъ прежде крошки и откладываютъ ихъ въ сторону; потомъ большіе короваи, которые кладутъ на крышкѣ отъ дежи и переносятъ, поя пѣсни, въ клѣть, гдѣ хозяева угощаютъ трудившихся медомъ и лакомыми, сладкими кушаньями.

Въ одно и тоже время и въ такомъ же количествѣ пекутся корован и въ домѣ родителей жениха.

Жениху обыкновенно даютъ знать, когда испекутся корован у не- вѣсты, и вотъ онъ, съ дружиною, отправляется къ ней.

Предъ выходомъ, разряженнаго жениха* сажаютъ на коробку съ рожью; крестная мать подстригаетъ ему волоса на маковкѣ, а сестра подсмаливаетъ на затылкѣ восковою свѣчою. Въ это время свахи поютъ:

Сабрався раѣчакъ
 Да у цѣмны куточакъ,
 Хочеть палецѣцъ на щире бары.
 На жовтые цвѣты,
 На салодкіе мяды.
 Сабрався NN... зъ сваей дружиной:
 Хочеть іонъ паѣхаць
 Тесьценку зваеваць
 (Такою-то NN...) къ сабѣ узяць.

Затѣмъ, вся дружина на нѣсколько минутъ садится за столъ, и, взявъ по куску хлѣба съ солью, отправляется навстрѣчу свату. Мужчины садятся верхомъ на лошадей, а женщины помѣщаются на возахъ. Мать жениха надѣваетъ вывороченный волосами *кожухъ* (тулупъ), три раза обходитъ вокругъ лошадей и сыплеть на поѣзжанъ овсомъ, до-тѣхъ-поръ, пока старшій дружка не прогонитъ ее кнутомъ. Дорогой, свахи поютъ пѣсни.

Посреди деревни, на лошади встрѣчаетъ дружину свать, и всѣ вмѣстѣ, съ пѣснями, подѣзжаютъ къ дому невесты; ихъ встрѣчаетъ на порогѣ часть невестинной дружины.

ВЫКУПЪ НЕВѢСТЫ.

Въ то время, какъ одна часть невестинной дружины встрѣчаетъ дружину жениха, другая, — состоящая изъ самой невесты, большанокъ, подругъ и брата ея, остается въ комнатѣ. Невѣста садится на скамью съ старшею большанкой. Изъ свѣтлицы выходитъ братъ невесты (т. е. старшій дружка) съ ржанымъ пирогомъ, ковшомъ воды и березовою

*) Женихъ одѣтъ въ новую, бѣлую *свиту*; на головѣ шапка, отороченная бараньимъ мѣхомъ, съ кокардою изъ красной ленты; на шеѣ бѣлый платокъ, къ концамъ котораго привѣшиваются разноцвѣтныя тесьмы.

вѣткою, и поклонившись сестрѣ, окропляетъ ея голову водою, а пирогъ кладетъ у ея ногъ. Бальшанка накидываетъ на нее платокъ; невеста плачетъ; потомъ, дружка беретъ ее за руку, и ведетъ на *посадъ* (т. е. въ уголъ подъ образа), гдѣ, сказавъ три раза: «Съ нами Богъ! Отецъ и мать, родные и близкіе сосѣди, старики и бабки, дѣтки и всѣ добрые люди! помогите невестѣ помолиться», подходитъ къ дверямъ и окропляетъ водою дружину жениха. Сватъ отвѣчаетъ на это: «Боже благослови!» А невеста, стоя у порога, въ объятіяхъ бальшанки, закрытая платкомъ, сквозь слезы говоритъ: «Добрый вечеръ людямъ добрымъ, женамъ вѣрнымъ, дѣткамъ маленькимъ! Сосѣдушки мои! Пожалуйте ко мнѣ на сватьбу.» Затѣмъ, бросается въ ноги матери, припѣвая: Мамачка моя! благослови меня на *посадъ* съестъ, на божье мѣсто, подъ высокимъ окномъ, подъ небеснымъ покровомъ, гдѣ Богъ судилъ, гдѣ люди велѣли. Дѣвицы это же самое поютъ.

Дружина жениха какъ бы не слушаетъ приглашенія невесты — войти въ комнату и остается у дверей. Тогда отецъ, мать и бальшанки ведутъ невесту назадъ въ комнату, и не затворивъ за собою дверей, садятъ ее за столомъ, на вывороченномъ кожухѣ. Сватъ съ дружками жениха входитъ въ сѣни съ пирогомъ, и три раза говоритъ: «Добры вечеръ свячѣной хацѣ, хрищоному міру! Пришовъ малады князь да маладой князи: еещъ тутъ дзѣвка заручѣна, кабъ намъ была выдадѣна! Ци чѣли?» Бальшанки два раза отвѣчаютъ: «Ня чѣли (не слышали).» Наконецъ, послѣ третьяго вопроса, отвѣчаютъ: чѣли! Тогда старшій дружка, одѣтый въ вывороченный кожухъ, подходитъ съ плетью на средину комнаты, кладетъ на печь пирогъ, а на столъ нѣсколько монетъ. Потомъ входитъ другой дружка и хватаетъ невесту за руку; бальшанки отталкиваютъ его и сбрасываютъ съ стола деньги.

Начинаются сноры дружекъ съ бальшанками. Старшій дружка уговариваетъ бальшанокъ взять деньги и выдать невесту; младшій прибавляетъ еще нѣсколько монетъ и тоже хватаетъ невесту за руку; бальшанки и прочія дѣвицы держатъ невесту за ноги, за руки и за шею, такъ-что дружки никакъ не могутъ вырвать изъ ихъ рукъ невесту. Тогда старшій дружка ударяетъ плетью по столу, и невеста падаетъ предъ нимъ на колѣна.

Начинаются угощенія; музыка изо всѣхъ силъ играетъ; дѣвицы поютъ пѣсни.

ПРИЕМЪ ЖЕНИХА.

Послѣ этого слѣдуетъ пріемъ жениха. Дружки выносятъ въ сѣни

столь и ставятъ его у порога; за ними идетъ мать невѣсты въ вывороченномъ кожухѣ, съ хлѣбомъ, солью и водкою; потомъ, держа *кубокъ* (рюмку) въ рукѣ, привѣтствуетъ будущаго зятя: «Зяценьку! пью на цябѣ повнымъ кўшкэмъ, добрымъ здоровьемъ; што мысля сабѣ, то и табѣ»; выпивъ, подаетъ жениху. Женихъ беретъ водку и выливаетъ чрезъ голову; такъ дѣлаетъ два раза; третій разъ беретъ рюмку, и отпивъ немножко волки, бросаетъ въ рюмку нѣсколько монетъ, потомъ отдастъ тещѣ, которая вышиваетъ водку до дна и забираетъ деньги. Въ тоже время крестные отцы поднимаютъ вверхъ завернутые въ обрусы короваи жениха и невѣсты, съ произношеніемъ словъ: «мой бѣльшій!» и потомъ кладутъ ихъ на столъ, одинъ на другой, — коровай невѣсты внизу, а коровай жениха — сверху; затѣмъ, выносятъ короваи въ клѣтъ.

Свахи убираютъ столы и просятъ гостей въ комнату. — Входятъ: впереди — женихъ, за нимъ свать, дальше старики, свахи и парни... ихъ встрѣчаютъ дѣвицы пѣснями.

Затѣмъ слѣдуютъ угошеніе и пляски...

ОДѢВАНЬЕ НЕВѢСТЫ.

Невѣсту сажаютъ на коробкѣ съ рожью, покрытой вывороченнымъ кожухомъ, и прежде-всего, убираютъ ей голову. Сплетаютъ двѣ косы и на макушкѣ пригрѣпляютъ вѣнокъ изъ лентъ. Потомъ надѣваютъ бѣлую исподницу, такой же съ красными каемками фартукъ, — цвѣтной корсетъ, и наконецъ изъ синяго сукна свитку. Въ такомъ нарядѣ ведутъ ее за столъ и поютъ:

(Такая-то NN) за столъ идзецъ

Адзѣжку на плечахъ нясець.

Дзѣвачки дръжачки,

Ня трице адзѣжки,

Ба ня тутъ яна справляна.

Шили яѣ Кравцы нѣмцы,

Брали сукно ў Кралѣвцы,

У Кралѣвцы у гóрадзѣ

Прислана дзѣвцѣ моладзѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ — собираются въ церковь.

Невѣста подходитъ къ образамъ, и припавъ на колѣна, сквозь слезы поетъ:

Таткавъ куточакъ
 Божи дамочакъ!
 Благаслави да шлюбу ступиць!
 Кали ты благаславишь,
 Самъ Богъ благаславиць...

Потомъ падаетъ въ ноги отцу, матери, всеѣмъ роднымъ и наконецъ жениху.

Всеѣ плачутъ, кто изъ любви къ невѣстѣ, а кто по принятому обычаю.

ПОѢЗДЪ (то есть поѣздка въ церковь).

Женихъ и дружки ѣдутъ впереди, верхомъ на лошадяхъ; за ними, на возахъ, невѣста съ большанками, далѣе старики и старухи, и такъ далѣе... Садясь на возъ, невѣста кланяется на всеѣ стороны. *Поѣздъ* отправляется.

Если приходится ѣхать мимо мельницы, мельникъ заставляеть окна въ плотинахъ; невѣста бросаетъ поясъ, и окна открываются.

Приѣхавъ въ церковь, невѣста становится возлѣ стѣнки, съ подругами. Выходитъ священникъ; женихъ, поклонившись невѣстѣ, беретъ ее за руку и ведетъ къ наою; — большанки подетилають имъ подъ ноги полотенце.

Изъ церкви молодые со сватомъ отправляются съ поклономъ къ священнику, и потомъ, весь поѣздъ свадебный спѣшитъ въ домъ родителей невѣсты.

ВЯСЕЛЬЯ (т. е. свадебная пирушка).

По возвращеніи изъ церкви, жениха съ дружками садятъ на покутъ, а невѣсту съ большанками возлѣ печки; подаютъ молодымъ яичницу и велютъ имъ ѣсть одной ложкой. Прочимъ подносятъ разныя другія кушанья.

Начинаются игрища, пляски, въ промежуткѣ которыхъ мать сажаетъ къ себѣ на колѣни дочь-невѣсту; дочь поетъ:

Мая мамачка
 Приступи къ столачку
 Къ маймому словечку!
 Ня сына женишь

Не нявѣтку бярешь;
 Меня маладзеньку аддаешъ.
 Мая мамачка! штожъ табѣ лягчей —
 Ци малую было гадаваць,
 Ци цяпѣрь за сулѳня аддаваць?...

Подходить къ невѣстѣ женихъ, и приговаривая: (такая-то NN!) пью на цябѣ повнымъ кўпкамъ, щирымъ сердцамъ, добрымъ здаровьемъ: што мысляю сабѣ, то и табѣ!», пьетъ за ея здоровье. Невѣста отвѣчаетъ: «чужи чужанчикъ! ня пій на мяне, пій самъ на сябе, на сваю сястру, што для цябе сядзиць, што съ табою гавориць.» — Женихъ отходитъ на свое мѣсто.

Въ это время дѣвицы поютъ пѣсни.

Потомъ, старшій дружка беретъ невѣсту подъ руку и ведетъ на покуць къ жениху.

Сѣвъ между мужемъ и старшей бальшанкой, невѣста поетъ:

Цяпѣрь я сѣла мижъ шишійничку,
 Мижъ крашивки: жижка-крапивка
 Пажигаць будзець, сухи шишійничникъ сушиць будзя.
 А мой татачка! аддавай и пытай:
 Кабъ не прапою,
 Кабъ не разбою.
 Кали прапою, ў карчмѣ прапеець,
 Кали разбою, на дарожцѣ забеець. —

Отець невѣсты подходитъ къ жениху и говоритъ: «зяцелька! даю табѣ дачку не храмую, не слѣпую. Кали не будзе слухаць — вазьми нитку, навяжи на сѣломку, да дай-дай! А кали и таго не паслухаець, вазьми гужъ, да дай-дай гўжамъ, кабъ звала мўжамъ!»

Потомъ, мать жениха подходитъ къ невѣстѣ, обстригаетъ у нея волосы, и кладетъ на голову три небольшихъ клочка льну, а сестра жениха бросаетъ въ печку обстриженные комки волосъ. Свахи снимаютъ ленъ, и зашивъ его въ *тканку* (кусокъ сукна), подаютъ невѣстѣ, которая обязана хранить эту тканку всю жизнь.

Затѣмъ надѣваютъ невѣстѣ чепецъ; невѣста три раза сбрасываетъ его съ головы — разъ на печь, другой — подъ скамью; третій разъ хочеть выбросить за окно, но свахи не позволяютъ и какъ бы насильно надѣваютъ чепецъ, а сверхъ чепца — *наметку* (головной уборъ замужнихъ женщинъ) при чемъ поютъ:

Хвала жъ табѣ, Боже, надѣли (NN такой-то) чапѣць
 Да не кидай жа ягѣ на печь...
 Улажили (такой-то NN) тканку,
 Да не кидай жа падъ лавку;
 Чарнѣць (NN такой-то), чарнѣць *
 Да улаживъ ёй чапѣць
 Да на чапчикъ — намѣтку,
 Прибравъ якъ лябѣдку.

Тогда бальшанки и прочія дѣвнцы, хлопая въ ладоши, подбѣгаютъ къ жениху, и ударяя его по рукамъ, поютъ:

Бярї, блазньнѣкъ, бярї,
 Да умѣй шанаваци,
 Якъ рѣднующю маѣци,
 Якъ вишаньку у сѣдзѣ,
 Якъ пчолачку у мѣдзѣ.
 У насъ была работница,
 У васъ будзець свавольница;
 У насъ была — ткала и пряла,
 У васъ будзець пашихайла...

Теща подходитъ къ молодому съ крышкою отъ квашни, кладетъ на ней трубку полотна, а тесть цѣльную булочку хлѣба и немного соли, и сказавъ зятю: «дарю тебя, дитятко, хлѣбомъ-солю», — кладетъ на хлѣбъ деньги, съ прибавленіемъ слѣдующаго замѣчанія: «на это не надѣйтесь, да пораньше вставайте, другъ-друга берегите!

Въ это время, старшій дружка становится на скамью, съ зажженою лучиною въ рукѣ, и махая ею въ воздухѣ, приглашаетъ присутствующихъ *дарить невѣсту*. — Невѣста сидитъ, закрытая намѣткою, и не видитъ, кто что даритъ ей. — Дарятъ — деньгами, поясами, платками, наметками, башмаками и пр...

Забравъ подарки, молодая идетъ къ образамъ, и павъ ниць, сквозь слезы поетъ:

Таткавъ кутѣчакъ,
 Божи дамѣчакъ,
 Заставайся здоровъ,
 Живи багата.

* Чарнець, т. е. брюнетъ.

Затѣмъ, молодая прощается съ своими родителями и прочими родными.—Наконецъ, все садятся на нѣсколько минутъ, потомъ — свахи провожаютъ молодыхъ на дворъ, съ слѣдующимъ приѣвомъ :

Вотъ табѣ, мамка, шишка у пѣтки,
Што нема каму мясьці хѣтки.
Ой цяжка табѣ бѣдзя безъ дачкѣ:
Парастуць па-за лѣвкой казлячкѣ.
Людзямъ трѣба у боръ хадзиць,
А табѣ будуць па-за лѣвкой радзиць.

ПЕРЕНОСИНЫ (т. е. переездъ невѣсты къ жениху).

Наступаетъ окончательный отъездъ молодыхъ. Въ телѣгу, на которой должны ѣхать молодые, кладутъ подушку и бѣлую рубаху, завязанную въ простыню краснымъ поясомъ. Молодая садится вмѣстѣ съ мужемъ и поетъ :

Таткава нѣвка! да не улекѣйся:
Радзила при мнѣ, радзи и бязъ мянѣ,
Добрая доля да идзи за мной—
Съ печи пламенѣмъ,
Зъ хаты каминѣмъ.

За молодыми ѣдутъ и идутъ прочіе и поютъ на все село.

Приѣхавъ къ самому дому, останавливаются предъ порогомъ и ожидаютъ, пока хозяйка выйдетъ съ крышкою отъ квашни. Завидѣвъ свекровь, молодая подходитъ къ ней и кланяется; свекровь, касаясь крышкою головы молодой, говоритъ ей: «Свекровь учитъ свою невѣстку:— не расхаживай, невѣстка, по селу, не пересуживай моей семьи, не смѣйся надъ обѣдомъ, не брезгайужиномъ!» Молодая кладетъ на крышку завернутый въ полотенце пирогъ, и вмѣстѣ съ мужемъ, за свекровью входитъ въ комнату, гдѣ бросаетъ на печку соль.

Гостей потчуютъ водкой, пивомъ и разными закусками. Молодымъ большанки подносятъ хлѣбъ съ медомъ, приговаривая: «Слацко! сладко!»

Начинаются пѣсни и пляски.

Между-тѣмъ, сестра жениха приготовляетъ въ банѣ, или въ *осети* (сушильня) постель, а на порогъ у дверей кладетъ козую шкуру. Входятъ молодые и перескакиваютъ черезъ козую шкуру.

Спустя нѣсколько времени, молодой оставляетъ свою жену и является въ главную комнату къ гостямъ.

Скоро потомъ является въ комнату и молодая, — только безъ наметки...

Родители ведутъ молодыхъ въ клѣтъ, потчуютъ ихъ сладкою водкою и ячницею. Изъ клети молодой, вмѣстѣ съ дружкой и, если есть, съ братомъ своимъ, отправляется къ тещѣ съ подарками. Теща принимаетъ и угощаетъ ихъ какъ нельзя лучше; молодаго дарить свиткою, а его брата *рукавицами*. — Потомъ возвращаются назадъ.

Ихъ встрѣчаетъ съ поклонами молодая и ведетъ въ клѣтъ, гдѣ, при молодицѣ и другихъ нѣкоторыхъ замужнихъ женщинахъ, хвалится предъ мужемъ своимъ приданымъ, сложеннымъ въ *кублѣ* (кубелъ, — нѣчто въ родѣ коммоды, или шкафа круглаго), состоящимъ изъ бѣлья, одежды, посуды, холста и проч., а мужъ дарить ее деньгами. Разсмотрѣвъ приданое, всѣ входятъ въ главную комнату и начинаются пляски.

Въ минуту разгара плясокъ, *приданки* (т. е. тѣ замужнія женщины, которыя показывали молодому приданое молодой) не замѣтно выводятъ молодую въ сѣни и надѣваютъ ей снова наметку, припѣвая:

Пасярóдь хаты етайць печь,
 Ня умѣла NN (такая-то) печь перапечь;
 Нѣчага на яé дзивавáць,
 Ба недавна стала жанавáць (женой быть).
 Учóра была дзѣвóю,
 А сегодня—жанóю...
 Якъ мы захацѣли,
 Такъ мы нарадзили,
 Зь жита палавiцу,
 Зь дзѣвки маладзицу.

Затѣмъ входятъ въ комнату, гдѣ молодую встрѣчаетъ мужъ съ метлою, и потомъ, сѣвши за столъ, ставитъ метлу въ углу, за собою. — Отецъ молодаго взбирается на скамью, снимаетъ съ молодой наметку, вѣшаетъ ее (т. е. наметку) на образахъ, потомъ беретъ метлу и выгоняетъ новобрачныхъ изъ-за стола. Молодая *должна выскочить* прежде молодаго, и скачетъ черезъ столъ, потомъ кланяется родителямъ и всѣмъ гостямъ; Раскланявшись гостямъ, молодая раздаетъ дѣтямъ пояски. Послѣ этого свекровь и свѣкорь водятъ невѣстку по всему дому и показываютъ новое ей хозяйство.

По осмотрѣ хозяйства, опять начинаются пляски, игрища и даже

шалости. Бальшанки скачуть по скамьямъ и стараются что-нибудь сломать или разбить. Дружки ловятъ курей, и зарѣзавъ просятъ тотчасъ сварить...

Музыка и пляски продолжаются до разсвѣта.

Наконецъ—все смолкаетъ: гости расходятся и разѣзжаются.

Прощаясь съ бывшею своею подругою, бальшанки и прочія дѣвицы, обнявъ ее, поютъ (молодая плачетъ):

NN! (такая-то) сястрица наша
 Стань же ты у канца стала,
 Хаця мы наглядзімся,
 Пакуль мы разѣдзімся.
 NN! сястрица наша!
 Ужожъ мы дамóвъ ѣдзімъ,
 Мы цябе научаемъ:
 Уставай ранюсянька,
 Мый лавки бялюсянька,
 Мяці хату чісьцюсянька,
 Кабъ табъ не ушкáli,
 Што мы у цябé гулялі...

На другой день, новобрачные приглашаютъ къ себѣ въ домъ старыхъ людей: крестныхъ родителей, тетокъ, дядюшекъ и другихъ, которые приносятъ съ собою пироги съ макомъ и съ медомъ, алады, разныя жаркія и прочее, и угощаютъ новобрачныхъ.

ПАВЕЛЪ ШПИЛЕВСКІЙ.

КАЛУЛА.

АФРИКАНСКІЯ СЦЕНЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Гибельное положеніе американца-хирурга на разбитомъ шлюпѣ среди Атлантическаго-океана. — Купеческое судно Ель-Бонито. — Портретъ капитана Гербеца. — Для какой торговли назначено судно. — Ель-Бонито входитъ въ устье рѣки Конго. — Африканцы посѣщаютъ судно. — Одежда ихъ и талисманы. — Калула, африканская дѣвушка. — Ссора съ купцомъ — Характеръ Енфаде, брата Калулы. — Ель-Бонито уходитъ изъ Конго. — Неожиданные гости въ хижинѣ, которая превращается въ груду пепла. — Несоблюденіе формы разорванія древеснаго листа при покупкѣ. — Енфаде и Калула рассказываютъ про свою землю. — Совѣщаніе о возможности пробраться въ ихъ землю. — Фрамацугу. — Ружейный выстрѣлъ ночью. — Похороны знатнаго африканца, уничтоженіе талисмана. — Бергамо у ногъ американца. — Американецъ подвергается болѣзни маляріа. — Какія средства предлагаютъ африканцы къ скорѣйшему его выздоровленію. — Возвращеніе Ель-Бонито. — Принятіе на судно негровъ и размѣщеніе ихъ. — Болѣзни, которымъ подвергаются негры на судахъ. — Ссора американца съ лейтенантомъ Монтесомъ за Калулу. — Капитанъ разнимаетъ противниковъ. — Буря. — Развитие глазной болѣзни между неграми. — Появленіе англійскаго брига. — Бонито уходитъ отъ погони. — Чудный туманъ. — Что значить крикъ и паденіе тяжелаго тѣла въ воду. — Алмазная гора, великанъ и двухголовая собака. — Пушечный выстрѣлъ. — Опять англійскій крейсеръ. — Вторичная драка съ Монтесомъ. — Енфаде и Калула бросаются въ воду. — Сьерра-Леона. — Калула съ Енфаде приготовляются къ отправленію на свою родину, — Американецъ рѣшается ѣхать въ Европу. — Трогательное прощаніе африканской дѣвушки съ американцемъ.

Не утомляя читателей длиннымъ вступленіемъ, скажу только, что я родился въ англійской Канадѣ, учился медицинѣ въ Нью-Йоркѣ, и по-

томъ отправился на шлюпѣ «Веселая Анна», въ качествѣ медика. Мы заходили на островъ Фаяль. Слѣдуя оттуда къ Канарскимъ островамъ—настигнуты были смерчемъ и претерѣли кораблекрушеніе. Плавая на островѣ разбитаго судна, я остался одинъ въ живыхъ изъ цѣлаго экипажа. Я обрекалъ уже себя на вѣрную смерть, и засыпая, желалъ лучше проснуться на днѣ морскомъ, нежели умереть съ голоду на разбитомъ шлюпѣ, какъ вдругъ блеснулъ мнѣ лучъ надежды... Я увидѣлъ судно, которое прямо держало на меня, замѣтивъ, вѣроятно, мои сигналы. О! какъ прекрасно казалось мнѣ это судно, какъ хорошъ былъ его корпусъ и вооруженіе, какъ пріятно свѣтилась мѣдная его обшивка, въ которой отражалось солнце, когда судно кренилось. Мнѣ показалось, что это военный бригъ. Пока я предавался восхищенію, шлюпка уже отплывала отъ борта брига; шестеро сильныхъ гребцовъ принялись за весла подъ командою офицера въ голубомъ бархатномъ жилетѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, офицеръ былъ уже на нашемъ разбитомъ шлюпѣ.

— Здравствуйте синьоръ! закричалъ я ему по испански: — какъ я радъ вашей встрѣчѣ!

— Вѣрю, отвѣчалъ незнакомецъ, на чистомъ англійскомъ языкѣ, только съ испанскимъ выговоромъ: — очень вѣрю. Я думаю вамъ скучновато было здѣсь. Гдѣ же вашъ экипажъ?

Между-тѣмъ и матросы вкочили на палубу; они вездѣ шарили и разговаривали съ офицеромъ своимъ довольно фамилярно. Когда они отправились въ каюту, я радъ былъ, что успѣлъ спрятать золото свое въ карманъ. Всѣ они, не исключая и бархатнаго жилета, казались людьми, которые не пропустятъ случая поживиться, было бы только чѣмъ.

Офицеръ, здоровый на видъ, жестоко обезображенъ былъ оспою. Маленькій лобъ, густыя брови, черные провзительные глаза съ бѣльмомъ, придавали взгляду его что-то злобное. Что касается до матросовъ, то они, если возможно, казались еще противнѣе. Я принялъ бы ихъ за морскихъ разбойниковъ, еслибъ судно не имѣло военного вида. Разбойничьи суда обыкновенно бываютъ длинны и съ низкимъ бортомъ. Впрочемъ я такъ былъ далекъ отъ истины, что не понималъ даже и тогда, когда бархатный жилетъ сказалъ мнѣ, что они идутъ изъ Кубы къ африканскому берегу.

— Какъ зовутъ ваше судно? спросилъ я моихъ избавителей, сказавъ имъ прежде наши приключенія, между-тѣмъ какъ они опоражнивали бутылки tenerифа.

— Ель-Бонито, отвѣчалъ мнѣ начальникъ: — а я капитанъ Педро Гербецъ, къ вашимъ услугамъ.

— Въ какой же портъ Африки вы идете?

— Въ какой портъ? отвѣчалъ онъ, какъ бы запинаясь:—да, право, я и самъ еще не знаю; это зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ хода торговли.

— Вы, вѣрно, ведете торговлю сандаломъ и пальмовымъ масломъ?

— Да, синьоръ, отвѣчалъ онъ, повторяя мои слова по-испански—*Por palo de tinte y aceite de Senegal*, и—лукаво переглянулся съ матросами.

Между разговоромъ, я сказалъ, что учился медицинѣ и хирургіи. Это произвело на всѣхъ, повидимому, хорошее впечатлѣніе. Матросы повторяли другъ-другу слово «*Medico*»; капитанъ пожималъ мою руку, говоря:—Добро пожаловать на наше судно. Какая счастливая встрѣча! Нашъ докторъ захворалъ именно въ ту минуту, какъ мы снимались съ якоря, и долженъ былъ остаться на берегу. У насъ теперь трое, или четверо больныхъ; у одного вывихнута рука, и мы не умѣли ее вправить,—вотъ вамъ для начала; потомъ представляется и другіе случаи показать ваше искусство; но пора намъ отправиться на Бонито.

Я не заставилъ себя долго упрашивать, и позаботился самъ объ отправленіи моихъ вещей, платья, бумагъ, морскихъ и хирургическихъ инструментовъ, между-тѣмъ, какъ бархатный жилетъ съ товарищами собирали все, принадлежавшее нашему капитану и лейтенанту. Мы отвалили отъ борта, и послѣ нѣсколькихъ ударовъ веселъ пристали къ бригу. Шлюпка опять отправилась къ «Веселой Аннѣ», чтобъ забрать оттуда все, что можно; — эта вторая экспедиція продолжалась съ часъ. Потомъ Ель-Бонито подъ всѣми парусами пошелъ къ юго-востоку.

Оставляя обломки нашего шлюпа, въ полной радости, что избавился отъ великой опасности, я какъ будто почувствовалъ и сожалѣніе—гдѣ найду я опять эти высокія ощущенія, которыя испыталъ въ страшномъ уединеніи, между безднами океана и неба? Когда нельзя уже было съ палубы видѣть нашу «Веселую Анну», я вошелъ на крѣйсъ-марсѣ, чтобы бросить на нее послѣдній взглядъ и сказать ей послѣднее прости.

II.

Ель-Бонито оправдывалъ носимое имъ имя. Судно это отличалось своими прекрасными формами: широкіе бока, острый носъ, суженная корма, высокіе паруса — все показывало, что Бонито долженъ быть хорошей ходокъ, и это было такъ на самомъ дѣлѣ. Шесть маленькихъ пушекъ прорѣзывали борта и одна длинная, поворотная, 24-хъ фунтовая пушка дополняла его вооруженіе. Экипажъ состоялъ изъ тридцати

человѣкъ, большею частію португальцевъ; многіе изъ нихъ отличались звѣрскимъ видомъ. Все были въ шерстяныхъ полосатыхъ рубашкахъ и красивыхъ шапкахъ. Кромѣ-того, было нѣсколько офицеровъ и должностныхъ лицъ. Меня удивляла фамилярность ихъ съ матросами. Но когда начинался какой-нибудь маневръ, или производилась работа—все приходило въ должный порядокъ. Палуба содержалась довольно чисто, по крайней-мѣрѣ сравнительно съ испанскими и португальскими судами.

Плаваніе наше замедлялось отъ штилей и противныхъ вѣтровъ, смѣнявшихся шквалами, за которыми слѣдовала опять тишь. Наконецъ, въ десятый день, мы достигли Фога, одного изъ острововъ Зеленаго-мыса. Море было гладко и прозрачно, какъ стекло; ни одна волна, ни одна струйка не колебала его поверхности. Я видѣлъ прежде Тенерифской пикъ, теперь предъ нами стоялъ величественный гигантъ Фога. Это древній Атласъ, держащій на раменахъ своихъ вселенную!

Около недѣли мы были задержаны близъ Зеленаго-мыса. Эта часть океана осуждена на вѣчные штили, смѣняемые шквалами. Дождавшись наконецъ южнаго вѣтра, мы приблизились къ африканскому берегу. Налетавшіе на насъ съ разныхъ сторонъ шквалы не могли развести сильнаго волненія, тѣмъ болѣе, что шли проливные дожди; казалось бездны небесныя разверзлись и слились съ безднами морскими.

Черезъ двадцать дней по отплытіи изъ Фога, мы вошли въ заливъ Гвинейскій, и чѣмъ далѣе подвигались впередъ, тѣмъ болѣе увеличивалось число морскихъ рыбъ

Множество албикоросовъ, вѣсомъ отъ 100 до 200 фунтовъ, безпрестанно окружали наше судно, между-тѣмъ, какъ рой летучихъ рыбъ сновали надъ нашими головами. Способность ихъ прыгать, или летать была слабою защитою имъ противъ многочисленныхъ враговъ. Дельфины, бониты, албикоросы преслѣдовали ихъ въ водѣ; тропическія птицы, фрегаты— преслѣдовали ихъ въ воздухѣ; участь ихъ была очень незавидна. Хотя, ударивъ быстро крыльями, или плавательнымъ перомъ, летучая рыбка и поднимается надъ моремъ, но она не можетъ долго оставаться въ воздухѣ, и упавъ внизъ, попадаетъ въ разверстыя пасти стерегущаго ее непріятеля; а если вѣтеръ ее и поддерживаетъ въ воздухѣ, то она не избѣгаетъ когтей и клюва морскихъ птицъ. Отъ послѣдней опасности несчастная рыбка не спасается даже и въ собственной своей стихіи. Тропическая птица, подобно чайкѣ, разрывая воду, ловитъ рыбу и тамъ, а могучій фрегатъ, распустивъ свои длинныя крылья, стоитъ неподвижно въ воздухѣ, и завидя добычу, стрѣлою падаетъ внизъ, и хватаетъ ее даже на нѣкоторой глубинѣ.

25 октября прошли мы экваторъ, въ виду лѣсстаго острова Св.

Оомы. Въ пространствѣ между скалою Моно-Какада и сѣвѣрною оконечностію острова, мы замѣтили бригъ, идущій къ югу. Такъ какъ капитанъ нашъ избѣгалъ встрѣчи съ англійскими брейсерами, то привелъ круто къ вѣтру, мы взяли курсъ на юговостокъ.

Давно уже догадался я о значеніи нашего судна и цѣли плаванія. Я радъ былъ бы случаю его оставить, но какъ это сдѣлать. Капитанъ не желалъ входить въ сношенія съ судами, которыя намъ иногда попадались. Я слыхалъ самыя жалкія исторіи на счетъ торговли черными; но наше судно было опрятно и просторно; внутренняя палуба имѣла вышины до пяти футовъ.

И такъ, если Бонито и предназначалось для негровъ, они не могли подвергаться на немъ физическимъ страданіямъ и болѣзнямъ. Я утѣшалъ себя мыслью, что если и долженъ тутъ оставаться, то не буду свидѣтелемъ непріятныхъ сценъ, а напротивъ, можетъ-быть, принесу какую-нибудь пользу бѣднымъ жертвамъ.

Я успѣлъ пріобрѣсть нѣкоторое вліяніе на капитана, вылечивъ его отъ желтой лихорадки. Онъ былъ скупъ на слова, но показалъ мнѣ признательность свою на дѣлѣ,—предоставивъ въ полное мое распоряженіе каюту, которую я занималъ прежде съ смотрителемъ провизіи, мулатомъ. Вообще я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ ко всему экипажу, исключая только лейтенанта. Этотъ человѣкъ, отвратительной наружности, пожиралъ меня глазами; ненависть его распространялась и на всѣхъ моихъ соотечественниковъ, къ чему онъ, правда, имѣлъ нѣкоторый поводъ, если вѣрить разсказу, переданному мнѣ, подъ величайшимъ секретомъ, тѣмъ матросомъ, которому вправилъ я вывихнутую руку.

Лейтенантъ нашъ былъ прежде пиратомъ, и дѣла его шли, какъ нельзя лучше, у береговъ острова Кубы. Но однажды шлюпки военнаго американскаго фрегата атаковали и взяли его бригантину, положивъ такимъ образомъ конецъ его ремеслу. «Pobre hombre!» бѣдный человѣкъ! говорилъ мой паціентъ: совсѣмъ его раззорили!

Продержавъ нѣкоторое время на юговостокъ, чтобъ избавиться брига, мы взяли направленіе къ порту Кабенда, пункту нашего назначенія. Черезъ десять дней плаванія, мы были въ виду красновато-сѣрыхъ скалъ, которые тянутся отъ залива Лоанго по направленію къ Кабентѣ и устью Конго, или Заиры.

Вечеромъ подъѣхало къ намъ нѣсколько лодокъ съ африканцами. Ихъ пригласили войти на судно, чтобъ поподчивать водкой, узнать о торговлѣ, а также и о томъ, нѣтъ ли въ виду англійскихъ крейсеровъ.

Приглашеніе это, а особенно водка, очень имъ понравились. Нѣко-

торые говорили по-испански и по-английски. Одному изъ послѣднихъ я предложилъ стаканъ рому. Тогда сосѣдъ его сказалъ мнѣ на испанскомъ языкѣ:

— Я также говорю по-английски.

— Право! отвѣчалъ я, — зачѣмъ же ты молчишь?

— Dame un poco de aguardiente. Deu me speak.

Нельзя было отказать въ рюмкѣ рому такому ученому полиглоту. Онъ взялъ рюмку и разомъ ее опороживъ, вскричалъ: *Goddem! Yo no sauy mas*: — больше ничего не знаю.

Всѣ эти негры были красивы, сильны, высоки рѣстомъ и стройны. Они были совершенно наги, за исключеніемъ двухъ-трехъ, имѣвшихъ пояса изъ пальмовыхъ листьевъ и красные шерстяные колнаки. Грудь ихъ была татуирована, на рукахъ надѣты мѣдныя кольца. Фетиши, или талисманы изъ лоскутьевъ, перьевъ, мѣлу, раковинъ, гвоздей, зубовъ крокодила и змѣиныхъ хвостовъ — висѣли на шеѣ и должны были охранять ихъ отъ всего дурнаго.

Мы узнали отъ нихъ, что въ Кабедѣ нѣтъ товара, что на другой день подтвердилъ и самъ мафука, министръ торговли владѣтеля Кеноо. Министръ пріѣхалъ въ сопровожденіи многихъ почетныхъ лицъ, щеголявшихъ своею одеждою. Мафука былъ въ красной епанчѣ и въ шапкѣ, обшитой позументомъ, означавшемъ высокую его должность. Три важнѣйшія послѣ него лица, казалось, раздѣлили между собою одну полную форму европейскаго офицера; на одномъ былъ мундиръ съ эполетами, на другомъ жилетъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и больше ничего; послѣдній напялилъ на себя узкіе панталоны, которые облипали атлетическія его формы и во многихъ мѣстахъ лопнули. Двое или трое были въ матросскихъ фуфайкахъ и шерстяныхъ красныхъ рубашкахъ; но всего забавнѣе расхаживала одна высокая фигура въ трехъугольной шляпѣ, въ халатѣ изъ полинялой шелковой матеріи и въ ботфортахъ, у которыхъ не доставало только подошвъ. Къ этому надо еще прибавить фетишъ, намѣсто галстуха, изъ заселенныхъ полей шляпы, на которыхъ висѣли кусочки олова, мѣди, желѣза, шнурочки, веревочки, тряпички и волоса. Это былъ самый сильнѣйшій во всей странѣ талисманъ, онъ предохранялъ отъ всякой напасти; никакой дикій звѣрь не могъ на него взглянуть безъ того, чтобъ въ ту же минуту не ослѣпнуть.

Капитанъ видя, что не можетъ достать негровъ въ Кабедѣ, рѣшился, къ крайнему для меня сожалѣнію, войти въ устье рѣки Конго, или Заиры. Мнѣ очень хотѣлось побывать въ Кабедѣ, котораго прекрасный портъ и плодородную страну, его окружающую, называютъ

африканскимъ раемъ. Кромѣ-того, я надѣялся найти тамъ средство оставить нашъ бригъ и дожидаться какого-нибудь купеческаго, или военнаго судна. Но въ Конго исполнить это было почти невозможно; сильное теченіе рѣки, особенно во-время періодическихъ дождей, и нездоровая мѣстность, не дозволяютъ заходить туда купеческимъ кораблямъ, занимающимся честною торговлею.

Мнѣ оставалось одно изъ двухъ: или жить неопредѣленное время въ Африкѣ, или продолжать путешествіе на Бонто.

Послѣднее мнѣ казалось неизбѣжнымъ. Я понималъ необходимость остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ капитаномъ, и не дойти до явной вражды съ лейтенантомъ Монтесомъ, который старался привлечь на свою сторону большинство экипажа.

Мы нѣсколько разъ вѣтушали подъ паруса и бросали якорь; наконецъ, послѣ многихъ затрудненій, представляемыхъ сильнымъ теченіемъ рѣки, достигли на Конго селенія Лембе, гдѣ и стали окончателно на якорь. Наканунѣ пріѣзжалъ къ намъ мафука изъ Булембенда, и сказывалъ, что миляхъ въ сорока вверхъ по Конгѣ лежитъ большой городъ Ембомма, гдѣ можно получить достаточное число негровъ. Онъ присовокупилъ, что намъ тутъ нечего бояться англійскихъ судовъ.

Въ Лембе находится около ста хижинъ, покрытыхъ пальмовыми листьями, и два, или три блокгауза, гдѣ содержатся негры. Въ настоящее время ихъ собрано было до ста человѣкъ, и ожидали еще большаго числа вверхъ по рѣкѣ и изъ разныхъ внутреннихъ городовъ. Сдѣлавъ обычные подарки владѣтелю Ембомма, мафукѣ и другимъ главнымъ лицамъ, мы поѣхали съ тамошними кушцами и двумя или тремя португальцами взглянуть на негровъ.

Назначенные для продажи негры были обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Они были безъ всякой одежды; на лицахъ изображалась глухая беззаботность; только иные обнаруживали родъ страха и удивленія, глядя на бѣлыхъ людей; особенно я внушалъ имъ боязнь и отвращеніе, потому-что былъ бѣлѣе моихъ товарищей.

Посмотрѣвъ на этихъ несчастныхъ и сдѣлавъ кушцамъ нѣсколько вопросовъ, я хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ вниманіе мое невольно поражено было однимъ томнымъ, задумчивымъ личикомъ, котораго я прежде не замѣтилъ. Это была дѣвушка, лѣтъ двѣнадцати, или тринадцати, что, какъ извѣстно, соответствуетъ пятнадцати, или шестнадцати лѣтамъ въ нашемъ климатѣ. Черты лица ея были необыкновенно правильны! Головы самыхъ благороднѣйшихъ племенъ, не исключая и кавказскаго,— не могли имѣть болѣе совершеннаго лицеваго угла. Брови дугою, глаза большіе, осѣненные черными длинными рѣсницами, пра-

вильный прямой носъ, полныя, но не толстыя губы, прелестно округленный подбородокъ съ маленькою ямочкою, цвѣтъ лица, какъ у европейской брюнетки, когда смотришь на нее сквозь тончайшее покрывало. Волосы ея вились сами собою, но отнюдь не походили на курчавую включенную волну негровъ. Ея прелестныя формы, граціозность всѣхъ позъ и движеній разительно отличали ее отъ полновѣсныхъ негрятенокъ, за которыми она скрывалась. Поясъ изъ листьевъ пальмы, почти изорванный, но исключительно бывший на ней одной, обнаруживалъ скромность и стыдливость, которыя найти въ подобномъ мѣстѣ было довольно трогательно.

Изъ этого описанія видно, что негрятенка была красавица. Но красота ея уже нѣсколько пострадала. Впалые глаза и щеки, исхудавшее тѣло, обозначали цѣлыя недѣли а можетъ—быть и мѣсяцы, проведенные въ горести и физическихъ страданіяхъ. Ея прекрасная коса свилась въ густую массу, тѣло ея покрыто было рѣзкими полосами, носившими знаки бича, который вѣроятно противудѣйствовалъ ея усталости во-время длинной, тяжелой дороги. Еще недавнія раны, разболѣвшись на раскаленномъ солнцѣ, безобразили ея чудныя формы. На ея лицѣ видѣнь былъ отпечатокъ глубокаго унынія, отчаянія и совершеннаго упадка силъ.

Я не могъ оторвать глазъ отъ зрѣлища, которое само по себѣ было неприятно, но въ эту минуту имѣло для меня неизъяснимую прелесть. Я не сводилъ глазъ съ бѣдной дѣвушки; въ нихъ, вѣрно, замѣтно было состраданіе, потому-что она обратила на меня вниманіе, глаза ея засвѣтились, и томная улыбка, немного раскрывъ ея уста, обнаружила рядъ перловъ блистательной бѣлизны.

— Чтò это за дѣвушка? спросилъ я чрезъ переводчика у кушца—высокаго, широкоплечаго африканца, который помахивалъ своимъ длиннымъ, буйволовымъ бичемъ.

— Чтò это такое? — отвѣчалъ онъ, — вы видите, что это самая жалкая вещь изъ всего моего товара. Она не стоить даже удара моего бича; — каюсъ, что купилъ ее, — такъ она мнѣ надоѣла.

— Откуда она? спросилъ я кушца.

— Она издалека, — вонъ оттуда, — и онъ показалъ мнѣ на сѣверо-востокъ. Я ее купилъ назадъ тому двѣ луны. Сторону ихъ зовутъ Жербо-Бланда; у меня оттуда еще есть молодой негръ, должно быть брать ей. Онъ остался въ Банза, на четверть дня отсюда.

— Часто получаете вы невольниковъ оттуда?

— Нѣтъ, это первые, которыхъ случилось мнѣ достать изъ той страны.

— Что же говорятъ они о своей Жербо-Бланда?

— Да, не очень много. Они говорятъ, что земля ихъ большая, народъ не такой черный; живутъ они въ большихъ каменныхъ домахъ, на ровномъ, но высокомъ мѣстѣ.

— Не разумѣеть-ли кто здѣсь языка, которымъ говорить эта дѣвушка?

— Не думаю, но есть одинъ невольникъ, который можетъ съ нею разговаривать на своемъ языкѣ, потому-что она отчасти его понимаетъ. Она знаетъ также нѣсколько словъ языка Конго.

Обѣщавъ побывать у купца послѣ полудня, чтобъ отправиться съ нимъ въ Банза, гдѣ находился братъ молодой дѣвушки, я возвратился на бригъ.

Тамъ все приготовляли къ принятію негровъ, которые должны были прибыть на завтра. Одни наливали водою боченки, другіе нагружали маисъ, бананы, пататы. Множество фукасъ, или купцевъ, съ ихъ перевозчиками, были у насъ на палубѣ, или на лодкахъ вокругъ судна, большею частію полуодѣтые во что-нибудь изъ европейскаго платья.

Я думалъ заняться своимъ журналомъ, но шумъ и суета мнѣ помѣшали; притомъ печальная молодая дѣвушка не выходила у меня изъ головы. Мнѣ было очень жаль ее. Но какъ помочь? Тщетно ломалъ я себѣ голову. Если купить невольницу, то я буду хотя и невиннымъ, но дѣйствительнымъ участникомъ въ торговлѣ, которую правительство наше преслѣдуетъ, считая на равнѣ съ разбойничествомъ. Оставить ее на произволь купцовъ, или подвергнуть всемъ ужасамъ рабства въ Африкѣ — мнѣ также не хотѣлось. Я былъ увѣренъ, что по ея худобѣ и истощенію, она не попадетъ въ число прочихъ на Бонито; купить же ее съ тѣмъ, чтобъ дать свободу и оставить на Конго, не значило — улучшить ея состояніе.

Не зная еще, на что рѣшиться, я положилъ въ карманъ нѣсколько испанскихъ талеровъ — единственную ходячую монету въ этой сторонѣ, сѣлъ въ африканскую лодку и возвратился на ней на берегъ. Отыскавъ кое-какъ, между разбросанными хижинами, дорогу, я пришелъ къ мѣсту, огороженному тростникомъ, гдѣ находилась моя невольница. Тамъ я нашелъ купеческаго прикащика, съ которымъ прежде разговаривалъ. Этотъ черный геркулесъ, злой по наружности, носилъ на груди и тѣлѣ разные узоры. Передніе зубы его выходили наружу и были заострены, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые африканцы; его густые волосы были обрѣты такъ, что на головѣ оставались только большіе пучки, похожіе на тростникъ въ болотѣ.

Я вошелъ въ загородку и очутился въ обширномъ мѣстѣ, гдѣ не-

было никакой защиты отъ дождя и солнца; но въ замѣнъ того было много нечистыхъ лужъ и вся поверхность земли была покрыта слоемъ грязи, въ которой вязли ноги по лодыжку. Въ этомъ мѣстѣ, которое было хуже свинаго хлѣва, содержалось тридцать женщинъ; нѣны сидѣли поджавши ноги, другія лежали погруженныя до половины въ вязкой тинѣ.

Сначала я не могъ найти между ними молодой дѣвушки изъ Жербо. Купеческій прикащикъ кликнулъ ее раза два, голосомъ, обнаруживавшимъ, какъ привыкъ онъ съ нею обращаться. Калуга! Калуга! закричалъ онъ такъ громко, что можно было слышать за цѣлую милю; замѣтивъ ее, наконецъ, въ углу, у забора, онъ бросился на нее съ остервененіемъ, и прежде, чѣмъ я успѣлъ остановить его, бѣдная дѣвушка вся затрепетала отъ удара бича, который обозначился на ней кровавою полосою.

Я не могъ вытерпѣть. Къ счастью, природа одарила меня мускулами атлета; я не встрѣчалъ никого, кто превосходилъ бы, или даже равнялся со мною силою; — теперь я чувствовалъ, что она удвоилась. Я схватилъ африканца лѣвою рукою за горло, и ударилъ его о заборъ съ такою силою, что онъ упалъ безъ чувствъ.

Сдѣлалась ужасная суматоха. Невольницы были поражены ужасомъ и удивленіемъ. Зрители кричали и махали руками, утверждая, что я долженъ быть какой-то Кайдемъ-Пемба, если могъ одолѣть человѣка, убивавшаго львовъ и тигровъ. Вокругъ насъ столпилось множество народу, между которымъ я замѣтилъ мафука и главнаго купца.

Мнѣ хотѣлось окончить это дѣло скорѣе; я боялся не за себя, а за плѣнницъ, и въ особенности за бѣдную дѣвушку изъ Жербо, на которую могло обратиться все мщеніе этого негодяя. Вскорѣ я увидѣлъ, что деньгами все можно будетъ поправить. На меня, правда, не очень и сердились, потому-что протвника моего вообще ненавидѣли и боялись. Послѣ многихъ переговоровъ рѣшено было, чтобъ я заплатилъ четыре талера обиженному, который стоялъ уже на ногахъ, и угостилъ на свой счетъ анкеркомъ рома судей, присяжныхъ, свидѣтелей и всю наличную публику.

Главный купецъ, съ таинственнымъ видомъ отвелъ меня всторону и сказалъ: — вѣрно, у тебя есть самый сильный талисманъ! — иначе не могъ онъ объяснить побѣды моей надъ истребителемъ львовъ и тигровъ. Онъ предлагалъ мнѣ за талисманъ двухъ любыхъ невольницъ и, сверхъ-того, обѣщалъ мнѣ свою помощь противъ мстительнаго африканца, который, вѣроятно, не оставитъ меня въ покоѣ.

Я отвѣчалъ ему, что не могу разстаться съ талисманомъ ни за

какую цѣну, но готовъ ему дать десять талеровъ за дѣвушку изъ Жербо; что же касается до моего противника, то я мало забочусь о немъ и его пріятеляхъ, и если онъ опять попадется въ мои руки, то такъ дешево не отдѣлается.

Купецъ, видя, что я не хочу разетаться съ талисманомъ, согласился взять за молодую невольницу предложенную плату, и былъ очень доволенъ, что продалъ ее такъ выгодно. Когда молодая дѣвушка узнала, что должна за мною слѣдовать, она какъ-будто ожила; вмѣсто отчаянія, на прекрасномъ лицѣ ея блеснула надежда.

Я отвелъ ее въ хижину и передалъ на попеченіе конгскихъ женщинъ, которыя за деньги обѣщали въ точности выполнить все мои порученія. Посредствомъ пантомимы и нѣкоторыхъ словъ, я старался дать знать молодой дѣвушкѣ, что ее будутъ беречь, дадутъ хорошей пищи и что, выкупавшись въ рѣкѣ, она можетъ обернуться въ большую ткань, которую я нарочно для нее купилъ. Между-тѣмъ, я пойду за ея братомъ и постараюсь привести его къ ней. Смотри на мои жесты и слушая, что я говорилъ, она мгновенно все понимала и сдѣлала нѣсколько восклицаній на своемъ мелодическомъ языкѣ. Когда я развернулъ предъ нею кусокъ ткани, глаза ея заблестали отъ удовольствія; когда же сказалъ, что приведу къ ней брата, она заплакала, сложила свои руки въ знакъ удивленія и благодарности, и въ избытокъ чувствъ бросилась къ ногамъ моимъ. Все движенія ея такъ были натуральны, выразительны, граціозны, что у меня на глазахъ навернулись слезы.

Мы пошли къ Ембомма, оставя Конго назади, по плодоносной и хорошо воздѣланной почвѣ. Поля покрыты были пшеницей, маниоко и бобами; иногда встрѣчались намъ рощицы лимонныхъ и банановыхъ деревьевъ. Множество хижинъ, по двѣ и по три вмѣстѣ, огороженныхъ тростникомъ, носили названіе селеній и городовъ, и служили убѣжищемъ для бѣдныхъ земледѣльцевъ; въ поляхъ, гдѣ росла высокая трава, укрывались птицы, пресмыкающіеся и дикіе звѣри. Когда трава была суха, жители ее зажигали и такимъ образомъ избавлялись отъ опасныхъ своихъ сосѣдей.

Черезъ три часа мы дошли до Ембомма, маленькаго городка изъ тридцати, или сорока хижинъ, расположенныхъ на склонѣ каменистаго холма. Этотъ городокъ недавно перенесенъ былъ туда съ низменности, для большаго удобства и безопасности во-время періодическихъ дождей. Тутъ мы нашли до тридцати невольниковъ, помѣщенныхъ, подобно лембекимъ, въ загороженномъ мѣстѣ. Нѣкоторые, вѣроятно упрямые, связаны были крѣпкими веревками. Между послѣдними нашелъ я и Жербо. Я тотчасъ узналъ его по сходству съ Калуюю. Тѣ же черты лица, тоже вы-

раженіе, только онъ былъ по чертѣ. Во взглядѣ его замѣтно было болѣе дерзости и гордости, нежели отчаянія. Исхудавшее его тѣло носило знаки ударовъ бича и ранъ отъ веревокъ. Онъ былъ высокаго роста, и казался лѣтъ девятнадцати, или двадцати.

Послѣ безконечнаго торга, — таковъ уже обычай въ Африкѣ, — я купилъ его за двадцать талеровъ. Вынувъ ножикъ, я сталъ разрѣзывать его веревки. Не дѣлайте этого, не дѣлайте, — сказалъ мнѣ купецъ, останавливая меня, — а если хотите, то ослабьте ему только веревки на ногахъ. Если вы совсѣмъ развяжете его, онъ убьетъ себя, или убѣжитъ. Онъ и сестра его ужасно мнѣ надоѣли. Въ каждой рѣчкѣ, которую случилось намъ встрѣчать, они хотѣли утопиться. Однажды мы переходили бродъ, и были уже почти на другомъ берегу, какъ вдругъ изъ тростника съ противоположной стороны показался огромный левъ. Всѣ испугались и бросились бѣжать, одинъ Жербо обернулся назадъ и пошелъ прямо на льва, какъ-будто для того, чтобъ онъ его разтерзалъ. Но всего удивительнѣе было, что левъ, пораженный такою смѣlostію, самъ струсилъ и убѣжалъ. Чтобъ справиться съ Жербо, я долженъ былъ купить его сестру у купца, шедшаго въ Малемба. Я держалъ ее близъ Жербо, и когда онъ упрямился, я наказывалъ его сестру; другого средства сладить съ нимъ не было. Если развяжете его, случится несчастіе.

Несмотря на это, я разрѣзалъ веревки. Жербо выпрямился, встрепенулся и поднялъ къ верху руки, какъ бы желая удостовѣриться, что точно свободенъ. Снявъ съ себя широкій поясъ, который я носилъ по примѣру моихъ товарищей испанцевъ, я далъ ему подвязаться, что онъ исполнилъ не безъ удивленія, которое раздѣляли невольники и зрители. Общее удивленіе еще удвоилось, когда я ему подарилъ шапку и родъ плаща изъ древесной матеріи.

Я положилъ руку на плечо купца и сказалъ его имя, потомъ на свою грудь и сказалъ мое, наконецъ, показывая на Жербо, ждалъ его отвѣта.

— Еифаде, банъ-Шунде поспѣшно сказалъ онъ, то-есть Еифаде, сынъ Шунде. Банъ очевидно имѣетъ одинакое значеніе съ «Бенъ» на языкахъ арабскомъ и еврейскомъ.

Солнце склонялось уже къ западу, когда мы пустились въ обратный путь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ африканцевъ, которые пытались служить переводчиками между мной и Еифаде; но онъ мало понималъ языки мандонго и конго. Я ограничился указаніемъ на разные встрѣчавшіеся намъ на дорогѣ предметы, которые онъ называлъ по своему, и былъ доволенъ моимъ выговоромъ, когда я повторялъ его слова.

Мы пришли въ Лембе по захоженіи солнца; но сумерки позволяли еще различать предметы на рѣкѣ. Къ крайнему моему удивленію, я не видѣлъ болѣе нашего Бонито. Я ускорилъ шаги, чтобъ узнать причину внезапнаго удаленія судна. Городъ былъ въ ужасномъ волненіи; всѣ спѣшили разсказывать мнѣ; я не зналъ кого слушать, и не могъ добиться толку. Наконецъ опытный лингвистъ, заставивъ молчать прочихъ, сказалъ: Англійскій король пріѣхалъ, чтобъ взять ваше судно. Судно ваше не любитъ англійскаго короля, и потому ушло въ другую сторону. — Тутъ онъ сталъ разсказывать о большомъ суднѣ съ многими шлюбками и пушками, и заключилъ словами — когда уйдетъ, Бонито опять придетъ.

Въ то время, когда распространился слухъ, что англійскій крейсеръ вошелъ въ рѣку и проникъ до острова Лубонди, гдѣ сталъ на якорь, менѣе, чѣмъ въ десять минутъ Гербець снялся съ якоря, предпочитая воспользоваться темнотою ночи и скрыться въ другомъ каналѣ, нежели быть атакованнымъ. Онъ обѣщаль черезъ недѣлю возвратиться, съ тѣмъ, чтобъ кунцы разомъ приготовили ему полное число негровъ.

Эта новость не обрадовала и не опечалила меня. Конечно, я бы радъ былъ дать о себѣ вѣсточку англійскому капитану; но трудно, чтобъ кто-нибудь за это взялся.

И такъ я рѣшился выждать. Если англичане дойдутъ до Ембомма, я могу съ ними быть въ прямыхъ сношеніяхъ. Въ противномъ случаѣ нельзя было полагать, чтобъ они могли долго оставаться въ нездоровомъ мѣстѣ.

Рѣшившись ждать я, естественно, обратилъ вниманіе на моихъ любимцевъ, которыхъ хотѣлось мнѣ успокоить.

Я отыскалъ Калулу. Она сидѣла на рогожкѣ въ углу хижины, но такъ перемѣнилась, что невозможно было узнать въ ней прежнюю невольницу. Купанье и хорошій обѣдъ сдѣлали чудеса, а матерія, которою она умѣла съ женскимъ вкусомъ драпировать себя, скрыла ея худобу.

Когда Енфадде вошелъ, она пристально взглянула на него, при свѣтѣ факела, и съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему на шею. Трогательно было ихъ свиданіе.

Послѣ взаимныхъ ласкъ, Калула говорила ему обо мнѣ. Енфадде, молча, слушалъ, потомъ, бросаясь передо мною на колѣни, взялъ мою руку и положилъ на свою шею. Я его поднялъ, посмотрѣвъ ласково на него и на сестру, сколько позволяло мое угрюмое лицо, соединилъ ихъ руки и вышелъ изъ хижины искать себѣ убожища.

Исканіе дома, ночью, при свѣтѣ факела, въ африканскомъ селеніи,

могло бы послужить къ любопытному отступленію отъ моей исторіи; но я ограничусь тѣмъ, что послѣ многихъ трудовъ и переговоровъ, мнѣ удалось купить довольно порядочный домикъ. Хозяинъ его, почетный житель, Форміо, сидѣлъ предъ своей хижиной, противъ разложеннаго огня, и напѣвалъ монотонную пѣсню. Собралось множество любопытныхъ. Всякій выхвалялъ достоинство дома. Наконецъ, я купилъ его за пять наличныхъ талеровъ и за двѣ кружки рому, которыя долженъ былъ отдать по возвращеніи нашего судна.

Хотя эта цѣна вдвое была дороже настоящей, но я вступалъ въ немедленное обладаніе домомъ и получалъ сверхъ-того рогожки изъ пальмовыхъ листьевъ, посредствомъ которыхъ могъ сдѣлать въ хижинѣ разныя отдѣленія. Въ нѣсколько минутъ прежній хозяинъ выбрался, а я помѣстился съ Калудой и Енфадде въ моемъ легкомъ, но довольно удобномъ жилищѣ.

III.

Не долго мы наслаждались спокойствіемъ въ нашемъ новомъ убѣжищѣ. На другой день я и Енфадде испуганы были ужаснымъ крикомъ Калуды, которая бросилась вонъ изъ хижины. Мы устремились за нею, но въ тоже время поражены были необыкновеннымъ зрѣлищемъ: цѣлыя міриады маленькихъ черныхъ муравьевъ потокомъ хлынули въ нашу хижину. Сбѣжавшіеся на шумъ сосѣди бросали горящія головы въ эту живую массу, которая покрывала полъ хижины на четыре, или пять дюймовъ въ вышину. Два два не было дождя, рогожки изъ пальмовыхъ листьевъ совершенно высохли, и потому муравьи скоро изжарились; но, увы! менѣе, чѣмъ въ четверть часа, и хижинка наша превратилась въ груды пепла. Я успѣлъ спасти только платье и ружье. Надо было купить другой домъ, что не обошлось безъ затрудненія. Новый домъ стоялъ внѣ селенія, посреди небольшой пальмовой рощицы, и подвергался опасности отъ нападенія дикихъ звѣрей, въ-особенности львовъ, которые вбѣгаютъ иногда и въ средину селеній; но въ замѣтъ отдаленія и одиночества, онъ былъ огороженъ высокимъ заборомъ изъ тростника.

Дикіе звѣри не были самыми опасными для насъ врагами. Купецъ, у котораго я купилъ моихъ любимцевъ, замѣчая, какъ они мнѣ дороги, вѣроятно, по наученію товарища своего, пришелъ ко мнѣ и требовалъ уничтоженія акта по поводу несоблюденія будто бы одной необходимой у нихъ формы для его законности. Формальность эта состояла въ томъ, чтобъ при совершеніи покупки разорвать древесный листокъ, или какую-нибудь былинку. Онъ имѣлъ даже дерзость наложить руку на Калуду,

чтобъ вывести ее. Бѣдная дѣвушка вырвалась изъ рукъ его и съ ужасомъ вбѣжала въ хижину. Я понималъ, что только рѣшительнымъ дѣйствіемъ можно положить конецъ такой несправедливой претензіи, и потому, схвативъ пистолеть, выстрѣлилъ изъ него въ куща, натурально стараясь сдѣлать промахъ. Онъ бросился опрометью вонъ изъ хижины, однакожъ я его преслѣдовалъ до грязнаго ручья, перебѣжавъ черезъ который онъ упалъ, и крича и задыхаясь, поползъ на четверенькахъ въ густую траву, гдѣ я оставилъ его въ покоѣ.

Придя въ селеніе, я отыскалъ мафука, и веунувъ ему въ руку талеръ, рассказалъ несправедливую претензію куща. Будучи иностранцемъ, могъ ли я знать ихъ обычаи, и если обрядъ разорванія древеснаго листа не былъ соблюденъ, моя ли въ томъ была вина? Мафука, убѣжденный талеромъ, очень хорошо понималъ всю сущность дѣла.

— Убейте, убейте его! вскричалъ онъ: — вы заплатите мнѣ за это десять талеровъ, и дѣлу будетъ конецъ.

Я отвѣчалъ, что если представится случай, то воспользуюсь его совѣтомъ. Мафука предостерегалъ меня, чтобъ я опасался однакожъ фетиша этого куща; тоже говорили и другіе африканцы, расположенные ко мнѣ. Противникъ мой упросилъ главнѣйшихъ гангамъ, или жрецовъ составить противъ меня сильнѣйшій талисманъ. За себя натурально я не боялся, но опасался за Калуду и Енфаде. Чѣмъ короче узнавалъ я брата и сестру, тѣмъ болѣе къ нимъ привязывался. Они были ко мнѣ признательны и обнаруживали необыкновенныя умственные способности, какихъ не могъ я предполагать въ нихъ; въ-особенности Калуда изумляла меня чрезвычайною понятливостію. Она скоро выучила множество англійскихъ словъ и цѣлыхъ рѣченій, и сравнительно далеко превзошла меня въ успѣхахъ, какія я могъ дѣлать въ ихъ языкѣ.

Они оба весьма легко писали на природномъ своемъ языкѣ, начиная съ лѣвой руки къ правой и потомъ отъ правой къ лѣвой; буквы ихъ имѣли нѣкоторое сходство съ еврейскими; я очень жалѣлъ, что не зналъ этого языка, чтобъ дѣлать любопытныя сравненія.

Съ помощію языка конго, нѣсколькихъ словъ англійскихъ и умной пантомимы Калуды, я узналъ нѣкоторыя подробности о ихъ странѣ.

Жербо-Бланда—названіе, которое даютъ ихъ странѣ ягасы, настоящее же имя ея Фрамацугда. Земля эта находится въ срединѣ Африки, въ направленіи отъ устья Конго къ сѣверо-востоку; она окружена дикими народами, посредствомъ которыхъ ведетъ торговлю со странами, лежащими далѣе къ сѣверозападу и востоку; но ни одинъ еще купецъ изъ этихъ послѣднихъ странъ не проникалъ въ Фрамацугду. По словамъ Енфаде, эта обширная и населенная земля управлялась отцемъ его,

Села-Шувде. Въ ней много большихъ городовъ, обнесенныхъ стѣнами; есть озера и рѣки, орошающія хорошо воздѣланную почву.

Однажды, когда они отправились изъ столицы своей въ одинъ изъ королевскихъ садовъ, тѣлохранители ихъ атакованы были неграми близкой страны и обращены въ бѣгство. Эти негры принадлежали къ могущественной націи, которая многими завоеваніями открыла себѣ путь къ предѣламъ Фрамацугды.

Енфадде и сестра его проданы были купцамъ за кусокъ алаго сука и стеклянныя бездѣлушки. Тридцать дней шли они по направленію къ югозападу, переходили многія рѣки, горные хребты, города и селенія, пока не достигли большого города, состоящаго изъ тростниковыхъ хижинъ и кожаныхъ палатокъ, расположеннаго на краю песчаной степи. Тутъ ихъ снова продали Ягасамъ, съ которыми они шли десять дней, по обнаженной степи—гдѣ не расло ни одной былинки. Во-время этого путешествія босыми ногами, съ связанными назадъ руками, подъ раскаленнымъ солнцемъ, едва давали имъ нѣсколько капель соленой воды, для утоленія жажды. Страданія ихъ были невыносимы. Два раза ихъ разлучали, они шли по разнымъ дорогамъ, но въ городѣ Ионга-Ягасъ, стоящемъ на рукавѣ Конго—опять соединили. Тамъ еще разъ ихъ перепродали, и они на лодкѣ доведены были до русла настоящей Конго. Послѣ сего, оставивъ берега рѣки, шестьдесятъ дней странствовали они по землѣ, покрытой большимъ лѣсомъ, лугами и болотами, непрестанно подвергаясь нападенію змѣй, слоновъ, львовъ и дикихъ, которые, какъ говорятъ, ѣдятъ и человеческое мясо. Нѣсколько разъ караванъ ихъ долженъ былъ взбираться на деревья, или жечь сухую траву, чтобъ избавиться отъ дикихъ звѣрей. Енфадде очень хорошо запомнилъ эту дорогу, и зналъ четыре главные точки горизонта по звѣздамъ, также хорошо, какъ по компасу. Изъ всѣхъ его разказовъ, я заключилъ, что земля ихъ должна находиться немного къ сѣверу отъ экватора и отъ устья Конго къ сѣверовостоку, примѣрно, на тысячу триста миль.

Несмотря на близость этой страны къ экватору, по словамъ Енфадде и Калуды, климатъ у нихъ умѣренный, что надо приписать значительной возвышенности почвы и вѣчнымъ снѣгамъ, покрывающимъ вершины горъ, которыя тянутся къ югу и востоку. Превоходнѣйшіе плоды, о которыхъ и понятія не имѣютъ на Конго, зрѣютъ у нихъ въ изобиліи. Разнообразные цвѣты украшаютъ луга и сады ихъ; въ послѣднихъ, фонтаны и статуи показываютъ, что жители имѣютъ нѣкоторую степень образованности. На пространныхъ поляхъ растеть хлѣбное де-

рево, въ росяхъ укрываются обезьяны, мелкіе звѣрки и птицы съ разноцвѣтными, блестящими перьями.

Воображеніе мое такъ воспламенилось этими разсказами, что у меня родилось желаніе побывать въ Фрамацугдѣ; по-крайней-мѣрѣ, попытаться достигнуть туда дорогою, по которой шли Енфадде съ сестрою.

Когда я сообщилъ имъ объ этомъ, Калула въ восхищеніи всплеснула руками, Енфадде также обнаружилъ большую радость, но не скрывалъ отъ меня и затрудненій при исполненіи моего намѣренія. Онъ начертилъ мнѣ на пескѣ родъ карты, по которой изяснялъ, что народы, обитающіе далѣе къ сѣверу, не очень дики, и что еслибъ удалось намъ съ сѣверной стороны пуститься къ Фрамацугдѣ, предпріятіе мое встрѣтило бы менѣе опасностей. Идти же къ нимъ отъ Конго на сѣверовостокъ, и особенно съ Калулой, рѣшительно было невозможно.

Не такъ думала Калула; она объявила, что никакъ не разлучится съ нами и готова дѣлить всѣ опасности. Въ то время, какъ мы разсуждали о всѣхъ случайностяхъ нашей экспедиціи, — черная, лоснящаяся фигура, просунувъ голову въ полурастворенную дверь, прервала разговоръ нашъ, давая разными гримасами знать, что намъ угрожаетъ бѣда; но какая именно, африканецъ не могъ, или не хотѣлъ сказать. Я вышелъ съ Енфадде. Обойдя вокругъ хижины, мы не замѣтили ничего подозрительнаго. Между-тѣмъ наступала ночь. Насъ ожидалъ ужинъ, приготовленный Калулой. Внутри ограды, передъ хижиной, пылалъ костеръ изъ сучьевъ мангліеваго дерева, и въ горшкѣ, искусно повѣшенномъ, надъ огнемъ варилась похлебка изъ курицы съ сарацинскимъ пшеномъ и приправою индѣйскаго перца. Калула сидѣла у порога хижины, а мы внутри. Молодая дѣвушка пѣла томную пѣсенку своей родины, которую можно бы назвать: цвѣточекъ и ручей. Туль-туль,—родъ благовонной лиліи, растущей близъ прозрачнаго ручейка—влюбляется въ ручей; цвѣточикъ склонился къ водѣ, а вѣтренный ручей оставляетъ его и бѣжитъ въ свой своенравный путь. Не одна ли это, во всѣхъ странахъ, подъ разными формами, эмблема мимолетной любви! Калула не успѣла кончить своей пѣсни, какъ раздался ружейный выстрѣлъ. Мы невольно вздрогнули. Пуля пролетѣла сквозъ перегородку, и пробила стѣнку хижины. Я схватилъ ружье и бросился съ Енфадде изъ хижины за загородку; но ночь была такъ темна, что въ десяти шагахъ ничего нельзя было видѣть. Поневолѣ отложили мы свои поиски до слѣдующаго утра, хотя и были увѣрены, что эта злодѣйская попытка принадлежала пріятелю моему, купцу Бергамо.

На слѣдующій день были похороны одного знатнаго лица, умершаго тому лѣтъ семь, или восемь. Это требуетъ поясненія. На Конго есть

обычай между смертію и похоронами оставлять большой промежутокъ времени, соразмѣрный знатности покойнаго и богатству его родственниковъ. Въ этотъ промежутокъ времени, тѣло покойнаго обвиваютъ матерією, и каждую недѣлю, почти каждый день, прибавляютъ новую, чтобъ скрыть слѣды разрушенія. Такое обвиваніе продолжается до-тѣхъ поръ, пока тѣло не получитъ огромнаго объема. Если хижина для вмѣщенія его становится малою, ее ломаютъ и строятъ новую, большую, когда покойный былъ лицо знатное; подобныя постройки повторяются по нѣсколь-ку разъ. Въ настоящемъ случаѣ новой хижины не строили, но тѣло покойнаго получило такой объемъ, что могло удовлетворить тщеславіе его родственниковъ.

Могила, вырытая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, имѣла двадцать футовъ ширины и тридцать глубины. Обернутое тѣло положили на длинныя шесты и несли въ торжественной процессіи, при стеченіи всѣхъ городскихъ жителей. Впередъ шли музыканты, изъ которыхъ нѣкоторые трубили въ большія раковины; другіе играли на инструментахъ, похожихъ на волюнку, или ударяли ладонью въ барабаны; къ этому надо присоеди-нить еще два инструмента—нѣчто въ родѣ гармоникки и гитары, издававшей пронзительныя звуки.

Женщины, окружавшія носилки, страшно кричали и вопили, относились съ вопросами къ покойному и славили его добродѣтели.—Зачѣмъ ты умеръ? за чѣмъ насъ покинулъ? придешь ли опять? каково тебѣ тамъ? Ахъ! какой онъ былъ добрый; всѣ жены его были жирны; онъ хорошо ихъ кормилъ, и не жалѣлъ рому. Охъ! охъ! охъ!

Къ воплямъ женщинъ присоединялись неистовые крики гангамсовъ или жрецовъ. Они прыгали и плясали вокругъ покойнаго, и съ ужасными кривляніями и отвратительными гримасами дѣлали свои заклинанія.

Въ честь родныхъ покойнаго и цѣлаго города, по просьбѣ нѣкоторыхъ африканцевъ, я выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ ружья. Наконецъ все кончилось большимъ праздникомъ, на которомъ всѣ знаки печали исчезли. Ромъ, водка и пальмовое вино всѣхъ развеселили. Музыка, пѣсни и пляски продолжались далеко за полночь.

Еще до захода солнца я отправился на мѣсто пиршества, такъ быстро смѣнившаго печальную церемонію. Знатныя особы, окруженныя простолюдными, сидѣли на открытомъ мѣстѣ, напротивъ дома вдовы. Меня приняли очень радушно, и предложили занять почетное мѣсто, подлѣ мафука и его свиты, на леопардовой кожѣ. Я уже хотѣлъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, какъ вдругъ замѣтилъ Бергамо, сидѣвшаго неподалеку, съ товарищемъ своимъ. Я его подстерегалъ съ

самаго утра; но опъ, вѣроятно чувствуя себя виноватымъ, до-сихъ-поръ не показывался. Теперь представился мнѣ случай дѣйствовать, и я рѣшился имъ воспользоваться.

Негодяй сидѣлъ шагахъ въ двадцати отъ мафука; пять, или шесть африканцевъ окружали его, не закрывая однакожь отъ присутствующей публики. Около него лежало старое испанское ружье, и на груди выставленъ былъ знаменитый фетишь, или талисманъ, состоявшій изъ комка высушенной глины; верхній конецъ его обдѣланъ былъ на подобіе человѣческой головы. Тѣло его обвѣшено было разноцвѣтными перьями попугаевъ, изъ которыхъ каждое подвергнулось заклинанію жрецовъ. Гангамсы хорошо знали свое дѣло и принесли для каждаго перушка въ жертву особую курицу, чтобы кончики ихъ омочить въ крови. Бергамо не жалѣлъ издержекъ, лишь бы сдѣлать себя совершенно невредимымъ. Ружейныя пули отъ этого фетиша должны были сплюснуться и откакивать.

Нимало не колеблясь, я подошелъ къ Бергамо на разстояніе одного, или двухъ шаговъ; онъ нѣсколько смутился, а товарищъ его поспѣшилъ убраться прочь ползкомъ.

— Слушайте! вскричалъ я, попрося напередъ одного преданнаго мнѣ африканца, понимавшаго испанскій языкъ, переводить слова мои собранію: — слушайте! Въ эту ночь, ружейный выстрѣлъ едва не убилъ въ моемъ домѣ одного изъ моихъ невольниковъ; я обвиняю въ этомъ злодѣйскомъ поступкѣ Бергамо. Всѣ присутствующіе устремили на насъ свои взоры, но хранили молчаніе. Бергамо, нѣсколько сконфуженный, также молчалъ. Да, продолжалъ я, — этотъ человѣкъ посягаетъ на мою жизнь, неужели вы допустите совершиться такому злодѣянію, тогда какъ я пользуюсь вашимъ гостепрѣимствомъ? Что скажетъ Кеноо, владѣтель вашъ, когда узнаетъ, что бѣлый человѣкъ, пришедшій къ вамъ, какъ другъ, для торговли, былъ убитъ, или обиженъ!

— Онъ долженъ пить воду киска, отвѣчалъ Мафука, — и если виновенъ, то останется невредимъ, а если виновенъ, вода умертвитъ его.

— Нѣтъ, возразилъ я, — неужно заставлять его пить воду киска; онъ самъ знаетъ вину свою, и знаетъ, что вода его умертвитъ.

Такое испытаніе мнѣ вовсе не нравилось. Подкупленные Бергамомъ гангамсы дали бы ему выпить безвредной водицы, и онъ вышелъ бы изъ испытанія чистехонекъ, и такъ я продолжалъ:

— На этотъ разъ я прощаю его, но если онъ еще разъ отважится что-нибудь предпринять ко вреду моему, пусть на себя и пѣнаетъ. Онъ не долженъ надѣяться на эту игрушку, — при этихъ словахъ, я вдругъ сорвалъ съ шеи его фетишь. Движеніе мое было такъ быстро

и неожиданно, что онъ не могъ сдѣлать ни малѣйшаго сопротивленія и только вздрогнулъ.

— Вотъ что давало ему такую самонадѣянность; но если бы это былъ и самый могущественный во всей землѣ фетишъ, я нимало его не боюсь; смотрите.... Ужасъ обнялъ присутствующихъ, когда я съ презрѣніемъ плюнулъ на талисманъ. Еслибы земля разверзлась и поглотила дерзновеннаго, никто не удивился бы этому.

— Вотъ, какъ мало страшусь я вашего фетиша, и какъ онъ противъ меня безсиленъ. Сказавъ это, я бросилъ талисманъ на воздухъ, и выстрѣлилъ въ него изъ двухствольнаго ружья, заряженнаго мелкою дробью. Человѣческое изображеніе изъ глины разбилось въ мелкіе кусочки, а перышки разлетѣлись на все стороны.

— Что скажешь теперь Бергамо? будешь-ли опять съ товарищемъ своимъ бродить по ночамъ вокругъ моего дома? Вѣрь, что и съ тобою также будетъ поступлено.

Изумленіе и страхъ изображались на лицахъ зрителей; когда же языкъ у нихъ развязался, не было конца восклицаніямъ. Рѣдкій актеръ могъ произвести подобный эффектъ на сценѣ. Знаменитый истребитель львовъ и тигровъ, убійца ягасовъ, распростертый у ногъ моихъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Теперь мнѣ нечего было опасаться.

Подойдя къ мафукѣ, я отвѣдалъ его водки.

— Это не съ Бонито?

— Нѣтъ, это водка португальская.

— Водка эта хороша, но у меня есть лучше; когда придетъ нашъ бонито, я пришлю вамъ парочку бутылокъ.

— Не будетъ ли и мнѣ бутылочки? сказалъ одинъ почетный житель.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— А мнѣ? сказалъ другой.

— Непремѣнно.

— И мнѣ! и мнѣ! — вскричали многіе.

Я обѣщала дюжину бутылокъ, и боясь обѣщать болѣе, почелъ за лучшее удалиться.

Калула ожидала меня на порогѣ хижины, устремивъ глаза свои къ селенію. Увидѣвъ меня, она скрылась, но тотчасъ опять показалась съ пучкомъ ароматическихъ цвѣтовъ, растущихъ по берегамъ Конго. Войдя въ домикъ, я нашелъ большіе букеты тѣхъ же цвѣтовъ, обернутые въ пальмовые листья, возлѣ моей постели. Такое вниманіе со стороны Калулы не удивило, но очень порадовало меня. Она принесла мнѣ цвѣты съ томною улыбкою на лицѣ и со слезами на

глазахъ. Можетъ-быть, аромать этихъ цвѣтовъ напомнилъ ей о далекой родинѣ.

Ночь наступала. Теперь я могъ пользоваться спокойствіемъ, какого давно уже не зналъ. Однакожь, сонъ мой былъ безпокоенъ и прерывистъ. Какое-то смутное предчувствіе несчастья невольно томило меня. Мнѣ грезились какія-то странныя видѣнія и призраки, и я былъ чрезвычайно взволнованъ.

Рано утромъ я проснулся съ болью въ головѣ, въ поясницѣ, въ рукахъ и ногахъ; чувствовалъ ознобъ и слабость.

По выразительному лицу Калулы, я догадывался, что долженъ имѣть нездоровый видъ. Наконецъ, сухость во рту и всѣ предметы, казавшіеся желтыми, — окончательно убѣдили меня, что я дѣйствительно болѣнъ.

Маларія, эта ужасная болѣзнь на африканскомъ берегу, въ тропическихъ странахъ, шадящая черныхъ, смертельна для кавказскаго племени. Я не долженъ былъ подлежать исключенію.

Головная боль постепенно усиливалась, также какъ и всѣ прежніе симптомы, исключая озноба. Извѣстно, какъ быстро развивается африканская лихорадка. Нельзя было терять времени — належало прибѣгнуть къ пособіямъ. По счастью, въ моей походной аптечкѣ хранились пакетцы съ нѣкоторыми лекарстами; я принялъ рвотнаго камня, очень полезнаго въ началѣ лихорадки.

Ночью лихорадка обнаружилась во всей силѣ; я чувствовалъ, что не могу болѣе самъ себя пользоваться, еслибъ даже и оставался въ памяти. Проглотивъ однакожь хорошую порцію каломеля и ялапы, я предоставилъ дальнѣйшее дѣйствіе самой натурѣ. Принимая эти порошки, я, подобно моряку, бросалъ послѣдній якорь, чтобъ спасти корабль, несомый бурей на подводные камни.

Бредъ не замедлилъ явиться, но и въ безпамятствѣ моемъ, я еще смутно понималъ нѣжныя попеченія обо мнѣ женщины. Милый образъ Калулы какъ-будто множился вокругъ меня; молодая дѣвушка являлась мнѣ въ разныхъ, но всегда очаровательныхъ образахъ. Добрые гении, съ ея лицомъ, безпрестанно надо мною летали, прохладя мои горящія щеки своими крыльями, расправляя легкими пальцами мои волосы, отгоняя отъ меня жужжащихъ насѣкомыхъ и прохладя засохшее мое горло свѣжею водою, или лимоннымъ сокомъ.

Въ девятый день лихорадка достигла кризиса. Благодаря крѣпкому тѣлосложенію и попеченіямъ Калулы, я счастливо перенесъ кризисъ. Съ этого дня я былъ спасенъ; чрезъ три, или четыре дня я могъ

сидѣть на постелѣ и съ большимъ апетитомъ пить бульонъ изъ курицы, но для совершеннаго выздоровленія нужны были недѣли.

Знатнѣйшіе изъ жителей стали навѣщать меня; всякій, какъ это водится и въ просвѣщенныхъ странахъ, предлагалъ самыя надежныя лекарства, для скорѣйшаго возстановленія моихъ силъ. Одинъ рекомендовалъ супъ изъ львиныхъ хвостовъ, другой — соусъ изъ глазъ крокодиловъ, третій жаркое изъ языковъ обезьянъ; — всѣ брались сами приготовить эти кушанья, разумѣется, за порядочную плату. Поблагодаривъ ихъ за усердіе, я предпочелъ остаться при бульонѣ, который приготовляла мнѣ Калула.

Три недѣли уже прошло, какъ исчезъ нашъ Бонито, и мы не имѣли о немъ никакого извѣстія. Знали только, что онъ успѣлъ незамѣтно пройти ночью мимо англійскаго крейсера, который на другой день снялся съ якоря и вышелъ изъ рѣки. Если крейсеръ достигъ потомъ Бонито и взялъ его, что будетъ тогда со мною и какой участи подвергались мои товарищи? Во всякомъ другомъ случаѣ взятіе судна, занимающагося торгомъ негровъ, нисколько бы меня не опечалило, но теперь я былъ еще болѣе, воображеніе мое представляло все въ мрачномъ видѣ. Деньги у меня были на исходѣ, и мнѣ нечѣмъ было существовать, въ особенности имѣя на рукахъ Енфадде и Калулу; — не могъ я также и оставить этого берега, на которомъ едва не умеръ.

И такъ, можно представить мою радость, когда на четвертой недѣлѣ вдругъ разнеслась вѣсть, что Ель-Бонито пришелъ въ рѣку и бросилъ якорь миляхъ въ двадцати ниже отъ насъ. Впрочемъ какое-то сомнѣніе, какой-то страхъ заранѣе омрачали удовольствіе, какимъ я думалъ наслаждаться на свободѣ, дыша чистымъ воздухомъ океана.

IV.

— Чтѣ это съ вами! вскричалъ капитанъ Гербецъ, когда я вошелъ на палубу нашего судна, только что бросившаго якорь напротивъ Лембе. Боже мой! какъ вы измѣнились! Да васъ узнать почти нельзя. Проклятая лихорадка! Я вѣдь на опытѣ ее знаю. Ну, чтѣ новенькаго? чтѣ случилось съ вами въ этомъ мѣсяцѣ?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ я: вы сами видите, до чего довела меня лихорадка. Но скажите, отчего вы такъ долго пропадали? Я, право, уже думалъ, не попались ли вы съ товарищами подъ военный судъ?

— Ну, это не такъ-то легко, отвѣчалъ капитанъ. У Ель-Бонито большія крылья; какъ пидѣйкѣ трудно догнать морскую чайку, такъ трудно было бы тяжелому англичанину насъ настигнуть. Насъ задер-

жали несносные штили. Смотрите, я съ досады вырвалъ почти половину моихъ волосъ.

— А когда вы думаете сняться съ якоря?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но Богъ знаетъ, когда мы будемъ готовы. Это зависитъ отъ полученія товара. Здѣшніе жители необыкновенно медленны, и торопить ихъ нѣтъ никакой пользы. Вотъ въ Кабенса дѣло идетъ гораздо живѣе. Когда бараки наполнены, въ часъ, много въ два, можно имѣть весь грузъ на суднѣ. Невольники такъ много терпятъ отъ недостатка въ пищѣ и отъ заключенія, что сами скачутъ въ лодки и не могутъ дожидаться, чтобъ скорѣе отвезли ихъ въ землю бѣлыхъ, гдѣ они, по-крайней-мѣрѣ, могутъ кушать, сколько душъ ихъ угодно; они еще не знаютъ, прибавилъ Гербець, — неприятностей путешествія.

Когда капитанъ съѣхалъ на берегъ, я успѣшилъ въ мою каюту, и къ большому удовольствію нашелъ все мои вещи въ цѣлости и сохранности, въ томъ числѣ и деньги.

Между-тѣмъ все приготовляли къ принятію невольниковъ, и чрезъ нѣсколько часовъ послѣ посѣщенія капитаномъ берега, многія лодки, наполненныя ими, пристали къ нашему судну. Первые пріѣхавшіе къ намъ гости помѣщены были во временной палубѣ, насланной на бочкахъ съ водою, въ разстояніи трехъ съ половиною футовъ отъ настоящей жилой палубы. Ихъ размѣстили въ четыре ряда. Первые ряды положили головами къ бортамъ судна, а ногами къ срединѣ; головы двухъ среднихъ рядовъ касались ногъ двухъ первыхъ или вѣшнихъ рядовъ. За тѣмъ между внутренними рядами оставалось пустаго мѣста не болѣе, какъ на два шага; но и этотъ промежутокъ занятъ былъ отчасти особо лежащими неграми, такъ, что дѣйствительно свободнаго пространства не было и на квадратный футъ во временной палубѣ. Всякій невольникъ имѣлъ столько мѣста, сколько нужно ему было, чтобъ лежать протянувшись на спинѣ. Такимъ образомъ успѣли помѣстить до двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ во временной и столько же человѣкъ въ настоящей жилой палубѣ. Все невольники были закованы по ногамъ.

Какъ ни ужасно было такое помѣщеніе, но оно еще ничего не значило предъ нагрузкою, чаще употребляемою на судахъ, занимающихся подобнымъ промысломъ. Капитанъ Гербець хвалился, что дѣлалъ опыты надъ обѣими системами, то-есть — нагрузкою сжатою и нагрузкою свободною, и отдалъ преимущество послѣдней.

— Если вы это называете нагрузкою свободною, то что-же значить нагрузка сжатая?

— А, это совсѣмъ другое дѣло: вотъ, видите—при нагрузкѣ сжа-

той, негровъ сажаютъ въ первый рядъ такъ, чтобъ ноги ихъ были раздвинуты; между ногами ихъ сажаютъ другой рядъ и такъ далѣе — пока вся палуба не наполнится. Въ первомъ случаѣ, невольникъ столько имѣетъ мѣста, что можетъ лежать на спинѣ, во второмъ случаѣ онъ можетъ только сидѣть. По послѣдней системѣ наше судно могло бы помѣстить до полуторы тысячъ человѣкъ.

Между неграми считалось до пятидесяти женщинъ, онѣ были безъ оковъ и помѣщались тѣсно назади — отдѣляясь отъ мужчинъ крѣпкою перегородкою.

Мнѣ стоило большаго труда выпросить позволеніе взять на наше судно Калулу и Енфаде. Капитанъ сначала не хотѣлъ о томъ и слышать. Онъ говорилъ, что не можетъ потерять даромъ ни одного свободнаго мѣста; я устранилъ это затрудненіе — предлагая ему сумму, равную цѣнности двухъ негровъ.

— Притомъ, сказалъ я — для нихъ не нужно особаго помѣщенія; я буду держать ихъ въ своей каютѣ.

— Невозможно! вскричалъ Гербець.

— Конечно, это меня нѣсколько стѣснитъ, но вѣдь я одинъ и буду терпѣть. Согласитесь-же, капитанъ, — говоря это, я показалъ ему полновѣсный кошелекъ, и онъ сдѣлался поговорчивѣе. Я не только плачу за ихъ переѣздъ, хотя они будутъ жить въ моей каютѣ; но еще дарю вамъ мой хронометръ, который вы такъ хвалили.

— Ну, нечего дѣлать съ вами, пусть будетъ по вашему. Но, право, я не понимаю, что вы нашли въ этихъ невольникахъ? Положимъ, что это негры необыкновенные, что даже они не совѣмъ черны; но вѣдь это именно и уменьшаетъ ихъ достоинство. Они не стоить половины цѣны противъ двухъ негровъ чистой крови. Намъ часто предлагаютъ въ покушку африканцевъ разнаго цвѣта, тѣлосложенія и роста, но они не могутъ сносить ни зноя, ни работы. Я васъ предупреждаю, вы дѣлаете самую плохую спекуляцію.

— Но вѣдь вы не отказываетесь отъ моего хронометра?

— Натурально, когда вы сами этого желаете.

По счастью, *el secundo capitán*, страдая сильнымъ ревматизмомъ, не выходилъ изъ своей каюты, и потому, въ настоящемъ случаѣ, не могъ мнѣ противудѣйствовать.

Въ пять дней Бонито получилъ полный грузъ, и все было готово къ нашему отправленію. Почти въ послѣднюю минуту я перевезъ на судно Калулу и Енфаде. Мы тотчасъ снялись съ якоря, и пользуясь хорошимъ вѣтромъ, при теченіи и отливѣ быстро спускались по рѣкѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ Бонито весело бѣжалъ по волнамъ чистаго

океана. Я съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ; хотя вѣтеръ неся съ берега, но уже утратилъ свои вредныя частицы. Въ самомъ-дѣлѣ, по мѣрѣ удаленія судна отъ берега, я дышалъ свободнѣе и свободнѣе, воздухъ глубже проникалъ въ мои легкія, и способствовалъ къ лучшему обращенію крови, выгоняя послѣдніе остатки моей болѣзни. Какое неоцѣненное дѣйствіе производитъ природа, когда можешь свободно дышать чистымъ воздухомъ! Пять сотъ человѣкъ, лежавшіе въ палубахъ, лишены были этого счастья. Сердце мое раздиралось при этой мысли!

Съ приближеніемъ ночи вѣтеръ засвѣжелъ. Ель-Бонито подъ всеми парусами съ трудомъ пролагалъ свой путь по взволнованному морю. По мѣрѣ усиленія килевой качки, раздирающіе стоны и вопли выходили изъ люковъ палубы, и смѣшиваясь съ трескомъ перегородокъ, визгомъ вѣтра въ верхній рангоутъ и снасти, соединились въ жалобный хоръ и наполнили окружающій насъ воздухъ самую непріятную гармонію.

На утро пять труповъ мужскихъ и два женскихъ выбросили въ море.

— Только семь! вскричалъ капитанъ: какое счастье! При полномъ грузѣ, я рассчитываю сначала на потерю пятнадцати, или двадцати человѣкъ въ сутки. Ну, живѣе, дайте подышать имъ свѣжимъ воздухомъ.

На первый разъ выпустили на палубу человѣкъ сорокъ, или пятьдесятъ. По мѣрѣ того, какъ они выходили изъ люка, имъ надѣвали на руки цѣпи, и человѣкъ по шести и по восьми сковывали вмѣстѣ, чтобъ они не могли соскочить за бортъ, или сдѣлать какое-нибудь сопротивленіе. Каждое отдѣленіе по очереди отводилось на бакъ, гдѣ направляли на нихъ сильную струю воды, посредствомъ эластическаго рукава насоса. Облитымъ съ головы до ногъ, позволялось четверть часа прохаживаться по палубѣ и грѣться на солнцѣ; потомъ отправляли ихъ внизъ, чтобъ дать мѣсто другимъ.

Негры и до вступленія на судно были нездоровы, теперь они еще болѣе терпѣли отъ тѣсноты и морской болѣзни. Нагіе, грязные, они дрожали, окачиваемые водою; трепещущіе ихъ губы, беспокойные глаза—доказывали, какъ велико было ихъ страданіе. На берегу они ко всему привыкали и сносили все беззаботно; но находясь теперь на новой для нихъ стихіи, — подвергались новымъ, неизвѣстнымъ прежде мученіямъ и ужасамъ, а между-тѣмъ эти несчастные были еще только при началѣ пытокъ, предстоявшихъ имъ въ трудномъ переѣздѣ.

Я попытался сойти внизъ, чтобъ взглянуть на нихъ. Но ужасное

зрѣлице и невыносимый воздухъ отбросили меня назадъ. Боже милосердный! вскричалъ я: это хуже, нежели я могъ себѣ представить!

— Ба! положеніе ихъ конечно теперь незавидно, отвѣчалъ капитанъ, но иначе быть не можетъ; они подвергаются сначала морской болѣзни; пройдетъ нѣсколько времени, поправятся, попривыкнутъ, и имъ будетъ лучше. Притомъ нельзя, чтобъ не было и убыли; отъ этого имъ сдѣлается и попросторнѣе.

— Но если они такъ плохи при хорошей погодѣ, что же будетъ во-время бури?

— Типунъ бы вамъ на языкъ! возразилъ капитанъ Гербецъ. Когда придется закрыть люки, тогда не до прибыли, пожалуй не выручишь и своихъ издержекъ; негры мрутъ тогда, какъ пивки во-время грозы.

— Это ужасно! и вы можете заниматься этимъ торгомъ?

— Почему же и нѣтъ! Несмотря на все неприятели, торгъ прибыленъ; прежде мы употребляли для этого суда большія и просторныя, а теперь только и думаемъ о томъ, какъ бы ускользнуть отъ крейсеровъ.

Я не почелъ за нужное опровергать доводы капитана, трудъ былъ бы напрасный, но мнѣ сдѣлалось тяжело, и я посиѣшилъ въ свою каюту. Калула и Енфадде также терпѣли отъ морской болѣзни, но слегка. Дня чрезъ три они могли выходить на палубу, но для этого я выбиралъ ночное время. Зная недоброжелательство ко мнѣ Монтеса, я боялся не за себя, а за нихъ. Нѣсколько разъ, когда меня не было, онъ позволилъ себѣ ударить веревкою Енфадде, когда тотъ нескоро отсторонялся, чтобъ дать ему дорогу. Однажды когда я оставилъ Калулу одну въ шлюпкѣ, висѣвшей за кормою, гдѣ мы часто сиживали съ Енфадде, чтобъ быть покойнѣе, Монтесъ вытащилъ ее оттуда и толкнулъ или лучше сказать бросилъ ее на ютъ. Кровь во мнѣ закипѣла; но я напрасно жаловался капитану; надо было скрыть свою досаду.

Въ двѣ недѣли, при хорошей погодѣ, но при вѣтрахъ не совсѣмъ благополучныхъ, мы достигли экватора, который Бонито перерѣзалъ подъ пятымъ, или шестымъ градусомъ западной долготы. Невольники привыкли къ морю; смертность отъ пяти и шести дошла до одного, или двухъ человѣкъ въ сутки. Имъ позволено было по очереди прогуливаться по палубѣ и дышать чистымъ воздухомъ; ежедневно окачивали ихъ морскою водою и давали хорошую, но въ маломъ количествѣ пищу. Несмотря однакожь на возмозжныя предосторожности сохранять ихъ здоровье, несмотря на то, что имъ давали и сѣру, и патоку, и нѣкоторыя другія лекарства, которымъ приписываютъ большую силу, и обыкновенно употребляютъ на подобныхъ судахъ, ничто не могло отвратить пагубнаго

дѣйствія отъ тѣсноты помѣщенія и испорченности воздуха. Негры день ото дня худѣли и слабѣли. Злокачественныя сыпи, гнилыя язвы покрывали многихъ несчастныхъ. У иныхъ открылись старыя раны, нѣкоторыя страдали воспаленіемъ глазъ, золотухою, которая обращалась въ чахотку. Наконецъ, иные страдали воспаленіемъ въ легкихъ, которое переходило въ антоновъ огонь. Эта послѣдняя болѣзнь заражала воздухъ, и, кажется, напитывала смрадомъ все поры судна.

Одержимыхъ этою ужасною болѣзнію еще живо бросали въ море... Это происходило ночью. Негодование мое превозмогло всякую осторожность; я сталъ громко жаловаться на подобное безчеловѣчіе, и тѣмъ навлекъ на себя общее негодование.

— Берегись, вскричалъ *el secundo capitán*: чтобъ и тебѣ не показали туда же дорогу. Я не позволю пришельцу вмѣшиваться въ наши распоряженія.

— Осмѣлься, подлый убійца! вскричалъ я: повторить еще разъ твою угрозу!

Лице его побагровѣло отъ злости; обнаживъ длинный ножъ, онъ бросился на меня, но я успѣлъ выхватить пистолеть и направить его прямо ему въ лобъ. — Еще шагъ разбойникъ, и я тебя застрѣлю!

Онъ оставался неподвиженъ, но какъ дикій звѣрь готовый броситься на свою добычу. Губы его дрожали, зазубренные зубы выставились наружу; онъ похожъ былъ на гіену и трясся всею тѣлою отъ бѣшенства. Къ счастью его и моему, онъ не двигался съ мѣста, иначе я раскроилъ бы ему лобъ, не думая о послѣдствіяхъ.

И такъ мы молча смотрѣли другъ на друга; изумленные матросы не вмѣшивались. Если они и не любили меня, зато большая часть изъ нихъ ненавидѣла Монтеса. При томъ вся эта сцена такъ быстро пришла къ развязкѣ, что они не успѣли опомниться.

Одинъ капитанъ Гербецъ не потерялъ хладнокровія и присутствія духа. Крича и размахивая руками, онъ бросился между нами и разнялъ насъ. Я опустил свой пистолеть; Монтесъ волею-неволею вложилъ свой ножъ въ ножны, и вмѣшавшись въ толпу матросовъ, удалился.

— *Senor medico!* вы хотите, чтобъ вамъ перерѣзали горло! вскричалъ капитанъ. — какъ вы смѣете заводить ссору съ Монтесомъ, у котораго никому нѣтъ пощады? Берегитесь, я не стану за васъ заступаться.

— Въ такомъ случаѣ я самъ постою за себя.

— Повторю вамъ, не задирайте его, если жизнь дорога вамъ. Наши люди не очень васъ жалуютъ; они слышали глупыя ваши сужде-

нія о торговлѣ неграми, считаютъ васъ помѣхою, и за бездѣлицу готовы будутъ бросить васъ за бортъ.

Я опять отвѣчалъ капитану, что ничего не боюсь, но внутренно не могъ не призадуматься, особенно когда Гербецъ прибавилъ: Монтесъ, какъ и бѣольшая часть экипажа, въ долѣ съ хозяиномъ судна, а потому онъ такой же, какъ и я, капитанъ Ель-Бонито. Я буду жалѣть, если съ вами случится что-нибудь недоброе.

На другой день послѣ этой сцены подулъ крѣпкій вѣтеръ съ юго-востока. Пасатный вѣтеръ не уступилъ безъ спора новому пришельцу, и море, взволнованное такою борьбою, привело наше судно не только въ безпокойное, но даже въ опасное положеніе. Ежеминутно волны окачивали нашу палубу, весь остовъ Ель-Бонито трещалъ и содрогался. Всѣ люки надлежало закрыть, кромѣ задняго, чрезъ которой могла только проходить струя воздуха, необходимаго для четырехъ сотъ человѣкъ.

Къ концу сутокъ буря еще болѣе усилилась. Килевая качка была невыносима какъ для самага судна, такъ и для несчастнаго его груза. Рѣшились спуститься по вѣтру, и хотя этимъ проигрывали и приближались къ материку Африки, но изъ двухъ золъ надо было выбрать легчайшее.

Бѣжать по вѣтру было гораздо покойнѣе.

Часовъ десять или двѣнадцать судно бѣжало на фордевиндѣ, какъ вдругъ вѣтеръ перешелъ къ востоку и ослабѣлъ. Мало-по-малу море утихло. Но гибельныя для невольниковъ послѣдствія бури стали развиваться. Отъ испорченности и недостатка воздуха между палубами, у половины этихъ несчастныхъ глазная болѣзнь, о которой я говорилъ выше, перешла въ жесточайшее воспаленіе. Были случаи этой болѣзни и до бури, но они не представляли такой важности.

Болѣзнь эта приняла ужасный ходъ. Чрезъ три дня послѣ первыхъ признаковъ, вѣки ужасно распухали, на роговой оболочкѣ дѣлались нарывы, и зрачекъ совершенно помрачался. Лихорадка и жестокія головныя боли сопровождали эту болѣзнь. Въ три дня болѣе ста человѣкъ окривѣли и до двадцати человѣкъ ослѣпли.

Я употреблялъ всѣ усилія, чтобъ облегчать страданія негровъ, но безъ успѣха. Никакія медицинскія средства не пособляли, болѣзнь болѣе и болѣе распространялась.

Выйдя изъ верхняго люка, послѣ безполезнаго посѣщенія этихъ несчастныхъ, я замѣтилъ нѣсколько матросовъ, привязывающихъ двѣнадцати фунтовыхъ ядра къ концамъ веревокъ длиною въ два или три фута. Я остановился и хотѣлъ спросить, зачѣмъ они это дѣлаютъ, но въ эту минуту часовой матросъ закричалъ съ марса: — подъ вѣтромъ суд-

но! Смотри по указанному направленію, я дѣйствительно увидѣлъ большой бригъ, миляхъ въ пяти, или шести подъ вѣтромъ. Пасмурная погода, продолжавшаяся весь день, не позволила намъ ранѣе его замѣтить, и появленіе его въ эту минуту, то-есть, около четырехъ часовъ по полудни, застало насъ въ расплохъ. Зрительныя трубы обращены были на незнакомца, и первое наблюденіе вовсе было неутѣшительно. Курсы наши сходились; продолжая слѣдовать такимъ образомъ, мы могли скоро разговаривать съ бригомъ. Послѣ краткаго совѣщанія капитана съ офицерами, Гербецъ и Монтесъ съ длинными трубами пошли на марсъ. Видя общее смятеніе экипажа, я подумалъ: не англійскій ли это крейсеръ. Предположеніе мое подтвердилось, когда капитанъ приказалъ поставить всѣ паруса и поворотить на другой галсъ.

Въ свою очередь и я навелъ трубу на судно.— Капитанъ, сказалъ я Гербецу, это англійскій бригъ!

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ: но ему нужны крылья, чтобъ насъ догнать.

Казалось, сначала, что разстояніе между нами уменьшается. Онъ скорѣе насъ идетъ, говорилъ я самъ себѣ. Но это былъ обманъ: дѣйствительно онъ отставалъ. Ради Бога, ради человѣчества, господа англичане прибавьте парусовъ, догоняйте! Но все напрасно. Бонито имѣлъ слишкомъ много парусовъ, слишкомъ хорошо ходилъ. Честь и упрекъ вамъ, въ настоящемъ случаѣ, мастера американскіе за пагубное искусство кораблестроенія!

Къ ночи мы выиграли три или четыре мили, и корпусъ брига почти тонулъ въ водѣ. Въ десять часовъ, капитанъ Гербецъ скомандовалъ поворотить оверъ-штагъ, съ намѣреніемъ часа два лавировать, а потомъ взять прежній курсъ. Но вскорѣ послѣ поворота, вѣтеръ стихъ и въ три часа утра сдѣлался совершенный штиль.

Когда стало разсвѣтать, я лежалъ въ каютѣ своей, какъ вдругъ вниманіе мое было возбуждено какимъ-то шумомъ на бакѣ. Слышны были голоса, потомъ раздался пронзительный крикъ и что-то тяжелое упало въ воду. Черезъ каждыя двѣ минуты крикъ и паденіе возобновлялись. Что такое дѣлается тамъ, говорилъ я самъ-себѣ, выходя изъ каюты.

Густой туманъ покрывалъ поверхность океана и обвивалъ все судно. Съ обѣихъ его сторонъ возвышались отвѣсно двѣ темныя стѣны какъ бы съ наброшеннымъ сводомъ. Можно было видѣть только палубу и мачты, но въ море дальше темныхъ стѣнъ взоръ не могъ простираться. Этотъ феноменъ могъ быть объясненъ теплыми испареніями отъ нашего живаго груза, такъ плотно сжатого между палубами, но

миѣ нѣкогда было заниматься рѣшеніемъ физическаго вопроса, тотъ же крикъ, тоже паденіе тяжелаго тѣла въ воду — опять послышались; я обратился къ мѣту, откуда шель крикъ, и окаменѣлъ отъ ужаса. Я увидѣлъ невольника, стоящаго посреди толпы матросовъ; одинъ изъ нихъ привязывалъ къ ногамъ негра двѣнадцать фунтовое ядро; потомъ четверо взяли несчастнаго за руки и за ноги, и швырнули за бортъ. Дикій крикъ подброшеннаго на воздухъ скоро заглушенъ была волнами, которые тотчасъ надъ нимъ закрылись. Второй негръ послѣдовалъ туда же за первымъ и т. д.

— Увѣренъ ли ты, что больше никого нѣтъ? спросилъ матроса Монтесъ, распорядившійся этимъ дѣломъ.

— Пока всѣ, отвѣчалъ матрозъ, — а къ завтраму, вѣроятно, будетъ еще человѣкъ двѣнадцать.

Такъ поступали съ неграми, потерявшими зрѣніе! Чего стоить на такомъ суднѣ ослѣпшій невольникъ? меньше чѣмъ ничего: это лишнее бремя, бесполезный желудокъ, не продаваемый товаръ. Сегодня бросили въ море двадцать пять негровъ, завтра бросятъ двѣнадцать!

Долженъ же быть адъ для наказанія подобныхъ злодѣяній!

Часа два уже, какъ солнце взошло надъ горизонтомъ; отъ дѣйствія лучей его, сѣрая масса паровъ стала разсѣиваться, и потомъ весь этотъ темный хаосъ прекрасно свился наподобіе огромной театральнаго занавѣси. Солнечный свѣтъ являлся сначала въ различныхъ фантастическихъ видахъ; мы любовались этимъ съ Калулою и Енфадде.

— Посмотри сюда, сказалъ Енфадде сестрѣ своей: это точно великанъ алмазной горы, а это его собака о двухъ головахъ!

— Что значитъ великанъ алмазной горы? спросилъ я.

— О! это длинная исторія, отвѣчала Калула. Я вамъ скажу только, что великанъ живетъ на высокой горѣ въ Фрамацугдѣ, которую называютъ алмазомъ; онъ съ своею собакою обходитъ всю вселенную. Когда великанъ показывается и собака не лаетъ — это добрый знакъ, а если собака ворчитъ — дурной. Довольны-ли вы, Ионафанъ, что двуглавое чудовище молча слѣдуетъ теперь за своимъ господиномъ?

Едва успѣла она произнести эти слова, какъ глухой шумъ послышался надъ водою съ той стороны, гдѣ воображеніе могло рисовать и великана и двуголовую собаку и все, что угодно.

Калула вздрогнула, поблѣднѣла. Енфадде также смутился.

Мы всѣ трое стали прислушиваться. Тотъ же звукъ опять повторился, но слабѣе прежняго. Онъ несся уже не отъ туманнаго великана, который почти разсѣялся, а отъ мѣста болѣе отдаленнаго.

— Это долженъ быть пушечный выстрѣлъ съ судна! вскричалъ я.

Ахъ! еслибъ мы были уже на немъ! Калула умѣешь-ли ты плавать? Я не спрашиваю объ этомъ Енфадде, я видѣлъ что онъ плаваетъ, какъ рыба.

— Она плаваетъ не хуже меня, отвѣчалъ Енфадде.

— Скажите, и я готова! вскричала Калула, поднявъ свои руки, и черные глаза ея заблестали.

— Постой минуточку, Калула! Надо прежде знать, куда плыть...

— Туда — къ судну.

— Но вѣдь мы еще не увѣрены, что это точно судно. Пусть прежде туманъ совсѣмъ разсѣется. На половинѣ пути можетъ подняться вѣтеръ, и мы очутимся среди атлантическаго океана! подожди немного.

Въ это время легкій вѣтерокъ зарыбилъ воду; въ одно мгновеніе остальной туманъ разсѣялся, и передъ нами явился бригъ подъ всеми парусами. Это былъ тотъ самый бригъ, который вчера гнался за нами. Видно онъ опять готовился за то же приняться, но у него не выросло новыхъ крыльевъ, и потому трудъ былъ напрасный. Ель-Бонито опять сталъ уходить. Чрезъ полчаса мы удались отъ брига на полмили. Монтесъ, управляя парусами, ходилъ взадъ и впередъ съ самодовольнымъ видомъ, и всякій разъ, какъ со мной встрѣчался, хмурилъ брови и ворчалъ про себя. Хотя я пренебрегалъ этимъ, но неприятно было всегда ожидать внезапнаго выстрѣла, или ножа сзади. Развязка приходила къ концу...

Енфадде и я стояли на палубѣ надъ нашей каютой и смотрѣли на бригъ, который тщетно за нами гнался. Калула стояла за нами. Монтесъ также пришелъ на корму. Калула, вѣроятно, желая постороиться — ненарочно его толкнула. Въ ту же секунду, бѣдная дѣвушка застонала и упала на палубу. Однимъ скачкомъ я былъ надъ Монтесомъ, онъ выхватилъ ножъ, но я не далъ ему времени обнажить его; — ударивъ сильно кулакомъ между глазами, и повторивъ еще разъ ударъ, я заставилъ полетѣть Монтеса къ бизань-мачтѣ, гдѣ нѣсколько секундъ онъ лежалъ какъ ошеломленный.

Между-тѣмъ Енфадде поднялъ сестру, которую бездѣльникъ сильнымъ ударомъ въ грудь почти лишилъ чувствъ; она пришла однакожъ въ себя. Монтесъ также всталъ на ноги; съ ножомъ въ рукахъ, съ окровавленнымъ лицомъ, съ сверкающими отъ бѣшенства глазами, — это былъ олицетворенный демонъ! Пистолеты мои остались въ каютѣ, и мнѣ нечѣмъ было защищаться противъ убійственнаго оружія, которымъ такъ хорошо умѣютъ владѣть испанцы.

Хладнокровіе, ловкость, сила — были единственными моими средствами.

Монтесъ приближался ко мнѣ ползкомъ, держа ножъ опущеннымъ къ низу. Я не могъ медлить: бросившись на него, я ударилъ его лѣвою рукою, а онъ, поднявъ свою руку, чтобъ отвести ударъ, нанесъ мнѣ ножемъ рану въ плечо, по счастью не очень глубоко. Съ быстротою молніи, я удержалъ его ножъ правою рукою, а лѣвою обвилъ его шею и ударивъ ногой — бросилъ его на палубу и сѣмъ на него повалился придавивъ его всею тяжестью моего тѣла; остріе ножа воткнулось въ палубу и мнѣ удалось отбросить ножъ дальше.

По счастью мы находились одни на кормѣ съ Калулою и Енфадде; все это случилось скорѣе, нежели можно рассказать.

На шумъ сбѣжались офицеры и матросы, кричали, размахивали руками, по обычаю испанцевъ. Двое, или трое бросились вмѣстѣ на трапъ и мѣшали другъ другу войти, подтверждая справедливость пословицы: «спѣши медленно». Одинъ или двое заносили уже ногу на палубу. Дождаться общаго нападенія—значило навѣрное погибнуть...

— Въ воду! въ воду! закричалъ я Енфадде и сестрѣ его. Бросайтесь за бортъ, я за вами слѣдую...

Съ необыкновеннымъ усиліемъ старался я вырваться изъ рукъ Монтеса, но бездѣльникъ тоже былъ силенъ, — схвативъ меня за волосы и горло, онъ, какъ алчный тигръ, не выпускалъ своей добычи.

— Пусти меня! вкричалъ я, поднявъ его на воздухъ. Силы мои, при неминуемой опасности, казалось, удесетерились. Не пускаешь, ну такъ полетимъ вмѣстѣ...

И я сдержалъ мое слово: несмотря на то, что двадцать рукъ протянулись удержать насъ.

Далеко ушли мы въ глубь океана прежде чѣмъ выпустили другъ друга...

Когда я вышелъ на поверхность воды, то прежде всего увидѣлъ Енфадде и сестру его, плывущихъ какъ тритонъ и nereida въ пѣнящейся струѣ позади Бонито. Въ это время судно наше бѣжало болѣе десяти узловъ* въ часъ, стараясь уйти отъ англійскаго крейсера. El secundo capitán оставленъ былъ на произволъ судьбы; признаюсь, въ настоящихъ обстоятельствахъ, я о немъ и не думалъ. Впрочемъ Монтесъ умѣлъ хорошо плавать. Черезъ десять минутъ мы были уже на спасительномъ бригѣ...

* То-есть итальянскихъ миль. Такая миля равняется $1\frac{3}{4}$ версты.

V.

Заливъ, надъ которымъ построенъ городъ Сиерра-Леоне, имѣеть въ длину двадцать миль, а ширина его измѣняется отъ десяти миль между Леопардовымъ островомъ къ сѣверу и мысомъ Сиерра-Леоне къ югу до четырехъ миль у острова Томбо, гдѣ заливъ оканчивается. Мѣстоположеніе разнообразное, чудесное. Городъ расположенъ уступами, и своими бѣлыми домиками и роскошными садами напоминаетъ востокъ. Далѣе, на опушкѣ лѣсовъ виднѣются европейскія виллы, съ терасами и галереями, закрытыми зелеными рѣшетками, гдѣ можно отдыхать и прохаживаться, при полусвѣтѣ и прохладѣ, во-время дневнаго зноя. Путешественникъ, восхищаясь въ первый разъ очаровательными видами вокругъ прозрачной пелены водъ, чуть колеблемой тихимъ вѣтромъ, смотря на этотъ мирный берегъ, на амфитеатръ горъ, перерѣзанныхъ долинами и глубокими оврагами и покрытыхъ вѣковыми лѣсами, весьма далеко отъ мысли, что подъ этими картинами могутъ таиться смертельныя болѣзни. Природа такъ могуча въ Сиерра-Леоне, что во-время періодическихъ дождей самыя дороги покрываются роскошнымъ ковромъ зелени. Отъ разложенія потомъ испорченной растительности зараждаются въ воздухъ миазмы, столь губельныя для непривычнаго къ нимъ европейца.

Большую часть народонаселенія города Фритоуна составляютъ освобожденные африканцы, отнятые у испанцевъ, занимающихся торгомъ негровъ. Бѣлыхъ несравненно менѣе; ихъ считаютъ всего человекъ до ста; они бѣльшую частію должностныя лица. Всякій день возобновлялись мнѣ предложенія услугъ, приглашенія на завтракъ и ужинъ. У меня было переводное письмо въ сто пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ на Ливерпуль, которое, по счастію, сохранилось при мнѣ, когда я оставилъ невольническое судно, и комиссаріатъ, безъ затрудненія, выдалъ мнѣ по этому письму наличныя деньги.

Я не буду описывать подробностей прѣбыванія моего въ Сиерра-Леоне. Мысль оставить родину и слѣдовать за Калую и Енфадде, не разъ приходила мнѣ въ голову, но американская гордость заставляла меня отказать отъ нея, и была сильнѣе раждающей любви къ молодой дѣвушкѣ. Положимъ, что, преодолевъ всѣ трудности, намъ и удалось-бы достигнуть до Фрамацугды, и отецъ Калулы согласился бы назвать меня зятемъ, но для гражданина Соединенныхъ Штатовъ подобный бракъ я считалъ все еще неравнымъ. Думаю, что многіе назовутъ это глупостію, — согласенъ. При томъ я долженъ еще признаться, что стремленіе къ неизвѣстному соблазняло меня болѣе всякаго другаго чувства. Безъ сомнѣнія, путешествіе было-бы и длинно и опасно, но вѣдь и дру-

иге проникали во внутренность Африки. Я читалъ путешествія Денмана, Клапертона, Ленга и другихъ. Эти отважные странствователи признавались, что достигнувъ внутренности Африки, встрѣчали менѣ затрудненій, нежели при началѣ путешествія; по-крайней-мѣрѣ, тамъ не терпѣли они отъ соперничества европейцевъ, и отъ дѣйствія климата, столь гибельнаго для вновь вступающихъ на африканскій берегъ.

Енфадде и его сестра, казалось, страдали тоскою по родинѣ. Особенно Енфадде не колебался предпринять путешествіе, взявъ одну только предосторожность, и именно, вычернивъ хорошенько себя и сестру свою сокомъ однихъ орѣховъ, содержащихъ въ себѣ красильное вещество.

Мы по цѣлымъ часамъ сидѣли съ Енфадде надъ картою Африки, которую онъ научился хорошо понимать. Частыя сношенія съ купцами Мадингоса доставили намъ много полезныхъ свѣдѣній. Караванъ ихъ долженъ былъ вскорѣ отправиться въ Бамбару. Положено было, чтобъ Енфадде и сестра его прошли съ ними первую и опаснѣйшую часть дороги, чрезъ землю Тиммане. Енфадде долженъ былъ назваться торговцемъ; для этого я купилъ ему разныхъ товаровъ, состоящихъ болѣе всего изъ мелкаго стекла, зеркальцевъ, коралловыхъ вещицъ, золотого позумента, ножииковъ и проч.; оба снабжены были всемъ какъ слѣдуетъ. Я далъ Енфадде охотничій ножъ, пару двухствольныхъ пистолетовъ и карманный компасъ. Калула получила маленькую зрительную трубу и зажигательный приборъ отличнаго устройства. Труба могла во-время открыть опасность, а зажигательный снарядъ могъ служить надежнымъ талисманомъ противъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ. Я присоединилъ къ своимъ любимцамъ, въ качествѣ спутника и помощника, одного земляка ихъ Коолла, привезеннаго за годъ въ Сиерра-Леоне съ одного невольническаго судна, взятаго въ плѣнъ. Коолла приобрѣлъ репутацію честнаго и ловкаго малаго, и получивъ свободу, наживалъ деньги; онъ однакожъ предпочелъ возвратиться на свою далекую родину. Я купилъ еще ружье, чтобъ оберегать Калулу отъ всякаго рода непріятелей. Енфадде хвалился, что будетъ дѣлать съ нимъ чудеса.

Почему-бы и мнѣ не идти съ этимъ караваномъ, спрашивала меня Калула. На этотъ вопросъ трудно было удовлетворительно отвѣчать. Я ссылался на дурное здоровье мое, на остатки проклятой лихорадки, которую схватилъ на Конго и которая еще имѣла вліяніе на мои умственные и физическія силы. Дѣйствительно, я могъ поправиться только въ климатѣ, соответствующемъ родному, и теперь именно одно судно готово было отправиться въ Ливерпуль. Я взялъ на немъ уже и мѣсто для себя, но боялся прежде говорить, и только теперь сказалъ ей объ этомъ. Калула не произнесла ни слова; ни одного вздоха не вырвалось

изъ груди ея, ни одной слезы не упало изъ потускившихъ глазъ, но губы ея дрожали, щеки блѣднѣли — все показывало въ ней величайшее волненіе. Она хотѣла превозмочь себя и принять прежнее положеніе, но это было одно судорожное усиліе; я едва успѣлъ ее поддержать. Бережно положилъ я ее на траву подъ пальмовое дерево и сталъ на колѣно. Она не лишилась совсѣмъ чувствъ, но лучше было бы еслибъ лишилась. Я звалъ Енфадде, но онъ былъ далеко отъ насъ; звалъ негрятянокъ, черпавшихъ воду, онѣ не обращали вниманія на мой крикъ. Я приподнялъ голову Калулы, оборотилъ ея лицо противъ морскаго вѣтра, — и страшась все за нее болѣе и болѣе... я взялъ ее въ объятія, прижалъ къ сердцу, и на блѣдныхъ ея устахъ напечатлѣлъ чистый поцѣлуй, какъ бы она была моею сестрою.

Милая дѣвушка, пока я на нее смотрѣлъ, разцвѣтала какъ свѣжій цвѣтокъ. Она, казалось, понимала, какое дѣйствіе производила на меня ея красота. Закрывъ руками лицо свое, она залилась слезами, но эти слезы, какъ дождевыя капли во-время бури предвѣщали тишину. Пусть плачетъ она, думалъ я: цвѣтокъ, склоненный ночью рососою, выпрямляется когда вѣтерокъ свѣтетъ капли — и стебель его спасенъ.

Наконецъ, она подняла голову. Я сказалъ — Калула, такъ ты меня любишь?

— Больше всего на свѣтѣ!

— И я люблю тебя, Калула, какъ любилъ мою мать, какъ могъ-бы любить сестру, еслибъ она у меня была. Въ-самомъ-дѣлѣ, не знаю — чувствовалъ-ли я въ эту минуту къ ней болѣе, чѣмъ братскую любовь, или питалъ болѣе чѣмъ живѣйшее состраданіе. Но если я и былъ влюбленъ, то это въ ея непорочность. Когда я съ ней разговаривалъ, мнѣ казалось, что я слышу родные звуки моей матери, приносимые мнѣ вѣтромъ съ океана; они шептали мнѣ: сынъ мой! ты поступилъ благородно.

— Я ваша невольница, говорила Калула, я всюду за вами послѣдую; ваша земля, будетъ моею землею.

— Невозможно, Калула, я не приму отъ тебя такого пожертвованія. Ты не можешь оставить своего брата, не можешь забыть отца, царя вашей земли; онъ плачетъ о тебѣ, тебя ждетъ счастливая будущность!

— Такъ идите съ нами.

— Придетъ время Калула, и мы опять увидимся.

— Почимаю, вы не любите меня!

— Можешь ли ты думать, что я говорю неправду!

— Скажите, что любите меня, тогда я повѣрю.

— Развѣ я не говорилъ, Калула, что люблю тебя; но у всякаго своя судьба. Хоть мнѣ и трудно, но мы должны разстаться.

— Какъ, неужели навсегда?

— Нѣтъ, если Богъ сохранитъ меня, я приѣду къ вамъ въ Францаугду.

— Приѣдете?

— Прежде двухъ лѣтъ, клянусь тебѣ.

— Вѣрю и буду васъ ждать. Ваша невольница должна васъ слушать. Дважды я увижу, какъ будутъ распускаться и падать листья на миндальномъ деревѣ; но въ третій разъ, если вы не придете, листья этого дерева упадутъ намою могилу.

— Итъ, Калула, въ третій разъ мы будемъ съ тобою рвать плоды съ этого дерева. Тебѣ не долго ждать меня. Я возвращусь въ Европу, и вѣрно скоро тамъ соскучусь. Кто знаетъ, можетъ-быть одинъ только разъ увидишь ты въ цвѣту миндальное дерево прежде приѣзда моего въ Францаугду другою дорогою. Но теперь сопровождать васъ значило-бы увеличить вашу опасность. Намъ должно разстаться чтобъ послѣ опять увидиться.

— Прощайте, нашъ избавитель!

— Прощай, Калула, до скорого свиданья!

Говоря это, думалъ-ли я, что слова мои такъ скоро сбудутся!...

ПО ОЧЕРЕДИ.

РАЗСКАЗЪ АРМАНА БАРТЭ. *

Оканчивая въ Парижѣ свои серьезныя изученія для пріобрѣтенія званія адвоката, Эдуардъ Раншо, въ одно прекрасное утро, вспомнилъ, что наступили каникулы, и рѣшился отправиться въ Туръ, къ своей матери.

Эдуардъ — единственный сынъ мадамъ Раншо, любящей его до безумія, и владѣтель состоянія почти огромнаго. Пользуясь этимъ двойнымъ преимуществомъ, онъ слѣпо повиновался малѣйшимъ своимъ прихотямъ. И жилъ онъ по своему, мало заботясь о ближнемъ, а много о самомъ себѣ,—и тратя безъ разчета доходы и молодыя силы.

Но вотъ онъ въ Турѣ, — проводитъ дни на охотѣ, въ прогулкахъ верхомъ, а по вечерамъ, выставляетъ на показъ обществу свои глядцовитыя перчатки, лакированныя сапоги и галстучные банты. Не будучи Антиномомъ, Эдуардъ однакожъ могъ нравиться. Выразительная фізіономія, одушевленная болтовня и прекрасные зубы, — не говоря уже о его богатствѣ,—привлекали усердные лорнеты маменекъ, ради пользы ихъ дочекъ, и огненные глазки дочекъ, для ихъ собственной пользы. На всѣ эти выходки Эдуардъ отвѣчалъ шутками, милыми остротами, что придавало ему особенный шикъ, и дѣлало его совершенно моднымъ человѣкомъ, или, вѣрнѣе, львомъ общества.

Мать его, какъ и многія старушки матери, вѣря, что бракъ слѣдуетъ совершить никакъ не позже назначеннаго срока, торопила сына, умоляла, предоставляя ему на выборъ епискокъ громкихъ именъ и прекрасныхъ лицъ; онъ цѣловалъ ее, клялся ей сдѣлать все возможное, чтобы не умереть холостякомъ, развеселялъ ее забавной шуткой и лов-

* Illustration.

кимъ приустомъ, прощался съ выговорами и наставленіями, и пока М-ме Раншо вязала свивальники, качая въ мечтаніяхъ своихъ внучать, Эдуардъ спѣшилъ къ друзьямъ и съ ними пилъ за независимость холостой жизни.

Въ одно время съ Эдуардомъ и въ той же сферѣ общества жила молоденькая вдова, которая изъ своихъ двадцати восьми лѣтъ убавляла, только шесть, и любя побѣды, слишкомъ употребляла во зло свою красоту и свой умъ, которымъ по милости утонченнаго кокетства, почти нельзя было сопротивляться. Молодую вдову называли Алиною, а по свадебному контракту баронессою де Ришмондъ.

Черезъ двѣ недѣли по приѣздѣ въ Туръ, нашъ герой вечеромъ встрѣтилъ въ гостиной своей матери обольстительную баронессу. Это было первое свиданіе Эдуарда съ ловкою кокеткою.

Эдуардъ слылъ за равнодушнаго, — еще причина растопить ледяное сердце! Хорошенькая вдова во все продолженіе своего визита играла вѣеромъ и сыпала блестками ума, но по общему приговору, была столько же холодна, какъ и ловка, также непреклонна, какъ и кокетлива.

Эдуардъ, пока было можно, отвѣчалъ вѣеру лорнетомъ, а уму эпиграммами.

Они разстались недовольные другъ-другомъ.

Но М-ме де Ришмондъ была упрямая красавица.

Черезъ двѣ недѣли баронесса задѣла за живое Эдуарда; онъ призналъ себя разбитымъ на голову, и ему отвѣтили безумнымъ смѣхомъ; тогда онъ взялъ мѣсто въ дилижансѣ, отправлявшемся въ Парижъ.

Торжествуя, поспѣшилъ онъ объявить эту новость, кому слѣдовало, и съ такимъ довольнымъ видомъ, что М-ме де Ришмондъ, чувствуя, что побѣда ей не дается, была сильно задѣта за свое самолюбіе и стала говорить съ нимъ голосомъ самымъ нѣжнымъ, самымъ грустнымъ, опутывать его такими взглядами, которые, какъ петли невода, распутать было почти невозможно.

— Такъ вы уже бѣжите отъ насъ, М-г Раншо?

— Чтѣ дѣлать! у меня есть серьезныя занятія...

— Нельзя ли другую причину. Эта слишкомъ положительна.

— Притомъ провинція мнѣ надоѣла.

— Понимаю; вы торопитесь возвратиться къ растрепаннымъ увеселеніямъ парижскихъ баловъ.

— Можетъ-быть....

— Наши Туранки будутъ неутѣшны.

— Я знаю одну, которая не станетъ плакать.

— Какъ знать! можетъ-быть, она дольше всѣхъ будетъ вспоми-
нать о васъ.

— Какъ о потерянной игрушкѣ....

— Какъ о миломъ, но немножко смѣломъ человѣкѣ,—это вѣрнѣе.

— Вы льстите намъ обоимъ. Конечно, у меня есть недостатки, но
есть и сердце; а женщины....

— Женщины?...

— Какъ кошки: играютъ мышкой, не разсуждая о ея слезкахъ.

— Довольно странно, что у васъ каждое движеніе сердца же-
нщины непременно перетолковывается въ кокетство.

— Чтò вы хотите этимъ сказать?

— Чтò женщины очень несчастны: каждое ихъ слово, каждый
жестъ переводится у мужчинъ словомъ «комедія». Вы говорите, что
у васъ есть сердце, а у женщинъ, вы полагаете, его нѣтъ? Знайте,
Эдуардъ, что много біеній сердца скрывается и много страданій таится
подъ маской равнодушія.

— Еслибы вы говорили правду!

— Умные мужчины иногда бываютъ очень тупы: они не умѣютъ
отгадывать!

— Гоните меня, Алиса, а то я сойду съ ума. Я не хочу пони-
мать; я боюсь упасть потомъ слишкомъ низко. Все, чтò вы говорите
мнѣ, вашъ голосъ, ваши взгляды...

— Чтò же?...

— Да это надежда.

— Потомъ?

— Это почти признаніе.

— Прощайте, Эдуардъ и вспомните когда-нибудь...

М-ме де Ришмондъ вздохнула; ея глаза казались влажными, она
не отнимала руки, которую Эдуардъ съ жаромъ цѣловалъ.

Въ передней послышались шаги.

— Вотъ некстати, чтобъ ихъ... подумалъ Эдуардъ.

— Уѣдете вы теперь? сказала М-ме де Ришмондъ.

— Можете-ли вы спрашивать объ этомъ?

Эдуардъ вышелъ; онъ искалъ уединенія, чтобы вполнѣ насладиться
воздухомъ и своимъ небеснымъ блаженствомъ; онъ прыгалъ, а не шелъ,
разсуждая самъ съ собою, дѣлалъ странныя восклицанія и еще стран-
нѣйшіе жесты, и возвратясь домой, промокъ до костей отъ дождя; ему
это сказали; онъ самъ и не замѣтилъ этого. Въ упоеніи любви, отстраняя
малѣйшую тѣнь недоувѣрчивости, Эдуардъ съ пресовѣтливымъ доброду-
шіемъ обратился въ послушную жертву самолюбія баронессы. Думая

только о ней, въ тѣ часы, когда онъ ее не видѣлъ, онъ жилъ одинокій, чуждаясь остальнаго общества. Когда его нечаянно встрѣчали и пробовали съ нимъ заговорить, онъ безмысленно смотрѣлъ на предлагавшихъ вопросы. Любовь его, изъ каприза, превратилась въ страсть и дошла до безумія. Что же касается до баронессы, она забывала объ Эдуардѣ, лишь только дверь за нимъ затворялась; одаренная инстинктомъ, который имѣютъ многія женщины, она чувствовала, что герой нашъ отнынѣ принадлежалъ ей исключительно, что онъ сдѣлался ея вещью, что онъ не можетъ жить безъ нея, несмотря на ея возмущающую холодность.

Какое торжество! Вездѣ, гдѣ показывалась баронесса, являлся и Эдуардъ, блѣдный, безпокойный. Его взгляды были такъ настойчивы, его вниманіе ко всему до нея некасавшемуся такъ разсѣяно, что такая любовь могла бы подать поводъ къ толкамъ о М-ше де Ришмондъ, еслибъ она и безъ того не пользовалась репутаціею отчаянной и безжалостной кокетки. Весь городъ болталъ объ этомъ. Сострадали объ Эдуардѣ, жалѣли его, смѣялись надъ нимъ. Молодые дѣвушки жалобно на него посматривали, друзья съ участіемъ пожимали ему руку. Блѣдность его превратилась въ желтизну; его движенія, когда-то быстрыя и живыя, теперь сильно отзывались драматизмомъ. Онъ былъ не только безуменъ, но даже болѣнъ.

Какъ жалкій нашъ герой искалъ случая видѣть баронессу и говорить съ нею, такъ она старалась избѣгать съ нимъ всякаго tête-à-tête.

Домъ ея былъ всегда былъ открытъ для Эдуарда, но онъ никогда не заставалъ ее одну. Она поклонится, улыбнется, броситъ ему нѣсколько словъ, совершенно незначащихъ, и только. Она наслаждалась своимъ торжествомъ и пожирала его, какъ гастрономъ первые трюфели.

Впрочемъ, время отъ времени, она старалась раздуть пламень его сердца, чтобы помѣшать ему угаснуть. М-ше де Ришмондъ дарила Эдуарда упительными взглядами и таинственными полусловами; и все это было такъ ловко распределено: то мимоходомъ, то въ уголку балкона, или въ амбразуру окна,—и вотъ нашъ герой опять на облакахъ!

Иной же разъ, и это чаще случалось, она уничижала его церемонными поклонами и ледяными фразами. Въ такой день Эдуардъ худѣлъ на два дюйма. Мать его стала беспокоиться.

Въ то время, когда нельзя было служить тѣнью баронессы, Эдуардъ запирался въ свой кабинетъ, и смотря по тому, какъ шли его сердечныя дѣла, предавался всякаго рода причудамъ. Въ несчастные дни онъ шагалъ по комнатѣ вдоль и поперекъ, съ трагическими жестами, рвалъ на себѣ волосы, и клялся на всѣ тоны гаммы, отъ самой глубокой ноты

до оглушающаго груднаго ut. Въ хорошія минуты онъ то пѣлъ, то танцевалъ, то становился на колѣна и дѣлалъ страстные объясненія подушкамъ своего дивана, то старался воспроизвести карандашемъ черты своей возлюбленной, что обогащало альбомъ ея прескверными карриатурами. Иногда онъ брался даже за перо, и вдохновляемый любовью, кропалъ стансы, которые могли бы сшибить съ пьедестала даже Статую Вергера.

Въ одно декабрское утро, болѣе обыкновеннаго довольный смѣлыми приемами, въ которыхъ онъ говорилъ ей «ты», онъ чистенько переписалъ, сложилъ свое диковинное произведеніе, и спрятавъ его въ карманъ жилета, скоро нашелъ случай таинственно вынуть его оттуда и передать въ руки баронессы.

Она покраснѣла, какъ вишня, что доставило Эдуарду величайшее удовольствіе, потому—что, въ наивности своей, онъ принялъ смущеніе М-ше де Ришмондъ за невольный голосъ ея нѣжныхъ чувствъ. Въ этотъ день онъ былъ въ припадкѣ довѣрчивости, а влюбленные ничѣмъ не бываютъ въ половину.

На другой день вечеромъ, когда нашъ герой, проведя нѣсколько минутъ у своей жестокой, собрался проститься съ нею, она преспокойно вынула изъ рабочаго ящика сложенную бумажку, и подавая ее съ самымъ надменнымъ видомъ, сказала: Мосье Раншо, вотъ какая—то бумажка, вы ее забыли здѣсь.

Это были его стихи.

Эдуардъ поклонился; слеза скатилась по его щекѣ и жемчужиной остановилась на кончикѣ бѣлокурыхъ усовъ; «прощайте», которое онъ хотѣлъ произнести, замерло въ его горлѣ, заглушенное рыданіемъ.

Онъ вышелъ. Идя безъ цѣли, онъ скоро очутился въ полѣ, въ декабрскій морозъ. Рѣзкій вѣтеръ и быстрая ходьба немножко его остудили; онъ возвратился домой. И какъ онъ мечталъ у огонька! Грустные мечтанья! Его глаза, блуждавшіе безъ цѣли, нечаянно остановились на мѣдныхъ застѣжкахъ, которыя сверкали въ углу комнаты, озаренные пламенемъ камина; нечувствительно мысль послѣдовала за глазами, и онъ узналъ свой маленькій дорожный чемоданъ, забытый въ углу, съ того дня, когда онъ вздумалъ возвратиться въ Парижъ.

Не ѣхать ли мнѣ? спросилъ онъ самъ себя.

Декабрь былъ въ исходѣ; уже четыре мѣсяца жилъ онъ въ провинціи; онъ, Эдуардъ Раншо, когда то столь счастливый, веселый и любимый, проводилъ время вздыхая, плача, худѣя, желтѣя и сочиняя стихи. При этой послѣдней мысли, напоминавшей ему очень недавнюю

неудачу, Эдуардъ векочилъ и взялъ шляпу. Ему осталось испытать последнее средство. Онъ вышелъ.

На городскихъ часахъ было одиннадцать, когда онъ подошелъ къ окнамъ баронессы. Окна были освѣщены, значитъ она дома. Когда звонъ утихъ, онъ зашѣлъ голосомъ тихимъ, но внятнѣмъ, избитую фразу изъ оперы Доницетти:

«За всю мою любовь ты будь хоть благодарна».

которую онъ напѣвалъ иногда подъ балкономъ баронессы, чтобы издали сообщить ей, кто здѣсь и о комъ думаетъ. Случалось раза два, что гардины тихонько поднимались, пропускали цвѣтокъ озябшему трубадуру; но чаще фіоритуры бѣдняка возбуждали только досадное соперничество пѣтуховъ и кошекъ, что составляло самую дикую гармонию, какую только можно себѣ вообразить.

Въ этотъ вечеръ стора не поднималась и вѣтеръ былъ очень рѣзкій, а Эдуардъ былъ разгоряченъ отъ бѣготни по полямъ; холодъ проникнулъ его насквозь и отнялъ голосъ посреди трели, которую Эдуардъ окончилъ самымъ сильнымъ и упрямымъ кашлемъ. Это стало смѣшно; онъ убѣжалъ.

На другой день, въ два часа, не повидавшись съ баронессой, Эдуардъ Раншо помѣстился въ дилижансѣ, унося изъ Тура двѣ засохшія вѣточки жасмина и воспоминаніе, живое и очень тягостное. До самаго Парижа онъ не вымолвилъ словечка, несмотря на попытки сосѣдей заговорить съ нимъ. Бѣдный юноша!

Прошло семь лѣтъ.

Какъ адвокатъ, Эдуардъ назначенъ былъ исправляющимъ должность судьи, сперва въ Монтаржи, потомъ въ Прива, и наконецъ, былъ призванъ въ Туръ, свой родной городъ, исправлять должность королевскаго прокурора.

Въ теченіе этого времени, онъ потерялъ мать, умершую скоропостижно, и уву, безъ внучатъ. Въ первый разъ послѣ отъѣзда, о которомъ мы говорили, онъ снова находился въ странѣ, обитаемой М-те де Ришмондъ. Эдуарду Раншо было лѣтъ тридцать. Прежде молодой, богатый, изъ хорошаго общества, онъ былъ вездѣ отлично принятъ; теперь, когда ко всемъ этимъ достоинствомъ прибавилась зрѣлая опытность и важное званіе, онъ долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе, что и случилось. Цвѣтушій здоровьемъ и выбривъ бороду, какъ слѣдовало, Эдуардъ, обладая удивительнымъ тактомъ, умѣлъ соединить въ своемъ костюмѣ изящество свѣтекаго человѣка со степенностью должностнаго лица. Сверхъ-того онъ былъ еще холостъ; всѣ се-

мейства за него рвались. Но съ лѣтами пріобрѣлъ онъ опытность, которой не достаетъ въ двадцать—три года, и теперь уже не опасался быть проведеннымъ какой—нибудь кокеткой.

Эдуардъ думалъ еще о м—ше де—Ришмондъ, и даже много; есть вещи, которыя не забываются; и потому, не безъ сердечнаго трепета, приказалъ доложить о себѣ въ одинъ изъ пріемныхъ вечеровъ обольстительной баронессы. Онъ не любилъ ее болѣе, но помнилъ,—а это иногда бываетъ хуже.

При видѣ своего стариннаго обожателя, прелестная вдова сначала поблѣднѣла, но скоро оправилась и подарила его однимъ изъ тѣхъ пріемовъ, которыхъ импровизованное краснорѣчіе очень многозначительно. Время, убивающее любовь, иногда ее и раждаетъ. И такъ, покуда нашъ герой дѣлалъ первые опыты въ салонномъ краснорѣчій, м—ше де—Ришмондъ стала перебирать въ памяти все пріемы, жесты и слова прелестнаго молодого человѣка, который когда—то любилъ ее, и подобно г—жѣ Дасье, которая оплакивала смерть Пиндара, погребеннаго за двѣ тысячи лѣтъ, дотога разстрогала добраго Шанеля, что онъ

En la voyant pleurer-pleura,

прелестная Алиса, думая о Эдуардѣ, лучшемъ изъ ея старинныхъ рыцарей, растрогалась,

Et le voyant faimer, fâima.

Пусть другіе разъясняютъ эту загадку. Быть—можетъ, злонамѣренные люди отыщутъ смыслъ ея въ тридцати—пяти годахъ, начинавшихъ тяготѣть надъ головою баронессы. Какъ бы то ни было, Алиса сохранила еще прекрасные волосы, стройную талію, бѣлую и гладкую кожу,—цѣною какихъ косметическихъ пособій, извѣстно было только ея горничной. Но дурнымъ слѣдствіемъ ея тридцати—пяти лѣтъ было то, что изъ остроумной, она сдѣлалась злою, изъ кокетки—жеманницей. Эдуардъ насилу узналъ ее. Несмотря на это, онъ подошелъ къ ней съ непритворнымъ участіемъ, и въ память прошедшей любви, поцаловалъ ея руку; но какъ осторожно!

Въ Турѣ помнили о безразсудной страсти Эдуарда; друзья вздумали было трунить надъ нимъ, но онъ такъ откровенно, такъ отъ души самъ смѣялся надъ собою, что совершенно обезоружилъ насмѣшниковъ.

Между—тѣмъ м—ше де—Ришмондъ, все болѣе и болѣе влюбляясь въ своего Антиноя, употребляла отчаянныя средства (и на этотъ разъ очень серьезно), чтобы опять завлечь въ свои сѣти вѣтрянаго прокурора.

Но всѣ заряды пропадали даромъ. Эдуарду правилась новая роль, въ которой безчеловѣчная тиранка его прошедшихъ лѣтъ давала ему случай приводить ее въ совершенное отчаяніе. Въ-самомъ-дѣлѣ, это было забавно: Эдуардъ когда-то вздумалъ худѣть и желтѣть отъ любви, m-me де-Ришмондъ также видимо старалась терять остатки своей полноты и свѣжести. Вотъ средство побѣдить!

Между-тѣмъ время летѣло, и черезъ два мѣсяца въ лучшемъ обществѣ въ Турѣ только и слышно было о скоромъ бракѣ Эдуарда Раншо, королевскаго прокурора, кандидата въ депутаты и владѣтеля двадцати-пяти тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода, съ m-ле де-Верже Рено, дѣвушкою двадцати лѣтъ, богатою какъ ларчикъ съ брилліантами, хорошенькою какъ майскій цвѣтокъ, и дочерью перваго королевскаго президента.

Новость эта была для m-me де-Ришмондъ страшнымъ ударомъ. Сперва она сомнѣвалась; потомъ, когда дѣло было доказано, она хотѣла забыть неблагодарнаго—и не могла. Съ-тѣхъ-поръ, болѣе разстроенная, чѣмъ когда-нибудь, считая дни и часы, она съ ужасомъ видѣла приближеніе минуты, которая должна была разбить всѣ ея надежды.

Нѣсколько разъ послѣ возвращенія Эдуарда, она его видѣла и говорила съ нимъ, разсчитывая на старую артиллерію своего кокетства, чтобы привязать его къ своей колесницѣ и привести къ какому-нибудь рѣшенію; но съ одной стороны, если минута была удобна, она начинала дрожать такъ сильно, что не могла вымолвить слова, съ другой—Эдуардъ, видя эти маневры и понимая ихъ цѣль, наблюдалъ за собою, и былъ очень радъ отплатить ударомъ за ударъ, отчаяніемъ за отчаяніе.

Такимъ-образомъ, съ различными ощущеніями, достигли они кануна того дня, когда Эдуардъ долженъ былъ вдѣть въ петлицу свадебный букетъ и обновить орденскую ленточку, которую выхлопоталъ ему будущій тесть.

M-me де-Ришмондъ, благоразумно проведя все утро въ слезахъ, вдругъ одумалась и прибѣгла къ рѣшительнымъ мѣрамъ: она написала къ Эдуарду письмо. Потомъ встала, поправила волосы, отерла глаза, примочила ихъ розовой водою и стала ждать.

Она ждала долго, но Эдуардъ не былъ въ этомъ виноватъ. Когда письмо пришло, онъ стоялъ на колѣняхъ передъ невѣстой, примѣравшей убры изъ свадебной корзинки; а эти минуты слишкомъ драгоцѣнны, чтобы терять ихъ. Не будемъ однакожъ извинять его. Возвратясь домой, и узнавъ о посланіи и о томъ, когда принесли его, онъ улыбнулся съ значительной миной, показывавшей ясно, какъ день, что онъ не совсѣмъ недоволенъ помѣхой.

Вотъ что значить разница во времени. Семь лѣтъ тому назадъ, Эдуарду показалось бы, что и полжизни мало отдать за такое посланіе.

Явясъ къ баронессѣ, онъ низко поклонился, съ почтительнымъ видомъ сѣлъ на стулъ, указанный ему жестомъ, и пустилъ въ ходъ обыкновенныя фразы ничего не значащаго разговора. Впрочемъ, герой нашъ нимало не старался увернуться отъ нападенія, которое предвидѣлъ; онъ догадался обо всемъ по молчанію и покраснѣвшимъ глазамъ баронессы.

И такъ онъ постарался уѣсться какъ можно покойнѣе, молчалъ и ждалъ начала непріятельскихъ дѣйствій. Черезъ минуту м-ме де-Ришмондъ заговорила.

— Вы находите, вѣроятно, страннымъ, м-г Раншо, мой немножко смѣлый способъ пригласить васъ...

— Я просто думаю, что вы имѣете что-нибудь важное сообщить мнѣ, и считаю излишнимъ васъ увѣрять, что во всякое время готовъ исполнять ваши приказанія.

« Педурно, подумалъ Эдуардъ, вотъ мой вопросительный знакъ поставленъ.

— Я ничего важнаго не сообщу вамъ, — сказала баронесса съ грустной улыбкой, Мой поступокъ объясняется самъ собою: это капризь больной; мнѣ что-то дурно сегодня, и пришла фантазія васъ видѣть. Вотъ и все: вѣдь не церемонятся же съ друзьями.

— Тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы отгадали чувство, которое мнѣ внушаете...

— Я хотѣла первая поздравить васъ съ бракомъ, о которомъ такъ много говорятъ...

— Наконецъ! подумалъ Эдуардъ.

— Это завтра, если не ошибаюсь, — продолжала М-ме де-Ришмондъ.

— Дѣйствительно завтра.

Разговоръ прекратился. Съ четверть часа былъ слышенъ только трескъ горѣвшихъ углей въ каминѣ. И вдругъ, безъ всякой связи, уносимая потокомъ своихъ воспоминаній, баронесса прервала молчаніе. — Вы помните, Эдуардъ, — сказала она, о вашемъ пребываніи здѣсь, семь лѣтъ тому назадъ.

— Какъ о вчерашнемъ днѣ. Вы были тогда, какъ и теперь, окружены поклонниками.

— Пощадите, Эдуардъ, я васъ умоляю! Я также помню это время, и сожалею о немъ, но не за тѣ успѣхи, о которыхъ вы говорите, а за одно преданное сердце, которое я потеряла по своей собственной винѣ. Расскажите мнѣ это, Эдуардъ; вы знаете эту исторію.

— Право мнѣ трудно, баронесса, говорить вамъ про ребячества, на которыя вы намекаете; мы оба давно ихъ позабыли.

— Вы это называете ребячествомъ, потому-что о немъ позабыли, а я все помню, и называю любовь великимъ страданіемъ. Я буду всю жизнь раскаиваться въ томъ, что не умѣла ее оцѣнить.

— Вы тогда были такъ прелестны, что вамъ было бы трудно отвѣчать любви всѣхъ, кому эти прелести кружили головы, и сочувствовать всѣмъ страданіямъ.

— Перестаньте смѣяться, Эдуардъ, я васъ уже просила объ этомъ. Не отвѣчайте мнѣ, если хотите, но дайте мнѣ смотрѣть на васъ, говорить съ вами. Вы — одна изъ самыхъ обольстительныхъ и вмѣстѣ печальныхъ страницъ моихъ воспоминаній, потому-что она мнѣ напоминаетъ двѣ эпохи моей жизни, очень различныя: вашу любовь и мою, мое торжество и мои слезы. Признайтесь, Эдуардъ, вы меня очень любили?

— Правда, баронесса.

— Опять! вскричала М-ме де-Ришмондъ, съ нетерпѣніемъ: зовите меня Алисой, какъ прежде; требованіе не велико, потому-что вамъ остается только одинъ день принадлежать себѣ; завтра будетъ другое. Постоите, угадайте, что это.

М-ме де-Ришмондъ вынула изъ шкатулки чернаго дерева бережно сложенную бумажку, которую развернула передъ Эдуардомъ. Она заключала въ себѣ нѣчто въ родѣ сухой соломы коричневаго цвѣта, которая, казалось, должна была разлетѣться при малѣйшемъ дуновеніи, и тѣмъ оправдывала заботливость, съ которою ее хранили.

— Не угадываю! сказалъ Эдуардъ, посмотрѣвъ и понюхавъ.

— Это двѣ вѣточки бальзамина, которыя вы мнѣ сорвали на берегу Луары, рискуя утонуть.

— Я не узналъ бы ихъ; теперь ваша очередь: скажите что это?

Эдуардъ вынулъ изъ кармана маленькую коробку, а изъ коробки, прахъ, такого же сорта, какъ и баронессинъ. Должно полагать, что тотъ, кто любитъ, гораздо лучше все помнить, чѣмъ тотъ, кто любилъ, потому-что М-ме де-Ришмондъ сейчасъ вскричала: — это мой жасминъ!

— Да, — сказалъ Эдуардъ.

Послѣдовало молчаніе. Ничто не разиѣживаетъ такъ, какъ воспоминанія; переноса насъ къ другому времени, они сглаживаютъ разстоянія, смѣшиваютъ числа. Себя не помнишь! Эдуардъ нѣсколько минутъ находился въ такомъ состояніи, но порошокъ цвѣтка передъ его глазами напомнилъ ему, по аналогіи, о давно прошедшемъ времени его любви.

Онъ сталъ улыбаться.

М-ше де Ришмондъ, напротивъ, вся предавалась прелести прошлыхъ дней и упивалась воспоминаніемъ: вдругъ, поднявъ голову, глазами, полными слезъ, она увидѣла улыбку Эдуарда... Ея гнѣвъ былъ великъ, потому-что въ одно мгновеніе фізіономія ея измѣнилась, слезы застыли, и съ совершеннымъ спокойствіемъ, она начала разговоръ совершенно другимъ тономъ.

— Ксати, М-г Раншо, какъ зовутъ М-ше де Вержи-Рено.

— Клементиной.

— Прелестное имя! Г-жа Клементина Раншо, урожденная Вержи-Рено! какъ это будетъ мило!

При этой горделивой эпиграммѣ, упавшей со всей высоты ея величія, Эдуардъ не смутился. Баронесса продолжала:

— Да, прелестное имя! Не сочинили ли вы на это имя акростиха?

— Какъ вы сказали?

— Я спрашиваю, не сочинили ли вы стиховъ на это имя?

— Стиховъ?

— Подумаютъ, что я съ вами говорю по китайски. Стиховъ, ну да, стиховъ, развѣ вы уже не пишете стиховъ?

Эдуардъ остолбенѣлъ. Иронія замѣнила чувство; онъ былъ на пути къ поражению.

— Чтѣже, м-г Раншо, вотъ вы и онѣмѣли; чтѣ скажетъ нашъ трибуналъ, великій Боже! королевскій прокуроръ пишетъ стихи, а говорить не умѣетъ.

— Я только разъ въ жизни писалъ стихи.

— Только разъ?

— Надо мной посмѣялись, и прекрасно сдѣлали; я навсегда отказался отъ этого вздора.

— Вотъ женщина, дѣйствительно стоящая осужденія: она и не воображала, какимъ сокровищемъ такъ легкомысленно пренебрегаетъ. Но осторожиѣе, М-г Раншо, вы превращаете въ порошокъ ваши жасмины.

— Тѣмъ хуже; я ихъ принесъ для обогащенія вашего гербарія.

— Благодарю покорно; въ замѣнъ этого у меня есть отрывокъ «Фаворитки», который вы должны принять; знакомая вамъ арія, особенно трель.... трель, которая вамъ можетъ служить темою для музыки на балладу къ лунѣ. М-ше де Вержи-Рено вѣрно играетъ?

— Немного.

Эдуардъ всталъ.

— Позвольте, баронесса, сказалъ онъ, поздравить васъ съ счастливымъ облегченіемъ вашего недуга.

— Благодарю васъ, М-г Раншо, за участіе, которое вы мнѣ оказываете.

— Надѣюсь, что вы окажете намъ честь своимъ присутвіемъ, завтра при церемоніи.

Баронесса поклонилась. Только что вышелъ Эдуардъ, она подбѣжала къ двери, заперла ее на замокъ, бросилась на диванъ, и залилась слезами. Удерживаемыя въ-продолженіе двухъ часовъ, слезы ея сдѣлались жгучими. Этотъ человекъ смѣялся надъ нею, а между-тѣмъ, она его любила, и можетъ-быть, болѣе, чѣмъ кого-нибудь въ жизни.

Она проплакала всю ночь; на зарѣ, убитая усталостью и тоской, она уснула.

Между-тѣмъ, колокола гудѣли, и при веселомъ звонѣ и шумѣ, она проснулась отъ тягостнаго сна, въ который погружена была непрерывными терзаніями. Топотъ лошадей раздавался на улицѣ. М-ме де-Ришмондъ встала, подошла къ окну и подняла стору именно въ ту-минуту, когда проѣзжала карета, въ которой сидѣли молодые, господинъ и *госпожа* Раншо, возвращавшіеся изъ церкви.

Бѣдная баронесса!

ВАТЕРЛОО,

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ.

СТАТЬЯ ЛЕОНА ГОЗЛАНА.

Пять миль отдѣляютъ ватерлооское поле отъ города Брюсселя, гдѣ нужно хлопотать цѣлый день, чтобы достать порядочную карету до Ватерлоо. Къ этому потерянному дню прибавьте день поѣздки, и вы увидите, что въ это время можно два раза съѣздить изъ Брюсселя въ Кельнъ. Путешественникъ соображаетъ это, посматриваетъ въ кошелекъ, вздыхаетъ, и не ѣдетъ въ Ватерлоо. Только англичане и поэты ставятъ воспоминанія выше всѣхъ мелочныхъ расчетовъ.

Мнѣ кое-какъ удалось собрать необходимыя вещи для поѣздки: лошадей, карету и кучера. Мы выѣхали изъ Брюсселя по улицѣ Луизы, гдѣ богатые зданія не уступаютъ великолѣпнѣйшимъ зданіямъ Парижа. На концѣ этой улицы находится огромный паркъ, котораго тѣнь и свѣжесть долго услаждаютъ путешественника. Это паркъ Беріо, мужа пѣвицы Малибранъ! Удаляясь отъ этой массы тѣни и зелени къ soap-скому лѣсу, я съ грустію въ сердцѣ повторялъ стихи Ламартина:

Beauté, génie, amour furent son nom de femme,
Ecrit dans son regard, dans son coeur, dans sa voix;

— Послушайте, сударь, сказалъ мнѣ кучеръ, вдругъ выведя меня изъ задумчивости....

— Что тебѣ?

— Извините, сударь, что я васъ беспокою; но до прїѣзда въ Монъ-Сень-Жанъ, я долженъ предостеречь васъ противъ промышленности особеннаго рода, о которой вы, вѣрно, не слыхивали въ Парижѣ...

— Промышленость, которая неизвѣстна въ Парижѣ! это ужъ слишкомъ.... Ну, посмотримъ, что это за промышленность?...

— Вамъ конечно извѣстно, продолжалъ кучеръ, что послѣ ватерлооскаго сраженія, на мѣстѣ осталось много пуль, много пуговиць, много маленькихъ мѣдныхъ орловъ, осколковъ сабель, штыковъ, и проч..

— Конечно.

— Чтожъ бы вы думали? Въ продолженіе тридцати-четырехъ лѣтъ, здѣшніе жители продаютъ иностранцамъ эти предметы, полуистребленные ржавчиною.

— Мнѣ кажется, однако, что послѣ тридцати-четырехъ лѣтъ ихъ недолжно много оставаться.

— Въ этомъ-то именно и заключается промышленность. Тѣ, которые составили себѣ ремесло изъ продажи этихъ вещей, каждый годъ сѣютъ, на общій счетъ, на пространствѣ нѣсколькихъ лье, тысячи мѣдныхъ пуговиць и возы пуль. Этотъ посѣвъ оставляютъ до лѣта, потому-что зимою путешественники не посѣщаютъ Ватерлоо; но съ наступленіемъ лѣта вырываютъ всѣ эти вещи, которымъ восьмимѣсячное пребываніе въ сырой землѣ даетъ видъ древности, обманывающей самыхъ тонкихъ знатоковъ и возбуждающей восторгъ приверженцовъ великаго императора.

— Но это низкій обманъ!

— Что дѣлать сударь, земля бѣдна. .. да и къ тому же вѣдь это никому зла не дѣлаетъ. Снисходительный кучеръ прибавилъ: въ этотъ годъ, сборъ французскихъ пуговиць былъ недурень.

Мы выѣхали въ соанскій лѣсъ по узкой и закрытой аллеѣ, за которою открылись новые своды зелени; тополи, вязы, платаны, какъ-будто спорили другъ съ другомъ, кто болѣе приблизится къ небу, котораго не было видно. Они возвышаются какъ колонны, въ этомъ храмѣ Друидовъ, куда не проникаютъ лучи солнца. На землѣ, около деревьевъ, лежатъ листья, падавшія въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; они лежатъ слоями; сухіе на сгнившихъ, желтые на зеленыхъ; густой зеленый мохъ обвиваетъ деревья, какъ бы предохраняя ихъ отъ холода, который даже 18 іюня былъ довольно чувствителенъ. Несмотря на суконное платье и шинель, я дрожалъ отъ стужи, какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Было девять часовъ утра, и ночной туманъ еще не совершенно разсѣялся. Среди этой дикой и бѣдной природы, я не слышалъ ни малѣйшаго шума, ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Въ-продолженіе двухъ-часоваго перехода подъ древесными сводами, ни одинъ крикъ птицы не привлекъ моего

вниманія, не облегчилъ свинца, лежавшаго на сердцѣ. Лѣсъ безъ птицъ, — какъ-будто съ страшнаго дня Ватерлоо онѣ улетѣли, отъ грома канонады, чтобы болѣе не возвращаться. О, какъ печаленъ прекрасный сонанскій лѣсъ! Стотысячная армія должна была положить тамъ свои кости!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, — сказала я кучеру, чтобы перемѣнить свои мысли, — есть мошенники, пользующіеся легковѣріемъ людей, посѣщающихъ Ватерлоо?

— Ахъ, сударь, я еще рассказалъ вамъ не все ихъ плутни. Все рассказать трудно; позвольте... вотъ чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Однажды я везъ изъ Ватерлоо въ Брюссель французскаго художника и прусскаго офицера. Пруссакъ держалъ на колѣнахъ какую-то вещь, бережно завернутую въ платокъ. На половинѣ дороги, онъ говорилъ французу: «Везете-ли вы что-нибудь на память съ Ватерлоо?» Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я могъ однако сдѣлать довольно оригинальное приобрѣтеніе, но съ меня дорого просили.... сто франковъ.... Кромѣ-того, затруднительно было везти эту вещь.... А вещь любопытная!...

— Что жъ это было?

— Не сердитесь, если я скажу вамъ, отвѣчалъ французъ: это черепъ прусскаго полковника, великолѣпный, удивительный черепъ, тѣмъ болѣе, что онъ пробитъ тремя пулями, пулями Ватерлоо! одна по срединѣ лба, двѣ другія въ вискахъ. Признаюсь, чтомнѣ очень хотѣлось сдѣлать себѣ лампу изъ черепа прусскаго полковника, убитаго французами. Пришлось, однакожъ, отказаться отъ такой прихоти. А вы?... продолжалъ онъ.

— Я, отвѣчалъ пруссакъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, приподнимая вещь, лежавшую въ платкѣ у него на колѣняхъ, я... Но, прервалъ онъ, меня удивляетъ необыкновенное сходство вашего рассказа съ тѣмъ, что со мной случилось....

— Какъ!

— Да.

— Говорите!

— Мнѣ удивительно.... это, въ-самомъ-дѣлѣ, странно.... Сегодня поутру я купилъ черепъ французскаго полковника, также убитаго подъ Ватерлоо.

— И вы также!

— И я также, продолжалъ пруссакъ, хотѣлъ сдѣлать изъ него чашу и пить за здоровье Блюхера, каждый годъ, въ день нашей побѣды.

— И черепъ пробитъ тремя пулями?

— Не помню навѣрно.... но мнѣ кажется....

— Посмотримъ, посмотримъ, съ живостью прервалъ французъ, и

угадывая, что пруссакъ держалъ на колѣнахъ ничто-пное, какъ черепъ, вынулъ его изъ платка, и сталъ разсматривать. Черепъ, дѣйствительно, былъ пробитъ тремя пулями, или чѣмъ-то другимъ. Пруссакъ сконфузился; французъ хохоталъ во все горло. Это была таже самая голова, которую ему предлагали купить; тотъ же черепъ, который былъ французскимъ для пруссака и англичанина, и прусскимъ, или англійскимъ для француза. Согласитесь, что это хуже, чѣмъ продавать поддѣльныя пуговицы французскихъ войскъ, прибавилъ мой автомедовъ: торговать черепами мнимыхъ полковниковъ, убитыхъ подъ Ватерлоо!

Наконецъ, постепенно подвигаясь впередъ, мы оставили за собою большую часть лѣса, вскорѣ солнечные лучи проникли сквозь деревья, свѣжій вѣтеръ прямо пахнулъ мнѣ въ лицо, и съ правой стороны открылось поле. *Вотъ Львиная гора, вотъ она!* вскричалъ мой кучеръ съ радостію, которую онъ, конечно, возобновлялъ при каждой поѣздкѣ. Казалось, что подобно мнѣ, онъ видѣлъ ее въ первый разъ, съ тою разницею, что онъ видѣлъ, а еще ничего не видалъ. Я долженъ былъ остановить лошадей, велѣть ему описать мнѣ мѣстность подробнѣе, потому что ничего не видѣлъ на горизонтѣ. Съ помощію его указаній, мнѣ удалось наконецъ отличить гору и на ней металлическаго льва, — этотъ колоссальный памятникъ, поставленный нашими врагами, въ память нашей славной гибели.

Не стану никому напоминать, что 18 іюня есть день знаменитой битвы. Я нарочно избралъ этотъ день для поѣздки въ Монъ-Сень-Жанъ, въ надеждѣ встрѣтить на дорогѣ множество ветерановъ великой арміи. Такъ велика была эта армія, что, мнѣ кажется, до конца вѣковъ не исчезнуть ея остатки. На дорогѣ никого не было видно, на той самой дорогѣ, по которой англичане, 18 іюня 1815 года, два раза бѣжали, чтобы скрыться въ Брюсселѣ, и по которой, въ тотъ-же день пошли назадъ, удивленные своею побѣдою. Никого на этой дорогѣ! Только далеко впереди насъ ѣхала карета къ Ватерлоо. — Держу пари, что это англичанинъ, сказалъ мой кучеръ. — Держу пари, что французъ, отвѣчалъ я изъ патріотизма. — Угодно три франка. — Держу — Подстрекаемый самолюбіемъ хозяина, лошади побѣжали шибче; вскорѣ я опять увидѣлъ льва, и ясно отличилъ печальный, красноватый куполъ ватерлооской церкви. Мы ѣхали въ галопъ, чтобы скорѣе догнать карету, какъ вдругъ дикіе крики раздались съ обѣихъ сторонъ дороги, изъ глубины лѣса. Стая голодныхъ журавлей никогда не испускала подобныхъ криковъ. Вскорѣ явились и журавли въ видѣ дюжины мальчишекъ, почти совершенно нагихъ; ихъ единственная одежда, рубашка, довольно неблагопрістойно противорѣчила людямъ, которые думаютъ,

что въ Бельгiи дешево полотно. Они бросались подъ лошадей и почти подъ колеса, жадно требуя милостыни. Ничто не въ состоянiи отогнать ихъ. Вы удвоиваете, утроиваете скорость лошадей, пыль поднимается, упадаетъ, — они все около васъ!

Мы скоро догнали карету, гдѣ, по мнѣнiю моего кучера, долженъ былъ сидѣть англичанинъ, а по моему мнѣнiю—французъ. По справедливости, мы проиграли оба. Въ каретѣ сидѣла дама; но какъ дама эта была англичанка, то я согласился счесть свое пари проиграннымъ. Она ѣхала одна, и по готовности ея вступить въ разговоръ, видно было, что она скучала. Она мало говорила по французски, но совершенно меня понимала; я мало говорю по англiйски, но кое-какъ угадываю. Такимъ образомъ, говоря каждый своимъ языкомъ, мы могли понимать другъ друга.

— Вы ѣдете въ Ватерлоо? спросила Англичанка.

— Куда-же ѣхать по этой дорогѣ, какъ не въ Ватерлоо!

— Какъ вы думаете, найду ли я завтракъ въ Монъ-Сенъ-Жанъ?

— Я увѣренъ, сударыня, что вездѣ можно найти и завтракъ, и обѣдъ, и шампанское, не будучи слишкомъ разборчивымъ.

— Вы меня успокоиваете.

Моя спутница осмотрѣлась кругомъ, и испустила глубокой вздохъ. Мы выѣзжали на огромное поле, гдѣ сосредоточилась битва 18 iюня, и гдѣ она кончилась.

— Вы вѣрно ѣдете оплакивать близкую потерю, о которой воспоминанiе...

— Нѣтъ, сударыня; у меня нѣтъ ни этого горя, ни этой славы.

— Бѣдный Вильямъ, сказала англичанка, поднося платокъ къ глазамъ.

Вильямъ былъ, вѣроятно, отецъ, или мужъ этой почтенной дамы, подумалъ я.

— Такъ вы думаете, сударь, продолжала она, что мы найдемъ чай, молоко и масло въ Ватерлоо?

— Безъ сомнѣнiя, сударыня, и даже яичницу.

Прошло нѣсколько минутъ, за которымъ послѣдовалъ новый вздохъ англичанки, и новое восклицанiе, съ платкомъ у глазъ: — Мой бѣдный Джемсъ!

Я ошибся, подумалъ я. Она оплакиваетъ не отца; а по лѣтамъ она могла имѣть двухъ мужей... Конечно, но обоихъ мужей не могли же убить подъ Ватерлоо...

— Я привыкла, продолжала моя загадочная англичанка, заказывать къ завтраку что-нибудь положительнаго яичницы.

— Бифтексъ, напрімѣръ?

— Именно.

— Такъ у насъ будетъ непременно бифтексъ.

Мы подъѣзжали къ шоссе, идущему отъ Монъ-Сенъ-Жана къ Ватерлоо, когда моя спутница вздохнула въ третій разъ, сказавъ:—Мой бѣдный Томъ!

— Послушайте, сударыня, вскричалъ я съ живостью, тотчасъ же получившею показаніе: неужели вы потеряли трехъ?..

— Я потеряла восьмерыхъ братьевъ подъ Ватерлоо.

— Восьмерыхъ братьевъ!

— Въ одинъ день и почти въ одинъ часъ... Это удивляетъ васъ, человѣка, родившагося въ странѣ, гдѣ скоро вовсе не будетъ дѣтей; знайте же, что въ Англіи многія семейства потеряли подъ Ватерлоо по восьми сыновей, а изъ Ирландцовъ пало здѣсь по двѣнадцати.

— Извините мое удивленіе, сударыня; я вполнѣ раздѣляю вашу горе. Вы исполняете благородную обязанность...

— По неволѣ, отвѣчала она.

— Какъ, по неволѣ?

— По завѣщанію моего отца; я съ тѣмъ условіемъ должна была получить все наслѣдство послѣ братьевъ, чтобы каждый годъ прѣзжать сюда плакать на ихъ могилѣ.

— Такъ вы знаете, гдѣ ихъ могила?

— Нѣтъ; я плачу вездѣ понемногу.

Мы выѣхали наконецъ на женнаискую дорогу, соединяющую Ватерлоо съ Монъ-Сенъ-Жаномъ. Состоя подъ вѣдѣніемъ одного бургомистра, эти двѣ деревушки лежатъ довольно далеко одна отъ другой. Онѣ ничѣмъ не отличаются отъ бѣдныхъ французскихъ деревень, кромѣ необыкновенной чистоты домовъ. На фронтонѣ ватерлооской церкви есть надпись, изъ которой вы узнаете, что маркизь де Гастанага, правитель Нидерландовъ при испанскомъ королѣ Карлѣ II, положилъ первый камень, въ 1690 году. Сраженіе, которое англичане назвали по имени этой деревушки, *Ватерлоо*, долго называлось во Франціи сраженіемъ при *Монъ-Сенъ-Жанъ*, а въ Пруссіи—при *Бель-Алльансъ*. Каждое изъ этихъ именъ имѣетъ свое основаніе: французы занимали Монъ-Сенъ-Жанъ, англичане стояли на противоположномъ скатѣ, спиною къ Ватерлоо, а пруссаки, къ концу сраженія, отошли къ фермѣ Бель-Алльансъ, гдѣ Блюхеръ и Веллингтонъ встрѣтились послѣ побѣды. Имена, которыя назадъ тому сорокъ лѣтъ означали бѣдныя фермы, заброшенные въ лѣсахъ и грязи, сдѣлались громкими именами. Ватерлоо, Монъ-Сенъ-Жанъ, Бель-Алльансъ, Катръ-Бра, Камлю, всѣ эти фермы

гдѣ дѣлали масло, замѣнили Вавилонъ, Тиръ, Мемфисъ, Карфагенъ въ скрижаляхъ памяти.

При первомъ шагѣ въ Ватерлоо, васъ тотчасъ осаждаютъ проводники. Эти люди сильны, худоцавы, съ яснымъ взглядомъ, военной поступью, но слишкомъ привыкшіе къ одной и той же роли, чтобы разстрогать слушателя. Есть три рода проводниковъ: французскій, англійскій и нѣмецкій. Какъ только является иностранецъ, они тотчасъ опредѣляютъ, какой онъ націи, и проводникъ той же націи присвоиваетъ его себѣ, безъ всякаго спора съ другими. Англійскіе проводники добываютъ гораздо болѣе французскихъ, а французскіе болѣе нѣмецкихъ. Бóльшая часть изъ нихъ помнитъ ватерлооское сраженіе, въ которомъ они были дѣйствующими лицами, не какъ солдаты, но какъ могильщики. Волею или неволею, они, отцы ихъ, матери, братья и сестры, болѣе восьми дней рыли могилы, въ которыя бросили девяносто тысячъ труповъ. Это было не задолго до жатвы; хлѣбъ пропалъ, но на слѣдующее лѣто жатва была великолѣпная.

Мы остановились въ трактирѣ *Монъ-Сенъ-Жанъ*. По деликатности, которая не укрылась ни отъ меня, ни отъ англичанки, трактирщикъ украсилъ стѣны своей залы портретами для всѣхъ и каждаго. Если негодование француза возбудится на минуту, при видѣ картины, представляющей лорда Веллингтона верхомъ, съ бокаломъ шампанскаго, который онъ готовится пить за побѣду, — то онъ тотчасъ же успокоивается при видѣ гравюры, гдѣ Наполеонъ представленъ побѣдителемъ при Ульмѣ. Если, видя это, нѣмецъ будетъ выходить изъ себя, то профиль Блюхера и портретъ принца Оранскаго тотчасъ его успокоятъ. Наконецъ, если чай подаютъ вамъ въ чайникѣ съ золочеными орлами, зато на подносѣ вы видите во весь ростъ портретъ королевы Викторіи.

Читая описаніе сраженій, труднѣе всего бываетъ составить себѣ точную идею о мѣстности, на которой онѣ происходили. Новѣйшіе историки не воображаютъ, что всѣ ихъ описанія сраженій читатель оставляетъ въ сторонѣ. Даже предисловія менѣе наводятъ ужаса. Мнѣ кажется, что самъ я, привыкшій ко всѣмъ мѣстамъ литературы, скорѣе согласился бы очутиться въ самой жаркой схваткѣ подъ Ватерлоо, чѣмъ прочесть еще разъ описаніе этой битвы. Къ счастью, мнѣ нечего здѣсь рассказывать; скажу только, что трактиръ *Монъ-Сенъ-Жанъ* построенъ на мѣстѣ дома, куда, во время сраженія, со всѣхъ сторонъ сыпались ядра и картечи. Случай поставилъ его между французскою и непріятельскою арміями, сдѣлалъ его огненнымъ мостомъ, на которомъ съ восхода до заката солнца былъ только одинъ прохожій — смерть!

Я разспрашивалъ о страшномъ днѣ 18 іюня одного изъ здѣшнихъ

стариковъ, сидѣвшаго возлѣ нашего стола; ему вышибло глазъ картечью, когда онъ выглянулъ съ чердака на сраженіе.—Повѣрите, сударь, въ воздухѣ было столько свинцу, что муху раздавило бы между двумя ядрами, если-бы она осмѣлилась пролетѣть черезъ деревню. Видя, что на чердакѣ плохо, продолжалъ старикъ, я приближалъ сюда, думая найти здѣсь друзей. Не тутъ-то было.... всѣ разбѣжались. Ни души!... Чтó я! Позвольте... была здѣсь женщина, хорошенькая, молоденькая, одѣтая какъ знатная дама. Не понимаю, какъ она сюда попала! Она оставалась здѣсь цѣлый день, опустивъ голову и сложивъ руки на груди. Не правда-ли, это удивительно? — Чтó жъ она говорила? — Ничего; къ тому же я не понимаю по англійски, а она иначе не говорила. По временамъ, она вставала, блѣдная, какъ привидѣніе, и подходила къ окну, взглянуть, не кончилось-ли дѣло. Не тутъ то было! Дождь шелъ ливнемъ: было черно и красно: черно отъ погоды, — красно отъ огня и пламени пушекъ. Около четырехъ часовъ англичане прошли мимо дверей, крича, что все погибло. Я не понималъ ихъ, но это видно было. Тридцать орудій били ихъ въ тылъ, гоня ихъ, какъ испуганныхъ барановъ, въ соанскій лѣсъ. Они падали сотнями на каждомъ шагу; шедшіе сзади переходили черезъ мертвыхъ; ихъ также убивали, и слѣдующіе шли черезъ нихъ. Я видѣлъ до шести рядовъ труповъ, павшихъ скорѣе, чѣмъ я успѣлъ бы выпить стаканъ вина. Маршалъ Ней и три генерала съ тремя колоннами преслѣдовали ихъ. Одинъ только англичанинъ не двинулся, не перемѣнилъ своего положенія, и остался у дерева, мѣсто котораго вамъ покажетъ проводникъ. Это былъ лордъ Веллингтонъ. Онъ стоялъ тамъ утромъ, стоялъ въ полдень, стоялъ вечеромъ. На томъ же мѣстѣ, онъ два раза видѣлъ разбитіе и наконецъ побѣду своей арміи, съ такимъ же волненіемъ, какъ дерево, къ которому онъ прислонялся. Вся его армія съ крикомъ ужаса бѣжала къ Брюсселю, гдѣ бургомистръ приготовилъ уже серебряное блюдо, для поднесенія ключей города императору Наполеону. Но не будемъ удаляться отъ Монъ-Сень-Жава, гдѣ было довольно дѣла. При отступленіи, англичане набросали въ эту залу столько убитыхъ и раненыхъ, что негдѣ было повернуться. Повѣрите ли, что эта женщина поворачивала ихъ на спину и каждому трупу смотрѣла въ глаза! Наконецъ, она должна была уйти въ другую комнату, отъ воды и крови, доходившей до ея колѣнъ. Она прислонилась къ камину, блѣдная какъ смерть. Раненные много кричали, потомъ стали кричать менѣе, и наконецъ совсѣмъ замолчали. Дождь становился слышнѣе, смѣшиваясь съ свистомъ картечи. Черезъ два часа, проклятые красные возвратились назадъ, крича, что еще не все погибло. Они прошли черезъ Монъ-Сень-Жавъ, мимо этого дома,

идя черезъ своихъ мертвыхъ, съ лошадьми и пушками Молодая дама подошла еще разъ къ окну, чтобы взглянуть на нихъ; она была еще блѣднѣе. Когда они прошли, она высунула голову изъ окна, какъ-будто кого-то ожидая. Не было ничего, кромѣ града картечи и потоковъ дождя.—Сударыня, сказалъ я ей: васъ убьютъ, если вы здѣсь останетесь. Она отвѣчала мнѣ: *no, no, no!* Я убѣдился, что она кого-то ждала. Къ ночи, когда все затихло, вошелъ маленькій бѣлокурый офицеръ изъ красныхъ, и четверть часа они не могли вырваться изъ объятий другъ друга. Молодой человѣкъ, съ довольнымъ видомъ много говорилъ ей, но она ничего не говорила, хотя также казалась довольною. Чтѣ-жъ вы думаете? Въ цѣлые два дня, которые они провели въ Монъ-Сень-Жанъ, она не сказала ни слова. Доктора красныхъ полковъ говорили, что у нея отъ ужаса отнялся языкъ, и что только съ первымъ ребенкомъ ей возвратился голосъ.

— Я знаю эту исторію, прервала англичанка, потерявшая восемь братьевъ подъ Ватерлоо: это была леди Пуль, послѣдовавшая изъ любви за своимъ двоюроднымъ братомъ, служившимъ поручикомъ въ корпусѣ генерала Пиктона. Послѣ кампаніи она вышла за него замужъ; у нихъ были дѣти, но къ ней никогда не возвратился даръ слова.—Взглянувъ на часы, и перемѣнивъ тонъ, англичанка прибавила: «Пора ѣхать плакать надъ братьями.» Она встала, я также всталъ, но не счелъ личнымъ вмѣстѣ съ нею идти на Ватерлоо.

У воротъ трактира, вмѣстѣ съ проводниками, насъ ожидали нищіе, и продавцы орловъ и мнимыхъ трофеевъ. Я съ глубокимъ уваженіемъ поклонился орламъ и не покушалъ ихъ. Слѣдуя за проводникомъ, я пошелъ къ Львиной-горѣ, по единственной улицѣ, на концѣ которой стоитъ ферма Монъ-Сень-Жанъ, служившая англичанамъ госпиталемъ во время сраженія.

Мы добрались до конца деревни Монъ-Сень-Жанъ, и вскорѣ были на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило самое жаркое дѣло. Здѣсь два простые памятника воздвигнуты союзными арміями тѣмъ, которые горячо содѣйствовали побѣдѣ и не могли ею насладиться. 18 іюня, страшная баррикада шла поперегъ дороги. Первый памятникъ, съ правой стороны, воздвигнутъ сирѣ Александру Гордону, адъютанту лорда Веллингтона. Это простая гробница изъ синяго камня, съ колонною сверху и рѣшеткою кругомъ. Другой памятникъ имѣетъ видъ пирамиды. Онъ поставленъ офицерами германскихъ легионовъ своимъ ганноверскимъ товарищамъ, славно павшимъ 18 іюня 1815 года.

Недалеко отъ могилы сира Александра Гордона, нѣсколько времени назадъ, еще можно было видѣть дерево, подъ которымъ лордъ Веллинг-

тонь стоялъ во все время сраженія. Два раза, разлученный со своимъ штабомъ, онъ оставался одинъ посреди французской кавалеріи, подъ градомъ пуль, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ. Англійскіе спекуляторы купили это дерево, и отвезя его въ Лондонъ, распродали въ видѣ стульевъ, креселъ и табакерокъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ него до-сихъ-поръ дѣлаютъ мебель, и что его ожидаетъ та же участь, которая постигла трость Вольтера и перо, подписавшее отреченіе въ Фонтенебло. Нельзя не отдать справедливости храбрости англійскихъ солдатъ и мужеству ихъ генерала. Правда, они проиграли ватерлооское сраженіе; они совершенно проиграли бы его безъ Блюхера, но въ нихъ было много энергіи и геройской стойкости. Подъ Ватерлоо было двое побѣжденныхъ: Англичане и Французы, и сначала Англичане. Побѣда произошла отъ того, что пруссаки, которымъ англичане должны оставить часть побѣды, потому-что пруссаки явились совершенно со свѣжими силами, въ то время, какъ французы въ-продолженіе двѣнадцати часовъ истощали свою кровь и силы. Не говорю ничего о томъ, который ушелъ наканунѣ сраженія, и томъ который не пришелъ въ день 18 іюня. Оставимъ этихъ двухъ маршаловъ; ихъ судить Богъ.

Отъ этихъ двухъ памятниковъ недалеко до Львиной-горы; но ея мняемое величіе исчезаетъ съ приближеніемъ къ ея подошвѣ. Громадное дѣлается смѣшнымъ. Вы видите передъ собою гору бельгійской фабрики, поддѣлку натуры. Поднявшись на двѣсти-двадцать-двѣ ступени, вырытыя въ землѣ, вы приходите на вершину. Пьедесталь сдѣланъ изъ вѣчнаго сивяго камня, такъ обыкновеннаго въ Бельгіи; у памятника три ступени, каждая вышиною въ три фута. На этомъ основаніи стоитъ квадратный камень, футовъ въ двадцать вышиною, на вершинѣ котораго красуется огромный левъ. Всѣ эти части нагромождены такъ высоко, что съ платформы видны только голова и хвостъ льва. Онъ не изъ бронзы, какъ писали нѣкоторые путешественники, но изъ бронзированнаго желѣза; лапою онъ упирается на большой шаръ изъ того же металла.

Съ высоты этой платформы, проводники начинаютъ свой рассказъ. Протянувъ руку къ горизонту, они указываютъ мѣста, занятія во-время сраженія разными корпусами; они слѣдятъ по всему полю, гдѣ лѣто покрыло зеленымъ плащомъ совершившіяся здѣсь событія. «Здѣсь въ рошѣ, говорятъ они, палъ, смертельно раненный, генераль Понсонби; тамъ, гдѣ вѣтеръ колышетъ рошъ, Пиктонъ, другой англійскій генераль, былъ убитъ, командуя атакой, сдѣлавшей наибольшій вредъ французамъ. Тамъ, по другую сторону дороги, гдѣ вы видите бѣловатый дымокъ, была отражена императорская гвардія; на скатѣ этого холма былъ раненъ Принцъ Оранскій; тутъ, между сиящими косарями и стадомъ барановъ, герцогъ Вел-

лингтонъ, считая сраженіе въ третій разъ проиграннымъ, построилъ около себя каре. Далѣе, между нивельскою и женнапскою дорогами, видите группу маленькихъ садиковъ? Тамъ была обсерваторія Наполеона; а изъ того лѣса пруссаки, подъ командою генерала Бюлова, атаковали французовъ, бывшихъ подъ начальствомъ графа де-Лобау».

Замѣчено, что путешественники различныхъ націй, не принимавшихъ участія въ ватерлооскомъ сраженіи, отличаются своею симпатіею къ французамъ. Я самъ видѣлъ, какъ одна прехорошенькая американка, поднявшись на маленькихъ ножкахъ, плюнула на несчастнаго льва, и нѣсколько разъ повторила по-испански, махая платкомъ: во имя моей любезной родины, Гаванны, да здравствуетъ Наполеонъ!

Мнѣ очень хотѣлось быть свидѣтелемъ другаго происшествія, о которомъ рассказывали проводники. Два путешественника, англійскій и американскій, вмѣстѣ взшли на Львиную-гору, чтобы взглянуть на обширную панораму сраженія. Одинъ проводникъ взялся рассказывать имъ обоимъ. Онъ начинаетъ свой рассказъ: его слушаютъ; онъ говоритъ совершенно безпристрастно; но въ одномъ мѣстѣ ему пришлось сказать: «здѣсь французы отступили отъ смѣлаго натиска англичанъ». «*Не- правда!*» проворчалъ американецъ; англичанинъ взглядываетъ на него; проводникъ продолжаетъ. Во второй разъ онъ долженъ былъ сказать: «Тамъ, у этого пригорка, французы были сбиты англійскою кавалеріею».

— *Неправда!* повторяетъ упрямый американецъ. Англичанинъ взглядываетъ на него еще разъ и спокойно поправляетъ маншеты; американецъ дѣлаетъ то же. Въ третій разъ, проводникъ упоминаетъ о дѣлѣ, менѣе славномъ для французовъ, чѣмъ для англичанъ; въ третій разъ американецъ кричитъ подъ носъ англичанину: *неправда!* При восьмомъ разѣ, англичанинъ бросается на американца, уже ожидавшаго нападенія, и въ глубокомъ молчаніи они начинаютъ боксировать на пространствѣ двухъ шаговъ, надъ пропастью, въ полтораста футовъ глубиною. Ярость ихъ удваивается вмѣстѣ съ ударами; они ещѣпляются, тащатъ другъ-друга къ краю горы,.... скользятъ, падаютъ, катятся вмѣстѣ... и встаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Вставая, американецъ говоритъ англичанину: *нѣтъ, это неправда!*

Сойдя со Львиной-горы, мнѣ хотѣлось видѣть другія мѣста, не менѣе славныя днемъ 18 іюня; я направилъ шаги къ фермѣ Гэ-Сентъ (Haye-sainte) и замку Гугумонъ (Hougoumont). Въ 1815 году, ферма и замокъ окружены были маленькимъ лѣсомъ, который болѣе не существуетъ. На мѣстѣ его посѣяна рожь и конопель. Смотря на эти прекрасныя поля, покрытыя роскошною зеленью, я долженъ былъ прибѣгнуть къ свидѣтельству книгъ, чтобы убѣдиться, что этотъ клочокъ

земли, между формою и замкомъ, покрытъ былъ наибольшимъ числомъ убитыхъ. Тутъ, въ—продолженіе четырехъ часовъ, ядра и пули били прямо въ лицо англичанъ и французовъ, и къ довершенію убійства, пожаръ обхватилъ замокъ, гдѣ раненыя, побѣдители и побѣжденные, погибли въ пламени. Дождь лился потоками; послѣ полдня, на небѣ видѣнъ былъ черный дымъ, на землѣ кровавое пятно, и остовъ замка, какъ скелетъ возвышавшійся между этими двумя точками. Видно было, что ферму нѣсколько разъ поправляли съ 1815 года. Я взомель на дворъ; утки плавали въ лужѣ; бѣлокурый мальчикъ дразнилъ костью большую черную собаку, которая, увидя меня, начала лаять. Люди, сбѣжавшіеся на этотъ лай, ничего не могли сказать мнѣ о Ватерлоо...

Становилось поздно, и я поспѣшилъ возвратиться въ Монъ-Сень-Жанъ. Тяжелыя тучи висѣли въ воздухѣ, собиралась буря, и я сталъ опасаться, чтобы 18 июня 1849 года не напомнило 18 июня 1815. Однако я благополучно добрался до ближайшей возвышенности отъ фермы Бель-Альянсъ, и на нѣсколько минутъ остановился на этой высотѣ, чтобы представить себѣ движеніе двухъ союзныхъ армій, когда онѣ сошлись послѣ сраженія. Сколько мрачнаго величія было въ этомъ стотысячномъ войскѣ, которое для своего соединенія потеряло болѣе пятидесяти тысячъ, и сближалось, идя лицомъ къ лицу, изувѣченное, изрубленное, окровавленное, покрытое грязью, съ пробитыми барабанами, разорванными знаменами, но великое, потому—что оно побѣдило великую армию!

— Въ Монъ-Сень-Жанъ! закричалъ я проводнику. Черезъ десять минутъ я мчался уже въ Брюссель. А англичанка?.. Я позабылъ спросить, что съ нею сдѣлалось.

ПРОГУЛКА ПО РОССИИ.

ПИСЬМО ИЗЪ АСТРАХАНИ .

IV.

Баль въ Астрахани. — Портреты. — Вліяніе комаровъ на нѣжныя бесѣды — Рѣка Царевъ. — Сады и водопроводы. — Взваръ и плоды. — Степи и зоилы. — Деревья «Черепаха». — Кладбище и эпитафіи. — Театръ. — Переходъ російскихъ войскъ черезъ Балканскія горы. — Скука и общество. — Беззаботность Астраханцевъ. — Находчивость матросовъ. — Особенности города. — Какъ образуются слухи и какое они имѣютъ вліяніе.

Не хотите ли теперь, читатели, вмѣстѣ со мной заглянуть на астраханскій баль стараго времени? Кадриль только-что кончилась; нѣсколько паръ осталось еще на своихъ мѣстахъ, продолжая начатой разговоръ; остальное все поднялось и раздѣлилось на два потока; одинъ направился къ буфету, или въ залу, гдѣ раскинута зеленые столы; другой, составленный, какъ радуга, изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, началъ кружиться по залѣ, изрѣдка выбрасывая изъ себя двѣ или три розовыя волны, которыя съ шумомъ и смѣхомъ бросались въ темныя аллеи сада, чтобы тамъ передать другъ-другу свои впечатлѣнія и замѣчанія, болѣею частію весьма не замѣчательныя. Но вотъ опять завизжалъ смычекъ, и галопъ, подѣ названіемъ *свистушка*, грянулъ въ маленькой комнатѣ, гдѣ помѣщались музыканты, разлился по танцевальной залѣ, быстро пробѣжалъ по всѣмъ дорожкамъ парка, прошумѣлъ въ листьяхъ винограда и сливъ, и медленно умолкъ надъ тихими волнами Кутума.

Въ залѣ засуетились; дѣвочки чинно усѣлись на стульяхъ; въ дверяхъ начали показываться одинъ за другимъ записные танцоры; первый двинулся

* Первые три письма были напечатаны въ сентябрьской и ноябрьской книгахъ «Пантеона» прошлаго года. Напоминаемъ читателямъ, что всѣ описываемыя въ этомъ письмѣ событія взяты авторомъ изъ случайно доставшихся ему записокъ, и относятся къ *дѣламъ давно минувшихъ дней*.

къ дамамъ высокій брюнетъ; съ какой-то самоувѣренностію подошелъ онъ къ дѣвушкѣ, одѣтой въ простое бѣлое платье; уборка изъ пунцовыхъ лентъ пріятно гармонировала съ ея черными, какъ смоль, волосами; живые, быстрые глазки, маленькій, немного вздернутый носикъ и коралловые губки, при чудной свѣжести лица, ставили ее въ главѣ всѣхъ танцующихъ, и лестное названіе королевы бала никогда, можетъ-быть, не было такъ справедливо, какъ въ этомъ случаѣ. Ростъ и талія вполне соответствовали прекрасному лицу дѣвушки. Черезъ минуту первая пара понеслась по несомѣнному гладкому полу. При видѣ этого грознаго кавалера, въ какомъ-то упоеніи бросающагося изъ одного конца залы въ другой, мнѣ живо пришло на память прекрасное стихотвореніе «Дивъ и Пери»; эти два лица индѣйской мифологіи осуществились теперь передо мной. Вслѣдъ за этой парой довольно неловко запрыгала меньшаго роста фракъ; судорожно обхвативши талію своей дамы, онъ всей своей маленькой силой удерживалъ быстрые порывы феи, которая такъ и рвалась впередъ и впередъ, увлекая за собой бѣднаго своего спутника. Только что эта замѣчательная пара кончила кругъ, и кавалеръ не успѣлъ еще поблагодарить свою даму, вѣроятно за то, что его отпустили по-доброму и по-здорову, какъ дама первая обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Не правда ли, я очень хорошо танцую; мнѣ это очень многіе говорятъ; но, знаете, нельзя же вѣрить всему, что говорятъ кавалеры; я ужъ столько разъ слышала комплименты, что мнѣ даже удивительно: неужели вамъ не надоѣло говорить одно и тоже; вотъ напри- мѣръ прошлый разъ... Съ грустью посмотрѣлъ я на несчастную жертву словоохотливой дамы. Не скоро кончатся еще твои мученія, бѣдный труженикъ; тебѣ придется еще цѣлый часъ слушать исторію побѣдъ этой смѣлой дѣвы, которая уже лѣтъ 15 закидываетъ удочку на жениховъ, но до-сихъ-поръ еще ни одинъ изъ нихъ не клюнулъ.

Черезъ минуту галопъ былъ въ самомъ разгарѣ; пары перекрещивали залу по всѣмъ направленіямъ, сталкивались, извинялись, и опять продолжали свое неукротимое плаваніе. Во всей этой массѣ мелькающихъ головъ, плечъ и ногъ нельзя было не замѣтить одну дѣвушку, лѣтъ 14 или 15, которая рѣзко отдѣлялась своей безыскусственной миловидностію отъ болѣе или менѣе поддѣльной красоты другихъ дамъ, наполнявшихъ этотъ небольшой воксалъ; длинные бѣлокурые локоны кокетливо падали каскадомъ на ея полную шейку; дѣтскія глазки съ любовью и довѣрчивостію смотрѣли на все окружающее; ея свѣтлая душа не заглядывала еще въ будущее, и сердце, спокойное своимъ невѣдѣніемъ, еще ровно билось въ груди. Но вотъ галопъ кончился, зала опять пустѣла; все бросилось въ садъ, чтобъ немножко освѣжиться послѣ

этого танца, обязаннаго своимъ изобрѣтеніемъ, вѣроятно, какому-нибудь гишпанцу. Но въ саду ожидало бѣдныхъ и усталыхъ танцорокъ и танцоровъ удовольствіе своего рода: міриады мошекъ и комаровъ бросились съ ожесточеніемъ на разгорѣвшіяся личики и полуоткрытыя плечи красавиць, и съ жадностію пили ихъ розовую кровь. Если бы не было здѣсь этихъ мелкихъ и неукротимыхъ неприятели челоѳческаго рода, отравляющихъ наши лучшія минуты, вечеръ можно было бы назвать очаровательнымъ; но комары, столько надѣлали бѣдъ, что и рассказать нельзя. Вотъ одинъ случай, которому я самъ былъ свидѣтелемъ. Долго я слѣдилъ за одной парой голубковъ, выражаясь аллегорически. Обладая довольно тонкимъ слухомъ, я за пять шаговъ разстоянія слышалъ малѣйшій ихъ шопоть; не стану рассказывать того, что говорилось между ними; скажу только, что молодой челоѳкъ выбралъ именно этотъ вечеръ, чтобъ открыться въ своей страсти владычницѣ своего сердца; дѣло шло повидимому, на ладъ, дѣвушка начала благосклонно слушать восторженные фразы молодого вздыхателя; румянецъ на ея щекахъ ясно доказывалъ ея волненіе, происходящее, вѣроятно, отъ внутренняго удовольствія; но вдругъ, въ самомъ интересномъ мѣстѣ, рыцарь XIX столѣтія схватилъ руку своей Дульциней, говоря нѣжнымъ голосомъ:

— Неужели я буду такъ счастливъ, что скоро буду въ состояніи назвать васъ... Фу! ты проклятый! и съ этимъ словомъ онъ бросилъ мягкую ручку, трепетавшую въ его рукѣ и со всего размаху ударилъ себя по лбу. Это быстрое движеніе заставилъ его произвести комаръ, точно также, какъ и сказать вторую половину фразы. Крылатый разбойникъ, вѣроятно, не обративъ вниманія, чѣмъ былъ занятъ его пациентъ, началъ производить надъ нимъ свою операцію въ самую рѣшительную минуту. Дѣвушка сперва вскрикнула, потомъ разсмѣялась, и какъ уже потомъ селадонъ ни старался поправить дѣло, — удобная минута была пропущена и уже не возвращалась... Вотъ что можетъ сдѣлать одинъ комаръ!

Вокалъ, гдѣ происходилъ этотъ балъ, составляетъ почти единственное загородное гулянье здѣшняго города. Окрестности Астрахани пусты и безжизненны. Одно изъ лучшихъ мѣстъ, и то, впрочемъ, рѣдко посѣщаемое, это такъ называемая деревня «Черепаша, Анютино тожъ» какъ гласитъ надпись на столбѣ, при вѣздѣ.

Но прежде чѣмъ описывать эту единственную деревню на островѣ, гдѣ расположена Астрахань, я долженъ познать читателей съ ближайшими окрестностями этого города. Первое мѣсто въ числѣ загородныхъ прогулокъ занимаетъ рѣка Царевъ, куда я отправился однажды, выбравъ свободный день, утромъ, въ 4 часа, пѣшкомъ, для того,

чтобъ придти на мѣсто до наступленія жаркихъ часовъ. Въ костюмѣ австралійскаго поселенца, съ сумой и ружьемъ, быстро зашагалъ я по направленію къ Царевскому предмѣстью; пройдя Безродную и Тербиловку, (названіе двухъ слободъ) вышелъ я на чистое поле, по которому шла дорога прямо къ пловучему мосту черезъ рѣку Царева, благополучно переправился по животрепещущимъ доскамъ на лѣвый берегъ въ это время довольно широкой рѣки, такъ что петербургская Фонтанка была бы очень незначительна въ сравненіи съ этой въ обыкновенное время весьма маловодной рѣчкой. При впаденіи Царева въ Волгу, на правомъ берегу ея, помѣщается зданіе астраханской таможни, со всеми принадлежащими къ ней пакгаузами и магазинами, и хотя число судовъ, приходящихъ въ здѣшній портъ, не можетъ сравниться съ числомъ судовъ Кронштадта, Риги, или Ревеля, но все-таки бываютъ года, когда до сотни вымпеловъ стоятъ въ устьѣ Царева и на самой Волгѣ.

За Царевымъ мѣстность немного измѣняется, и принимаетъ характеръ болѣе веселый. Весь лѣвый берегъ рѣки покрытъ садами, болѣею частію фруктовыми, и огромными бакчами. Тропинка, идущая между изгородью бакчей и рѣкою, безпрестанно пересѣкается вырытыми канавками, около сажени ширины и почти такой же глубины, въ которыхъ вертится громадное колесо, поднимающее воду на данную высоту, откуда она, по устроеннымъ желобамъ, расходится по всемъ направленіямъ обширныхъ садовъ. Безъ этой поливки вся растительность около Астрахани была бы выжжена солнцемъ, потому-что бываютъ года, когда при температурѣ 30° въ тѣни, въ-продолженіе всего лѣта, т. е. около 4-хъ или 5-ти мѣсяцевъ, не бываетъ ни капли дождя; земля въ степяхъ трескается, вся трава выгораетъ, воздухъ наполняется тучами микроскопическихъ комаровъ, ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не освѣжить природы; самъ человекъ страдаетъ не меньше всего растущаго и цвѣтущаго на этой раскаленной почвѣ. Тѣло его, покрытое непрерывнымъ обильнымъ потомъ, приходитъ въ сильное раздраженіе, дѣятельность кожи слабѣетъ, и она покрывается сперва красными пятнами, а потомъ образуется сыпь, въ родѣ чесоточной, производящая страшный зудъ. Эта болѣзнь извѣстна здѣсь подъ названіемъ *взвара*. Рѣдко кто изъ прїѣзжихъ вновь въ Астрахань не испытываетъ этого удовольствія. Зато, какъ отрадны въ такіе жары тѣнь и вода. Все это можно найти на берегу Царева. Огромныя, чуть не столѣтнія ивы раскидываютъ свои густыя вѣтви во все стороны; подъ защитою этой тѣни видишь подъ ногами зеленую травку—большую рѣдкость въ Астрахани; безпрестанно льющаяся вода по желобамъ водопроводовъ освѣжаетъ воздухъ; самая близость рѣки, быстро текущей въ довольно приглубыхъ

берегахъ, дополняетъ ландшафтъ, и заставляетъ забыть на нѣкоторое время и жаръ и усталость. Каждая бакча гостепріимно предлагаетъ свои произведенія: громадныя арбузы и дыни, о которыхъ только по слухамъ знаютъ въ Петербургѣ; виноградныя лозы, фунтовъ по пяти и больше, манятъ къ себѣ своею сочностью; яблоки, дули и бергамоты выглядываютъ изъ густыхъ вѣтвей и ждутъ нетерпѣливой руки, которая бы сорвала ихъ. Много хорошаго и въ Астрахани; конечно, можетъ-быть на это въ другомъ мѣстѣ и не обратилъ бы вниманія, но здѣсь привыкаешь находить во всемъ хорошую сторону; не избалованный удобствами жизни, вполне чувствуешь всю прелесть подобныхъ фруктовъ, и дорожишь малѣйшимъ признакомъ удовольствія...

Тяжело было у меня на душѣ, когда я пошелъ опять въ городъ. Съ грустью посматривалъ я на зелень и сады, которые мало-по-малу скрывались за горизонтъ; впереди вытягивалась голая степь, дальше высились зданія Астрахани; за мной все было свѣжо и живо, передо мной пусто и мертво. Страшная дорога предстала мнѣ. Три версты степью, по почвѣ, раскаленной до того, что собаки не могли ни одной минуты выстоять на солнцѣ, земля жгла имъ лапы, и бѣдныя животныя находились въ тревожномъ состояніи, не находя нигдѣ убѣжища отъ лучей благодѣтельнаго свѣтила. И потомъ, послѣ подобной дороги, вмѣсто отдыха, надо вступить въ городъ, покрытый тучей пыли, которая набиваетъ ротъ и носъ, залѣпляетъ глаза, и безъ всякой церемоніи забирается во все карманы!.. Нужно стойческое терпѣніе, чтобъ привыкнуть къ этимъ маленькимъ непріятностямъ человѣческой жизни; въ-послѣдствіи они войдутъ въ число каждодневныхъ развлеченій, и нисколько уже не беспокоятъ давнишняго жителя Астрахани.

Вчера я исполнилъ свое желаніе, сходилъ на Черепаху. Въ четыре часа, какъ и всегда, направилъ я путь къ Кутуму, перешелъ его черезъ Красный-мостъ, и взявъ курсъ почти прямо къ сѣверу, слѣдовательно совершенно въ противоположную сторону отъ Царева, расположеннаго къ югу отъ города. Солдатская-слободка не замѣтно промелькнула передъ моими глазами, и я вступилъ въ царство песку и ковыля. Скоро дошелъ я до Афонскаго-монастыря, окруженнаго обширнымъ кладбищемъ. Расположенный въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, немного на горѣ, этотъ монастырь представляетъ одну изъ лучшихъ картинъ окрестностей Астрахани. Но не такъ замѣчательно самое зданіе, какъ кладбище, которое его окружаетъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, и питая издѣтства страсть къ эпитафіямъ, перечиталъ почти все, сколько-нибудь и почему-нибудь интересныя.

Да и какъ не любить эпитафій, когда они открываютъ міру скрытыя

чувства человечества! Жители Астрахани очень чувствительны къ своимъ потерямъ; это ясно видно изъ поэтическихъ пзліній ихъ сердець въ надгробныхъ надписяхъ.

Сколько семейныхъ добродѣтелей, гражданскихъ доблестей, вѣрности любви и дружбы—скрыто въ этихъ надписяхъ! Но въ Астрахани почти всѣ въ одномъ родѣ. Это городъ патриархальныхъ добродѣтелей.

Оставивъ въ лѣвой рукѣ Донской-монастырь, армянское и лютеранское кладбища, я скоро вышелъ въ чистое поле. Все видимое пространство было залито жгучими лучами солнца; желтая, выгорѣвшая трава печально хрустѣла подъ ногами, и только одинъ змѣи, впрочемъ, самыя безвредныя, казалось, были вполне довольны подобной температурой: свернувшись въ кольца, онѣ беззаботно пропускали меня мимо себя, нисколько не думая побезпокоиться и дать дорогу, и только толчекъ ногой могъ вывести ихъ изъ этого *dolce far niente*. Наконецъ показалась на горизонтѣ рѣчка Луковка, замѣчательная необыкновенною чистотою воды; при глубинѣ отъ двухъ до трехъ аршинъ, особенно въ полноводье, дно ея совершенно видно любопытному прохожему. Изрѣдка попадались мнѣ двухъ-колесныя арбы съ арбузами и дынями, управляемыя кѣмъ-нибудь изъ потомковъ Батыя или Чингисхана, вѣжливо снимающимъ шапку, и обычное «Селямъ алейкумъ» далеко еще звучитъ въ-слѣдъ, отвѣтомъ на ваше легкое наклоненіе головы. Но вотъ наконецъ открылась и «Черепаша». Деревня, какъ всѣ деревни; плетень и поросята, коровы и мальчишки, замелькали передо мной. Описывать деревню было бы неумѣстно: что можно написать новаго послѣ разеказовъ: Бобыль, Деревня, Антонъ и другихъ, гдѣ такъ живо и съ такими мелкими подробностями выставлены всѣ стороны быта нашихъ крестьянъ; сказать, что въ Черепашѣ не найдешь *черепашенскаго вина*, которое здѣсь выдѣлывается и славится по всей Астрахани,—это уже не новость; что въ этой деревнѣ есть мелочная лавка, которая, за немнѣшимъ выѣски, предупреждаетъ прохожихъ надписью мѣломъ на заборѣ, что въ ней есть «чай, кафе и другіе марціалы»; но подобныхъ лавочекъ много по мелкимъ уѣзднымъ городамъ. Обойдя всѣ закоулки Черепаша и прохотивъ болѣе часа по живописнымъ берегамъ рѣчки того же имени, я опять отправился назадъ въ городъ.

Съ грустью и досадою влезъ я въ свою незатѣливую квартиру, но былъ очень пріятно удивленъ, увидѣвъ у себя на столѣ афишку слѣдующаго содержания:

ПЕРЕХОДЪ РОССІЙСКИХЪ ВОЙСКЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНСКІЕ ГОРЫ.

Современное Россійское произведеніе въ двухъ дѣйствіяхъ, съ при-

надлежащими къ нему: пѣніемъ, хорами, танцами военными маршами, сраженіями и взятіемъ крѣпости, въ коемъ будетъ участвовать хоръ военныхъ пѣсенниковъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Роковое извѣстіе или ужасное пораженіе визиря и злые замыслы и хитрость цыгана и похищеніе.

ДѢЙСТВІЕ II.

Взятіе крѣпости и открытіе злодѣевъ или великодушіе героя.

Въ коемъ дѣйствіи Г. М. будетъ пѣть съ хоромъ. «На брань призывалъ насъ гласъ державный.

ЗА ОНЫМЪ ТОЖЕ ВЪ I РАЗЪ.

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ ИЛИ 6000 ФОНАРЕЙ.

ПОТОМЪ ТОЖЕ ВЪ I РАЗЪ.

ЖЕНЫ НАШИ ПРОПАЛИ ИЛИ МАЮРЪ ВОИ VIVANT.

НАКОНЕЦЪ ТАКЪ ЖЕ ВЪ I РАЗЪ.

НОЧНОЕ СВИДАНІЕ И НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА СОПЕРНИКОВЪ, ИЛИ ЛЮБОВНИКЪ ПОДЪ ЛѢСТНИЦЕЙ.

Начало въ 8 часовъ.

Цѣна мѣстамъ.

Бель-этажъ	на 6	персонъ	5	р. сер.	} Кресло на 2 ряда 2 р. сер. — за 4 — 1 — — Партеръ — 40 коп. сер. Парадизъ — 25 коп. сер.
— — —	— 4	— 4	— —		
Парадизъ	на 6	— 4	— —		
Бенуаръ	на 6	— 3	— 50к.		
— — —	— 4	— 3	— —		

Долго я любовался на изобрѣтательность провинціальныхъ режиссеровъ, составляющихъ такія афиши, чтобъ заманить публику въ театръ; долго какой-то тайный голосъ говорилъ мнѣ, чтобъ я не прельщался блистательнымъ обѣщаніемъ пѣнія и хоровъ, маршей и сраженій; все твердило, что я даже и балканскихъ горъ не увижу; но желаніе по-смотреть на ужасное пораженіе визиря было во мнѣ такъ сильно, что и мои двѣ монеты пошли въ кассу, на умноженіе сбора. Къ 8 часамъ я былъ уже на мѣстѣ. Снаружи зданіе театра ничѣмъ не отличается отъ обывательскихъ домовъ, между которыми оно находится, развѣ только два столба, стоящіе при входѣ и оклеенные сверху до низу афишами и другими объявленіями, даютъ знать, что здѣсь помѣщается храмъ Талии и Мельпомены. Но вотъ наконецъ я на подъѣздѣ, черезъ довольно грязныя сѣни пробрался въ кресла, и усѣлся на указанномъ мнѣ мѣстѣ. Всѣ три яруса ложъ были полны; лучшая публика Астрахани собралась на такое дивное представленіе; въ партерѣ и въ мѣстахъ за креслами мелькало нѣсколько высокихъ персидскихъ шапокъ. Висячей

люстры не было, и театр освѣщался единственно одними сальными свѣчами, горѣвшими въ жирандоляхъ у ложъ; пять или шесть летучихъ мышей съ шумомъ и пискомъ бросались изъ угла въ уголь, и часто раздавался крикъ ужаса, когда неосторожная полу-птица касалась какой-нибудь пышной головной уборки, или когда она своимъ холоднымъ крыломъ опахивала разгорѣвшіяся личики здѣшнихъ красавицъ. Оркестръ уже проигралъ финалъ изъ *Лучи Ламермурской*; всѣ со страхомъ и трепетомъ ждуть начала кровавой драмы, и уже заранѣе соболѣзнуютъ о несчастіяхъ визиря, который только черезъ полчаса наконецъ рѣшается показать себя публикѣ. Занавѣсъ взвился, и пошла писать комедія! Крики, вздохи и охи, плачь и скрежетъ зубовъ, великодушіе и хитрость цыгана, летучія мыши и обмороки, все это такъ перемѣшалось, что надо было имѣть терпѣнія гораздо больше, чѣмъ его было у вашего покорнаго слуги. Съ болью въ головѣ и шумомъ въ ушахъ вырвался я изъ этого капища, и чуть не бѣгомъ пустился домой. Грустно и тяжело стало мнѣ, когда наконецъ я добрался до своего скромнаго уголка. Неужели долго придется мнѣ жить въ этомъ краю? Неужели я ничего не найду здѣсь, что бы заняло мое досужее воображеніе и заставило хоть на нѣсколько времени забыть всю мою прежнюю жизнь? Самый городъ не представляетъ ничего особенно интереснаго; поражая пріѣзжаго съ перваго взгляда, онъ скоро утомляетъ своимъ однообразіемъ и рассчитанною жизнью. Захочешь-ли отдохнуть отъ городской пыли и тѣноты, — пойдешь въ степи, и онѣ обхватятъ палаящимъ зноемъ, своей мертвой безграничностью, и съ ужасомъ убѣжишь опять назадъ въ свою квартиру, чтобъ не видѣть этой пустыни. Несмотря на все это, здѣсь живетъ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, живетъ весело, и не манятъ ихъ нисколько ни Москва, ни даже Петербургъ. Противъ всѣхъ выгодъ и удобствъ петербургской жизни, они скажутъ вамъ: да что же это за городъ, когда я долженъ тамъ за арбузъ платить сорокъ или пятьдесятъ копѣекъ серебромъ. Вотъ особенность астраханца. Были бы ему арбузы да сазань, такъ онъ и счастливъ, а что есть на свѣтѣ какіе-то Гризи и Маріо, есть произведенія искусствъ, есть просвѣщенныя общества, литература, — ему до этого дѣла нѣтъ; онъ ихъ не трогаетъ, такъ и они его не тронь. Эту-то способность нѣкоторыхъ астраханцевъ ничѣмъ не возмущаться и находить хорошее только у себя, мнѣ хотѣлось изслѣдовать, и потому я рѣшилъ бросить съ этого дня свои безполезныя странствованія по Черепашамъ, да по кладбищамъ, а лучше вникнуть во внутреннюю жизнь города, и по возможности познакомиться своихъ читателей съ ея обычаями и взглядами.

Вспомнилъ я наконецъ, что у меня есть знакомые въ Астрахани:

добрый Н. О. съ своими милыми дочерями. Гдѣ же лучше изучать нравы, какъ не въ такомъ семействѣ: отецъ представитель здѣшнихъ старожилловъ, съ понятіями, чувствами и вообще со всею чисто астраханскимъ; дочери... но что можно сказать не только что написать объ нихъ? Дѣвушки, кажется, вездѣ одинаковы: точно также сведутъ васъ съ ума или, по-крайней-мѣрѣ, собьютъ съ толку, въ Парижѣ и Неаполѣ, какъ и въ Охотскѣ. Въ дѣвушкѣ, гдѣ бы она ни была, гдѣ бы она ни воспитывалась: въ лучшемъ-ли пансіонѣ Петербурга, или въ сарептскомъ училищѣ, есть тактъ и умѣнье разрушать все самые хладнокровные расчеты, и заставлятъ мужчину видѣть все въ такомъ свѣтѣ и съ такой точки зрѣнія, какъ ей хочется.

И такъ отправился я къ моему доброму знакомцу.

— Знаете-ли, почтеннѣйшій Петръ Ивановичъ, сказалъ мнѣ Н. О. когда все мы усѣлись вокругъ шипящаго самовара: какую штуку выкинули сегодня наши лихіе матросы?

— Доставили вамъ какое-нибудь удовольствіе?

— Конечно, потому-что я удивлялся ихъ находчивости. Видите-ли, какъ это было: здѣшній мучной подрядчикъ привезъ муку, да вмѣстѣ съ провизіей пригналъ онъ и четыре небольшія кусовыя лодки съ разными мелочами, собственно для себя. А такъ какъ мука принадлежала казнѣ, то и высланы были отъ здѣшнихъ морскихъ командировъ человекъ шестьдесятъ матросовъ для выгрузки барки; матросы кончили дѣло, и собирались идти домой; вдругъ присталъ къ нимъ подрядчикъ.

— Братцу мой любезный, — надо вамъ замѣтить, что подрядчикъ былъ человекъ еврейскаго происхожденія и считался однимъ изъ лихихъ пройдохъ, — вытаскивайте на берегъ мои кусовы, я буду деньга платить.

Остановились матросы; пошло совѣщаніе; рѣшили, что въ-самомъ-дѣлѣ для нихъ плевое дѣло вздернуть на берегъ еще четыре лодки. Выбрали одного унтеръ-офицера и поручили ему хорошенько поторговаться съ подрядчикомъ. Долго они не сходились въ цѣнѣ; еврейская натура старалась оттянуть каждую копейку, наши же не хотѣли брать меньше шести монетъ на всехъ.

— Ну слушай же ты, жидъ, вотъ тебѣ мое послѣднее слово: пять съ полтиной на серебро, сказалъ рѣшительно парламентарь.

Призадумался подрядчикъ; видѣлъ онъ ясно, что больше ему не сбавятъ ни копейки, и хотя очень было жаль, но надо было рѣшиться, потому-что оставлять на ночь судно на водѣ онъ боялся.

— Хорошо, Матахъ! сказалъ онъ: я вамъ дамъ пять съ полтиной, только вы пожалуста поживѣй.

Дружно принялись матросы; сто здоровыхъ рукъ, какъ сто рыча-

говъ, быстро двинули въ ходъ не тяжелыя лодки: разъ, два, три, и всѣ кусовыя чинно рядышкомъ стояли на сухомъ берегу. Подошелъ унтеръ-офицеръ къ подрядчику для уплаты.

— Спасибо, Матахъ! Видить Богъ спасибо; ну вотъ вамъ ровно пять полтинъ самія новія, свѣтлія, и съ этими словами пролувной подрядчикъ отсчитываетъ унтеръ-офицеру пять полтинниковъ, и низко кланяясь, отходитъ отъ него къ своимъ лодкамъ. Остолбенѣлъ нашъ матросъ; видитъ, что надулъ его подрядчикъ; не вслушался онъ тогда хорошенько въ его слова, да и взялся втащить лодки не за пять съ полтиной, а за пять полтинъ, т. е. всего за два съ полтиной. Да не долго же и думалъ лихой матросъ; оборотился онъ къ своимъ, да какъ гаркнетъ имъ:

— А что, ребята, потѣшили мы жидъ, втащили его суда на берегъ, а теперь той же дорогой, благо и тропинка еще осталась, несемъ—ко ихъ назадъ въ воду.

Вмигъ смекнули ребята, что старшій говоритъ дѣло, что только этимъ способомъ и можно получить имъ остальные заработанныя деньги. Жаловаться подрядчикъ не смѣетъ; это дѣло частное; казенную работу они исполнили въ точности; и вотъ не успѣлъ еще подрядчикъ хорошенько въ толкъ взять, что такое они затѣваютъ, какъ матросы гаркнули «Катю черноброву» да «Дубинушку», и мигомъ кусовыя опять покачивались на глубокой водѣ. Какъ потомъ ни шумѣлъ, какъ ни упрашивалъ подрядчикъ, матросы не двинулись съ мѣста до-тѣхъ-поръ, покауда онъ не доплатилъ за прежній разъ, да за новое втаскиваніе, не отдалъ впередъ пяти съ половиною рублей серебромъ. Такъ вотъ и знай нашихъ; не всякому удастся надуть нашего матроса.

— Да, много ходитъ въ народѣ разсказовъ про удалъ и сметку моряковъ, только въ этомъ случаѣ ихъ заслуга много теряетъ оттого, что тутъ они имѣли дѣло съ человѣкомъ еврейскаго происхожденія, а ужъ трусливѣе этого народа трудно и вообразить.

Живо и непринужденно шла наша бесѣда. Послѣ чая, по здѣшнему обычаю, подали десертъ, состоящій изъ арбуза, дыни и варенья различныхъ сортовъ: бадрянка и айва занимали первое мѣсто.

Вотъ уже болѣе полугодъ, какъ я живу въ Астрахани. Много надо терпѣнія и силы воли, чтобъ выдержать всеобъждающую скуку, какая нападаетъ иногда на того, кто пріѣзжаетъ въ городъ, совершенно ему не знакомый, кто не привыкъ еще къ требованіямъ климата и къ порядкамъ, заведеннымъ въ обществѣ. Впрочемъ, какъ казалось мнѣ страннымъ въ началѣ все, что я встрѣчалъ здѣсь на улицахъ и въ домахъ, такъ теперь считаю я это все очень обыкновеннымъ: и татарченка съ

корзиной за плечами, продающаго «клева — сахаръ» или «кунжутъ — макъ», и громадныя караваны на верблюдахъ, приходящія въ Астрахань черезъ ледъ Волги, со степной стороны, и калмыка, или киргиза, выѣхавшаго въ необыкновенномъ экипажѣ, состоящемъ изъ маленькихъ саночекъ, въ которыхъ едва помѣщается одинъ человекъ, держащаго въ каждой рукѣ заостренную небольшую палочку; этими палками упираясь въ ледъ, онъ скользитъ иногда съ удивительной быстротой, пробѣгая въ сутки болѣе 50 верстъ,—все это считаю я теперь слишкомъ обыкновеннымъ. Уличная жизнь Астрахани; ея сады съ трешниками и семишниками (1 и 2 коп. сер.) старыми и новыми гривнами за входъ, слишкомъ уже прѣлись послѣ двухъ, трехъ посѣщеній; театры съ ихъ кровавыми драмами и плаксивыми водевилями, и механическіе спектакли, гдѣ куклы разыгрываютъ оперу Донъ-Жуанъ, въ которой Командоръ названъ командиромъ, а бѣдный Лепорелло преобразился въ Пимперлея,—все это смѣшно, если не жалко. Что-жъ остается мнѣ? Гдѣ искать особенности? Смѣшно сказать, что въ полгода я только и замѣтилъ, что здѣсь на похоронахъ, вмѣсто ельнику, которымъ у насъ на сѣверѣ посыпаютъ путь въ жилище мертвыхъ, дорога гроба обозначается кучами сѣна; что даже передъ Рождествомъ должность елки замѣняетъ шесть съ обручами, обвѣшанными разными сластями и игрушками; что квасъ продается въ Астрахани почти на каждомъ перекресткѣ, въ такъ-называемыхъ квасныхъ стойлахъ по одному трешнику за штофъ; что грязь здѣсь бываетъ такая, о которой, живя въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь въ немощеномъ переулкѣ, трудно составить себѣ понятіе; что куминъ-мама предпочитается здѣсь гроденаплю, а платье изъ мови встрѣчаешь и въ низшемъ классѣ, канаусъ же идетъ развѣ на подкладку,—роскошь впрочемъ довольно извинительная;—что здѣсь есть клубъ, въ которомъ даже иногда и танцуютъ, хотя дамскіе вечера назначаются каждую среду, но на этихъ средахъ дама такая рѣдкость, какъ береза или липа въ здѣшнихъ садахъ. Пожалуй разскажалъ бы я, какъ тѣшится здѣсь народъ, сойдясь съ бусурманами зимой, на льду, у татарскаго или армянскаго сѣзда, да это ужъ дѣло бывалое; предки наши видали и не такіе бои на Москвѣ рѣкѣ, или на Неглинной. Пиръ и банкеты Персіанъ, гдѣ они, несмѣря на запрещеніе Магомета, тянутъ и дрей-мадеру и го-сотернъ,—тоже уже не новость, хотя конечно не болѣе 15 лѣтъ какъ появились въ Астрахани заморскія вина, а прежде,—что помнятъ многіе изъ здѣшнихъ старожиловъ,—на лучшихъ обѣдахъ подавались туземнаго произведенія чихиръ, да черепашенское; иногда съ Кавказа доходило кахетинское или кизлярское, и дальше роскошь не простиралась; а вѣрно тогда было веселій, чѣмъ теперь. Здѣсь также, какъ и вездѣ, бываютъ

и концерты съ благотворительной цѣлью, и даже въ пользу бѣдныхъ спектакли, которые, конечно, какъ и вездѣ, не обходятся безъ капризовъ, претензій и часто даже слезъ. Жизнь идетъ здѣсь своимъ порядкомъ, кушаютъ арбузы, да дѣмянки, гуляютъ въ порту, или по каналу, наслаждаются Переходомъ россійскихъ войскъ черезъ Балканы, да галопомъ-свистушкой, безмятежно занимаются пересудами. Впрочемъ, гдѣ-же людская молва не растетъ съ быстротой, и самое ничтожное событіе не достигаетъ гигантскихъ размѣровъ! Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, взятый изъ этого города, потому-что другихъ я теперь не вижу. Гдѣ-то былъ вечеръ; одна изъ званыхъ дамъ не пріѣхала, прося мужа извиниться передъ хозяевами головою болью. Кажется, нѣтъ ничего удивительнаго, если у кого-нибудь заболѣла голова; нѣтъ, начали сейчасъ разбирать—отчего бы у ней могла заболѣть голова; одинъ изъ докторовъ рѣшилъ, что такъ какъ всѣ наши болѣзни болѣе или менѣе зависятъ отъ желудка, то всего вѣроятнѣе должны приписать ея болѣзнь тому, что дама неосторожно чего-нибудь покушала. Послѣ этого рѣшенія въ другомъ углу залы объявили за вѣрное, что дама за обѣдомъ кушала именно дудака подъ соусомъ, въ которомъ, кажется, было чтѣ-то подмѣшано и что сейчасъ же послѣ обѣда она почувствовала рѣзь въ желудкѣ и наконецъ сильную головную боль. Это извѣстіе къ концу вечера преобразилось, или лучше сказать, выросло въ слѣдующее. Вчера такая-то Марья Петровна утромъ побранила свою кухарку за грубость; потомъ Марья Петровна такъ сдѣлалась больна, что это можетъ на нее подѣйствовать очень губительно. Пошли сожалѣнія, похвалы больной, которую считали уже чуть не умершей, и наконецъ рѣшили, чтобъ на другой день непременно съѣздить и навѣстить умирающую. Надо же было случиться такому несчастію, или, пожалуй счастью, что Марья Петровна утромъ куда-то уѣхала, и всѣмъ гостямъ, конечно, отказывали. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ барыни не было дома, и всѣ приняли отказъ за оскорбленіе, за разрывъ знакомства, и какъ потомъ бѣдная Марья Петровна ни старалась увѣрить всѣхъ и каждаго, что ея болѣзнь была самая пустая, что на другой день ее точно не было дома,—все было напрасно, она все потеряла въ общемъ мнѣніи. Какъ же жить въ этомъ городѣ тому, кто не имѣетъ никакого понятія о ходѣ извѣстій, ихъ непогрѣшимости и страшномъ вліяніи на благосостояніе всѣхъ жителей? Не разъ и мнѣ приходилось вспоминать свою прежнюю беззаботную жизнь, когда я не обязанъ былъ наблюдать за своими поступками, взвѣшивать каждое слово, изъ боязни надѣлать бѣды. Здѣсь же... да чтѣ и рассказывать! Пріѣзжайте сюда, все сами узнаете...

СОВРЕМЕННОЕ *

ЛИТЕРАТУРА: Теннисонъ, современный англійскій поэтъ.— **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Пѣвица въ Калифорніи. — Погребенный виолончель. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Нѣсколько новыхъ наблюденій надъ пауками, воробьями и цаплями. — Новые опыты профессора Горини, объясняющіе происхожденіе вулкановъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Странные свадебные обычаи. — Нѣмой разговоръ. — Ревность попугаевъ. — Пренія о водкѣ на островѣ Тапти. — Первый мостъ для желѣзной дороги въ Египтѣ. — Статистика ружейныхъ выстрѣловъ. — Австріецъ и французъ на полѣ сраженія. — Ювійскіе острова. — Англо-саксонскіе партизаны. — Пребываніе на островѣ Кубѣ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Теннисонъ, современный англійскій поэтъ. — Въ Англійи нельзя достигнуть извѣстности стихотвореніями, или повѣстями, напечатанными въ періодическихъ изданіяхъ. Тамъ публика требуетъ цѣлой, отдѣльной книги, по которой бы она могла судить о писателѣ. Въ Англійи — можно издавать книги, потому что англичане читаютъ и покупаютъ ихъ.

Теннисонъ, давнишній, увѣнчанный поэтъ, (laureat) тоже слѣдовалъ этому обычаю. До 1849 онъ былъ извѣстенъ мелкими стихотвореніями, разсѣянными болѣею частью въ разныхъ журналахъ. Теперь онъ издалъ двѣ поэмы; Принцесса, — и *In memoriam*. Но прежде чѣмъ говорить о немъ, надобно познакомиться съ предъидущими его сочиненіями.

* Заимствовано изъ журналовъ: *Revue des deux mondes*, *Revue de Paris*, *Revue britannique*, *Bibliothèque de Genève*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Erheiterungen*, *Novellen-Zeitung*, *Magazin pittoresque*, *le Voleur*, *Moden-Zeitung*, *Litterary-Gazette*, *Illustration*, *Gazette des Théâtres*.

Альфредъ Теннисонъ, сынъ линкольншейрскаго пастора, обучался въ кембриджскомъ университетѣ, — и въ 1830 году издалъ первый сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній (*Poems chiefly lyrical*). Но они не очень благосклонно были приняты публикою; автора упрекали въ преувеличеніи, въ напыщенности. Стихи его были звучны, но темны. Въ нѣкоторыхъ журналахъ осудили ихъ строго. Однакоже молодой человѣкъ не потерялъ бодрости, и рѣшился на второй опытъ. Въ 1832 году явилось еще нѣсколько стихотвореній, имѣвшихъ ту же участь, какъ и первыя. Поэтъ замолчалъ — и десять лѣтъ не писалъ ничего. Вдругъ, въ 1840 году, прежнія его стихотворенія, неимѣвшія успѣха, вошли въ славу, въ новомъ изданіи, и слава Теннисона день ото дня увеличивалась. Правда, что онъ исправилъ два первыя изданія своихъ стихотвореній, выбросилъ слабыя и прибавилъ нѣсколько новыхъ, отличавшихся силою мысли и красотою стиха; однимъ-словомъ, онъ воспользовался всѣми критиками, исправилъ все, что осуждали — и всѣ спѣшили поздравить его съ этимъ повиновеніемъ требованіямъ публики, которымъ рѣдко слѣдуютъ другіе поэты.

Неизвѣстно, кончилась-ли для поэзіи эпоха воображенія, но надобно сознаться, что разсудительность преобладаетъ теперь во всѣхъ литературахъ, и даже въ стихахъ. Теннисонъ хорошо изучилъ исторію среднихъ-вѣковъ, — и въ его легендахъ, рыцарскихъ и аллегорическихъ поэмахъ видна большая начитанность и совершенное знаніе описываемой имъ эпохи.

Изъ одной подобной легенды создана имъ цѣлая поэма *Vision of sin*. Рыцарь подъѣзжаетъ къ блистательному замку. Его принимаютъ съ открытыми объятіями; на каждомъ шагу роскошь, красота, удовольствіе.... Онъ засыпаетъ. По утру, вмѣсто замка просыпается онъ въ бѣдной хижинѣ; хозяйка сторбилась и пожелтѣла, служанки стары и неопрятны. Онъ взглядываетъ въ зеркало: самъ онъ лысъ и сѣдъ.

Гораздо лучше у Теннисона легенды его. Одинъ очень милый разсказъ *Day-Dream* (*Сонъ днемъ*) — нечто-иное, какъ старинная французская сказка: *la belle au bois dormant*, но она превосходно обработана у Теннисона и написана звучными гладкими стихами.

Годива тоже полна истинною поэзіею. Самая основа разсказа историческая.

Лучшими стихотвореніями Теннисона считаются его идиллическія и философическія. Въ Англійи всего легче понравится этимъ родомъ сочиненій. Отъ Барклея до Вордсворта всѣ писали идилліи, но въ нихъ не одни описанія природы, а чаще всего философическія мысли Платона и Сенеки.

Извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія составились двѣ школы поэзіи въ Англійи. Одна бейроновская, опровергавшая спиритуализмъ, который осуждалъ наше столѣтіе; — эта школа впала въ скептицизмъ и мизантропію. Другая школа вѣрила, что поэзія не должна выходить изъ предѣловъ, положенныхъ ей, и что общество должно

прибѣгнуть къ поэзій и искать утѣшенія въ стихахъ, воспѣвающихъ все великое и безиредѣльное въ твореніи.

Возвысить поэзію до философіи—была прекрасная мечта, но надобно было отъ нея отказаться. Теперь никто не вѣритъ, чтобъ поэтъ былъ руководителемъ обществъ. Платонъ говоритъ, что поэтъ слишкомъ легкомысленное созданіе, чтобъ взять на себя эту тяжелую обязанность.

Изъ этихъ двухъ противоположныхъ школъ составилаь вордсвортская школа поэзій. Крестьянинъ, идущій въ услуженіе, чтобъ поддержать жену свою и дѣтей; вдова, ожидающая десять лѣтъ своего отсутствующаго мужа,— и умирающая наконецъ у дверей хижины, за своею прилкою; пустынный, живущій на неприступной скалѣ и оплакивающій предметъ своей любви; разнощикъ товаровъ, едва достающій себѣ дневное пропитаніе, — вотъ герои Вордсворта.

Теннисонъ,—преемникъ этой послѣдней школы. Онъ мастерки описываетъ сельскую жизнь, охотно переходя къ философическимъ мыслямъ, но избѣгая мистицизма и метафизики. Теперь британская муза сдѣлалась холоднѣе и разсудительнѣе.

Между идилліями Теннисона три почитаются лучшими: это *May Queen*, *Dora* и *The Gardiners Daughter*.

May Queen (Майская королева) — родъ французской *Розьеры*, представляетъ исторію сельской красавицы, умирающей въ цвѣтъ лѣтъ и прощающейя со свѣтомъ и съ матерью

Дора—библейскій разсказъ изъ книги Руои. Въ Дочери садовника—прекрасныя описанія сельскихъ красотъ, напоминающія равнины Линкольншейра.

Изъ философическихъ сочиненій Теннисона замѣчательно *Lotos-Eaters*. Извѣстно, что сѣлавшіе лотосъ забывали свое отечество. Это очень умная аллегорія противу тѣхъ лицъ, которыхъ страсти доводятъ до самозабвенія.

Losley Hall — разсказъ о страсти, побѣжденной чувствомъ долга и чести.

Two Voices (два голоса), — внутренний разговоръ двухъ голосовъ. Одинъ голосъ совѣтуетъ прекратить страданія самоубійствомъ; другой велитъ терпѣть, надѣяться, молиться. Разумбется, чувство добра побѣждаетъ. Въ это время приходитъ цѣлое семейство въ церковь. Одна дѣвушка взглядываетъ на страдальца, — и взгляды этотъ рѣшаетъ его участь: онъ уже принадлежитъ свѣту и обществу. Онъ счастливъ, онъ надѣется на Провидѣніе.

Вообще, мелкія стихотворенія самыя лучшія у Теннисона, — но англійская публика требуетъ для славы поэта чего-нибудь существеннаго. Поэтому Теннисонъ писалъ и большія поэмы. Счастливы поэты, которыхъ принуждаютъ къ подобнымъ трудамъ! Счастливая публика, которая еще читаетъ поэмы.

Эти поэмы были: *Принцесса* и *In Memoriam*. У англичанъ очень странное обыкновеніе мѣшать рыцарство съ философіею, двѣ совер-

шенно противоположныя вещи. Отъ этого эпопея превращается у нихъ въ теорію философіи, а лица въ системы и трактаты; замки рыцарскіе въ школы, завязка — въ трактатъ о нравственности; разсужденія прерываются, впрочемъ, иногда ударами меча. Такова была поэма *Королева Фей* Спенсера. Она должна была состоять изъ двѣнадцати частей, и каждая часть олицетворяла отдѣльно одну добродѣтель. Но какъ каждая часть должна была тоже составляться изъ двѣнадцати пѣсень, то это было бы слишкомъ огромное твореніе. По счастью, Спенсеръ не кончилъ поэмы, а остановился въ началѣ седьмой книги. Въ такомъ же родѣ написана и *Принцесса* Теннисона. Въ героическія времена рыцарства молодой сѣверный принцъ обрученъ съ южною принцессою. Принцъ любитъ свою невѣсту, но она не раздѣляетъ его чувствъ. У нея, какъ у героинь нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ романовъ, свои идеи объ обществѣ. Отецъ принцессы, сильный и добрый король, исполняя своенравныя мысли дочери, основалъ женскій университетъ, изъ котораго, разумѣется, исключены всѣ мужчины. Оксфордъ и Кембриджъ ничто въ сравненіи съ этимъ заведеніемъ. Это особое общество женщинъ, гдѣ поселилась принцесса Ида и куда прокрадывается влюбленный женихъ съ двумя своими товарищами, переодѣтыми въ женское платье. Ихъ узнаютъ вскорѣ. Негодованіе женщинъ воспламеняется. Принцъ съ товарищами заключены въ башню и осуждаются на смерть.

Вдругъ около женскаго общества раздаются руки трубъ. Отецъ принца вовсе не раздѣляетъ мнѣній принцессы о перевоспитаніи женщинъ, а еще менѣе о правѣ ея казнить своего жениха. Онъ осаждаетъ университетъ, и требуетъ безусловнаго покорства. Но внезапно является на помощь принцессѣ братъ ея. Начинается сраженіе, и защитники жениха побѣждены. Самъ онъ раненъ, — и принесенъ опять въ башню, гдѣ сидѣлъ въ плѣну. Принцесса ходитъ за умирающимъ, — и влюбляется въ него. Приняты въ городъ и все другіе раненные. И за нами ходятъ женщины, которыя тоже влюбляются въ своихъ плѣнниковъ.

Кончается тѣмъ, что обѣ стороны заключаютъ миръ—и нѣсколько браковъ опровергаютъ философическую систему принцессы.

Вторая поэма, *In memorem*, составляетъ надгробный памятникъ умершему другу. Утѣшеніе — самое сладостное слово для вѣрующаго въ вѣчность. Кажется, что до Теннисона никто еще не описывалъ эту тѣму съ такимъ глубокомысліемъ. До Байрона было въ англійской поэзій больше энтузіазма. Послѣ него онъ охладѣлъ. Въ поэмѣ Теннисона больше мысли, нежели содержанія. Она вся написана въ видѣ советовъ, строфами въ четыре и пять стиховъ. Вотъ одна строфа для примѣра:

«Мы вѣримъ, что страданія тѣла и испытанія брэнной нашей жизни имѣютъ высокую, таинственную цѣль.

«Мы вѣримъ, что случай не управляетъ никакими событіями, и что наша жизнь не безъ цѣли на землѣ.

«Мы вѣримъ, что всякое бѣдствіе, всякая погибель приводитъ къ не-постижимой стезѣ, по которой ведетъ насъ Провидѣніе.

«Мы вѣримъ, что человѣкъ, болѣе гордящійся умомъ, ровно ничего не знаетъ; что добро восторжествуетъ наконецъ, и что послѣ всякой зимы будетъ весна.

«Вотъ мое сердечное убѣжденіе. Но кто я? Дитя, плачущее въ ночи и просящее свѣта. Дитя, которое можетъ выражать свои мысли только криками и слезами».

Вся поэма написана въ воспоминаніе друга поэта, Артура Галлама, умершаго въ Вѣнѣ въ 1833 году. Шестнадцать лѣтъ писалъ Теннисонъ надгробный свой памятникъ, — и онъ достоинъ обоихъ друзей.

Послѣднее стихотвореніе Теннисона, «Ода на смерть герцога Веллингтона», — очень слабо, и видно, что написана по заказу. Званіе лауреата требовало этой оды. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ оно существуетъ, (а учрежденіе его старѣе существованія самаго парламента) официальные стихи никогда не отличались поэзіею. Впрочемъ, Теннисонъ, можетъ-быть, передѣляетъ эту оду, и англичане вторично прочтутъ ее (а они это часто дѣлаютъ), — и тогда, можетъ-быть, она будетъ имѣть успѣхъ, достойный автора.

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Пѣвица въ Калифорніи. — Англичанка миссъ Гейесъ даетъ теперь въ Калифорніи концерты. По письмамъ изъ Санъ-Франсиско, было уже четырнадцать концертовъ этой пѣвицы. Билеты на первые три концерта продавались съ аукціона и принесли большія деньги; за нѣкоторыя мѣста заплачено по 500 и 600 долларовъ. Одинъ любитель заплатилъ даже за билетъ въ первый концертъ 230 фунт. стерлинг. (1380 руб. сер.). Со времени пріѣзда пѣвицы погода стояла самая дурная; дождь лилъ рѣкою, и однакоже концерты были полны. Мужчины и женщины приходили въ большихъ сапогахъ, резиновыхъ плащахъ, такихъ же шляпахъ и чепчикахъ. Наемъ экипажа стоилъ всего дороже; за привозъ въ театръ и отвозъ двухъ человѣкъ платится десять фунт. стер. (60 руб. сер.). Одинъ кучеръ заработалъ въ первый концертъ 280 фунт. стер. Во-время концерта бросали пѣвицѣ, вмѣсто цвѣтовъ, бриліантовые перстни и монеты въ 50 долларовъ (75 руб. сер.).

Погребенный виолончель. — Извѣстный виолончелистъ Серве былъ недавно въ Константинополь. Сначала думалъ онъ просить позволенія дать концертъ предъ самымъ султаномъ. Но когда узналъ, что надобно, по-крайней-мѣрѣ, три мѣсяца ждать отвѣта на эту просьбу, то рѣшился прожить, какъ простой путешественникъ, нѣсколько недѣль въ этой столицѣ. Виолончель свой онъ заранѣе отправилъ въ Константинополь, на имя одного банкира, и пріѣхавши пошелъ къ нему за своимъ

инструментомъ. Съ удивленіемъ узналъ онъ, что банкиръ этотъ не получалъ еще посылки. Справясь о пароходѣ, который долженъ былъ привести ее, получилъ онъ однакоже свѣдѣніе, что судно это давно уже пришло и опять ушло. Можно себя вообразить ужасъ артиста! Онъ обѣгалъ всѣ посольства, всѣхъ банкировъ, вездѣ искалъ, всѣхъ спрашивалъ, напечаталъ объявленія, обѣщалъ награды, поднялъ на ноги всю турецкую полицію. Нѣсколько дней продолжались эти розыски. Наконецъ пропажа нашлась. И гдѣ же? На кладбищѣ.

Посильщикъ, который изъ таможни понесъ ящикъ съ виолончелюю, потерялъ адресъ дома, и чтобъ не подвергнуться наказанію, поставилъ ящикъ у дверей мечети и ушелъ домой. Тутъ нашли его муллы, и полагая, что въ ящикѣ тѣло умершаго и что оно оставлено тутъ бѣднякомъ, которому не на что схоронить покойника, тотчасъ же отнесли его на кладбище и зарыли въ землю. Много трудовъ и хлопотъ стоило Серве получить позволеніе вырыть его инструментъ.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Нѣсколько новыхъ наблюденій надъ пауками, воробьями и цаплями. — Учителемъ челоѣка въ искусствѣ переплетать нить и производить такимъ образомъ ткани — былъ прежде всего паукъ. Одна американская порода пауковъ устраиваетъ себѣ отдѣльныя двери къ своему жилищу, и вѣрно устраивала прежде, нежели дикіе американцы придумали дѣлать то же у своихъ хижинокъ. Можетъ-быть, первый американскій охотникъ у пауковъ же научился искусству разставлять сѣти для добычи.

У людей подводный колоколъ составляетъ одно изъ новѣйшихъ изобрѣтеній. У пауковъ оно такъ же старо, какъ мѣръ. Посмотрите на этотъ большой стеклянный сосудъ съ водою и разными водяными растениями, изъ которыхъ одни плаваютъ на поверхности, другіе лежатъ на днѣ. Между листьями травы увидите вы родъ кошелька, похожаго на голубиное яйцо, но проткнутаго посрединѣ. Кошелекъ наполненъ воздухомъ и закрытъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ нижняго конца, гдѣ находится небольшое отверстіе, достаточное для входа и выхода небольшого паука. Этотъ водолазный колоколъ состоитъ изъ твердой и полупрозрачной матеріи, и держится какъ на якорѣ, прикрѣпленный нитями паутины къ травкамъ, растущимъ на днѣ.

Французскій естествоиспытатель Берту впервые открылъ этого паука-водолаза въ водахъ Шантлиль, гдѣ ихъ водится очень много. Онъ наблюдалъ за самкою, когда она выходитъ изъ своего убѣжища. Она длиною въ $\frac{1}{3}$ дюйма, темнаго цвѣта, на спинѣ у нея черное пятно съ четырьмя точками по срединѣ. Она живетъ подъ водою, и однакоже ей нуженъ воздухъ для дыханія. Но природа, создавшая ее, давно уже научила тайнѣ, которой напрасно добивался Ньютонъ. Она плаваетъ

на спинѣ, а брюхо ея покрыто пузырьемъ, наполненнымъ воздухомъ. Пузырь прозраченъ и блеститъ всеми призматическими цвѣтами, какъ перламутръ. Но временамъ поднимается она на поверхность моря и приподнимаетъ надъ водою заднюю часть своего тѣла, потому—что у арахидовъ дыхательные органы находятся въ этой части. Тутъ она дышетъ воздухомъ сколько можетъ, потомъ опускается надно моря, и тихо выпускаетъ жидкость, наполняющую ея легкія. Длинные, шелковистыя, клейковатыя нити, покрывающія ея, держать плотно около нея пузырь. Тутъ вползаетъ она осторожно въ свое убѣжище (водолазный колоколь) и наполняетъ его запасомъ принесеннаго ею воздуха, которымъ и пользуется покуда онъ испортится. Здѣсь она караулитъ свою добычу. Горе червячку, который бы поползъ по одной изъ травокъ, окружающихъ колоколь. Самка паука быстро выбѣгаетъ, бросается на него, схватываетъ и увлекаетъ въ свое убѣжище, куда вода не проходитъ.

Любопытно было видѣть, когда самка паука строила себѣ это жилище. Оно, разумѣется, все это время было наполнено водою. Надобно было по окончаніи выкачать ее и наполнить атмосферическимъ воздухомъ. Чтобъ достигнуть до этого, самка сдѣлала больше ста оборотовъ со дна моря на поверхность воды. Всякой пузырекъ воздуха, который она приносила сверху въ свой колоколь, поднимался кверху по причинѣ удѣльной тяжести и вытѣснялъ изъ колокола столько же воды, въ отверстіе, сдѣланное внизу. Это продолжалось до—тѣх—поръ, пока воздухъ не вытѣснилъ всю воду.

Кто знаетъ, не водяной ли паукъ подалъ Фультону первую мысль подводной лодки, съ которою онъ въ 1804 году производилъ опыты въ Руанѣ!

На мысѣ Доброй—Надежды водится воробей, называемый учеными *Philaeterus socius*. Это маленькое созданіе строитъ себѣ цѣлые города. Нѣсколько самцовъ и самокъ берутъ себѣ во владѣніе какое-нибудь большое дерево въ лѣсу и устраиваютъ около его вершины одно огромное гнѣздо, въ которомъ до двухъ сотъ отдѣленій. У каждаго семейства свое собственное отдѣленіе. Но живя отдѣльными семьями, эти воробьи для починки общаго жилища, для защиты его отъ нападенія и для доставленія всему обществу пищи дѣйствуютъ общими силами. Если покажется птица враждебнаго свойства, все нападаютъ на нее соединенными силами, и крѣпкими острыми клювами принуждаютъ ее къ бѣгству. Если даже змѣя осмѣлится къ нимъ заползти, все съ крикомъ поднимаются, и поочередно, толпами нападаютъ на голову животнаго, поражая его клювами, такъ—что всякій непріятель бываетъ принужденъ удалиться.

Другая птица въ той же странѣ устраиваетъ себѣ жилища въ три комнаты, со входами въ видѣ сводовъ римскаго стила. Птица эта изъ породы цаплей, называется *Scopus umbretta*, строитъ гнѣздо свое въ кустахъ, или лучше сказать около куста, и раздѣляетъ его на три отдѣленія, соединенныя между собою входами со сводомъ. Сперва строитъ она остовъ своего жилища, пользуясь для этого годными вѣтвями

куста и обрывая негодныя. Потомъ приступаетъ къ отдѣлкѣ, стараясь придать жилищу всю возможную симметрію, которая сдѣлала бы честь лучшему плотнику. По отдѣлкѣ остава, цапля приноситъ глину и замазываетъ ею промежутки между вѣтвями; наружную же часть покрываетъ непроницаемымъ слоемъ земли, которая могла бы устоять отъ сильнѣйшаго клюва хищныхъ птицъ. Когда гнѣздо готово, оно похоже на палатку араба. Къ чему цапля устроиваетъ первыя два отдѣленія, — неизвѣстно; она въ нихъ не живетъ, а содержитъ ихъ въ чистотѣ. Только въ третьемъ обитаетъ она. Здѣсь для самки устроено ложе изъ перьевъ и мху, гдѣ она кладетъ яйца и выводитъ дѣтенышей. Если самецъ отправляется на ловлю рыбы, то тщательно запираетъ всѣ три двери своего жилища маленькими камушками съ глиною, такъ чтобы въ его отсутствіе семейство его не подверглось нападенію змѣй. Возвратясь съ ловли, онъ носомъ отворачиваетъ всѣ запоры, очищаетъ опять входы и соединяется со своимъ семействомъ. Если самецъ услышитъ какой-нибудь шумъ, угрожающій его семейству, онъ тотчасъ является у передняго входа для защиты; здѣсь ожидаетъ онъ врага и поражаетъ его клювомъ вѣрно и мѣтко, оставаясь большею частію побѣдителемъ. Часто находятъ мертвыхъ змѣй, съ разбитымъ черепомъ, у жилища этой цапли.

Эти гнѣзда также обыкновенны на мысѣ Доброй-Надежды, какъ у насъ ласточкины.

Новые опыты профессора Горини, объясняющіе происхожденіе вулкановъ.—Профессоръ Фурне описалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ явленія, происходящія отъ охлажденія большой массы расплавленнаго серебра. Эти явленія служатъ повтореніемъ въ маломъ видѣ того, что происходитъ въ огнедышащихъ горахъ, — и ученый профессоръ воспользовался ими, чтобы объяснить нѣкоторые факты геологіи.

Теперь профессоръ Горини производитъ подобныя же явленія съ веществомъ не металлическимъ; онъ не только подражаетъ всѣмъ вулканическимъ изверженіямъ, но производитъ и плутоническія явленія.

Аппараты Горини довольно многочисленны, но можно производить эти опыты въ маломъ размѣрѣ, растопивъ въ кострюлѣ нѣсколько фунтовъ извѣстнаго ему вещества. И эти опыты производятъ замѣчательные результаты.

Горини прежде всего приходитъ не къ одинаковому заключенію съ Делессомъ, который нашелъ, что кристаллизующіяся вещества уменьшаются въ объемѣ, переходя изъ стекловиднаго состоянія въ кристаллизованное. Но надобно замѣтить, что Делессъ производилъ опыты надъ кремнеземомъ, тогда какъ Горини употребляетъ вовсе другія вещества, и опыты его не иначе могутъ быть произведены, какъ посредствомъ веществъ, содержащихъ въ себѣ газы, или пары.

Вотъ донесеніе Сузани миланскому обществу наукъ, литературы и художествъ, — отъ имени комиссіи, изслѣдовавшей эти опыты.

«Съ годъ тому назадъ профессоръ Горини обнародовалъ въ Лоди первый томъ своего сочиненія о происхожденіи вулкановъ. Теорія этого ученаго основана на весьма замѣчательныхъ опытахъ.

Если легко понять мысль Горини, то не такъ легко понять опыты, которыхъ до-сихъ-поръ никто еще не могъ повторить. Дѣйствительно, вещества, употребляемая имъ, бѣльшею частію неизвѣстны. Горини держитъ ихъ въ тайнѣ. Слѣдственно, комиссія занимается только описаніемъ явленій, происходящихъ при отвердѣніи расплавленныхъ веществъ, а не обозначаетъ способа, какъ повторить эти опыты.

Вещество, употребляемое при этихъ опытахъ твердо при обыкновенной температурѣ. Его растопляютъ въ котлѣ, снабженномъ на днѣ крапями и поставленномъ на обыкновенный очагъ. Масса въ семьдесятъ килограммовъ брошена была въ аппаратъ въ три, или четыре приема, и оставлена на пять, или на шесть часовъ на огнѣ. За часъ до того времени, какъ массу сняли съ огня, она уже была вся растоплена. Судя по плавленію, смѣсь эта, повидимому, должна состоять бѣльшею частію изъ сѣры. Температура расплавленнаго вещества, простиралась до 175—188°. Посредствомъ крановъ выпускаютъ растопленную жидкость въ желѣзные ведра. Вскорѣ температура опускается до 130°, — жидкость покрывается скважистою и обгорѣлою корою, которую снимаютъ желѣзнымъ уполовникомъ.

Измѣняя составъ матеріи, Горини представляетъ и другія явленія вулкановъ.

Дѣйствительно, при второмъ опытѣ представилъ онъ землетрясенія. Опытъ этотъ мало разнится отъ предыдущаго, только вѣсь употребленной матеріи тяжелѣе. Изверженіе и отвердѣніе происходятъ скорѣе, а возвышенія образуются въ меньшемъ видѣ. Когда верхняя кора отвердѣетъ и изверженія прекратятся, ставятъ на поверхность маленькіе колокольчики на желѣзныхъ прутьяхъ, утвержденныхъ на днѣ сосуда и слѣдственно окруженныхъ внутри расплавленою матеріею. Черезъ полчаса слышатся внутренніе взрывы, повторяемые съ промежутками, но съ увеличивающеюся силою, и тогда видно, какъ колокольчики колеблются, а нѣкоторые опрокидываются. Вновь открываются расщелины и опять закрываются. Видна расплавленная жидкость, поднимающаяся подъ отвердѣвшею корою, и поднимающая нѣкоторыя части ея.

По охлажденіи видно, что все вещество расположено концентрическими слоями, со впадинами и воздушными пузырьками.

Горини дѣлалъ передъ комиссіею другіе опыты съ веществомъ бѣлье блѣдножелтаго цвѣта, нежели предыдущее. Оно растапливается въ кругломъ сосудѣ, расширяющемся кверху, въ четырнадцать сантиметровъ діаметра на днѣ. Во-время охлажденія происходятъ разныя явленія, изъ которыхъ самое замѣчательное — значительное уменьшеніе объема этого вещества. Но когда часть этой матеріи вновь расплавится, она охлаждается, увеличиваясь въ объемѣ. Изъ этого опыта можно заключить, что одна и та же смѣсь можетъ при охлажденіи уменьшаться и увеличиваться въ объемѣ, смотря по температурѣ и продолжи-

тельности времени, въ которое она была въ жидкомъ видѣ. Вещества эти называются авторомъ *отрицательно-плутоническими*.

Изъ этого видно, что въ донесеніи только подтверждаютъ и описываютъ опытъ, но ничего не говорятъ о теоріи профессора Горини. Очевидно, что секретъ, хранимый имъ, долженъ былъ во многомъ оставивать комиссію. Въ заключеніе донесенія составлена подписка для производства новыхъ опытовъ расплавленія горныхъ породъ.

IV. РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Странные свадебные обычаи. — Въ окрестностяхъ Бонневала (во Франціи), передъ бракомъ, невеста должна стать на церковной паперти на колѣна, передъ образомъ св. Анны, и трижды перекрестясь, взять кудель льна и веретено, приготовленные подъ образомъ, и выпрясть три нитки. Въ это время холостые парни, поджаривъ дома у невесты ломти хлѣба съ виномъ, поручаютъ младшему между ними отвести ихъ къ невестѣ, въ салфеткѣ, обвязанной у него около шеи. Новобрачные должны оба съѣсть по кусочку, и съ помощію желѣзной грубочки всосать въ себя глотокъ вина. Все это дѣлается предъ входомъ въ церковь. По окончаніи свадебнаго обряда подводятъ невестѣ осла, на которомъ посажена уже привязанная къ нему соломенная кукла. Новобрачную сажаютъ позади этой куклы и везутъ къ дому. Молодой идетъ съ прочими пѣшкомъ, и долженъ поспѣть гораздо ранѣе ея. На порогѣ подаютъ ему большой ржаной хлѣбъ, отъ котораго онъ долженъ откусить кусокъ, и запить стаканомъ вина. Но въ ту минуту, какъ онъ хочетъ войти въ домъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ молодыхъ холостяковъ встрѣчаетъ его съ закопченною сковородою, стараясь не впустить его и замарать ему сажею лицо. Если молодой одолѣетъ противника, то входитъ въ домъ и ожидаетъ новобрачную; еслиже побѣжденъ, то его привязываютъ веревкою къ веревѣ, и въ этомъ положеніи долженъ онъ ожидать прибытія молодой, которая освобождаетъ его.

Дорогою, молодая тоже подвергается разнымъ испытаніямъ. Между прочимъ должна она поднять метлу, подброшенную нарочно на дорогѣ, и взять ее съ собою для будущаго хозяйства.

На свадебномъ обѣдѣ молодая занимаетъ первое мѣсто, а молодой долженъ прислуживать гостямъ. За десертомъ, посылаютъ маленькаго ребенка подъ стулъ, чтобъ тотъ тихонько отвязалъ одну подвязку у молодой, и подвязку эту дѣлятъ всѣ гости между-собою по кусочку. При этомъ одна изъ подругъ подаетъ новобрачной бѣлаго голубя, говоря: «Вотъ тебѣ маленькая птичка; она невелика, но сильна. Крылья

ея быстры, какъ стрѣлы; около глазъ ея обведены три кольца, берегись, чтобъ она не улетѣла.»

Этими церемоніями оканчивается первый день. На второй происходитъ тоже много обрядовъ. Между-прочимъ одна изъ ближайшихъ родственницъ молодой танцуетъ роль менуэта; карманъ ея наполняется нарочно орѣхами, которые во-время пляски сыплются, а молодые парни бѣгаютъ за ними, подбираютъ и ѣдятъ.

Нѣмой разговоръ. — Писатель Ларрьеръ рассказываетъ, что во время реставраціи ѣздилъ онъ въ Неаполь, и нѣсколько времени прожилъ въ Туринѣ. «Здѣсь,—говоритъ онъ,—познакомился я съ молодымъ дипломатомъ, графомъ д'Апремономъ, чиновникомъ французскаго посольства. Однажды, на дружескомъ вечерѣ у него, увидѣлъ я, что неаполитанскій посланникъ при туринскомъ дворѣ очень живо разговариваетъ съ своею супругою посредствомъ жестовъ, не произнося ни одного звука, потому-что каждый изъ нихъ сидѣлъ на противоположномъ концѣ залы. Долго я смотрѣлъ на этотъ удивительный разговоръ, и спросилъ у графа д'Апремона:

— Неужели они вполне понимаютъ другъ-друга?

— Разумѣется. Способность эта удивительно развита у Сицилійцевъ,—а неаполитанскій посланникъ съ супругою оба изъ Сициліи.

— Нельзя-ли попросить его, чтобъ онъ что-нибудь спросилъ вовсе неожиданное у жены,—и сказалъ намъ отвѣтъ ея?

— Съ удовольствіемъ.

Тотчасъ же условились мы спросить у посланницы: «когда у нея будетъ балъ?—и послѣ нѣсколькихъ знаковъ съ обѣихъ сторонъ, посланникъ подошелъ ко мнѣ и передалъ отвѣтъ жены своей, состоявшій въ томъ, что «бала невозможно дать», потому-что съ завтрашняго дня начинается трауръ при неаполитанскомъ дворѣ, по случаю кончины молодой принцессы.

Я не утерпѣлъ, и перейдя черезъ залу, — спросилъ у посланницы: какой отвѣтъ дала она своему супругу? Та въ точности повторила мнѣ и вопросъ и отвѣтъ.

Ревность попугаевъ. — Многіе изъ животныхъ обнаруживаютъ признаки ревности, но ни одно не ревниво въ такой степени, какъ попугай. Одна дама очень любила своего попугая, и безпрестанно занималась имъ. Вдругъ ей кто-то подарилъ канарейку, — и дама стала ухаживать за нею. Попугай разсердился, всегда мѣшалъ пѣнію канарейки, отворачивался отъ ласкъ хозяйки, и даже сталъ кусать ее.—а однажды, ночью, вдругъ услышали, что клѣтка канарейки упала и птичка сильно бьется. Прибѣжали, — и увидѣли, что попугай, отыскавши возможность выйти изъ своей клѣтки, добрался до канарейки, стащилъ

ея клятку, растворилъ дверцы, и старался достать своими когтями бѣдняжку, которую едва могли освободить.

Пренія о водкѣ на островѣ Таити. — На островѣ Таити, въ палатѣ происходило недавно любопытное засѣданіе по поводу вопроса о дозволеніи ввозить вино и пиво, запретивъ ввозъ водки. Теа-ау сказалъ: «Съ одной стороны представляются кушцы, которые хотятъ продавать водку, потому-что въ этомъ ихъ выгода. Съ другой являются Таитяне, которые хотятъ покупать эту водку, потому-что она составляетъ ихъ наслажденіе; слѣдовательно, узаконеніе будетъ составлять между этими партіями сѣтъ, сквозь которую потечетъ водка. Лучше запретите европейцамъ привозить къ намъ водку,—если ваши легкія такъ сильны, чтобъ голосъ вашъ услышали въ Америкѣ, въ Англии во Франціи, въ Испаніи.

Ра-аваль говорилъ. «Можете ли вы сказать кому-бы то ни было: пей и ѣшь это, а не другое; одѣвайся такъ, а не иначе. Вы всѣ любите водку; мы всѣ пьемъ ее тайно, или явно.» Послѣ многихъ преній Ну-утере сказалъ въ заключеніе слѣдующее: «Вино можетъ тоже производить пьяное состояніе, но не въ такой степени, какъ водка. Бутылка водки превращаетъ человѣка въ скота и повергаетъ его на землю. Три бутылки вина дѣлаютъ его только веселымъ. Слѣдовательно, выгоднѣе позволить ввозъ вина». Такъ и слѣлаи.

Первый мостъ для желѣзной дороги въ Египтѣ. — Бенъа, котораго огромныя развалины доказываютъ, что это былъ нѣкогда, при Фараонахъ, одинъ изъ обширнѣйшихъ городовъ, и изъ котораго всѣ музеи продолжаютъ до-сихъ-поръ обогащаться рѣдкими художественными произведеніями древности, — теперь бѣдная деревушка. — Близъ нея воздвигнуть однакоже великолѣпный дворецъ Аббасъ-Паши,—и здѣсь строить первый мостъ черезъ Нилъ, для желѣзной дороги. Три года тому назадъ стояла на мѣстѣ дворца бѣдная хижина. Въ-теченіе года построенъ дворецъ, украшенный всею роскошью востока и комфортомъ Европы. Около дворца огромное пространство земли отведено подъ садъ, который уже разведенъ и наполненъ прекраснѣйшими деревьями. Для искусственнаго орошенія его и для другихъ дворцовыхъ потребностей устроена паровая машина во сто силъ. Въ садъ пущены гиппопотамы, жирафы, страусы, олени, бараны, козы, и другіе звѣри.

Желѣзная дорога пойдетъ здѣсь черезъ Нилъ, который при низкой водѣ имѣетъ 900 футовъ ширины, а при высокой до 1,300, при 40 футахъ глубины. Мостъ будетъ желѣзный. Локомотивы и вагоны пойдутъ по струбчатымъ рельсамъ, которыя будутъ лежать на желѣзныхъ столбахъ.

Статистика ружейныхъ выстрѣловъ. — Одинъ англичанинъ, собравши всѣ данныя о числѣ разстрѣливаемыхъ патроновъ во-время сраженій, исчислилъ, что въ періодъ наполеоновскихъ войнъ самая сильная пропорція убитыхъ и раненыхъ по числу выстрѣловъ была: 30,000 пуль на одного, а самая слабая 10,000 на одного. При нынѣшней войнѣ англичанъ съ Каффрами исчисленіе это дало въ результатѣ, что 60,000 патронами убито 23 Кафровъ.

— **Австріецъ и французъ на полѣ сраженія.** Во-время послѣдней италянской кампаніи, австрійскій полковникъ Поторнасъ командовалъ однимъ полкомъ въ сраженіи при Гойто, когда ему оторвало руку неприятельское ядро. Полковникъ спокойно подѣхалъ къ генералу, и сказалъ такимъ же тономъ, какимъ обыкновенно дѣлалъ рапорты: «ваше превосходительство, честь имѣю донести, что мнѣ оторвало руку, и я долженъ удалиться за фронтъ для перевязки».

Въ сраженіи при Фонтенуа, одинъ молодой капитанъ французской гвардіи закричалъ вдругъ: Кольцо мое! Кольцо пропало! и побѣжалъ отыскивать свою руку, тоже оторванную ядромъ. Не ясно-ли и вѣрно выказывается національный характеръ въ этихъ немногихъ словахъ? Французъ посреди опасностей и передъ смертью такъ же легкомысленъ, остроуменъ и храбръ. Австріецъ всегда важенъ, покоенъ, преданъ долгу и дисциплинѣ, какъ древній рыцарь своему обѣту.

Іонійскіе острова. — Острова эти, благодаря пароходству, находятся теперь не болѣе, какъ на десять дней пути отъ Англии; они весьма замѣчательны по плодородію почвы, красотѣ мѣстоположенія, и по своей древней исторіи. Художникъ и литераторъ, историкъ и антикварій, равно найдутъ себѣ пищу, изслѣдуя эти острова.

Республика Іонійская состоитъ изъ семи острововъ: 1, Корфу (древняя Корцира); 2, Паксось (древняя Эрикуза); 3, Сень-Моръ (Левкада); 4, Итака; 5, Кефалонія; 6, Зантъ; 7, Цериго (Цитера). Всѣ они лежатъ въ Іонійскомъ морѣ, и съ принадлежащими къ нимъ островками и скалами составляютъ цѣпь вдоль береговъ Албаніи и Мореи, отъ Бутранто (древній Бутритумъ) на сѣверѣ, до мыса Матапана на югѣ. Гомеръ и Виргилій воспѣвали эти острова въ своихъ поэмахъ.

Замѣшанные во всѣ историческіе перевороты греческой и римской исторіи, острова эти принадлежали Константинопольской имперіи, потомъ попеременно были во власти крестоносцевъ и турокъ, наконецъ остались за Венеціею. Въ 1386 году Корфу самъ отдался Венеціи, а въ слѣдующіе два столѣтія и прочіе острова, одинъ за другимъ, покорились Дѣву св. Марка.

Народонаселеніе Іонійскихъ острововъ по статистикѣ 1844 года слѣдующее: въ Корфу 64,676 жителей, въ Паксось 1017, въ Сень-Морѣ

18,678, въ Итакѣ 10,821, въ Кефалоніи 69,984, въ Зантѣ 38,929, въ Цериго 11,694, — всего 219,797. Въ 1851 народонаселеніе возрасло до 230,000 человекъ. Въ 1817 оно состояло только изъ 175,000.

Извѣстно, какой несчастной участи подвержены всѣ народы, находящіеся подъ владычествомъ республикъ, а особливо такой, какова была Венеція. Колоніи всегда приносимы были на жертву метрополи — и греки іонійскихъ острововъ были подвергнуты большимъ угнетеніямъ. На каждомъ изъ этихъ острововъ властвовали бѣдные и жадные провѣдиторы, обыкновенно посылаемые въ колонию для того, чтобы обогатиться, по древнимъ обычаямъ Рима и нынѣшнимъ Турціи. Фра-Паоло, въ своей Исторіи Венеціи, вѣрно описываетъ эту систему управленія колоніями. Іонійцы платили подати на содержаніе венеціанскихъ цитаделей и гарнизоновъ. Правосудіе было продажное. Сборщики податей брали въдесятеро больше. Лихоимство царствовало вездѣ и во всѣхъ вилахъ. Всѣ средства были употребляемы, чтобы Греки забыли свою древнюю національность.

Дѣйствительно, подъ владычествомъ Венеціи искажился греческій языкъ и составилось какое-то грубое нарѣчіе. Католики не допускали исполнять обряды греческой Церкви иначе, какъ подъ тяжкими и унижительными условіями.

Въ 1797 году Кампоформійскій трактатъ прекратилъ существованіе Венеціанской республики, — и острова эти подпали власти французовъ. Генераль Джентили отправленъ былъ для занятія Іонійскихъ острововъ, съ значительнымъ корпусомъ войскъ; жители съ восторгомъ приняли Французовъ. Трактатомъ 22 марта 1800 года основана была республика Семи-Іонійскихъ Острововъ.

Въ этомъ трактатѣ сказано, что острова эти составляютъ республику, зависящую отъ Порты и управляемую собственными своими властями. Султанъ и преемники его были покровителями этой республики.

Послѣ этого дипломатическаго акта составленъ былъ сенатъ изъ тринадцати членовъ, — и новое государство было тотчасъ же признано Англіею. Но едва обнародовано было уложеніе, какъ на всѣхъ островахъ сдѣлались смятенія. Уполномоченные центральной властію были изгнаны, а въ Кефалоніи, Зантѣ и Цериго даже умерщвлены. Турки отплатили за это кровопролитными казнями.

При Тильзитскомъ мирѣ Іонійскіе острова уступлены были Франціи, и всѣ острова заняты французскими комиссарами.

Но и французское владычество было непродолжительно. Въ 1809 году англійская эскадра, отправленная лордомъ Коллингвудомъ, овладѣла Итакою, Кефалоніею, Сень-Моромъ, Зантомъ и Цериго. Народъ вездѣ радостно принялъ англичанъ, привѣтствуя ихъ, какъ избавителей. Паксось взятъ былъ только въ началѣ 1814 года, а Корфу уже по отреченіи Наполеона.

На Вѣнскомъ конгрессѣ составлена была особая конвенція 5 ноября 1815, касательно Іонійскихъ острововъ, въ ней сказано слѣдующее:

Семь Іонійскихъ острововъ будутъ составлять отдѣльное, свободное и независимое государство, подъ названіемъ *Соединенныхъ Шта-*

товъ *Ионійскихъ острововъ*. Оно будетъ находиться подъ непосредственнымъ и исключительнымъ покровительствомъ Великобританіи.

Въ-слѣдствіе этой конвенціи, генералъ лейтенантъ сиръ Томасъ Майтландъ назначенъ былъ главнымъ лордомъ комиссаромъ *Ионійскихъ острововъ*, и отправился въ Корфу, въ 1816 году.

Хотя подъ покровительствомъ Великобританіи *Ионійцы* сдѣлали большіе успѣхи въ умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, но въ 1815 году они столько же неспособны были къ составленію собственнаго управленія, какъ и подданные *Остъ-Индской Компаніи*, которые до-сихъ-поръ воображаютъ себѣ, что они находятся подъ властію престарѣлой государыни *Кумпани* (*Остъ-Индская Компанія*): Въ *Times* описывали тогда *Ионійцевъ* самыми невыгодными красками. «Тяжкое и безнравственное угнетеніе Венеціи (сказано въ этой газетѣ) принесло достойные плоды. *Ионійцы* соединяютъ хитрость Грековъ съ коварствомъ *Италіянцевъ*. Ни въ общественной, ни въ частной ихъ жизни не видно чести и добродѣтели. Народъ волнуется сильными страстями; онъ лѣнивъ, суевѣренъ и погрязъ въ невѣжествѣ.»

До той минуты, когда Парижскій трактатъ рѣшилъ участь *Семи Острововъ*, не было тамъ никакого управленія, кромѣ одного военного коменданта. Доходы казны получались посредствомъ притѣснительныхъ пошлинъ съ первыхъ жизненныхъ потребностей, какъ-то: масла, соли, вина, рыбы. Сборщики, взимающіе эти подати, всегда оставались въ долгу передъ казною, платя впрочемъ исправно высшимъ сановникамъ за свои мѣста. Высшіе же сановники не получали отъ казны жалованья, а добывали себѣ содержаніе сами, посредствомъ притѣсненій и неправосудій, или продажею низшихъ мѣстъ.

Когда прибылъ сиръ Томасъ Майтландъ, въ государственной кассѣ было наличными деньгами — три мѣдныхъ монеты. Публичные работы были предоставлены подкупу и лихоимству. На ремонтъ и починки зданій собирались деньги, поступавшія въ карманъ подрядчиковъ, а зданія оставались въ прежнемъ видѣ.

Правосудіе принадлежало богатымъ, которые могли купить его, или сильнымъ, которые силою склоняли вѣсы его на свою сторону. Церкви представляли однѣ развалины; народъ былъ суевѣренъ и униженъ; само духовенство ни знаніями, ни образомъ жизни не поддерживало своего достоинства. Наконецъ народная гигиена предоставлена была шарлатанамъ и эмпирикамъ; чума опустошала главные острова.

Сиръ Томасъ Майтландъ былъ однимъ изъ отличѣйшихъ людей своего времени по твердости характера и ума. Онъ вскорѣ увидѣлъ, въ какомъ положеніи находятся политическія, нравственныя и финансовыя дѣла *Ионійскихъ острововъ*, учредилъ собраніе изъ двадцати-деяти членовъ и преобразовалъ весь механизмъ администраціи. Въ первый пятилѣтній періодъ со дня обнаруженнаго имъ уложенія можно было предвидѣть всѣ послѣдствія его системы. Всѣ мѣстные и спеціальныя пошлины исчезли; учрежденъ былъ правильный и единственный налогъ, расчисленный на ввозъ и вывозъ произведеній. Строгая админи-

стративная система произвела тотчасъ же повиновеніе и порядокъ, вмѣсто происковъ и подкуповъ.

Сперва всѣ безусловно покорились новому порядку вещей, — но вскорѣ возникли неудовольствія. Обнародованы были строгіе законы противу всякаго сопротивленія, — и тишина мало-по-малу возстановилась.

Въ 1817 году общественные доходы острововъ простирались до 84,726 фунт. стер.; расходы же до 79,276. Въ 1820 году доходы дошли до 156,215 ф. стер., а расходы до 136,788. Въ 1823 сиръ Томасъ Майтландъ объявилъ въ нижнемъ-парламентѣ, что доходъ казны простирается до 165,338 ф. стер. Если вспомнить, что всѣ должностныя лица получали весьма большое жалованье и публичныя работы поглощали почти весь доходъ, — то надобно удивляться управленію главнаго лорда-коммиссара. А между-тѣмъ множество высшихъ мѣстъ были лишнія, бесполезныя; для высшихъ чиновниковъ нанимали дома на счетъ казны, а чиновники жили въ Англіи.

Несмотря на всѣ эти расходы, сиръ Томасъ Майтландъ умѣлъ выстроить великолѣпный дворецъ для присутственныхъ мѣстъ, построилъ военный бригадъ, основалъ высшее училище, произвелъ много публичныхъ работъ, — и оставилъ по смерти своей въ наличной экономіи 140,000 фунт. стер. Эта сумма сдѣлана основнымъ капиталомъ для содержанія постоянныхъ войскъ на Юнійскихъ островахъ.

Устроивъ, повидимому, участь Семи Острововъ лучшимъ образомъ, сиръ Томасъ Майтландъ внезапно скончался отъ апоплексическаго удара, въ январѣ 1824 года. Хотя при жизни и былъ онъ предметомъ многихъ осужденій, но воспоминаніе о немъ и теперь еще сохранилось на Юнійскихъ островахъ. Чувства жителей къ нему составляли смѣсь страха и благодарности. Это высочайшая дань памяти правительственнаго человѣка на востокѣ.

Послѣ него вступилъ въ управленіе сиръ Фредерикъ Адамъ, бывший помощникомъ сира Майтланда по военной части. Между этими двумя людьми былъ совершенный контрастъ. Первый былъ строгъ и по наружности неприступенъ, но высокаго ума и непреклоннаго характера. Другой былъ кротокъ и снисходителенъ въ обхожденіи, но слабъ волею и духомъ. Первое дѣйствіе его состояло въ томъ, что онъ собственное свое жалованье съ 1,000 фунт. стер. возвысилъ до 4,000. Такія-же прибавки сдѣлалъ онъ и прочимъ должностнымъ лицамъ; умножилъ еще число бесполезныхъ званій, — и вмѣсто способныхъ юнійцевъ роздалъ эти должности сицилійцамъ и неаполитанцамъ. Постройка на казенный счетъ великолѣпнаго загороднаго дома для него и покупка брилліантовъ казенными деньгами для себя — были пятнами въ его управленіи. Экономическіе остатки сира Томаса Майтланда вскорѣ всѣ были истрачены, хотя годовой доходъ возросъ въ 1833 году до 190,000 фунт. стерлинговъ. Въ 1830 году Адамъ назначенъ былъ мадрасскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Дѣйствія лорда Нюджента, вступившаго на его мѣсто въ управленіе Юійскими островами, тоже подверглись многимъ осужденіямъ. Унич-

тоживъ сперва монополію хлѣба, онъ черезъ годъ снова возстановилъ ее. Собственное свое жалованье возвысилъ онъ до 15,000 фунт. стер., увеличивъ содержаніе и другихъ лицъ.

Послѣ него вступилъ въ управленіе Стюартъ Макензи, — но онъ такое короткое время занималъ это мѣсто, что не оставилъ никакихъ по себѣ воспоминаній. Преемникомъ его былъ генералъ Говардъ Дугласъ. Это былъ искусный инженеръ. Страсть къ построенію укрѣпленій вовлекла его въ чрезвычайныя издержки, которыя въ первый разъ произвели въ бюджетѣ дефицитъ. Въ 1843 году срокъ службы его кончился, — и мѣсто его занялъ лордъ Ситонъ.

На этотъ разъ выборъ обѣщаль Іонійскимъ островамъ счастливую будущность. Лордъ Ситонъ принадлежалъ къ лучшимъ семействамъ Англіи и пользовался безукоризненною извѣстностію. Но онъ худо зналъ народъ, котораго сдѣлался правителемъ, и полагалъ, что іонійцы могутъ пользоваться тѣми же правами, какъ англичане. Онъ быстро приступилъ къ измѣненіямъ, преобразованію, — и уничтожилъ всѣ старые законы; въ десять дней 1849 года онъ больше произвелъ перемѣнъ между изумленными іонійцами, нежели Англія сдѣлала ихъ въ десять поколѣній. — Послѣдствія были самыя печальныя. Газеты превратились въ собраніе пасквилей, площадной брани и клеветъ.

Въ маѣ 1849 года его отозвали, — и сиръ Генрихъ Вардъ прибылъ на мѣсто его въ Корфу. Онъ принадлежалъ къ партіи виговъ, — и первая забота его обратилась на финансовыя реформы, сдѣлавшіяся необходимыми. Онъ убавилъ всѣ жалованья должностныхъ лицъ, начавъ съ себя. Для большаго безпристрастія, предоставилъ онъ всѣ прочія измѣненія въ финансахъ іонійскому парламенту, учрежденному торопливымъ его предмѣстникомъ. Тогда годовые доходы простирались до 160,000 фунт. стер. Изъ нихъ сиръ Генрихъ Вардъ оставилъ только 38,000 на содержаніе войскъ и жалованье должностнымъ лицамъ; все прочее отдалъ въ распоряженіе парламента, — а за 38,000 ф. стер. 3,000 англійскихъ солдатъ охраняютъ спокойствіе, безопасность и торговлю Іонійскихъ острововъ, будучи сверхъ-того покровительствуемы англійскимъ флагомъ, дипломатическими и консульскими агентами. Послѣднее очень важно, потому что въ одномъ Константинополѣ живетъ болѣе четырехъ тысячъ іонійцевъ.

Между-тѣмъ сама Англія истрачиваетъ на управленіе и защиту Іонійскихъ острововъ ежегодно до 150,000 фунт. стер., держа тамъ пять баталіоновъ пѣхоты, три роты артиллеріи и роту саперовъ, — такъ что съ 1809 до 1852 г., болѣе 5,000,000 ф. стер. англійскихъ денегъ издержано на 226,000 жителей.

Изъ Іонійскихъ острововъ Корфу составляетъ ключъ къ Адриатическому-морю. Это важная морская и военная позиція для охраненія дороги изъ Триеста въ Остъ-Индію, какъ Мальта охраняетъ ту же дорогу изъ Марсели. Корфу совершенно отдѣленъ отъ прочихъ острововъ, какъ по географическому своему положенію, такъ и по мѣстнымъ обычаямъ; онъ прилегаетъ къ албанскому берегу, — и жители его болѣею частію албанскаго, или италіянскаго происхожденія; тог-

да какъ пять южныхъ острововъ населены преимущественно греками. Корфиоты не очень дружно живутъ съ жителями прочихъ острововъ, и всегда жалуется на производимые ими безпорядки.

Англо-саксонскіе партизаны. — *Робинъ Гудъ*, (Robin Hood) *Адамъ Бель*, *Климентъ*, прозванный *Климентомъ изъ Долины* (Clum o'the clough) и *Вильямъ Глудесли* (William Gloudesly.)

Шервудскій (Sire-wode, по саксонски, Sherwood, по англійски) лѣсъ почитался въ двѣнадцатомъ столѣтіи однимъ изъ самыхъ величайшихъ лѣсовъ Англій. Онъ начинался въ Ноттингамѣ, и простирался до середины юркскаго графства. Подъ его густою тѣнью, среди его зеленой глуши, прославленной въ народныхъ старинныхъ пѣсняхъ, по возвращеніи короля Ричарда Львиное-сердце изъ плѣна въ Англію, скрывались шайки вооруженныхъ саксоновъ, страшныя для нормановъ завоевателей. Спротивляясь владычеству пришельцевъ, вооруженныя шайки эти гордо отвергли всѣ предложенія и были объявлены внѣ покровительства норманскихъ законовъ. Ихъ преслѣдовали какъ дикихъ звѣрей, и только подъ пріютною тѣнью шервудскихъ лѣсовъ находили они себѣ убѣжище. Довольно значительное число этихъ саксоновъ и какой-то родъ правильной военной организаціи и дисциплины ставили эти кочующія толпы выше обыкновенныхъ разбойниковъ и придавали имъ характеръ болѣе оригинальный. Около того времени (1189—1194 г.) когда герой норманскій, Ричардъ Львиное-сердце, плѣненный, говоритъ одинъ современный писатель дикою красотою шервудскихъ лѣсовъ, посѣтилъ ихъ, среди ихъ чащи жилъ человѣкъ, благодѣтельствовавшій и покровительствовавшій бѣднымъ англо-саксонамъ.

«Въ то время», говоритъ древній англійскій историкъ, былъ извѣстенъ Робинъ Гудъ, котораго простой народъ любитъ припоминать среди своихъ празднествъ, пѣсни про котораго тѣшатъ болѣе другихъ.» Этотъ краткій отрывокъ заключаетъ въ себѣ все, что повѣствуютъ положительнаго хроники о самомъ знаменитомъ саксонскомъ партизанѣ, который существовалъ въ Англій со времени другаго подобнаго партизана Гереварда. Чтобы имѣть больше подробностей о жизни этого человѣка, нужно прибѣгнуть къ стариннымъ народнымъ пѣснямъ и балладамъ. Часто поэтическія преданія эти противорѣчатъ одно другому во многомъ, и только подтверждаютъ одно — память англійскаго народа о Робинѣ Гудѣ и о его товарищахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Робертъ, или, въ простонародіи: Робинъ Гудъ, былъ саксонъ, хотя имя его чисто французское, потому-что англійское духовенство, со времени завоеванія, крестило младенцевъ именами святыхъ, уважаемыхъ норманами. Фамилія Гудъ чисто саксонская, и старинныя баллады утверждаютъ, что предки Робина были англійскіе поселяне. Въ-послѣдствіи, когда въ народной памяти сгладились немного первыя времена завоеванія, сельскіе поэты старались облагородить любимаго ими предводителя партизановъ, и окружили его рожденіе вели-

чѣмъ и богатствомъ. Они называли его графомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, побочнымъ сыномъ одного графа, и полагали что Гудъ родился въ шервудскихъ лѣсахъ. Это послѣднее предположеніе создало народную пѣсню, полную интереса и граціозности, хотя ничто не подтверждаетъ истинны ея словъ.

Правда, или нѣтъ, что Робинъ Гудъ родился, какъ говоритъ эта пѣсня «подъ зеленѣющимъ пологомъ деревьевъ, посреди цвѣтистой долины», онъ, по-крайней-мѣрѣ, провелъ въ лѣсахъ всю свою жизнь, предводительствуя нѣсколькими сотнями стрѣлковъ, страшныхъ норманамъ и любимыхъ фермерами, земледѣльцами, сиротами, вдовами и неимущими. Они покровительствовали всѣмъ слабымъ, дѣлились съ неимущими, добычею, отнятою у нормановъ, и, по словамъ стариннаго преданія, были очень расположены ко всякому, кто велъ честную и трудолюбивую жизнь.

Робинъ Гудъ былъ человекъ самаго добраго сердца и самый искусный стрѣлокъ изъ лука изъ всей своей шайки. Послѣ него слылся Ванюша — little John, его помощникъ и братъ по оружію, съ которымъ онъ не разставался никогда, ни въ минуты опасности, ни въ часы веселья и котораго старинныя баллады и пословицы англійскія никогда не разъединяютъ съ Робинъ Гудомъ.

Древнія народныя преданія называютъ еще нѣкоторыхъ товарищей Гуда — сына мельника, стараго Ската, Локка и одного отшельника, брата Тукка, который сражался пращей и кромѣ тяжелой палки не имѣлъ никакого другаго оружія. Всѣ они были люди веселые, недумали объ обогащеніи и раздѣляли все, что считали лишнимъ, съ тѣми, чьи предки потеряли свое имущество во-время норманскаго вторженія. Они никогда не лишали жизни попадавшихъ къ нимъ въ руки, и проливали кровь только въ крайней необходимости, защищая жизнь свою. Удары ихъ падали только на норманновъ.

Ноттингамскій шерифъ, былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ враговъ Робина Гуда, съ которымъ имѣлъ безпрестанныя схватки, безпощадно преслѣдовалъ его, положивъ за его голову плату, соблазняя товарищей и друзей Робина Гуда выдать его. Но ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ ему; напротивъ всѣ старались помогать ему выпутываться изъ опаснаго положенія, въ которое часто повергала Робина его отважность. Я лучше согласилась бы умереть, сказала ему однажды бѣдная женщина, чѣмъ не пожертвовать всѣмъ, чтобы спасти тебя, потому-что кто, кромѣ тебя и Ванюши, little John, кормилъ и одѣвалъ меня и моихъ сиротъ?»

Удивительныя приключенія этого начальника партизановъ двѣнадцатаго вѣка, его побѣды надъ людьми норманскаго происхожденія; его стратегія и его умныя отступленія и уходы были долгое время единственными историческимъ повѣствованіемъ, единственнымъ любимымъ народнымъ рассказомъ, переходившимъ отъ дѣдовъ къ внукамъ. Народное воображеніе надѣляло Робина Гуда всѣми качествами и всѣми добродѣтелями рыцарей среднихъ-вѣковъ. Онъ почитался столькоже богомольнымъ въ храмѣ, сколько слытъ храбрымъ въ битвѣ, и пре-

даніе дополняетъ, что какал-бы опасность ни грозила, Робинъ Гудъ ни когда не оставлялъ церкви прежде совершеннаго окончанія службы. Чуть было однажды не попался онъ въ руки шерифа и его стражи, но Робинъ Гудъ и тутъ нашелся, и не только защитилъ себя, но даже, говорить старинная хроника, взялъ въ плѣнъ самаго шерифа. Англійскіе менестрели четырнадцатаго столѣтія сложили на этотъ случай длинную балладу, которой нѣкоторыя строфы достойны быть приведенными, какъ образецъ національной поэзіи, замѣчательной яркостію своихъ красокъ и живостію идей.

Вотъ эти строфы:

«Лѣтомъ, когда зелень такъ прекрасна и листья длинны и широки, какъ весело слушать въ лѣсу пѣніе птицъ!

«Какъ весело видѣть, какъ лань оставляетъ пригорки и скрывается въ долину подъ тѣнью зеленыхъ лѣсныхъ вѣтвей.

«То было въ день Благовѣщенья, раннимъ утромъ, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда солнце выходитъ такъ ярко и величественно, когда птицы поютъ такъ радостно.

«— Вотъ, сказалъ Ванюша (little John), веселое утро, и во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ человѣка веселѣе меня.

«— Открой свое сердце, добрый предводитель мой, подумай, что въ цѣломъ году нѣтъ прекраснѣе и торжественнѣе этого утра.

«Одно тяготитъ меня, сказалъ Робинъ Гудъ, и заставляетъ сердце мое грустить— это то, что я ни въ одинъ праздникъ не могу какъ слѣдуетъ отелушать ни обѣдни, ни заутрени.

«Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ я не сподоблялся зрѣть образъ моего Спасителя, и я хочу отправиться въ Ноттингамъ, въ церковь Пресвятой Дѣвы.

«Робинъ отправился одинъ въ Ноттингамъ; Ванюша же остался въ Шервудѣ; Робинъ вошелъ въ церковь Пресвятой Дѣвы и преклонился предъ Распятіемъ»...

Богомольный Робинъ Гудъ, говорить преданіе, былъ самъ глубоко уважаемъ народомъ, и день его именинъ былъ всегда торжественно празднуемъ жителями селеній и маленькихъ городовъ Англій. Въ этотъ день всѣ работы оканчивались, и всѣ пировали и занимались разными играми. Еще въ пятнадцатомъ столѣтіи обычай этотъ строго соблюдался, и дѣти англо-саксонцевъ и даже нормановъ, позабывъ, что праздникъ этотъ напоминалъ вражду саксоновъ къ ихъ предкамъ, смѣшивались съ англичанами и веселились въ одномъ кружкѣ. Этотъ обычай продолжался даже долго послѣ реформы, которая дала новое направленіе религіозности англичанъ. Фактъ этотъ подтверждается англиканскимъ епископомъ семнадцатаго вѣка, знаменитымъ Латимеромъ. Въ одну изъ пасторскихъ своихъ поѣздокъ по епархіи, онъ прибылъ въ маленькій городокъ, неподалеку отъ Лондона. На другой день,— говорить онъ, я отправился въ церковь, но къ моему крайнему удивленію нашелъ двери запертыми. Я послалъ за ключемъ, и долженъ былъ дожидаться болѣе часу. Наконецъ подошелъ ко мнѣ какой-то человѣкъ и сказалъ: Ваше преосвященство, день этотъ для всѣхъ насъ

день самый хлопотливый—это день Робина Гуда. Все жители и прихожане нынче вѣ города, плетутъ вѣтви для Робина Гуда, и вы напрасно будете ихъ ждать.»

Епископъ продолжалъ путь, видя повсюду людей одѣтыхъ въ зеленое платье стрѣлковъ, которые представляли на полѣ сцены изъ жизни Робина Гуда, *Ванюши* и ихъ товарищей.

Слѣды такого продолжительнаго воспоминанія сохранились еще и до-сихъ-поръ. Въ Йоркской провинціи есть при устьѣ одной маленькой рѣчки заливъ, который носитъ на всѣхъ географическихъ картахъ настоящаго времени названіе залива Робина Гуда (*Robin Hood's bay*), и еще не такъ давно, въ этой же самой провинціи, показывали путешественникамъ быстрый и свѣтлый источникъ, который назывался источникомъ Робина Гуда и въ которомъ провожатый почерпнувъ кружку воды, приглашалъ cadaго выпить въ честь знаменитаго стрѣлка.

Въ-продолженіе всего семнадцатаго столѣтія, старинныя баллады о Робинѣ Гудѣ, напечатанныя готическими буквами (родъ печати, особенно любимый англійскою чернью) переходили изъ деревни въ деревню, изъ мѣстечка въ мѣстечко, продаваемые разносчиками, которые пѣли эти баллады и учили ихъ мотивамъ cadaго покупателя. Для городскихъ жителей издавалось полное собраніе этихъ балладъ, и одно изъ нихъ имѣло громкое названіе—«Гирлянды Робина Гуда». Въ настоящее время собранія этихъ балладъ очень рѣдки. Пренебреженіе прошедшаго столѣтія ко всему древнему истребило большую часть этихъ рѣдкихъ коллекцій, и баллады, сохранившіяся до нашего времени, въ которыхъ повѣствуется о начальникѣ шервудскихъ стрѣлковъ, можно развѣ только найти разбросанными въ разныхъ стихотворныхъ старинныхъ книгахъ и пѣсенникахъ. Впрочемъ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда вкусъ къ этимъ наивнымъ произведеніямъ народной музы началъ опять входить въ моду въ Англии, многія изъ этихъ балладъ собраны въ одно цѣлое сочиненіе, Перси, Эллисомъ, Джемсономъ и многими другими.

Какъ на самыя пространныя и самыя поэтическія баллады о Робинѣ Гудѣ можно указать на балладу о мнимой встрѣчѣ короля Ричарда Львиное-сердце съ Робинѣмъ Гудомъ въ Шервудскомъ лѣсу, встрѣчѣ, которая такъ прекрасно описана Вальтеръ-Скоттомъ въ его романѣ Эйвенго, и на балладу, написанную на сѣверномъ нарѣчій,—на рожденіе Робина Гуда.

Нужно замѣтить, что ни одна изъ балладъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени, не повѣствуетъ о смерти Робина Гуда. Общее преданіе говоритъ впрочемъ, что онъ погибъ въ одномъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ однажды, чувствуя болѣзненную слабость, онъ долженъ былъ просить себѣ пристанища. Нашли нужнымъ пустить ему кровь. Монахиня, умѣвшая дѣлать кровопусканіе, узнавъ Робинѣ Гуда, исполнила свое дѣло небрежно, и онъ истекъ кровью. Разсказъ этотъ, который нельзя ни подтверждать, ни опровергать, очень впрочемъ сообразенъ съ нравами и обычаями двѣнадцатаго вѣка; многія женщины

занимались тогда изученіемъ медицины и составленіемъ лекарствъ, которыя безденежно раздавались бѣднымъ. Если взять, при этомъ преданіи, въ соображеніе, что со времени завоеванія Англій норманами, настоятельница монастырей и большая часть монахинь были норманскаго происхожденія, чему доказательствомъ могутъ служить всѣ монастырскіе статуты того времени, писанные на старинномъ французскомъ нарѣчьи, то очень легко объяснить, почему начальникъ саксонскихъ партизановъ, объявленныхъ внѣ покровительства законовъ, нашелъ враговъ въ томъ убѣжищѣ, гдѣ искалъ помощи. По смерти Робина Гуда, шайка его, которой онъ былъ головой и душою, разсѣялась, и его вѣрный товарищъ *Ванюша*, потерявъ надежду удержаться въ Англии и движимый желаніемъ продолжать войну противъ нормановъ, удалился въ Ирландію, въ которой принялъ дѣятельное участіе въ войнахъ туземцевъ противъ завоевателей. Такъ истребилась послѣдняя толпа англійскихъ бродягъ, которые получили мѣсто на страницахъ исторіи Англии.

Въ промежутки времени между Геревардомъ и Робинъ Гудомъ (1110—1200 г.), особенно въ сѣверной Англии, были многіе постоянно и непрерывно дѣйствовавшіе начальники саксонскихъ партизановъ, которые хотя и пользовались извѣстностію, но о которыхъ слишкомъ мало извѣстно положительно достовѣрнаго, чтобы можно было разсматривать ихъ, какъ лица историческія. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ, долго сохранялись въ народной памяти. То были — Адамъ Бель, Климентъ, прозванный Климентомъ изъ Долины (*Clum o'the Clough*) и Вильямъ Глудесли. Приключенія этихъ трехъ начальниковъ, которыхъ нельзя разъединить, также какъ Робинъ Гуда, съ *Ванюшей*, составляютъ предметъ длиннаго романа, сочиненнаго въ пятнадцатомъ вѣкѣ и раздѣленнаго на три части, или, лучше сказать, на три пѣсни. Многимъ частностямъ, воспѣваемымъ въ этомъ романѣ, нельзя дать вѣры, но романъ этотъ замѣчательнъ по многимъ оригинальнымъ чертамъ и по тому, что можетъ дать вѣрное понятіе о идеяхъ и взглядѣ, составленныхъ людьми саксонскаго происхожденія, о нравственномъ характерѣ тѣхъ изъ нихъ соотечественниковъ, которые избрали въ Англии тотъ же самый удѣлъ, который избрали себѣ клефты въ новѣйшей Греціи *.

По всѣмъ вѣроятностямъ, Адамъ Бель, Климентъ изъ Долины и Вильямъ Глудесли были уроженцы Кумберландскаго графства. Провинившись всѣ трое противъ постановленій объ охотѣ, они были объявлены внѣ покровительства норманскихъ законовъ и принуждены бѣжать для спасенія жизни. Соединенные однимъ и тѣмъ же случаемъ, они поклялись, по обычаю того времени, въ вѣчномъ братствѣ и поселились между Карлейлемъ и Пенритомъ, въ инглевудскомъ лѣсу (*Inglewood*), называемомъ въ старинномъ романѣ *Englishe wood*. Адамъ и Климентъ не были женаты, но Вильямъ имѣлъ жену и дѣтей, о

* Клефты, значить по-гречески *воръ*; это названіе до возстанія Греціи носили греческіе горцы, ведшіе открытую войну съ турками. Таковы были Колокотрони, Никита, Одисей, Вотцарисъ и многіе другіе начальники горныхъ племенъ Пелопонеза.

которыхъ онъ скоро соскучился, не видя ихъ. Однажды онъ сказалъ своимъ товарищамъ, что намѣренъ идти въ Карлиль, повидаться съ семействомъ.

— Братъ, отвѣчали они ему, мы тебѣ не совѣтуемъ, потому-что, чуть увидать тебя враги наши, они тебя повѣсятъ. Можешь считать себя заранѣе мертвымъ.

Но увлеченный суиружескою и отеческою любовью, Вильямъ не послушался этого совѣта, и ночью отправился въ городъ. Одна старуха, которой онъ помогаль и дѣлалъ много добра, узнала о его прибытіи и донесла судьямъ и шерифу. Домъ, въ которомъ жило семейство Глудесли, былъ окружень, и партизанъ взятъ. Обрадованные добычею, судьи приказали тотчасъ же выстроить на рынкѣ новую висѣлицу, чтобы его повѣсить. Къ счастью для Глудесли, маленькій мальчикъ, городской пастухъ, часто видѣвшій Вильяма въ лѣсу, пася свиней своихъ и получавшій отъ него пищу и милостыню, узналъ его и поспѣшилъ увѣдомить Адама и Кливента объ участи, ожидающей ихъ названнаго брата.

Отважное предпріятіе освободить Вильяма описано въ старинной балладѣ съ необыкновенною силою, живостию и звучностию. Народный поэтъ восторженно прославляетъ преданность и самоотверженіе этихъ людей одинъ для другаго, и заставляетъ говорить Вильяма:

Wylliam saide to his brethren two
Thys daye let us lyve and due;
If ever you have nede as y have now,
The same shall you fynde by me.

т. е. «Отвынѣ, возгласилъ Вильямъ, мы будемъ жить и умремъ вмѣстѣ; и если когда-нибудь вы будете имѣть во мнѣ нужду, подобную этой, которую я имѣлъ въ васъ, вы меня найдете также готовымъ, какъ нынче нахожу я васъ».

Въ жестокой битвѣ, сопровождавшей это отчаянное избавленіе, трое братьевъ по оружію дѣлають необыкновенныя усилія, творять чудеса храбрости, и одни, безъ всякой посторонней помощи, разбиваютъ всѣ военныя силы Карлиля.

Мѣсто это дышетъ въ балладѣ чувствомъ радости и насмѣшливостию, и сраженіе описано какъ-то торжественно, авторомъ, въ которомъ замѣтна сильная ненависть къ норманамъ. Впрочемъ онъ кончаетъ описаніе похощеній своихъ героевъ тѣмъ же, чѣмъ кончила и вся англійская нація. Они утомились отъ сопротивленія, и поладили съ побѣдителями.

Три партизана отправились въ Лондонъ, просить охранной грамоты и мира. Но въ ту минуту, когда они уже готовы покориться, они еще сохраняють между-тѣмъ старинный характеръ саксонской гордости.

«Они входятъ, ни говоря ни кому ни слова, проходятъ дворъ и вступаютъ въ залъ, не обращая ни на кого никакого вниманія, и не объявляя ни кто они, ни зачѣмъ прибыли.»

Если Робинъ Гудъ почитается послѣднимъ начальникомъ саксон-

скихъ партизановъ, не должно еще полагать, чтобы послѣ него не являлись люди одного съ ними (англо-саксонскаго) происхожденія и не предавались бы такой же лѣсной жизни. Спротивленіе норманамъ продолжалось значительное время. Но такъ такъ всему бываетъ конецъ, то по мѣрѣ отдаленія времени отъ первой эпохи норманскаго вторженія въ Англію, по мѣрѣ какъ англійское племя свыкалось все болѣе и болѣе съ положеніемъ, противъ котораго такъ сильно вооружалось съ отчаянія, партизанство постепенно теряло свое значеніе и низошло въ обыкновенный рядъ позорнаго ремесла разбойника.

Пребываніе на островѣ Кубѣ. (*Извлеченіе изъ журнала одного Англичанина*). 21-го февраля 1850 года, мы пришли къ Тринидаду, маленькому городку, на южномъ берегу острова Кубы. Такъ-какъ это былъ день рожденія Вашингтона, то всѣ американскія суда, стоявшія на якорѣ, убрались разноцвѣтными флагами и вымпелами всѣхъ націй, что придадо городу праздничный видъ. Я просилъ проводить меня къ одному Испанцу, по имени Жуану Андрѣ, къ которому у меня было рекомендательное письмо, но не нашелъ его въ городѣ; онъ былъ въ деревнѣ, миляхъ въ двухъ отъ Тринидада. Пока я ожидалъ воланту (*городскую карету*), терпѣніе мое подвергнуто было величайшему испытанію: на меня навязался одинъ болтувъ, замучившій меня пустѣйшими разсказами. Во-время этой пытки, единственнымъ моимъ развлеченіемъ было смотрѣть, какъ по-временамъ мелькали передъ дверью молоденькія сеньориты, въ утреннемъ неглиже, и украдкой бросали взгляды на иностранца. Впрочемъ и самый залъ, гдѣ я ждалъ кареты, могъ обратить на себя вниманіе. Полъ мраморный, на стѣнахъ фрески; массивныя двери украшались дорогою скульптурою; прибавьте къ этому роскошныя зеркала, канделябры, китайскій фарфоръ, стѣнные часы, статуетки и на зеркальныхъ столикахъ тысячи изящныхъ бездѣлушекъ, какія бываютъ вездѣ, у кого есть вкусъ и деньги. Вскорѣ однакоже скука и зѣвота начали уже одоѣвать меня. Наконецъ подъѣхала воланта, я вскочилъ въ нее и приказалъ везти себя въ загородный домъ Жуана Андрѣ. Общество, которое я нашелъ тамъ, состояло изъ брата хозяина, двухъ его родственниковъ, подмастерья и смотрителя сахарнаго завода; послѣдніе двое были въ блузахъ. Когда я пріѣхалъ—готовились сѣсть за столъ. Но прежде я долженъ былъ присутствовать при умовеніи рукъ, — всѣ умывались въ той же самой чашкѣ, и той же водѣ, а обтерлись скатертью. Это было и ново, и интересно! Иному слишкомъ деликатному человѣку, пожалуй, такая безперемонность могла-бы и не понравиться. Что касается до обѣда, то разумѣется, всѣ блюда были испанскія, приправленныя оливковымъ масломъ и индѣйскимъ перцемъ. Никакой химикъ, думаю, не разложилъ-бы эту непривлекательную кухню. Всякій бралъ кушанье и для себя и для сосѣда своего одною и тою же вилкою, а иногда и просто пальцами. Послѣ каждаго блюда, гости выпускали струю табачнаго дыму, и заѣдали толстымъ слоемъ сыра, смѣшаннаго съ кофе.

Пообѣдавъ даже слишкомъ хорошо, хозяинъ приказалъ осѣдлатъ ло-

шадей, и предложилъ намъ прогулку на ближнія плантаціи. На другой день, рано поутру, Жуанъ Андрé повелъ меня на одну возвышенность, откуда можно было обозрѣть все его владѣніе. Оно простиралось такъ далеко, какъ только могъ обнимать взоръ, и все покрыто было сахарнымъ тростникомъ. Между-тѣмъ это владѣніе составляло только десятую часть земли, принадлежащей его тестю, одному изъ богатѣйшихъ жителей Кубы. Донъ Юсто владѣлъ шестью плантаціями, домомъ, и сахарнымъ заводомъ со всѣми принадлежностями. Число невольниковъ его простиралось свыше двухъ тысячъ человекъ. За завтракомъ, Жуанъ Андрé много говорилъ обо всемъ, что касается до пѣтушійхъ поединковъ и до воспитанія предназначенныхъ къ этой потѣхѣ бойцовъ. Школа эта такъ же важна, какъ и соколиная. Вышедъ изъ-за стола, мы сѣли на лошадей и поѣхали осматривать плантаціи тестя. Надо замѣтить, что для меня сдѣлано было въ этомъ случаѣ исключеніе,—иностранцы, въ особенности же Англичане и Американцы не допускаются и на милю во внутренность острова. Жалкое положеніе, въ которомъ находится нынѣ Куба, заставляетъ испанскія власти смотрѣть недовѣрчиво на иностранцевъ, посѣщающихъ этотъ островъ. Многие, однакожь, изъ богатыхъ жителей острова расположены къ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, хотя и опасаются обнаруживать это. Испанцы знаютъ, что этотъ островъ сокровище, которое можно потерять, а потому и извлекаютъ изъ него все, покуда имъ владѣютъ.

Въ четырехъ или пяти домахъ, которые я посѣщалъ, невольники превосходно содержатся. У нихъ покойныя хижины, хорошая пища и всякій день свѣжая говядина. Повидимому, положеніе ихъ лучше, нежели свободныхъ работниковъ въ англійскихъ колоніяхъ.

Воланта отвезла меня обратно въ городъ. День былъ воскресный, и я заключилъ себя часовъ на пять въ циркъ, чтобъ видѣть пѣтушій бой. Путешественникъ поневолѣ долженъ покоряться обычаямъ той страны, гдѣ находится. Я могу привести въ свое извиненіе, что въ другіе дни нельзя видѣть этого зрѣлища въ полномъ блескѣ. Хозяинъ мой былъ большой любитель подобныхъ зрѣлищъ, у него каждый день дрались пѣтухи, и онъ весьма охотно проигрывалъ въ эту игру, на пари, двадцать унцій золота. Я не могъ не высидѣть отъ начала до конца всего представленія, хотя долженъ сознаться, что терпѣлъ скуку и отвращеніе. Постараюсь, однакожь, описать этотъ спектакль. Амфитеатръ,—да простятъ мнѣ это пышное названье,—вмѣщалъ въ себѣ около двухъ-сотъ зрителей. Въ ту минуту, какъ принесутъ пѣтуховъ, зрители начинаютъ спорить о достоинствѣ бойцовъ и вѣроятности одержанія тѣмъ или другимъ побѣды. Мнѣнія свои поддерживаютъ они не только деньгами, но крикомъ, жестами и только-что не кулаками; къ счастью однакожь, до послѣдняго рѣдко доходитъ. Какъ-скоро начнется бой, все умолкаетъ, пока одинъ изъ сражающихся не одержитъ побѣды, воззивъ свои шпоры въ глазъ противника.

Тогда между зрителями начинается прежній шумъ. Хорошій боецъ долженъ въ три минуты окончить свое дѣло. Но если и самъ онъ значительно раненъ, то случается, что побѣжденный, съ отчаяннымъ уси-

діемъ вдругъ поднимается и раздираетъ своими шпорами шею противника. Тогда опять новые крики, новые пары, опять бѣшеный шумъ слышится между облаками табачнаго дыму. Между-тѣмъ служители являюся на арену, поднимаютъ ослабѣвшихъ бойцовъ, и заботятся о раненныхъ, какъ-будто дѣло идетъ о самыхъ близкихъ ихъ друзьяхъ. Поливаютъ головы пѣтуховъ водою, чтобы привести въ чувство, и достигаютъ до того, что пѣтухи опять становятся на ноги. Но они такъ бѣвають нетомлены, что едва переступаютъ, и покружась въ аренѣ, опять надають. Вотъ какое зрѣлище представляетъ пѣтушій бой! Для джентльмена этой страны, оно составляетъ единственное занятіе, развлеченіе и удовольствіе. Изъ семи дней — три проводятся въ циркѣ, и даютъ пищу для разговоровъ на остальные дни.

На другой день я сдѣлалъ снова визитъ дону Юсто. Передъ завтракомъ, онъ показывалъ мнѣ свой сахарный заводъ. Я не видѣлъ ничего въ этомъ родѣ болѣе совершеннаго, и притомъ въ такомъ огромномъ размѣрѣ. Здѣсь не готовятъ рому, но сахаръ получается лучшаго достоинства, нежели въ англійскихъ колоніяхъ, и почти такой-же бѣлизны. Во-время жатвы на плантаціяхъ, невольники работаютъ и ночь и день. Ихъ раздѣляютъ на двѣ половины: одна начинаетъ работу съ вечера, другая съ утра. Донъ Юсто пригласилъ меня къ обѣду, на что я тѣмъ охотнѣе согласился, что между членами семейства узналъ двухъ граціозныхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ видѣлъ прежде. Одна изъ нихъ высокаго роста, съ овальнымъ лицомъ и большими черными прекрасными глазами; другая, средняго роста, съ глазами голубаго, небснаго цвѣта; восточный поэтъ сравнилъ-бы ея лицо съ полною луною. Старшая сентиментальна, младшая жива и весела. Я никогда не видалъ такихъ прелестныхъ лицъ, разумѣется между Испанками. Кто знаетъ, съ какимъ чувствомъ путешествующіе Англичане пьютъ тосты за отсутствующихъ дамъ, тотъ конечно не упрекнетъ меня въ пристрастіи къ иностранкамъ. Мои сеньориты не имѣли соперницъ по красотѣ отъ Кадикса до Корубы. Во-время обѣда, я говорилъ себѣ: нельзя не полюбить меньшую, — еслибы не было старшей! И въ-самомъ-дѣлѣ, когда онѣ вмѣстѣ, — трудно отдать которой-нибудь преимущество. Я былъ удивленъ, когда мнѣ сказали, что старшей только двѣнадцать лѣтъ и что чрезъ мѣсяць, она выходитъ замужъ. Стукъ моей воланты предувѣдомилъ меня, что время разстаться. Сказавъ прелестнымъ сестрицамъ какъ можно учтивѣе: *A sus pies de Usted*, я оставилъ это милое семейство, которое, вѣроятно, болѣе никогда не увижу.

Послѣ славнаго обѣда въ обществѣ трехъ американцевъ, мы отправились на вечеръ къ американскому консулу, прекрасному человѣку, гордящемуся своей мадерой и своимъ шотландскимъ происхожденіемъ. Въ маленькомъ городишкѣ, каковъ Тринидадъ, встрѣтить вокругъ стола пять человѣкъ, говорящихъ по-англійски, необыкновенный случай. Это расположило насъ къ веселости. Разговоръ принялъ дружескій тонъ. Я утверждалъ что Сѣверную Америку ожидаетъ великая судьба. Они говорили также самыя льстивыя вещи на счетъ Англій. Мадера была въ самомъ-дѣлѣ превосходна. Когда консулъ сладенькимъ голосомъ дѣлъ

шотландскія пѣсни; слезы навертывались на глазахъ его. Не знаю долго ли длилась наша бесѣда, еслибъ не пришли отъ Жуана Андре, сказать мнѣ, что лошади готовы и меня ждутъ. Всякой веселой бесѣдѣ бываетъ конецъ, и я долженъ былъ удалиться, сохранивъ пріятное воспоминаніе объ этихъ рѣдкихъ минутахъ.

Я предпочелъ экипажъ рѣзвой лошади, на которой долженъ былъ нестись миль пятьдесятъ ночью. Мои товарищи улыбнулись, когда, сядя на лошадь, я старался удержать равновѣсіе. Кавалькада наша въ мѣстечко Аримао состояла изъ донъ Андре, донъ Мигеля, брата донъ-Юсто, изъ музыканта, стараго охотника и двухъ знакомыхъ моего хозяина. Всѣ, исключая меня, были хорошо вооружены и, безъ сомнѣнія, въ случаѣ дурной встрѣчи, постояли бы за себя. Ночь была чудная, полная луна свѣтила, музыкантъ пѣлъ аріи изъ оперъ во всю дорогу. Отѣхавъ три мили отъ Тринилада, мы остановились на минуту выпить чашку кофе и выкурить сигару. Въ часъ утра достигли мы уединенной въ хижинѣ, горахъ, возлѣ самой дороги. Какъ ни мало представляла она комфорта, но мы слишкомъ устали, и рады были гдѣ-нибудь отдохнуть.

Товарищи мои, при свѣтѣ фонаря, начали разбирать корзины съ съѣстными припасами; что касается до меня, я, отказавшись отъ ужина, пошелъ добывать себѣ ночлегъ. Съ помощію лѣстницы, я вскочилъ чрезъ слуховое окно на чердакъ, произвелъ тамъ ужасную суматоху между пѣтухами и курами, чуть не разбилъ себѣ головы о балку, и наконецъ упалъ на добрую охапку сѣна; освободившись отъ шпоръ, я завернулся въ плащъ и спалъ глубокимъ сномъ до-тѣхъ-поръ, пока крикъ пѣтуховъ и шумъ внизу не заставили меня подняться. Утро было холодное. Когда мы отѣхали миль пятнадцать, или двадцать, солнце проглянуло сквозь туманъ, и мы почувствовали теплоту. Страна, которую мы проѣзжали, вовсе не была привлекательна. Въ Аримао мы пріѣхали около полудня. Эта большая ферма, окруженная огромными пастбищами; видъ ея дикій, запущенный.

Аримао мнѣ скоро наскучило. Товарищи мои говорятъ только по испански, а я этого языка не понимаю. Они рано встаютъ, въ полденькупаются, любятъ хорошо поужинать и пошумѣть. Они уговорили меня охотиться въ болотахъ. Тамъ я видѣлъ множество водяныхъ птицъ, но ни одной не застрѣлилъ: ружье у меня было очень плохое. Но товарищи мои, возвратившись часомъ послѣ меня, принесли довольно утокъ, морскихъ куръ и перелетокъ. Вечеромъ мы ловили рыбу; отставши, по неосторожности, отъ товарищей, я заблудился. Мѣстность не представляла никакихъ примѣтъ, такъ что, очутившись возлѣ рѣчки, я не зналъ, куда идти, по теченію ея, или противъ теченія.

Ночь наступала; часа два я искалъ безуспѣшно настоящей дороги, и уже думалъ распорядиться поудобнѣе подъ какимъ-нибудь деревомъ, какъ вдругъ замѣтилъ вдалекѣ огонекъ, который принялъ сначала за звѣзду, но къ счастью онъ свѣтилъ изъ нашего дома. Впрочемъ провести ночь и на открытомъ полѣ было бы нехуже ночлега на на-

шей фермѣ, гдѣ холодъ, нечистота и насѣкомыя заставляли меня спать, не раздѣваясь. Еслибы у меня не было книгъ, я умеръ бы со скуки.

2-го марта мы приѣхали въ Сіень-Фуегосъ, отстоящій на шесть миль отъ Аримао. Этотъ маленькій городокъ находится въ цвѣтущемъ состояніи, и угрожаетъ поглотить всю прибрежную торговлю этой части острова.

Дома построены на итальянскій манеръ, и жители довольно зажиточны. Любимая забава ихъ, натурально—пѣтушій бой. Завися отъ моихъ товарищей, я долженъ былъ посвятить цѣлый день этому умному препровожденію времени. По-крайней-мѣрѣ, я имѣлъ маленькое утѣшеніе видѣть, что они за это удовольствіе порядочно заплатились своими дублонами. Послѣ полудня, Жуанъ Андре поѣхалъ обратно въ Тринидадъ, а мы въ восемь часовъ вечера отправились на пароходъ, и чрезъ пятнадцать часовъ достигли Батабано. Тамъ, по невѣжеству, или плутовству, задерживаютъ путешественниковъ, ѣдущихъ въ Гавану до утра,—и хотя всѣ громко на это жалуются, но никто не думаетъ исправить безпорядокъ. Надо замѣтить, что Батабано прескверное мѣстечко, а въ немъ заставляютъ васъ останавливаться на цѣлый день.

Въ кофейной я нашелъ двухъ американцевъ, игравшихъ на бильярдѣ, съ которыми скоро свелъ знакомство. Мнѣ ненужно было самому имъ рекомендоваться, потому-что я тотчасъ сдѣлался предметомъ ихъ разговора. Одинъ почиталъ меня за англичанина, другой за американца, и наконецъ они оба приступили ко мнѣ съ просьбою рѣшить ихъ споръ. Получивъ отвѣтъ, они вскричали: какъ странно, что англичанинъ говорить чисто по англійски; я отвѣчалъ имъ, что страннѣе бы было мнѣ говорить дурно; но они увѣрили, что всѣ англичане имѣютъ привычку говорить по англійски укорачивая слова. Господа эти, какъ и всѣ американцы, которыхъ случалось встрѣчать мнѣ, добры, если принаровиться къ ихъ праву, и ласковы, когда съ ними учтивъ. Вечеромъ мы сошлись на пароходъ, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Сіень-Фукасъ, и до отправления ихъ успѣли сыграть нѣсколько робберовъ въ вистъ.

По желѣзной дорогѣ мы приѣхали въ Гавану. Вагоны порядочные, но ѣзда очень медленна. Мы употребили три часа, чтобъ проѣхать тридцать семь миль. Дорога не представляетъ ничего интереснаго; видишь ровную и обнаженную мѣстность; изрѣдка кое-гдѣ мелькаютъ кокосовыя и пальмовыя деревья. Гавана представляется въ видѣ восточнаго города. Изъ желта-бѣлыя стѣны, ровная поверхность земли, дома съ терасами, караваны муловъ, пыль, море, раскаленное небо, смуглыя лица жителей, все способствуетъ къ этому обману. Но посмотрите ближе на городъ, и призракъ исчезнетъ. Дѣйствительно, кто бывалъ на Востокѣ, того не очаруетъ Западъ. Вотъ уже пять недѣль, какъ я живу въ Гаванѣ, а достаточно было бы одной, или двухъ недѣль видѣть всѣ достопримѣчательности города. Занявъ очень посредственную квартиру, я приучился много курить, тратить по напрасну время, и только немного сталъ говорить и понимать по испански. За исключеніемъ оперы и кофейныхъ домовъ, не знаешь гдѣ провести

время. Для иностранца въ Гаванѣ нѣтъ общества, да и туземцы въ немъ нуждаются. Вообще въ здѣшнихъ жителяхъ мало просвѣщенія, мало нравственности; и правилъ они напыщены гордостію; есть ли же занимаютъ какую-нибудь общественную должность, то позволяютъ себѣ пользоваться казною правительства. Всѣ чиновники, отъ большаго до малаго, имѣютъ непозволительные доходы. Гаванцы страстно любятъ играть, и проигрываютъ до послѣдней рубашки; они готовы даже продать самихъ себя. Для нихъ Гавана составляетъ всё. Толковать безсмысленному про метафизику, или убѣждать гаванца, что есть столицы нехуже ихъ города — будетъ одно и то же. По ихъ понятіямъ: зданія въ Гаванѣ самыя великолѣпныя, театръ самый огромный, прогулки самыя обширныя, экипажи богатѣйшіе, мужчины красавцы и женщины прелестнѣйшія. Но если въ этомъ, и есть сколько-нибудь правды, вато насколько она преувеличена!

Я видѣлъ одного осужденнаго на казнь, за кражу и убійство. При немъ находился священникъ, у дверей стояли двое часовыхъ. На слѣдующее утро съ разсвѣтомъ я отправился на Марсово-поле, гдѣ должна была совершиться казнь. Тамъ была уже толпа народа, и всѣ крыши домовъ унизаны зрителями. Женщины, съ опахалами въ рукахъ, занимали первыя мѣста, чтобъ ничего не потерять изъ предстоящаго зрѣлища. Я протолкался также впередъ, и сталъ шагахъ въ двадцати, или тридцати отъ эшафота. Вскорѣ показалась процессія. Сначала ѣхало нѣсколько человекъ верхами, чтобъ зрители разступились, и дали дорогу; потомъ слѣдовала толпа съ духовными лицами; осужденный шелъ пѣшкомъ, весь въ бѣломъ.

Солдаты построились въ карѣ. Преступнику надѣли на шею веревку, связали руки и ноги. Повернулась рукоятка, и все было кончено.

Мнѣ удалось быть въ маскерадѣ. Театръ довольно хорошо убранъ, но не такъ какъ Дрюриленскій въ подобныхъ случаяхъ. Посреди зала устроили эстраду, на которой цыгане отдѣльными труппами исполняли разные танцы и показывали фокусы. Каждая труппа имѣла своихъ музыкантовъ, и особенные костюмы. Окончивъ представленіе, при рукоплесканіяхъ или свистѣ публики, они оставляли эстраду и вмѣшивались въ общіе танцы. Оркестры дурны, маски бѣднѣйшія; иные оригиналы просто марали свои лица и являлись въ запачканныхъ рубашкахъ; что касается до женщинъ, то между ними мало было хорошихъ, иначе не стали бы онѣ носить маски.

Оставляя Гаванну, не могу умолчать, для пользы будущихъ ея посѣтителей, что между гостинницами лучшая принадлежитъ Вульскоту, а худшая Фультону. Есть однакожъ одно удовольствіе, которое можно имѣть и даромъ — это морскія купанья въ Пунта.

8 апрѣля мы отправились на пароходѣ Изабелла въ Чарльстоунъ, поговаривая, какъ бы перебраться черезъ горы и достигнуть Калифорніи. Впрочемъ это еще проектъ, который я давно замышлялъ осуществить.

На третій день по утру мы прибыли въ Чарльстоунъ, сдѣлавъ въ

62 часа 760 миль. Намъ помогало теченіе которое около берега Флориды направляется на сѣверъ съ быстротою четырехъ узловъ въ часъ.

Изъ Чарльстоуна также моремъ мы прибыли въ Нью-Йоркъ. Перемена въ климатѣ для насъ была очень тягостна; восемь дней назадъ тому, мы были подъ тропиками, а теперь видимъ ледъ и снѣгъ на улицахъ. Мы рѣшились на сухопутное путешествіе. Не буду описывать Нью-Йорка, чтобы не идти по слѣдамъ мистрисъ Троллопъ. Я уважаю многое въ Америкѣ. Но если ненавижу кого, то это американскаго денди. Старый свѣтъ не имѣетъ ничего подобнаго въ этомъ родѣ. Денди, о которомъ идетъ рѣчь, легко узнать по нѣкоторымъ примѣтамъ: вы увидите его гордо выступающимъ въ прекрасномъ платьѣ, бѣлыхъ перчаткахъ, лакированныхъ сапогахъ и парижской шляпѣ. Берегитесь, у него есть тайный замыселъ слѣзть вамъ визитъ. Если онъ не найдетъ своей жертвы дома, то преслѣдуетъ ее въ театрѣ, и тамъ ее мучить. Бойтесь его учтивостей, онъ предложитъ познакомить васъ съ первыми сюжетами балета, или ввести васъ въ частные игорные дома, и проч.

Я самъ не могу кончить теперь страницы: денди приглашаетъ меня обѣдать въ ресторанѣ, и вотъ я жертва его на весь вечеръ. Я думалъ спокойно въ послѣдній разъ пообѣдать въ Нью-Йоркѣ, и попался въ руки неумолимаго варвара. Пожалѣйте обо мнѣ, и да сохранитъ васъ Богъ отъ американскаго денди.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Художественное: Нѣкоторыя общія размышленія. — Мастерская художника. — Работы Н. А. Рамазанова и его учениковъ. — Два слова о г-жахъ Влардо-Гарсін и Добрэ, г. Монтиньи и г-жѣ Ниссенъ. — Что такое были остальные концерты? — Манія воспѣвать концерты, въ-особенности, когда ихъ еще не было. — Зрѣлища: живыя картины, Карлъ Раппо и обезьяны. — Литература: Новыя книги. — Двѣ книжки «Москвитянина».

...Мудрено предположить, чтобы кто-нибудь, войдя, напримѣръ, въ кабинетъ писателя, почувствовалъ нѣчто особенное. Кто бы ни былъ писатель, великій мыслитель-поэтъ, изъ скромной горенки въ потѣ чела вѣщающій міру слова «видимаго смѣха и незримыхъ слезъ», — или вышедшій изъ моды литературный дѣлецъ, все-равно: въ кабинетѣ писателя, будь этотъ кабинетъ даже отчасти убранъ, какъ будуаръ отцвѣтшей красавицы, или весь голъ и чистъ отъ стѣнъ до единственнаго стола и стула, — въ немъ не будетъ ничего такого, что съ перваго шага заговорило бы въ пользу хозяина; нѣтъ, такъ-сказать, живыхъ доказательствъ, осязаемыхъ фактовъ той способности, которая здѣсь творить и которой присутствіе вы не можете постигнуть иначе, какъ когда созданное ею придетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ однимъ изъ вашихъ чувствъ. Конечно, предъ вами могутъ-быть кипы исписанной бумаги, клочки и лоскутки, измаранные болѣе или менѣе черными каракульками, наконецъ, книги, но все это очень легко можетъ быть плодомъ трудовъ... или бездѣлья того, кому принадлежитъ кабинетъ. И покуда оно лежитъ передъ вами, въ порядкѣ или безпорядкѣ, все это мертво, всего этого какъ-будто и нѣтъ для васъ. Подите еще читайте!.. А вы, случиться можетъ, и не для того вошли сюда; или нельзя читать, или вамъ не дадутъ читать.

Почти тоже и кабинетъ музыканта. Столъ, нерѣдко, заваленъ партитурами; тутъ же стоитъ рояль, или арфа, виситъ скрипка. Но входящему что отъ этого? Богъ знаетъ еще, будетъ ли хозяинъ располженъ ударить по струнамъ...

Совсѣмъ иное дѣло кабинетъ художника, то-есть, пластическаго художника, котораго мы преимуществу называемъ художникомъ: живо-

писца и скульптора. Вы входите въ его мастерскую точно въ самое оживленное, самое пріятное, самое милое общество. Во-первыхъ, передъ вами, при небольшомъ съ вашей стороны вниманіи, вся исторія развитія художника, со дня перваго проблеска призванія, до минуты, въ которую вы застаете его: рисунки, эскизы, очерки, этюды, маски знаменитыхъ или милыхъ сердцу покойниковъ, картины, бюсты, послѣднее произведеніе, только-что конченное, и начатыя, глядя на которыя, вы, такъ-сказать, видите творчество на дѣлѣ. Во-вторыхъ, тутъ вся біографія человѣка, всегда интересная, когда человѣкъ дѣйствительный художникъ; въ его воспоминанія въ ясномъ обликѣ, который прямо говоритъ вамъ: силуэты, карикатуры, летучіе очерки спенъ домашнихъ, зданій, пейзажей изъ путешествій, портреты; наконецъ, вотъ любимые образцы художника, вѣчно напоминающіе ему объ идеалахъ, къ которымъ онъ стремится: этюдъ, очеркъ, картина, статуя славнаго мастера; вотъ между ними произведеніе учителя, отъ котораго по прямой линіи идетъ художникъ. И когда вся эта разнохарактерная на бѣглый взглядъ смѣсь проникнута тѣмъ живымъ духомъ, который природа подчасъ кладетъ на зубокъ лишь избраннымъ; когда въ цѣлой мастерской и самомъ фантастическомъ размѣщеніи чувствуется присутствіе артистическаго дарованія, тогда Богъ знаетъ какъ хотѣлось бы получить возможность, вдохнувъ полной грудью эту атмосферу, которая вся — радость, унести хоть частицу ея.. и стоишь, смотришь, какъ-будто выжидаешь благопріятной минуты, чтобы унести хоть искорку съ горящаго здѣсь жертвенника, и отъ души восплацаешь: счастливый уголокъ — мастерская художника!

Нѣчто очень похожее на это переживаю я каждый разъ въ мастерской Н. А. Рамазанова, отъ которой, призваться, съ каждымъ разомъ отрываюсь все съ бѣльшимъ трудомъ.

Какъ у себя я въ твоей мастерской, о ваятель-художникъ!

Какъ то привольно душѣ межъ героевъ;

Молоды и сердцемъ тогда, говорю откровенныя рѣчи,

Къ дѣтству людей возвращаюсь, сближаюсь съ природой.

Какъ ты искусно поставилъ свою Афродиту и Вакха

Въ зелени темной плюща, между гроздь и сезама:

Кажется, будто Киприда ко мнѣ простираетъ объятія,

Въ подномъ блистаньи своей красоты всепобѣдной;

Хочетъ сойти съ пьедестала и Вакхъ-Діонисъ вѣчно-юный,

Дружески руку пожать мнѣ, привѣтствуя юность,

Что низошла на меня въ созерцаньи твоихъ изваяній...

Сколько спокойствія въ этихъ сіяющихъ лицахъ,

Сколько довольства и жизни, себя навсегда уяснившей!..*

* Скульптору, стихотвореніе Н. Э. Щербина, посвященное Н. А. Рамазанову.

Я не имѣю ни права, ни намѣренія представлять читателямъ топографію мастерской г. Рамазанова, но считаю за особенное удовольствіе начать мое письмо съ интересныхъ вѣстей отсюда.

Велѣдъ за своимъ прекраснымъ бюстомъ Гоголя, г. Рамазановъ исполнилъ бюстъ Щепкина. Чего бы легче сказать: «кто хорошо исполнилъ бюстъ Гоголя, тому какъ не исполнить хорошо бюстъ Щепкина!» да тѣмъ и порѣшить. Тутъ былъ бы и диктаторскій приговоръ, и комплиментъ художнику, и пожалуй, нѣчто въ родѣ того великолѣпнаго знанія произведеній искусствъ, которымъ такъ любятъ щеголять иные господа, утверждающіе, что имъ наскучили «все эти Сократы, Плутархи, Александры Македонскіе и тому подобныя извѣстныя фізіономіи», и между-тѣмъ восхищающіеся изображеніями на французскихъ конфектахъ и украшающіе свои кабинеты фарфоровыми помадными банками и разными косметическими флаконами. Мой взглядъ не таковъ, и потому я поступлю иначе, нежели растрепанный эстетикъ, которому пришлось бы заурядъ править при какой-нибудь газетѣ должность телеграфа... своихъ фиксатуарныхъ ощущеній...

Трудно, очень трудно было исполнить бюстъ Гоголя съ той точки зрѣнія, какъ смотрѣлъ на дѣло г. Рамазановъ; но еще труднѣе было исполнить бюстъ Щепкина. Я надѣюсь, мои слова понятны для каждаго, кто потрудится вспомнить, что одинъ — писатель, другой — актеръ, и что, поэтому, первый гораздо болѣе и всегда вѣренъ своей собственной личности, тогда какъ другой мѣняетъ ее съ каждой новой ролью. Искусство, по нынѣшнему взгляду на него, не должно быть простою копіею съ видимой природы, какъ утверждали встарь. Его настоящая задача: изобразивъ видимый обликъ, схожій съ оригиналомъ, (вещь-ли онъ, или лицо, — на полотнѣ-ли, или въ пластической формѣ все равно) вдохнуть въ него тотъ духъ, который не только такая же необходимая принадлежность каждаго зримаго бытія, какъ и осязаемая внѣшними орудіями человѣческаго организма очертанія, но въ природѣ и нераздѣльно слить съ очертаніями. Это-то сліяніе, это-то цѣлое и должно воспроизводить искусство; въ этомъ и заключается подражаніе природѣ, условіе искусства. Художникъ исполнилъ задачу, — мы говоримъ, что его произведеніе искусства есть художественное произведеніе. Въ чемъ же заключается эта тайна, или, чтобы разомъ подойти къ нашему вопросу: какъ выполнить художникъ условіе искусства въ бюстѣ, или портретѣ? Уловивъ соотношеніе между внутреннимъ міромъ своего образца и его внѣшностію, и взявъ отъ этой внѣшности единственно все то, что находится въ ней неслучайнаго, произвольнаго, неотрваннаго отъ внутренняго міра, —

и потомъ не имѣя въ виду перениманія отдѣльныхъ частей вѣднѣности, а гармоническое сходство ея цѣлаго, которое не получится черезъ снятіе однихъ вѣрныхъ снимковъ съ частей фигуры, или лица — чему самымъ простымъ доказательствомъ могутъ служить между-прочимъ: въ скульптурѣ — маска, на плоскости — дагерротипъ; ни та, ни другой не суть произведенія художественныя; ни въ той, ни въ другомъ нѣтъ жизни. Чтобы художнику найти тайну жизни, которую онъ воспроизводитъ, и выполнить главное условіе искусства, заключающееся въ подраженіи природѣ съ той точки зрѣнія, на которую мы указали, ему нужно изучить свой оригиналъ до его затаеннѣйшей глубины, и если не до его послѣдняго помысла, такъ непременно во всѣхъ его главнѣйшихъ внутреннихъ движеніяхъ. Тогда портретъ и бюстъ могутъ сдѣлаться вполнѣ достойны оригинала, достойны природы, тогда, чрезъ посредство таланта, природа будетъ воспроизведена художественно. Для этого недостаточно внимательно взглядѣться въ фізіономію, въ окладъ лица и фигуры; мало будетъ и того, если, въ-дополненіе, художникъ подмѣтитъ нѣкоторыя замашки человѣка, даже заучитъ наизусть определенное число его минъ, жестовъ, движеній. Припомните эту массу изображеній, бюстовъ и портретовъ, послѣднихъ по преимуществу, которые выходятъ въ свѣтъ каждый день: многіе-ли изъ нихъ художественны, а сколько — похожи! Да, дѣйствительно похожи, иногда очень похожи. Но вспомните и слѣдующее: вы смотрите, положимъ, на не художественный портретъ, и въ то самое время такъ поражены его сходствомъ съ знакомымъ вамъ оригиналомъ; вы чувствуете, что что-то не такъ, что недостаетъ чего-то; вы прикрываете одну часть лица, выраженіе не мѣняется, но все недостаетъ чего-то; вы прикрываете другую часть лица, таже исторія; — третью — опять таже. Чего же недостаетъ, наконецъ? Изображенія жизни. Оттого-то подобными портретами могутъ вполнѣ удовлетворяться лишь тѣ люди, которые не знаютъ настоящей цѣли искусства, которые требуютъ отъ него только грубаго подражанія природѣ, только грубаго обмана чувствъ, какъ говорить А. В. Шлегель *, и которые ничѣмъ не выше простолюдиновъ Сѣверной Голландіи, имѣющихъ обычай, въ видахъ опрятности, не обсаживать дворы свои деревьями, а писать на стѣнахъ деревья, изгороды и бесѣдки, не теряющія своей зелени и зимою. Каково отношеніе этой зелени къ живой, таково отношеніе портрета и бюста не художественныхъ къ художественнымъ. Теперь, обратимъ вниманіе на другой законъ: чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ преобладаніе вѣднѣности надъ его внутреннимъ существомъ,

* Berlinische Vorlesungen, 1802.

чѣмъ рѣзче въ немъ проступаетъ животность (die Thierheit), тѣмъ легче сдѣлать его изображеніе; на этомъ основаніи, даже посредственный художникъ изобразить удовлетворительно вообще человѣка дюжиннаго, живущаго мало внутреннею жизнью, а еще лучше того, у котораго положительный перевѣсъ животности, въ ущербъ духовности, напримѣръ обжору, скрягу, и тому подобное; на томъ же основаніи ученику легче изобразить животное, нежели человѣка. Причина понятна: чѣмъ ниже ступень, на которой стоитъ живое существо, тѣмъ менѣе сложна его жизнь; тѣмъ, значитъ, легче проникнуть до ея начала. И обратно, чѣмъ выше ступень, тѣмъ сложнѣе внутренняя жизнь и тѣмъ труднѣе дѣло художника. Оттого-то изображенія замѣчательныхъ людей удовлетворяютъ насъ вполне тогда только, когда они исполнены великими художниками, мы хотимъ сказать — исполнены вполне художественно.

Сколько было портретовъ Гоголя, былъ и бюстъ его, безъ сомнѣнія снятый съ маски, но что это за жалость! Взлся за дѣло г. Рамазановъ, и вышелъ Гоголь. Многимъ близорукимъ судьямъ и немилосердымъ критикамъ не нравится произведеніе г. Рамазанова; они находятъ, что бюстъ не похожъ, что склонъ головы преувеличенъ, что волосы слишкомъ спущены; и такъ далѣе; нѣкоторые, кажется, еще говорили, что встрѣтили разъ Гоголя на улицѣ, что онъ тогда былъ въ шляпѣ и волосъ его не было видно, — что въ другой разъ Гоголь при нихъ закрылъ носъ рукой и, оттого, можетъ-быть у него не было носа; того и гляди, что скажутъ въ довершеніе, что Гоголь однажды повернулся къ нимъ спиной, и полно, было-ли у Гоголя лицо?.. Мм. гг., покупайте фарфоровыя куклы у Попова, снимайте съ себя, для обогащенія коллекцій вашихъ потомковъ, дагерротипныя портреты съ нарумяненными щечками и золотыми пуговками, пошли вамъ Господь и сто-тысячъ дохода, но позвольте сказать вамъ одно: если вы находите бюстъ Гоголя неудовлетворительнымъ, это значитъ, что вы не видали подлинника и въ тысячной долѣ тѣхъ различныхъ видовъ, въ которыхъ являлся оригиналъ г. Рамазанову.

Но въ-самомъ-дѣлѣ, если могъ художникъ исполнить такъ безукоризненно бюстъ Гоголя, почему же новыя трудности предстояли для Щепкина? Потому, что легче изобразить писателя, нежели актера; и это по той причинѣ, что писатель болѣе самъ и всегда вѣренъ своей личности, тогда, какъ актеръ безпрестанно ее мѣняетъ. Кажется, это положеніе не требуетъ подробныхъ объясненій.

Въ писателѣ человѣкъ дополняется его произведеніями. Въ произведеніяхъ все его міросозерцаніе, стало-быть и вся тайна его духовнаго существа. Въ произведеніяхъ своихъ писатель хозяинъ. Пусть будетъ онъ иногда даже подъ вліяніемъ постороннимъ, ему принадлежація

идея пробивается всюду, и каждое его слово, каждый взглядъ слу-
жать непосредственно къ усиленію, къ пополненію его личности, от-
нюдь ея не затемняютъ. Сценическій артистъ, напротивъ, является
наблюдателю болѣе всего органомъ чужой мысли, переводчикомъ ощу-
щеній, не въ немъ родившихся, и, нужно прибавить, чѣмъ лучше испол-
няетъ онъ свое призваніе, то-есть чѣмъ тѣснѣе сживается съ разно-
образными положеніями, съ ролями, одна на другую не похожими, тѣмъ
онъ менѣе похожъ на себя. Вы видѣли Щепкина въ роляхъ городничаго,
Фамусова, матроса, скупаго рыцаря и многихъ другихъ, — вы знаете,
какъ онъ смотритъ на эти роли, но знаете-ли вы, какъ смотритъ онъ на
городничаго, Фамусова, матроса, скупаго рыцаря и такъ далѣе? Нѣтъ,
безъ сомнѣнія. Какого же труда стоило отыскать ключъ къ внутрен-
нему существу Щепкина и уяснить себѣ это существо на столько,
чтобы дать невидимому обликъ, ему соответствующій, полный. Г. Рама-
зановъ преодолѣлъ и эти препятствія. Въ его Щепкинѣ—я не найду
выразиться опредѣленнѣе—каждый узнаетъ того человѣка, который одинъ
такъ хорошо умѣлъ представить намъ и городничаго, и скупаго рыцаря,
и матроса, и Фамусова, и еще многихъ другихъ, и все-таки передъ
зрителемъ не актеръ въ маскѣ которой-либо изъ своихъ ролей, а
именно существо, которое одно могло въ тѣхъ роляхъ заставлять васъ
забыться, — передъ вами именно та форма, въ которую должно было
бы вылиться внутреннее существо человѣка-актера, еслибы подобный
процессъ былъ возможенъ внѣ области искусства.

И такъ, бюстъ Щепкина, исполненный г. Рамазановымъ, есть про-
изведеніе вполнѣ художественное.

Но вотъ одно обстоятельство: у Щепкина въ натурѣ несоразмѣрно
толста шея, — толста она и въ бюстѣ. Очень-просвѣщенные судьи
ставили это въ укоръ художнику, опираясь, разумѣется, на грековъ.
Слова нѣтъ, греческій художникъ не сдѣлалъ бы такой шеи; но въдѣ,
греческому художнику до того было не сродно представленіе какой бы
то ни было физической несоразмѣрности, что онъ не только вмѣсто ре-
бенка изображалъ вездѣ маленькаго человѣчка, но и прямо говорилъ
человѣку не красивому: «Какъ же ты хочешь, чтобы я изобразилъ
тебя, когда мнѣ и смотрѣть-то на тебя противно!» Это допускалось
міросозерцаніемъ язычника. Рѣшится ли же нѣчто подобное сказать ху-
дожникъ новый * котораго девизъ, какъ христіанина, «*homo sum, et nil
humanum a me alienum puto*»?.. Воздержусь, однако, давать волю перу:
мѣсто, мнѣ опредѣленное, тѣсненько... Выражу мою мысль прямо, хоть

* См. Lessing's «Laocoon oder über die Gränzen der Malerei und Dichtkunst».

въ видѣ личнаго мнѣнія. Я хотѣлъ сказать, что, по моему, соблюденіе физическаго недостатка оригинала въ бюстѣ не должно падать на художника обвиненіемъ. При исполненіи изображенія Щепкина, не идеаль же физической красоты мечталъ воспроизвести художникъ. Ему нужно было воспроизвести Щепкина — духъ и плоть. Для этого онъ воленъ былъ избрать то выраженіе лица и позы оригинала, которое ему казалось болѣе истиннымъ.

И явившись съ этимъ физическимъ недостаткомъ, художественное произведеніе не проиграло. Проигрываютъ ли произведенія литературныя въ художественной красотѣ и истинѣ, когда предметомъ ихъ служить нравственно или физически безобразное? На этотъ вопросъ эстетика давно отвѣтила.

. Теперь г. Рамазановъ работаетъ надъ бюстомъ покойнаго Загоскина, да сверхъ-того почти окончена имъ въ чернѣ восхитительная фигура... Нѣтъ, пусть ужъ последнее останется до времени тайною для всѣхъ, при комъ мокраго полотна не снималъ съ него хозяинъ мастерской, или пусть разболтаетъ тайну другой. Я въ ожиданіи удовольствія говорить о томъ, что готовить г. Рамазановъ искусству, довольствуюсь пока тѣмъ, что видѣлъ...

Не меньшей благодарности заслуживаетъ г. Рамазановъ, какъ профессоръ. Скульптурный классъ Училища Живописи и Ваянія радуется все больше и больше. Въ последнее время очень хорошо исполнены учениками слѣдующіе бюсты: Г. А. Цеймерна, г. Мейновымъ, — этотъ бюстъ заказанъ уже изъ мрамора отъ Воспитательнаго Дома; — В. А. Вонлярларскаго, г. Шиманскимъ. Странна только прическа; волосы, неизвѣстно для чего, точно сейчасъ изъ подъ щипцовъ куафѣра; — Н. О. Щербины, г. Оадеевымъ; — А. Н. Островскаго, г. Шиманскимъ, — напрасно только приданъ лицу взглядъ какъ-будто олимпійскій. Сверхъ-того, чрезвычайно хорошо вылита изъ бронзы, г. Оадеевымъ, *Львица и газель*, группа г. Иванова, о которой говорилъ я по поводу нашей выставки. Работа г. Оадеева такова, что если бы поставить ее въ магазинѣ между Мэнномъ и Фратэнномъ, неизвѣстно за что бы схватился покупатель; многіе не различили бы заказа, исполненнаго русскимъ начинающимъ художникомъ отъ работъ акредитованныхъ французскихъ скульпторовъ. Господину же Оадееву заказана И. С. Шиловскимъ группа г. Бровскаго *Медвѣжья травля*. *Мальчикъ, окачивающійся въ бань*, будетъ дѣлаться изъ мрамора для Н. А. Жеребцова. Объ этомъ произведеніи, уже теперь общающемъ г. Иванову завидные вѣнки на пути Ставассеровъ, Пименовыхъ и др., я предоставляю себѣ поговорить особо въ другой разъ.

...Чтобы на нынѣшній разъ кончить рѣчь о художественномъ, я полагаю здѣсь всего приличнѣе упомянуть о двухъ концертахъ г-жи Вилардо. Москва встрѣтила знаменитую пѣвицу хорошо, но все не такъ, какъ можно было, ожидать и какъ, по моему, была въ правѣ ожидать Гарсиа. Что новаго могъ бы я сказать вамъ о Розинѣ, Дездемонѣ, Амилѣ, Ромео? Къ чему сталъ бы переписывать и репертуаръ пѣтаго ея: здѣсь вѣнковъ у нее много; похвалы мои не удивили-бы никого...

Слышали мы также г-жу Добрэ. Насчетъ этой пріятной пѣвицы, все, сколько я знаю, согласается съ мнѣніемъ о ней «Пантеона». Являлись опять г. Монтиньи и г-жа Ниссенъ-Саломонъ. Последнюю достаточно послушать два, три раза: она такъ холодна, что по неволѣ однообразна, и на бѣду, когда вы попристальнѣе знакомитесь съ г-жею Саломонъ, къ чему обыкновенно бываешь склоненъ разъ за разомъ все болѣе и болѣе, вы убѣждаетесь, что она исполняетъ классическое во все не со страстію и не съ призваніемъ къ нему, а — по методѣ. Тогда, что остается отъ артиста: на что вамъ его музыкальныя знанія, которыя годились-бы въ хорѣ и чрезвычайно были бы полезны учителю...

Когда я гляжу на многочисленныя объявленія о нашихъ концертахъ, да ужъ и на другія афиши, тутъ-же рядомъ на глаза попадающіяся, какая глупая приходитъ мнѣ идея. Что, если допустить возможность существованія, чрезъ неизвѣстное число лѣтъ, народа, который-бы не слыхивалъ и не гадовалъ о нынѣшней Европѣ, умѣлъ-бы читать и печатать по своему,—и напримѣръ, буря прибила бы къ его землѣ корабль, нагруженный нашими нынѣшними газетами и афишами? Пропустимте ужасъ, восторги воображаемаго народа, радость, поздравленія, смятеніе, нарядъ комитета ученыхъ, *des gros bonnets*, археологіи, лингвистики и другихъ наукъ... Комитетъ собрался. Все это люди чрезвычайно ученые, хоть ни одинъ изъ нихъ и не знаетъ ни юты о Европѣ; все, однакожь, зѣваютъ какъ истые европейцы, и чтобы сидя не заснуть, натираютъ себѣ концы носовъ страшно-ѣдкимъ составомъ — табаку эти господа не нюхаютъ. Но вотъ вносятъ кипы сказанныхъ газетъ и афишекъ. Первая кипа открыта. Первый листъ въ рукахъ младшаго члена. Онъ вертитъ его, нюхаетъ, лижетъ, взвѣшиваетъ на вѣскахъ, которыя передъ нимъ, рассматриваетъ его въ микроскопъ. Тоже дѣлаетъ второй членъ, третій, и все до послѣдняго. Надъ этою процедурою садится солнце. Члены расходятся, ничего не рѣшивъ. Встаетъ солнце, они собрались. Опять зѣвота и прочее. Опять садится солнце, и семьдесятъ семь разъ садится оно надъ тѣмъ же результатомъ. Взошло солнце, собрался комитетъ. Рѣшено чѣмъ-нибудь кончить. Мнѣнія падаютъ въ урну. Секретарь вынимаетъ. Первое мнѣніе: «Все большія литеры на-

мекаютъ, что въ газетахъ народа, которому принадлежали газеты, было отведено особенно отдѣленіе для чтенія слѣдующихъ». Второе мнѣніе: «Большія литеры—образчики типографскіе». Остальныя мнѣнія, тѣмъ-ли, другими-ли словами, выражаютъ приблизительно слѣдующее: «Чѣмъ крупнѣе литеры, тѣмъ замѣчательнѣе происшествіе, о которомъ идетъ рѣчь; имя, изображенное знаками отъ вершка и болѣе, есть имя великаго человѣка; чѣмъ больше знаки, тѣмъ болѣе славно было лицо»... Въ-слѣдствіе сего заключенія, оказываются по преимуществу замѣчательными событіями: привозъ устрицъ и изобрѣтеніе состава для рощенія волосъ,—великими людьми: Карлъ Раппо, Лоренцо Казанова и миліонъ концертантовъ, въ-особенности же тѣ, которые поютъ лакейскія пѣсни подъ названіемъ національныхъ арій, тѣ, которые танцуютъ на скрипкѣ, и тѣ, которые играютъ на фортепьяно ногами, или носомъ.

Въ одной Москвѣ, за одинъ мартъ 1853 года, по части одной музыки—еслибъ онъ могъ отдѣлить ее отъ прочаго, вотъ сколько великихъ людей, вы понимаете: крупнѣйшимъ образомъ напечатанныхъ именъ, насчиталъ-бы онъ: Штуцманъ, Джон-Томасъ, Мусковъ, д'Аржантонъ, братья Мальчугины, сестры Погожевы, Петровъ, Осбергъ, Майеръ, Мертле, Герберъ, Маковская, Шмитъ, Кламротъ, Буддеусъ, Марія Серато, и съ полдесятка другихъ еще.

Но оставимъ фантастическій комитетъ. Я-же современный названнымъ господамъ и госпожамъ историкъ, я, имѣвшій добродушіе во имя музыки чуть-чуть не обанкрутиться за прошлый мартъ мѣсяцъ, я, клянусь вамъ, господа, человѣкъ учтивый и благовоспитанный, и поэтому, покривившій уже немножко душой и не помѣтившій въ вышеприведенномъ спискѣ г. Соколовскаго, которому желаю всевозможныхъ успѣховъ съ его гитарой, готовый даже отмѣтить двѣнадцатилѣтнюю Марію Серато, хоть и не вѣрю въ *petits prodiges*, даже еще гг. Вурма и Шмита,—я удивляюсь одному: какъ всеѣмъ этимъ господамъ, которые все давали концерты порознь, не пришло на умъ соединиться, составить одинъ концертъ-монстръ, и назначить дешевую цѣну: ихъ сбѣжалась бы слушать вся Москва, и были-бы соблюдены обоюдныя выгоды—производителей и потребителей. А то... позвольте, не забыть бы мнѣ главнаго: я предлагаю составить монтионову премію тѣмъ изъ всеѣхъ этихъ господъ, которые назначали только концерты, но не давали ихъ; такихъ было нѣсколько: хвала имъ, хвала, хвала! Имена ихъ... нѣтъ, не будемъ окорблять истинную добродѣтель: пусть эти фіалки цвѣтутъ, незнаемыя свѣтомъ; скромность ихъ девизъ, не сорвемъ съ нея покрывала.

Вотъ каковы наши концерты, т. е. большинство ихъ. Что-же ска-

зять о пѣвцахъ этихъ концертовъ, о фельетонистахъ, которые ихъ вос-
пѣваютъ отъ перваго до послѣдняго. И г. А. извѣстный артистъ, и
г. Б. любимый артистъ, и г. В. несравненный музыкантъ, и г. Д.
нашъ талантливый виртуозъ,—и вѣдь-то имъ мы обязаны благодарно-
стію, и все въ томъ-же миломъ сладко-прѣсномъ стилѣ... Гдѣ начало
этого ослабленія, гдѣ несчастный источникъ этого добродушія, выра-
жающихся фразами, звучащими монотонно и скучно, наподобіе табанер-
ки съ музыкой? Не вѣрю я, чтобы можно было расточать хвалы кон-
церту за полученный въ подарокъ билетъ: съ этой точки, позволю
скажешь горькую истину, разумѣется, если былъ въ концертѣ—тутъ не
придетъ на умъ похвала; чтобы авторы диоирамбовъ заставляли платить
себѣ: обѣдами, фраками и тому подобное—это тоже не походитъ на дѣло:
многіе изъ концертантовъ сами, безъ сомнѣнія, обѣдаютъ не каждый день
и фраки съ принадлежностями берутъ на прокатъ. Откуда же эта манія
воспѣвать, вдобавокъ, еще передъ концертомъ? Кто на это ловится? И
«Московскія Вѣдомости», серьезные «Московскія Вѣдомости», туда-же:
г. Мускову—только-что не біографія.

Театральныя зрѣлища наши заключались до-сихъ-поръ въ живыхъ
картинахъ съ музыкальными интермедіями, представленіяхъ г. Раппо и
представленіяхъ арабовъ-кабилловъ. Стало, тутъ говорить не о чемъ.

Фуроръ производятъ здѣсь обезьяны г. Казановы; билетами запа-
саются за два дня, и то недостаетъ мѣстъ на число требующихъ. Кто
то сказалъ: «бѣда, когда актеръ не доросъ до зрителя, но дважды бѣда,
когда зритель не доросъ до актера!» Глядя на обезьянъ Казановы и
на восторги публики, я веноминалъ эту аподегму, крайне умную, и
выворотилъ ее такъ: «хорошо, когда актеръ доросъ до зрителя, но
дважды хорошо, когда зритель доросъ до актера».

...Разсказывать о пожарѣ нашего Большаго Театра было-бы груст-
но. Да и много-ли интереснаго нашлось-бы въ моемъ разсказѣ. Лучшее
изъ этого трагическаго эпизода—благородный подвигъ крестьянина Ва-
силія Марина для спасенія одного изъ театральныя рабочихъ, риско-
вавшего на крышѣ, обжаченной пламенемъ, сдѣлаться его жертвою,
чему я, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ народа, былъ свидѣтелемъ —
подъ заглавіемъ «подвигъ простаго человѣка», описанъ во всѣхъ на-
шихъ газетахъ, съ трогательнымъ изображеніемъ награды, которой онъ
былъ удостоенъ Государемъ Императоромъ.

— Изъ вышедшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ книгъ называю вамъ тѣ, ко-
торыя болѣе заслуживаютъ вниманія: *Залпчанія московскаго охот-
ника на ружейную охоту съ лгавою собакою*, Н...а О...а,
книжка, пріятная на видѣ и которая послужитъ полезнымъ дополненіемъ

къ «Запискамъ» г. С. А—ва; — *Архитектура каменныхъ и деревянныхъ зданій*, съ планами и фасадами, архитектора. П. Матвѣева; *Новая сельская книга*, Ал. Крылова, и *Общепользная вспомогательная книга для промышленниковъ-химиковъ*, Морица Герстенгефера.

...Въ двухъ книжкахъ «Москвитянина», №№ 5 и 6, по отдѣлу словесности замѣчательнъ переводъ г. Мина первой и второй пѣсни Дантова «Ада», Миѣніе мое о г. Минѣ, какъ переводчикѣ, я высказалъ недавно, и остаюсь при немъ: г. Минъ — бездѣльный переводчикъ. Къ теперь переведеннымъ пѣснямъ «Ада» приложены комментаріи, чрезвычайно интересные и очень-полезные.

Комедія г. Островскаго *Не въ свои сани не садись* напечатана въ № 5. Содержаніе ея уже извѣстно читателямъ «Пантеона». Объ успѣхѣ ея появленія на сценѣ я говорилъ въ прошлый разъ. Въ чтеніи комедія не производитъ того благопріятнаго впечатлѣнія, какъ въ театрѣ. Отчасти оно и понятно: когда драматическое произведеніе вполне хорошо передано актерами, — что и было съ комедіею г. Островскаго — вся заключающаяся въ немъ художественная сила должна быть исчерпана до послѣдняго слова. Оттого-то, по моему, литературное впечатлѣніе самаго превосходнаго произведенія, при соблюденіи вышесказаннаго условія, непременно слабѣе сценическаго. Изъ этого вытекаетъ само-собою, что я не намѣренъ отнимать у комедіи г. Островскаго ея литературной цѣны. Только уже и не вижу я въ ней ничего такого, изъ-за чего-бы стоило отъ восторга «стулья ломать», какъ выразился Сквозникъ-Дмухановскій и какъ полагаетъ это необходимымъ г. Григорьевъ, объявившій міру въ «Москвитянинѣ» же (№ 5 Журнала стр. 21) что «какъ Колумбъ открылъ Америку, такъ и Островскій открылъ Русакова и Бородкина» (два лица въ комедіи). Я такъ думаю напротивъ, что Русаковъ также не открытъ г. Островскимъ, какъ не открыты Фов-Визинимъ его Стародумы, а Коцебу всѣ его резонеры, отъ которыхъ по прямой линіи и происходитъ Русаковъ. Это даже такъ замѣтно, что отъ одного Русакова падаетъ на комедію вся невыгодная тѣнь. Признаюсь, миѣ это бросилось въ глаза и на сценѣ, но до появленія комедіи въ печати, я воздерживался произносить мое заключеніе; разсуждая что иныя мысли и рѣчи могутъ-же и не совсѣмъ принадлежать автору, а приданы г. Садовскимъ, исполнявшимъ роль Русакова. Печать опровергаетъ мое предположеніе, но и оправдываетъ первое непріятное впечатлѣніе, вызванное во миѣ Русаковымъ. Прибавлю: можетъ-быть не такъ скоро разъяснилъ-бы я себѣ всю истину на счетъ этого лица комедіи, если-бы новая реклама г. Григорьева въ пользу

автора не возбудила во мнѣ особенной потребности удостовѣриться въ возвѣщенномъ открытіи. Такъ-то, иногда совершенно-безвинно, выходи журнальнаго меценатства могутъ падать невыгодно на покровительствуемаго журнальнаго сотрудника. Я готовъ биться объ закладъ: не будь несчастной исторіи о «новомъ словѣ», которое г. Островскій, по словамъ г. Григорьева, долженъ сказать въ русской литературѣ, «Бѣдная невѣста» была-бы принята несравненно-благоклоннѣе. Въ приѣмъ, какой сдѣлали ей петербургскіе журналы, напрасно искать личной неприязни къ «Москвитянину». Дѣло гораздо проще, и основано на извѣстномъ-переизвѣстномъ законѣ человѣческой природы: вамъ обѣщаютъ показать диво; вы торжественно къ этому готовитесь; вдругъ передъ вами вещь, довольно не дурная, но ужъ вовсе не необыкновенная. Гора родитъ мышъ. Вы падаете съ облаковъ, и требованія ваши становятся строги, неминуемо строже, нежели были бы онѣ, еслибы вы не ожидали чего-нибудь особеннаго. Кому не досадно обмануться? Относительно лица Бородкина, я, пожалуй, соглашусь, что оно довольно-ново въ нашей литературѣ, потому-что многимъ, и, конечно, г. Григорьеву въ томъ числѣ, очень мало знакомъ Нарѣжный, у котораго я беру съ отыскать самыя ясныя намеки на этотъ характеръ. Но это не упрекъ г. Островскому.

Дневникъ студента продолжается въ «Москвитянинѣ», къ моему совершенному удовольствію.

Опять-таки очень-интересна *Жизнь обер-камергера И. И. Шувалова, писанная племянникомъ его, княземъ Ѡ. Н. Голицынымъ въ 1797 г.*

Вообще, кромѣ нѣкоторыхъ особенностей и странностей, которыхъ «Москвитянинъ» не можетъ отбросить, нѣкоторыхъ перемолвокъ и недомолвокъ, онъ въ нынѣшнемъ году отличается многими прекрасными статьями, особенно по части беллетристики.

КОРРЕСПОНДЕНТЪ ПАТКОНА.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Журналъ, выходящій *перваго* числа каждаго мѣсяца.— Ученыя статьи. — Огреченіе Карла V въ переводѣ на русскій языкъ. — Какъ знакомъ переводчику не только испанскій, но даже русскій языкъ. — Паркъ въ Кіевской губерніи и красота описаній. — Новый Поэтъ — Иногородный подписчикъ. — Поклоненіе Джонсону. — *Рыбаки* г. Григоровича. — Общая и частная истина въ произведеніяхъ. — Реализмъ и идеальное воспроизведеніе дѣйствительности. — Единство въ изображеніи. — Бюстъ одного великаго писателя, заглаженный пріятелями. — Терпимость во вкусѣ. — Правило Талейрана. — Содержаніе *Рыбаковъ*. — Художественныя лица. — Изысканныя и неправильныя выраженія. — «Библіотека для Чтенія». — Музыкальная критика. — Поэтическое путешествіе по Тульской губерніи. — *Три письма*, въ которыхъ еще болѣе поэзиі.

На Александринскомъ театрѣ давали недавно водевиль: «Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ—въ своемъ не видимъ и бревна». Не знаемъ, видѣлъ ли эту пьесу «Современникъ», упрекавшій, мѣсяць тому назадъ, «Пантеонъ» въ томъ, что онъ выходитъ позже другихъ журналовъ, и вышедшій самъ позже «Пантеона» въ прошломъ мѣсяцѣ, тогда какъ на оберткѣ «Пантеона» сказано: выходитъ въ двадцатыхъ числахъ каждаго мѣсяца, а на оберткѣ «Современника»: выходитъ *перваго числа* каждаго мѣсяца. Прежде чѣмъ обвинять другихъ, не мѣшаетъ посмотреть за самимъ-собою.

Если апрѣльская книжка «Современника» вышла очень поздно, зато она вышла мало интересна. Въ особенности чрезвычайно слаба вторая половина ея, начиная съ отдѣла Наукъ до конца книги. Первая статья въ наукахъ «Добываніе золота въ Калифорніи и Австраліи», Леона Фоше, переведена, по свидѣтельству редакціи, изъ газеты: *L'Institut*. Мы не читали въ этой газетѣ такой статьи, но знаемъ, что

статья точно такого же содержанія и того же автора была напечатана еще въ прошломъ году въ журналѣ: *Revue des deux mondes*, и тогда же переведена, въ сокращеніи, въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ отдѣлѣ Иностранной Литературы. Отъ поздняго помѣщенія, статья, довольно интересная, утратила всю свѣжесть и новость. Вторая ученая статья: Объ отреченіи Карла Пятаго и послѣднихъ годахъ его жизни, очень любопытна по своему предмету, но редакція «Современника» напрасно переводитъ ее изъ Журнала Ученыхъ (*Journal des savants*). Минье, конечно, историкъ добросовѣстный, но не отличается ни глубокими изслѣдованіями, ни увлекательнымъ слогомъ. Въ послѣднихъ номерахъ *Revue britannique* помѣщена статья о томъ же самомъ предметѣ, составленная по англійскимъ обзорѣніямъ, и которая гораздо лучше статьи Минье, какъ по интереснымъ подробностямъ, пропущеннымъ французскимъ историкомъ, такъ и по языку статьи. Русской публикѣ было бы гораздо пріятнѣе познакомиться съ изслѣдованіями англійскихъ историковъ. Почти въ каждомъ французскомъ писателѣ замѣтно желаніе блеснуть слогомъ; для краснаго слова часто искажается историческая истина, и въ этомъ отношеніи каждый историкъ походитъ отчасти на Ламартина, тогда какъ въ Англій Макоулей олицетворяетъ строгое критическое направленіе исторической школы. Къ тому же статья Минье переведена въ «Современникѣ» очень плохо; на каждомъ шагѣ встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Карль V въ знакъ почтенія получалъ посѣщенія благородныхъ особъ», «лица служителей были запечатлены скорбью», «наконецъ время нѣсколько поправилось и императоръ отправился въ монастырь. Онъ (монастырь?) нашелъ его гораздо лучше чѣмъ какъ его описывали и остался очень доволенъ» (чѣмъ?) Такими странными и неправильными фразами испещрены все страницы; видно, что переводчикъ дурно знаетъ и русскій и французскій языкъ; послѣ этого, конечно, нечего требовать, чтобы онъ зналъ испанскій, по-крайней-мѣрѣ на столько, чтобы не переводить имени *Quixada*—Квядою. Нѣкоторые историки пишутъ, конечно, это имя *Quijada*, но въ томъ и въ другомъ случаѣ испанское *x* или *j* (хотя) выговариваются какъ русское *ха*, а испанское *и* послѣ *q* вовсе не выговаривается. Переводчикъ могъ бы найти это на первой страницѣ любой испанской грамматики, если ему не случалось встрѣчать на русскомъ языкѣ весьма извѣстнаго имени *Кихады*.

Не знаемъ также, зачѣмъ попала въ отдѣлъ Наукъ статья, перепечатанная изъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» 1722 года о маскарадѣ на дачѣ Льва Александровича Нарышкина. Если было необходимо перепечатать эту впрочемъ довольно интересную статью, то во всякомъ слу-

чаѣ мѣсто ея было гдѣ-нибудь въ Смѣси, а не въ Наукахъ. Критическая статья: О трудахъ членовъ российской миссiи въ Пекинѣ нѣсколько сухо написана; библиографiя очень неинтересна. Въ *Смѣси* всего двѣ большiя статьи: «Разказы о писателяхъ старой Англiи» также нисколько не занимательная, и «Паркъ князя Воронцова въ кievской губернiи». Послѣдняя статья была бы любопытна, еслибы авторъ ея не писалъ слишкомъ цвѣтистымъ, восторженнымъ языкомъ, и не пускался въ глубокомысленныя размышленiя по поводу самыхъ обыкновенныхъ предметовъ. Вотъ для примѣра одна туманно-метафорическая фраза:» Слою *оптическаго соединенiя* (?) перѣдко предметы самые не привлекательныя получаютъ *видъ изящества*, тогда какъ предметы близкiе къ глазамъ рѣдко могутъ обойтись безъ участiя искусства (отчего это?). Ихъ *суровость и нестройность нельзя оставить неприкосновенными*. Поэтому все вниманiе садовника артиста обращено бываетъ на то, чтобъ облечь такую же *мягкостью и пылительностью* мѣстности сада, близкiя къ глазамъ, какую облакаетъ другiя *таинственность* отдаленiя. Въ этомъ случаѣ магическою силою искусства все очарованiе отдаленности *переносится къ ногамъ нашихъ*». И все это въ простомъ описанiи сада!

Замѣтки Новаго Поэта ограничиваются въ этой книгѣ нѣсколькими страницами, посвященными характеристикѣ *лихихъ малыхъ и чудныхъ товарищей*. Вотъ родъ сочиненiй, который совершенно дался Новому Поэту; лъвы средней руки, обычныя посѣтители ресторановъ и другихъ публичныхъ увеселительныхъ заведенiй — его сфера и специальность (*sa specialité*); все это ему такъ знакомо. Отъ описанiя лихаго малаго Поэтъ переходитъ къ критикѣ новой комедii г. Островскаго, ограничивающейся, впрочемъ, нѣсколькими строками и вышескою двухъ съ половиною страницъ; затѣмъ слѣдуетъ еще три съ половиною страницы выписокъ изъ «Москвитинина», и статья оканчивается. Такимъ-образомъ Новый Поэтъ всякiй мѣсяць разбираетъ русскiе журналы. Труда, конечно, немного, но зато немного и удовольствiя отъ подобныхъ статей, а пользы ровно никакой.

Иногородный Подписчикъ пересталъ писать свои письма о русской журналистикѣ и толкуетъ объ англiйской. Намъ, конечно, легче отъ этого, но легче ли англiчанамъ, — это другой вопросъ. Такъ въ этомъ третьемъ письмѣ Диккенсу сильно достается за его журналъ: «Household Words», изъ котораго «Современникъ» переводилъ такое множество статей, и который (т. е. журналъ Диккенса) очень плохъ, по свидѣтельству Подписчика. По поводу Диккенса, Подписчикъ говоритъ объ Аддисонѣ и Джонсонѣ. Пер-

вый писатель превращается, для доказательства знанія англійскаго языка Подписчика, въ Эдисона. Право, эти знатоки англійскаго языка будутъ скоро писать Эдамъ вмѣсто Адамъ. И хоть бы они строго держались своей системы произношенія, а то измѣняя, на примѣръ, а въ э въ фамиліи Аддисона, они оставляютъ въ ней гласную о, хотя она произносится тоже почти какъ э и ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ чистаго звука о.

Послѣ Аддисона, писателя дѣйствительно весьма замѣчательнаго для своего времени, Подписчикъ переходитъ къ своему любимцу Джонсону, «грубому, жесткому, угловатому,» какъ называетъ его самъ авторъ статьи, несмотря на это все—таки восторгающійся при одномъ имени этого скучнаго педанта—іезуита и его плохаго журнала «Странникъ» «Личность великаго писателя, (говоритъ Подписчикъ, такъ снисходительно жалуящій въ великіе всякую посредственность) съ той поры такъ великолѣпно очертанная его другомъ Босвелемъ (и—прибавимъ мы: такъ великолѣпно надобѣвшая читателямъ «Библіотеки для Чтенія», гдѣ эта личность объяснялась г-номъ Дружининымъ въ—теченіе двухъ лѣтъ) нынѣ такъ знакомая каждому грамотному человѣку (вѣроятно въ томъ предположеніи, что каждый грамотный человѣкъ обязанъ былъ прочесть статью г—на Дружинина) вся высказывается въ его періодическомъ изданіи.» Рѣшительно не понимаемъ привязанности англomана къ этому писателю, которому могъ лѣстить и кланяться паразитъ Босвелль, но котораго восхвалять русскому писателю можно развѣ только для того, чтобы блеснуть оригинальностью. Придетъ же въ голову восхищаться на примѣръ слѣдующею фразою Джонсона: «Я не боялся подносить горчицу къ губамъ младенцевъ». Но помилуйте! на что горчица младенцамъ? Не чистая ли горчица послѣ ужина для читателей всѣ эти восторганія передъ давно забытымъ и вполнѣ стоящимъ забвенія писателемъ?..

Ученыя новости очень сухи и коротки. Иностранныя извѣстія интересны. Стиховъ, которые были замѣтно слабы во всѣхъ предъидущихъ книгахъ «Современника», въ этой вовсе нѣтъ. По части иностранной словесности помѣщено начало новаго романа Бальзака. «Мой романъ» (My romance), служащаго продолженіемъ извѣстнаго *Семейства Какстонсвъ*. Надобно, однакоже, сказать, что продолженіе гораздо слабѣе перваго романа, и вообще очень растянута. Маленькій рассказъ Теккерея: *Календарь Стеббса* очень забавенъ.

Но слабыя стороны двухъ послѣднихъ книгъ «Современника» выкупаются превосходнымъ романомъ г. Григоровича «Рыбаки». Хотя до—сихъ—поръ напечатано только двѣ части этого замѣчательнаго произ-

веденія, но и въ нихъ авторъ разсыпалъ столько прекрасныхъ сценъ и картинъ, что мы, не ожидая конца романа, хотимъ поговорить объ немъ, тѣмъ болѣе, что главное достоинство его не въ содержаніи, весьма простомъ, а въ характерахъ и описаніяхъ природы, до того вѣрныхъ дѣйствительности, что читатель какъ-будто самъ участвуетъ во всѣхъ этихъ сценахъ, видитъ все, что описываетъ авторъ съ изумительно меткою наблюдательностью.

Прежде всего порадуемся, что г. Григоровичъ обратился снова къ тому роду произведеній, который доставилъ ему блистательную извѣстность въ началѣ его литературнаго поприща, и что онъ не продолжалъ писать въ ложномъ юмористико-нравоописательномъ родѣ, къ которому принадлежали его *Проселочныя дороги*, возбуждившія такое справедливое и заслуженное неудовольствіе въ критикахъ и читателяхъ. Нѣсколько прекрасныхъ сценъ, мастерски очерченныхъ характеровъ, взятыхъ прямо съ природы, каковы напримѣръ Бобоховъ, Балахиновъ, Карачаевъ, не выкупаютъ растянутости и пустоты содержанія всего романа, написаннаго болѣе съ спекулятивною, нежели съ художественною цѣлью. Въ *Рыбанахъ*, напротивъ, нѣтъ ни одной лишней сцены, ни одной утомительной, ненужной подробности. Лица, вѣрныя дѣйствительности, въ тоже время очерчены художественно,—и въ этомъ состоитъ истинное достоинство писателя. Въ настоящее время, кажется, окончились уже споры о томъ, до какой степени писатель долженъ воспроизводить дѣйствительность. Чистый реализмъ доказываетъ въ тоже время совершенное отсутствіе художественности. Въ литературѣ, какъ въ живописи, могутъ найтись факты, подробности, дѣйствительно существующія въ природѣ, и въ тоже время ложныя въ общемъ смыслѣ, потому-что составляютъ исключеніе, странность, случайность даже нарушаютъ гармонію цѣлага. Прямое назначеніе искусства—отыскивать и воспроизводить *общую* петину въ природѣ, какъ физической, такъ и нравственной, въ комбинаціи линий и красокъ, какъ въ комбинаціи чувствъ и характеровъ. Существо, которому воображеніе артиста даетъ жизнь, можетъ и не встрѣтиться въ жизни, — но если оно человѣчески вѣрно въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ поставлено артистомъ — цѣль художника достигнута. Писатель, очевидно, можетъ вѣрнѣе и ближе изобразить подобное идеально-вѣрное созданіе, потому-что можетъ представить его въ разныхъ сторонахъ въ разныхъ житейскихъ положеніяхъ. Живописецъ и скульпторъ въ этомъ случаѣ ограниченнѣе въ средствахъ воспроизведенія дѣйствительности: они должны избрать одну минуту, одно положеніе въ жизни этого существа, для его изображенія. Поэтому всѣ попытки ихъ выразить вдругъ нѣсколько чувствъ, нѣсколько положеній

человѣка оставались всегда неудачными и не могли никогда осуществиться. Въ послѣднее время мы видѣли это лучше всего на бюстѣ одного знаменитаго писателя, недавно умершаго. Скульпторъ, обладающій впрочемъ большимъ дарованіемъ, по какой-то странной фантазіи вздумалъ изваять лицо писателя такъ, чтобы оно казалось съ одной стороны смѣющимся, съ другой плачущимъ. Изъ такого соединенія Гераклита и Демокрита въ одномъ лицѣ вышла, разумѣется, очень странная гримаса, правящаяся тѣмъ знатокамъ искусства, которыхъ прежде всего поражаетъ оригинальность. Бюстъ вышелъ дѣйствительно оригиналенъ, но кто же найдетъ его вѣрнымъ не только художественной, но даже обыкновенной дѣйствительности? Фанатическіе поклонники оригинальности, или вѣриѣ оригинальничанья, могутъ, пожалуй, называть чуть не невѣждами тѣхъ, кто не раздѣляетъ ихъ восторга передъ неудавшимся бюстомъ,—но излишняя нетерпимость чужихъ мнѣній и задоръ въ выраженіяхъ говорятъ всегда не въ пользу защищаемаго мнѣнія и заставляютъ остерегаться хладнокровныхъ читателей, не говоря уже о томъ, что преувеличенныя похвалы никогда и ничего не доказываютъ. Наше время, снисходительное къ каждому мнѣнію, высказанному скромно и основательно, не очень довѣряетъ рѣзкимъ приговорамъ и авторитетамъ господъ, не признанныхъ никѣмъ законодателями вкуса. Мы видимъ много примѣровъ пріятельскаго захваливанія талантовъ, бывшихъ сначала очень замѣчательными, но сдѣлавшихся въ-послѣдствіи весьма посредственными, именно оттого, что они вообразили себя гениями, на основаніи двѣирамбовъ своихъ пріятелей.

Перейдемъ къ роману г. Григоровича, и расскажем содержаніе двухъ частей его. Авторъ начинаетъ разсказъ описаніемъ мѣстности сѣверной части тульской губерніи. Онъ давно уже извѣстенъ картинностью, и мѣстами даже рельефностью своихъ описаній; мы должны сказать однако же, что желаніе представить картину какъ можно яснѣе, осязательнѣе, заставляетъ его прибѣгать иногда къ выраженіямъ, которыя трудно допустить въ русскомъ языкѣ. Такъ на примѣръ, на первой страницѣ романа мы встрѣчаемъ двѣ очень неловкія фразы: въ первой «холмы убѣгаютъ, постепенно *смягчались*, во внутренность земель»; во второй неровная мѣстность «составляетъ въ совокупности *изрядный хаосъ, служащій преддверіемъ* нашихъ большихъ рѣкъ съ нагорной стороны». Послѣдняя фраза даже уже черезъ чуръ изысканна, но къ счастью, подобныхъ ей немного въ романѣ.

По этому *изрядному хаосу* идетъ отъ села Сосновки къ Окѣ, въ Благовѣщеніе, дядя Акимъ съ сыномъ. Дядя Акимъ очерченъ художественно и принадлежитъ къ лучшимъ типамъ во всѣхъ произведеніяхъ г.

Григоровича. Это мужикъ слабый, пустой, безхарактерный, всю жизнь свою занимающійся вздоромъ, не способный ни къ какой продолжительной и полезной дѣятельности и въ тоже время непонимающій своего положенія, удивляющійся, отчего трудолюбивые мужики не уважаютъ его, не даютъ ему работы, вѣчно жалующійся на людей и на судьбу, перебивающійся круглый годъ кое какъ, съ помощью добрыхъ людей. Сынъ Акима, Гришка, порядочный дикарь, избалованный отцемъ и жизнью на свободѣ. Отецъ, находящійся въ крайнемъ положеніи, приводитъ мальчика къ своему дальнему родственнику, рыбаку Глѣбу, и проситъ взять къ себѣ ихъ обоихъ, обѣщаясь работать за себя и за сына. Глѣбъ мужикъ умный, добрый, разсчетливый. У него у самого большая семья: трое сыновей, изъ которыхъ старшій женатъ и живетъ съ женою и двумя дѣтьми у отца же. Несмотря на это, Глѣбъ Савиновъ принимаетъ къ себѣ дядю Акима и его сынишку, хотя послѣдній, на другой же день своего прибытія, думая избавиться какъ-нибудь отъ строгаго Глѣба, поджегъ его избу. Наказаніе исправляетъ мальчишку; онъ дѣлается смирише, но дядя Акимъ, ненаученный опытомъ, продолжаетъ попрежнему лѣниться и жаловаться. Глѣбъ сильно негодуетъ на это, но Акимъ, пользовавшійся и безъ того плохимъ здоровьемъ, умираетъ вскорѣ, простудившись въ осеннюю погоду. Гришка остается на попеченіи Глѣба, и растетъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ рыбака Ваней, однихъ съ нимъ лѣтъ. Дѣтство проходитъ скоро; парни подростаютъ. По сосѣдству отъ нихъ, на озерѣ, живетъ старый рыбакъ Кондратій, съ маленькой дочкой, Душей. Дѣти сначала учатся всѣ вмѣстѣ грамотѣ у Кондратія, потомъ мальчишки, сдѣлавшись молодыми парнями, полюбили подругу своихъ дѣтскихъ игръ и ученья. Любовь Вани тиха и скромна, какъ онъ самъ. Гриша любитъ со всѣмъ пыломъ своего энергическаго, неукротимаго характера. Дѣвушка любитъ Гришу... Вава узнаетъ это и груститъ молча. Этимъ оканчивается первая часть романа.

Вторая часть начинается тѣмъ, что въ семьѣ Глѣба Савинова ждуть возвращенія къ Святой сыновей его, Петра и Василія, отправившихся на заработки и жившихъ работниками у другихъ рыбаковъ, далеко отъ ихъ родной деревни. По льду, черезъ Оку, готовую разойтись, переходятъ нѣсколько удалыхъ прохожихъ. Это не запоздавшіе братья, какъ думаетъ сначала ихъ семья, а пильщики и шерстобиты, идущіе по домамъ на отдыхъ. Они приносятъ Глѣбу вѣсть о падежѣ скота и рекрутскомъ наборѣ. Глѣбъ задумывается, потому что очередь за его семействомъ; но въ тоже время въ смѣтливомъ умѣ его рождается мысль, какимъ-образомъ уладить все дѣло: онъ давно уже замѣтилъ, что младшій сынъ его, Иванъ, груститъ и скучаетъ, а приемышъ Гришка силь-

но ухаживаетъ за дочерью стараго рыбака Ковдратія. И то и другое ему не по сердцу, но и тому и другому можно помочь, и Глѣбъ рѣшается сына женить на Дунѣ, а Григорья отдать въ рекруты, какъ не тяжело ему разставаться съ бойкимъ и работающимъ парнемъ. Не теряя времени, онъ тотчасъ же отправляется самъ къ Ковдратію сватать его дочь; старикъ согласенъ, дѣвушка въ отчаяніи, потому-что любить Гришу. Иванъ также убитъ горемъ, но онъ не хочетъ жениться на дѣвушкѣ противъ ея желанія, и общаетъ ей не быть помѣхою ея счастью... Въ это же время изъ становой квартиры прїѣзжаетъ къ Глѣбу сотскій, повѣстить о выдачѣ рекрута...

Вторая часть оканчивается этими словами. Читатель предвидитъ, конечно, развязку романа—самопожертвованіе Ивана. Мы сказали уже впрочемъ, что новое произведеніе г. Григоровича замѣчательно не по содержанію, очень обыкновенному, но по характерамъ и сценамъ, взятымъ изъ нашего деревенскаго быта, вѣрнымъ дѣйствительности до малѣйшихъ подробностей, хотя, можетъ-быть, изображеннымъ не со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ, впрочемъ, было бы странно упрекать автора: каждый писатель имѣетъ полное право изображать предметъ съ той точки зрѣнія, которая ему кажется лучшею, и, по его мнѣнію, даетъ полное понятіе о цѣломъ. Зато, взявъ одну сторону быта рыбаковъ, г. Григоровичъ изображаетъ ее мастерски. Авторъ мало говоритъ отъ своего лица за своихъ героев; они сами высказываются въ дѣйствіи; каждая глава его романа тщательно отдѣлана, и еслибы намъ надо было приводить лучшія сцены, то пришлось бы цитировать больше половины романа, а мы цитируемъ очень рѣдко, и только въ-особенныхъ случаяхъ. Впрочемъ, читатели давно уже знаютъ умѣнье автора рисовать сцены и лица, и мы увѣрены, что новое произведеніе его будетъ имѣть большой успѣхъ, и заставитъ позабыть о неудачѣ «Проселочныхъ дорогъ».

Отмѣтимъ теперь нѣсколько неудачныхъ и неправильныхъ выраженій, непріятно останавливающихъ при чтеніи этого романа и которыя очень легко было бы исправить, тѣмъ болѣе, что ихъ немного: «Въ наружности старика было что-то *полазчивое*»? Что значитъ этотъ эпитетъ? Если въ разговорѣ своихъ дѣйствующихъ лицъ авторъ допускаетъ провинціализмы, то ему слѣдовало бы избѣгать ихъ, когда онъ говоритъ отъ своего лица «За горами располагалась Ока»—фраза очень неловкая, также какъ выраженія: «она осадила дядю Акима вопросами; *кѣтъ* летать саишки; онъ билъ его безъ всякой причины *и удержжа*; челнокъ *критился* къ берегу помощію петли; Нефедь принадлежалъ къ *общипанцамъ*, которыхъ въ простонародьи величаютъ обыкновенно *го-лудвою кабацкой*.» Здѣсь намъ кажется, что авторъ ошибается даже

въ употребленіи провинціализмовъ. Мы знаемъ простонародныя слова: *оборванецъ* и *кабацкая голдыба* (отъ *голый*), но общипанцевъ и голудвы слышать намъ не приходилось. Иногда авторъ употребляетъ безъ причины выраженія высокаго слога, которыя тѣмъ страннѣе встрѣчать, что онѣ рѣзко противорѣчатъ безыскусственному языку разсказа; такъ онъ говоритъ: «жена его, сыновья и дѣти *преклонили* колѣни; величественно восходило солнце надъ безкрайнымъ просторомъ, — все улыбалось вокругъ». Эти улыбающіяся картины и великолѣпныя фразы, здѣсь рѣшительно не на своемъ мѣстѣ; изъ желанія сказать по вычурнѣе, авторъ прибѣгаетъ иногда къ черезъ-чуръ уже изысканнымъ сравненіямъ и выраженіямъ, напримѣръ: «Рѣка, какъ бы одолѣваемая сладкой дремой, стала укладываться въ свои берега» «Солнце восходило все выше и выше, раскидывая снопъ золотыхъ лучей по всему небу: точно рука Божія протягивалась изъ-за безкрайнаго горизонта и благословляла утро». Чѣмъ выше предметъ, тѣмъ осторожнѣе надо дѣлать сравненія... «Гришка, *не утруждался* скрывать свои ощущенія отъ товарища»; «*шушукать* омутъ». Чуть ли не самъ авторъ сочинилъ этотъ глаголь; у насъ говорится *шушукать*. «Потъ выступалъ крупными горошинами на лицо». Картина неизящная. «Отъ сына онъ и подавно не вынесъ бы супротивности.» Замѣьте, что это говоритъ самъ авторъ, отъ своего лица. «Онъ далъ крѣпкій *напрягай* сыну.» Не *нагоняй* ли?.. Вотъ еще цѣлая фраза высокаго слога: «Все *возвѣщало* весну,.. верхнія края льдинъ обрывались *на землю* (отчего-жъ не на землю) и разсыпались тотчасъ же въ милліоны звонкихъ, *сверкающихся* иголь, (зачѣмъ тутъ глаголь оканчивается на *ся*?) еще два, три такихъ дня — и страшныя ибры, *повергавшія* такъ недавно на пути своемъ столѣтніе дубы, превратятся въ лужицы.» Также весьма неудачно сравненіе избы съ «дряхлымъ старикомъ въ рубищѣ, съ *больными, подвязанными глазами.*» И еще эту лачужку обступаютъ со всѣхъ сторонъ ольха, ветлы и кусты, защищая ее отъ льдинъ, какъ *молодые, пльжные сыны?* Попадаются другія не менѣе изысканныя фразы, напримѣръ: «Ваня подошелъ къ дѣвущкѣ, и переминая въ рукахъ шапку, поцаловалъ ее трижды (шапку-то?); причемъ казалось *вся душа кинулась въ лицо Вани* и колѣни его задрожали», или другая: «Секунду спустя, глаза ея *помутились, какъ слово* огонь, наполнявшій ихъ, затушенъ былъ слезами, мгновенно хлынувшими отъ сердца... губы и *ноздри* задрожали; все *существо* ея превратилось, казалось, въ одинъ отчаянный вопль.» Чтò значитъ также выраженіе: «Глѣбъ былъ человекъ *неутайчивый*»; почему вмѣсто этого эпитета не сказать чисто русское выраженіе: не скрытный, откровенный?.. Подобные во-

просы пришлось бы намъ не разъ дѣлать автору, и дѣлать ихъ тѣмъ несприятнѣе, что было-бы очень легко избѣгнуть всѣхъ этихъ неправильныхъ и изысканныхъ фразъ. Повторяемъ чуть не въ сотый разъ избыточное, но очень вѣрное сравненіе: чѣмъ чище и свѣтлѣе какая-нибудь вещь, тѣмъ замѣтнѣе на ней малѣйшее пятнышко.

Не можемъ не замѣтить также еще одного довольно страннаго обстоятельства, конечно случайнаго: всѣ лучшія произведенія г. Григоровича: *Антонъ*, *Бобыль*, *Следовская долина*, *Рыбаки* и проч. печатались въ «Современникѣ»; всѣ слабѣйшія: *Деревня*, *Неудачи*, *Проселочныя дороги* — въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Обратимся теперь къ апрѣльской книгѣ «Библиотеки для Чтенія», и прежде всего скажемъ съ сожалѣніемъ, что вышедшія до-сихъ-поръ книги этого журнала гораздо слабѣе въ сравненіи съ прошлогодними, которыя тоже были не очень занимательны. Такъ въ апрѣльской книгѣ почти нечего читать. О романѣ *Сосѣдъ* мы не говоримъ изъ уваженія къ памяти покойнаго Волярлярскаго; романъ *Натали* тянется шестой мѣсяцъ и очень не интересенъ. Изъ ученыхъ статей одна «*Баронъ Карлъ-Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ*» скучна, а другая «*Аббатъ Саитини и его музыкальная коллекція въ Римѣ*» можетъ быть любопытна только для знатоковъ старинной классической музыки, а много-ли ихъ? Критика и Литературная Лѣтопись безцвѣтны; даже *Смѣсь* разнообразна и не занимательна. Музыкальныя извѣстія написаны двумя разными лицами, что довольно странно въ одномъ и томъ же журналѣ. Но всего любопытнѣе въ *Смѣси* «*Путевыя записки по тульской губерніи*» г. Б-де-М. Авторъ этой статьи, вѣроятно, поэтъ; это можно заключить по множеству поэтическихъ описаній разныхъ мѣстностей тульской губерніи. Вотъ какъ напримеръ описывается садъ села Дроково: «*Прихотливыя дорожки долго водятъ васъ между ароматныхъ цвѣтниковъ; то приведутъ къ кусту розъ, то въ романическую бесѣдку, то обманутъ васъ, приведя къ стѣнѣ. Въ теплицахъ грозды винограда готовы упасть отъ тяжести, сливы развѣсились разноцвѣтными серьгами, а яблоки румянятся, какъ щечки той особы, которую вы обожаете.*» Очень поэтично! Послѣ такой звучной прозы авторъ воспоминаетъ и стихи, также ничѣмъ не уступающія прозѣ:

Тутъ розы, фіялки и лиліи есть,

И можно прекрасный вѣнокъ себѣ сплести.

Несмотря на то, что стихи эти не новые — они взяты изъ знаменитой оперы «*Деста, Днѣпровская русалка*», — но это не мѣшаетъ имъ быть очень хорошими. Вся статья написана въ этомъ же родѣ. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать еще нѣсколько строкъ изъ опи-

сапія города Алексіева: «Когда дневной жаръ начинаетъ уже спадать, и облака *красиво рисуются пурпуромъ*, отражая послѣдніе лучи заходящаго солнца, на улицахъ города является пыль, и сотни бубенчиковъ *обременяютъ* вашъ слухъ; всѣ смотрятъ на стадо, возвращающееся съ поля, и дѣлаютъ предположенія о погодѣ слѣдующаго дня...» Г. Б-де-М. до того увлекается воображеніемъ, что снопы хлѣба кажутся ему издали батареями, а въ селѣ Подмокломъ онъ находитъ церковь «видомъ подобную храму св. Петра въ Римѣ, *при ней* недостаетъ только боковыхъ колоннадъ». Мѣстами у автора видѣнъ юморъ. Такъ, описывая свой разговоръ съ однимъ мужикомъ, онъ говоритъ. «Въ-послѣдствіи я узналъ, что онъ полоумный, хотя и принялъ его сначала за остроумнаго—природа человѣческая съ трудомъ распознается.» Совершенно справедливо.

Но еще любопытнѣе этого поэтическаго путешествія въ Смѣси статья въ отдѣлѣ Словесности, подъ названіемъ. «Три письма.» Это не романъ, не повѣсть, не разсказъ, а неизвѣстно что такое. Какой-то господинъ пишетъ къ госпожѣ, какъ онъ проводилъ вмѣстѣ съ нею карнавалъ въ Римѣ. Зачѣмъ онъ пишетъ ей о томъ, что они видѣли сами? это не извѣстно. Но что авторъ Трехъ Писемъ еще поэтичнѣе автора Путешествія по тульской губерніи, это несомнѣнно, хотя и кажется невѣроятнымъ. Въ поэтическомъ восторгѣ отъ своей *Нины* (такъ зовутъ госпожу) онъ иногда выражается такими фразами, какихъ не можетъ допустить грамматика... Но что за дѣло до грамматики такимъ великолѣпнымъ поэтическимъ описаніямъ! Вотъ какъ на первой страницѣ авторъ говоритъ о своей Нинѣ: «Я лучше тебя самой понималъ, милая моя, какъ ты права въ своихъ требованіяхъ; какъ мало было все, что ты потребовала отъ меня; какъ всей моей мысли и всего моего чувства не доставало, чтобъ всю тебя вмѣстить въ себя, чтобъ нарадоваться на всю тебя.» Авторъ, повидимому, очень боится, чтобы не подумали, будто у его Нины есть что-нибудь чужое, и на каждомъ шагу употребляетъ притяжательныя мѣстоименія. Такъ онъ говоритъ, на первой же страницѣ: «Ты разсматриваешь въ зеркалѣ чудесные глаза *свои* и длинныя рѣсницы *ихъ*. Далѣе, описывая разныя «чудесности и великости навѣваніе и путеводительство женской красоты», авторъ говоритъ: «Могла ли ты не понимать, что что бы мнѣ ни правилось все это была бы — ты сама, что-бы я тебѣ ни сталъ говорить, про тебя бы одну я и разсказывалъ; на всемъ-бы блисталъ горячій лучъ, упавшій отъ тебя.» «Кончивъ петербургскія свое» авторъ смотритъ на «античныя статуи, конечно обрадованныя увидать и въ нынѣшней Италіи древнее гостепріимство *магнатовъ*», сожалеетъ, что во всемъ нынѣшнемъ *публичномъ*—скука.» И далѣе: «и Римъ, и карнавалъ, и ты сама Нина, вы всѣ трое такія

(точка съ запятой) Судя же, было-ли мнѣ хорошо, когда вы всё трое соединились, чтобъ совсѣмъ опьянить меня.» Въ самомъ описаніи карнавала есть много любопытнаго: и чочара, и калашоне, и портоны, и скалината, слова чисто русскія, и *нептунскій* костюмъ, и много другихъ чудесностей, которыя мы не выписываемъ.

О майскихъ катгахъ журналовъ поговоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; онѣ вышли позже обыкновеннаго.

II. НОВЫЯ КНИГИ.

Изъ Рима въ Іерусалимъ. *Сочиненіе графа Николая Адлерберга*. С.-Петербургъ, 1853. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л., 262 стр.*

Описанія путешествій, несмотря на все разнообразіе формы, цѣли и назначенія этого рода сочиненій, представляютъ, однакожь, два главнѣйшіе вида, хотя и съ безчисленными подраздѣленіями. Первый составляютъ ученые или систематическія описанія посѣщенныхъ путешественниками странъ, изслѣдованія географическія, статистическія, историческія, правоописательныя, и т. п. Второй, не чуждаясь также нѣкоторой системы, или, по-крайней-мѣрѣ, программы, посвящается преимущественно личнымъ впечатлѣніямъ туриста, его мимо-летнымъ замѣткамъ, мыслямъ, размышленіямъ, созерцаніямъ — болѣе, или менѣе значительной долѣ отрывчатой философіи и дорожной поэзіи. Это сводъ его путевой наблюдательности, перечень его подвижныхъ ощущеній, его взглядъ на промелькнувшіе передъ нимъ предметы, взглядъ, зорко брошенный съ палубы фрегата-парохода, изъ окна кареты, или почтоваго дилижанса. Отъ болѣе, или менѣе степени ума, дарованія, свѣдѣній, начитанности, поэтическаго настроенія духа и теплоты сердечной зависить и болѣе или менѣе степень интереса и важности произведенія...

Изящная, въ палевой оберткѣ, книжка, которую вы предварительно начинаете перелистывать съ большимъ удовольствіемъ и какимъ-то невольнымъ любопытствомъ, принадлежа ко второму виду такихъ со-

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и въ книжномъ магазинѣ П. А. Ратькова: 2 руб., съ пересылкою 2 р. 25 коп. сер.

чпненій, вполне оправдываетъ пріятное ожиданіе ваше, внушаемое ея заглавіемъ, вполне удовлетворяетъ условіямъ легкаго, но привлекательнаго и не лишенаго поучительности описанія... *Римъ и Іерусалимъ*. . вѣчный и святой города, между которыми заключились достопамятѣйшія, незабвенныя страницы исторіи и судьбъ человѣчества!..

...«Эти беззатѣйныя строки», говоритъ авторъ, въ маленькомъ предисловіи, «были написаны много безъ претензіи на литературную извѣстность, безъ всякаго авторскаго тщеславія, единственно для освѣженія въ памяти того, что я видѣлъ, и притомъ въ то время, когда писались онѣ, я не имѣлъ и мысли пустить ихъ когда-нибудь въ свѣтъ. Между-тѣмъ нѣкоторые снисходительные пріатели, прочитавъ, одобрили этотъ разсказъ о моемъ странствованіи, и уговорили меня напечатать мои впечатлѣнія, которыя имѣютъ одно лишь достоинство: они чужды всякихъ вымышленныхъ прикрасъ.» Но разсказъ даетъ гораздо больше, нежели сколько обѣщаетъ скромное предисловіе, и еслибъ авторъ не послѣдовалъ совѣту не снисходительныхъ лишь, но справедливыхъ пріателей, въ современной литературѣ русской одною занимательною, дѣльною и притомъ прекрасно изложенною книгою было бы менѣе.

Но, какъ-бы по совѣту Горація, эти путевыя листки пролежали въ портфель сочинителя около девяти лѣтъ, и оттого-то, можетъ-быть, не разъ строго пересмотрѣнные, кое-гдѣ дополненные, кое-гдѣ сокращенные, при романтической своей увлекательности, явились въ свѣтъ съ какою-то классическою безукоризненностью, съ достоинствомъ. Проведя зиму 1845 года въ Неаполѣ, графъ Н. В. Адлербергъ отправился весною въ Римъ, желая видѣть, какъ торжествуется тамъ, по католическому обряду, праздникъ Пасхи. Касаясь, впрочемъ, Рима только мимоходомъ, «какъ основанія, или исходнаго пункта разсказа» своего, авторъ не описываетъ подробно этого священнаго обряда, извѣстнаго уже читателямъ русскимъ изъ «Римскихъ писемъ» А. Н. Муравьева, но краснорѣчиво и съ одушевленіемъ изображаетъ минуту, въ которую престарѣлый, убѣленный сѣдинами папа Григорій XVI, съ балкона исполинскаго храма св. Петра, трогательно и величественно благословлялъ восемьдесятъ тысячъ колѣнопреклоненныхъ Римлянъ (стр. 6—10).

22 марта, авторъ, съ пріателемъ и постояннымъ спутникомъ своимъ, В. И. Чарыковымъ, выѣхалъ изъ Рима въ Анкону, на долгихъ. Вскорѣ австрійскій пароходъ смѣнилъ экипажъ странствователей нашихъ, и понесъ ихъ къ берегамъ Греціи, мимо острова Корфы, Патроса, Лутраки, Каламаки, доставилъ въ Пирей, откуда перешагнули они въ Афины, нѣкогда столь знаменитыя, нынѣ скромную столицу возрожденной Греціи...

Въ мастерскомъ, сжатомъ очеркѣ, на какихъ-нибудь десяти страничкахъ, съ яснымъ лаконизмомъ, рассказывается, или, точнѣе, припоминается читателю любопытная исторія этого древняго города, основаннаго Кекропомъ за 1550 лѣтъ до Рождества Христова и названнаго Аѳинами въ честь богини *Минервы*, или *Аѳины*, населеннаго нѣкогда двумястами тысячъ жителей, украшеннаго великолѣпными произведеніями зодчества, а теперь, какъ замѣчаетъ авторъ, похожаго «на нашъ уѣздный городокъ. «Центръ греческаго міра, расадникъ европейской образованности, колыбель многихъ началъ политической жизни новѣйшихъ народовъ — узнаеть-ли теперь кто васъ, Аѳины, въ этой путаницѣ домишекъ, завладѣвшихъ вашимъ славнымъ именемъ?» (Стр. 47). Только воспоминанія минувшей славы и величія немногими, но вышуклыми чертами представленныя въ книгѣ графа Адлерберга, да классическія развалины привлекаютъ сюда любознательныхъ путешественниковъ. Не здѣсь-ли, во дни оны, были тѣ знаменитыя, уничтоженныя Юстиніаномъ школы, въ которыхъ «образовались великіе проповѣдники православной Церкви: св. Григорій, Кириллъ, Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ», не здѣсь-ли, «задолго до явленія Спасителя, Сократъ и Платонъ прозрѣвали душою и умомъ того невѣдомаго Бога, поклоненіе которому въ послѣдствіи проповѣдывалъ, въ Аѳинахъ же, св. апостоль Павель» (стр. 39). Вотъ остатки храма Юпитера-Олимпійскаго и другіе памятники древности, пощаженные временемъ, какъ напримѣръ, храмъ самой Минервы, мудрости, выражавшей ученость Аѳинъ, — Парѳенонъ, гдѣ стояла ея статуя, «гениальное твореніе Фидія, вырѣзанное изъ слоновой кости, въ сорокъ шесть футъ вышиною, и роскошно-убранное золотыми украшеніями, оцѣненными до сорока четырехъ талантовъ—около восьми сотъ тысячъ рублей серебромъ (стр. 43),—Пропилей, служившіе входомъ къ Парѳенону, и сквозь которыя широкая мраморная лѣстница вела къ цитадели,—хорошо сохранившійся древній Ареопагъ, высшее, священное судилище Греціи, по словамъ Аристотеля, — Притансіонъ (зданіе сената), Пниксъ, или мѣсто народныхъ совѣщаній, и славная Академія, гдѣ преподавалъ Платонъ...

Выразительно хотя и кратко, описавъ необыкновенную, высоко-замѣчательную судьбу Аѳинъ, формы правленія, господствовавшія тамъ въ разное время, воскресивъ, такъ-сказать, въ бѣгломъ взглядѣ, минувшую славу и величіе древней Аттики, авторъ переходитъ къ настоящему положенію возрожденной, послѣ долгаго упадка подъ игомъ турецкимъ, Греціи, и въ нѣсколькихъ словахъ, чрезвычайно удачно характеризуетъ это настоящее, сообщаетъ нѣкоторыя подробности о скромномъ королевскомъ дворцѣ, выстроенномъ на открытомъ мѣстѣ, въ виду Парѳенона

и удѣлѣвшихъ девяти исполинскихъ столбовъ храма Юсигерова (стр. 49). Торопясь «поспѣть въ Иерусалимъ непремѣнно къ заутрени Свѣтлаго Воскресенія», авторъ «долженъ былъ по возможности сократить пребываніе свое въ Афинахъ», и потому не представлялся королю Оттону, но имѣлъ однакожъ случай видѣть его. «Было около четырехъ часовъ по полудни» — говоритъ графъ — «когда я, прогуливаясь по городу, проходилъ мимо королевскаго дворца. Толпа народа около его подъѣзда остановила мое вниманіе. Я примкнулъ къ этой толпѣ, и увидѣлъ, какъ молодая королева поѣхала кататься. Въ тоже время сошелъ съ ступеней крыльца и король; ему подвели коня; толпы просителей окружили его у подъѣзда. Сѣвъ на лошадь, король принималъ просьбы изъ рукъ просителей, всѣмъ ласково кланялся, и потомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ, выѣхалъ за городъ. Онъ былъ одѣтъ въ богатый національный костюмъ, который привыкъ носить совершенно какъ коренной житель Аттики. Говорятъ, будто онъ владѣетъ языкомъ новозеландскимъ, какъ природный Грекъ: это тѣмъ удивительнѣе, что германскіе уроженцы вообще рѣдко говорятъ на иностранномъ языкѣ безъ сильнаго природнаго акцента.» (стр. 49 — 50).

Изъ Афинъ французскій военный пароходъ «Леонидасъ» повезъ нашихъ путешественниковъ къ берегамъ Африки въ Египетъ, въ страну не менѣе древнюю и примѣчательную тысячелѣтними памятниками, которые авторъ не забываетъ, въ двухъ, трехъ словахъ, описать мимоходомъ. У самой Александріи поднялась буря; «остановили машину, положили судно въ дрейфъ, и двумя пушечными выстрѣлами вызывали съ берега опытнаго лоцмана, чтобъ провести пароходъ въ портъ, между безчисленныхъ подводныхъ камней и отдѣльныхъ скалъ, залитыхъ пѣнистыми волнами. Никто не отвѣчалъ на призывъ. Повторили сигналъ, но и тутъ не нашлось охотниковъ выйти навстрѣчу парохода...

— Теперь, сказалъ капитанъ его, — намъ остается поспѣшно выбраться изъ двухъ одно: либо повернуть пароходъ назадъ и выплыть въ море, чтобъ не разбиться объ скалы, потому что буря разыгрывается не на шутку, либо, пока море не достигло еще высшей степени волненія, полжившись на мою счастливую звѣзду и на пріобрѣтенную мною опытность и знаніе этого порта, попробовать безъ лоцмана пробраться къ берегу.

«Долго думать было нечего» — продолжаетъ авторъ: «опасность увеличивалась съ каждой минутой. Идти обратно въ море, въ ту минуту, когда касаешься берега, идти въ даль, безъ цѣли, можетъ-быть надолго, пока буря не умирится — досадно.» — Я бы, на вашемъ мѣстѣ, благословясь, рискнулъ! замѣтилъ онъ капитану (стр. 66 — 67). Последній не колебался болѣе, и — путники наши благополучно прибыли

въ Александрію. Описаніе этого города, присутственныхъ его мѣсть, тамошней уличной жизни, нравовъ, отношеній паши къ народу и положенія послѣдняго, Помпеевой колонны, величественныхъ обелисковъ, Клеопатриныхъ иглъ, вмѣстѣ съ историческимъ обзоромъ Александріи, принадлежатъ къ числу счастливѣйшихъ страницъ разсматриваемой книги, — можно было бы сказать и занимательнѣйшихъ, еслибъ все въ ней, болѣе или менѣе, не было занимательно, гдѣ по самому содержанію, гдѣ по живости простаго, но обработаннаго разсказа. Перломъ же въ изображеніи Александріи должно назвать граціозное описаніе великолѣпнаго, исполненнаго затѣйливѣйшей, утонченной роскоши сераля Мехмеда-Али, путешествовавшаго тогда по Нилу въ Верхнемъ Египтѣ, а также серала и сада Сеида-Паши. «Въ различныхъ частяхъ сада», говоритъ авторъ, «устроены бесѣдки и кіоски, съ непремѣннымъ сквознымъ вѣтромъ, отраднымъ въ слишкомъ знойное время. Около стѣнъ каждаго кіоска разставлены турецкіе диваны; полъ устланъ коврами, или плетенными пальмовыми рогожками. Утомленный зноемъ и усталостью, я обрадовался, услышавъ журчаніе воды, бывшей фонтаномъ посреди луга, походившаго на коверъ отъ множества разнообразныхъ цвѣтовъ. Я бросился къ фонтану, чтобъ утолить свою жажду; но одинъ изъ рабовъ серала, увидѣвъ меня, побѣжалъ къ кіоску, принесъ съ собою золотую чашу, убранныю камнями, поднесъ ее подъ игривую струю водомета, и я наполнилъ ее чистою, какъ хрусталь, водою. Горя нетерпѣніемъ утолить жажду, я уже протянулъ руку, но невольникъ удержалъ меня и, кивнувъ головою, какъ-бы желая сказать: «подожди, питье твое еще не готово», подошелъ къ цвѣтнику, выбралъ изъ него самую прелестную пышную розу, осторожно срѣзалъ ее, и почтительно поднося мнѣ чашу съ водою, взялъ бережно цвѣтокъ за стебель, опустилъ ароматную розу въ воду, и быстрымъ движеніемъ руки возволновалъ хрустальную влагу. Такъ пить паша, сказалъ онъ по-арабски моему переводчику, который, передавъ мнѣ значеніе этихъ словъ, присовокупилъ, что подобнымъ привѣтливимъ сравненіемъ рабъ Сеида-паши оказывалъ мнѣ отъиный знакъ гостепріимнаго уваженія. Мнѣ чрезвычайно понравилась и эта невинная лесть, который чистыми элементами были свѣжая струя воды и распустившаяся роза, и эта утонченная восточная роскошь, въ которой я нашелъ глубокую поэзію чувствъ и необыкновенныхъ ощущеній. Свѣжій ароматъ вѣтвистой розы какъ-будто растворялся въ каждой каплѣ воды; но этотъ ароматъ былъ такъ тонокъ, такъ неуловимъ, что вода не имѣла именно вкуса розы, но была необыкновенно упоительна, и мнѣ казалось, я пилъ какой-то нектаръ» (стр. 80—82).

Въ это время находился въ Александріи бывший генералъ-губерна-

торъ іерусалимскій Решидъ-паша; онъ привезъ изъ Константинополя два баталіона пѣхоты, отданные въ распоряженіе Мехмеда-али, для укомплектованія наблюдательныхъ постовъ на степной границѣ, и не совѣсьмъ довольный пріемомъ вице-короля, готовился отплыть во свояси. По совѣту прусскаго консула Думрейхера и при содѣйствіи нашего консула г. Фоль-Фока, графъ Н. В. Адлербергъ и спутникъ его успѣли познакомиться съ обязательнымъ Решидъ-пашею, который воспитывался въ Парижѣ и соединялъ въ себѣ странную смѣсь привычекъ европейскихъ съ неодолимыми азіатскими. Онъ охотно согласился взять съ собою путешественниковъ нашихъ, и такимъ-образомъ египетскій фрегатъ понесъ ихъ до Бейрута. Въ разсказѣ объ этомъ плаваніи весьма удачно обрисованы самъ оргинальный Решидъ-паша, его зять, турецкій полковникъ, на счетъ его выпивавшій восемьдесятъ чашекъ кофе и выкуривавшій сто двадцать трубокъ въ сутки (стр. 126), смѣшной капитанъ фрегата Халиль и свита паши. Всѣ эти лица такъ и просеяты въ романъ, вмѣстѣ съ капитаномъ парохода «Леонидасъ», на которомъ авторъ прибылъ въ Александрію, и съ описанными еще въ первой главѣ «интересною незнакомою», печальною, плачущею, и знатнымъ молодымъ грекомъ, ея вѣроломнымъ мужемъ. Но оживляя свое повѣствованіе анекдотическими чертами, или случайными эпизодами, каково, напримѣръ, воспоминаніе о генералѣ Пассекѣ, по поводу встрѣчи въ Александріи двухъ лезгинъ и собственной службы графа на Кавказѣ, авторъ вездѣ пользуется этими небольшими отступленіями, кстати, умѣренно, искусно соединяя ихъ съ общою нитью разсказа, въ которомъ, между-прочимъ, замѣчательны и разнообразныя, поэтическія описанія роскошной природы Востока.

Вотъ передъ нетерпѣливыми путниками промелькнулъ расположенный на высокой горѣ монастырь св. Іліи, выстроенный въ память пророка, обитавшаго на ней долгое время, гдѣ понынѣ осталась невредима та пещера, въ которой пророкъ скрывался отъ преслѣдованій и близъ которой находится древняя часовня, «считаемая самою первою церковью, посвященною Богоматери» (стр. 128—129); вотъ промелькнула и Акра, въ древности Птоломаида, куда стремились крестоносцы среднихъ-вѣковъ, Акра, напрасно осаждаемая, въ 1799 г., героемъ новѣйшаго времени, Бонапарте; вотъ и самый Бейрутъ. Отсюда, графъ Адлербергъ и г. Чарыковъ отправились, вдоль береговъ, въ Яффу, на мѣстѣ которой, по преданію, сооруженъ былъ ковчегъ Ноя, и которая основана третьимъ сыномъ его, Іафетомъ. Изъ этого города, столь живо напоминающаго одно изъ величайшихъ событій Ветхаго Завета, сухимъ путемъ поспѣшили они къ святымъ мѣстамъ Новаго, гдѣ совершилась дивная тайна смерти и воскресенія и занялась первая заря христіанства.... Восхищаясь прекрас-

нимъ вечеромъ, изобиліемъ окружающей растительности, путешественники, не смотря на усталость, почти незамѣтно достигли до Рамле, или Рамы, той самой, упоминаемой въ повѣствованіи Евангелія объ избіеніи младенцевъ, деревни, въ которой Рахиль плакала и не могла утѣшиться, потому-что не стало дѣтей ея (см. стр. 165)... Рамле служитъ всеѣмъ поклонникамъ какъ-бы станціей на пути между Яффою и Іерусалимомъ...

«Идя ровнымъ конскимъ шагомъ шесть часовъ безостановочно, мы (говоритъ авторъ) приостановились на полчаса подъ тѣнью вѣтвистыхъ масличныхъ деревьевъ, гдѣ, давъ вздохнуть лошадямъ и перекуеивъ наскоро, что было съ собою, снова продолжали путь... Дорога въ особенности затруднительна при подъемѣ на Іудейскія-горы. Тутъ указали намъ мѣсто, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ убитъ губернаторъ Яффы... Главный предводитель разбойническихъ шаекъ, Ибрагимъ Абугожь, извѣстный во всей Палестинѣ своею хищническою ловкостью и отвагою, жилъ въ лежащей по этому пути Іереміевой деревнѣ, и собиралъ со всеѣхъ проѣзжающихъ подать. Паша, любимый народомъ за его правосудіе, хотѣлъ силою воспретить разбойнику налагать своевольную подать на путешественниковъ, но вмѣсто того самъ сдѣлался жертвою Абугожа, котораго имя громко и грозно въ горахъ Іудейскихъ и прилегающихъ къ нимъ странахъ. Этотъ хитрый и отважный хищникъ, распространивъ повсюду, свою необыкновенною смѣлостью, ловкостью соображеній и успѣхами дерзкихъ подвиговъ, страхъ и трепеть, въ тоже время пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ и довѣріемъ народа. Для него священна вѣрность даннаго имъ обѣщанія, а потому весьма нерѣдко мирные путешественники входятъ съ нимъ въ дружелюбныя сношенія, дѣлаютъ уговоръ совершить переѣздъ подъ прикрытіемъ его слова, и такимъ-образомъ, уплачивая Абугожу выгодную для него дань, отправляются въ дорогу и невредимо достигаютъ цѣли своего странствія. Разбойникъ, при совершеніи подобнаго контракта, тайно предупреждаетъ всеѣхъ остальныхъ частныхъ грабителей, и удѣливъ каждому часть полученной имъ страховой платы, снабжаетъ путешественника вѣрными провожатыми, которые безотлучно сопровождаютъ его до условленнаго мѣста. Абугожь, несмотря на свой разбойничій промыселъ, имѣетъ между туземцами странное названіе «добраго-малаго», на томъ основаніи, что въ производимыхъ имъ нападеніяхъ, не ищетъ смерти своихъ жертвъ, но предпочтительно лишь грабитъ странниковъ, щадя ихъ жизнь, если они не обороняются, и только за кровь метитъ кровью» (стр. 174—177).

Со времени выѣзда своего изъ Италіи, претерпѣвъ множество остановокъ, затрудненій, различныхъ препятствій и томительныхъ задержекъ

въ карантинѣхъ, подвергаясь отчасти и самымъ опасностямъ, благочестивые путешественники наши, 20 апрѣля 1845 года, въ одиннадцать часовъ утра, остановились, наконецъ, у запертыхъ воротъ святаго города: минута торжественная! Это было въ страстную пятницу — а пятница день, въ который магометане іерусалимскіе, около полудня, стекаются для общей молитвы въ бывшій храмъ Саломона, преобразованный въ ихъ главную мечеть; на это время все городскіе выѣзды запраются, и даже привратники отходятъ отъ своихъ мѣстъ. Здѣсь, среди жесточайшаго зноя, должно было простоять полтора часа, «полтора вѣка!» прибавляетъ авторъ.

Но пусть продолжаетъ самъ онъ — сокращенія исказили-бы истинно краснорѣчивую страницу:

«Въ восемь часовъ по-полудни намъ сказали, что храмъ отпертъ. Перекрестившись, мы последовали за проводниками монахами, по крутымъ, темнымъ улицамъ, по направленію къ храму Воскресенія Господня. Никогда не забуду я этого таинственнаго шествія. Весь городъ, покрытый непроницаемою темнотою ночи, уже дремалъ въ глубокой тишинѣ; все улицы были пусты; мы шли медленно, какъ бы оцупью, по неровнымъ, размощеннымъ закоулкамъ. Монахи, въ черныхъ, длинныхъ рясахъ, сопровождали насъ съ зажженными факелами; они шли молча, съ поникшими головами; легкій вѣтерокъ развѣвалъ длинные концы покрывалъ съ ихъ черныхъ клобуковъ. Нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ; казалось, мы проходили безконечное пространство. Наконецъ, выходя изъ узкаго переулка, мы остановились на небольшой площадкѣ, обрамленной высокими строеніями разнообразной древней наружности. Вотъ храмъ, гдѣ заключены гробъ Господень и Голгова! сказалъ, указывая вправо, на возвышающіяся строенія, шедшій возлѣ меня монахъ Діонисій, который, по приказанію митрополита, состоялъ безотлучно при насъ, въ качествѣ проводника, или чичероне... «Голгова!.. Гробъ Господень!» повторялъ я за за нимъ машинально. Какъ громовымъ ударомъ поразили меня эти слова. Скажите, не то ли же самое почувствовали бы вы? Вообразите, что вы стоите въ темнотѣ ночи, посреди Іерусалима, окруженные факелами и монахами; вдругъ незнакомый голосъ шопотомъ доводитъ до вашего слуха эти многозначительныя слова: *здѣсь гробъ Господень и Голгова!*

«Слова эти внятно отозвались моему слуху; я повторилъ велѣдъ за монахомъ. «здѣсь гробъ Господень и Голгова!» но въ тоже время спрашивалъ самаго себя: гдѣ я? не игра ли это нетерпѣливаго моего воображенія? не сонъ-ли?.. Между-тѣмъ мы подошли къ дверямъ храма

тяжелый замокъ загремѣлъ на звонкихъ пружинахъ; старинныя петли завизжали, и дверь отворилась...

«Величественная темнота наполняла храмъ; лишь нѣсколько мерцающихъ лампадъ сосредоточивали въ срединѣ блѣдный свѣтъ. Возвышающаяся на нѣсколько вершковъ отъ пола продолговатая плита красно-желтого мрамора, находясь противъ дверей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа, прежде всего остановила на себѣ мое напряженное, благоговѣнное вниманіе; освѣщенная сверху рядомъ теплящихся лампадъ, эта плита находится почти на половинѣ разстоянія отъ гроба Господня къ престолу св. Голговы...

«Какое-то безотчетное, сверхъестественное чувство глубокой вѣры и страха Божія мгновенно овладѣло мною, и невыразимый трепетъ пробѣжалъ по моимъ членамъ, когда я приблизился къ этому первому памятнику, свидѣтельствовавшему мнѣ о Господѣ.

«Подъ вліяніемъ этого необыкновеннаго чувства глубокаго благоговѣнія и живаго, откровеннаго сознанія собственной ничтожности, я подошелъ къ святынь... Языкъ мой онѣмѣлъ; я не спрашивалъ у сопровождавшаго насъ монаха, что значитъ этотъ камень, эти горящія надъ нимъ лампы; душевный трепетъ говорилъ мнѣ ясно, что здѣсь одинъ изъ памятниковъ Богочеловѣка. Не требуя дальнѣйшихъ поясненій, я стоялъ въ нѣмомъ восторгѣ, какъ бы чувствуя невидимое присутствіе Духа Божія; колѣни мои сами-собою подогнулись, и въ этомъ непонятномъ мнѣ дотолѣ молитвенномъ чувствѣ я приникъ устами къ поверхности священной плиты... Это былъ такъ-называемый камень муропомазанія: на немъ пострадавшій Искупитель, снятый съ креста, покоилъ пречистое Свое тѣло, окровавленное крестнымъ потязаніемъ, пока благочестивый Іосифъ и другіе ученики, снявшіе Іисуса съ древа, омывъ слѣды крови и обложивъ его ароматами, смирою и ливаномъ, обвивали въ плащаницу для положенія въ гробъ...

«Въ двѣнадцати шагахъ оттуда, вправо, лѣстница, двумя веходами, каждый въ 21 ступень, ведетъ на вершину Голговы. Не воображайте себѣ Голговы высокою горою: она всего лишь на 19 футовъ выше горизонта земли! Правильнѣе назвать это небольшимъ скалистымъ пригоркомъ, который во-время оно находился за стѣнами города. Большое пустое пространство отдѣляло лобное мѣсто отъ Іерусалима; тамъ собирался народъ во-время казни преступниковъ; остальную часть Голговы окружали сады, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ тайному ученику Спасителя, Іосифу Аримаѣйскому, устроившему тамъ, собственно для себя, могилу въ природной скалѣ, и въ этой-то могилѣ въ-послѣдствіи почилъ пречистое тѣло Спасителя» (стр. 194—195).

Далѣе, въ строгомъ порядкѣ, ясно, отчетливо, и съ тѣмъ же благоговѣніемъ описываются находящіеся въ этомъ храмѣ другіе священныя памятники незабвенныхъ дней добровольнаго страданія, смерти и воскресенія Іисуса: часовня, въ которой заключенъ Гробъ Господень; часть того самаго камня, что былъ приваленъ къ Гробу и прикрѣпленъ печатами; придѣлъ св. Голговы, выстроенный на самомъ пригоркѣ, съ престоломъ на томъ собственно мѣстѣ, гдѣ утвержденъ былъ въ землю крестъ распятія; часовня Богоматери, здѣсь «присутствовавшей при истязаніи на крестѣ ея Сына и Господа», откуда она слышала «звукъ молота, вбивавшаго гвозди въ тѣло Спасителя»; особый престолъ, устроенный на части «такъ-называемаго столба поруганія, на которомъ Спаситель, облеченный въ багряную ризу, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ, былъ посаженъ Іудеями»; мѣсто, «гдѣ сребролюбивые воины Пилата метали жребій» о сей ризѣ; темница, въ которую заключили святаго Страдальца, «пока на Голгофѣ пробивали отверстіе для утвержденія креста», и остальные предметы, живо напоминающіе событіе тѣхъ великихъ дней. «Можете представить», замѣчаетъ авторъ, «какое чувство производитъ на душу литургія, совершаемая на престолѣ Гроба Господня. Я стоялъ во-время литургіи въ пещерѣ Ангела. Вообразите себя тамъ же, и попытайтесь дать себѣ отчетъ въ томъ, что произошло бы въ вашемъ сердцѣ, когда изъ этой смиренной могилы Царя Царей доходили бы до вашего слуха эти слова св. Евангелія: *Научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обращете покой душамъ вашимъ*» (стр. 205—206).

Въ превосходномъ вообще описаніи храма Воскресенія, нельзя пройти молчаніемъ слѣдующихъ, исполненныхъ высокой религіозной поэзіи строкъ: «По преданіямъ христіанъ извѣстно, что распятый Спаситель былъ обращенъ взорами на западъ, такъ-что Іерусалимъ оставался позади Его. По обѣимъ сторонамъ отверстія (о которомъ выше упомянуто) каменные возвышенія означаютъ мѣста, гдѣ были распяты два разбойника — не на одной линіи съ крестомъ Спасителя, но такимъ образомъ, что Іисусу Христу въ одно время были видны страданія обоихъ разбойниковъ. Неподалеку отъ мѣста водруженія животворящаго древа, видѣется, сквозь серебряную рѣшетку, необычайной величины разсѣлина, образовавшаяся въ скалѣ въ то страшное мгновеніе, когда Спаситель міра, «возопивъ гласомъ велиемъ, предаде духъ». Вспомните слова Евангелія: «каменіе распадется». Дѣйствительно, нерукотворная скала, разорванная сверху до низу непостижимою силою, распалась на двое. Въ этомъ мѣстѣ, какъ гласитъ преданіе, полилась священная струя божественной крови, омывшей грѣхи человѣчества, и проникнувъ

скалнстую громаду, оросила погребенный въ этомъ мѣстѣ, по преданію, черепъ перваго челоуѣка... И почему не допустить возможности такого стеченія отдаленныхъ обстоятельствъ, что голова Адама, погрузившаго родъ челоуѣческой въ бездну паденія, волею Промысла Божія находилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Богочелоуѣкъ, принеся себя въ жертву за людей, омылъ Своею кровью первородный грѣхъ Адама и его потомковъ?.. Тамъ, гдѣ, по преданіямъ, въ небольшой сумрачной пещерѣ, былъ найденъ этотъ черепъ, также устроенъ особый престолъ» (стр. 208—209).

За описаніемъ храма Воскресенія Господня слѣдуетъ не менѣ замѣчательное и удачное описаніе приснопамятнаго Крестнаго Пути. Время, оставшееся отъ молитвы въ томъ храмѣ, въ которомъ говѣли и пріютились Св. Таинъ путешественники наши, они посвящали разѣздамъ по окрестностямъ Іерусалима, для поклоненія мѣстамъ, гдѣ родился, жилъ и пострадалъ за истину великій Праведникъ, Испытатель нашъ...

И на рускомъ языкѣ есть не одно отличное описаніе Палестины. Въ этомъ отношеніи пріобрѣло всеобщую извѣстность сочиненіе А. Н. Муравьева: «Путешествіе ко Св. мѣстамъ». За всѣмъ тѣмъ XI — XIV главы сочиненія графа Н. В. Адлерберга, посвященныя почти исключительно святому городу, читаются какъ-бы нѣчто новое, будто впервые описанное — такъ увлекателенъ рассказъ автора, такимъ обаяніемъ обладаетъ самый предметъ разсказа! Пребываніе свое въ Іерусалимѣ набожный авторъ ознаменовалъ и существеннымъ дѣломъ христіанскаго благочестія: предпріятіемъ, съ дозволенія Государя, сбора добровольныхъ приношеній на сооруженіе церкви въ Керакѣ (за Іорданомъ), нѣкогда столицѣ царей Моавитскихъ, опустошенной Евреями при Моисеѣ, и одной изъ древнѣйшихъ епархій христіанскихъ. Любопытныя подробности этого усерднаго дѣла читатели найдутъ въ концѣ книги...

Не случайно привели мы выше разсказъ о разбойникѣ Абугожѣ, потому-что этотъ хищникъ имѣлъ вліяніе на способъ выѣзда путешественниковъ нашихъ изъ Іерусалима.—«Странствованія по Сиріи и Палестинѣ», заключаетъ авторъ, «въ то время были весьма опасны: междоусобная борьба туземцевъ поставляла путешественниковъ въ необходимость избирать одно изъ двухъ средствъ, для обезпеченія себя отъ нападений и грабежа: либо нанимать многочисленный конвой, требующій значительныхъ издержекъ, либо довѣрить судьбу свою, по контракту, нѣсколькимъ разбойникамъ, которые, выговоривъ себѣ за эту услугу извѣстную плату, даютъ знать всѣмъ окрестнымъ товарищамъ буйнаго

своего ремесла, чтобы путешественники взяты были подъ ихъ личную отвѣтственность. Этотъ послѣдній способъ, самый вѣрный и безопасный, а потому и мы его избрали. Давъ заранѣе порученіе войти за насъ въ сношеніе съ благонадежными грабителями и такимъ—образомъ заключивъ съ ними заочно условіе, мы въ назначенный часъ нашли ихъ у себя на дворѣ, въ полномъ вооруженіи и готовности намъ служить. Лица этихъ бродягъ, впрочемъ, въ своей сферѣ весьма благонадежныхъ, изображали не мало кровожадныхъ наклонностей и крутыхъ выходовъ. При видѣ этихъ злодѣевъ, мысль, что мы избираемъ ихъ себѣ въ тѣлохранители, довѣряясь ихъ безчестной чести, была, признаюсь, въ своемъ родѣ, не безъ оригинальныхъ ощущений. Тѣмъ не менѣе мы покорились этому странному условію спокойствія и безопасности» (стран. 247—249). Вотъ каковы люди, обитающіе нынѣ въ святой странѣ, столько вѣковъ находящейся во власти невѣрныхъ, и не озаренные свѣтомъ христіанской религіи тамъ, гдѣ возсіялъ первый лучъ ея!

Мы старались дать хотя нѣкоторое, приблизительное понятіе о значеніи и достоинствѣ разсмотрѣнной книги, но, конечно, не въ правѣ похвалиться совершеннымъ исполненіемъ своего намѣренія; только непосредственное знакомство съ нею читателя можетъ дополнить неизбежные въ краткой статьѣ пропуски многого болѣе или менѣе замѣчательнаго; но и тѣ, которые не успѣли еще сдѣлать этого пріятнаго и назидательнаго знакомства, даже изъ нашего сжатаго очерка легко убѣдятся, что она принадлежитъ къ ограниченному числу самыхъ пріятныхъ и утѣшительныхъ явленій современной литературы русской, а выраженные въ этомъ произведеніи благородное стремленіе вообще къ истинѣ и правдивости въ изображеніи посѣщенныхъ авторомъ странъ—что неудобно было показать въ разныхъ частныхъ, разбросанныхъ въ книгѣ замѣткахъ—и глубокое, теплое религіозное чувство, ставятъ ее на видное и почетное мѣсто въ тѣсномъ кругу явленій нравственныхъ. Послѣ приведенныхъ выписокъ, излишне, кажется, прибавлять, что языку ея сообщена вездѣ правильность, съ изяществомъ и одушевленіемъ въ слоги, доведеннымъ до высокой художественной простоты. Немногія, чрезвычайно впрочемъ рѣдкія и незначительныя опіски—замѣчать было бы неблагодарно въ трудѣ добросовѣстномъ и ревностномъ; наконецъ, должно сознаться, что книга напечатана съ необыкновенною въ наше время корректурною вѣрностью: типографскихъ погрѣшностей почти вовсе не встрѣчается, и какъ книга, по всей вѣроятности, скоро потребуетъ втораго изданія, то, для исправленія въ немъ, намъ остается пояснить одну лишь неточность. На стран. 236-й, между прочимъ, сказано: «Я отломилъ себѣ на память нѣсколько вѣтвей (въ Масличномъ саду, гдѣ Иуда, ночью, предалъ

Спасителя) и долго глядя на нихъ и держа ихъ въ рукахъ, углублялся въ размышленія о томъ ужасномъ событіи, которое происходило на этомъ самомъ мѣстѣ за 1845 лѣтъ». Не надлежало-ли сказать: «за 1812-ть лѣтъ», потому-что событіе это происходило на тридцать-третьемъ году земной жизни Спасителя. Но что значить эта неточность цифры въ сравненіи съ строками, слѣдующими тутъ же, далѣе: «Свѣжій вѣтерокъ колыхалъ вѣтви, и только въ этомъ мѣстѣ, посреди мертвой тишины, шелестилъ странными звуками, которые доходили до моего слуха то гуломъ невнятныхъ словъ, то отдаленнымъ, едва слышнымъ напѣвомъ; словомъ, мнѣ казалось, что по временамъ слышится то тихая молитва, то стонъ и вздохи, то пѣснь ангеловъ, то приговоръ проклятія; но все это происходило невнятно и перемѣнчиво; я старался прислушиваться, и почти боялся, чтобъ не нарушить этой не постижимой гармоніи» (стр. 237). Невольно припоминается *Вѣтка Палестины*, стихотвореніе одного изъ лучшихъ поэтовъ нашихъ:

Заботой тайною хранима
Передъ иконою золотой,
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

(Соч. Лермонтова, ч. I, стр. 21.)

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Чѣмъ занять Петербургъ. — Вертящіеся столы и столобѣіе. — Нѣсколько анекдотовъ и случаевъ. — Адмиралтейская площадь и Екатерингофъ. — Благотворительныя лотереи. Первые признаки лѣта. — Устрицы и апельсины. — Сюрпризы. — Театральныя извѣстія. — Эмиграція актеровъ. — Слухи о Волынскъ, Гризи и Маріо. — Новыя пріобрѣтенія Публичной Библіотеки. — Географическое общество. — Некрологъ: отецъ Іоакимъ Бачуринъ.

Знаете-ли, о иногородный читатель мой, что теперь дѣлаетъ Петербургъ, серьезный, положительный Петербургъ? Готовъ прозакладывать пять фельетоновъ противъ папироски безъ сюрприза, что вы не угадаете; мало-того: бьюсь объ закладъ, что многіе (продолжаю говорить объ иногородныхъ читателяхъ) не повѣрятъ мнѣ, если я скажу имъ, чѣмъ занимаются у насъ, вотъ уже цѣлый мѣсяць, всѣ, отъ мала до велика. Да я самъ, коренной петербургскій житель, не повѣрилъ-бы кто, еслибъ вздумалъ, мѣсяць тому назадъ, увѣрять меня, что Петербургъ.... Но нѣтъ, судите лучше сами.

Васъ зовутъ на вечеръ, или вы просто притѣжаете къ знакомымъ; входите въ комнату, раскланиваетесь съ хозяйкой, жмете руку хозяйну, исполняете, однимъ-словомъ, всѣ принятыя въ обществѣ условія и ждете, что вамъ предложить чашку чаю, или карту въ ералашь, или

посадятъ васъ за фортепьяно... Ни чуть не бывало. Приносятъ столъ, на которомъ ровно ничего нѣтъ, ставятъ его среди комнаты, и предлагаютъ вамъ положить на него ваши руки. Вотъ и все. И не только вечеромъ, но въ какое бы время вы ни зашли къ вашимъ знакомымъ, къ товарищу, къ роднымъ, къ начальнику, вамъ непременно предложатъ положить руки на столъ, иногда на шляпу, на тарелку, или на другой какой-нибудь предметъ, но во всякомъ случаѣ, руки ваши будутъ непременно востребованы и уложены, съ растопыренными пальцами, на какое-нибудь неорганическое тѣло. А знаете-ли, къ чему это поведетъ? Къ тому, что столъ, шляпа, тарелка, все, что ни будетъ подъ вашими руками, придетъ въ движеніе, начнетъ обращаться на своей оси, вертѣться, а вы, пораженные этимъ необыкновеннымъ явленіемъ, начнете, не отнимая, разумѣется, рукъ, въ которыхъ вы открыли неожиданно такую чудную силу, станете вертѣться вмѣстѣ со столомъ, шляпою или тарелкою....

— Что же это такое? спросите вы.

— А вотъ извольте прислушаться.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, появились въ Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ кажется, двѣ молоденькія дѣвушки, которыя стали увѣрять всѣхъ, что могутъ вызывать тѣни умершихъ; никто, разумѣется, не повѣрилъ такой нелѣпости, но дѣвушки начали показывать публикѣ такіе фокусы-покусы, что американцы стали рѣшительно въ тупикъ. У дѣвушекъ явилось много адептовъ, и такъ какъ сѣверо-американцы большіе охотники до всякаго рода сектъ, то дѣвушки стали скоро въ главѣ новой секты. Разумѣется, что большая часть удивительныхъ штукъ, которыя показывали эти дѣвушки, были основаны на шарлатанствѣ, но въ числѣ ихъ была одна, которая на немъ не основывалась. Онѣ клали руки на столъ, и онъ, черезъ нѣсколько минутъ, начиналъ двигаться, вертѣться, сначала тихо, потомъ все быстрѣе и быстрѣе. Что заставляетъ его двигаться, животный-ли магнетизмъ, присущій (въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія), въ большей или меньшей степени, въ каждомъ человѣкѣ, другая-ли какая-нибудь еще необъясненная сила,—этого никто не зналъ, да и до-сихъ-поръ еще не знаютъ; но столъ вертится отъ простаго наложенія на него рукъ. Не помнимъ, когда и кому первому пришла въ голову мысль попробовать также свое вліяніе надъ столомъ, но дѣло въ томъ, что эта мысль пришла кому-то въ голову, и этотъ кто-то, положивъ руки на столъ, также привелъ его въ движеніе. Въ Европѣ, сколько извѣстно, первый такой опытъ сдѣланъ въ Бременѣ; вѣсть о немъ быстро разнеслась по всей Германіи, оттуда перешла въ другія страны, меж-

ду—прочимъ и къ намъ, и теперъ во всей Германіи нѣтъ городка, а въ Петербургѣ нѣтъ угла, гдѣ бы не вертѣли стола, или какой-нибудь другой вещи. Намъ не удавалось еще видѣть, чтобъ приводилъ столъ въ движеніе одинъ человекъ, но въ опытѣ многихъ мѣстъ, пишущій эти строки самъ не разъ участвовалъ. Вотъ какъ это случилось въ первый разъ.

Мы были на вечерѣ у одного изъ нашихъ литераторовъ, у котораго собралось многочисленное общество мужчинъ и дамъ. Такъ какъ тогда дошла уже въ Петербургѣ вѣсть о вертящихся столахъ, то понятно, что многіе говорили о ней. Въ числѣ гостей нашелся одинъ, дѣлавшій уже опытъ; онъ предложилъ невѣрующимъ повторить его. Принесли небольшой столъ на тумбочкѣ, кончающейся тремя ножками; вокругъ стола стало шесть человекъ разнаго возраста, въ томъ числѣ одна дама, и все положили руки на столъ, раздвинувъ пальцы, и притомъ такъ, что мизинецъ лѣвой руки находился подъ мизинцемъ сосѣда, а мизинецъ правой руки на мизинцѣ сосѣда; между большими пальцами обѣихъ рукъ оставили промежутки. Мы простояли такъ нѣсколько минутъ, смѣясь и увѣряя другъ-друга, что столъ не поидетъ; но скоро раздался маленькій трескъ, и всѣмъ намъ показалось, что столъ движется. Сначала мы не смѣли вѣрить этому, но скоро движеніе сдѣлалось замѣтнѣе, такъ, что мы принуждены были сдѣлать шагъ, чтобъ слѣдовать за столомъ, и нѣсколько секундъ спустя столъ пошелъ такъ быстро, что мы уже бѣгали за нимъ, и наконецъ принуждены были снять руки, потому-что не могли поспѣвать. Съ-тѣхъ-поръ намъ удавалось повторять этотъ опытъ нѣсколько разъ, и мы можемъ засвидѣтельствовать, что это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Но чтѣ-жъ это за сила заставляетъ столъ вертѣться? и нѣтъ-ли въ этомъ какого-нибудь обмана чувствъ? Не оттого-ли столъ вертится, что стоящіе вокругъ него, желая, чтобъ онъ завертѣлся, невольно напираютъ на него пальцами и такимъ образомъ сдвигаютъ съ мѣста, а однажды сдвинутый — онъ вертится свободнѣе, подчиняясь все тому же невольному напору пальцевъ?

Многіе это думали и думаютъ еще до-сихъ-поръ, но, кажется, ошибаются. Животному магнетизму также не вѣрили, а между-тѣмъ онъ существуетъ! Каждый человекъ, въ здоровомъ состояніи, можетъ быть, разумѣется въ большей или мѣншей степени, магнетизеромъ. Мы говоримъ по опыту. Не всякій способенъ усыпить, точно также, какъ и не всякій способенъ быть усыпленъ, но всякій здоровый человекъ можетъ имѣть магнетическое вліяніе, въ особенности же на людей нервическихъ и страдающихъ нервными болями. Положите вашу руку на голову страдающаго головною болью, онъ непременно почувствуетъ облег-

ченіе, а если магнетическая сила въ васъ велика, то боль пройдетъ совершенно, и страждущій заснетъ. Мы это сами испытывали десятки разъ, и не только надъ головными болями, невралгіями, но и надъ зубными, надъ болями въ сердцѣ, надъ *тиками* въ щекѣ и тому подобное, и замѣтите, что мы употребляли простое наложеніе руки, не прибѣгая къ манипуляціямъ, или магнетическимъ *пассажъ*, какъ называютъ ихъ магнетизеры, потому—что объ этихъ *пассажъ* не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Отчего же не допустить, послѣ этого, что магнетическая сила, присущая каждому человѣку, способна дѣйствовать и на неодушевленный предметъ, то—есть, приводить его въ движеніе; а если это не магнетизмъ, то отчего не предположить, что это какая-нибудь другая сила, хоть *діамагнетизмъ*, какъ прозвали ее въ Германіи. Впрочемъ, сомнѣніе въ существованіи этой необъясненной еще силы невозможно: всякій самъ можетъ убѣдиться въ ея существованіи. Правда, знаменитый Гумбольдъ не вѣритъ ей, но многіе извѣстные германскіе ученые публично признали ее, между—прочимъ, гейдельбергскіе профессора: Митермайеръ, Рено, фонъ-Вагнеръ и Цѣнфль. Мы могли бы, пожалуй, привести еще нѣсколько не менѣе извѣстныхъ именъ, но считаемъ это излишнимъ. У насъ въ Петербургѣ вертятъ столы и другіе тяжелые предметы, посредствомъ простаго наложенія рукъ, маленькія дѣти, которыя не въ состояніи сдвинуть эти предметы съ мѣста обыкновенными своими средствами. Непостижимо, но мало-ли чего мы не понимаемъ. А наше деревенское колдовство? Мы увѣрены, что многіе изъ нашихъ читателей были свидѣтелями, какъ деревенскіе знахари, не прикасаясь къ рѣшету, а только приближая къ нему руки, заставляютъ его вертѣться на ножѣ или другомъ инструментѣ. Посредствомъ вертящихся рѣшетъ, знахари узнаютъ вора: это, разумѣется, уже шарлатанство, а вертящееся рѣшето несомнѣнный фактъ. Точно также никто еще не объяснилъ до-сихъ-поръ, какимъ-образомъ, на Востокѣ, приучаютъ къ себѣ змѣй и заставляютъ ихъ плясать и корчиться. Мы бы не кончили до завтра, еслибъ стали пересчитывать всѣ подобные факты.

Къ сожалѣнію, всякое, еще необъясненное открытіе подаетъ поводъ къ шарлатанству, замедляющему объясненіе открытія, которое могло бы, можетъ быть, принести пользу человѣчеству. Сколько было клеветъ и поклеповъ на животный магнитизмъ—и животный магнитизмъ до-сихъ-поръ остается загадкою. Таже участь ждетъ, по всей вѣроятности, и силу, движущую столы, потому-что на ея счетъ ходитъ уже множество вымышленныхъ и крайне неправдоподобныхъ анекдотовъ.

Иностранные журналы наполнены невѣроятными анекдотами о новой движущей силѣ; въ одномъ изъ нихъ мы читали, что тринадцать сту-

дентовъ, окруживъ цѣпью, составленную изъ пальцевъ, толстое дерево, держали его такимъ-образомъ два часа, и дерево вырвалось изъ земли вмѣстѣ съ корнемъ; въ другомъ журналѣ разсказываютъ, что шестнадцать особъ сѣли въ омнибусъ, взяли за руки и составили такимъ-образомъ цѣпь: тотчасъ колеса экипажа завертѣлись, и экипажъ поѣхалъ безъ лошадей, а кучеръ давалъ ему должное направление!! Разумѣется, что подобныя анекдоты не способны возбудить довѣріе къ новой двигающей силѣ.

Вотъ одно интересное происшествіе, разсказанное намъ, по случаю спора о столахъ, одной русской дамой, жившей въ некоторое время въ Римѣ и слышавшей его отъ одного изъ учениковъ Торвальдсена, скульптора N, пользующагося въ настоящее время большою репутаціей.

N. былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ знаменитаго датскаго скульптора, и Торвальдсенъ, уѣзжая изъ Рима въ Копенгагенъ, поручилъ ему присматривать за своей мастерской, за недавно оконченной имъ группой «Спасителя и двѣнадцати Апостоловъ», и за своимъ садикомъ, наполненнымъ цвѣтами, которыя онъ страстно любилъ. Однажды, въ какой-то праздничный день, N далъ слово кому-то изъ своихъ пріятелей позавтракать съ нимъ въ кафѣ—Нозари, и потому посѣдѣвши въ Барбериниевскую улицу, гдѣ находилась мастерская Торвальдсена, чтобъ полить любимыя цвѣты своего учителя. Поливъ цвѣты, онъ уже собирался идти на мѣсто свиданія, какъ ключъ отъ мастерской, висѣвшій на гвоздѣ, попался ему на глаза. Не заглянуть-ли въ мастерскую? подумалъ онъ, и остановился. Впрочемъ, я самъ присутствовалъ сегодня при уборкѣ мастерской, и знаю, что тамъ все въ порядкѣ, сказалъ онъ самъ себѣ: стало-быть идти туда незачѣмъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ отвести глазъ отъ ключа, и невольное чувство влекло его въ мастерскую. Онъ взялъ ключъ и отворилъ дверь. Какое-то смутное чувство, похожее на страхъ, вдругъ овладѣло всѣмъ его существомъ, однакожъ онъ преодолѣлъ его и вошелъ.

Мастерская Торвальдсена состояла изъ одной огромной залы, раздѣленной на три части занавѣсами. Когда N вступилъ за одну изъ нихъ, то явственно услышалъ удары рѣзкомъ и стукъ отъ падающихъ на полъ осколковъ мрамора за послѣднюю занавѣсью, гдѣ стояла знаменитая группа, лучшее изъ произведеній его учителя. Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ молодаго художника, но онъ снова поборолъ страхъ свой, увѣрилъ себя, что это кто-нибудь изъ учениковъ, пробравшійся въ мастерскую тайкомъ, чтобы скопировать безсмертное произведеніе Торвальдсена. N бросился къ группѣ, поднялъ занавѣсъ, и никого не нашелъ; онъ обшарилъ всѣ уголки, но нигдѣ не было слѣдовъ посторонняго присутствія: ни инструментовъ, ни осколковъ мрамора, ни даже пыли...

Это случилось 24 марта 1844 года, то-есть въ самый день смерти Торвальдсена!.. Я нарочно записалъ число, разсказалъ происшествіе всѣмъ своимъ товарищамъ, а нѣсколько дней спустя получилъ письмо изъ Копенгагена, извѣщавшее о кончинѣ его великаго учителя...

Назовите это, если хотите, случаемъ, но такихъ случаевъ много, и невольно скажешь съ Гамлетомъ: «Есть, другъ Горацио, на небѣ и на землѣ много такихъ вещей, о которыхъ и не снілось человѣческой мудрости!..»

Но пора возвратиться въ Петербургъ, и разсказать, что онъ дѣлалъ въ послѣдніе дни апрѣля и въ первыя двѣ недѣли мая.

За исключеніемъ вертящихся столовъ, не было, во все это время, въ жизни Петербурга ничего особеннаго, изъ ряду вонъ выходящаго: все шло обыкновеннымъ чередомъ. Концерты, правда, продолжались далѣе обыкновеннаго, благодаря братьямъ Контскимъ, которые никакъ не могли проститься съ публикой и дали *нѣсколько послѣднихъ, прощальныхъ* концертовъ; но на Адмиралтейской-площади, въ-теченіе Святой-недѣли, и въ Екатерингофѣ, въ день 1-го мая, все прошло заведеннымъ порядкомъ: въ балаганахъ дрожали отъ холода актеры и зрители, а 1-го мая шелъ дождь. Г. Легать показывалъ новую пантомиму, которая ничѣмъ не лучше и не хуже старыхъ, но замѣчательна тѣмъ, что въ числѣ штукъ ея были, между-прочимъ, вертящіеся столы, и *Русскій менуэтъ время Ришелье* (?), танецъ, историческую возможность котораго мы до-сихъ-поръ не подозрѣвали. Вообще-же балагановъ было немного, и изъ нихъ одинъ только новый, г. Приса; довольно жалкое подражаніе нашему Цирку.

Объявлено и разыграно, въ послѣднее время, нѣсколько благотворительныхъ лотерей; въ томъ числѣ: въ пользу Французско-нѣмецкаго благотворительнаго Общества, въ пользу Патріотическаго Общества, въ пользу Дѣтскихъ Приютовъ, въ пользу Общества Посѣщенія Бѣдныхъ. Последняя, въ эту минуту еще не разыгранная, особенно замѣчательна тѣмъ, что состоитъ исключительно изъ серебряныхъ вещей, цѣнность которыхъ простирается до 30,000 рублей серебромъ.

Теперь о погодѣ, опять о погодѣ, непременно о погодѣ! Да и какъ не сказать о ней хотя нѣсколько словъ, когда на деревьяхъ уже зеленѣютъ почки, воздухъ сталъ тепелъ, Лѣтній садъ полонъ каждое утро гуляющими, въ гранитъ одѣлась Нева и скоро

Темнозелеными садами покрыты будутъ острова.

Юсифъ Гунгль началъ уже свои концерты въ Павловскомъ-воксалѣ, Излеръ перекрасилъ и отдѣлалъ заново залы заведенія Минеральныхъ

водъ, пароходы шныряютъ уже по Невѣ, и скоро, скоро опустѣетъ Петербургъ, переселится на дачи, уѣдетъ въ деревню, въ Ревель, въ Гельсинфорсъ, Гапсаль, за границу. Два первые штетинскіе парохода были совершенно полны; на послѣднемъ изъ нихъ было слишкомъ сто человѣкъ пассажировъ. Но куда еще Петербургъ гуляетъ въ Лѣтнемъ-саду и кушаетъ на Биржѣ устрицы, которыя, спѣшимъ прибавить, очень хороши въ нынѣшнемъ году. Апельсины также удивительно сладки и сочны. Слышали мы таже, что нынѣшній привозъ гаванскихъ сигаръ будетъ очень хорошъ.

Кстати о сигарахъ. Въ Петербургѣ столько размножилось папироевыхъ фабрикъ, что мы рѣшительно не можемъ объяснить себѣ, какъ онѣ находятъ себѣ потребителей и какъ могутъ существовать при такой огромной конкуренціи. Особенно удивляетъ насъ конкуренція на папирсы съ сюрпризами: рѣшительно не понимаемъ, какимъ-образомъ могутъ давать папирсные фабрики такіе сюрпризы, какіе они даютъ. Декроа, напримѣръ, давалъ за 2 рубля и за 3 рубля 75 копѣекъ шелковыя платья! а Григоровичъ, за ту же цѣну, гроденаплевья, соломенные и тарлатановыя шляпки!

14 мая было обычное гулянье въ Петропавловской крѣпости, а 9 мая въ Колпинѣ.

Майскій парадъ, благодаря благопріятной погодѣ, былъ блистателенъ и привлекъ, по обыкновенію, огромное стеченіе публики.

Театры довольно пусты, благодаря все той же погодѣ. Александринскій театръ оживился немного дебютами госпожи Шубертъ и г. М. Максимова, но все еще не можетъ оправиться отъ понесенныхъ имъ утратъ. Сверхъ-того, былъ очень болѣнъ П. А. Каратыгинъ и до-сихъ-поръ еще не играетъ; г. Самойловъ получилъ позволеніе ѣхать за границу, а г. Максимовъ 1 взялъ, какъ мы слышали также отпускъ, хотя и незаграничный.

Французская труппа почти въ такихъ-же обстоятельствахъ. Гг. Верне и Лемониль ѣдутъ за границу, г-жи Плесси и Вольниесъ давно уже тамъ, гг. Готти и Ружё выслужили свои года и, вѣроятно, также скоро уѣдутъ. Мы слышали, впрочемъ, что на мѣсто ихъ ѣдутъ уже сюда два новые комика изъ Парижа, изъ которыхъ одинъ, г. Нѣваль, кажется, очень хорошій актеръ.

Г-жа Вольниесъ участвовала, въ Брюсселѣ, въ представленіи, данномъ въ пользу ея брата, актера Барона; брюссельскіе журналы въ восторгѣ отъ нея. Она играла въ *La femme de quarante ans* (Сорокалѣтняя женщина) и *Les malheureux d'un amant heureux* (Несчастія счастливаго любовника). Энтузіазмъ публики былъ невѣроятный. Въ *La femme de*

quarante ans, говорить Indépendance Belge, госпожа Вольнисъ выказала столько же граціи, молодости и чувства, какъ въ то время, когда она создала эту роль. Лѣта имѣли такъ мало вліянія на эту замѣчательную артистку, что она кажется еще слишкомъ молодою для сорокалѣтней женщины, отчего нѣкоторыя положенія дѣйствующаго лица становятся невѣроятными. Въ Les malheurs d'un amant heureux, напротивъ, она, въ физическомъ отношеніи, болѣе нежели когда-либо соотвѣтствовала своей роли; она играла роль госпожи де Симіанъ съ восхитительною граціей и непринужденностію—въ первой половинѣ, съ достоинствомъ во второй. Она не поетъ, но говоритъ куплеты, какъ въ лучшія времена театра Драматической Гимназіи, когда, вмѣстѣ съ Леонтиной Вольнисъ и Женни Верпрѣ играли на его сценѣ гг. Гонтье, Фервиль, Поль и Нюма.

А что то будетъ съ нашей Итальянской Оперой? Пріѣдетъ ли Виадо, возвратится-ли Гризи и Маріо? Объ этомъ очень много противорѣчащихъ слуховъ и положительнаго на этотъ счетъ мы ничего не знаемъ. Въ journal de S-t Peterbourg было, между-прочимъ, напечатано, что Маріо и Гризи ждуть, къ будущему декабрю, въ Нью-Йоркъ.

Къ наиболее интереснымъ городскимъ новостямъ должно отнести заложеніе часовни на Благовѣщенскомъ-мосту, происходившее 9 мая.

Вотъ почти и все, что мы хотѣли рассказать вамъ на этотъ разъ; остается прибавить нѣсколько болѣе серьезныхъ извѣстій.

Императорская Публичная Библіотека, годовой отчетъ которой вышелъ на дняхъ, пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе популярности, благодаря множеству новыхъ удобствъ для ея посѣтителей, какъ приходящихъ въ нее для занятій, такъ и для тѣхъ, которые приходятъ для осмотра. А посмотрѣть есть на что. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе великолѣпные переплеты нѣкоторыхъ рѣдкихъ изданій, выставленные нѣсколько времени тому назадъ. Впрочемъ Публичная Библіотека заслуживаетъ отдѣльной подробной статьи, которую мы надѣемся представить, современемъ, нашимъ читателямъ, теперь-же мы упомянули здѣсь о ней для того, чтобы извѣстить о двухъ новыхъ, весьма замѣчательныхъ ея пріобрѣтеніяхъ, о которыхъ начальство Библіотеки довело до свѣдѣнія публики посредствомъ газетъ.

Оба пріобрѣтенія Библіотеки—суть приношенія частныхъ лицъ.

Одно изъ этихъ приношеній поступило отъ извѣстнаго нашего любителя Григ. Ник. Геннади, которому Библіотека обязана уже многими другими дарами, равно какъ и ревностнымъ содѣйствіемъ въ библиографическихъ ея начинаніяхъ. Новый подарокъ его есть *первое* изданіе (editio princeps) знаменитыхъ *Комментаріевъ* о Россіи барана Гербер-

штейна, напечатанное въ Вѣнѣ, въ 1549 году, въ листъ. Библіотека, имѣя почти всѣ послѣдующія изданія Герберштейна, въ томъ числѣ и особенно рѣдкій итальянскій переводъ (Венеція, 1550), три года тщетно отыскивала, и у насъ, и вездѣ за границею, это *первое* изданіе сочиненія, пролившаго такой новый свѣтъ на Россію той эпохи. Прибавимъ, въ доказательство чрезвычайной его рѣдкости, что оно осталось неизвѣстнымъ большей части лицъ, спеціально занимавшихся этимъ предметомъ, и самъ незабвенный Аделунгъ, напечатавшій о Герберштейнѣ дѣльную обширную монографію, описывалъ это первое изданіе, какъ по всему кажется, только со словъ другихъ, никогда его не видавъ. Полученный отъ г. Геннадіи экземпляръ совершенно-полный и хорошо сохраненъ; только приложенныя къ нему картинки обезображены, но не невозвратно, какимъ-то стариннымъ пѣвъжественнымъ маларомъ, вздумавшимъ ихъ раскрасить. Къ этой драгоценности сдѣланъ теперь изящный переплетъ, и она выставлена, для всей публики, въ составѣ устроенной недавно Библіотекою особой коллекціи старинныхъ и новыхъ переплетовъ. Другое приношеніе получено отъ почтеннаго и заслуженнаго нашего ветерана на поприщѣ бібліографіи, почетнаго члена Библіотеки С. Д. Полторацкаго. Значеніе и важность его драгоценнаго вклада лучше всего объясняются въ собственномъ его письмѣ къ Директору Библіотеки, отъ 25 апрѣля. Вотъ это письмо въ подлинникѣ:

«При обзорѣни, въ мартѣ 1838 года, *первыхъ русскихъ вѣдомостей*, печатанныхъ церковными буквами въ 1703 году «по повелѣнію и подъ покровительствомъ Государа Петра Великаго», замѣтилъ я, что въ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки не доставало *одиннадцати нумеровъ* этого года. Съ того времени удалось мнѣ приобрести покупкою у разныхъ лицъ нѣсколько неполныхъ экземпляровъ 1703 года, и достигнуть наконецъ, съ большимъ трудомъ, до того, что составился для Библіотеки экземпляръ вѣдомостей 1703 года *совершенно-полный*, и тѣмъ болѣе драгоценный, что этого *первенца* русскихъ вѣдомостей не было до-сихъ-поръ *нигдѣ* въ полномъ видѣ.

Годовое изданіе Московскихъ Вѣдомостей 1703 года состоитъ изъ 39-ти нумеровъ въ 12-ю д.

Изъ нихъ 25 нумеровъ находятся въ Библіотекѣ, Высочайше ввѣренной управленію Вашего Превосходительства, въ экземплярѣ, приобретенномъ отъ графа О. А. Толстаго. Но въ немъ недостаетъ слѣдующихъ *одиннадцати нумеровъ*, которые я приношу въ даръ Библіотекѣ, для составленія полнаго экземпляра, и нынѣ препровождаю къ Вашему Превосходительству, а именно:

1) Нумеръ отъ 15-го января 1703 года, изъ осьми страницъ.

2) Изъ номера 24-го января послѣднія четыре страницы (5, 6, 7 и 8-я).

Первые четыре страницы находятся въ Библіотекѣ и начинаются такъ: *Вѣдомости изъ Пскова Генваря в' 16 дѣнь. Господиизъ Фѣлтзъ Маршалъ посылалъ* (и проч.)—Г. Строевъ, въ обстоятельномъ описаніи библіотеки графа Толстаго, Москва, 1829 г., на стр. 545, ошибкою означилъ число: *20-го января*. Подъ числомъ 20-го января 1703 г., вѣдомостей издано не было; этотъ же номеръ изъ восьми страницъ напечатанъ 24-го января.

3) Номеръ отъ 22-го марта изъ 4-хъ страницъ

4) » » 5-го апрѣда » 4-хъ »

5) » » 18-го » » 4-хъ »

6) » » 1-го мая » 4-хъ »

Этотъ номеръ ошибкою показанъ у г. Строева (стр. 545) *находящимся* въ библіотекѣ графа Толстаго. Тамъ есть номеръ отъ 30-го мая 1703 изъ восьми страницъ, который г. Строевымъ принятъ за 1-е мая, отъ сходства дурно-вышечатавшихся церковныхъ цифръ *а* и *л*, и который не можетъ быть отъ 1-го мая, потому-что въ началѣ его помещены извѣстія, полученные мая кз (27-го).

7) Номеръ отъ 24-го мая изъ 7-ми страницъ.

8) » » 4-го октября 8-ми »

9) » » 15-го декабря 7-ми »

10) » » 23-го » 8-ми »

и 11) » » 29-го » 8-ми »

Этотъ червенецъ русскихъ вѣдомостей заслуживаетъ, по моему мнѣнію, быть въ отличномъ переплетѣ, и я готовъ, съ соизволенія Вашего Превосходительства, взять на себя издержки по сему предмету. Полагаю, что заглавіе на переплетѣ слѣдуетъ поставить церковными же буквами. При переплетѣ я буду наблюдать, чтобъ къ лѣвымъ краямъ листовъ каждаго номера наклеены были (сходственно препровождаемымъ у сего листамъ) бѣлыя бумажки, которыя, при шиваніи, оградятъ отъ поврежденія слишкомъ узкія поля текста и самый текстъ вѣдомостей.

Въ одномъ изъ сихъ, недостававшихъ до сего времени въ Библіотекѣ номеровъ, находится, между-прочнымъ, слѣдующее любопытное извѣстіе (въ № отъ 4-го октября 1703, на 8-й страницѣ), относящееся къ исторіи основанія Петербурга.

«Изъ риги августа в' кд дѣнь,] Его Црское Величество, по взятіи шлѣтбурга в' одной милѣ $\overline{\text{Э}}$ туды ближе къ востѣчному морю, на островѣ, цоною и яѣло оурѣдную крѣпость построить велѣлъ въ ней же естъ шесть бастіоновъ, гдѣ работали двадцать тысащъ человекъ подкѣп-

щиковъ, и тоё крѣпость на своё гдское имянованіе, прозваніемъ питебургомъ, обновили оуказалъ.»

Трудно опредѣлить денежную цѣнность этому *первому* году Русскихъ Московскихъ Вѣдомостей, по чрезвычайной его рѣдкости; но, для исторіи книжной торговли, любопытно замѣтить, что *разрозненные* экземпляры доставались мнѣ отъ гг. продавцевъ не дешевле *восьми рублей серебромъ за каждый нумеръ*.

Въ непродолжительномъ времени я сообщу въ Библіотеку составленный мною библиографическій *указатель* Московскимъ Вѣдомостямъ 1703 года. Въ немъ означено: какого числа напечатанъ каждый нумеръ, изъ сколькихъ онъ состоитъ страницъ, число нумеровъ годового изданія, и въ какихъ библіотекахъ находится, въ неполныхъ болѣею частию экземплярахъ, этотъ *первый* и *рѣдчайшій* годъ русскихъ вѣдомостей».

Императорское Русское Географическое Общество имѣло въ послѣднее время два засѣданія, изъ которыхъ одно годовое, о которомъ мы сообщимъ въ будущемъ мѣсяцѣ; что касается до обыкновеннаго, шестаго въ нынѣшнемъ году, засѣданія его, то оно было очень интересно. Собранію были предъявлены вновь вышедшія изданія Общества: первая книга «Вѣстника общества» за текущій годъ, седьмая книжка «Записокъ Общества», изданная подъ редакцію дѣйствительнаго члена А. В. Никитенко, первый выпускъ «Этнографическаго Сборника», первый томъ Трудовъ Уральской Экспедиціи, снаряженной Обществомъ въ 1847 — 1850 г., карта Сѣвернаго Урала, составленная на основаніи астрономическихъ опредѣленій и съеомокъ, сдѣланныхъ тою же Экспедиціею, и первый выпускъ издаваемого обществомъ «Хромофотографическаго Атласа тверской губерніи», содержащій въ себѣ собраніе картъ калязинскаго уѣзда. Затѣмъ предѣдательствующій въ этнографическомъ отдѣленіи Общества Н. И. Надеждинъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что сибирскій отдѣлъ Общества, получивъ отъ Высокопреосвященнаго Нила, архіепископа иркутскаго, путевой журналъ миссіонера, священника Аргентова, веденный имъ во-время странствованія его, на службѣ слову Божію, по самой крайней сѣверо-восточной части сибирскаго материка, въ такъ называемой Чукотской или Чаукотской землѣ, препроводилъ въ Общество подробную выписку изъ этого журнала, весьма занимательную по своему содержанію и заключающую въ себѣ много новыхъ свѣдѣній, географическихъ и этнографическихъ. Извлеченіе изъ этой выписки, прочитанное г. Надеждинымъ, было выслушано съ живѣйшимъ любопытствомъ.

Кончаемъ нашъ сегодняшній фельетонъ печальнымъ извѣстіемъ: 11 мая, въ 5 часовъ по-полуночи, скончался нашъ знаменитый синологъ,

отецъ Іоакимъ Бичуринъ, 75 лѣтъ отъ роду. Болѣе года находился онъ въ совершенномъ разслабленіи, а въ послѣднее время не могъ уже ходить. Тѣло его предано землѣ 13 мая.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ положеніи находятся наши господствующіе

ПЕТЕРБУРГСКІЕ НАРЯДЫ.

Дамская мода нынѣшней весной также разнообразна и пестра, какъ и самая весна: шляпки тафтяныя, тюлевыя, бастовыя, изъ сквозной соломки, изъ крепа, съ перьями, съ цвѣтами, съ пестрыми лентами, съ цвѣтными вуалями, съ кружевами—мелькаютъ всюду, въ самой пріятной смѣси. Главный характеръ нынѣшнихъ шляпокъ въ томъ, что онѣ крошечныя, что поля ихъ похожи или на распушенный хвостъ павлина, или на небрежно накинутый на голову платочекъ, и что все онѣ надѣты такъ, какъ будто на готовѣ сейчасъ слетѣть съ хорошенькой головки и закружиться въ воздухѣ, по волѣ легкаго вѣтра. Можетъ-быть, дамскія шляпки желаютъ этаго изъ зависти къ мужскимъ шляпамъ, которыя теперь въ большомъ почетѣ и почти въ каждомъ салонѣ вертятся на столахъ подъ нѣжными дамскими пальчиками. До чего мода доводитъ, подумаешь! Прежде дамы вертели мужчинамъ головы—теперь вертять только мужскія шляпы! Но это всторону—намъ нужны факты, дѣйствительность, настоящіе наряды. За этимъ дѣло не станетъ; насталь сезонъ фешена, Невскій-проспектъ, Лѣтній-садъ, Павловскій-вокеаль и Минеральныя-воды кипятъ народомъ, одѣваются зеленью и букетами дамъ, лѣто еще не истощило воображенія модистокъ, и наряды самыя роскошныя, самыя изысканныя, самыя граціозныя такъ и мелькаютъ на каждомъ шагѣ—стоить только любоваться, замѣчать и списывать. Вотъ вамъ для образчика пять костюмовъ самаго лучшаго вкуса:

Первый нарядъ. Шляпка нѣжно-соломеннаго цвѣта, отдѣланная городками изъ кружевъ. вмѣсто цвѣтовъ и перьевъ—по широкому банту съ каждой стороны, изъ той-же матеріи, также съ кружевной обшивкой. Просто, благородно и нарядно. Платье изъ шелковой матеріи съ затканными бархатными полосами—матеріи чрезвычайно нарядной и непомѣрно дорогой, закрытый воротъ; въ талии лифъ продолжается раструбами, въ видѣ кофты; рукава прямыя, не слишкомъ узкіе. Корсажъ около раструбовъ и рукава у кисти обшиты широкимъ чернымъ кружевомъ. Передъ юбки украшенъ пуговками, съ висячими отъ нихъ бархатными лентами.

Второй нарядъ. Сборчатая греховая шляпка, съ глубокониспадающею тульею и маленькими, стоячими, въ видѣ ореолы, полями. Въ три

рада она обшита узкимъ чернымъ кружевомъ. Завязки изъ ленты подъ цвѣтъ шляпки, но съ узоромъ. Платье гладкое, гласе, съ высокимъ воротомъ, безъ всякой отдѣлки, но съ короткими и широкими рукавами. Мантилья съ кардиналой à l'ingénue, изъ чернаго гласе, обшита атласною лентою и богато убранная чернымъ кружевомъ.

Третій нарядъ. Наколка изъ сборчатыхъ лентъ и мелкихъ кружевъ. Платье шелковое. Корсажъ сборками, спереди открытый. Маншета съ маншетами изъ кружевъ. Юбка въ три волана, которые обшиты широкой бархатной лентою, надъ которой бѣжитъ еще нашивка изъ аграманту. Рукавчики въ три раструба; корсажъ на груди скрѣпляется двумя бархатными бантами; такіе же бантики и на двухъ верхнихъ раструбахъ рукавовъ; поясъ бархатный и напередѣ оканчивается широкимъ бантомъ, съ довольно большими концами.

Четвертый нарядъ. Платье изъ паплина—до верху, гладкое, безъ волановъ. Шляпка изъ тюлю и кружевъ, съ страусовымъ перомъ на боку. Маленькая мантилья изъ гласе, съ нашитыми въ нѣсколько рядовъ кружевными прошивками. Сзади капюцинъ съ широкими отворотами, которыя идя черезъ плеча, спереди образуютъ родъ воротника. Низъ мантильи обшить широкимъ чернымъ кружевомъ. Капюцинъ оканчивается большой кистью изъ сученаго шелку.

Пятый нарядъ. Шляпка, сплетенная изъ полосъ баста и лентъ, съ самыми крошечными полями, подбитыми сборчатой лентой. Въмѣсто цвѣтовъ, одни бантики изъ лентъ подъ полями и ленточныя шу съ боковъ. Платье одноцвѣтное, шелковое, сшитое въ видѣ капота, съ пуговками напередѣ, около которыхъ разбѣгаются съ обѣихъ сторонъ накладки изъ сборчатыхъ лентъ. Кофточка изъ такой же матеріи, и съ такою же отдѣлкою. Полулунныя рукава, книзу широкіе и съ разрѣзами, между которыми выглядываютъ пышные, въ четыре ряда обшитыя кружевами подрукавнички. Браслетки изъ чернаго бархата, застегнутыя брилліантовыми, или коралловыми пуговками.

Надо замѣтить, что такіе стали носить значительно выше, и платья шьются, хотя еще длинныя, но уже безъ запаса для метенія половъ. Это нововведеніе даетъ способъ выказать на свѣтъ Божій хорошенькія ножки, которыя до-сихъ-поръ скрывались подъ непроницаемымъ мракомъ длинныхъ подошовъ. Обувь дамская нынче чрезвычайно много способствуетъ къ маленькому кокетству по части ножекъ. Мы имѣемъ въ Петербургѣ по этому предмету истиннаго художника, парижанина Альфонса Февра (въ Караванной, въ домѣ Гурьева). Этотъ артистъ дамской обуви рѣшительно соперничествуетъ въ славѣ съ варшавскими башмачниками, и довель женскую обувь до такого изящества формы и совершенства отдѣлки

что теперь его ботиночки, башмачки и туфли возятъ за границу, какъ драгоценный гостинецъ европейскимъ дамамъ. Все наши заѣзжія знаменитыя артистки у Февра запасаются на цѣлый годъ обувью и щеголяютъ въ ней на сценѣ первыхъ европейскихъ театровъ. И въ—самомъ—дѣлѣ, трудно повѣрить, до какой степени Февръ умѣетъ изъ каждой ноги сдѣлать граціозную, завлекательную ножку! Это просто ваятель! И какое разнообразіе въ его произведеніяхъ, сколько вкуса, что за прелесть туфельки у него. За то онъ всегда заваленъ работою, потому-что, несмотря на добросовѣстную, превосходную свою отдѣлку, онъ беретъ не только тоже самое, что и другіе, менѣе искусные, башмачники, но даже гораздо дешевле ихъ. Этому много способствуетъ то, что Февръ ежегодно выписываетъ изъ Парижа значительное число французской дамской обуви, которая тамъ изготовляется въ огромныхъ мастерскихъ, почти фабричнымъ образомъ.

Чтобъ не остаться въ долгу у гг. франтовъ, мы должны поговорить и о новѣйшихъ *мужскихъ модахъ*. Признаемся, не имѣя никакихъ сношеній со львами и вообще съ разными живыми образцами портнаго искусства и ходячими выѣсками модныхъ журналовъ, мы изучаемъ мужскія моды въ мастерскихъ лучшихъ нашихъ портныхъ. Одинъ изъ искуснѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ мастеровъ Петербурга у насъ подъ рукою, въ десяти саженьяхъ, у Аничкова моста, въ домѣ Лонатина, и представляетъ намъ все средства слѣдить за модою шагъ за шагомъ. Мы говоримъ о г. Альвангѣ и его гардеробной мастерской. Альвангъ состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ источниками современныхъ модъ, съ законодателями новѣйшихъ покрововъ, съ первыми парижскими и лондонскими домами по части мужскихъ нарядовъ, съ гг. Леклеръ и Компень. Отъ нихъ—то получаетъ онъ ежемѣсячно новѣйшіе фасоны одеждъ, не въ однихъ рисункахъ, но въ готовыхъ платьяхъ, и мы имѣли случай дивиться всемъ этимъ чудесамъ и изобрѣтательности досужихъ умовъ, и вотъ какіе выводы вынесли изъ своихъ наблюденій. Платья нынче мужчины вообще носятъ короткія, чрезвычайно узкія въ одной части, и необычайно широкія въ другой: панталоны чуть не въ обтяжку, сюртуки и фраки—какъ мѣшки, а рукава почти что турецкіе. Новѣйшей моды панталоны называются *à la cuirassier* и *à la bajadère*. Первые на половину черныя, на половину цвѣтныя; вторыя полосатыя съ поперечнымъ рисункомъ. Жилетки самыя *шиковыя* шьются изъ особенной матеріи, называемой *moire antique*, чрезвычайно оригинальной и красивой. Изъ верхнихъ одеждъ самая модная—тальма. Это родъ плашика, который сзади похожъ на воротникъ, а спереди на пальто: одежда чрезвычайно удобная и красивая. Мы видѣли у г. Альванга такія таль-

мы à double effet: эта выдумка экономическая и довольно хитрая; матерія, изъ которой эти тальмы шьются, съ обѣихъ сторонъ одинаково отдѣлана, но съ каждой стороны другаго цвѣта. Тальма изъ нея шьется такъ, что вы можете надѣвать его на лицо и на изнанку, какъ вамъ заблагоразсудится, сегодня оно будетъ у васъ черное, завтра свѣтлое. Всего приличнѣе было-бы назвать этотъ нарядъ *тальма-хамелсонъ*. Тутъ же видѣли мы огромный выборъ заграничныхъ готовыхъ лѣтнихъ пиджаковъ, визитокъ и проч. самыхъ разнородныхъ фасоновъ, чрезвычайно удобныхъ для дачной жизни, и только дивились тому, какъ могутъ эти привозныя платья продаваться такъ дешево—отъ 5 до 10 р. с., тогда какъ у насъ за малѣйшее подобіе какого-нибудь платья надо заплатить, по-крайней-мѣрѣ, 25 р. с. Да мельче этой монеты по гардеробной части наши господа портные-художники кажется и не знаютъ. Послѣ этого неудивительно, что въ гардеробной Альванга такая бездна заказовъ изъ всѣхъ концевъ обширной Россіи и что работы его ежедневно отправляются цѣлыми ящиками почти во всѣ губернскіе города! Онъ избобрѣлъ три самыя дѣйствительныя средства привязывать къ себѣ публику: работать со вкусомъ, имѣть все лучшее и новѣйшее, и брать за все умѣренно. Съ такой системою можно предсказать ему прочный и постоянный успѣхъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ 4 РУКИ.

- BERTINI.** Fantaisie sur les thèmes de Robert Bruce. (1 p. 43 к.) Grand duo sur deux mélodies de Schubert. (2 p.)
- BEYER.** Les délassements. Recueil de petites leçons sur des motifs favoris. Op. 85 liv. 1. 2. Chaque (2 p. 15 к.) Les deux élèves. Six petites duos. Op. 97 liv. 1 à 6. Chaque (72 к.)
- BÜRGMULLER.** Le bouquet de l'Infante. Valse (1 p.) Les deux langages. Valse (1 p. 43 к.)
- CHOPIN.** Trois valse. Op. 64 (1 p. 72 к.) Polonaise-fantaisie. Op. 61. (1 p. 72 к.)
- DUVERNOY.** Petite fantaisie sur des motifs de l'opéra: Fenella (85 к.) Marcel le Tambour. Fantaisie (85 к.)
- FESCA A.** Second grand septuor, arrangé. Op. 28. (4 p. 30 к.) Quatrième grand trio, arrangé. Op. 31 (4 p.)
- HENSELT.** Mazurka et Polka arrangées (1 p. 15 к.) Quatre Romances sans paroles (85 к.)
- HERZ.** Pensées italiennes. Deux fantaisies brillantes. Op. 157 № 1. 2. Chaque (1 p.)
- HUNTEN.** Trois fantaisies sur des motifs favoris de l'opéra. Martha. Op. 166 № 1 2. 3. Chaque (1 p. 15 к.)
- KULLAK.** Fantaisie sur l'opéra: le Camp de Silesie. Op. 30 (2 p. 30 к.)
- MENDELSONN.** Andante et variations. Op. 83 (2 p. 58 к.)
- ROSELLEN.** La Fée aux roses. Fantaisie (2 p. 30 к.) Le Prophète. Fantaisie. Op. 114 (1 p. 72 к.)
- VOSS.** La Serenade. Op. 61. (1 p. 43 к.)
- WOLFF.** Les deux amis. Douze morceaux faciles à quatre mains, destinés aux pensionnats. Op. 122 № 1 à 12. Chaque (85 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ СКРИПКИ

- DAVID.** Six caprices pour violon seul. Op. 20. (2 p.)
- GHYS.** L'orage, pour violon seul (60 к.)
- KAYSER.** Trente-six études élémentaires et progressives pour le violon, composées exclusivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de Kreutzer (3 p. 43 к.)
- KONTSKI, AP.** Le Rêve d'une jeune fille (60 к.) L'Echo. Caprice-étude (85 к.)
- LEONARD H.** Romance sans paroles (60 к.)

- OPÉRAS ITALIENS.** De Bellini, Donizetti, Verdi, etc. pour le Violon seul: № 1 Lucrezia Borgia. № 2. Lucia di Lammermoor. Chaque (1 p. 15 к.) № 3 Sonnambula, № 4 Norma № 5 Nabuco, № 6 Ernani. № 7 Fille du Regiment. № 8 Linda di Chamounix. № 9 Puritani. № 10 Belisario. № 11 Il Barbiere di Seviglia, № 12. Montecchi et i Capuletti. Chaque (1 p)
- PAGANINI.** Intruduction et variations sur le thème: Ner cor piu non mi sento (1 p 15 к.)
- SOIRÉES DANSANTES** à St. Petersburg. Nouvelle collection de danses favorites, arrangées pour le violon seul. Cah. 1. 2. 3. Chaque (75 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛѢ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО,

ПЯТЫЕ СЪ БОЛЬШИМЪ УСПѢХОМЪ Г-ЖЕЮ ВІАРДО-ГАРЦЕЮ.

- АЛЯБЕВЪ.** Соловей мой соловей (30 к.)
- ВЕРСТОВСКІЙ.** Колокольчикъ (1 р.)
- ВІЕЛЬГОРСКІЙ.** Любила я твои глаза. (40 к.)
- ГЛИНКА М.** Пѣсня и тріо изъ оперы: «Жизнь за Царя» Ахъ! не мнѣ сиротинушкѣ (1 р.)
- ДАРГОМЫЖСКІЙ.** Ахъ ты матушка лихорадушка; комическая пѣсня (40 к.)
Не скажу никому. Романсъ (40 к.) Душечка дѣвица. Пѣсня. (75 к.) Я все еще его люблю! Романсъ (50 к.)
- КАВОСЪ.** Милый мой сердечный другъ (85 к.)
- ШИЛОВСКАЯ.** Зачѣмъ? Романсъ (60 к.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

Н. ПЕЦА, нынѣ **Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,**

въ *Большой Морской, въ домъ Лауферта.*

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе нотъ не менѣ, какъ на три руб. сереб. получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣ, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ Н. Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преисъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Преисъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

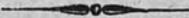
№ 5.

МНОГО ШУМА ИЗЪ ПУСТЯКОВЪ.

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВИИ.

Соч. А. А. ЯБЛОЧКИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЖАКЪ СИЛЛОНЕ, 58 лѣтъ.

АВРОРА СИЛЛОНЕ, жена его, 42-хъ лѣтъ.

ЛУИЗА, дочь ея, отъ перваго мужа.

ПОЛЬТРОНЪ, стряпчій, 53-хъ лѣтъ.

КОКО ПОЛЬТРОНЪ, сынъ его, 21 года.

РОЗА, служанка **АВРОРЫ**.

СЛУГА.

КУЧЕРЪ.

СЛУГИ И СЛУЖАНКИ.

Г. Мартиновъ.

Г-жа Яблочкина.

Г-жа Читау.

Г. Самойловъ.

Г. Марковецкій.

Г-жа Гринева.

Г. Волковъ.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Силлоне, недалеко отъ Парижа.

Театръ представляетъ комнату, хорошо убранную. Направо отъ зрителей, на первомъ планѣ, диванъ, а подлѣ столъ и стулъ; на столѣ нѣсколько баночекъ съ ярлыками, бутылка, большая тетрадь и маленькіе вѣсы. Налѣво на первомъ планѣ каминъ и на немъ часы, подлѣ кресло и столикъ. На второмъ планѣ дверь на балконъ. У задней стѣны шкафъ съ книгами.

I.

АВРОРА сидитъ въ креслахъ, съ книгою въ рукахъ. **СИЛЛОНЕ**, на другой сторонѣ, сидитъ за столомъ и вѣщаетъ на вѣскахъ порошки.

АВРОРА (*бросая книгу на столъ*). Скоро семь часовъ, а Луизы все еще нѣтъ. Это странно!..

СИЛЛОНЕ. Семь да одиннадцать, боюсь какъ-бы не переложить... (*Глядитъ въ тетрадь*). Семь, да одиннадцать.

АВРОРА. А все вы виноваты! Говорила: поѣзжайте и привезите ее изъ Парижа сами, такъ нѣтъ, какъ можно разстаться съ глупостями!..

СИЛЛОНЕ. Душечка, я вѣдь для тебя остался: ты еще несовѣтъ оправилась послѣ болѣзни. Не хочешь ли, дружочикъ, принять микстурки, которую я для тебя составилъ?..

АВРОРА. Ахъ, пожалуйте, отстаньте. Сами же были причиною моею болѣзни: не поѣхали со мною въ Парижъ. Я увѣрена, что со мною не сдѣлалось бы дурно, еслибъ подлѣ меня былъ какой-нибудь мужчина!.. Не могу вспомнить безъ ужаса тогдашняго моего положенія!.. Испугавшись чего-то, лошади понесли мою коляску... кучеръ со страху потерялъ возжи, лакей тоже растерялся, а я лишилась чувствъ... Когда я пришла въ себя, около меня хлопоталъ какой-то любезный молодой человекъ. Я такъ перепугалась, что даже позабыла поблагодарить его и узнать, кто онъ такой; однакожь замѣтила, что онъ очень хорошъ собою. (*Всторону, вздыхая и поглядывая на мужа*). Какая раз-

ница!.. (Со вздохомъ, обращаясь къ Силлоне). Жакъ, послушайте! мнѣ теперь полегче, и вамъ надобно съѣздить въ Парижъ.

СИЛЛОНЕ (не слушая). Семь да одиннадцать...

АВРОРА. Это однакожъ несносно! Вы, просто, не слышите, что вамъ и говорить!..

СИЛЛОНЕ. Слышу... семь... слышу, душечка! не мѣшай... семь... семь... да... Ну, вотъ и сбила!.. Боже мой! тутъ дѣло идетъ о жизни человѣческой, а она пристаётъ съ пустяками!

АВРОРА (вспыхнувъ). Что такое? Какъ, я вамъ говорю о себѣ, о нашей дочери, а вы называете это пустяками! Если я еще разъ услышу подобную фразу, я перебью и переколочу все ваши банки и стклянки! Отвѣчайте мнѣ, когда вы опять поѣдете въ Парижъ?

СИЛЛОНЕ. Но зачѣмъ же, душечка? У меня тамъ нѣтъ никакого дѣла.

АВРОРА. Вы должны пригласить кой-кого на свадьбу нашей дочери. Развѣ вы забыли о письмѣ, въ которомъ вашъ другъ Польшонъ уведомляетъ, что онъ и сынъ его будутъ здѣсь сегодня, или завтра.

СИЛЛОНЕ. Но какъ же, мой дружокъ, приглашать гостей, когда Луиза въ глаза еще не видала жениха? Богъ знаетъ, можетъ-быть, они и не понравятся другъ-другу! Я самъ помню сына Польшона только ребенкомъ, лѣтъ пяти; а потомъ мнѣ не случилось его видѣть; онъ воспитывался въ Лионѣ, у богатаго дяди... какъ знать, можетъ-быть, уродъ, или набитый дуракъ!

АВРОРА. Въ такомъ случаѣ бѣдная Луиза будетъ не очень счастлива. (Силлоне хочетъ говорить). Пожалуйста, не спорьте, я это знаю по опыту. Но это всторону; дѣло вотъ въ чемъ: М-ше Дюлу пишетъ ко мнѣ, что Луиза въ послѣднее время очень перемѣнилась; стала задумчива, разсѣянна; что какой-то молодой человѣкъ крѣпко за нею ухаживаетъ и безпрестанно вертится у ихъ оконъ. Онъ даже подкупилъ служанку, чтобъ та передала Луизѣ записку, но мадамъ Дюлу удалось перехватить посланіе. Это было объясненіе въ пламенной любви, Вотъ причины, заставляющія меня взять Луизу домой и стараться поскорѣе выдать ее за мужъ... И такъ вы должны отправиться въ Парижъ. Во-первыхъ, это необходимо, во-вторыхъ, недалеко, а въ третьихъ, вы дѣлаетесь гораздо любезнѣе, когда пріѣзжаете оттуда! (Силлоне переливаетъ микстуру изъ сткляночки въ бутылку). Вы тутъ опять что-то сочиняете.

СИЛЛОНЕ. Да, душечка, это для больнаго, который страдаетъ бессонницей. Принимать два раза въ день по столовой ложкѣ.

АВРОРА. Я удивляюсь, что находятся еще дураки, которые поз-

воляютъ вамъ лечить себя! Право, я того и смотрю, что вы кого-нибудь уморите и васъ поташутъ въ судъ. (*Шумъ экипажа*). А, вотъ наконецъ и Луиза! Насилу-то!

СИЛЛОНЕ (*всыпая порошокъ въ бутылку и не слушая, что говоритъ жена*). Готово!.. кажется, не переложилъ? (*Идетъ къ шкафу и ставитъ бутылку на верхнюю полку*).

II.

ТѢЖЕ И ЛУИЗА.

ЛУИЗА (*вбѣгая*). Вотъ и я! (*Бросаясь на шею къ матери*). Здравствуйте милая, добрая маменька! (*Обращаясь къ Силлоне*). Bonjour, rara? Развѣ вы не хотите поцѣловать меня, мой добрый папаша?..

СИЛЛОНЕ (*цѣлуя ее*). Здравствуй, Луизочка, здравствуй, мой ангель! (*Всматриваясь ей въ лицо*). Ты что-то блѣдна? должно быть отъ утомленія, съ дороги? Не хочешь-ли, душенька, я дамъ тебѣ новоизобрѣтенныя мною пилюльки? Ихъ надобно принимать какъ успокоительное....

АВРОРА (*перебивая*). Оставьте ее въ покоѣ; вы опять съ глупостями! (*Обращаясь къ Луизѣ*). Отчего вы прѣхали такъ поздно?

ЛУИЗА. Ахъ, тапан, не повѣрите, какъ мнѣ было тяжело разстаться съ подругами, которыхъ я такъ любила и которыя плакали, провожая меня. Глядя на нихъ, я сама расплакалась, какъ дитя! — а вѣдь я ужъ не дитя, тапан, не правда-ли? Вѣдь мнѣ шестнадцать лѣтъ! Я бы и теперь еще не собралась, еслибъ Роза не стала торопить меня, говоря, что вы и папѣ будете беспокоиться.

АВРОРА. Признаюсь, мнѣ и то казалось страннымъ, что вы такъ долго не ѣдите.

III.

ТѢЖЕ, КУЧЕРЬ И СЛУГА, несутъ большой ящикъ.

СЛУГА (*обращаясь къ г-жѣ Силлоне*). Сударыня, тутъ барышнинны вещи, куда прикажете поставить?

АВРОРА. Поставьте покуда хоть сюда. (*Указываетъ на мѣсто у дверей балкона*).

СЛУГА. Слушаю-съ. (*Кучеру*). Ну-ка ты, поворачивайся! (*Ставятъ ящикъ къ дверямъ балкона; Аврора подходитъ къ Силлоне, который собираетъ со стола вѣски, коробочки, и проч.*)

СЛУГА (*Луизъ*). Мамзель Луиза, вамъ вельно передать записочку.
(*Отдаетъ*)

ЛУИЗА. Мнѣ? отъ кого?

СЛУГА. Какой-то бѣлокурый молодой человекъ...

ЛУИЗА. Тсъ!.. (*Прячетъ записку въ карманъ*).

АВРОРА (*Силлоне*). Мнѣ нужно отдать здѣсь кой-какія приказанія, а вы проводите Луизу въ ея комнаты. (*Обращаясь къ Луизъ*). Ты ихъ не узнаешь, они отдѣланы совершенно заново. (*Тихо Силлоне*). Ничего не говорите ей о женихѣ; теперь еще не время.

ЛУИЗА. Пойдемте, папа, я готова.

СИЛОНЕ. Пойдемъ, пойдемъ, дружечикъ! Кстати, я покажу тебѣ мой гербарій съ рѣдкими цѣлебными травами.

АВРОРА. Прошу васъ только не подбивать ими Луизу.

ЛУИЗА (*про себя*). Вѣрно записочка отъ моего хорошенькаго незнакомца; посмотримъ, что онъ пишетъ.

СИЛОНЕ. Пойдемъ же, Луизочка. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

IV.

АВРОРА И СЛУГА.

АВРОРА (*обращаясь къ слугѣ*). Гдѣ же Роза? отчего ее нѣтъ здѣсь до-сихъ-поръ?

СЛУГА. Мамзель Роза переноситъ изъ экипажа барышнины вещи.

АВРОРА. Позови ее сюда.

СЛУГА. Слушаю-сь. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

V.

АВРОРА И КОКО, въ ящикѣ.

АВРОРА (*смотря на ящикъ, который принесли слуги*). Этотъ ящикъ здѣсь вовсе не у мѣста; надо приказать, чтобъ его перенесли въ комнату Луизы; можетъ-быть, ей что-нибудь и понадобится отсюда. (*Подходя къ ящику*). Что тутъ такое? (*Поднимаетъ крышу и въ ужасъ отскакиваетъ прочь*). Ахъ, Боже мой! Тутъ кто-то сидитъ!.. (*Бросаясь къ дверямъ*). Люди! люди!..

КОКО (*показываясь изъ ящика; платье его въ пыли, волосы въ беспорядкѣ*). Сударыня! прошу васъ, успокойтесь! Вотъ попался въ западню! (*Узнавъ Аврору*). Что я вижу! Да это моя старуха!..

АВРОРА (также узнавъ его). Мой хорошенькій незнакомец? Ахъ дурно!..

КОКО (выскакивая изъ ящика). Часъ отъ часу не легче! (*Блѣлая по комнатѣ*). Нѣтъ ли здѣсь спирту, или воды?.. Чтò у меня за несчастныя встрѣчи съ этой госпожей: все приходится оттирать ее!

АВРОРА (томно, какъ бы приходя въ себя). Гдѣ я?

КОКО (всторону). Вотъ вопросъ, который рѣшительно принадлежитъ мнѣ.

АВРОРА. Чтò доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть у себя моего избавителя?

КОКО. Этотъ сундукъ, сударыня.

АВРОРА. Но чтò же за причина? чтò заставило васъ сѣсть сюда?

КОКО. Увы, сударыня! заставила пламенная любовь, а принесли ваши люди. (*Всторону*). Или лучше сказать, меня принесла сюда легкая!

АВРОРА (*кокетничая*). Но къ чему же было такъ рисковать? Вы могли задохнуться отъ недостатка воздуха!

КОКО. О! это пустяки, сударыня! Воздухъ для меня вещь второстепенная! Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я дышу одною любовью. (*Всторону*) Какое глупѣйшее положеніе! Какъ-бы улизнуть отсюда...

АВРОРА (*кокетничая*). Но, послушайте, сударь, вѣдь я замужемъ!..

КОКО (*не понимая*). Такъ чтò-же, сударыня?

АВРОРА. Но, вы кажется сказали... я право не знаю...

КОКО (*догадавшись*). Эге!.. да она принимаетъ на свой счетъ!..

АВРОРА. Однакоже васъ могутъ увидѣть. Прошу васъ, спрячьтесь опять въ этотъ ящикъ; я сейчасъ прикажу людямъ вынести его въ садъ, а оттуда вамъ будетъ уже не трудно уйти. Если васъ увидятъ, объ насъ Богъ знаетъ чтò могутъ подумать!.. Однако же, я надѣюсь, что вы насъ посѣтите въ другое время! Мнѣ будетъ весьма пріятно видѣть моего избавителя. Мужъ мой слышалъ о васъ, онъ вамъ очень благодаренъ: онъ у меня предобрый! (*Приспѣвалъ*). Садитесь же поскорѣе. (*Дѣлая глазки*) До скораго свиданія, не такъ-ли? (*Уходя*). Ахъ какое романическое приключеніе! (*Уходитъ, поглядывая на Кокко*).

VI.

КОКО одинъ.

КОКО (*поглядывая вслѣдъ Аврорѣ*). Ай-да старуха! молодець!.. Какова? (*Осматриваясь*). Однако куда же я попалъ? думалъ очутиться

у миленькой Луизы, а напалъ на... брѣ... Кто же эта старуха? тетка, мать, бабушка, что ли? Она мнѣ велѣла опять влѣзть въ сундукъ... ни за что! я и то тамъ чуть не задохся... Фу! какъ въ горлѣ пересохло... Однако надо же на что-нибудь рѣшиться? Въ ящикъ я рѣшительно... ни ногой; пусть тащатъ его, куда ходить... однако пустой-то, онъ будетъ очень легокъ, могутъ догадаться, что тамъ ничего нѣтъ... чѣмъ бы набить его?.. (Осматриваясь и замѣчая шкафъ съ книгами). Ахъ, вотъ! чего же лучше (Перетаскиваетъ книги и складываетъ въ ящикъ). Набью его всякою мудростию, а самъ еще попытаю счастья!.. авось мнѣ удастся поговорить съ Луизой. Я ей переслалъ записочку, въ которой увѣдомляю, что Коко и его пламенная любовь сидятъ въ ея старомъ сундукѣ. (Шумъ). Идутъ! спрячемся!.. (Прячется за гардину).

VII.

КОКО, спрятанный, РОЗА И СИЛЛОНЕ.

РОЗА (входя). Увѣряю васъ сударь, что я совершенно здорова.

СИЛЛОНЕ. Фу, какая глупая! Что тебя убудетъ, если ты примешь двѣ — три пилюльки?.. Это новозобрѣтенныя мною, они имѣютъ успокоительное свойство, и мнѣ хотѣлось-бы попробовать на тебѣ.

РОЗА (перебивая). Нѣтъ ужъ увольте, сударь, зачѣмъ же! Я помню, какъ вы, прошлое лѣто, цѣлые пять дней ѣли одно только сѣно, увѣряя, что это очень вкусная пища и что человѣкъ безъ вреда можетъ ею питаться... Помните, что съ вами сдѣлалось? Вы чуть не умерли и прохворали-потомъ цѣлый мѣсяць.

СИЛЛОНЕ (сердясь). А отчего я сдѣлался нездоровъ? Оттого, что на шестой день, жена запретила давать мнѣ сѣно. Я увѣренъ, что еслибъ я поѣлъ его дней десять, я совершенно привыкъ бы къ нему.

КОКО (за гардиной). Вотъ сумасшедшій-то.

РОЗА. Не знаю-съ, но у меня вовсе не такой желудокъ, а потому я не хочу пробовать и пилюль вашихъ. Гдѣ же барыня? Она приказала позвать меня сюда... (Увидя сундукъ). Ахъ, Боже мой! зачѣмъ они притащили сюда этотъ сундукъ... его надобно отнести внизъ; барыня вѣрно за тѣмъ и звала меня, чтобы убрать его. (Пробуя сдвинуть сундукъ). Фу, какой тяжелый! (Обращаясь къ Силлоне). Потрудитесь, сударь, помочъ мнѣ вдвинуть его покуда, хоть на балконъ.

СИЛЛОНЕ. Изволь, помогу, только съ уговоромъ: прими пилюльку; право это будетъ тебѣ полезно!..

РОЗА (всторону). Вотъ присталъ-то. (Вслухъ). Такъ и быть, при-

ну; только поставимте прежде сундукъ. (*Всторону*). Какъ-же, дожидайся!

СИЛЛОНЕ (*двигая сундукъ*). Осторожнѣе Роза; балконъ очень ветхъ; я все собираюсь передѣлать его, и сегодня совѣтовался объ этомъ съ архитекторомъ; онъ не совѣтуетъ даже и ходить по балкону.

РОЗА. Ничего-съ! тутъ все дрянь, да еще барышнины книги и похвальные листы. (*Вдвигаютъ сундукъ на балконъ*).

СИЛЛОНЕ (*вынимая изъ кармана коробочку съ пилюлями*). Ну-ка, отвѣдай.

РОЗА (*со смѣхомъ*). Съ чего жъ вы взяли? я пошутила!

СИЛЛОНЕ (*съ досадою*). А!.. такъ ты такъ-то!.. (*Слышенъ трескъ на балконъ и шумъ паденія чего-то въ воду*).

РОЗА. Это что такое?

СИЛЛОНЕ (*бросаясь къ балкону*). Ну, такъ и есть: обвалился! Я говорилъ тебѣ, негодная, что балконъ очень плохъ; вотъ теперъ и вытаскивай сундукъ изъ пруда, какъ знаешь!

КОКО (*за гардиной*). Хорошъ бы я былъ, еслибъ сидѣлъ въ сундукѣ!

РОЗА. Чѣмъ же я то виновата, сударь?

VIII.

ТѢЖЕ, АВРОРА и двое слугъ.

АВРОРА (*входя и обращаясь къ лакеямъ*). Возьмите этотъ сундукъ и вынесите въ садъ, въ бесѣдку. (*Видя, что сундука нѣтъ*). Гдѣ же онъ, куда его убрали?

СИЛЛОНЕ. Ящикъ-то? Я, душенька...

РОЗА. Сударыня... мы ей-ей не ожидали...

АВРОРА (*всторону съ испугомъ*). Неужели они знаютъ... Чего ты не ожидала!.. Я спрашиваю, гдѣ сундукъ?..

РОЗА. Сударыня, я думала прибрать его... и потому...

АВРОРА. Ну!

РОЗА. Попросила барина помочь мнѣ...

АВРОРА. Кончишь ли ты, негодная!..

РОЗА. Помочь мнѣ, поставить сундукъ на балконъ...

АВРОРА (*идя къ дверямъ балкона*).. Такъ онъ на балконѣ?..

РОЗА. Да-съ, но балконъ-то провалился...

АВРОРА (*которая подошла къ дверямъ балкона, останавливается во ужасъ*). Провалился!.. и сундукъ... (*Отворивъ дверь*).

Въ пруду!.. утонулъ!.. ахъ, дурно, дурно! (*Слуги подхватываютъ ее на руки и сажаютъ въ кресло*).

КОКО (*за гардиной*). Ха! ха! ха, Ну, ужъ теперь я не пойду оттирать ее.

СИЛЛОНЕ (*хлопочетъ около Авроры*). Дружочикъ мой! жизнечекъ! успокойся, приди въ себя; можно ли такъ пугаться изъ-за такой бездѣлицы...

АВРОРА (*вскакивая*). Бездѣлицы!.. Опъ говоритъ бездѣлицы!.. Варваръ! вѣдь тамъ... Ахъ! опять схватило!.. (*Падаетъ въ кресло*).

СИЛЛОНЕ. Однако, вѣрно въ сундукѣ была одна изъ любимыхъ ею вещей?.. (*Хлопочетъ около жены Коко тихо смеется*).

СИЛЛОНЕ (*оборачиваясь къ Розѣ, съ гнѣвомъ*). А ты еще подеешься!

РОЗА. Помилуйте, сударь, я и не думала!

АВРОРА (*тошно*). Ахъ, какое ужасное происшествіе!.. Но, Боже мой! Чего же вы ждете, сударь? Надо подать ему помощь; можетъ-быть, еще не поздно. Прикажите искать въ пруду... Несчастный! Такая страшная смерть! (*Закрываетъ лицо руками*).

СИЛЛОНЕ (*въ попыткахъ*). Пьеръ! скорѣе... на помощь... сундуку. (*Слуга стоитъ, розиня ротъ*). Разбойникъ! пойдешь ли ты! (*Слуга бѣжитъ, и столкнувшись въ дверяхъ съ Луизою, падаетъ*).

IX.

ТѢМЪ, кромѣ слуги, и **ЛУИЗА**.

ЛУИЗА. Милая маменька, я пришла поблагодарить васъ... (*Увидя Аврору*). Боже мой! что съ вами случилось? вы нездоровы!..

КОКО (*изъ-за гардинъ*). Мать Луизы!.. Ай, плохо!..

АВРОРА. Да, мой другъ, ужасное происшествіе такъ подѣйствовало на мои нервы, что я чувствую себя очень не хорошо! Пойду, лягу въ постель... Ахъ, несчастный!.. я не могу вспомнить безъ ужаса!..

(*Встаетъ, опираясь на руку лакея*).

СИЛЛОНЕ. Авророчка, дружечикъ! не хочешь ли принять моихъ пилюлекъ? они бы очень тебѣ помогли.

АВРОРА (*съ истерическимъ крикомъ*). Подите отъ меня прочь! Видѣть тебя не могу! чудовище! убійца...

(*Уходитъ, поддерживаемая лакеемъ*).

СИЛЛОНЕ (*стоитъ въ ошолбененіи*). Что, что такое она говорить. Ужъ она не того ли, не свихнула-ли? (*Вертитъ пальцемъ около лба*).

ЛУИЗА. Не беспокойтесь, папа, я сейчас пойду къ ней. (*Оглядываясь*). Я пришла только посмотреть, куда поставили мой сундукъ съ книгами?

СИЛЛОНЕ. Тфу, прахъ побори!.. мнѣ прожужжали уши этимъ негоднымъ сундукомъ!.. (*Отходитъ*).

ЛУИЗА (*тихо Розѣ*). Роза, я получила записочку отъ того молодого человѣка, о которомъ я говорила тебѣ дорогою. Вообрази, какая смѣлость: онъ прѣехалъ вмѣстѣ съ нами.

РОЗА. Неужели!.. ахъ какой повѣса! да гдѣ же онъ помѣстился?

ЛУИЗА. Представь себѣ... въ моемъ сундукѣ.

РОЗА (*со страхомъ*). Въ вашемъ сундукѣ! (*Всторону*) Ай, батюшки! Что же я сдѣлала!..

ЛУИЗА. Тсъ!.. Тше! Что ты кричишь! Постарайся его выпустить оттуда; скажи ему, что безумно прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, чтобъ видѣть меня! Распорядись-же, а я отправлюсь къ маменькѣ. (*Уходя*). Я до-тѣхъ-поръ не буду спокойна, пока не узнаю, что онъ ушелъ отсюда. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Х.

РОЗА, СИЛЛОНЕ И КОКО, спрятанный. Во-время предыдущей сцены, Кoko несколько разъ порывался уйти, но Силлоне садится на стулъ подлѣ гардины, такимъ образомъ, что Кoko никакъ не можетъ выйти, не бывъ замѣченъ.

РОЗА (*по уходъ Луизы, въ ужасъ*). Сидѣлъ въ сундукѣ!.. А сундукъ-то въ пруду! Я его утопила! Боже мой, что же сдѣлають со мною за это!.. Ахъ, сударь! знаете-ли, что мы уронили въ воду-то?

СИЛЛОНЕ. Сундукъ, и пусть онъ пропадетъ вмѣстѣ съ тобою! Ты мнѣ надоѣла, слышишь-ли!

РОЗА. Но вѣдь въ сундукѣ-то былъ спрятанъ человѣкъ!..

СИЛЛОНЕ (*оторопльзъ*). Что!!! что такое! Откуда онъ попалъ въ сундукъ? Ты говорила, что тамъ похвальные листы?..

РОЗА. Ахъ, сударь! я тогда и сама не знала, что тамъ сидитъ мужчина.

СИЛЛОНЕ. Такъ вотъ съ чѣмъ являются дѣвицы изъ Парижа! Славные аттестаты, нечего сказать! прекрасно!

РОЗА. Но вѣдь если отыщутъ утопленника въ пруду; люди докажутъ на насъ, скажутъ, что мы его туда бросили.

СИЛЛОНЕ (*оробльзъ*). Батюшки! что же намъ дѣлать? Они, я думаю, ужъ ловятъ его въ пруду (*Подбѣгая къ дверямъ балкона, кричитъ*). Остановитесь, перестаньте, не нужно! бросьте ступайте прочь!.. (*Въ*

то время, какъ Силлоне подбѣгаетъ къ балкону, Коко показывается изъ-за гардины).

КОКО. Я думаю, теперь можно убраться отсюда!.. (*Бѣжитъ къ дверямъ и роняетъ стулъ*).

РОЗА (*увидя Коко*). Ахъ!

СИЛЛОНЕ (*оборачиваясь, видитъ Коко, оторопѣвъ*). Милостивый государь!.. вы зачѣмъ?.. кто вы такой?..

КОКО (*всторону*). Проклятая неловкость! (*Раскланиваясь*). Мое почтеніе... честь имѣю...

СИЛЛОНЕ (*пятясь отъ него*). Очень пріятно! (*Розъ*) Не воръ-ли это?

РОЗА. Что вамъ угодно, сударь?

КОКО. Мнѣ-съ?.. Гмъ!.. я... я искалъ дверь; здѣсь очень темно.

СИЛЛОНЕ. Точно, все это очень темно, и если вы не объясните, такъ я позову людей, чтобъ вамъ посвѣтили съ лѣстницы. (*Дѣлаетъ выразительный жестъ*). Понимаете?..

КОКО (*струся*). Зачѣмъ беспокоиться... Я самъ могу... Мое почтеніе!

СИЛЛОНЕ. Ни съ мѣста... Скажете ли вы мнѣ, какъ васъ зовутъ и зачѣмъ вы пришли сюда?

КОКО (*всторону*). Отъ него не отвяжешься! (*Вслухъ*). Какъ зовутъ... меня то-есть?

РОЗА. Развѣ вы не слышите, — васъ!

СИЛЛОНЕ. Ну, да-съ!

КОКО. Если это васъ такъ интересуесть... меня зовутъ: Коко Польштронъ.

СИЛЛОНЕ (*бросаясь къ нему на шею*). Боже мой, это онъ!..

КОКО { *въбѣстъ*. Что такое?

РОЗА { *въбѣстъ*. Онъ его знаетъ?

СИЛЛОНЕ. Коко! сынъ моего друга, Амедея Польштрона!

КОКО. Стало-быть вы?..

СИЛЛОНЕ. Жанъ-Цезарь-Агамемнонъ Силлоне!

КОКО (*всторону*). Судьба, благодарю! (*Роясь въ карманъ*). Позвольте, у меня есть къ вамъ письмо отъ батюшки.

СИЛЛОНЕ. Я получилъ отъ него одно вчера; впрочемъ, онъ всегда былъ большой писака.

КОКО (*отыскавъ письмо*). Вотъ оно!

СИЛЛОНЕ (*кричитъ*). Роза! подай огня! Садитесь, молодой человекъ, садитесь. (*Коко садится*). А признаться, я васъ принялъ за мошенника!.. Давно ли вы приѣхали?

КОКО. Съ полчаса, небольшое.

СИЛЛОНЕ. Въ дилижансѣ, или кабриолетѣ?

КОКО. Нѣтъ-съ. (*Всторону*). Въ сундукѣ. (*Роза вноситъ свѣчи*).

СИЛЛОНЕ (*Коко, распечатывая письмо*). Вы позволите? (*Коко кланяется, Силлоне начинаетъ читать письмо*).

КОКО (*всторону*). Фу! отъ этой передраги меня даже въ жаръ бросило!.. (*Розъ*). Душечка! Дай мнѣ, пожалуйста, стаканъ воды.

СИЛЛОНЕ. Роза подай изъ шкафа вино.

РОЗА (*беретъ изъ шкафа бутылку и стаканъ и ставитъ на столъ*).

СИЛЛОНЕ (*читаетъ письмо и почти несмотря наливаетъ изъ бутылки въ стаканъ*). Прошу покорно.

КОКО (*взявъ стаканъ*). Благодарю васъ, сударь. (*Съ жадностію пьетъ*). Тфу! Что это такое? Какая-то микстура! Чего это вы мнѣ закатали? Фу, какая мерзость!.. (*Плюетъ*).

СИЛЛОНЕ. А! что вы говорите? (*Оборотясь и увидя бутылку*). Караулъ!.. Разбойница! Гдѣ ты взяла бутылку! Гдѣ!

РОЗА. Въ шкафу, какъ вы приказали.

СИЛЛОНЕ (*бѣгая по комнатѣ*). Этого только не доставало! Злодѣйка! Вѣдь ты отравила его!.. (*Указываетъ на Коко, тотъ вскакиваетъ въ ужасъ*).

КОКО. Что!.. Что-о такое!.. Что за глупыя шутки. (*Трясаясь отъ страха*). Полноте... Что вы это!..

СИЛЛОНЕ. Сколько вы выпили? Говорите, сколько вы выпили?

РОЗА. Вы налили ему цѣлый стаканъ...

СИЛЛОНЕ. Цѣлый стаканъ! О ужасъ! Я отравилъ его. (*Подбѣгая къ Розѣ*). Развѣ ты не слышишь, несчастная! Мы его отравили!.. (*Подбѣгая къ Коко*). Молодой человекъ, вы отравлены!..

КОКО (*съ ужаснѣйшемъ страхомъ, почти плача*). Неужели это правда? Послушайте! Ну что же это за шутки!.. Господинъ... какъ бишь васъ... Г. Ахиллесъ, признайтесь, вы пошутили? А? вѣдь вы пошутили?.. Ай! ой, ой, ой! ведеть! ей-ей ведеть... Караулъ! Я отравленъ!.. Помогите! помогите!.. (*Стонетъ*).

РОЗА. Ахъ, я умру со страху!..

СИЛЛОНЕ (*теребя себя за волосы*). Другой! Другой! Въ одинъ день два убійства! Га!.. Это уже слишкомъ!..

КОКО. Ахъ, какъ кружится голова... мнѣ дурно!.. Что жъ ты стойшь, злодѣй! Дай мнѣ хоть каплю молока, отравитель!.. Ахъ, дурно!.. Въ глазахъ позеленѣло... темно... умираю... умир...а...ю...

(Остается въ креслахъ безъ движенія. Силлоне бѣгаетъ по сценѣ, какъ бы въ помѣшательствѣ. Роза тоже бѣгаетъ за нимъ и плачетъ).

СИЛЛОНЕ. Судь! Эшафотъ! Несчастныя жертвы, вы теперь тамъ, взываете объ отмщеніи вашимъ убійцамъ!

РОЗА (плача и хватая Силлоне за руку). Г. Силлоне, неужели и меня накажутъ?

СИЛЛОНЕ (оборачиваясь къ ней). А! это ты, отравительница! Лукреція Борджіа! Змѣй-искуситель!.. Это ты подсунула мнѣ бутылку!.. Посмотри, полюбуйся на свою жертву; взглядишь въ это блѣдное, страшное лицо, искаженное страданіями. Это дѣло рукъ твоихъ!.. И она еще спрашиваетъ! (Передразнивая). «Накажутъ ли меня, сударь?» Убьютъ! Зароютъ живую въ землю, и тогда ты умрешь голодною смертію. Поведутъ на казнь! А, что? струсила!.. струсила, отравительница!..

РОЗА (трлясь отъ страха). Но вѣдь и вы, сударь...

СИЛЛОНЕ (грозно). Женщина! не раздражай меня! Я чувствую, что внутри у меня происходитъ что-то необыкновенное: я начинаю алкать крови и убійствъ!.. Одного утопилъ, другаго опоилъ, мнѣ ничего не стоить задушить тебя! (Роза пятится отъ Силлоне). Да! удавлю, да и конченъ балъ! и все тебѣ тутъ, за одно отвѣчать буду...

РОЗА. Ради Бога, успокойтесь, сударь; можетъ-быть, намъ удастся скрыть умершаго, и тогда мы спасены, не правда ли...

СИЛЛОНЕ (плача). Розочка! голубушка! Не обращай на меня вниманія, я совершенно обезумѣлъ отъ страха, дѣлай, что знаешь. (Роза бѣжитъ и запираетъ дверь). Несчастный! ожидалъ ли я сегодня сдѣлаться убійцею! Нѣтъ, чувствую, что я не рожденъ быть докторомъ. (Указывая на Коко). Розочка, что жъ намъ дѣлать съ мертвецомъ-то? Куда мы его дѣнемъ? Бултыхнуть развѣ и его въ прудъ? (Шумъ за кулисами и стукъ въ дверь).

РОЗА. Ахъ, сударь! Не узнали ли объ убійствѣ? не комисаръ ли?

АВРОРА (за сценою). Силлоне! Силлоне! Да отворишь ли ты! (Стучитъ).

СИЛЛОНЕ (бросаясь изъ стороны въ сторону, какъ уорпльый). Розочка, пособи! Сбросимъ его съ балкона...

РОЗА (смотритъ вниз). Невозможно, сударь. У пруда стоитъ цѣлая толпа народа; кажется, они вытащили сундукъ.

СИЛЛОНЕ. Вытащили! Все кончено, насъ сейчасъ потащутъ въ судъ!.. (Падаетъ въ кресло).

АВРОРА (за дверями). Что жъ! отворишь ты мнѣ сегодня, или нѣтъ? (Стучитъ).

СИЛЛОНЕ. Ай, ай! это жена! Что она подумает!..

РОЗА. Скорѣ сударь, скорѣ! Спрячемъ его покуда хоть подъ диванъ; потомъ можно будетъ его вытащить... (*Тащатъ Коко и прячутъ подъ диванъ*).

АВРОРА (*все стучитъ*). Силлоне! Я вѣдь знаю, что ты тутъ заперся! Если ты не отворишь, я велю сломать дверь. (*Стучитъ*).

СИЛЛОНЕ (*въ попыткахъ*). Сейчасъ, сейчасъ, душечка! (*Бьются и отворяетъ дверь*).

XI.

ТѢЖЕ и АВРОРА.

АВРОРА (*быстро войдя, осматривается и видитъ Розу*). Что я вижу! Зачѣмъ вы здѣсь? (*Обращаясь къ Розѣ*). А ты смиренница, что тутъ дѣлаешь, какія штуки выкидываетъ! Пстой-же, я съ вами раздѣлаюсь! Еще вздумали обманывать, — я думала какія рѣдкости въ сундукѣ, а тамъ нашли твои дурацкія латинскія книги! Черезъ васъ я и Лунзу перепугала, и та чуть не захворала... Мы тамъ ищемъ въ пруду, а онъ себѣ здѣсь. Ну, да постойте же голубчики. Узнаете, каково смѣяться надо мною! (*Силлоне и Роза хотятъ говорить*). Шт... ни слова! Расквитаемся послѣ, а теперь извольте принимать гостей; къ намъ пріѣхалъ г. Польшронъ.

СИЛЛОНЕ (*въ отчаяннн*). Этого только не доставало!

АВРОРА. Онъ уже выходитъ на лѣстницу... Смотри же, какъ-будто между нами ничего не было!..

СИЛЛОНЕ (*трясаясь отъ страха*). Отецъ Коко! О, ужасъ!..

XII.

ТѢЖЕ и ПОЛЬТРОНЪ.

ПОЛЬТРОНЪ (*входя весело*). Силлоне! Дружище! Здравствуй, братецъ, здравствуй!.. Что жъ ты не обнимаешь меня? Отчего у тебя такая кислая физиономія? Пилюль что-ли своихъ намотался, или не радъ гостю? а?

СИЛЛОНЕ (*обнимая Польшрона*). Что ты это вздумалъ; какъ тебѣ не стыдно! (*Всторону*). Миѣ просто плакать хочется... Несчастннй отецъ! Еслибъ ты зналъ, какую ехидну прижимаешь къ груди своей!

ПОЛЬТРОНЪ. А вы, мадамъ Силлоне, право все хорошеете! Что за свѣжесть! Что за полнота! (*Хлопая Силлоне по плечу*). Счастличикъ ты, Силлоне!

СИЛЛОНЕ (*всторону*). Несчастный! Какъ онъ веселъ. (*Трагически*). Преступленіе проклятое! зачѣмъ мнѣ было суждено совершить тебя!.. О Коко! Коко!..

ПОЛЬТРОНЪ (*смотря съ недоумльнїемъ на Силлоне, говоритъ Авроръ*). Да что онъ у васъ, въ-самомъ-дѣлѣ, точно лимонъ проглотилъ?

АВРОРА. Ахъ ужь, не говорите! Всегда такой, просто ни на что непохоже!..

ПОЛЬТРОНЪ. Ха, ха, ха, ха! (*Молодась*). Ну, нѣтъ! Мы-таки еще не то!.. А что, скажите-ко, мой сынъ у васъ?

СИЛЛОНЕ. Сынъ! Батюшки! Сейчасъ все узнаютъ!..

РОЗА. Я вся дрожу отъ страха! Какъ бы онъ не увидалъ его.

АВРОРА. Вашъ сынъ? Но онъ не прїѣзжалъ; мы его не видали.

СИЛЛОНЕ (*машинально повторяя*). Не видали!..

ПОЛЬТРОНЪ. Не прїѣзжалъ? Это странно!.. (*Силлоне*). Онъ долженъ былъ передать тебѣ письмо... (*Видя что Силлоне все смотритъ подъ диванъ*). Силлоне! Да что съ тобою, братецъ, сдѣлалось? Что ты все смотришь подъ диванъ?

СИЛЛОНЕ (*вздохнувъ*). Я! нѣтъ тебѣ такъ показалось. (*Стараясь улыбнуться, корчитъ рожу*). Я думаю, ловко ли тебѣ будетъ тамъ спать.

ПОЛЬТРОНЪ (*со смѣхомъ*). Подъ диваномъ? неужто ты хочешь уложить меня туда?

СИЛЛОНЕ (*мрачно*). Довольно и одного!..

ПОЛЬТРОНЪ. Кого одного?

АВРОРА. Что ты съ ума сошелъ, что-ли?

СИЛЛОНЕ (*бросаясь на шею къ Полтрону и почти плача*). Полтронъ! Несчастный другъ мой! Пожалѣй меня; я не виноватъ, клянусь тебѣ небомъ, не виноватъ! Это просто, ужасное сдѣяніе обстоятельствъ! Полтронъ, пожалѣй обо мнѣ! (*Плачетъ*).

ПОЛЬТРОНЪ (*Авроръ*). Объясните мнѣ, пожалуйста...

АВРОРА. Пустое! Я очень хорошо знаю, что его такъ пугаетъ. Правду говорить пословица: блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ! Не стоить и говорить объ этомъ!.. Вѣроятно вы устали съ дороги и хотите отдохнуть? Позвольте же пожелать вамъ покойной ночи. Ужинъ вамъ сейчасъ подадутъ сюда.

ПОЛЬТРОНЪ. Благодарю васъ, это лишнее, я никогда не ужинаю, а сплю, какъ сурокъ. До свиданія, Силлоне, надѣюсь, что завтра ты будешь повеселѣе, чѣмъ сегодня. (*Она раскланивается съ Полтро-*

номъ и уходитъ. Силлоне и Роза то-же, поглядывая на диванъ).

ХІІІ.

ПОЛЬТРОНЪ (*ходя*). Что сдѣлалось съ Силлоне? Просто, какъ помѣшанный!.. Онъ такъ страшно таращилъ глаза, такъ уморительно ихъ вывертывалъ, что я едва не расхохотался!.. Чудака!.. Однакожъ, сынокъ мой не бывалъ! Что бы могло задержать его? Ума не приложу!.. (*Коко вздыхаетъ подѣ диваномъ, Полтронъ останавливается и прислушивается*). А!.. Что?.. Мнѣ слышалось, будто кто-то вздохнулъ?.. (*Продолжая ходить*). Меня уведомили, что у моего любезнаго сынка завелась въ Парижѣ какая-то глупая страстишка; отъ этого я и не сказалъ, зачѣмъ посылаю его къ Силлоне; чѣмъ уговаривать сынка, да упрашивать, я рѣшился дѣйствовать по иной системѣ... (*Увидя на столѣ письмо, которое читалъ Силлоне*). Мое письмо!.. Какъ же оно попало сюда? Стало-быть, сынъ мой былъ здѣсь? Отчего же они сказали, что не видали его? Рѣшительно не понимаю, что это значить!.. Гмъ!.. Странно!.. Право странно... Однакожъ, утро вечера мудренѣе, пора и на боковую. (*Гаситъ свѣчи, снимаетъ сюртукъ и ложится на диванъ*). Что такое болталъ мнѣ Силлоне о своей невинности, о какомъ-то сдѣленіи обстоятельствъ?.. Отчего онъ такъ смутился, когда я спросилъ его о сынѣ?.. (*Коко ворочается подѣ диваномъ*). Это еще что?.. Теперь ужъ мнѣ не померещилось, подо мною кто-то ворочается!.. (*Приподнимается и слушаетъ*).

КОКО (*подѣ диваномъ*). Уфъ!..

ПОЛЬТРОНЪ (*быстро вскакивая съ дивана и бросаясь въ другую сторону*). Боже мой!.. Да здѣсь кто-то стонетъ!.. Что это? Куда я попалъ?.. (*Со страхомъ*). Кто тутъ?.. Государь мой!.. Послушайте! Если вы одинъ изъ тѣхъ, которые выгружаютъ чужіе карманы, такъ не угодно ли вамъ вылезть изъ-подѣ дивана, а не то я принужденъ буду закричать караулъ! Гмъ!.. Молчить!.. Ахъ, ужъ не собака ли тамъ?.. Да это вѣрнѣе всего... Фу! ты пропасть! какъ перепугала. Надо ее выгнать оттуда. (*Кличетъ*) Картушъ!.. Ами!.. Медоръ!.. чортъ знаетъ, какая у тебя кличка! Эй, ты болванъ! Иси, иси!.. Не выходить, гадина... а вотъ стой-же... (*Становится на колына и шаритъ рукою подѣ диваномъ*). Ай!!! (*Въ ужаснѣйшемъ страхѣ опрокидывается навзничь*). Тамъ человѣкъ! И кажется мертвый!.. (*Коко чихаетъ. Полтронъ*

вскакиваетъ и перебѣгаетъ на другую сторону). Нѣтъ, живой!.. (Сбираясь закричать). Кар... (Шумъ у дверей). Это еще что? Кто-то отворяетъ дверь... Ну, въ доброе-же мѣстечко я попалъ!.. (Ощупываетъ столъ, подлѣ котораго стоить). Кажется, здѣсь я положилъ палку... А вотъ она!

XIV.

ПОЛЬТРОНЪ, прижавшись къ стѣнѣ; Коко ворочается подъ диваномъ; Силлоне въ плащѣ и Роза съ потайнымъ фонаремъ крадутся осторожно. Вся сцена вполголоса.

СИЛЛОНЕ (*показываясь на порогъ*). Тсъ!..

РОЗА (*голосъ у ней дрожитъ*). Что? спитъ?..

СИЛЛОНЕ. Кажется заснулъ.

РОЗА. Ахъ, сударь! что съ нами будетъ, если насъ поймутъ!.. Меня отъ страха такъ и трясетъ лихорадка.

СИЛЛОНЕ. Смѣлѣе, смѣлѣе! Будь мужчиной! Бери примѣръ съ меня!.. (*Всторону*). Я самъ отъ страха едва держусь на ногахъ. (*Вслухъ*) Не робѣй.

РОЗА. Я боюсь, чтобъ тотъ-то не проснулся.

СИЛЛОНЕ. Не безпокойся, развѣ ты не слышала, онъ самъ говорилъ, что спитъ, какъ сурокъ.

ПОЛЬТРОНЪ (*вслушиваясь въ послѣднюю фразу*). Кажется, рѣчь идетъ обо мнѣ?..

КОКО (*подъ диваномъ*). Фу, какъ жестко! Гдѣ это я?

РОЗА (*ставитъ фонарь у дверей*). Дотащимъ ли мы его до балкона? У меня и такъ мало силы, а отъ страха я потеряла и послѣднюю.

СИЛЛОНЕ. Чего тутъ робѣть? Въ прудъ его, да и концы въ воду!

ПОЛЬТРОНЪ. Ого! Кого это они хотятъ выкупать?

КОКО. Фу, какъ ломить голову, гдѣ это я? Что-то жестко и узко... (*Роза и Силлоне подошли къ дивану*).

РОЗА (*пятясь назадъ*). Ахъ, сударь, кто-то бормочетъ!

СИЛЛОНЕ (*тоже съ робостію, которую, однакожь, старается скрыть*). Дура! Разумѣется не мертвецъ, это вѣрно бредитъ Полтронъ. Ну, помогай же. (*Становятся на колѣна и хотятъ тащить Коко. Полтронъ съ палкою крадется къ среднимъ дверямъ*). Усопшіи братъ, прости намъ смерть твою и позволь отдать тебѣ послѣдній долгъ. (*Хватаетъ Коко за волосы, а Роза за ноги и вытаскиваютъ на авансцену*).

КОКО (*который до этого времени все еще не могъ хорошенько очнуться отъ сильнаго приѣма опиума, почувствовавъ боль и*

появѣ въ чѣмъ дѣло, вскрикиваетъ). Ой, ой, ой! Меня топить! Караулъ! Рѣжутъ! Давятъ!

РОЗА (бросая Коко въ ужасъ). Ай, ай, ай! Мертвецъ ожилъ!..

СИЛЛОНЕ (тоже бѣжитъ на авансцену). Говорить! Говорить!

ПОЛЬТРОНЪ. Ага! попались мошенники! Вотъ вамъ! Вотъ еще, а вотъ и на прибавку! (Бьетъ Коко и Силлоне). Сюда! сюда!.. Ско-рѣй огня!.. Живѣе, пока не ушли. (Ужасный крикъ и суматоха).

XV.

ТѢЖЕ, АВРОРА и ЛУИЗА, въ ночныхъ капотахъ. Слуги и служанки со свѣчами.

АВРОРА (вбѣгая). Чтò такое? Чтò за шумъ? Чтò случилось?..

ПОЛЬТРОНЪ (увидавъ сына). Коко! ты здѣсь!.. Такъ это тебя я такъ отдѣлалъ?..

КОКО (поднимаясь съ полу). Охъ! ой, ой, ой!..

АВРОРА (Коко). Это вы! Ахъ, какая неосторожность!..

СИЛЛОНЕ (лежа на полу). Убилъ!.. Зарѣзалъ!..

ЛУИЗА (вбѣгая). Боже мой! Какой шумъ и крикъ!.. Папенька, чтò съ вами? (Увидя Коко). Ахъ!..

ПОЛЬТРОНЪ (поворачивая Силлоне). Силлоне! Это ты!!!

СИЛЛОНЕ (поднимаясь). Разбойникъ! переломалъ всѣ косточки!.. Охъ!..

АВРОРА. Какъ ты попалъ сюда?

ПОЛЬТРОНЪ. Это я могу вамъ объяснить, сударыня. Вашъ муже-некъ хотѣлъ утопить моего сына, вотъ этого самзго. Честь имѣю представить.

АВРОРА. Его сынъ! Женихъ Луизы!..

СИЛЛОНЕ. Да вѣдь я думалъ, что онъ умеръ; вольно же было ему очнуться!

КОКО (потирая бока). Скажите, пожалуйста, какой добрый! Опоилъ меня какой-то гадостью, запряталъ подъ диванъ, хотѣлъ утопить, да и разсуждаетъ, какъ правый! Вы вѣдь сами признались, что отравили меня! А вотъ эта достойная дѣвушка (Указывая на Розу) была его сообщницей.

РОЗА. Ахъ, сударь, клянусь вамъ нѣтъ; я только подала изъ шкафа бутылку.

АВРОРА. А! я теперь начинаю кое-чтò понимать. У него былъ приготовленъ опиумъ; вѣрно по ошибкѣ, онъ васъ имъ и напоилъ?

КОКО. Да-съ... чуть даже совсѣмъ не опоилъ... Тфу! Не могу вспомнить безъ отвращенія объ этой гадости.

ПОЛЬТРОНЪ. И думая, что ты умеръ, Силлоне хотѣлъ ночью бросить тебя въ прудъ?

КОКО. Кажись, что такъ...

ПОЛЬТРОНЪ. Ха, ха, ха! Ну, братъ, извини, пожалуйста, что я тебя такъ отдѣлалъ! Во всемъ виновата твоя латинская кухня.

СИЛЛОНЕ (*потирая затылокъ, всторону*). Провались она вмѣстѣ съ тобою. (*Вслухъ, подавая ему руку*). Помилуй, что за счеты между друзьями; когда-нибудь сочтемся!

ПОЛЬТРОНЪ. Разумѣется! (*Оборачиваясь и видя, что Коко говоритъ съ Луизой*). Эге! молодежь-то какъ видно уже поладила?

КОКО. Я давно уже имѣю счастье знать мамзель Луизу.

ПОЛЬТРОНЪ. Вотъ какъ! Да гдѣ же вы познакомились?

КОКО. Я очень часто гулялъ мимо оконъ мадамъ Дюлу, и тамъ-то...

АВРОРА. Такъ это про васъ-то она и писала мнѣ!.. (*Всторону*). А я думала, что онъ... (*Вслухъ*). Нечего дѣлать, если такъ случилось...

СИЛЛОНЕ (*подходя къ женѣ*). Авророчка, ты на меня не сердисься?

АВРОРА. Нѣтъ, я на васъ очень зла! Видите, какую кутерьму вы подняли? Я вамъ говорила, что микстуры не доведутъ васъ до добра.

СИЛЛОНЕ. Завтра же велю выкинуть за окошко всю свою аптеку: Нѣтъ, слуга покорный! (*Потирая спину*) Я чувствую...

ПОЛЬТРОНЪ (*смотря на часы*). Однако! пора дать все́мъ покой; я думаю и то надоѣли? Силлоне! ты мнѣ завтра расскажешь о всей этой кутерьмѣ.

СИЛЛОНЕ. Да что тутъ рассказывать; просто: много шуму изъ пустяковъ!..

ХОРЪ:

Нашумѣли мы довольно,
Только будетъ ли въ томъ прокъ?
Ну, какъ на бѣду, невольню
Всѣ заснули подъ шумокъ?..
Если жъ мы вамъ угодили,
Если шутка недурна,
Мы тогда бы попросили,
Чтобъ вы сами проводили
Шумъ нашъ громомъ, господа!

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАВАНІЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРЪ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она ответственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, со **ВСѢМИ** слѣдующими къ нимъ **ПРИЛОЖЕНІЯМИ**.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ *Лыткина.*»